

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛXXXIX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1877.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1877.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXVIII

РЯЗАНСКИЙ
ГОСПЕДУНИВЕРСИТЕТ
ИМ. С. А. ЕСЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Инд. № 091326

Фонд
редких книг

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1877.

Проверено

20 04

г. Рязань ул. Свободы, 46

БИБЛИОТЕКА

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (12-го октября 1876 года). *О наименованіи реального училища, содержащагося на средства церковнаго совѣта евангелическо-лютеранскаго общества въ г. Саратовѣ „Александро-Маріинскимъ“.*

Церковный совѣтъ евангелическо-лютеранскаго общества въ гор. Саратовѣ, на средства коего исключительно содержится преобразованное въ 1873 г. изъ церковнаго Александро-Маріинскаго училища реальное училище, вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія, чрезъ посредство окружнаго начальства съ ходатайствомъ объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на сохраненіе за симъ училищемъ, и по преобразованіи его въ реальное, наименованіи „Александро-Маріинскаго“ въ честь Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, за министра народнаго просвѣщенія, товарища министра, въ Ливадіи, Всемилостивѣйше на сіе соизволилъ.

2. (12-го октября 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Вольскомъ реальномъ училищѣ.*

Фридрихсгамскій купецъ Александръ Кудиновъ представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія одинъ 5% билетъ государственнаго банка, на сумму въ тысячу руб. съ одиннадцатью неотрѣзанными при немъ купонами, съ ходатайствомъ объ учрежденіи, на проценты съ этого капитала, при Вольскомъ реальномъ училищѣ

одной стипендіи имени умершаго коммерціи совѣтника Алексѣя Сапожникова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, за министра народнаго просвѣщенія, товарища министра, въ Ливади, Высочайше соизволилъ: какъ на принятіе пожертвованнаго фридрихсгамскимъ купцомъ Александромъ Кудиновымъ капитала въ одну тысячу руб., такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго при Вольскомъ реальномъ училищѣ одной стипендіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія коммерціи совѣтника Алексѣя Петровича Сапожникова, учрежденная фридрихсгамскимъ купцомъ Александромъ Алексѣевичемъ Кудиновымъ“.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (30-го октября 1876 г.). *Положеніе о стипендіи имени генераль-адъютанта А. П. Хрущева при Омской женской гимназій почетныхъ гражданъ Поповыхъ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, послѣдовавшаго въ 23-й день февраля 1876 года, на проценты съ капитала въ 2.800 руб., собраннаго чинами и сословіями Семипалатинской области, учреждается въ память бывшаго генераль-губернатора Западной Сибири, генераль-адъютанта А. П. Хрущева, при Омской женской гимназій почетныхъ гражданъ Поповыхъ, стипендія его имени для одной воспитанницы сего заведенія, съ полнымъ содержаніемъ ея въ мѣстномъ женскомъ пріютѣ „Надежда“.

2) Означенный капиталъ, по обращеніи въ 5% государственные билеты, причисляется въ спеціальнымъ средствамъ Омской женской гимназій и остается неприкосновеннымъ, а изъ слѣдующихъ съ него процентовъ употребляется: 110 руб. на уплату за годичное содержаніе стипендіатки въ Омскомъ пріютѣ „Надежда“ и 30 руб. за право обученія ея въ гимназій обязательнымъ и необязательнымъ предметамъ.

3) Еслибы стипендіатка обучалась въ женской гимназій однимъ только обязательнымъ, или же не всѣмъ необязательнымъ предметамъ, то могушіе чрезъ это образоваться остатки отъ процентовъ обращаются въ сумму на первоначальное ея обзаведеніе въ означенномъ пріютѣ.

4) Назначеніе стипендіатки преимущественно изъ уроженокъ недостаточнаго состоянія и дочерей служащихъ въ Семипалатинской области, принадлежитъ генераль-губернатору Западной Сибири, по представленію о томъ военнаго губернатора Семипалатинской области.

5) Смѣщеніе воспитанницы со стипендіи за безупѣшность или неодобрительное поведеніе производится по опредѣленіямъ педагогическаго совѣта женской гимназіи, съ утвержденія генераль-губернатора.

2. (25-го ноября 1876 г.). *Положеніе о Константино-Варваринской стипендіи, учрежденной при Московскомъ учительскомъ институтѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 26-й день іюля 1876 года, при Московскомъ учительскомъ институтѣ учреждается стипендія на проценты съ капитала, состоящаго въ одномъ закладномъ листѣ Московскаго земельного банка, на сумму пятьсотъ рублей, пожертвованнаго почетнымъ попечителемъ института, потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Константиномъ Трегьяковымъ.

2) Стипендіи этой присвоивается наименованіе Константино-Варваринской.

3) Капиталь хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Московскаго учительскаго института и составляетъ неотъемлемую собственность сего заведенія.

4) Проценты съ означеннаго капитала, въ количествѣ тридцати рублей, выдаются ежегодно по жребію одному изъ бѣднѣйшихъ, окончившихъ курсъ воспитанниковъ института, кореннаго русскаго происхожденія.

5) Выборъ воспитанниковъ для допущенія къ жребію представляется педагогическому совѣту института.

3. (25-го ноября 1876 г.). *Положеніе о стипендіи имени Вѣры Григорьевны Еалинской, при Рижской женской Домоусовской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 19-й день ноября 1876 г., изъ про-

центовъ съ капитала, пожертвованнаго командиромъ 1-го осаднаго инженернаго парка, полковникомъ Федоромъ Еллинскимъ и состоящаго въ билетѣ на вѣчный вкладъ въ 670 р. изъ 6% въ годъ III-го Рижскаго общества взаимнаго кредита № 16, учреждается при Рижской женской Ломоносовской гимназiи „стипендія имени Вѣры Григорьевны Еллинской“.

§ 2. Означенная стипендія, въ размѣрѣ 40 р. 20 к. въ годъ, производится одной изъ бѣдныхъ и способныхъ дѣвицъ названной гимназiи, отличающейся, по засвидѣтельствованію педагогическаго совѣта гимназiи, хорошими успѣхами въ наукахъ и одобрительнымъ поведеніемъ.

§ 3. Право назначать стипендіатку изъ числа способныхъ ученицъ принадлежитъ попечительному совѣту Рижской женской Ломоносовской гимназiи.

§ 4. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, проценты съ капитала, остающіеся въ эквоніи, также обращаются въ пособіе стипендіаткѣ.

§ 5. Означенный капиталъ въ 670 р., составляя неприкосновенную собственность Рижской женской Ломоносовской гимназiи, хранится, вмѣстѣ съ специальными ся суммами, въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 6. Деньги, выданныя ученицѣ въ счетъ стипендіи, ни въ какомъ случаѣ не возвращаются ею обратно, и стипендіатка не подлежитъ за пользованіе стипендіею никакимъ обязательствамъ.

III. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

30-го октября 1876 года (№ 20). *Утверждается:* ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бекетовъ*—деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 9-го октября 1876 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Янсонъ*—деканомъ юридическаго факультета сего университета, на три года, съ 27-го сентября 1876 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соколовскій*—въ званіи за-

служеннаго ординарнаго профессора сего университета, съ 16-го августа 1876 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Мартенсъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ международнаго права, съ 18-го октября 1876 года.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ финансоваго права *Янжуль* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ финансоваго права, съ 9-го октября 1876 года.

Профессоръ Берлинскаго университета *Ягичъ* — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета по кафедрѣ славянской филологіи.

Исправляющій должность инспектора Сѣдлецкой мужской гимназіи, преподаватель оной *Абрамовичъ* — директоромъ Маріампольской мужской гимназіи, съ 1-го октября 1876 года.

Инспекторъ Одесской первой прогимназіи, надворный совѣтникъ *Пятницкій* — директоромъ Симферопольской гимназіи.

Титулярный совѣтникъ *Рыбчикій* — почетнымъ попечителемъ Ялтинской мужской прогимназіи, на три года, съ 1-го іюля 1876 года.

Исправляющій должность директора народныхъ училищъ Рязанской губерніи *Кормилицынъ* — въ сей должности.

Инспекторъ Пензенской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Ларионовъ* — директоромъ народныхъ училищъ Воронежской губерніи.

Исправляющіе должность директоровъ учительскихъ семинарій: Новинской, коллежскій совѣтникъ *Дейлидовичъ* и Новоторжской, надворный совѣтникъ *Бирановъ* — въ сихъ должностяхъ.

Исправляющій должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, губернской секретарь *Крейтеръ* — въ сей должности, съ 26-го октября 1876 года.

Помѣщики: *Кологривовъ*, *Обросимовъ*, *Библиковъ*, *Завистовскій*, *Риттихъ*, *Римско-Корсаковъ*, *Кариовъ*, кунцы: *Гусаревъ*, *Засѣдателевъ* и *Аксеновъ* — членами попечительства Ливенскаго реальнаго училища, на три года.

Перемѣщается: директоръ Симферопольской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Даль* — директоромъ Керченской Александровской гимназіи.

Оставаются на службу: на два года: директоръ Пермской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Грацинскій*, съ 24-го августа 1876 года.

По 15-е сентября 1879 года: директоръ училищъ Эстляндской губерніи, статскій совѣтникъ *Гальмбекъ*.

На пять мѣтъ: директоръ Одесскаго коммерческаго училища, статскій совѣтникъ *Орбинскій*, съ 17-го августа 1876 года.

Директоръ Кронштадтской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Янишъ*, съ 21-го августа 1876 года.

Директоръ народныхъ училищъ Уфимской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пановъ*, съ 7-го сентября 1876 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соколовскій*, съ 15-го сентября 1876 года.

Директоръ С.-Петербургской третьей гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лемоніусъ*, съ 1-го октября 1876 года.

Продолжается срокъ командировки съ ученою цѣлію: исправляющему должность хранителя ботаническаго кабинета Императорскаго Казанскаго университета *Смирнову* — на одинъ мѣсяць и восемнадцать дней, въ С.-Петербургъ и Дерптъ.

Командируется съ ученою цѣлію: доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра *Хрушовъ* — на три мѣсяца, въ С.-Петербургъ и Москву.

Продолжается срокъ отпуску: ординарному профессору Императорскаго университета св. Владиміра, статскому совѣтнику *Модестову* — на двадцать дней, въ С.-Петербургъ.

Увольняются въ отпускъ за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета *Гофманъ* и экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Андреевскій* — на зимнее вакаціонное время 1876 года.

Учитель Виленской прогимназіи *Пыликинъ* — на два мѣсяца, по болѣзни.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: мировымъ посредникамъ Велижскаго уѣзда: 1-го участка, князю *Друиному-Соколинскому* и 2-го участка, *Горленко* и потомственному почетному гражданину, Ейскому 1-й гильдіи купцу *Мордовцеву* — за усердіе ихъ на пользу народнаго образованія.

Исключается изъ списковъ умершій: директоръ Тульскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Ладовскій*.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книгу: *Cours gradué de langue française à l'usage des classes moyennes et supérieures de gymnases et des écoles*. Par Aimé Guill Kerscoff. Moscou 1873. Цѣна 1 руб.—допустить какъ учебное пособие при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

2) Изданіе: „Систематическій атласъ растений“, составленный И. Г. Гюбнеромъ и содержащій на 32 таблицахъ 400 видовъ растений и 200 рисунковъ, съ отдѣльнымъ (краткимъ пояснительнымъ) текстомъ. С.-Пб. 1876 г. Цѣна 3 руб.—признать прекраснымъ пособиемъ при преподаваніи ботаники въ реальныхъ училищахъ, а равно и вездѣ, гдѣ преподается естественная исторія.

3) Книгу: „Этимологія церковно-славянскаго языка для среднихъ классовъ гимназій“. Составилъ Ѳ. Гилларовъ, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища. Москва, 1876 г. — одобрить какъ учебное руководство.

4) Книгу: „Руководство алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ для гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ“. Составили А. Мамининъ и К. Буренинъ. Изданіе 4-е, дополненное. Москва, 1875 г.;—одобрить и включить ее въ каталогъ руководствъ для гимназій, учительскихъ институтовъ, а также для 6-ти классовъ реальныхъ училищъ и для 6-ти классовъ семилетнихъ реальныхъ училищъ.

5) Книгу: „Французская хрестоматія, со статьями для переводовъ съ русскаго и словаремъ, съ приложеніемъ полного спряженія глаголовъ, объясненіемъ приставокъ и окончаній, а также галлицизмовъ, поговорокъ и пословицъ, для среднихъ учебныхъ заведеній“. Сост. Н. Фену. Изд. 6-е. С.-Пб., 1876 г.,—внести въ каталогъ руководствъ и пособій, одобренныхъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Цѣна 1 руб. 35 коп., учебнымъ заведеніямъ дѣлается уступка.

6) Книгу: „Учебникъ нѣмецкаго языка для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“. Составилъ Ѳ. Брандтъ. С.-Пб., 1876 г. Цѣна 90 коп. — одобрить, въ качествѣ учебнаго руководства, для

преподаванія нѣмецкаго языка въ низшихъ классахъ гимназій, мужскихъ и жевскихъ, и реальныхъ училищъ.

7) Книгу: „Исторія русской словесности“. Состав. *И. Порфирьевъ*. Часть I. Древнѣйшій періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра I-го. Изд. 2, исправленное и дополненное. Казань, 1876 г.—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия при чтеніи и разборѣ литературныхъ образцовъ и при историческомъ обзорѣ нашей литературы въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

8) Книги: 1) „*Элементарная грамматика русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій и другихъ училищъ*“. Составилъ *Н. Батакинъ*. Москва, 1876 г. Цѣна 45 к.—одобрить какъ руководство, для I-го и II-го классовъ гимназій и прогимназій. 2) „*Статьи для диктанта, расположенныя въ систематическомъ порядкѣ*“. Сост. *Н. Батакинъ*. Москва, 1876 г. Вып. I-й. Для приготовительнаго и I-го класса гимназій и реальныхъ училищъ. Цѣна 40 коп. Вып. II-й. Для II-го класса гимназій и реальныхъ училищъ. Цѣна 50 к. — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ гимназій и прогимназій.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книги: 1) „*Записки по методикѣ русскаго языка*“, составленныя для учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и для учителей народныхъ школъ, преподавателемъ Черниговской земской учительской семинаріи *П. П. Соломиною*. Отдѣлъ I-й. Методика обученія грамотѣ. Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное. 2) „*Записки по методикѣ русскаго языка*“. Отдѣлъ II-й. Методика объяснительнаго чтенія. С.-Пб., 1876 г. — первую изъ означенныхъ книгъ допустить какъ руководство въ учительскія семинаріи и институты и библиотеки начальныхъ училищъ, а послѣднюю — одобрить, какъ учебникъ, для учительскихъ семинарій и институтовъ и для библиотекъ начальныхъ училищъ.

2) Составленную *А. Погосскимъ* книгу подъ заглавіемъ: „*Подосиновки*“. Повѣсть. Изд. 2-е. С.-Пб., 1874 г. Цѣна 20 к., — признать возможнымъ допустить въ библиотеки народныхъ школъ.

3) Выпущенныя редакціею „Досугъ и Дѣло“ четыре изданія: 1) Первая часть „Книжки для чтенія“. Составилъ С. Павловичъ. С.-Пб., 1875 г. Цѣна 50 к. 2) „День и ночь въ Севастополѣ. Сцены изъ боевой жизни“ (изъ записокъ артиллериста). С.-Пб., 1875 г. 3) „Чай и его польза“. Е. Рейнбота. Изъ народныхъ чтеній Высочайше утвержденной комисіи. С.-Пб., 1875 г. Цѣна 15 к., съ пересылкою 20 к. и 4) „Что такое соль и идѣе се берутъ“. Е. Рейнбота. Изъ народныхъ чтеній Высочайше утвержденной комисіи. С.-Пб., 1875 г. Цѣна 10 к., съ пересылкою 13 к., — признать возможнымъ допустить въ бібліотеки низшихъ училищъ городскихъ и сельскихъ.

4) Составленную преподавателемъ Московскаго учительскаго института Кузьминымъ книгу подъ заглавіемъ: „Русская хрестоматія для городскихъ и уѣздныхъ училищъ“, — одобрить какъ пособіе для уѣздныхъ и городскихъ училищъ.

5) Книгу Е. Васильевской: „Отдыхъ. Два разказа для дѣтей“. С.-Пб., 1874 г. — рекомендовать для бібліотекъ гимназій и прогимназій, какъ чрезвычайно пригодную для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

6) Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, рассмотрѣвъ совместно съ приглашеннымъ художникомъ Рейнгардомъ портретъ Государя Императора, исполненный масляными красками по способу, изобрѣтенному художникомъ К. Добровольскимъ, опредѣленіемъ своимъ, утвержденнымъ г. министромъ, постановилъ: приобрѣтеніе означеннаго портрета рекомендовать учебнымъ заведеніямъ вѣдомства сего министерства. Цѣна портрету: на папкѣ—4 р., на холстѣ съ подрамкомъ—5 р. за экземпляръ ¹⁾.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра, въ 19-й день текущаго ноября, Высочайше разрѣшить соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Полоцкой учительской семинаріи пор-

¹⁾ Размѣръ портрета — 17 вершковъ длины и 14 вершковъ ширины; адресоваться съ заказами слѣдуетъ къ г-ну Добровольскому въ С. Петербургъ, Англійскій проспектъ, д. № 41, кв. 5.

трета попечителя Виленскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Сергіевскаго.

— Домашнимъ духовнымъ завѣщаніемъ, отъ 7-го января 1875 года, Діонисій Вихржицкій все свое движимое и недвижимое имущество, за исключеніемъ библіотеки и семейныхъ портретовъ, и по удовлетвореніи похоронныхъ и другихъ необходимыхъ издержекъ, раздѣлилъ на сорокъ равныхъ частей, изъ коихъ:

1) Проценты отъ двадцати частей отказалъ на стипендію для одного ученика высшаго учебнаго заведенія въ г. Калишѣ, римско-католическаго вѣроисповѣданія, происходящаго отъ бѣдныхъ, въ городѣ Калишѣ живущихъ, родителей.

2) Пять частей отказалъ родному своему брату Юсіфу Вихржицкому, мѣсто жительства коего неизвѣстно; въ случаѣ же его смерти — въ пользу института глухо-нѣмыхъ и слѣпыхъ, въ Варшавѣ, для одного глухонѣмаго мальчика бѣдныхъ родителей изъ г. Калиша.

Вслѣдствіе представленія о семъ г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа отъ 22-го истекшаго ноября, за № 9702, г. министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 4-го сего декабря за № 13726, утвердилъ означенные отказы съ огражденіемъ неприкосновенности правъ третьихъ лицъ.

— Вслѣдствіе отношеній гг. генералъ-губернаторовъ Восточной и Западной Сибири и представленій начальствъ Одесскаго, Кіевскаго, Харьковскаго, Московскаго, Казанскаго, Оренбургскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ, г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать, съ начала 1876/7 учебного года, плату за ученіе: въ Омской и Тобольской гимназіяхъ — въ приготовительномъ классѣ по десяти руб., а въ прочихъ классахъ по пятнадцати руб. въ годъ; въ Якутской прогимназіи по семи руб. въ годъ; въ Троицко-Савскомъ реальномъ училищѣ по двадцати пяти руб. въ годъ; въ Евпаторійской и Ялтинской прогимназіяхъ — въ приготовительномъ по двадцати руб. и въ прочихъ классахъ по тридцати руб. въ годъ; въ Херсонскомъ реальномъ училищѣ по сорока руб. въ годъ; въ Златопольской прогимназіи — въ приготовительномъ классѣ по шестнадцати руб. и въ прочихъ классахъ по двадцати пяти руб. въ годъ; въ Бѣлоцерковскомъ реальномъ училищѣ по тридцати руб. въ годъ; въ Лебединской прогимназіи — въ приготовительномъ классѣ по восьми руб. и въ прочихъ классахъ по двѣнадцати руб. въ годъ; въ реальныхъ училищахъ: Скопинскомъ — по двадцати пяти руб., Вольскомъ — по пятнадцати руб. и Перьскомъ — по трид-

цати руб. въ годъ; въ параллельныхъ отдѣленіяхъ: II класса Минской и I-го класса Гродненской гимназій и двухъ при II и одномъ при III классахъ Виленскаго реальнаго училища по *шестьдесяти* руб. въ годъ съ каждаго ученика; въ Θεодосійской прогимназіи въ приготовительномъ классѣ по *двадцати пяти* и въ прочихъ классахъ по *тридцати* руб. въ годъ.

— Вслѣдствіе представленія управляющаго С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала будущаго 1877 года плату за ученіе въ 1-мъ С.-Петербургскомъ реальномъ училищѣ по *пятидесяти* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія управляющаго Московскимъ учебнымъ округомъ, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала 187^{6/7} учебнаго года плату за ученіе въ Сергіевской посадской прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *двѣнадцати* руб., а въ прочихъ классахъ по *восемнадцати* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Одесскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала 187^{6/7} учебнаго года плату за ученіе въ Маріупольской мужской гимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *двадцати* руб., а въ прочихъ классахъ по *тридцати* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія управляющаго Кіевскимъ учебнымъ округомъ, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала 187^{6/7} учебнаго года плату за ученіе въ Полтавскомъ реальномъ училищѣ по *двадцати пяти* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Харьковскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала 187^{6/7} учебнаго года плату за ученіе въ Воронежскомъ реальномъ училищѣ по *двадцати пяти* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

Открытіе училищъ.

Согласно увѣдомленію г. генераль-губернатора Восточной Сибири, 19-го минувшаго сентября открыта Енисейская прогимназія, въ составѣ приготовительнаго и двухъ низшихъ классовъ.

— 30-го августа 1876 г. въ Глазовѣ открыта женская прогимна-

зія, на первое время, въ составѣ двухъ классовъ; при открытіи гимназій желающихъ поступить для обученія было до 60 дѣвочекъ, къ 1-му же октября цифра эта увеличилась до 80 слишкомъ учащихся.

— 17-го сего ноября, по совершеніи преосвященнымъ Веніаминомъ благодарственного молебствія, попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа открыто въ городѣ Воронежѣ реальное училище, въ присутствіи губернатора, губернскаго предводителя дворянства, представителей всѣхъ сословій и многочисленнаго общества. Въ новоучрежденное училище принято учениковъ: въ третій классъ 39, въ четвертый—20 и въ пятый 19, а всего 78 человекъ.

— Согласно увѣдомленію генераль-губернатора Восточной Сибири, 20-го сентября открыто Троицко-Савское реальное училище въ составѣ трехъ низшихъ классовъ. Учениковъ принято въ 1-й классъ 39, во 2-й—18 и въ 3-й—13.

— 24-го минувшаго октября, попечителемъ Казанскаго учебнаго округа открытъ въ городѣ Казани учительскій институтъ, въ который поступило 24 человекъ, изъ нихъ двое пансіонерами Саратовскаго Александровскаго училища и двое своекоштными, а остальные въ число вазенныхъ воспитанниковъ.

— 19-го сентября текущаго года открыто крестецкое городское трехъ-классное училище, въ присутствіи начальника Новгородской губерніи, предводителя дворянства, городского головы и значительнаго числа почетныхъ членовъ земства, городского общества и родителей учащихся. Всѣхъ учащихся въ училищѣ состоитъ 81 чел., а именно: въ I классѣ—37, во II—35 и въ III въ первомъ отдѣленіи—9, такъ какъ второе будетъ открыто въ будущемъ учебномъ году.

— 29-го сентября текущаго года открыто Угличкое трехклассное городское училище.

— 13-го минувшаго октября, открыты въ г. Симбирскѣ два городскихъ приходскихъ училища, мужское и женское, въ которыя поступило ко дню открытія 50 мальчиковъ и 26 дѣвочекъ. На содержаніе училищъ назначено городскимъ обществомъ ежегодно до 2 т. р.

— Открыты слѣдующія одноклассныя начальныя народныя училища: 24-го октября въ с. Тесовѣ, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губ., при 19 ученикахъ, 17-го октября, въ с. Липицахъ, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи, при 62 ученикахъ; 24-го октября, Царско-сельскаго уѣзда, С.-Петербуржской губ., Владимірскія - Алексан-

дровскія, мужское и женское училища, при 45 ученикахъ и 24 ученицахъ; 14-го ноября въ с. Рождественѣ, Царскосельскаго же уѣзда, при 76 мальчикахъ и 24 дѣвочкахъ; 15-го ноября, въ с. Мошнягахъ-Еленовкѣ, Балтскаго уѣзда, Подольской губ. Преобразованы: одноклассное училище въ с. Чійшій, Аккерманскаго уѣзда, Бессарабской губ., въ двухклассное, при 40 учащихся; 9-го октября, одноклассное училище, въ с. Усольѣ, Соликамскаго уѣзда, Пермской губ., въ двухклассное, при 182 ученикахъ; 24-го сентября, одноклассное училище въ м. Пучежѣ, Костромской губ., въ двухклассное, при 66 ученикахъ.

ЕРЕСЬ ЖИДОВСТВУЮЩИХЪ.

XV вѣкъ ознаменовался для Россіи событіями, имѣвшими рѣшительное вліяніе на весь послѣдующій ходъ ея историческаго развитія. Въ ряду ихъ не послѣднее мѣсто принадлежитъ и такъ называемой „ереси жидовствующихъ“. Если освобожденіе отъ татарскаго ига и соединеніе всѣхъ, до того времени разрозненныхъ, сѣвернорусскихъ областей въ одну политическую единицу подъ властію государя Московскаго положило начало будущему могуществу Россіи, то происходившее параллельно съ нимъ въ средѣ тогдашняго русскаго общества движеніе, однимъ изъ важнѣйшихъ фазисовъ котораго была ересь жидовствующихъ и борьба съ нею, впервые потрясло вѣковыя наслоенія религіозно-церковнаго формализма, задерживавшаго всякій дальнѣйшій поступательный ходъ русской жизни, спасло русскую народную мысль отъ застоя, въ значительной мѣрѣ подготовило ее къ воспріятію европейской культуры и было однимъ изъ первыхъ и замѣчательнѣйшихъ проявленій ея самодѣятельности. Неси въ себѣ зачатки будущаго умственнаго и религіозно-правственнаго прогресса, движеніе это замѣчательно еще и въ другомъ отношеніи: въ немъ нашло себѣ выраженіе все, что успѣла выработать древне-русская христіанская цивилизація въ болѣе чѣмъ пятнадцатой періодъ своего существованія, весь запасъ идей, весь умственный капиталъ древне-русскаго общества.

Но при всемъ своемъ историческомъ значеніи, движеніе это принадлежитъ къ числу самыхъ сложныхъ явленій нашей исторіи. Возникнувъ первоначально на религіозно-церковной почвѣ, ересь жидовствующихъ была результатомъ дѣйствія тѣхъ же самыхъ факторовъ, существованію которыхъ обязано происхожденіе большей части подобнаго рода явленій, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, именно—недостатку и односторонности умственнаго и религіозно-прав-

ственнаго развитія общества. Она явилась какъ реакція крайнему развитію церковно-обрядоваго формализма и другимъ недостаткамъ въ существующемъ строѣ религіозно-церковной жизни. Разсматриваемое подъ этимъ угломъ зрѣнія, явленіе это несомнѣнно имѣеть религіозный характеръ и въ этомъ отношеніи находится въ непосредственной генетической связи съ предшествовавшимъ ему антицерковнымъ движеніемъ, сказавшимся въ ереси стригольниковъ. Но если, съ одной стороны, принять въ соображеніе ту тѣсную связь церковно-религіозныхъ интересовъ съ интересами социальными, какою характеризуется древне-русская жизнь, а съ другой — то обстоятельство, что ересь появилась какъ разъ въ самый разгаръ борьбы двухъ политическихъ системъ — отжившаго свой вѣкъ удѣльно-вѣчеваго строя съ только что окрѣпнувшимъ единодержавіемъ, то нельзя не признать, что движеніе это необходимо должно было принять политическую окраску, которую оно, какъ показываетъ его исторія, дѣйствительно и приняло. При этомъ не пужно забывать, что вся духовная дѣятельность древне-русскаго человѣка исключительно сосредоточивалась на религіи: въ ней находилъ онъ не одно удовлетвореніе своимъ религіозно-нравственнымъ потребностямъ, но и единственную пищу для ума; религія служила точкой отправленія для его теоретическаго мышленія; здѣсь же искалъ онъ и послѣднихъ результатовъ его. А если смотрѣть на ересь съ этой точки зрѣнія, то она съ такимъ же правомъ можетъ быть названа явленіемъ умственно-теоретическимъ, какъ и политико-религіознымъ.

Таковы общія характеристическія черты явленія, извѣстнаго въ нашей исторіи подъ именемъ ереси жидовствующихъ. Прослѣдить начало и постепенное развитіе ереси въ средѣ современнаго ей православно-русскаго общества, указать въ его жизни тѣ элементы, которые давали жизненную силу ереси или задерживали ея развитіе, очертить всѣ перипетіи отношеній къ ней церкви и общества — задача сколько любопытная, столько же и трудная, но ея осуществленіе безусловно-необходимо для уясненія истиннаго характера и постепеннаго хода умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія Русскаго народа.

Столь же любопытно, но еще болѣе затруднительно объяснить „ересь жидовствующихъ“, какъ теоретическую доктрину. Чтò такое была эта ересь со стороны своего внутренняго содержанія? Былъ ли это только агрегатъ отрицательныхъ мнѣній, направленныхъ противъ существующаго религіозно-церковнаго строя, или жь

она отличалась болѣе положительнымъ характеромъ? Участіе въ образованіи ея иновѣрнаго элемента не подлежитъ сомнѣнію; въ пользу этого говорятъ всѣ современныя ей свидѣтельства. Что жъ это былъ за элементъ, какъ далеко простиралось его вліяніе на ересь, и въ чемъ оно выразилось? Была ли ересь чистымъ іудействомъ, какъ думаютъ одни изслѣдователи, или, какъ утверждаютъ другіе, іудаизмъ былъ въ ней лишь случайною примѣсью, не имѣвшею ничего общаго съ сущностью еретической доктрины, выросшей на русской народной почвѣ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ историческихъ условій? Все это вопросы, рѣшеніе которыхъ не можетъ не интересоватъ всѣхъ, кто слѣдитъ за ходомъ культурно-историческаго развитія русскаго народа, но на которые современная историческая наука еще не дала положительнаго отвѣта.

Настоящее изслѣдованіе представляетъ попытку прослѣдить возникновеніе и постепенное развитіе ереси жидовствующихъ въ связи съ современнымъ ей религіозно-церковнымъ, политическимъ и интеллектуальнымъ состояніемъ Руси, очертить характеръ отношеній къ ней православнаго общества, и наконецъ, опредѣлить ея внутреннее содержаніе, какъ религіозно-теоретической доктрины. Мы не имѣемъ притязанія на безусловную новостъ и оригинальность поставленной нами для себя задачи. Въ нашей исторической литературѣ есть уже нѣсколько весьма почтенныхъ трудовъ, въ большей или меньшей степени касающихся предмета нашего изслѣдованія; но отличительныя свойства всѣхъ ихъ таковы, что они, или затрогиваютъ избранный нами предметъ лишь между прочимъ, и притомъ на столько, на сколько это входитъ въ ихъ первоначальную задачу, не разсматривая его со всѣхъ сторонъ и со всѣми необходимыми подробностями, или же изслѣдуютъ его съ извѣстной, прежде установленной точки зрѣнія и при этомъ не обладаютъ достаточною долей научнаго объективизма въ отношеніи къ лицамъ и событіямъ эпохи, или наконецъ, не изчерпываютъ всѣхъ извѣстныхъ нынѣ источниковъ, изъ которыхъ можно заимствовать свѣдѣнія объ изслѣдуемомъ предметѣ ¹⁾. Думаемъ,

¹⁾ Кромѣ общихъ трудовъ нашихъ церковныхъ и гражданскихъ историковъ, таковы: преосв. *Филаретъ* (Ист. Р. Ц., III, 106—120) и *Макарій* (Ист. Р. Ц., VI, 195—203; 328—329), *Карамзинъ* (Ист. Г. Р. IV, 82—85; 90—105), *Соловьевъ* (Ист. Росс., V) и *Костомаровъ* (Р. Ист. въ жизнеоп., II, 311—341; Свѣ.-р. Пародор., II, 446—448), ереси жидовствующихъ еще касаются: г. *Иконниковъ* въ своемъ сочиненіи: «О культурномъ значеніи Византіи» (стр. 390—425) и г. *Хмельниковъ*—

что все это, взятое вмѣстѣ, дѣлаетъ новое специальное изслѣдованіе о ереси жидовствующихъ не бесполезнымъ въ нашей исторической литературѣ.

I.

Состояніе Новгорода во второй половинѣ XV столѣтія. — Появленіе ереси. — Кто былъ Схарія? — Еврейство въ XV в. — Характеръ и первые успѣхи еретической пропаганды въ Новгородѣ.

Вторая половина XV вѣка была роковымъ временемъ въ судьбѣ Великаго Новгорода: она ознаменовалась коренными переизмѣненіями въ его политической и церковной жизни. Уже съ давнихъ поръ, еще со временъ Іоанна Калиты, Московскіе князья настойчиво заявляли свои верховныя права на Новгородъ и стремились лишить его политической автономіи; однако, распри и несогласія ихъ со своими удѣльными родичами долго препятствовали имъ исполнить свое намѣреніе. Но съ тѣхъ поръ, какъ Московскій князь Василій Темный успѣлъ избавиться отъ своихъ опасныхъ и безпокойныхъ соперниковъ, какъ скоро одни изъ удѣльныхъ князей смиренно покорились своему могущественному московскому родичу, а другіе непокорные принуждены были, оставивъ свои удѣлы, бѣжать въ Литву, уничтоженіе политической независимости Новгорода сдѣлалось не болѣе какъ вопросомъ времени. И дѣйствительно, только увѣщанія Новгородскаго архієпископа Іоны, пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ въ Москвѣ, и послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смерть Василя предотвратили отъ Новгорода послѣдній ударъ, который готовился на-

въ изслѣдованіи: «О вліяніи общества на организацию государства» (стр. 137—140). Есть нѣсколько отдельныхъ монографій объ Іосифѣ Волоколамскомъ, тоже въ большей или меньшей степени касающихся и нашего предмета. Между ними первое мѣсто несомнѣнно принадлежитъ историко-литературному труду г. Хрущева: «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкого»; потомъ можно указать на церковно-историческое изслѣдованіе спис. П. Булакова: «Преп. Іосифъ Волоколамскій», разсматривающее дѣятельность пр. Іосифа преимущественно какъ организатора монашества и лишь въ краткихъ чертахъ касающееся дѣятельности его какъ борца противъ ереси. Изъ сочиненій, специально посвященныхъ изслѣдованію ереси жидовствующихъ въ нашей исторической литературѣ существуетъ только одно: «Опытъ изслѣдованія ереси Новгородскихъ еретиковъ или жидовствующихъ», г. Сергиича (помѣщено въ *Пр. Обзор.* 1862 г., т. VIII); но авторъ его пользовался даже не всеми существующими историческими источниками, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія о ереси, и притомъ взглянулъ на предметъ съ слишкомъ однобокою точкою зрѣнія.

нести ему великій князь, тяготившійся тѣмъ, что Новгородъ не чтитъ его, какъ слѣдуетъ. Повѣстно, что если самъ Василій не успѣлъ освободить себя отъ такихъ неприятныхъ для него отношеній, то сынъ его долженъ былъ позаботиться объ этомъ. Уничтоженіе вольностей Новгорода и подчиненіе его Москвѣ стало завѣтнымъ желаніемъ Іоанна по вступленіи его на великокняжеской столѣ. Рука объ руку съ такими стремленіями Московскихъ князей, шли попытки и со стороны ихъ вѣрныхъ союзниковъ, всероссійскихъ митрополитовъ, лишить новгородскую церковь той доли автономіи, которую она съ XII в. успѣла приобрести и удержать за собою. Чѣмъ настойчивѣе были притязанія князей, тѣмъ болѣе и болѣе усиливалось домогательство митрополитовъ, обобщавшихъ дѣло церкви съ дѣломъ политики ¹⁾. Новгородцы не могли не понимать всей опасности своего положенія, которому угрожала этотъ двойственный союзъ, не могли не видѣть, что противъ сына Васиіева не будетъ имъ помощи ни отъ кого изъ князей сѣверной Руси, и потому должны были искать помощи въ другой сторонѣ. Кромя могущественнаго князя Московскаго, замышлявшаго нанести послѣдній ударъ Новгороду, былъ еще другой такой же могущественный великій князь Литовскій, который тоже назывался Русскимъ; къ нему отъѣзжали изъ сѣверо-восточной Руси и находили у него защиту всѣ князья недовольные, лишенные своихъ вотчинъ или угрожаемые княземъ Московскимъ; къ нему обратились и Новгородцы въ послѣдній рѣшительный часъ. Но Литовскій князь былъ католикъ; отложиться отъ православнаго Московскаго князя и поддаться литовскому латиннику, отложиться отъ Московскаго митрополита и признать свою зависимость въ церковномъ отношеніи отъ митрополита Кіевскаго, подозрительнаго по своему поставленію, ученика Исидорова,—въ глазахъ большинства тогдашняго сѣверно-русскаго населенія значило измѣнить православію и перейти на сторону латинства. Поэтому мысль о подданствѣ Литвѣ встрѣчала сопротивленіе въ привязанности Новгородцевъ къ вѣрѣ своихъ предковъ, и Москва, въ окончательной борьбѣ своей съ Новгородомъ, нашла себѣ могущественнаго союзника, сулившаго ей вѣрную побѣду: этимъ союзникомъ было православіе. Образовались двѣ сильныя политическія партіи. Одна изъ нихъ, во имя политической свободы, искала протектората Литвы; другая, во имя единства вѣры,

¹⁾ Это, между прочимъ, прекрасно выражаетъ въ посланіи къ Новгородцамъ митрополитъ Филіппъ; см. Акт. Истор., I, № 280—281.

стояла за сохраненіе союза съ Москвою. На сторону первой стало все, что было въ Новгородѣ свободолюбиваго и свободномыслящаго; сторону послѣдней держали ревнители отцовскихъ преданій, люди вѣры по преимуществу, ставившіе интересы православія выше всего. И такъ, кромѣ борьбы съ влѣшнимъ врагомъ, появилась въ Новгородѣ внутренняя рознь, завязалась въ самомъ сердцѣ его борьба ожесточенная и рѣшительная, окончательно отдавшая Новгородъ въ руки врага его, великаго князя Московскаго. При тѣсной связи въ тогдашнее время политическихъ интересовъ съ религіозными и при особенной солидарности ихъ въ данномъ случаѣ, борьба эта естественно должна была перейти изъ сферы политической въ сферу религіозно-церковную. Почва для такой борьбы была достаточно подготовлена предшествовавшимъ антицерковнымъ движеніемъ, выразившимся въ ереси стригольниковъ. Еретичество не заявляло себя теперь открыто, можетъ быть, благодаря преслѣдованіямъ, а можетъ быть, и потому, что теперь всѣ умственные силы общества поглощены были другими потребностями—интересами самозащиты въ виду угрожающей опасности политическаго уничтоженія; но противоцерковныя идеи продолжали жить въ народѣ; церковный миръ былъ нарушенъ; доктрина къ церковной власти, болѣе чѣмъ когда-либо, было поколеблено, тѣмъ болѣе, что эта власть держалась принциповъ, враждебныхъ существующему строю политической жизни; нуженъ былъ только случай, чтобъ антицерковное движеніе пробудилось вновь и съ новою силой. И такой случай не замедлилъ представиться.

Въ ноябрѣ 1470 года, скончался Новгородскій владыка Іона, равно уважаемый въ Москвѣ и Новгородѣ, защитникъ послѣдвѣя предъ великимъ княземъ Московскимъ. Черезъ десять дней послѣ его смерти, посадники, тысяцкіе и весь Великій Новгородъ, поставя вѣче у св. Софіи, изъ трехъ кандидатовъ выбрали по жребію на архіепископскую кафедру архіерейскаго ризничьяго Теофила, изъ партій, не желавшей разрыва съ Москвою. Съ своей стороны, и литовская партія выставила своего кандидата—Пимена, ключника архіепископскаго, и хотѣла послать его для посвященія въ Кіевъ. Но большинство воспротивилось такому нарушенію издавна установившагося порядка архіепископскаго избранія¹⁾, и избраніе Теофила состоялось, не смо-

¹⁾ Нарушеніе состояло въ томъ, что Пименъ избранъ былъ не по жребію и хотѣлъ принять посвященіе отъ Кіевскаго митрополита, не признаваемаго Новгородскою церковію.

тря на то, что онъ, какъ сторонникъ мира съ Москвою, не могъ быть притѣнъ партіи враждебной Москвѣ¹⁾. Въ это же время, чрезъ ладня послѣ смерти архіепископа Іоны, пріѣхалъ въ Новгородъ братъ Кіевскаго князя - намістника Семена, Михаилъ Олельковичъ или Александровичъ, выпрошенный литовскою партіей Новгорода у короля Казимира для усиленія себя и для угрозы Москвѣ. Это былъ послѣдній изъ такъ - называемыхъ „кормленыхъ“ князей, какихъ прежде часто приглашали къ себѣ Новгородцы, уступая имъ извѣстные доходы съ вѣкоторыхъ своихъ волостей²⁾. вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ прибылъ въ Новгородъ изъ Кіева же ученый Еврей, по имени Схарія, и здѣсь, во всеобщемъ хаосѣ споровъ и толковъ, началъ распространять новое еретическое ученіе. Онъ совратилъ сперва одного попа, по имени Дениса, потомъ послѣдній привелъ къ нему другаго попа, по имени Алексѣя, имѣвшаго приходъ на Михайловской улицѣ. Вскорѣ пришли изъ Литвы и другіе Евреи — Іосифъ Шмойло-Скорявей и Моисей Ханушъ. Алексѣй и Денисъ сдѣлались такими ревностными послѣдователями новой вѣры, что съ своими учителями пили и ѣли и отъ нихъ учились жидовству, и не только сами учились, но учили своихъ женъ и дѣтей. Ревность ихъ къ жидовской вѣрѣ дошла до того, что они пожелали даже принять обрѣзаніе; но Иуды не позволили имъ сдѣлать это, но велѣли держать иудейство тайно, а явно прикидываться христіанами, и только какъ бы уступая настояніямъ своихъ прозелитовъ, перемѣнили имя Алексѣю и назвали его Авраамомъ, а жену его — Саррою. Послѣ того личности Евреевъ ступшевываются, и дальнѣйшею пропагандою занимаются ихъ прозелиты попы Алексѣй и Денисъ. Первый научилъ жидовству зятя своего Ивана Максимова, отца его попа Максима и многихъ другихъ изъ поповъ, діаконовъ и простыхъ людей; а второй, въ числѣ другихъ, обратилъ Софійскаго протопopa Гавриила и Гридю Ключа, а Гридю Ключъ — Григорья Тушина, отецъ котораго пользовался въ Новгородѣ большимъ вліяніемъ. Съ теченіемъ времени пристало къ ереси шпожество другихъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ³⁾.

Такъ передаетъ о началѣ новой ереси въ Новгородѣ писатель-современникъ, оставившій намъ краткую исторію и подробное опро-

¹⁾ Исторія Россіи, *Соловьева*, V, 10—11.

²⁾ *Костомаровъ*, Русск. ист., II, 256.

³⁾ «Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго, изд. Казанск. д. акад., стр. 44—45.

верженіе ея. Но что за личность былъ самъ Схарія, и чему онъ училъ съ такимъ громаднымъ успѣхомъ? О Схаріи осталось у писателей, современныхъ ему, слишкомъ мало свѣдѣній для того, чтобы можно было сдѣлать изъ нихъ опредѣленное заключеніе о его личности и ученіи; тѣмъ не менѣе и эти немногія свѣдѣнія бросаютъ на него нѣкоторый свѣтъ и могутъ служить основаніемъ для нѣкоторыхъ весьма вѣроятныхъ предположеній относительно Схаріевой пропаганды. Тотъ же писатель-современникъ ереси сообщаетъ о Схаріи, что онъ жилъ въ городѣ Кіевѣ, хорошо былъ знакомъ съ княземъ Михайломъ Олельковичемъ, съ которымъ вмѣстѣ и пріѣхалъ въ Новгородъ, и что этотъ Жидовинъ былъ „наученъ всякому злодѣйству изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію, звѣдозаконію же и астрологіи“. Но этимъ и ограничиваются извѣстія о Схаріи у Іосифа Волоцкаго. Постараемся дополнить ихъ изъ другихъ источниковъ.

Еврейство появилось въ Кіевѣ весьма рано ¹⁾; оно проникало сюда съ двухъ сторонъ: съ сѣверо-запада изъ Литвы и Польши и съ юго-востока изъ Крыма. Откуда жъ изъ этихъ двухъ странъ былъ Схарія? Есть основаніе предполагать, что Схарія переѣхалъ въ Кіевъ изъ Крыма. Къ 1487—1488 гг. относится переписка Іоанна III съ Евреемъ Захаріемъ Скарою, жившимъ въ Тамани, который просилъ разрѣшить ему переселиться въ Москву. Этотъ Скара называется княземъ Таманскимъ, и какъ видно изъ его письма, былъ богатъ: когда онъ ѣхалъ первый разъ въ Москву, то на пути былъ ограбленъ молдавскимъ воеводою Стефаномъ. Возвратясь въ Тамань, Скара продолжалъ хлопотать о переѣздѣ въ Россію. Его привлекало туда покровительство Іоанна III иностранцамъ, а въ Москвѣ онъ, вѣроятно, думалъ заняться торговлею ²⁾. Сходство имени этого лица съ именемъ того,

¹⁾ Уже къ Владиміру Св. приходили Жиды изъ Хазаріи или Тавриды и предлагали ему свою вѣру (*Филаретъ*, II. Р. Ц., т. I, ст. 19); Феодосій Печерскій велъ съ ними пренія о вѣрѣ (*Макарій*, Ист. Р. Ц., II, стр. 323). Въ 1096 году Евреи въ Кіевѣ населяли уже цѣлую улицу. Въ 1113 году своею жадностію къ деньгамъ они возбудили противъ себя бунтъ въ народѣ, и тогда многіе изъ нихъ заплатились жизнію. Въ 1124 г. «пogорѣша Жидова» (Воскр. Л., I, 257—263; *Филаретъ*, *ibid.*, стр. 28).

²⁾ Переписка помѣщена въ *Запискахъ Одесскаго Общ. Исторіи*, V, 272—274. Она состоитъ изъ трехъ писемъ: первое изъ нихъ — грамота великаго князя къ жиду Захаріи Скарѣ о свободномъ проѣздѣ его въ Россію, отъ 18-го октября 1487 г.; второе — къ великому князю отъ Таманскаго князя Захарія Гуйгуренса о позволеніи ему пріѣхать въ Россію, отъ 8-го іюня 1487 г.; третье — отвѣтная грамота

которое занималось пропагандою въ Новгородѣ¹⁾, наводитъ на мысль о тожествѣ ихъ. Близость Схарія Новгородскаго къ князю Олельковичу, на которую обращаетъ вниманіе Іосифъ, заставляетъ предполагать, что и онъ, подобно „Таманскому князю“, тоже выдавался изъ среды своихъ соплеменниковъ. Въ пользу нашего предположенія о тожествѣ Схарія Новгородскаго и „Таманскаго князя“ говоритъ и самая просьба Схаря о дозволеніи переселиться въ Москву: въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ онъ, человѣкъ практическій, сталъ бы такъ настойчиво ходатайствовать о переселеніи въ страну отдаленную, неизвѣстную и до того времени почти совсѣмъ недоступную для иностранцевъ, еслибы онъ предварительно не изучилъ на мѣстѣ условій тамошней жизни? Если онъ домогался этого, то значить, ему удалось уже прежде побывать если не въ самой Москвѣ, то по близости отъ нея, ознакомиться со всѣми подробностями, выгодами и невыгодами тамошней жизни. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что это было то самое лицо, которое, прибывъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ XV в., занималось тамъ пропагандою. Правда, Татищевъ въ своей „Исторіи“ подъ 1491 годомъ говоритъ, что Схарія былъ казнень Іоанномъ III вмѣстѣ съ другими защитниками свободы Новгорода; но мнѣніе его едва ли можетъ быть принято, во первыхъ, потому, что оно выражено слишкомъ неопредѣленно²⁾, и неизвѣстно, на какихъ данныхъ основано и вторыхъ, потому, что всѣ дошедшія до насъ свидѣтельства современниковъ ереси ни слова не говорятъ о Схаріи, хотя иногда и перечисляютъ по именамъ казненныхъ еретиковъ и новгородскихъ мятежниковъ; не вѣроятно, чтобъ Іосифъ Волоколамскій, съ такою подробностью описывавшій смерть и казнь еретиковъ³⁾, прошелъ молчаніемъ казнь главнаго виновника ереси, котораго онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, на-

великаго князя Таманскому князю Захарію съ изъявленіемъ согласія на его просьбу, отъ 18-го марта 1488 г. Были ли Захарія Схара и Захарія Гуйгурецъ одно и то же лицо? Сходство именъ, одинаковость мѣстожительства, хронологическая послѣдовательность и однопредметность содержанія переписки даютъ право отождествить Схару съ Гуйгурецомъ.

¹⁾ Схарія въ памятникахъ называется Схаргіна (Степ. кн., I, 476), Схоргіна (рукоп. хронографъ бібліотеки пресв. Макарія, № 85, л. 350, Схарина (*Татищевъ*, Ист. Росс., V, 109) и наконецъ, Скаріѣ, Схаріи (Иос. Волоцк.).

²⁾ Вотъ подлинныя слова Татищева: «аще той врагъ съ иными казнень бысть отъ великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, но еще не угасе онъ той ядовитый» и пр. *Татищевъ*, Ист., IV, 109.

³⁾ Просвѣтитель, стр. 54—57.

дѣлаетъ самыми рѣзкими эпитетами. Гораздо возможнѣе предположить, что Схарія съ своими товарищами-единоплеменниками, во время безпорядковъ, возникшихъ въ Новгородѣ, какъ лицо прикосновенное къ нимъ, бѣжалъ отсюда и опять поселился на мѣстѣ своей родины, въ Крыму. Когда же смуты, волновавшія Русскую землю, утихли, и началось спокойное развитіе государства, онъ счелъ выгоднымъ снова переселиться на Русь, но уже не въ Новгородъ, утратившій тогда свое политическое и промышленное значеніе, а въ Москву, сдѣлавшуюся центромъ обширнаго государства.

Итакъ, связь всѣхъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ даетъ основаніе думать, что распространитель ереси въ Новгородѣ было лицо, тождественное съ тѣмъ, которое впоследствии жило въ Крыму и переписывалось съ Іоанномъ III, или по крайней мѣрѣ, что оно принадлежало къ одной фамилии съ нимъ. Вѣроятное опредѣленіе мѣста первоначальнаго отечества Схаріи даетъ возможность съ такою же вѣроятностію опредѣлить и то направленіе въ іудействѣ, какого держался Схарія, и идеи котораго онъ пронагандировалъ въ Новгородѣ. Іосифъ Волоцкой говоритъ, что Схарія наученъ былъ чародѣйству и чернокнижію, звѣдозаконію и астрологіи — выраженіе самое общее, и потому мало объясняющее настоящей вопросъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что это названіе въ то время примѣнялось ко всякой книгѣ, не находящейся въ спискѣ „истинныхъ“, и какъ извѣстно, получало иногда самое широкое толкованіе ¹⁾. Изъ словъ Іосифа можно только заключать, что Схарія обладалъ обширною эрудиціей, а какого рода была эта эрудиція — отсюда не видно. Вопросъ объ этомъ можетъ быть рѣшенъ только посредствомъ указанія того направленія въ іудействѣ, которое въ данное время было господствующимъ въ мѣстѣ родины Схаріи, въ Крыму.

Въ іудействѣ въ средніе вѣка существовало нѣсколько направленій, рѣзко отличавшихся другъ отъ друга своими индивидуальными чертами. Одни изъ Евреевъ, кромѣ Библии, признавали и преданія, собранныя и чрезвычайно умноженныя составителями Талмуда; они получили названіе *талмудистовъ*. Другіе отвергали преданія и при-

¹⁾ Въ спискахъ отреченныхъ книгъ, между прочими, помѣщались землемѣріе и астрономія (*Правосл. Собесѣдн.* 1858 г., июль, стр. 458). Знакомство Максима Грека съ философіей признано было еретичествомъ (дѣло Макс. Гр. въ *Чт. Общ. Ист. и Древн.* 1847 г., VII).

знавали только Библию, то-есть, Ветхий Заветъ, для изъясненія котораго, по ихъ мнѣнью, достаточно одного разума: это были чистые библисты, получившіе въ половинѣ VIII в. названіе *караитовъ* или *караимовъ*. Третьи, не переставая быть вѣрующими и допуская откровеніе, предоставляли однако же разуму большое участіе въ дѣлахъ вѣры; они хотѣли оправдать главныя пункты своего вѣрованія началами самаго разума; хотѣли согласить законодательство Моисея съ господствующею философіей и положили основаніе наукъ, которая по средствамъ и по цѣли, была совершенно подобна схоластикѣ, арабской и христіанской; Евреи такого образа мыслей не составляли особой секты, но въ свою очередь, дѣлились на нѣсколько группъ, смотря по тому, какому философскому направленію отдавали предпочтеніе. Наконецъ, независимо отъ этого, существовало въ іудействѣ и оригинальное религиозно-философское направленіе: то были Евреи-*каббалисты*, выработавшіе оригинальную религиозно-философскую систему, представляющую соединеніе идеи разума съ религиознымъ преданіемъ и извѣстную подъ именемъ *каббалы*¹⁾. Какое же изъ этихъ направленій господствовало въ Крыму, и къ какому изъ нихъ принадлежалъ Схарія съ своими товарищами? Еврейство въ Крыму было чрезвычайно древне. Нѣкоторые, сохранившіеся въ Крыму, памятники доказываютъ, что оно существовало тамъ еще въ VIII в. Но древніе Крымскіе Евреи не были ни талмудистами, ни караимами въ собственномъ смыслѣ, какъ это доказали открытія, сдѣланныя евпаторійскимъ караимомъ Фирковичемъ и одесскимъ раввинистомъ Штерномъ. По заключенію этихъ ученыхъ, то были чистые библисты, не имѣвшіе ни малѣйшаго понятія ни о талмудизмѣ, ни о караимствѣ, каковы ихъ соплеменники во внутренней Азіи, Китаѣ и Тибетѣ, не знающіе ни какого другаго источника религіи, кромѣ Библии. Караимство проникло въ Крымъ въ концѣ перваго тысячелѣтія нашей эры, и только съ этого времени крымское еврейство приняло сектаторскій характеръ; талмудисты же переселились туда только въ XII в. и уже застали тамъ караимовъ. Къ тому же, еслибы крымское еврейство было талмудическое, то распространеніе его между инородцами и инородцами было бы невозможно, такъ какъ всякая пропаганда воспрещается Талмудомъ, а Крымскіе Евреи издавна занимались ею; доказательствомъ этого служило царство Хазарское, образовавшееся изъ прозелитовъ іудей-

¹⁾ Религ. философія Евреевъ, въ *Прав. Соб.* 1870 г., августъ, стр. 300 — 303; *Григорьевъ*, Религіозныя секты въ Россіи.

ства, которое было здѣсь господствующею вѣрою; Хазарскіе Евреи являлись и къ Владимиру съ предложеніемъ принять ихъ вѣру. Пропаганда Схаріи въ Новгородѣ прямо указываетъ на его крымское происхожденіе и на сродство его направленія съ направленіемъ крымскаго еврейства ¹⁾. Съ XIV в. замѣчается переселеніе караимовъ въ Литву и Польшу, гдѣ имъ позволено было селиться, и даже даны были особія привилегіи ²⁾.

Въ XV вѣкѣ между караимами, въ главныхъ центрахъ караимства, обнаруживается замѣчательное умственное движеніе. До тѣхъ поръ они стояли на низкой степени умственного развитія; но съ XV вѣка усиливается приливъ еврейскаго населенія въ предѣлы Византіи вслѣдствіе преслѣдовавшихъ преслѣдованій на Западѣ. Особенно же оказали большое вліяніе на улучшеніе быта Евреевъ эдиктъ Баязета II, предоставившій имъ права гражданства. Начался приливъ Евреевъ, особенно изъ Германіи. Въ числѣ переселенцевъ появились и ученые. Евреи начали издавать въ Константинополѣ книги. Спокойствіе, наступившее съ этого времени для Евреевъ, значительно сблизило караимовъ съ пришлыми учеными, хотя послѣдніе и принадлежали къ талмудистамъ. Подъ ихъ руководствомъ образовалось нѣсколько ученыхъ изъ караимовъ, и научныя занятія сдѣлались преобладающими въ ихъ обществѣ. Во главѣ этого умственного движенія, въ срединѣ XV вѣка стоялъ раввинъ Куматано. Онъ изучалъ математику, астрономію, механику и естественныя науки, какъ можно предположить по множеству переводовъ, сдѣланныхъ имъ по этимъ предметамъ, и по его оригинальнымъ сочиненіямъ. Кромѣ того, онъ занимался толкованіемъ Библии, и какъ большая часть тогдашнихъ ученыхъ, считалъ математику и естественныя науки необходимыми для уразумѣнія Священнаго Писанія. Только значеніе послѣдняго онъ понималъ иначе, чѣмъ его современники. „Комментарій мой“, говоритъ ученый раввинъ, — основанъ на началахъ филологіи и уясненъ законами логики; гдѣ нужно, есть указанія на науки естественныя, а при случаѣ и на астрономію. Точно также не чужды онъ наукъ математическихъ и теологіи. Кромѣ того, я стараюсь не удалаться отъ подлежащаго смысла текста, не увлекаясь при этомъ никакими авторитетами, развѣ только въ необходимомъ случаѣ, гдѣ

¹⁾ Древности еврейскія и древніе еврейскіе памятники въ Крыму, въ *Зап.-Одесск. Общ. Истор.*, I, 441—448; *Григорьевъ*, *ibid.*, 29—31.

²⁾ *Перлиштейнъ*, Луцкъ и его древности.

имѣю дѣло съ традиціей, освященною вѣками". Желая быть полезнымъ своему народу, Куматяно сдѣлался преподавателемъ какъ талмудистскому, такъ и караимскому юношеству. По его мнѣнію, въ воспитаніи юноши одно изъ первыхъ мѣсто должны занимать науки математическія, особенно же астрономія, въ связи съ науками естественными. И дѣйствительно, въ это время Евреи не занимались никакою наукою такъ усердно, какъ астрономіей. Этому много содѣйствовалъ самъ іудаизмъ, такъ какъ опредѣленіе новолуній, праздничныхъ цикловъ и календарной системы должно быть основано на прочныхъ астрономическихъ выводахъ. Въ особенности выразилась дѣятельность еврейскихъ астрономовъ въ составленіи такъ называемыхъ астрономическихъ таблицъ, бывшихъ въ большомъ употребленіи у Арабовъ и вообще въ средніе вѣка ¹⁾.

Это умственное движеніе въ средѣ еврейства особенно важно для насъ, потому что въ немъ принимали дѣятельное участіе и византийскіе караимы. При постоянныхъ сношеніяхъ крымскихъ караимовъ съ этими послѣдними, легко объяснить, какъ рассматриваемое умственное движеніе должно было отразиться на ихъ понятіяхъ; а это значительно объясняетъ пониманіе того элемента, который сообщили новгородской ереси названіе жидовствующей. Это не былъ чисто іудейскій элементъ, который, при торговыхъ отношеніяхъ Новгорода къ Литвѣ и Германіи, могъ бы оказать вліяніе на него гораздо прежде, а скорѣе — научно-раціоналистическое направленіе, которое развилось въ іудействѣ къ этому времени, и къ которому, по всей вѣроятности, принадлежалъ новгородскій пропагандистъ Схаріа. Умственное движеніе въ еврейскомъ мірѣ сообщилося со временемъ литовскимъ и польскимъ Евреямъ. Такъ, въ 1507 году, по свидѣтельству Густынской лѣтописи, невѣстный Еврей диспутировалъ противъ христіанства и опровергалъ его на основаніи Священнаго Писанія, за чтѣ и былъ сожженъ ²⁾. Но Схарію, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, слѣдуетъ считать уроженцемъ Крыма; титулъ „князя Таманскаго“ онъ могъ носить въ качествѣ главы туземныхъ караимовъ, называвшагося „нази“ (князь), а впоследствии — синонимическимъ „галахамъ“; а его выдающееся общественное положеніе, или по крайней мѣрѣ, происхожденіе даетъ право полагать, что оль

¹⁾ *Гурляновъ*, Новые матеріалы для исторіи еврейской литературы, стр. 1—9, 16—27, 40.

²⁾ П. С. Р. Л., II, 365.

получилъ соответствующее тому образованіе. Это подтверждается и источниками.

Изъ исторіи ереси видно, что Схарія хорошо владѣлъ діалектикой, зналъ Священное Писаніе и даже отцовъ церкви. Геннадій говоритъ, что еретики сильно дѣйствовали на христіанъ астрономическою рукописью „Шестокрылія“, предсказывая на основаніи ея небесныя явленія ¹⁾). Въ то время, когда на каждое физическое явленіе смотрѣли какъ на вполне случайное, служащее только предназначеномъ общественныхъ бѣдствій, возможность предсказывать явленія должна была сильно дѣйствовать на общество. Вмѣстѣ съ астрономическими рукописями у еретиковъ были въ употребленіи и математическія — землемѣріе или геометрія, которыя по своимъ замысловатымъ фигурамъ и начертаніямъ могли казаться волшебными книгами. Изъ одного близкаго по времени хронографа видно, что ученые Евреи образовали вокругъ себя большое общество изъ духовныхъ лицъ и гражданъ, которые учились у нихъ волшебнымъ книгамъ ²⁾). Съ такимъ же характеромъ представляется и дальнѣйшее распространеніе ереси: ей сочувствовали лица, занимавшія видныя мѣста въ обществѣ и отличавшіяся образованностію. Что касается чисто-религіозныхъ убѣжденій Схаріи и его соплеменниковъ пропагандистовъ ереси, то весьма вѣроятно, что они держались того свободно-философскаго направленія въ іудействѣ, какое въ то время господствовало въ крымскомъ вараямствѣ, и представителемъ котораго былъ ученый раввинъ Куматяно: такъ можно думать на томъ основаніи, что во всемъ ученіи жидовствующихъ не видно слѣдовъ Талмуда; напротивъ, въ толкованіи ими мѣстъ Священнаго Писанія преобладаетъ рационально-діалектическій методъ ³⁾, и Геннадій для борьбы съ еретиками вооружается между прочимъ логикою ⁴⁾, а Іосифъ Волоколамскій, для опроверженія ересеученія, весьма часто употребляетъ діалектическій способъ доказательствъ.

¹⁾ Гурляндъ, *ibid.*; *Труды Вост. Отд. Арх. Общ.*; 1866 г., стр. 19—21; Посл. Геннадія къ Іоасафу въ *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1847 г., VIII. Рукопись «Шестокрылія» заключаетъ въ себѣ астрономическія таблицы, составленныя еврейскимъ астрономомъ Имануиломъ-бенъ-Іаковомъ.

²⁾ Хронографъ Румянц. Музея, № 461, л. 248, рукоп. начала XVI в.

³⁾ См. въ 1-мъ словѣ Просвѣтителя (стр. 81—91) объясненіе еретиками ветхозавѣтныхъ мѣстъ, заключающихъ въ себѣ указаніе на троичность лицъ въ Богѣ.

⁴⁾ Посл. къ Іоасафу.

Нельзя думать, чтобы Схарія и его товарищи Саарявей и Ханушъ прибыли въ Новгородъ со спеціальною цѣлью пропагандировать тамъ свое ученіе; вѣроятно, ихъ привлекли туда выгоды торговли, которою издавна славился Новгородъ. Это также видно, изъ упомянутого выше, почти современнаго ереси памятника, гдѣ прямо говорится, что Евреи пришли туда именно для торговли ¹⁾. Но какъ Евреи-уроженцы Крыма, они были пропагандистами по традиціи. Не удивительно поэтому, что, встрѣтивъ въ Новгородѣ религиозное броженіе, существовавшее тамъ со временъ стригольниковъ и теперь особенно усиленное политическими распрями, они занялись тамъ и религиозною пропагандой. Они начали съ духовенства, съ которымъ, вѣроятно, прежде всего и вошли, по роду своихъ занятій, въ сношеніе: ибо извѣстно, что въ Новгородѣ, въ то время, въ рукахъ духовенства было завѣдываніе мѣрами и вѣсами ²⁾. Въ то время исходилъ существовавшій тогда пасхальный кругъ, и приближалась къ концу седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра, съ окончаніемъ которой, по существовавшему тогда всеобщему повѣрью, должны были послѣдовать второе пришествіе Христова и кончина міра. Вопросъ объ этомъ, глубоко волновавшій все тогдашнее русское общество, не могъ не занимать и новгородское духовенство. Вступивъ въ сношенія съ учеными Евреями, нѣкоторые изъ новгородскихъ священниковъ, тоже люди мыслящіе и начитанные, воспитанные на свободныхъ мнѣніяхъ, пущенныхъ въ обращеніе стригольниками, и какъ всѣ тогдашніе грамотники, любившіе при случаѣ подиспутировать о вѣрѣ, естественно подѣлились съ своими собесѣдниками волновавшимъ ихъ вопросомъ и дали имъ случай высказать на этотъ счетъ собственное мнѣніе. Евреи, конечно, прежде всего успѣли доказать неосновательность существовавшаго повѣрья о скорой кончинѣ міра и указывали при этомъ на разность христіанскаго лѣтосчисленія отъ іудейскаго, по которому конецъ седьмой тысячи долженъ былъ наступить нѣсколько позднѣе, чѣмъ по христіанскому; потомъ, какъ знатоки математики и астрономіи, особенно искусные въ опредѣленіи новолуній, праздничныхъ цикловъ и вообще календарной системы, они охотно подѣлились съ своими новыми знакомыми этими свѣдѣніями и научили ихъ состав-

¹⁾ <15 лѣто 6979 г. былъ въ Новгородѣ князь Михаилъ Олельковичъ изъ Литвы, а съ нимъ Жидове *торимъ*..., говорится въ хронографѣ Рум. М. № 461, л. 248 на оборотѣ.

²⁾ Григоровичъ, О посадникахъ новгородскихъ.

лять пасхалию. И первые еретики дѣйствительно выказывали себя единственными знатоками этого дѣла. „Когда изойдетъ седьмая тысяча, тогда и мы будемъ надобны“, говорилъ попъ Алексѣй въ присутствіи Геннадія¹⁾. Но отъ критики библейскаго лѣтосчисленія и отъ опредѣленія времени праздниковъ легко было перейти и къ самому значенію праздниковъ, подвергнуть критикѣ событія новозавѣтной исторіи. Это они незамѣтно и сдѣлали. Наши грамотѣ-самоучки, уже предварительно поколебленные въ своихъ релігіозныхъ убѣжденіяхъ, не въ состояніи были устоять противъ діалектики своихъ ученыхъ диспутантовъ, постоянно опиравшихся притомъ на букву Писанія, и легко поддались ихъ влиянію. Въ скоромъ времени они не только сдѣлались жаркими послѣдователями идей учено-либеральныхъ Евреевъ, но и научились отъ нихъ искусству, уснѣшно пропагандировать ихъ въ обществѣ.

Подобно своимъ наставникамъ-Еврейамъ, первые еретики вели себя чрезвычайно хитро и распространяли свое ученіе, пользуясь благоприятными обстоятельствами: предъ людьми, твердыми въ православіи, казались сами не только православными, но и страшными врагами всѣхъ еретиковъ, щедро рассыпали на нихъ проклятія и публично обвиняли въ ереси собственныхъ обличителей; клясться и увѣрять въ своемъ православіи у нихъ не считалось грѣхомъ. Но зато, при всякомъ удобномъ случаѣ, они совращали слабыхъ, и чтобы привлечь ихъ къ ереси, поблажали разнымъ ихъ порокамъ. Главною цѣлю ихъ было проводить на священническія мѣста своихъ единомышленниковъ, чтобы чрезъ нихъ распространять свое ученіе, и въ большинствѣ случаевъ это имъ удавалось. Вскорѣ, не только въ городахъ, но и въ селахъ, были на священническихъ мѣстахъ еретики, и они увлекали мірянъ, не свѣдущихъ въ дѣлахъ вѣри, то ласковымъ обращеніемъ, то всякаго рода послабленіями. Содрѣшить ли кто и прійдетъ каяться, такой попъ прощаетъ грѣшника вопреки церковнымъ правиламъ, не страшаетъ его вѣчными мѹками, или же успокоиваетъ встревоженную совѣсть кающагося тѣмъ, что на томъ свѣтѣ ничего не будетъ. Кромѣ этого, еретики постоянно выказывали себя глубокими книжниками и мудрецами; они хвалились, что у нихъ есть такіа священныя книги, которыя, при всеобщемъ невѣжествѣ,

¹⁾ Посланіе къ Гонимымъ, стр. 3-я.

были безнакомы большинству: имъ легко было приводить изъ нихъ мѣста и давать имъ произвольныя толкованія ¹⁾).

Такъ впервые зародилось и развилось то движеніе, которому суждено было надолго волновать умы русскаго общества и имѣть громадное вліяніе на весь послѣдующій ходъ его умственнаго и религіознаго развитія.

II.

Паденіе Новгорода.—Перемены въ управленіи Новгородскою церковію.—Архіепископъ Геннадій; свѣдѣнія о его личности и отношенія къ нему митрополита Геронтія.—Состояніе Новгородской церкви во время вступленія въ управленіе ея Геннадія.—Открытіе ереси Геннадіемъ.—Первыя мѣры противъ еретиковъ и причины ихъ неуспѣшности.—Посланія Геннадія къ епископамъ и ихъ послѣдствія.—Смерть митрополита Геронтія.

Между тѣмъ какъ первые еретики тайнѣ работали надъ распространеніемъ ереси, Новгородъ, изнемогшій въ непосильной борьбѣ съ Москвою, принужденъ былъ покориться великому князю. Лучшие изъ его сыновъ пали въ бою, были казнены или заточены, или же отведены въ ссылку — въ Москву и другіе города, а на мѣсто ихъ переселены туда московскіе люди. Въ Москву же, въ январѣ 1480 года, отвезенъ былъ за свое сочувствіе народному дѣлу и Ѳеофилъ, послѣдній Новгородскій владыка, избранный по старинѣ—изъ кандидатовъ, выставленныхъ вѣчемъ, и тамъ принужденъ былъ подписать отреченную грамоту ²⁾. Новгородская епархія осталась праздною и оставалась такою въ продолженіе трехъ лѣтъ; а это давало полный просторъ еретической пропагандѣ. Только на четвертый годъ, въ 1484 году, въ Москвѣ приступлено было къ избранію архіепископа для Новгорода, но уже не изъ Новгородцевъ, а изъ природныхъ Москвитянъ, и притомъ людей угодныхъ великому князю. По новгородскому обычаю, тамъ метали жребій, кому изъ трехъ предназначенныхъ быть архіепископомъ Великаго Новгорода. Жребій палъ на старца Троицко-Сергіева монастыря Сергія, бывшаго прежде протопопомъ Успенскаго собора въ Москвѣ. Понятно, что этотъ первый изъ присланныхъ въ Новгородъ владыкъ былъ не совсѣмъ благосклонно принятъ Новгородцами. Московскіе лѣтописцы говорятъ, что Новгородцы не хотѣли покориться Сергію, потому что онъ „не по ихъ мысли ходилъ“: не

¹⁾ Посланіе къ Гонимому, стр. 1—2; Просвѣтитель, 59—60.

²⁾ Хронографъ. Румянц. Музея, № 457; Рукопись Синод. Библиотеки, № 164 а. 191.

могши ничего сдѣлать надъ нимъ явно, они-де волшебствомъ отняли у него умъ, говоря, что Іоаннъ чудотворецъ наказалъ его. Новгородскіе же и псковскіе лѣтописцы разказываютъ, будто бы Сергій сталъ притѣснять игуменовъ и священниковъ, ввелъ обременительныя пошлины, позволилъ себѣ неуважительно относиться къ мѣстнымъ новгородскимъ святымъ, и будто бы съ этихъ поръ потерялъ онъ разумъ¹⁾. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что онъ возбуждалъ противъ себя вообще негодование въ Новгородѣ и мѣсте, чѣмъ чрезъ годъ (въ 1484 г.), разстроенный физически и нравственно, принужденъ былъ оставить архіепископство. Потрясенному же Новгороду нуженъ былъ на первый разъ пастырь стойкій и дѣятельный, и таковой вскорѣ нашелся въ лицѣ архіепископа Геннадія.

При избраніи Сергія, однимъ изъ кандидатовъ въ архіепископы былъ Чудовскій архимандритъ Геннадій, но жребій не палъ на него; теперь онъ былъ назначенъ въ архіепископы Новгородскіе безъ жребія (12-го декабря 1484 г.). Мы не знаемъ ни мѣста его рожденія, ни его юности. Осталось только извѣстіе, что фамильное прозвище его было — Ганзовъ или Гонзовъ, и что, вступивъ въ монашество, онъ былъ ученикомъ Савватія Соловецкаго и потомъ возведенъ въ санъ архимандрита Чудовскаго монастыря въ Кремль²⁾. Въ лѣтописи въ первый разъ говорится о немъ, какъ объ архимандритѣ Чудова монастыря, по поводу участія его въ спорѣ митрополита Геронтія съ великимъ княземъ о хожденіи „по солонь“, въ которомъ Геннадій, вмѣстѣ съ знаменитымъ владыкою Ростовскимъ Вассіаномъ Рыломъ, держалъ сторону великаго князя и говорилъ противъ митрополита. Споръ этотъ, любопытный для характеристики времени и самихъ спорившихъ, происходилъ лѣтомъ 1479 года, при освященіи только что отдѣланнаго Аристотелемъ Фіоравенти Успенскаго собора. Мнѣніе о томъ, что надобно, при освященіи храма, ходить по солнцу было возбуждено нѣкоторыми посѣтившими Леонъ и было призвано митрополитомъ Геронтіемъ, какъ опасная повизна. „Митрополитъ свидѣтельство приводя, егда престоль діаконъ кадитъ въ олтарѣ, на правую руку ходитъ съ кадиломъ; а они (Геннадій и Вассіанъ) свидѣтельства никакого не принимаху, но глаголаху: Солнце праведное Христось на ада наступи и смерть связа и души свободи, и того ради, рече,

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 243—244; V, 41—42.

²⁾ Шевыревъ, Пет. Р. Словесности, IV, ст. 129; Костомаровъ, Р. Ист., II,

исходить на пасху, то же прообразуютъ на утреніи“¹⁾. Такъ излагается сущность спора у лѣтописца. Черезъ два года съ небольшимъ въ октябрѣ 1481 года, споръ этотъ опять возобновился: на сторонѣ митрополита стало большинство клира и мірянъ, а на сторонѣ великаго князя были только преемникъ Вассіана Рыло Іоасафъ и тотъ же Геннадій. На этотъ разъ споръ окончился открытымъ разрывомъ между митрополитомъ и великимъ княземъ. Митрополитъ, не желая уступить, оставилъ посохъ въ церкви и уѣхалъ въ Симоново съ мысли снять свой санъ, если великій князь „не добіетъ ему челомъ“. Іоаннъ III, какъ человѣкъ дальновидный и осторожный, умѣлъ всегда уступить во-время и на этотъ разъ сообразилъ, что ему невозможно идти противъ всего тогдашняго книжнаго міра, и потому поспѣшилъ примириться съ митрополитомъ, предоставивъ ему совершать крестные ходы по своей волѣ, „какъ было въ старину“. Состязаніе между духовною и свѣтскою властями окончилось, такимъ образомъ, къ торжеству первой. Тѣмъ не менѣе митрополитъ не могъ не считать неудовольствія на Геннадія за то, что онъ человѣкъ, безусловно подвластный ему, осмѣлился заявить себя противъ него, своего непосредственнаго и верховнаго начальника; митрополитъ искалъ случая отмстить ему за это, и такой случай вскорѣ представился. Геннадій разрѣшилъ въ своемъ монастырѣ пить и ѣсть въ Крещенскій сочельникъ до Богоявленской воды на томъ основаніи, что этотъ день приходился въ воскресенье. Митрополитъ нашелъ здѣсь нарушеніе устава и потребовалъ Геннадія къ себѣ. Геннадій, опасаясь гнѣва митрополита, искалъ защиты у великаго князя. Митрополитъ самъ отправился къ великому князю и потребовалъ выдачи архимандрита. Великій князь и на этотъ разъ уступилъ митрополиту. Геронтій поступилъ съ Геннадіемъ со всею жестокостью, обычною въ то время: послѣдняго заковали и посадили въ ледникъ подъ митрополитичью палатой, и только заступничество великаго князя и другихъ благожелателей спасло Геннадія отъ дальнѣйшихъ истязаній со стороны митрополита²⁾.

Вотъ и все, что мы знаемъ, о Геннадіѣ, до поставленія его на Новгородскую архіепископскую кафедру. Но ужъ и этихъ немногихъ эпизодовъ изъ его жизни достаточно, чтобы судить о его личности. Это былъ человѣкъ стойкій, самостоятельный, энергическій, не лю-

¹⁾ П. С. Р. Д., VI, 221, 223.

²⁾ П. С. Р. Д., VI, 236.

бывшій скрывать свои убѣжденія и слѣпо преклоняться предъ авторитетомъ, хотя бы это сопряжено было для него съ неприяностями и пожертвованіями. Такая личность какъ нельзя болѣе соответствовала обстоятельствамъ, въ которыхъ находилась тогда Новгородская церковь; а положеніе ея было самое печальное. На ряду съ только что придавленными, но еще далеко не заглухнувшими политическими страстями, господствовало раздраженіе противъ Московской митрополіи за плѣненіе архіепископа Теофила и за лишеніе новгородской паствы права выбирать себѣ владыку по старинѣ. Въ духовенствѣ новгородскомъ издавна коренилась недлюбовь къ московской духовной власти; теперь это чувство еще болѣе усилилось послѣ отнятія селъ и деревень отъ монастырей и церквей новгородскихъ на великаго князя. Умственный и нравственный уровень духовенства, долго оставшагося безъ дѣятельнаго надзора епархіальной власти, былъ слишкомъ низокъ: нѣкоторые невѣжественные поны, діаконы и клирики отличались безбоязненною дерзостію и своеволіемъ, и допускали страшныя безчинства въ отправленіи своихъ прямыхъ обязанностей ¹⁾. Здѣсь же, среди этихъ открытыхъ беспорядковъ, незамѣтно, но тѣмъ не менѣе быстро росло и развивалось другое, болѣе опасное зло, грозившее поколебать церковь въ самомъ ея основаніи. Зло это была ересь, сѣмена которой еще за 15-ть лѣтъ до поставленія Геннадія, впервые заронены были въ новгородскомъ духовенствѣ ученымъ Евреемъ Схаріей и его сообщниками. Изъ тѣсныхъ кружковъ новгородскихъ книжниковъ она, предъ прибытіемъ Геннадія на свою кафедру, мало по-малу стала проникать въ невѣжественныя народныя массы и заявлять себя здѣсь въ самыхъ грубыхъ, самыхъ возмутительныхъ для людей вѣрующихъ формахъ. Столько лѣтъ спокойно благоденствующимъ еретикамъ, конечно, надобно скрываться и носить маску смиренія и благочестія; разросшееся зло просилось наружу. Съ распространеніемъ ереси, въ числѣ ея приверженцевъ явились люди, которые уже не считали необходимымъ держаться такого поведенія и аккуратности, какими отличались первые еретики, или можетъ быть, по тогдашнимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, не находили притворства болѣе нужнымъ. Какъ бы то ни было, но все чаще и чаще встрѣчались примѣры самаго грубаго кощунства и поруганія христіанской святыни, случаи самой необузданной безнравственности, какаѣ возможна только для людей совершенно поправившихъ автори-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 158.

теть вѣры и церкви. Еретики не только истребляли кресты и иконы, но и выдумывали различные способы оскорбленія этихъ священныхъ предметовъ: кусали ихъ, бросали въ скверныя мѣста; спали на иконахъ и мылись на нихъ, обливали ихъ нечистотами, писали срамныя вещи на иконахъ и на крестахъ, навязывали послѣдніе воронамъ на хвостъ и въ добавокъ оскорбляли иконы словами и непристойными тѣлодвиженіями ¹⁾).

Въ такомъ печальномъ положеніи засталъ Новгородскую церковь ея новый владыка. Но Геннадій былъ не такой человекъ, который могъ бы легко примириться съ существующимъ зломъ и дать ему спокойно расти и укрѣпляться. Онъ вступилъ съ еретичествомъ въ долгую и ожесточенную борьбу и неустанно велъ ее во все время своего архіепископства, до тѣхъ поръ, пока не смѣнилъ его на этомъ поприщѣ другой великій мужъ нашей церкви, преподобный Іосифъ Санинъ, игуменъ Волоцкій. Въ памятникахъ нѣтъ никакихъ извѣстій, какъ принялся Геннадій за свою новую паству, которая не хотѣла покориться его предшественнику, и вѣроятно, отнеслась съ недоверіемъ и къ нему самому, какъ избраннику Москвы; остается также неизвѣстнымъ, въ чемъ особенно проявлялась его пастырская дѣятельность въ первые два года его архіепископства. Несомнѣнно извѣстно только одно, что Геннадій не разомъ наналъ на слѣды ереси; онъ узналъ о существованіи ея уже спустя два года по прибытіи своемъ въ Новгородъ. Первое свѣдѣніе о ереси дошло до архіепископа почти случайно: четверо еретиковъ, поссорившись въ нетрезвомъ видѣ упрекнули другъ друга въ нечестивыхъ дѣлахъ и обнаружили ересь. Услышавъ объ этомъ, Геннадій немедленно далъ знать митрополиту и великому князю, и получивъ отъ нихъ приказаніе не допускать распространенія ереси, началъ дѣлать обыскъ. Во время обыска одинъ изъ покаявшихся еретиковъ, попъ Наумъ, отрылъ архіепископу всѣхъ и все и принесъ даже псалмы, которые пѣли еретики въ своихъ тайныхъ собраніяхъ ²⁾). Геннадій велѣлъ брать подозрѣваемыхъ и отдавалъ ихъ на поруки до окончанія слѣдствія. А такъ какъ четверо изъ взятыхъ на поруки вскорѣ за тѣмъ бѣжали въ Москву, то онъ отправилъ туда къ князю и митрополиту, при особомъ посланіи, все

¹⁾ Посланія Геннадія къ еп. Инфонту Суздальскому и Прохору Сарскому (напечатаны въ изслѣдованіи о сочиненіяхъ Іосифа Волоколамскаго, г. *Хрущова*: Источники стр. XVI—XVIII и XXII—XXIII).

²⁾ Посланіе къ Іоасафу.

слѣдственное дѣло о еретикахъ, называемое въ лѣтописяхъ „подлинниками“ или „подлинными списками“ архіепископа Геннадія. Въмѣстѣ съ подлинниками Геннадій препроводилъ къ митрополиту и „тетрадь“, почему они (еретики) молились по жидовски, и гдѣ „псалмы превращены на ихъ обычай“¹⁾. Это было въ августѣ или сентябрѣ 1487 года²⁾.

Въ Москвѣ не горячо взялись за дѣло о еретикахъ, тянули его и не давали Геннадію отвѣта. Медленность эту можно объяснять прежними не совсѣмъ дружественными отношеніями Геннадія къ митрополиту Геронтію. Митрополитъ до сихъ поръ не могъ забыть оппозиціи Геннадія въ спорѣ его съ великимъ княземъ и естественно пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы сдѣлать ему что-нибудь непріятное. Но еслибы даже не существовало этого обстоятельства, то митрополитъ все-таки, при настоящихъ измѣнившихся обстоятельствахъ, едва ли былъ въ состояніи сдѣлать многое въ пользу дѣла, за которое такъ горячо принялся Геннадій. Прежде духовная и свѣтская власти шли рука объ руку: первая содѣйствовала возвышенію и усиленію послѣдней; а послѣдняя, въ замѣнъ этого, платила первой сыновнимъ почтеніемъ и оказывала ей при случаѣ поддержку. Теперь отношенія между ними существенно измѣнились. Съ уничтоженіемъ удѣловъ, мірская власть, достигнувъ апогея своего могущества, не только не нуждалась въ опецѣ со стороны духовной власти, но и стремилась подчинить послѣднюю, паравнѣ съ другими органами общественной жизни, своему верховному господству и въ значительной степени достигла этого. Тотъ же самый митрополитъ, который такъ еще недавно, въ гордомъ сознаніи своего вѣковаго могущества, требовалъ челобитья отъ самого великаго князя и дѣйствительно получилъ его, теперь, по свидѣтельству современника, дрожалъ отъ страха предъ державнымъ и смиренно подчинялся его волѣ. опасаясь удаленія своего съ митрополитической кафедры, о которомъ уже совѣщался великій князь съ уважаемымъ имъ старцемъ Паисіемъ Ярославовымъ. Великій же князь имѣлъ свои причины затягивать дѣло о еретикахъ и смотрѣлъ на ересь совсѣмъ иначе, нежели смотрѣлъ на нее Геннадій. Между тѣмъ какъ Геннадій, ничего не подозревая, чинилъ обыскъ еретиковъ въ Новгородѣ и слалъ грамоты о нихъ къ митрополиту и великому князю, ересь успѣла пе-

¹⁾ Посланіе къ Прохору.

²⁾ Акты Археогр. Экспеди., I, № 380; Акты Историч., I, № 285.

рейдти въ Москву и свить себѣ гнѣздо даже въ самомъ царскомъ дворцѣ; жаркими приверженцами ея сдѣлались люди, самые приближенные къ великому князю и его вліятельные совѣтники ¹⁾. Эти лица, безъ сомнѣнія, сумѣли убѣдить великаго князя, что архіепископъ Новгородскій преувеличиваетъ дѣло, и что ересь повсе не такъ вредна и опасна, какъ представляеть ее онъ въ своемъ донесеніи. Послѣ этого становится понятнымъ, почему грамоты Геннадія такъ долго оставались въ Москвѣ безъ всякаго результата.

Не получая отвѣта ни отъ великаго князя, ни отъ митрополита, Геннадій къ концу 1487 года обратился съ посланіемъ о содѣйствіи къ Сарскому епископу Прохору, жившему въ Москвѣ на Крутицахъ. Геннадій увѣдомлялъ Прохора, что въ Новгородѣ появились еретики, которые мудрствуютъ по жидовски, держатъ Маркіанскую и Мессалианскую ереси, всячески скрываются, называл себя православными, что слѣдственное дѣло о нихъ отослапо къ князю и митрополиту,— выражалъ свои недоумѣнія относительно окончанія пасхальнаго круга и седьмой тысячи, пространно доказывалъ вѣрность христіанскаго библейскаго лѣтосчисленія и испорченность современнаго іудейскаго, наконецъ, просилъ его ходатайства предъ великимъ княземъ о принятіи мѣръ противъ поругателей святыхъ ²⁾. Но такъ какъ отвѣта ни со стороны великаго князя, ни отъ митрополита все не являлось и не было принято никакихъ мѣръ противъ ереси, а между тѣмъ дерзость еретиковъ возросла до невѣроятной степени, то Геннадій, въ январѣ слѣдующаго 1488 года, обратился съ новыми посланіями къ бывшимъ тогда въ Москвѣ епископамъ Нифонту Суздальскому и Филоею Пермскому, проси ихъ печаловаться предъ великимъ княземъ и митрополитомъ, „чтобы они потщилися тому дѣлу исправленіе учинити, занеже цынѣ бако продлилося то дѣло; обысѣ ему не крѣпко чинится... еретивамъ ослаба пришла, уже наругаются христіанству“ ³⁾. Въ обоихъ этихъ посланіяхъ Геннадій описываетъ ужасные для слуха вѣрующихъ поступки еретиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ племянникомъ еретика Гриди Ключа, занесеннаго Геннадіемъ въ подлинные списки, и вообще рисуетъ мрачную картину самаго грубаго кощунства ихъ надъ христіанскою святыней. Посланія Геннадія къ епископамъ оказали желанное дѣйствіе.

¹⁾ Просвѣтит., 53.

²⁾ Хрущовъ, Источн., стр. XVI—XVIII.

³⁾ Хрущовъ, Источн., XXII—XXIII.

Если единичный голосъ Новгородскаго владыки оставался не услышаннымъ, то совокупный голосъ нѣсколькихъ архипастырей еще имѣлъ силу предъ „державнымъ“. Дѣло приняло быстрый ходъ: оно разсматривалось на соборѣ; трое изъ еретиковъ—попы Григорій Семёновскій и Ересимъ Никольскій и сынъ попа Григорья — Самсонокъ дьякъ признаны были соборомъ достойными изверженія и отлученія отъ церкви и подлежащими проклятію за то, что хулили Христа Сына Божія и пречистую Богоматерь, ругались святымъ иконамъ, жидовскую вѣру величали, а нашу православную хулили; великій князь, съ своей стороны, подвергъ ихъ торговой казни „по царскимъ правиламъ“. Четвертый изъ судимыхъ соборомъ. Гридя дьякъ „не дошелъ еще по правиламъ градскія казни, потому что на него одинъ свидѣтель, попь Паумъ“. Въ февралѣ того же 1488 года, князь и митрополитъ ужъ извѣщали объ этомъ Геннадіи и поручали ему, чтобъ онъ продолжалъ обыскъ еретиковъ „съ великимъ прилежаніемъ и со многимъ извѣщеніемъ, какъ велѣно по Божественному Писанію“, и тѣхъ, которые покаются, подвергалъ церковной эпитиміи, а не раскаившихъ и вообще тѣхъ, которые окажутся достойными „градскія казни“, отсылалъ бы „по царскимъ правиламъ“ для градской казни къ великокняжескимъ намѣстникамъ Якову и Юрію Захаревичамъ Кошкинымъ: „Да обыскивалъ бы еси, сыну, то дѣло прилежно“, заключалъ свою грамоту митрополитъ,—„чтобы христіанство въ возмущеніи не было, а церковь Божія безмятежна была“¹⁾. Изъ этого не видно, чтобъ Геронтіи стоялъ за ересь. Но его, строгаго ревнителя буквы, никто изъ современниковъ и не обвиняетъ въ сочувствіи ей, а только въ слабости, безпечности и въ излишнемъ страхѣ предъ „державнымъ“, въ страхѣ, заставлявшемъ его забывать свои прямыя обязанности. Такъ смотрѣлъ на него его знаменитый современникъ, Іосифъ Волоцкой: „И самъ же (Геронтіи) убо христіанская мудрствуя, о прочихъ же ни мало попечеса, погибающимъ, увы мнѣ! Христовѣмъ овцамъ еретическимъ ученіемъ, или грубостію одержимъ, или не радяше о семъ, или бояшеса державнаго“²⁾.

Снабженный полномочіями отъ великаго князя и митрополита и надежными помощниками въ лицѣ великокняжескихъ намѣстниковъ, бояръ Кошкиныхъ, Геннадій снова ревностно принялся за розыскъ еретиковъ и повелъ дѣло весьма удачно: открыто было множество

¹⁾ Акты Истор., I, № 285; П. С. Р. Л., VIII, 218.

²⁾ Просв., 53.

еретиковъ; одни изъ еретиковъ покаялись и были осуждены архіепископомъ на церковную эпитимію, а не покаявшихся и продолжавшихъ хвалить жидовскую вѣру онъ передавалъ намѣстникамъ для торговой казни и письменныя показанія ихъ препроводилъ къ великому князю и митрополиту. Но въ Москвѣ теперь не обратили никакого вниманія на донесенія Геннадія и „положили дѣло нп за что“, какъ самъ онъ вскорѣ писалъ къ Ростовскому архіепископу Іоасафу (25-го февраля 1489 г.). Слабый духомъ и тѣломъ, уже приближающийся къ смерти, митрополитъ Геронтіи „не подокучилъ о томъ великому князю“, и еретикамъ никакого конца учинено не было ¹⁾. Весною 1489 года Геронтіи скончался.

III.

Ересь въ Москвѣ.—Избраніе на митрополичью кафедру Зосимы и его непрязнь къ Геннадію. — Новыл безчинства еретиковъ въ Новгородѣ; чернецъ Захаръ и его нападки на Геннадія. — Посланія Геннадія къ Зосимѣ и собору владыкъ. — Соборъ 1490 г.; его приговоръ надъ еретиками и приведеніе его въ исполненіе Геннадіемъ. — Состояніе умовъ послѣ собора; мнѣніе о кончинѣ міра; его происхожденіе и произведенное имъ смущеніе; какъ воспользовались этимъ еретики.—Новый борець противъ ереси.

Со смертію митрополита Геронтія, обстоятельства еще болѣе обратились не въ пользу Геннадія и защищаемого имъ дѣла православія. Ревностному Новгородскому владыкѣ предстояла новая борьба и на этотъ разъ уже не съ скрытымъ недоброжелательствомъ, не съ тайною интригой, а съ открытыми врагами, завербованными въ свои ряды такихъ лицъ, отъ которыхъ прямо зависѣла судьба самого Геннадія. Но и на этотъ разъ энергическій борець за существующій религіозно-церковный строй съ торжествомъ вышелъ изъ борьбы, хотя торжество его, по прежнему, не было полнымъ и продолжительнымъ.

Въ это время центръ ереси окончательно перенесенъ былъ въ Москву, и она успѣла организовать въ крѣпко-сплоченное общество. Еще за девять лѣтъ до того (въ 1480 г.) попъ Алексѣй и попъ Девясъ привезены были самимъ великимъ княземъ изъ Новгорода въ Москву и опредѣлены были первый — протопопомъ въ Успенскій соборъ, а послѣдній—попомъ въ Архангельскій. Алексѣй и Де-

¹⁾ Акты Арх. Экспедиціи, I, № 380; *Чт. Общ. И. и Др.* 1847 г., VIII, отд. IV, стр. 2.

нись не принадлежали къ тому разряду грубыхъ еретиковъ, о которыхъ говорено было выше. Оба они были первыми учениками Схаріи и привлекли къ себѣ вниманіе великаго князя своимъ умомъ и книжнымъ образованіемъ. Вѣрные традиціямъ своего учителя, они понимали, какъ имъ должно было вести себя въ Москвѣ, и вели себя тамъ чрезвычайно осторожно — „таяхуся, яко же змѣѣ въ скважнѣ“, по выраженію Іосифа, вазались кроткими, праведными и воздержными, но въ то же время тайно распространяли еретическое ученіе и вели дѣло пропаганды такъ искусно, что Геннадій, въ продолженіе пяти лѣтъ, до отъѣзда своего въ Новгородъ, не зналъ о существованіи ереси. Вскорѣ имъ удалось образовать около себя учено-литературный кружокъ изъ мѣстныхъ грамотниковъ, раздѣлившихъ ихъ мнѣнія. Между прочимъ они привлекли къ своей ереси Симоновскаго архимандрита Зосиму и чернеца Захарію, при дворѣ великаго князя знатнаго дьяка Ѳедора Курицына съ братомъ его Иваномъ Волкомъ, дьяковъ крестовыхъ Истому и Сверчка и изъ купцовъ — Семена Кленова. Зять протопопа Алексѣя, Иванъ Максимовъ, свелъ въ ересь даже невѣстку великаго князя Елену, какъ впоследствии сознавался самъ Іоаннъ Іосифу Волоцкому ¹⁾. Все это были большею частію люди, занимавшіе видное положеніе въ обществѣ и по своему времени образованные, а нѣкоторые изъ нихъ занимались даже литературою. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ дьякъ великаго князя Ѳедоръ Курицынъ, не разъ исполнявшій дипломатическія порученія; такъ онъ ѣздилъ посломъ въ Валахію для устройства брака великаго князя Ивана Младого Ивановича съ Еленою, дочерью воеводы Стефана, и неоднократно былъ въ Литвѣ и Венгріи ²⁾. Курицынъ, также какъ и протопопъ Алексѣй, по словамъ преп. Іосифа, прилежалъ „звѣдозаконію, многимъ баснословеніямъ, астрологіи, чародѣйству и чернокнижю“ ³⁾. Кромѣ этого современнаго свидѣтельства о многосторонней учености Курицына, суще-

¹⁾ Просвѣтитель, 51—52; Посл. Іосифа къ Митрофану въ *Чт. Общ. И. и Др.* 1847 г., I, отд. IV.

²⁾ Есть извѣстіе, что Курицынъ, во время своего посольства въ Валахію, проѣзжалъ чрезъ Крымъ; онъ былъ даже въ плену у Турокъ и освобожденъ Менгли-Гиреемъ (см. Дипломатическую переписку между російскими великими князьями и бывшими въ Крымѣ татарскими князьями—*Зап. Одесск. Общ. Ист.*, V, 195—197). Можетъ быть, онъ еще въ это время познакомился съ Схаріей и его учениемъ...

³⁾ Просвѣт., 53.

стствуетъ предположеніе, что онъ перевелъ повѣсть о Дракулѣ Волошскомъ¹⁾; ему же несомнѣнно принадлежитъ и переводъ апокрифическаго Лаодикійскаго посланія, какъ это доказываетъ послѣсловіе его, изъ котораго видно, что списыватель его былъ именно дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ²⁾. Неизвѣстно, когда занимался этими сочиненіями Курицынъ, но они говорятъ намъ о его склонности къ вольномыслию, такъ какъ въ Лаодикійскомъ посланіи встрѣчаются, наприѣръ, такіа выраженія: „душа самовластна, заграда ей вѣра“... Замѣчательны эти сочиненія еще и въ томъ отношеніи, что по нимъ мы можемъ судить о характерѣ той учености, какою обладали грамотники, принадлежавшіе къ этому учено-литературному кружку. О Семенѣ Кленовѣ тоже сохранилось извѣстіе, что онъ письменно излагалъ свои религиозныя убѣжденія³⁾. Въ этомъ же кружкѣ находились какой-то Пвавъ Черный, о которомъ современникъ замѣчаетъ, что онъ книги пишетъ, и еще какой-то Мартынка, вывезенный Курицынымъ изъ Угорской земли⁴⁾. Но самыми вліятельными изъ еретиковъ были протопопъ Алексѣй и Ѳеодоръ Курицынъ. Они, по словамъ современника, такое дерзновеніе имѣли къ державному, какъ никто иной, и служили твердымъ оплотомъ ереси. Самъ великій князь зналъ о ереси своихъ любимцевъ, и не смотря на то, продолжалъ къ нимъ свое благоволеніе⁵⁾. Кружокъ собирался у Ѳеодора Курицына. Еретики разсуждали о вѣрѣ, и по выраженію современника, поучались на православныхъ⁶⁾.

Такимъ образомъ, въ то время, когда Геннадій, при содѣйствіи великокняжескихъ намѣстниковъ, дѣятельно разыскивалъ еретиковъ въ Новгородѣ, каралъ ихъ духовно и предавалъ намѣстникамъ для тѣлесныхъ истязаній, въ то же самое время въ Москвѣ ересь спокойно процвѣтала, пользуясь покровительствомъ великокняжескаго двора. Услышавъ, что въ Москвѣ еретики живутъ въ ослабѣ, туда же бѣжали и новгородскіе еретики, даже тѣ изъ нихъ, которые раскаивались предъ Геннадіемъ и „дѣйства свои писали сами на себя сво-

¹⁾ *Востоковъ*, Описаніе Румянц. Музея, стр. 512.

²⁾ Посланіе помѣщено въ сборникъ бібліотеки С.-Петерб. Дух. Акад. (бывш. Кирило-Бѣлозерск.), № 1098.

³⁾ Посланіе Іосифа на еретика Кленова, напечат. у *Хруцова* въ прилож., стр. 263.

⁴⁾ *Посл.* Геннадія къ собору владыкъ.

⁵⁾ *Просв.*, 53; Посланіе къ Мптрофану.

⁶⁾ Посланіе къ собору владыкъ.

ими руками“, и тамъ не только стали пользоваться полною свободою, но имѣвшіе священный санъ даже служили въ московскихъ церквахъ вмѣстѣ съ православнымъ духовенствомъ. Но и здѣсь, какъ въ Новгородѣ, ересь, сдѣлавшись достояніемъ нескѣпственной массы, начала заявлять себя въ самыхъ грубыхъ формахъ; даже одинъ изъ главныхъ представителей ереси, попъ Денисъ, не удержался отъ излишества и, если вѣрить извѣстію, сообщаемому Геннадіемъ, во время богослуженія плясалъ за престоломъ и паругался надъ крестомъ¹⁾.

Между тѣмъ, по смерти Геронтія, митрополичья кафедра оставалась праздною. Одновременно съ митрополитомъ умеръ и старѣйшій ересіархъ, протопопъ Алексѣй. Предъ смертью онъ „своимъ волхованіемъ подойде державнаго“ поставить на митрополичій престолъ человека своей партіи, Симоновскаго архимандрита Зосиму, и великій князь поддался внушеніямъ своего любимца. Въ сентябрѣ 1490 года состоялся выборъ: духовныя власти избрали Зосиму митрополитомъ, зная, что этого хочетъ „державный“. Геннадія не пригласили на соборъ: онъ хотѣлъ ѣхать, но самъ великій князь приказалъ ему остаться на мѣстѣ подъ предлогомъ какихъ-то „великихъ дѣлъ“; отъ него потребовали только письменнаго согласія или такъ-называемой „повольной грамоты“. Геннадій не противился выбору Зосимы, потому что не зналъ о его еретичествѣ; но сильно оскорбился тѣмъ, что ему не позволили лично присутствовать на соборѣ. Ясно было, что здѣсь дѣйствовала враждебная Геннадію еретическая партія. Самъ Зосима, какъ сторонникъ еретиковъ, само собою разумѣется, — не могъ не питать вражды противъ Геннадія и лишь только усѣлся на митрополичьемъ столѣ, тотчасъ же потребовалъ отъ Геннадія исповѣданія вѣры, какое обыкновенно давали а҃хіереи при своемъ поставленіи. Это значило, что Геннадія подозреваютъ въ неправовѣрїи. Почти одновременно съ этимъ требованіемъ великій князь и митрополитъ, каждый отъ себя, прислали Геннадію грамоты, требуя его согласія на поставленіе Коломенскаго владыки, но не сообщали ему имени поставляемаго. Геннадій не могъ не видѣть, что противъ него ведется врагами его интрига, что его хотятъ обмануть, и что такъ или иначе здѣсь дѣйствуютъ еретики, хотя онъ еще и далеко былъ отъ мысли заподозрѣвать въ ереси самого митрополита. Онъ наотрѣзъ отказался дать новое исповѣданіе вѣры и съ негодованіемъ отвергъ всякое подозрѣніе въ неправовѣрїи; равнымъ обра-

¹⁾ Акты Арх. Экзед., I, № 380; Просвѣтитель, стр. 576.

зомъ онъ не захотѣлъ дать и безымянной отписи на поставленіе Коломенскаго владыки изъ опасенія, чтобы выборъ не палъ на кого-либо изъ сообщниковъ еретиковъ. „Азъ записи даю такія законныя, какъ онѣя братья наши давали“, писалъ Геннадій къ собору епископовъ¹⁾. Вскорѣ случай далъ Геннадію возможность убѣдиться, что въ Москвѣ дѣйствительно существовала сильная еретическая, а слѣдовательно — враждебная ему партія. Продолжая, по прежнему, разыскивать еретиковъ, Геннадій допрашивалъ возвратившагося изъ Москвы Самсонка и на допросѣ узналъ отъ него подробности о кружкѣ Ѳеодора Курицына и о всѣхъ тѣхъ лицахъ, которыя бывали у великовняжескаго дьяка. „Самсонко молвилъ: ходилъ есмь за все къ Ѳеодору Курицыну, діаку великаго князя, и приходитъ де къ нему Алексѣй протопопъ, да Истома, да Сверчокъ, да Ивашко Черный, что книги пишетъ, да поучаются де на православныхъ; да прѣхалъ де съ Ѳеодоромъ Курицынымъ Угрянинъ—Мартынкомъ зовутъ“. Самсонко, какъ показало слѣдствіе, оказался еретикомъ и преданъ былъ гражданскому суду. Его пытали. Въ Москвѣ стали говорить, что Геннадій мучилъ Самсонку. „Азъ ли того Самсонка мучилъ“, принужденъ былъ оправдываться Геннадій,—„вѣдь пыталъ его сынъ боярскаго великаго князя, а мой только былъ сторожъ, чтобы посула никто не взялъ“²⁾. Послѣ этого въ Москвѣ перестали довѣрять его обыскамъ.

Не замедлило вспыхнуть съ новою силой еретическое движеніе и въ Новгородѣ. Сдавлевное на время строгими мѣрами, принятыми Геннадіемъ, еретичество, при благопріятной для него перемѣнѣ обстоятельствъ, снова заявило себя тамъ самымъ неслыханнымъ кощунствомъ надъ православно-христіанскою свитыней. Теперь еретики смѣло надѣялись на свою безнаказанность. Среди многихъ печестивыхъ поступковъ ихъ особенно выдавался по своей возмутительности поступокъ подъячаго Алексѣя Костина, который, напившись пьянъ, влѣзъ въ часовню, „да снявъ съ лавицы икону Пречистые, на нее скверную воду сиускалъ и иныя иконы въ верхъ ногами переворачивалъ“³⁾. Сильно возмущала Геннадія неслыханная дерзость еретиковъ, теперь остававшаяся безнаказанною, да и послѣдніе болѣе всего

¹⁾ Посл. къ собору владыкъ: *Правосл. Собесѣдн.* 1863 г., апрѣль, 479—481; въ полномъ видѣ помѣщено у *Хруцова* (по частямъ), стр. 115—121; Посл. къ Зосимъ въ Акт. Арх. Экспедиціи, I, № 380.

²⁾ Посланіе къ собору владыкъ.

³⁾ *Просвѣтит.*, стр. 573.

неавидѣли Новгородскаго владыку. Но особеннымъ врагомъ его былъ чернецъ Захаръ. Онъ былъ прежде настоятелемъ Нѣмчиновскаго Успенскаго монастыря въ Новгородской области ¹⁾. Однажды явились къ Геннадію чернецы этого монастыря и донесли ему, что чернецъ Захаръ сванилъ ихъ къ себѣ въ монастырь отъ князя Ѳедора Бѣльскаго, у котораго они служили въ дѣтяхъ боярскихъ, и вотъ уже три года, какъ онъ не даетъ имъ причастія и самъ не причащается. Геннадій призвалъ къ себѣ Захара и спрашивалъ: правда ли то, что говорятъ о немъ чернецы. „Грѣшенъ есмь“, отвѣчалъ Захаръ. Геннадій сталъ его укорять и наставлять, а Захаръ сказалъ, что не у кого причащаться. „Поны по мздѣ ставлены, продолжалъ онъ, — митрополитъ же и владыки тоже по мздѣ ставлены.. Прежде митрополиты ходили въ Цареградъ за посвященіемъ и патриарху деньги давали; а теперь митрополиты даютъ боярамъ тайно посулы; и владыки митрополиту даютъ деньги“. Геннадій за такіе отзывы призналъ Захара стригольникомъ и сослалъ его въ пустынь на Горьнечно; но вскорѣ послѣ того онъ получилъ отъ великаго князя грамоту о томъ, чтобы наказать Захара и отпустить его въ монастырь. Геннадій опять призвалъ Захара и взялъ отъ него клятвенную запись отъ его руки въ томъ, что онъ впредь будетъ причащаться и избересть какъ для себя, такъ и для братіи, духовника. Захаръ, давъ такую запись, вмѣсто своего монастыря отправился въ Москву и не только остался тамъ кѣль и невредимъ, но и приобрѣлъ себѣ сильную поддержку въ лицѣ тамошнихъ знатныхъ еретиковъ, а по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ даже сдѣлался главой ихъ ²⁾. Подъ защитою своихъ сильныхъ покровителей Захаръ началъ нападать на Геннадія и хотѣлъ окончателно подорвать его авторитетъ; онъ обвинялъ его самого въ ереси, и разсылалъ въ Новгородъ и другіе города грамоты, въ которыхъ всячески старался очернить личность Новгородскаго владыки ³⁾.

Сильное распространеніе ереси въ Москвѣ, страшная дерзость и кощунство еретиковъ и особенно послѣдній поступокъ инока Захара, въ высшей степени оскорбительный для пламеннаго ревнителя православія, побудили Геннадія съ новою энергіей взяться за дѣло иско-

¹⁾ Нынѣ погостъ Нѣмчиново Псковской епархіи, Холмскаго уѣзда — на р. Ловати, въ 250 верстахъ отъ Новгорода и въ столькихъ же отъ Пскова.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 158. Здѣсь Захаръ названъ главою, прочіе еретики — его товарищами.

³⁾ Посланія къ Зосимѣ и къ собору владыкъ.

рененія ереси. Теперь онъ уже зналъ, что центръ ереси, источникъ ея силы не у него въ Новгородѣ, и что не отсюда грозилъ опасность православію, а въ самой Москвѣ среди лицъ, близкихъ къ государю, и вотъ противъ этого-то центра онъ и направилъ теперь свою дѣятельность. На вышеупомянутыя требованія митрополита Геннадій отвѣчалъ посланіемъ¹⁾. Въ немъ онъ, кромѣ прямого отвѣта на требованія митрополита, говоритъ о еретикахъ и кратко излагаетъ весь ходъ дѣла о ереси и то, на чемъ оно остановилось. Геннадій прямо указываетъ на Феодора Курицына, какъ на главнаго заступника еретиковъ и ходатая за нихъ, жалуется и на чернеца Захара, упрекаетъ великаго князя за нежеланіе призвать его, Геннадія, въ Москву. Отъ самого Зосимы Геннадій требуетъ созванія собора на еретиковъ, смѣло указываетъ митрополиту на великія обязанности первосвященника и убѣждаетъ его самого быть строгимъ отличителемъ ереси и ходатайствовать объ искорененіи ея предъ великимъ княземъ не только своего ради спасенія, но чести ради государства. „А только государь нашъ, сынъ твой великій князь того не обещетъ“, писалъ Геннадій,—„а тѣхъ не казнить, ино какъ ему съ своей земли та срамота свести? Ано Фрязове по своей вѣрѣ какову крѣпость держать: сказывалъ ми посоль цезаревъ про Шпанскаго короля, какъ онъ свою землю очистилъ, и азъ съ тѣхъ рѣчей списокъ тебѣ послалъ. И ты бѣ, господине, о томъ великому князю пристойно говорилъ, не токмо спасенія ради его, но и чти для государя великаго князя“.

Но Геннадій уже по опыту зналъ, какъ мало значилъ теперь его единственный голосъ въ Москвѣ. Самыя настойчивыя, самыя убѣдительныя требованія его, обращенныя къ митрополиту, могли остаться безъ вниманія, такъ какъ и прежде того Геннадій уже не разъ писалъ въ Москву, присылалъ разные доносы и улики противъ еретиковъ, а имъ въ Москвѣ не давали хода: очевидно, люди, принадлежащіе къ ереси и приближенные къ великому князю, представляли ему Геннадія человекомъ вздорнымъ и неуживчивымъ и этимъ подрывали довѣріе къ нему власти. Поэтому Геннадій, одновременно съ посланіемъ къ митрополиту, посѣвшилъ принять еще и другія, болѣе дѣйствительныя мѣры. Онъ прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ къ средству, которое разъ уже было испытано имъ и въ значительной мѣрѣ достигло желанной цѣли. Изъ грамотъ великаго князя и митрополита

¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 380.

онъ зналъ, что въ Москвѣ собираются ставить новаго владыку для Коломны, и слышно было—хотять соборовать о вѣрѣ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Геннадій, одновременно съ отвѣтными грамотами князю и митрополиту, написалъ соборное посланіе къ архіепископу Тихону Ростовскому и къ епископамъ Нифонту Суздальскому, Вассіану Тверскому, Прохору Сарскому и Филовею Пермскому¹⁾. Всѣ эти іерархи, еще со времени поставленія митрополита, находились въ Москвѣ, и ими хотѣли воспользоваться для хиротоніи Коломенскаго владыки. Въ своемъ посланіи Геннадій объясняетъ владыкамъ, почему онъ не согласился дать отнись на поставленіе Коломенскаго архіерея, и совѣтуетъ не снѣшить поставленіемъ его, пока не покончится дѣло о еретикахъ: „Писано вѣдь въ правилѣхъ святыхъ апостолъ, како владыку поставити, а ваши архимандриты, протопопы и попы соборные съ еретики служили, ино вѣдь иному отлученіе, а иному отверженіе писано“. Подробно разказавъ о страшномъ кощунствѣ Алексѣя Костина и другихъ еретиковъ и о своей борьбѣ съ Захаромъ, Геннадій проситъ себѣ защиты отъ него и указываетъ на Курицына, какъ на печальника еретиковъ, достойнаго проклятія. О соборѣ, на которомъ хотѣли заводить пренія о вѣрѣ, онъ говоритъ: „И вы бы на то не дерзнули, занеже изложена намъ православная вѣра“. Въмѣсто бесплодныхъ преній о вѣрѣ Геннадій настоятельно требуетъ учинить такой соборъ, который, послѣ строгаго допроса и обыска еретиковъ, предастъ бы ихъ проклятію и жесточайшей казни, такъ какъ они, давъ въ Новгородѣ покаяніе и принявъ епитимію, бѣжали въ Москву и вопреки клятвѣ опять сдѣлались еретиками. „Да пытали бы ихъ накрѣпко о томъ, кого они прельстили, чтобы было вѣстно, занеже ихъ искоренять, а уже отрасли есть. Да не плошите“, убѣждаетъ Геннадій епископовъ,—„ставьте крѣпко, чтобы гвѣвъ на насъ не пришелъ, да не како человѣкоугодницы обрящемся и со Іудею Христа продающе: они иконы щепляють, рѣжутъ, Христу поругаються, а мы ихъ учреждаемъ, да ихъ волѣ сходимъ“...

Посланіе Геннадія къ владыкамъ и на этотъ разъ оказало немедленное дѣйствіе. Зосима, какъ видно, не противился открытію собора. лишь бы предметомъ соборныхъ занятій не былъ судъ надъ еретиками. Онъ хотѣлъ ограничить его занятія простыми состязаніями о вѣрѣ, въ которыхъ надѣялся на несомнѣнную побѣду своей партіи. Но митрополитъ невольнѣ долженъ былъ уступить общему требова-

¹⁾ *Правосл. Соб.* 1863 г., апрѣль, 479—481; *Хрущовъ*, *ibid.*, 115—121.

нію архіереєвъ и большинства духовенства, единогласно требовавшихъ суда надъ еретиками; а это еще и въ то время была такая великая нравственная сила, съ которою опасно было считаться не только митрополиту, но и самому великому князю, сдѣлавшемуся теперь абсолютнымъ самодержцемъ, и они принуждены были уступить. Соборъ открылся 17-го октября 1490 года. Геннадія опять не пригласили, и архіереи рѣшились приступить къ дѣлу безъ Геннадія, хотя онъ просилъ ихъ добиваться, чтобъ его непременно призвали на соборъ. Кромѣ архіереєвъ, здѣсь было нѣсколько монастырскихъ настоятелей, священниковъ и старцевъ, и между ними знаменитые въ то время подвижники Паисій Ярославъ и Нилъ Сорскій (Майковъ). О ходѣ дѣла на соборѣ Татищевъ, на основаніи неизвѣстнаго намъ источника, разказываетъ слѣдующее: Въ то время, какъ большинство собора послѣ долгаго разсмотрѣнія и испытанія, единогласно потребовало сожженія еретиковъ, митрополитъ воспротивился этому и сказалъ: „Достоитъ ѿ (еретиковъ) проклятію предати и сослати въ Новгородъ на покаяніе подъ стражу, зане мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшныя обращати къ покаянію“¹⁾. И мнѣніе митрополита одержало верхъ. Извѣстіе это вполнѣ сообразно съ обстоятельствами дѣла: голосъ митрополита не былъ единоличнымъ; того же взгляда на ересь, хотя и по другимъ мотивамъ, держались и знаменитые старцы Нилъ и Паисій, какъ это доказываетъ дальнѣйшая исторія ереси, и ихъ голосъ не могъ не имѣть рѣшительнаго вліянія на мнѣнія большинства членовъ собора. Рѣшеніе это не могло быть непріятно и великому князю, находившемуся тогда подъ вліяніемъ партіи, сочувствовавшей еретикамъ. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло другихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о дѣяніяхъ этого собора; лѣтописи сохранили намъ, и то въ самыхъ общихъ чертахъ лишь приговоръ его надъ еретиками. Основываясь на показаніяхъ, присланныхъ Геннадіемъ, и на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ, собранныхъ въ Москвѣ, соборъ обвинилъ новгородскаго протопопа Гавріила, священниковъ Дениса, Максима (Ивановскаго), Василья (Покровскаго), дьяконовъ Макара и Самуила, зятя Денисова Васюка, чернеца Захарію и дьяковъ Гридю и Самсонку въ томъ, что они старались развратить чистую и непорочную вѣру въ Бога, въ Троицѣ славиимаго, и погубить православное христіанство, отвергали божество Иисуса Христа, Его воплощеніе отъ Пресвятой Дѣвы

¹⁾ *Татищевъ*, Ист. Росс., IV, 109—111.

Маріи и воскресеніе, считая Его пророкомъ подобнымъ Моисею, а не равнымъ Богу Отцу; ругались святымъ иконамъ, называя ихъ, наравнѣ съ идолами, дѣлами рукъ человѣческихъ; совершали литургію по принятіи пищи и питья и ни во что считали тѣло и кровь Христову въ таинствѣ евхаристіи, держались больше ветхаго завѣта и праздновали пасху по іудейски; въ среду и пятокъ ѣли мясо и молоко и совершали другія еретическія дѣла и многихъ простыхъ людей прельстили своими ересями. Обвиняемые ни въ чемъ не хотѣли сознаться предъ великимъ княземъ и владыками, „и быша, яко во изступленіи ума“. Соборъ лишилъ ихъ священнаго сана, предаль проклятію и осудилъ на заточеніе ¹⁾). Нѣкоторыхъ изъ нихъ—неизвѣстно кого именно, но вѣроятно тѣхъ, которые были изъ Новгорода, отправили къ Геннадію въ Новгородъ. Архіепископъ приказалъ встрѣтить ихъ за 40 верстъ отъ города, надѣтъ на нихъ вывороченную одежду, посадить на вьючныхъ лошадей лицомъ къ хвосту, въ берестовыхъ шлемахъ съ мочальными кистями и въ соломенныхъ вѣнцахъ съ надписью: „се есть сатанино войско“. Въ такомъ видѣ ввезли ихъ въ городъ. Со связанными руками они сидѣли, обращенные лицами на западъ, „да зрятъ въ уготованный имъ огонь“. Владыка приказалъ встрѣчающимся съ ними плевать на нихъ и говорить: „Се враги Божіи и христіанстѣи хульници!“ Послѣ такого обряда на головахъ ихъ сожжены были берестовые шлемы. „Сія сотвори добрый онъ пастырь, хотя устрашити нечестивыи и безбожныя еретики, и не тоюмо симъ, но и прочимъ ужаса и страха исполненъ позоръ, поне на сихъ зряще уцѣлому-дритса“, замѣчаетъ по этому поводу современникъ, передавшій намъ это извѣстіе. По свидѣтельству Іосифа, Денисъ, вскорѣ послѣ своего осужденія и заточенія, умеръ, за мѣсяць предъ смертью лишившись разсудка. Такая же участь постигла и Захара ²⁾).

Послѣ собора и приведенія въ исполненіе приговора его надъ еретиками, торжество православія еще далеко не было полнымъ; для искорененія ереси по прежнему сдѣлано было не много. Соборное осужденіе постигло только самыхъ грубыхъ, невѣжественныхъ еретиковъ, которые позволяли себѣ открыто ругаться надъ православною святыней и хулить православную церковь и ея догматы; но еретическая интеллигенція, самыя живыя и дѣятельныя силы ереси, еще ничѣмъ не были ослаблены и даже затронуты. Въ лицѣ Зосимы ересь возвѣ-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 158—159; VIII, 220; Просвѣт., 55.

²⁾ Просвѣтит., 56—57.

дала на митрополичьей кафедрѣ, въ лицѣ Курицына и велико княжеской невѣстки Елены властвовала въ гражданскомъ обществѣ и при дворѣ. Другіе болѣе важныя, интеллигентныя еретики — братъ Федора Курицына Волкъ, Семень Кленовъ, Иванъ Максимовъ, тоже избѣжали преслѣдованія и жили спокойно въ Москвѣ, пользуясь защитою своихъ высокопоставленныхъ единомышленниковъ. Послѣ мѣръ, принятыхъ на соборѣ, еретическое движеніе притихло, но не надолго. Вскорѣ одно чисто случайное обстоятельство дало новую пищу ереси, возбудило насмѣшки еретиковъ надъ православными и послужило новымъ поводомъ для нихъ еще болѣе расширить область своего отрицанія.

Въ XV вѣкѣ сильно безпокоила умы всего тогдашняго русскаго общества страшная мысль о скорой кончинѣ міра, которую ждали съ концомъ седьмой тысячи лѣтъ, въ 1492 году. Этотъ мрачный призракъ созданъ былъ не русскимъ умомъ, а зародился еще съ самыхъ первыхъ временъ христіанства и перешелъ къ намъ съ Востока. Одно мѣсто въ извѣстномъ посланіи Варнавы о прообразовательномъ значеніи семи дней творенія въ отношеніи ко времени всего существованія міра ¹⁾ дало нѣкоторымъ поводъ предполагать кончину міра сначала съ концомъ шестой, а потомъ седьмой тысячи. Въ концѣ II и въ началѣ III вѣка эту же мысль высказалъ и Иринеи: „Во сколько дней созданъ міръ, чрезъ столько же лѣтъ послѣдуетъ и кончина его“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій ²⁾. Эта же мысль послѣдовательно проводилась и въ дальнѣйшіе вѣка ³⁾. По окончаніи шестой тысячи, пытливыя гаданія перенесены были, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, на седьмитысячный годъ. Слова Соломона: „даждь часть седьмымъ же и осьмымъ“ толковали въ томъ смыслѣ, что существованію рода человѣческаго на землѣ назначено семь вѣковъ, и это съ осьмымъ настанетъ вѣчность (подъ вѣками разумѣли тысячи). Никифоръ Каллистъ, историкъ половины XIV вѣка, въ своемъ синаксарѣ на мясопустную недѣлю, извѣстномъ у насъ уже въ XV вѣкѣ (на него ссылается и Іосифъ Волоцкій), прямо выражаетъ мысль современниковъ о свѣтопреставленіи: „глаголется же, яко седми тысяць лѣтъ будетъ приходъ Его“ (Исуса Христа). Основывали это мнѣніе и на

¹⁾ Epistol. Barnab., c. 15, у Котельера, стр. 44; Прав. Соб. 1860 г., ноябрь, 334.

²⁾ Iren., Adversus haeres., V, c. 28.

³⁾ Правосл. Соб., ibid., 355—342.

мистическомъ толкованіи чиселъ, означавшихъ имена Моисея, Христа и Креста. А такъ какъ это мнѣніе близко касалось пасхалии, то ее потому и не смѣли простирать далѣе седьмитысячнаго года, и за этимъ роковымъ годомъ въ особомъ кружкѣ писали такой скорбный возгласъ: „горе, горе достигшимъ до конца вѣковъ!“¹⁾ Мнѣніе о седьмитысячномъ существованіи міра, распространенное въ греческой церкви, чрезъ переводы церковной письменности перешло и къ намъ. Оно встрѣчается уже въ довольно древнихъ памятникахъ, а въ XIV и особенно XV вѣкахъ дѣлается почти всеобщимъ²⁾. Мнѣніе это раздѣляли святители Фотій и Филиппъ³⁾; его не чужды были Геннадій и Іосифъ Волоцкій⁴⁾. И наша пасхалия, по примѣру греческой, кончалась седьмитысячнымъ годомъ, за которымъ, по свидѣтельству Геннадія, было написано: „Здѣ страхъ, здѣ скорбь; аки въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и наконецъ явися, въ неже чаемъ и всемірное Твое пришествіе“⁵⁾. Слова эти, по отзыву того же свидѣтеля, смущали умы не только простыхъ, но и образованныхъ людей: „Ино о томъ молва была въ людяхъ, не токмо простыхъ, но и преимушихъ; о семъ многимъ сомнѣніе бысть“⁶⁾. Это и понятно: тогдашній грамотникъ, равно благоговѣвшій предъ всякою буквою церковной письменности, какъ предъ словомъ Божиимъ, боялся не только простаго предсказанія пасхалии о близкой кончинѣ міра, но и конца пасхалии, такъ какъ въ его глазахъ пасхалия была тоже словомъ Божиимъ, непосредственно божественнымъ произведеніемъ, искони даннымъ въ руководство людямъ для опредѣленія времени празднованія пасхи—на 7000 лѣтъ, а по прошествіи седьмой тысячи, съ концомъ пасхалии, необходимо послѣдуетъ и кончина міра⁷⁾.

Вопреки всеобщему ожиданію 1492 годъ прошелъ спокойно, и кончины міра не послѣдовало. Тяжелый призракъ исчезъ, но къ несчастію для православныхъ и къ радости еретиковъ, исчезъ не безслѣдно: впечатлѣніе, произведенное окончаніемъ пасхалии, не утратило

¹⁾ *Литеръ*, Karls des Grossen Calendar, стр. 331.

²⁾ *Шевревъ*, Ист. Рус. Словесности, III, 181, 339 и 356.

³⁾ Акты Историч., I, 281.

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 144—146; Богородичникъ, рукопись Іосифова Волоколамскаго монастыря, № 437.

⁵⁾ Рукоп. библ. С.-Петербург. Духов. Академіи (бывш. Свѣй к.); № 1421, стр. 129.

⁶⁾ *Ibid.*

⁷⁾ Просвѣтит., 396.

своей силы въ извѣстномъ отношеніи и послѣ того, когда время показало несостоятельность тѣхъ выводовъ, которые дѣлали изъ этого обстоятельства. Простой народъ уже какъ бы сроднился съ мыслью что конецъ пасхалии находится въ роковой связи съ кончиною міра; мысль о близкомъ свѣтопреставленіи все еще продолжала господствовать въ умахъ тогдашняго православнаго общества, и православнымъ богословамъ еще долго приходилось разубѣждать православныхъ въ неосновательности господствовавшаго мнѣнія ¹⁾). Нужно было успокоить взволнованные умы и составить пасхалию на будущее время. И вотъ въ самомъ началѣ осмой тысячи лѣтъ, въ сентябрѣ 1491 года, повелѣніемъ великаго князя и съ согласія митрополита собрался въ Москвѣ соборъ изъ всѣхъ русскихъ святителей, въ томъ числѣ и Новгородскаго--Геннадія, который поставилъ „учинити пасхалию на осмую тысящу лѣтъ..., по преданію святыхъ отецъ, иже въ Никей седьмаго собора“. Митрополитъ поручилъ привести это постановление въ исполненіе Геннадію, и Геннадій составилъ пасхалию на 70 лѣтъ восьмой тысячи, предпославъ ей предисловіе, объясняющее несправедливость различныхъ толковъ о свѣтопреставленіи и неизвѣстность его по слову Божию ²⁾).

Еретики, какъ нельзя лучше, воспользовались господствовавшимъ повѣрьемъ о близкой кончинѣ міра и начали, по поводу его, открыто глумиться надъ православными съ тѣмъ, чтобы, поколебавъ одно вѣрованіе, ниспровергнуть и другія. „Какъ же это“, говорили они,— „семь тысячъ лѣтъ окончились, и пасхалия изошла, а Христось не приходитъ? И апостолы написали, что Христось родился въ послѣднее время, а вотъ уже полторы тысячи лѣтъ проходитъ по рождествѣ Христовѣ, міру же все конца нѣтъ; стало быть, апостолы неправду писали. Говорятъ и святые отцы, что Христось скоро прійдетъ, а его все нѣтъ? Ефремъ Сиринь написалъ: пророчества и писанія скончались, и ничего не осталось дожидаться, кромѣ пришествія Господа нашего Іисуса Христа. Но вотъ уже тысяча сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Ефремъ Сиринь, а втораго пришествія все нѣтъ“... ³⁾ Самъ Зосима, являясь православнымъ въ глазахъ православныхъ, не счи-

¹⁾ 8-е, 9-е и 10-е слова Просвѣтителя направлены сколько къ опроверженію еретическихъ нападокъ, столько же имѣютъ цѣлю разсѣять существовавшій предразсудокъ о близкой кончинѣ міра.

²⁾ Ружоц. Авад. библи., № 1421, л. 61; *Карамзинъ*, Ист., VI, прим. 618 и 620.

³⁾ Просв., 47, и слова VIII, IX и X.

таль нужнымъ скрываться въ брѣгу своихъ единомышленниковъ и въ частныхъ бесѣдахъ. Если вѣрить Іосифу, онъ занимался еретическою пропагандой, и „обрѣтая простѣйшихъ, наполялъ ихъ ядомъ жидовскимъ“. Это былъ, по словамъ того же свидѣтеля, человѣкъ предавннй обжорству, пьянству и всякимъ чувственнымъ удовольствіямъ: „и объядайся, и упивайся, и свинскимъ житіемъ живи“, и по тому самому склонный къ безвѣрію и матеріализму. Во время своихъ оргій, когда вино дѣлало его откровеннымъ, онъ произносилъ самыя дерзкія хулы на Іисуса Христа, Богородицу и всѣ церковныя установленія, говорилъ, что Христосъ самъ себя назвалъ Богомъ, что иконы и кресты все равно, что болваны, что евангельскія преданія, апостольскіе уставы и всѣхъ святыхъ писанія—все вздоръ, и даже доходилъ до отрицанія воскресенія мертвыхъ. „А что то царство небесное, а что то второе пришествіе, а что то восресеніе мертвыхъ?“ говорилъ онъ.—„Ничего такого нѣсть; умерь кто инъ, то умерь, по тамѣста и былъ“... Когда нѣкоторые изъ православныхъ начали обличать Зосиму за отступничество и безнравственную жизнь, то однихъ изъ обличителей онъ отлучалъ отъ причастія, другихъ—священниковъ и діаконовъ—липалъ сана, говоря, что не должно осуждать ни еретика, ни отступника, и если святитель будетъ даже еретикъ, но если кого отлучить, то за его приговоръ послѣдуетъ судъ Божій; на третьихъ, наконецъ, жаловался и клеветалъ онъ предъ государемъ, вслѣдствіе чего они отсылались въ заточеніе, заключались въ оковы и темницы и лишались имѣній. Не смотря на то, время отъ времени стали появляться не только устные, но письменныя обличенія противъ еретиковъ ¹⁾).

На основаніи вышеизложенной характеристики личности митрополита Зосимы, оставленной намъ его современникомъ, едва ли можно еще предполагать, чтобы Зосима держался ереси: ибо трудно допустить, чтобы человѣкъ, исключительно поглощенный чувственностью и отвергающій даже будущую жизнь, держался какихъ бы-то ни было религіозныхъ убѣжденій; скорѣе можно признать, что онъ внутренно относился ко всѣмъ возможнымъ религіознымъ вѣрованіямъ совершенно индифферентно, но наружно долженъ былъ становиться, естественно, на сторонѣ той вѣроисповѣдной доктрины, которая меньше давила его своимъ внѣшнимъ авторитетомъ и допускала болшую нравственную разнuzданность. Отъ этого онъ готовъ былъ смотрѣть сквозь

¹⁾ Просвѣтит., 58—59, 61—62.

пальцы на всякую ересь и говорилъ на соборѣ: не слѣдуетъ казнить еретиковъ и разыскивать ихъ. Само собою разумѣется, съ своей стороны, и еретики льстили его страстямъ и успѣшили воспользоваться имъ, какъ орудіемъ, для своихъ цѣлей. Особенно успѣшно, прикрываясь святительскимъ авторитетомъ Зосимы и за одно съ нимъ, дѣйствовалъ кружокъ Курицына, въ составъ котораго входили, кромѣ братьевъ Курицынскихъ, Сверчокъ, Иванъ Максимовъ, Семень Кленовъ и другіе грамотники. Вѣрные традиціямъ первыхъ ересearchовъ, эти еретики вели свою пропаганду тоже чрезвычайно искусно: встрѣчая людей благоразумныхъ и знающихъ Священное Писаніе, они не осмѣливались проповѣдывать имъ прямо свое ученіе, но старались криво толковать имъ разныя мѣста изъ ветхаго и новаго завѣта и такимъ образомъ мало по малу склоняли этихъ людей къ ереси; въ то же время они пускали въ ходъ и свою свѣтскую ученость: „баснословія и бѣлая и звѣдозаконія учашу, и по звѣздамъ смотрѣти и строити роженіе и житіе человѣческое, а писаніе божественное презирати, яко ничто же суще и непотребно человѣкомъ“; простыхъ же людей они прямо учили ереси. Плодомъ столь искусно веденной пропаганды было сильно всеобщее возбужденіе умовъ: скептическое отношеніе къ вѣрѣ сильно распространилось; критика Священнаго Писанія, толки и споры о религиозныхъ предметахъ сдѣлались стихіей тогдашняго общества. Еретическое движеніе все болѣе и болѣе разрасталось и грозило охватить все современное ему общество; православіе находилось въ страшной опасности. „И только бысть смущеніе въ христіанѣхъ“, замѣчаетъ по этому поводу современникъ, — „якова же никогда же быша, отпели же солнце благочестія начать возсіати въ Русской земли“¹⁾.

Ревностный Новгородскій архіепископъ не ослабѣвалъ въ своей дѣятельности противъ еретиковъ, но предоставленный саму себѣ, потерявшій всякое вліяніе въ Москвѣ, стѣсненный въ своихъ дѣйствіяхъ въ Новгородѣ, онъ ясно видѣлъ, что дѣятельность его болѣе не можетъ быть успѣшна, что для успѣха дѣла теперь необходимъ былъ другой человѣкъ, который пользовался бы довѣріемъ и уваженіемъ въ глазахъ великаго князя и былъ бы въ состояніи побудить послѣдняго дѣйствовать въ пользу православія. Кромѣ этого долговременный опытъ убѣдилъ Геннадія, что для успѣшной борьбы съ ересью недостаточно однихъ преслѣдованій и розысковъ, но необходимо еще дѣйствовать противъ еретиковъ тѣмъ же духовнымъ оружіемъ, ка-

¹⁾ Просв., 59—60.

кимъ владѣли они сами. А жидовствующіе, для распространенія своего ученія, пользовались книжнымъ образованіемъ и особнно знаніемъ Священнаго Писанія, преимущественно ветхаго завѣта, книгами котораго они владѣли, между тѣмъ какъ у православныхъ, даже у него, Новгородскаго владыки, не было этихъ книгъ ¹⁾. Сознаніе всего этого побудило Геннадія призвать къ себѣ на помощь знаменитаго въ то время основателя и игумена Волоколамскаго монастыря Іосифа Санина и поручить ему вести борьбу съ ересью. Дѣятельность самого Геннадія, хотя тоже въ высшей степени замѣчательная и плодотворная, съ этихъ поръ уже не относится непосредственно къ исторіи ереси: всѣ заботы его сосредоточиваются теперь на переводѣ и кодификаціи книгъ Священнаго Писанія и на возвышеніи умственнаго и нравственнаго уровня подвѣдомственнаго ему духовенства ²⁾.

¹⁾ Посл. къ Іосифу, стр. 5.

²⁾ *Макарій*, Ист. Р. Ц., VII, 177—189.

Илья Пановъ.

(Продолженіе будетъ.)

РУССКО-ВИЗАНТІЙСКІЕ ОТРЫВКИ ¹⁾.

V.

Хожденіе апостола Андрея въ странѣ Мирмидонянъ.

Исполняя принятое въ одной изъ прежнихъ нашихъ статей намѣреніе, мы сдѣлаемъ сводъ историческихъ извѣстій, относящихся къ путешествію апостола Андрея по сѣвернымъ берегамъ Понта, а также и апокрифическихъ сказаній о „хожденіяхъ“ этого апостола. Сопоставленіе источниковъ того и другаго рода необходимо, какъ для рѣшенія вопроса о дѣйствительности самаго факта, такъ и для объясненія мотивовъ, по которымъ онъ могъ быть приуроченъ въ частности къ Русской землѣ. Что позднѣйшія, болѣе подробныя, повѣствованія о путешествіяхъ апостола Андрея, замѣчающіяся въ памятникахъ византійской церковной литературы VIII и слѣдующихъ вѣковъ, находятся въ зависимости отъ апокрифическихъ источниковъ — это не подлежитъ сомнѣнію и давно признано: во очень возможно, что и нѣкоторыя изъ первоначальныхъ краткихъ свѣдѣній у церковныхъ писателей болѣе ранняго времени ведутъ свое начало изъ того же источника. На оборотъ, странное сказаніе о посѣщеніи Русской земли Первозваннымъ апостоломъ, внесенное въ нашу первоначальную летопись, никакъ не можетъ быть считаемо изобрѣтеніемъ или пустою выдумкою мѣстнаго тщеславія, но по крайней мѣрѣ, въ основѣ своей согласно съ возрѣніями византійской учености XI-го столѣтія, и слѣдовательно находится въ той или другой связи съ древнѣйшими преданіями.

I.

Мы должны начать съ краткихъ извѣстій объ апостольскомъ удѣлѣ Первозваннаго Андрея, которыя находятся у Евсевія Кесарій-

¹⁾ См. *Журн. Мин. Н. Пр.* за июль 1876 года.

скаго и Евхерія Ліонскаго: первый изъ этихъ отцевъ принадлежалъ Востоку и жилъ въ IV столѣтіи († 340), другой принадлежалъ Западу и умеръ въ половинѣ V вѣка († 449). Что же касается болѣе древнихъ свидѣтельствъ отцевъ III вѣка, Оригена и Ипполита, то относительно ихъ можетъ существовать большое сомнѣніе.

Въ церковной исторіи Евсевія Кесарійскаго мы читаемъ слѣдующее:

„Когда святые апостолы и ученики Господа нашего Иисуса Христа разсѣялись по всей вселенной, то *Тима*, какъ говоритъ преданіе (*ὡς ἡ παράδοσις περὶ εὐσεβίου*), получилъ въ жребій себѣ *Парөію*, *Андрей же* — *Скиѳію*, а *Іоаннь* — *Азію*, гдѣ онъ и провелъ свою жизнь въ *Ефесѣ*, и потомъ скончался. *Петръ*, какъ извѣстно, проповѣдывалъ въ *Понтѣ* и *Галатіи*, *Вифиніи*, *Каппадохіи* и *Азіи Іудеямъ*, находящимся въ разсѣяніи, а наконецъ онъ прибылъ въ *Римъ* и здѣсь былъ распятъ внизъ головою, пожелавъ самъ пострадать именно такимъ образомъ. Что же слѣдуетъ сказать о *Павлѣ*, который совершилъ благовѣстіе отъ *Іерусалима* до *Иллирика*, и потомъ пострадалъ при *Неронѣ*? Это сказано буквально (*κατὰ λέξιν*) у *Оригена* въ третьей части его толкованій на *Бытіе*“.

Замѣчаніе, сдѣланное въ концѣ приведеннаго отрывка, вызываетъ слѣдующій, не лишенный значенія, вопросъ: кому принадлежитъ ссылка на преданіе, Оригену или самому Евсевію; то-есть, гдѣ именно начинаются слова, приводимыя Евсевіемъ изъ Толкованій перваго на книгу *Бытія*? Вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ справкою съ сочиненіями Оригена, потому что въ нихъ данного мѣста не сохранилось, и оно дошло до насъ только въ этой ссылкѣ позднѣйшаго писателя. Но за то нѣкоторыя рукописи Церковной исторіи Евсевія, удежавшія особенную условную отмѣтку или значекъ предъ словами: „*Петръ*“ и т. д., даютъ основаніе предполагать, что именно отсюда начинается буквальная выписка изъ Оригена. При этомъ предположеніи получается въ приведенномъ отрывкѣ вполнѣ естественное противоположеніе извѣстія, взятаго изъ письменнаго источника, устному преданію ¹⁾.

Евхерій съ небольшимъ дополненіемъ почти буквально повторяетъ

¹⁾ См. примѣч. въ изданіи *Геймхена*: „Quo fortasse spectat nota—Φ. Neque enim, ut recte vidit Valesius, ὡραίων hoc loco (передъ словами *Πέτρος* и т. д.) posse illam significare, cum nulla elegantia in eo possit reperiri, sed fortasse hanc notam esse quam Isidorus vocet φ et ρ., qua moneamur intendendum esse sollicite, unde nam incipiant verba Origenis.“

слова Евсевія: „Для благовѣствованія слова Божія апостолы направились во всѣ части вселенной, какъ повѣствуетъ исторія (*quantum narrat historia*), Варооломей устремился въ Индію. Фома къ Парянамъ, Андрей смягчилъ проповѣдію Скиѳовъ“¹⁾).

Ни тотъ, ни другой изъ обоихъ отцевъ не даютъ никакихъ прямыхъ данныхъ для ближайшаго опредѣленія, какую именно Скиѳію они разумѣютъ? То обстоятельство, что Евсевій въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Скиѳами называетъ Готовъ, жившихъ при Черномъ морѣ, не можетъ, конечно, имѣть рѣшительнаго значенія въ данномъ случаѣ. По всей вѣроятности, онъ, какъ и Евхерій, соединялъ здѣсь съ именемъ Скиѳіи такое же неопредѣленное представленіе, какъ неопредѣленно было самое преданіе.

Затѣмъ слѣдуютъ источники другаго рода, то-есть, списки или каталоги, перечисляющіе имена апостоловъ съ краткими замѣчаніями о мѣстахъ ихъ дѣятельности или смерти. Нѣтъ сомнѣнія, что эти небольшія сочиненія, удовлетворяющія разнообразнымъ и настоятельнымъ потребностямъ практическимъ, ведутъ свое происхожденіе изъ времени самой глубокой древности; но за то именно такого рода сочиненія весьма рѣдко сохраняютъ неприкосновеннымъ свой первоначальный составъ и характеръ. Подвергаясь измѣненіямъ и передѣлкѣ, они все-таки удерживаютъ надписаніе о принадлежности первоначальному виновнику ихъ составленія. Извѣстно, что списки епархій, подчиненныхъ Константинопольскому патриарху, носящіе имя императора Льва VI, и слѣдовательно относящіеся къ началу X вѣка, называютъ не только Русскую митрополию, но даже, въ нѣкоторыхъ изводахъ, Литовскую. Опираясь свои выводы на такого рода источникахъ, безъ предварительнаго изученія ихъ различныхъ редакцій, значить — добровольно идти на встрѣчу заблужденіямъ и ошибкамъ. Сверхъ того, именно въ даннаго рода произведеніяхъ всего скорѣе возможны совершенно ложныя надписанія, сдѣланныя не только съ сознательною цѣлью, но иногда, можетъ быть даже чаще, совершенно добросовѣстно.

Списки или каталоги апостоловъ, считаемыя наиболѣе древними, носятъ имена Ипполита Римскаго, Дороея Тирскаго, Софронія и Епифанія Кипрскаго. Каталогъ съ именемъ Ипполита называется: *Ἰππολύτου περί δωδεκά ἀποστόλων*. *Ποῦ ἕκαστος αὐτῶν ἐκήρυξεν καὶ ποῦ ἐτελείωθη* (О двѣнадцати апостолахъ: гдѣ каждый изъ нихъ проповѣдывалъ и гдѣ

¹⁾ *Migne, Patrologia latina, L, 809.*

скончался). Сколько мы знаемъ (см. *Migne, Patrologia latina*, X, 521), въ спискахъ этого каталога стоитъ просто имя Ипполита, безъ всякаго дальнѣйшаго прибавленія. Но извѣстны два Ипполита, писавшіе по гречески, и притомъ такого рода сочиненія, въ которыхъ естественно могъ входить и каталогъ апостоловъ: Ипполитъ Римскій и гораздо позднѣйшій Ипполитъ Фиванскій. Первый, какъ теперь думаютъ, былъ собственно антипапою современнымъ Калисту (отъ 220 до 235 года)¹⁾ и оставилъ нѣсколько сочиненій, которыя перечислены въ извѣстной надписи, найденной при его статуѣ (она приведена, между прочимъ, у И. И. Срезневскаго во введеніи къ изданію сказаній объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ), и въ каталогѣ Иеронима при его имени. Ни въ томъ, ни въ другомъ перечисленіи нѣтъ указанія ни на каталогъ двѣнадцати апостоловъ, ни на каталогъ семидесяти, также приписываемый, хотя уже совершенно ложно, Ипполиту Римскому, — и этого пропуска нельзя объяснять небольшимъ объемомъ этихъ трудовъ, потому что ихъ важность была бы понятна сама собою. Можно предполагать а priori, что списокъ двѣнадцати апостоловъ входилъ въ хронику Ипполита, отмѣченную и въ надписи между его сочиненіями. Дѣйствительно, въ хронографѣ 354 года, который, какъ теперь извѣстно изъ классическаго изслѣдованія Моммсена²⁾, сохранилъ въ своемъ составѣ большую часть хроники Ипполита, а затѣмъ и въ хроникѣ пасхальной, также имѣющей нѣкоторыя отношенія къ Ипполитовой хроникѣ, существуетъ ожидаемый каталогъ двѣнадцати апостоловъ. Также, какъ и списокъ римскихъ епископовъ, онъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Ипполиту. Однако, это совсѣмъ не тотъ каталогъ, какой намъ теперь извѣстенъ съ именемъ Ипполита. Одинъ содержитъ простое перечисленіе именъ двѣнадцати апостоловъ (*nomina apostolorum*), а другой — указаніе на мѣста ихъ проповѣди и кончины ихъ. На основаніи приведеннаго соображенія, каталогъ, которому въ изданіяхъ усвоено имя Ипполита, долженъ принадлежать другому Ипполиту, именно Ипполиту Фиванскому.

Ипполитъ Фиванскій (или Фивскій) есть авторъ хроники (*ἱστορικὴ συντάξις*), доселѣ извѣстной только въ отрывкахъ. Но характеръ

¹⁾ *Döllinger, Hippolitus und Kalist*, pag. 249; *Lipsius, Chronologie der römischen Bischöfe*, pag. 41; ср. *Серпій*, Полный мѣсяцесловъ Востока, II, стр. 34 за мѣсяць.

²⁾ Ueber den Chronographen vom Jahre 354, въ *Abhandlungen der philolog. histor. classe der kónigl. Sächsisch. Gesellschaft der Wissensch.*, Bd. I, 1850.

ея и отсюда опредѣляется довольно ясно въ томъ отношеніи, что она была сборникомъ разныхъ выписокъ и полезныхъ свѣдѣній¹⁾. Каталогъ апостоловъ съ отмѣтками, касающимися ихъ дѣятельности и кончины, могъ занимать въ ней совершенно подходящее мѣсто. Но когда жилъ авторъ этой новой хроники? У него встрѣчается ссылка на извѣстаго агиографа Симеона Метафраста, притомъ какъ на лицо, еще находящееся въ живыхъ. Въ настоящее время не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что Симеонъ Метафрастъ жилъ и трудился въ первой половинѣ X вѣка²⁾.

Между тѣмъ точно также не подлежитъ сомнѣнію, что каталогъ съ именемъ Ипполита, и притомъ такого характера и заглавія, какъ существующій въ нашихъ изданіяхъ со времени Комбефиза, то-есть, съ историческими отмѣтками, былъ въ употребленіи гораздо ранѣе X столѣтія. Георгій Амартоль (pag. 336), писатель IX вѣка, ссылается на сочиненіе *Ипполита Римскаго* о проповѣди и кончинѣ апостоловъ и дѣлаетъ изъ него выписку объ апостолѣ Іоаннѣ. Всѣхъ сомнѣній эта ссылка, конечно, не уничтожаетъ,—напротивъ того, даже возбуждаетъ новыя недоумѣнія, но все-таки ясно, что Ипполита Фиванскаго, о которомъ много толковали прежніе ученые, тоже слѣдуетъ оставить въ сторонѣ при поискахъ за авторомъ много разъ упомянутаго каталога. Но согласенъ ли, по крайней мѣрѣ, текстъ тѣхъ строкъ, которыя Амартоль привелъ изъ сочиненія Ипполита Римскаго, съ соответствующимъ мѣстомъ въ отдѣльномъ и полномъ каталогѣ Ипполита, изданномъ Комбефизомъ? И этого сказать нельзя. По нашему Ипполитовскому каталогу апостолъ Іоаннъ написалъ евангеліе на островѣ Патмосѣ, а по Ипполитовскому каталогу Амартола— въ городѣ Ефесѣ; въ одномъ названъ Траянъ, а въ другомъ Нерва. Что жъ изъ всего этого слѣдуетъ? Мы полагаемъ то, что Ипполитовыхъ каталоговъ было много, что редакціи ихъ были очень различны, и что нѣкоторыя изъ нихъ, только по достойной уваженія традиціи, сохраняли надписаніе, напоминающее о первоначальномъ каталогѣ Ипполита Римскаго.

Все-таки слѣдуетъ признать, что существующій каталогъ съ именемъ Ипполита если и не принадлежитъ третьему вѣку, то и не слишкомъ далеко отстоятъ отъ него, то-есть, по всѣмъ признакамъ древнѣе остальныхъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Вліяніе апокри-

¹⁾ См. *Migne*, *Patrologia graeca*, CXVII, 1025 и слѣд.

²⁾ См. *Rambaud*, *L'empire Grec au X siècle*, pag. 93—104.

фической литературы „хождений“, которое уже такъ явно выступаетъ на видъ въ подобномъ трудѣ Елифанія Кипрскаго, въ немъ мало замѣтно и не такъ осязательно. Примѣромъ могутъ служить извѣстія о Симонѣ Кананитѣ, объ апостолѣ Матѳеѣ и проч. Что же касается апостола Андрея, то о немъ читается слѣдующее: Ἀνδρέας Σιδῶνας, Θρακῆας κηρύξας, ἐσταυρώθη Πάσιν τρις τῆς Ἀχαΐας ἐπὶ ἐλαίας ὄρθιος καὶ θάπτεται ἐκεῖ (Андрей послѣ проповѣди Свиномъ, Θракійцамъ, былъ распятъ на масличномъ дровѣ вверху главою въ Патрахъ Ахайскихъ).

Скины здѣсь тѣ же, что и въ преданіи Евсевія Кесарійскаго. Θρακίης нѣсколько подозрительны, и какъ будто, имѣютъ видъ глоссы или дополненія къ первоначальному тексту, потому что это слово не соединено съ предыдущимъ никакимъ союзомъ. Остальное пока не вызываетъ замѣчаній.

По порядку древности, хотя бы и мнимой, долженъ быть рассмотрѣнъ каталогъ *Дорооея Тирскаго*, сообщаемый намъ позднѣйшимъ его — не то переводчикомъ, не то редакторомъ — подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Церковное писаніе. О семидесяти ученикахъ господина Дорооея, епископа Тирскаго, древняго мужа, духоносца и мученика, пострадавшаго во времена Лицинія и Константина императоровъ“¹⁾.

Затѣмъ 1) слѣдуетъ предисловіе, излагающее болѣе подробно жизнь Дорооея: „Онъ оставилъ много сочиненій на римскомъ языкѣ и еллинскомъ, такъ какъ былъ знатомъ въ обоихъ. Послѣ смерти Діоклетіана и Лицинія (sic) онъ прибылъ въ свою епархію и управлялъ церковію Тирскою до тиранніи Юліана. Такъ какъ хотя и не явно, но тайно Юліанъ чрезъ посредство властей истреблялъ христіанъ, то Дорооей удалился въ городъ Одессъ (τὴν Ὀδησσὸν πόλιν), гдѣ и былъ схваченъ властенаачальниками Юліановыми и умеръ вслѣдствіе мученій за исповѣданіе Христа въ глубокой старости, именно достигнувъ ста и семи лѣтъ“.—2) Изъ числа многочисленныхъ сочиненій Дорооея сообщается прежде всего каталогъ семидесяти, съ разными замѣчаніями о нихъ, гдѣ уже помѣщенъ Стахій, епископъ Византіи, поставленный Андреемъ.—3) Потомъ идутъ новыя сообщенія отъ неизвѣстнаго намъ лица: „Все это блаженный Дорооей, будучи въ Римѣ (?), изложилъ въ своихъ запискахъ (или комментаріяхъ) на римскомъ языкѣ, а мы заимствовали (ἐρρησάμενοι) отсюда, и пе-

¹⁾ При изданіяхъ Пасхальскаго хроника и между прочимъ *Migne*, т. ХСII, 1060 и слѣд.

реведя на еллинскій языкъ, сообщили во всеобщее свѣдѣніе“. Тутъ же оказывается, что въ сочиненіяхъ Дороея можно было найти не только перечисленіе семидесяти съ именемъ Стахіа, какъ епископа Византія, но и довольно полную исторію всѣхъ его преемниковъ до Митрофана, который былъ современникомъ Константина и болѣе достоверными источниками отмѣчается какъ *первый* епископъ Византіи или Константинополя. Неизвѣстный намъ компиляторъ утверждаетъ съ видимою настойчивостію, что все, что онъ разказалъ о предшественникахъ Митрофана, онъ нашель въ латинскихъ сочиненіяхъ Дороея и даже, въ консульство Филоксена и Проба, представилъ это самъ (*ἀντεβλήθησαν παρ' ἡμῶν*) Римскому епископу Іоанну, когда тотъ прибыль въ Константинополь. При этомъ случаѣ возникъ будто бы споръ между Константинопольскимъ епископомъ и папою Іоанномъ о первенствѣ при сослуженіи въ день Рождества; когда послѣдній ссылался на то, что Римъ получилъ епископа ранѣе Константинополя, то его доводамъ противопоставлено было сочиненіе Дороея, изъ котораго слѣдовало на оборотъ старшинство Византіи, то-есть, старшинство по времени учрежденія епархіи Іоаннъ будто бы призналъ такое старшинство и, слѣдовательно, авторитетъ Дороея, и сталъ ужъ опираться на другаго рода старшинство, то-есть, на старшинство по достоинству основателей—на первенство между апостолами Петра. — 4) За симъ сообщается, что въ концѣ сочиненія Дороея находился также списокъ двѣнадцати апостоловъ, съ указаніемъ, гдѣ каждый изъ нихъ проповѣдывалъ, и этотъ списокъ приводится вполнѣ и буквально.—5) Наконецъ, мы читаемъ новыя увѣренія, что все до сихъ поръ сообщенное дѣйствительно взято изъ сочиненія Дороея и собрано было имъ изъ книгъ еллинскихъ и еврейскихъ, а было написано по латыни. А въ самомъ концѣ (опускаемая впрочемъ новыя отступленія) называется ужъ имя лица, потрудившагося надъ извлеченіемъ изъ Дороея: „Пресвитеръ Проконій, отличающійся жизнію и словомъ благочестія, встрѣтившись съ историческими сочиненіями Дороея, все это оставилъ намъ (кому?) письменно. Итакъ, да будетъ ему благодарность за его труды, и бессмертная слава“.

Здѣсь почти все сомнительно. Прежде всего сомнительно то, чтобы когда-нибудь существовалъ Дороей, епископъ Тирскій. Такъ какъ онъ жилъ при Діоклетіанѣ и Константинѣ и уже при первомъ подвергся гоненію, то слѣдуетъ ожидать, что онъ непременно будетъ упомянутъ въ Церковной исторіи Евсевія Кесарійскаго. Между тѣмъ, кромѣ

Дорооеа Никомидійскаго, принадлежавшаго къ числу придворныхъ Діоклетіана, пострадавшихъ въ началѣ гоненія, Евсевій упоминаетъ (VII, стр. 36, *Heinisch*, pag. 366) только пресвитера Антиохійскаго Дорооеа и говоритъ о немъ слѣдующее: „Питая добрую любовь къ Священному Писанію, онъ позаботился объ изученіи *еврейскаго языка*, такъ что умѣлъ читать написанное по еврейски. Онъ принадлежалъ къ числу людей, наиболѣе образованныхъ (*μακίστη ἐλευθερίων, liberatissime educatorum*), и не былъ чуждъ *еллинской науки*; по естеству, однако, онъ былъ евнухомъ, что было у него природнымъ качествомъ, такъ что вслѣдствіе этой странности императоръ приблизилъ его къ себѣ и далъ ему почетную должность надзирателя надъ пурпурнымъ заведеніемъ въ Тирѣ. Мы сами слышали его, когда онъ разумно объяснялъ писаніе въ церкви“. Не трудно признать въ этомъ послѣднемъ Дорооеѣ первообразъ того, несомнѣнъ правдоподобную исторію котораго мы прочитали выше. Правда, эта же исторія буквально повторена въ хроникѣ Теофана и въ греческихъ менологіяхъ (въ позднѣйшихъ даже по два раза подъ двумя разными днями), но изъ этого можно вывести только то заключеніе, что сочиненіе Проконія появилось на свѣтъ ранѣе 818 года, когда писалъ Теофанъ. Но удивительно при этомъ то, что Теофанъ, знакомый съ мнимыми трудами Дорооеа (такъ какъ и онъ повторяетъ фразу о его сочиненіяхъ греческихъ и латинскихъ, свидѣтельствующихъ о близкомъ знакомствѣ съ обоими языками и даже специально указываетъ на сочиненіе объ епископахъ Византійскихъ), не воспользовался ими для исторіи константинопольской епископской каеедры, ничего не говоритъ о посвѣщеніи Византіи или ея предмѣстія Андреемъ, о поставленіи Стахія, и въ довершеніе всего называетъ первымъ епископомъ Византіи Митрофана (подъ 5799 годомъ: Βοζαντιῶν ἐπισκόπου πρώτου Μητροφάνου ἔτος α'), слѣдуя въ этомъ болѣе древней Пасхальной хроникѣ (кончающейся 628 годомъ), гдѣ также Митрофанъ названъ первымъ епископомъ Византіи (подъ 313 годомъ). На всѣхъ анахронизмахъ, которыми изобилуетъ „церковное списаніе“, на всѣхъ противорѣчійхъ съ несомнѣнною исторіей, какія встрѣчаются въ замѣчаніяхъ о жизни епископовъ отъ Стахія до Митрофана, который здѣсь названъ братомъ императора Проба¹⁾, не мѣсто останавли-

¹⁾ Это противорѣчитъ показанію Вонуска въ Биографіи Проба (*Scriptores historiae Augustae*), замѣчающаго, что потомки Проба поселились въ Италиі, около Вероны, тогда какъ по «списанію» выходитъ другое.

ваться. Трудно повѣрить, чтобы такимъ сочиненіемъ можно было произвести впечатлѣніе на Римскаго епископа Іоанна. Самый разказъ о посѣщеніи Іоанномъ Византіи, конечно, соотвѣтствуетъ дѣйствительной исторіи; оно, мы знаемъ, относится ко времени императора Юстина и Остроготскаго короля Теодериха, къ 524 году. Но весьма трудно согласить дѣйствительныя историческія подробности этого посѣщенія съ повѣствованіемъ нашего автора о спорѣ между епископами стараго и новаго Рима (см. *Кудрявцевъ*, Судьбы Италіи, стр. 45 и слѣд., особенно выписки изъ Анастасія въ примѣчаніяхъ). Сверхъ того, какъ самый 28-й канонъ Халкидонскаго собора 451 г., признавшій за епископомъ Византіи второе мѣсто послѣ Римскаго, такъ и дальнѣйшая исторія споровъ, возникшихъ по его поводу между обоими престолами, несомнѣнно убѣждаютъ, что до времени императора Юстиніана, который своею 131-ю повеллою окончательно подтвердилъ упомянутый канонъ, никто не думалъ ссылаться на апостольскую древность Константинопольской кафедрѣ, и папы не имѣли нужды опровергать такіе доводы, какихъ никто не выставялъ. Они твердили только, что мірское, случайное обстоятельство, по которому Константинополь сдѣлался столицею государства и резиденціей императора, не достаточно для признанія за Константинопольскою кафедрою патріаршескаго достоинства и равенства съ Римскою.

Все это заставляетъ насъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что „церковное счисленіе“ Дорошея есть позднѣйшая поддѣлка, и что самые каталоги, ему приписанные, вовсе не относятся къ IV вѣку, ни даже къ VI, а ко времени гораздо болѣе позднему, хотя и могутъ быть основаны на другихъ болѣе древнихъ сочиненіяхъ такого же содержанія. Извѣстно, что мнимо-Дорошевскій каталогъ 12 апостоловъ почти совершенно тождественъ съ тѣмъ, который приписывается Елифанію Кипрскому, и какъ увидимъ, съ гораздо большимъ основаніемъ. Оба же они вмѣстѣ сходны съ тѣми отрывками объ апостолахъ, которыя приписываются Софронію. Мы скажемъ сначала объ этомъ послѣднемъ, такъ какъ онъ нѣсколько старше Елифанія; а затѣмъ приведемъ параллельно ихъ показаніе объ апостольскомъ удѣлѣ Андря.

Софроній († 390) былъ другъ блаженнаго Іеронима и перевелъ на греческій языкъ его сочиненіе „De viris illustribus“, то-есть, каталогъ церковныхъ писателей, какъ объ этомъ и замѣчено самимъ авторомъ каталога, помѣстившимъ въ концѣ исчисленіе другихъ трудъ часть CLXXXIX, отд. 2.

довъ своего переводчика. Въ этомъ изчисленіи, конечно, не упоминается о какомъ-либо самостоятельномъ спискѣ апостоловъ, принадлежащемъ Софронію, или о какихъ-либо дополненіяхъ, сдѣланныхъ послѣднимъ къ сочиненію Іеронима. Между тѣмъ въ одномъ рукописномъ экземплярѣ, который былъ въ рукахъ гуманиста Еразма, оказались въ греческомъ текстѣ каталога писателей значительныя вставки, тѣмъ болѣе замѣтныя, что въ нихъ говорится о такихъ лицахъ, которыя не оставили послѣ себя никакихъ сочиненій и потому, согласно съ первоначальнымъ планомъ труда Іеронимова, совсѣмъ не должны были входить въ него. Безъ достаточныхъ основаній вставки были приписаны переводчику, то-есть, Софронію. На самомъ дѣлѣ онѣ могутъ принадлежать какому-либо позднѣйшему переписчику, и такъ именно заставляютъ предполагать тѣ изъ нихъ, которыя для насъ нужны. Статья объ апостолѣ Андрѣй представляетъ такое близкое родство съ другими каталогами апостоловъ, несомнѣнно обращавшимися въ отдѣльномъ видѣ, что всего естественнѣе предполагать заимствованіе дополнителя изъ этихъ послѣднихъ: а что еще важнѣе, эта самая статья однимъ очень знающимъ византійскимъ писателемъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, прямо приписывалась другому лицу.

Каталогъ апостоловъ, принадлежавшій или приписываемый современнику Іеронима и Софронія, св. Епифанію Кипрскому, носилъ, по сообщеніямъ ученыхъ, которые имѣли въ рукахъ рукописи, слѣдующее заглавіе: „Епифанія, епископа Кипрскаго о святыхъ апостолахъ, гдѣ каждый изъ нихъ проповѣдывалъ, и о томъ, гдѣ они скончались, гдѣ лежатъ ихъ святыя мощи и въ какихъ мѣстахъ“ (таково заглавіе въ рукописи Парижской бібліотеки, указанной Дюканжемъ). Что касается содержанія, то оно, по свидѣтельству тѣхъ же самыхъ ученыхъ, вовсе не разнится отъ мнимо-Дорошеева сочиненія. Это приводило бы насъ къ весьма удовлетворительному предположенію, что истиннымъ авторомъ апостольскаго каталога, который находится въ „церковномъ списаніи“, былъ дѣйствительно св. Епифаній Кипрскій. Но есть одно обстоятельство, которое противорѣчитъ такому заключенію, и вопреки рукописямъ или сообщеніямъ о рукописяхъ, заставляетъ думать, что настоящій каталогъ Епифанія скорѣе сохранился въ другомъ сочиненіи, именно въ предполагаемыхъ дополненіяхъ Софронія къ сочиненію блаженнаго Іеронима. Мы имѣемъ ссылку на каталогъ св. Епифанія, сдѣланную лицомъ, которое прямо утверждаетъ о себѣ, что у него въ рукахъ находилось подлинное сочине-

віе Елифанія Кипрскаго. Такъ какъ византійскій писатель, котораго мы разумѣемъ, жилъ въ VIII вѣкѣ, то нужно признать, что его рукопись была наиболѣе древняя. Судя по упомянутой ссылкѣ, имѣющей характеръ буквальной выписки, оказывается, что въ статьѣ объ апостолѣ Андреѣ у Елифанія Кипрскаго читались такіе слова, какіихъ нѣтъ въ каталогахъ, подписанныхъ именами Дорооея и Елифанія, и которыя читаются только въ статьѣ Софронія, хотя, впрочемъ, и здѣсь сходство неполное.

Общій результатъ относительно всѣхъ четырехъ каталоговъ сводится къ тому, что древность ихъ можетъ быть признаваема только условно и вовсе не опредѣляется ихъ надписаніемъ, что если существовали древнѣйшія редакціи, принадлежавшія дѣйствительно Ипполиту и Елифанію, то онѣ не дошли до насъ, и что тѣ, которыя мы теперь имѣемъ, никакъ не представляютъ твердаго и неизмѣннаго церковнаго преданія, идущаго отъ времени близкаго къ апостольскому.

Приводимъ теперь тѣ статьи трехъ послѣднихъ каталоговъ, которыя ближе насъ касаются.

Въ каталогѣ Дорооея и тождественнаго Елифанія Кипрскаго объ апостолѣ Андреѣ читается:

„Андрей, братъ его (то-есть Петра) прошелъ все побережье Виванія и Понта, Фракіи и Скивовъ (sic), благовѣствуя Господа. Потомъ пришелъ въ Великій Севастополь, гдѣ укрѣпленье Ансаръ и рѣка Фазисъ, гдѣ живутъ внутренніе Эііоны. Погребень въ Патрахъ Ахейскихъ, распятый Егіатомъ“.

Ἄνδρέας, ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ, πᾶσαν τὴν παραλίαν τῆς Βιθυνίας τε καὶ Πόντου, Φράκῃς τε καὶ Σκυθίας (Σκυθίας?) διήλθεν εὐαγγελιζόμενος τὸν κόρινθον. Μετέπειτα ἐπορεύθη ἐν Σεβαστοπόλει τῇ μεγάλῃ, ὅπου ἡ παρεμβολή, Ἄψαρος καὶ ὁ Φάσις ποταμὸς, ἐνθα οἱ ἐσώτεροι Αἰθίοπες κατοικοῦσιν. Ἐτάφη ἐν Πάτρας τῆς Αἰχίας, σταυρωθεὶς ὑπὸ Αἰγιατοῦ.

Объ апостолѣ Матейѣ (отличаемомъ отъ Матеѣя).

„Матей, сопричисленный къ одиннадцати апостоламъ вмѣсто Иуды, проповѣдавъ Христа въ первой Эііоніи, тамъ же кончилъ жизнь и погребень“.

Въ дополненіяхъ къ сочиненію Иеронима, приписываемыхъ Софронію, статья объ апостолѣ Андреѣ читается такъ:

„Андрей, братъ его (Петра), какъ предали намъ предки, — проповѣдалъ евангеліе Господа нашего Иисуса Христа Скивоамъ и Сидіанамъ и Саккамъ, и проповѣдалъ въ Севастополѣ Великому, гдѣ на-

ходится укрѣпленіе Апсара и рѣка Фазисъ, гдѣ живутъ внутренніе Эіопы. Погребень же онъ въ Цатрахъ Ахейскихъ, преданный распятію Егіатомъ, царемъ Едесскимъ“ (?).

Ἄνδρέας ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ, ὡς οἱ πρὸ ἡμῶν παραδεδώκασι, Σκόθαις καὶ Σογδιανῶσι καὶ Σάκκαις ἐκήρυξε τὸ εὐαγγέλιον, τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ ἐν Σεβαστοπόλει ἐκήρυξε τῇ μεγάλῃ, ὅπου παρεμβολὴ Ἄψάρου καὶ Φάσις ὁ ποταμὸς, ἐνθα οἰκοῦσιν Αἰθίοπες οἱ ἐσώτεροι. Θάπτεται δὲ ἐν Πάτραις, σταυρῶ παραδοθεὶς ὑπὸ Αἰγυπτίου βασιλέως Ἐδεσσηνῶν.

А объ Матоѣѣ: „Матоѣѣ, бывъ однимъ изъ семидесяти, избранъ вмѣсто Иуды; проповѣдалъ евангеліе во второй Эіопіи, гдѣ укрѣпленіе Апсара и гавань Исса (Ἰσοῦ Λιμῆν), людемъ, которые были дикими. Тамъ же онъ почилъ и погребень доднесъ“ (ѣως σήμερον).

Ссылка на Епифанія Кипрскаго, о которой мы упомянули, находится у соименнаго ему монаха, написавшаго въ VIII вѣкѣ житіе апостола.

„По словамъ святаго Епифанія, онъ зналъ изъ преданія, что блаженный апостоль Андрей училъ Скивовъ, Косовдіанъ (и Согдіанъ). ѿ Горсиновъ, въ Севастополѣ Великомъ, гдѣ находится укрѣпленіе Апсара и гавань Исса и рѣка Фазисъ“ и т. д.

Τοῦ δὲ ἀγίου Ἐπιφανίου λέγοντος, ὡς ἐκ παραδόσεως ἔχειν, τὸν μακάριον ἀπόστολον Ἄνδρέαν διδάξει Σκόθας Κοσογδιανούς (ἢ καὶ Σογδιανούς) καὶ Γορσυνούς ἐν Σεβαστοπόλει τῇ μεγάλῃ, ὅπου ἐστὶν ἡ παρεμβολὴ Ἄψάρου καὶ Ἰσοῦ Λιμῆν καὶ Φάσις ποταμὸς.

Изъ словъ, отмѣченныхъ курсивомъ, обнаруживается, что каталогъ, который былъ въ рукахъ Епифанія, имѣлъ большее сходство съ тѣмъ, который теперь приписывается Софронію, чѣмъ съ другими, то-есть съ каталогами псевдо-Дорофея и Епифанія Кипрскаго.

Въ мѣсяцесловѣ императора Василія, редакція котораго относится въ концу X или началу XI вѣка, статья объ апостолѣ Андрѣѣ, напротивъ, имѣеть большее родство съ послѣдними, но только она подверглась нѣкоторому искаженію вслѣдствіе непониманія.

„Апостоль Андрей — — проповѣдывалъ по всему побережью Вивиніи и Понта, Фракіи и Скивіи. Послѣ того отправился въ Севастополь Великій, въ которомъ рядомъ выпадаютъ (?) рѣки Псаръ и Фазисъ (ἐν τῇ παρεμβάλλουσιν ὁ Ψάρος καὶ ὁ Φάσις οἱ ποταμοί). Внутрн (=по эту сторону) этого Фазиса живутъ Эіопы. Потомъ отправился въ Цатры Ахейскіе“ и т. д.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ каталогахъ читается, что „апостоль

Матѣи умеръ въ *Эвѣоніи вѣтхинеі*, гдѣ укрѣпленіе Апсаръ и рѣка Фазисъ, проповѣдавъ тамъ евангеліе¹⁾.

II.

Апокрифическія сказанія объ апостолѣ Андреѣ также древни или даже еще древнѣе, чѣмъ тѣ краткія свѣдѣнія, которыя находятся у церковныхъ писателей и въ спискахъ апостоловъ. Евсевій, сообщающій намъ первое несомнѣнное свидѣтельство о существованіи преданія, по которому Сивѣія являлась апостольскимъ удѣломъ Первозваннаго ученика Христова, въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ о „*Дѣяніяхъ Андрея и Иоанна и другихъ апостоловъ*“ (*Ἀνδρέου καὶ Ἰωάννου καὶ τῶν ἄλλων ἀποστόλων πράξεις*). Онъ относитъ эти сочиненія къ тому же разряду, какъ евангелія Петра и Фомы, то-есть, къ числу подложныхъ книгъ, не принимаемыхъ церковію и носящихъ на себѣ явную печать еретическаго происхожденія. Ихъ содержаніе и направленіе до такой степени противорѣчили истинному ученію, что Евсевій называетъ сочиненія „*нелѣпыми и нечестивыми*“, а содержаніе ихъ „*лживыми выдумками еретиковъ*“ (*αἱρετικῶν ἀνδρῶν ἀναπλάσματα*)²⁾. Елифаній Кипрскій, въ сочиненіи объ ересьяхъ, ближе обозначаетъ ту неправо-мыслящую среду, въ которой имѣли наибольшій ходъ произведенія такого рода, и преимущественно „*такъ называемыя дѣянія Андрея*“. Такою средою были секты гностическаго происхожденія, послѣдователи которыхъ находились въ Писидіи, Фригіи и другихъ областяхъ Азіи и отличались, кромѣ дуалистическихъ воззрѣній, преувеличеннымъ аскетизмомъ: они отвергали бракъ, вкушеніе животной пищи и считали „*нестяжаніе*“ или совершенную бѣдность необходимымъ условіемъ христіанскаго совершенства. По другимъ извѣстіямъ, Дѣянія апостола Андрея принадлежали къ сочиненіямъ, обращавшимся среди манихеевъ, еретиковъ, которые во многихъ пунктахъ ученія сходи-

¹⁾ Текстъ, приведенный въ примѣчаніи Дюканжа къ пасхальной хроникѣ (I, pag. 34 Париж. изд.). Что касается до значенія слова *παρερβολή*, то глоссы объясняютъ его какъ *κιδύρον, δτρατόπεδον, τάφος*. По объясненію Прокопія (*de bello Gotth.*, pag. 465, 13), Апсаруть (*Ἀψαρῶς*), чтó, конечно, тоже самое, какъ и Апсаръ, есть древній Апсиртъ, гдѣ, по мѣстному преданію, былъ убитъ братъ Медем, и находился онъ въ Лезикѣ. Во время Прокопія существовали только развалины этого прежде многолюднаго города; въ виду этого, быть можетъ, лучше было бы слово *παρερβολή* передавать выраженіемъ «градъ». Впрочемъ, мы еще возвратимся къ географическимъ указаніямъ каталоговъ.

²⁾ *Hist. ecclesiast.*, III, 26 (*Heinrich.*, pag. 131).

лись съ гностиками. Названный у патріарха Фотія еретикъ манихейскаго толка, Агапій, питалъ большое довѣріе къ „такъ называемымъ Дѣянїямъ апостоловъ и особенно (къ Дѣянїямъ) Андрея“ и въ нихъ почерпалъ свою самоувѣренность. Тотъ же самый патріархъ Фотій въ другомъ мѣстѣ своей бібліотеки (Cod. CXIV) называетъ по имени автора, которому приписывались любимыя еретиками сочиненія. „Прочитана была книга такъ называемыя *хожденія апостоловъ*, въ которыхъ содержались дѣянїя Петра, Іоанна, *Андрея*, Θομᾶ и Павла. Написаны они, какъ показывается самая книга, Левкіемъ Хариномъ“ ¹⁾. Нужно думать однако, что названный здѣсь Левкій (=Λευκίῳ) Харинъ, о которомъ есть и другія свѣдѣнія, представляющія его то гностикомъ, то манихеемъ, только олицетворяетъ своимъ именемъ отдѣлъ и родъ богатой и широкораспространенной литературы, едва ли ведущей свое начало отъ одного извѣстнаго автора. Во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобъ его имя могло стоять въ заглавіи тѣхъ экземпляровъ сборника хожденій, которые обрацались въ рукахъ самихъ еретиковъ. Судя по указанїямъ западныхъ, латинскихъ церковныхъ писателей IV и V вѣковъ, современные имъ манихеи, многочисленные въ Италїи, Африкѣ и Галліи, приписывали сочиненїямъ такого рода наиболѣе высокое и священное происхожденіе. Епископъ Брешианскій Филастріи, жившій въ царствованіе Θεοδοσίου Великаго сообщалъ намъ характеристику апокрифической манихейской литературы, весьма ясно указываетъ на этотъ ся признакъ лженадписанности. „Тайныя, то-есть, апокрифическія сочиненія“, говоритъ онъ, — „хотя и могутъ быть читаемы ради назиданія (*morum causa*), но не всеми, а только совершенными, потому что въ нихъ много еретическихъ прибавленій; такъ манихеи имѣютъ апокрифы о блаженномъ апостолѣ Андрѣ, то-есть, *дѣянїя*, которыя онъ совершилъ на пути отъ Понта въ Грецію, и которыя (будто бы) *отисали тогда ученики, сопровождавшіе апостола*, а также дѣянїя Іоанна Евангелиста и равнымъ образомъ Петра апостола. Здѣсь разказывается о знаменїяхъ и чудесахъ, сотворенныхъ апостолами, о томъ, какъ говорили (по человѣчески) скоты, собаки и дикіе звѣри, и о томъ, какъ души человѣческія превращались въ души собакъ и скотовъ“ ²⁾.

¹⁾ Ἀνεγνώσθη βιβλίον αἰ λεγομένα: τῶν ἀποστόλων περίοδοι, ἐν αἷς, περιεῖχοντο πράξεις Πέτρου, Ἰωάννου, Ἀνδρέου Θωμᾶ, Παύλου. Γράφει δὲ αὐτὰς, ὡς ἀγὰρ τὸ αὐτὸ βιβλίον, Λεύκιος Χαρίνος.

²⁾ Scripturae autem absconditae, id est apocrypha, etsi legi debent morum causa

Блаженный Августинъ, упоминая о „Дѣянїяхъ Андрея“ говорить, что она написаны Леуціемъ, но какъ будто дѣянїя апостоловъ — *in actis conscriptis, quos tanquam actus apostolorum scribit*; смыслъ послѣдняго выраженїя объясняется другимъ замѣчанїемъ автора, что если бы дѣянїя Андрея и Иоанна дѣйствительно принадлежали апостоламъ, то были бы приняты церковїю (*quae si illorum essent recepta essent ab ecclesia*). Современникъ Августина, Еводїй, прямо утверждаетъ, что акты Леуцїя, изъ которыхъ онъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ частныхъ относительно мученїя апостола Андрея въ Ахаїи, были написаны отъ имени апостоловъ (*sub nomine apostolorum*). Папа Иннокентїй I (402—417) въ письмѣ къ Экзуперїю, епископу Тулузскому, перечисляя книги, которыя не принимаются церковїю, но подлежатъ осужденїю, выражается подобнымъ же образомъ: *Cetera autem quae vel sub nomine Mathiae sive Jacobi minoris vel sub nomine Petri Joannis, quae a quodam Leucio scripta sunt [vel sub nomine Andreae, quae a Nechocharide (al. Xenocharide) et Leonida philosophis] vel sub nomine Thomae, et si qua sunt talia, non solum repudianda, verum etiam poteris esse damnanda*. Отсюда видно, что сочиненїя, приписываемыя папою Леуцїю, носили имена апостоловъ Петра, Иоанна, Матѳея; но относительно произведенїя, украшеннаго именемъ апостола Андрея, папа Иннокентїй, если только ему принадлежатъ слова, отмѣченныя скобками и читаемыя не во всѣхъ рукописяхъ ¹⁾, нѣсколько разногласитъ съ другими показанїями и называетъ дѣйствительными его авторами какого-то философа Леонида и Нексахорида. Затѣмъ епископъ Астурїйскїй, Туррибїй, указываетъ на то, что дѣянїя Иоанна и Андрея, принадлежащїя „святотатственнымъ устамя“ Леуцїя, особенно были уважаемы манихеями и родственными имъ присциллианистами ²⁾. Въ декретѣ папы Геласїя (496 г.) объ отречен-

a perfectis, non ab omnibus legi debent, qui non intelligentes multa addiderunt et tulerunt, quae voluerunt haeretici. Nam Manichei apocrypha beati Andreae apostoli, id est *actus quos fecit veniens de Ponto in Graeciam, quos conscripserunt tunc discipuli sequentes apostolum*, unde et habent Manichei et alii tales Andreae beati et Joannis actus Evangelistae beati et Petri similiter apostoli, in quibus, quia signa fecerunt magna et prodigia, ut pecudes et canes et bestiae loquerentur, etiam et animas hominum tales, velut canum et pecudum similes imputaverunt esse haeretici perditii. (*Migne, Patrol. lat., XII, 1200*).

¹⁾ См. *Thilo, Acta ss. Apostolarum Andreae et Matthiae prolegom.*, pag. V.

²⁾ Per cujus (i. e. haeresis) auctores vel per maximum principem Manem ac discipulos ejus libros omnes apocryphos vel compositos vel infectos esse manifestum

ныхъ книгахъ Леуцій называется ученикомъ діавола, и въ числѣ книгъ, имъ написанныхъ, поименованы акты апостола Андрея.

Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что часто осуждаемая литература не только имѣла каноническое значеніе для еретиковъ гностическихъ, а потомъ манихейскихъ сектъ, но находила себѣ многочисленныхъ читателей и среди вѣрнаго церкви православнаго люда. Именно тѣ ея качества, которыя отчасти были причиною строгихъ противъ нея осужденій, должны были содѣйствовать ея популярности. Фантастическій и сказочный характеръ разказа, богатый аппаратъ чудесъ, видѣній, явленій ангеловъ, многочисленный и сложный персоналъ дѣйствующихъ лицъ, всѣ эти признаки, обличающіе гностическій вкусъ, составляли въ то же время качества, привлекательныя для народной и суевѣрной массы. Совѣты, которые стремились ограничить кругъ читателей Леуція Харина болѣе образованною и трезвою средою людей избранныхъ или совершенныхъ, едва ли достигали своей цѣли, и только указываютъ на существованіе противоположнаго явленія. Впрочемъ, и самыя осужденія, часто произносимыя противъ еретическихъ „дѣяній“ и „хожденій“, не всегда были рѣшительны и безусловны и касались болѣе идей, въ нихъ развиваемыхъ, чѣмъ фактовъ, въ ней поимѣствуемыхъ. Самъ Туррибій Астурійскій, которому принадлежитъ выраженіе о святотатственныхъ устахъ Леуція, осуждалъ въ отреченныхъ книгахъ, о которыхъ онъ говоритъ, далеко не все. „Нѣтъ сомнѣнія“, пишетъ онъ, — „что тѣ чудеса и дѣянія, которыя приписываются въ апокрифахъ святымъ апостоламъ, или дѣйствительно были, или могли быть, но разсужденія и мнѣнія злонамѣреннаго содержанія, которыя имъ приписываются, составляютъ явныя вставки, сдѣланныя еретиками“. Подобнымъ же образомъ выражается и блаженный Иеронимъ въ письмѣ, которое впрочемъ, не всѣми считается подлинно ему принадлежащимъ: „Леуцій, написавшій дѣявія апостоловъ, о дѣлахъ, которыя совершены были чрезъ нихъ Господомъ говорилъ правду, но относительно ученія многое солгалъ“¹⁾. Такимъ

est, specialiter, autem *actus* qui vocantur *S. Andreae* vel illos qui vocantur *S. Iohannis*, quos sacrilego *Leucius* ore couscriptis - - -, ex quibus *Manichei* et *Prisallimistae* vel quaecunque illis secta est germana, omnem haeresin suam confirmare nituntur.

¹⁾ См. у *Тило* и *Тисендорфа*. *Ut autem mirabilia ill atque virtutes quae in apocryphis scripta sunt sanctorum apostolorum vel esse vel potuisse esse non dubium est, ita disputationes assertionesque illas sensuum malignorum ab haeretis consta, esse insertas.* (Туррибій). Слова изъ письма Иеронима или псевдо-Иеронима буквально повторены въ слѣдующей ссылкѣ.

образомъ являлась настоятельная потребность въ исправленныхъ и очищенныхъ изданіяхъ еретическихъ книгъ, въ которыхъ бы все, что казалось вреднымъ и соблазнительнымъ для слуха правовѣрныхъ, было устранено и вычеркнуто заботливою рукою. Такъ поступилъ тотъ неизвѣстный составитель апостольской исторіи, которая читается въ двухъ средневѣковыхъ кодексахъ Вольфенбюттельской библиотеки. Во главѣ изданія стоитъ письмо псевдо-Мелитона, епископа Лаодикійскаго, гдѣ излагается сейчасъ указанный взглядъ на „дѣянія“ апостоловъ Іоанна, Андрея и Ѳомы, сочиненныя нѣкоторымъ Леуціемъ. Онъ говорилъ правду о дѣяніяхъ апостольскихъ и ложь относительно ихъ ученія; именно онъ заставляетъ апостоловъ учить, что существуютъ два начала, а это отвергается церковію¹⁾. Въ предисловіи къ дѣяніямъ апостола Андрея въ тѣхъ же кодексахъ неизвѣстный авторъ сообщаетъ намъ, что кромѣ Священнаго Писанія, кромѣ каноническихъ апостольскихъ дѣній, въ его рукахъ были отдѣльныя сказанія о каждомъ апостолѣ. Въ частности, онъ нашель книгу о дѣяніяхъ апостола Андрея, которая вслѣдствіе своего многословія (то-есть, ради рѣчей, влагаемыхъ въ уста апостола и содержащихъ еретическія мнѣнія), иными осуждается, какъ апокрифическая; поэтому онъ нашель нужнымъ сократить ее, извлекая только то, что относилось къ фактамъ и чудеснымъ дѣйствіямъ апостоловъ, и опуская остальное. Такимъ образомъ онъ надѣялся и доставить удовольствіе читателямъ и устранить основанія порицателей²⁾. Подобный приѣмъ, усвоенный многими другими средневѣковыми писателями, не только очень простъ, но и могъ казаться совершенно правильнымъ. Предполагалось, что еретики не могли всего выдумать, что существовали нѣкогда вполне православныя книги, въ которыхъ всѣ назидательныя исторіи уже были изложены совершенно безукоризненно, что существовали дѣянія и хожденія апостоловъ, описанныя или самими апостолами, или ихъ учениками, которые потомъ подверглись искаженію и злонамѣренной порчѣ со стороны еретиковъ. Стоило только очистить эти сочиненія отъ лишней и вредной примѣси, чтобы возстановить ихъ въ перво-

¹⁾ *Volo sollicitam esse fraternitatem vestram de Leucio quodam, qui scripsit apostolorum actus — —: qui de virtutibus quidem quas per eos dominus fecit vera dixit, de doctrina vero multa mentitus est. Dixit enim docuisse duo principia, quod execratur ecclesia Christi.* Ср. *Thilo*, l. c., и *Tischendorf*, proleg. ad acta Apostol. Aposcriph., pag. XLIII.

²⁾ Запутанный и многословный текстъ мы приводимъ въ подлинникъ. Онъ можетъ быть читаемъ въ прологемена къ изданію актовъ Андрея и Матеія у *Thilo*.

начальной чистотѣ и возвратить имъ тотъ авторитетъ, который принадлежалъ имъ первоначально. Лучшимъ и древнѣйшимъ образцомъ такого рода опытовъ считается апостольская исторія, приписываемая Авдію, Вавилонскому епископу, и относимая къ VI вѣку. Тѣ части этого сочиненія, которыя изложены болѣе подробно и содержатъ дѣянія апостоловъ Андрея, Іоанна и Ѳомы, составляютъ не болѣе какъ сокращеніе соответствующихъ апокрифическихъ сказаній Леуція Харина, при чемъ опущено все что могло казаться еретическимъ, соблазнительнымъ или же слишкомъ несообразнымъ. Первоначальный видъ гностической легенды и слѣды гностическихъ идей гораздо болѣе сохранились въ тѣхъ апокрифическихъ редакціяхъ, которыя составляютъ въ настоящее время сборникъ Тишендорфа. Но и здѣсь мы имѣемъ почти всегда редакціи позднѣйшія, уже прошедшія чрезъ православныя руки и горнило, подвергшее ихъ значительному очищенію. Именно акты св. Андрея, относящіеся къ его проповѣди и мученической смерти въ Ахаіи, если ихъ сравнить съ тѣмъ, что читалъ въ нихъ нѣкогда Еводій, служатъ наиболѣе разительнымъ тому доказательствомъ.

Апокрифическія сказанія, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является апостоль Андрей, въ настоящее время извѣстны слѣдующія: 1) Дѣянія Андрея и Матеія въ странѣ антропофаговъ; 2) Дѣянія святыхъ апостоловъ Петра и Андрея; 3) Дѣянія и мученіе святаго апостола Андрея. Первый памятникъ давно извѣстенъ и находится во всѣхъ новыхъ сборникахъ апокрифическихъ апостольскихъ дѣяній. Второй въ первый разъ былъ напечатанъ, но не вполне — Вугомъ (Woog) по рукописи Бодлеевой бібліотеки. Издатель не рѣшился сообщить въ печати то, что показалось ему слишкомъ пелѣвымъ и зловѣщимъ. Затѣмъ Тило перепечаталъ въ своемъ изданіи актовъ св. Андрея и Матеія не полный отрывокъ Вуга. Въ изданіи Тишендорфа онъ наконецъ явился вполне, то-есть, на столько, на сколько полна была рукопись. А она не только не имѣетъ конца, но—чего не замѣтили названные издатели—представляетъ значительный пропускъ въ среднѣ, обнаруживающійся совершенною неясностію и безсвязностію разказа. Къ счастью, пропускъ можетъ быть восполненъ при помощи русской редакціи сказанія, изданной въ „Памятникахъ отреченной русской литературы“ г. Тихонравова. Уже другими было замѣчено, что напечатанное здѣсь „Хожденіе апостоловъ Петра, Андрея, Матея, Руфа и Александра“ есть переводъ отрывка, напечатаннаго Тишендорфомъ; слѣдуетъ прибавить только, что переводъ этотъ, сдѣланный

весьма неумѣло и не имѣющій окончанія, указываетъ на существованіе другихъ болѣе полныхъ греческихъ списковъ хожденія, чѣмъ рукопись Бодлеевой бібліотеки. Третье сказаніе — „Дѣянія и мученіе св. апостола Андрея“, изложено въ формѣ посланія пресвитеровъ и діаконовъ Ахейской церкви, бывшихъ очевидцами событія, но несомнѣнно представляетъ передѣлку сочиненія, авторомъ котораго считался Леуцій Харинъ. Оно было издано Вугомъ и затѣмъ перепечатывается въ разныхъ новыхъ изданіяхъ¹⁾. Сверхъ того, существуютъ (въ изданіи Тишендорфа) весьма краткіе отрывки изъ актовъ Павла и Андрея и актовъ Варволомея, въ которыхъ также является на сценѣ и апостоль Андрей. Мы считаемъ полезнымъ ближе ознакомиться съ содержаніемъ этихъ сказаній; всѣ они, за исключеніемъ актовъ Павла и Андрея, находятся въ очевидной взаимной связи и первоначально составляли, по видимому, одно цѣлое, обозначаемое заглавіемъ „Хожденія“ или „Дѣянія апостола Андрея“.

1. Хожденіе въ страну анеропофаговъ (или Мирмидонянъ).

(Это наиболѣе длинное сказаніе мы передаемъ въ извлеченіи, стараясь однако удержать всѣ подробности и важныя частности).

Матейю выпаль жребій идти въ страну анеропофаговъ (по нѣкоторымъ спискамъ: кромѣ анеропофаговъ, ему достались также страны Мидянъ и Парванъ). Люди этой страны не ѣли хлѣба и не пили вина, но питались человѣческимъ мясомъ и пили человѣческую кровь. Всякаго человѣка, который приходилъ въ ихъ городъ, они задерживали, лишали зрѣнія и поили его очарованнымъ напиткомъ, дѣйствіе котораго заключалось въ томъ, что человѣкъ лишался человѣческаго сердца и разума и начиналъ ѣсть сѣно и траву, подобно животнымъ. Матейю, послѣ своего прибытія въ страну, подвергся общей участи, но съ тѣмъ только различіемъ, что послѣ принятія напитка ни сердце, ни умъ его не измѣнились, и онъ продолжалъ славить Бога и молиться къ Нему. За горячею молитвою послѣдовало утѣшеніе и подкрѣпленіе; въ темницѣ, гдѣ заключенъ былъ апостоль, возблистала свѣтъ и раздался голосъ, обещающій

¹⁾ *Presbyterorum et diaconorum Achaiae de martyrio S. Andreae epistola encyclica.*—*Cura C. Chr. Wood.* Lipsiae, 1749. Здѣсь присоединены и вышеозначенный отрывокъ хожденія Петра и Андрея.

избавленіе послѣ двадцати-семи дней заключенія, то-есть, за три дня до того роковаго срока, въ который для всякаго захваченнаго пришельца наступала очередь послужить пищей анеропофаговъ. Въ этотъ день палачи пришли въ темницу, и прочитавъ дощечку, прикрѣпленную къ рукѣ Матѳіа, съ обозначеніемъ времени его поступленія, какъ это всегда дѣлалось, ради болѣе легкаго разчета времени, сказали: „Еще три дня, и мы выведемъ его изъ темницы и съѣдимъ его“. Матѳей, притворившійся спящимъ, слышалъ это.

Но въ этотъ же день Господь явился апостолу Андрею, который находился въ другой странѣ (не названной въ нашемъ источникѣ), и повелѣлъ ему идти во владѣнія анеропофаговъ, гдѣ его брату грозила опасность черезъ три дня лишиться жизни. Андрей сначала отказывался, считая невозможнымъ послѣтъ въ такой короткій срокъ; но Господь, напомнивъ ему о своемъ всемогуществѣ, назначилъ ему утро слѣдующаго дня для прибытія къ морскому берегу (слѣдовательно, Андрей училъ на другомъ берегу того моря, на которомъ находилась и страна людодѣловъ), гдѣ онъ долженъ былъ найти готовый корабль, а самъ вознесся на небо.

Андрей явился въ назначенное время на берегу, вмѣстѣ со своими учениками, и увидѣлъ небольшое судно съ тремя корабельщиками; онъ не догадался, что это былъ Господь съ двумя ангелами, принявшими человѣческой видъ. Вступивъ въ разговоръ съ кормчимъ, то-есть, съ самимъ Господомъ, Андрей узналъ, что онъ нашелъ себѣ попутчиковъ, и получилъ позволеніе вступить на корабль. Онъ съелъ, однако, нужнымъ заранѣе объяснить, что ни онъ, ни его товарищи не въ состояніи уплатить перевозной платы и даже не имѣютъ при себѣ пропитанія. На вопросъ кормчаго, выражавшій удивленіе, Андрей отвѣтилъ, что онъ ученикъ Христа, когорый далъ двѣнадцать избраннымъ имъ апостоламъ заповѣдь не брать съ собою въ путь ни денегъ, ни хлѣба, ни сумы, ни одежды. Послѣ того кормчій принялъ путниковъ на свой корабль съ большою радостью, чѣмъ бы, по его словамъ, это было въ отношеніи ко всякому имущему человѣку. Затѣмъ онъ велѣлъ привести три хлѣба, чтобы странники могли подкрѣпить себя пищею; но ученики Андрея, при видѣ бурнаго моря, смутились и не могли воспользоваться приглашеніемъ, не могли даже промолвить слова въ отвѣтъ на него. Тогда кормчій совѣтовалъ Андрею оставить отроковъ, незнакомыхъ, очевидно, съ моремъ, на сухомъ пути до возвращенія корабля изъ плаванія. Но когда Андрей обратился съ такимъ предложеніемъ къ своимъ спут-

никамъ, то они не захотѣли отстать отъ своего учителя и такимъ образомъ сдѣлаться чуждыми благъ, которыя далъ имъ Господь. Въ ободреніе имъ Андрей разказываетъ исторію укрощенія бури Исусомъ. Во время плаванія Андрей вступаетъ въ разговоръ съ кормчимъ и выражаетъ удивленіе къ его необыкновенному искусству въ управленіи кораблемъ; шестнадцать разъ онъ плавалъ по морю и теперь ѣдетъ въ семнадцатый, а такого искусства еще не видывалъ. Съ своей стороны, кормчій спрашиваетъ объ Исусѣ: „Мы слышали“, говоритъ онъ,—„что онъ явилъ свое божество предъ своими учениками, но отчего не увѣровали въ него Іудеи? Можетъ быть, онъ не сотворилъ знаменій предъ ними?“ Андрей свидѣтельствуетъ объ исцѣленіи слѣпыхъ, глухихъ и прокаженныхъ, о насыщеніи пяти тысячъ человекъ пятью хлѣбами и двумя рыбами: все это совершилось въ виду всего народа. „Но быть можетъ, онъ не далъ знаменій предъ архіереями, и оттого они не увѣровали въ него?“—„Нѣтъ, и предъ архіереями онъ сотворилъ знаменія, и не только явно, но и тайно“. Настоятельные распросы кормчаго заставили Андрея разказать исторію съ двумя каменными сфинксами, которые стояли во храмѣ—одинъ по правую, другой по лѣвую сторону, и о которыхъ Христось сказалъ, что они представляютъ подобіе Херувима и Серафима на небѣ. Чудо съ сфинксами, сотворенное въ присутствіи четырехъ архіереевъ, состояло въ томъ, что одинъ изъ нихъ, по слову Исуса, сошелъ внизъ со своего подножія и заговорилъ человѣческимъ голосомъ, облачалъ невѣріе Іудеевъ и свидѣтельствуя о божественности Христа и о превосходствѣ храма (τὰ ἱερά) предъ синагогой, а когда и это оказалось недостаточнымъ, то сфинксъ, по приказанію Исуса, отправился въ землю Хананейскую, на поле Мамврійское, и разбудилъ почивавшихъ тамъ двѣнадцать патриарховъ; всѣ они вышли изъ гробовъ, но только трое должны были послѣдовать за нимъ и облачили архіереевъ.

Корабль уже приближался къ твердой землѣ: тогда Христось, который скрывался подъ видомъ кормчаго, сложился главою на одного изъ ангеловъ и какъ бы заснулъ. Андрей, послѣдовавшій его примѣру, погрузился въ глубокой сонъ, и въ такомъ состояніи перенесенъ былъ ангелами, по приказанію Господа, на берегъ, гдѣ былъ оставленъ вблизи города анеропофаговъ. Послѣ того Исусъ удалился съ своими ангелами на небеса.

На другое утро Андрей пробудился и разбудилъ своихъ спящихъ товарищей; теперь онъ понялъ, кто былъ его вчерашній собесѣд-

никъ, и ученики его, которымъ онъ высказалъ свою догадку, съ своей стороны, припомнили и сообщили ему, что они ничего не слышали изъ его разговора съ кормчимъ, такъ какъ въ это время они были погружены въ глубокой сонъ, и во время этого сна спустились съ неба орлы и унесли души ихъ въ рай на небесахъ. Тамъ они видѣли Христа, окруженнаго ангелами; предъ нимъ стояли апостолы, и Господь говорилъ ангеламъ, чтобъ они во всемъ слушались апостоловъ. Андрей возрадовался великою радостію и сталъ молиться, чтобы Господь простилъ ему то, что онъ принялъ его за простаго человѣка, и чтобы снова явился ему. Моленіе его было услышано; Господь явился ему въ видѣ прекраснаго маленькаго мальчика и сказалъ, что вина его заключается не въ томъ, что онъ не узналъ своего Господа, а въ томъ, что онъ не изъявилъ тотчасъ же готовности идти въ страну аверопофаговъ, и вотъ теперь онъ самъ увидѣлъ, что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго. При этомъ Господь повторилъ повелѣніе идти въ городъ для освобожденія Матѳіа и предсказалъ Андрею, что его тамъ ожидаютъ большія мученія, которыя онъ долженъ перенести мужественно, помни своего распятаго Учителя.

Андрей вошелъ въ городъ со своими учениками, оставаясь незримымъ для жителей. Онъ достигъ темницы, предъ дверями которой стояли стражи; но послѣ его молитвы, стражи пали на землю мертвыми, а двери сами отворились, когда онъ начерталъ на нихъ знаменіе креста. Войдя въ темницу, Андрей увидѣлъ Матѳіа сидящаго и поющаго хвалу Богу; апостолы привѣтствовали и цѣловали другъ друга. На вопросъ Матѳіа: какъ онъ здѣсь очутился, Андрей разказалъ ему о явленіи Господа. Вслѣдъ за тѣмъ онъ замѣтилъ трехъ заключенныхъ вмѣстѣ съ Матѳіемъ мужей, которые были наги и ѣли траву. Это зрѣлище поразило Андрея, и онъ воскликнулъ: „Господи, въ чемъ согрѣшили эти люди, что они уподобились безмысленнымъ скотамъ?“ Потомъ, обращаясь къ сатанѣ, онъ сказалъ: „Горе тебѣ, діаволу, врагу Бога и ангеловъ его! Что тебѣ сдѣлали эти люди, что ты навелъ на нихъ такое наказаніе. Доколѣ ты будешь враждовать на родъ человѣчскій: ты вывелъ Адама изъ рая и научилъ людей плотскому преступному совокупленію, вслѣдствіе чего Господь разгнѣвался и послалъ потопъ на землю...“ Послѣ этого Андрей сотворилъ молитву, возложилъ руки свои на лица слѣпыхъ людей, находившихся въ темницѣ, и тѣ прозрѣли; потомъ налагалъ руку на сердца ихъ, и въ нихъ воротилось человѣческое чувство. Всѣхъ из-

цѣленныхъ было 270 мужчинъ и 49 женщинъ; Андрей велѣлъ имъ идти въ нижнюю часть города, гдѣ они найдутъ смоковницу, плодами которой могутъ питаться, пока онъ самъ не прійдетъ къ нимъ. Освобожденные боялись показаться въ городѣ, думая, что жители опять схватятъ ихъ, но апостоль успокоилъ ихъ, сказавъ, что даже собаки не будутъ лаять на нихъ. Матѳій съ своими учениками направился, по указанію Андрея, съ другой стороны города, но вслѣдъ затѣмъ, по повелѣнію того же апостола, явилось облако и перенесло Матѳіа, учениковъ его и учениковъ самаго Андрея на гору, на которой находился апостоль Петръ, и тамъ они остались.

Андрей же вошелъ въ городъ и сѣлъ позади мѣднаго столпа, на которомъ стояла статуя, ожидая что будетъ. Случилось, что палачи пошли въ темницу, чтобы, по обычаю, взять на этотъ день нѣсколько человѣкъ для съѣдвія. Но они нашли стражу мертвою, а темницу пустою, и донесли объ этомъ властямъ города. Тѣ были повергнуты извѣстіемъ въ большое смущеніе. Однако они распорядились, чтобы принесены были, по крайней мѣрѣ, трупы мертвыхъ стражей, которые и должны были послужить пищею на текущій день. Что же касается будущаго времени, то рѣшено было завтра же собрать городскихъ старцевъ и заставить ихъ метать жребій между собою, пока не наберется семи человѣкъ, необходимыхъ для суточного пропитанія, и такъ поступать въ теченіе неопредѣленнаго времени, доколѣ не представится возможности снарядить юношей въ морской походъ на окрестныя области для захвата плѣнниковъ. Распоряженіе, данное палачамъ, было исполнено, и мертвые стражники были принесены на городскую площадь. Но такъ какъ жители города нуждались не только въ пищѣ, но и въ питъѣ, то нужно было сначала пустить изъ нихъ кровь, какъ это дѣлалось съ убиваемыми иностранцами. По срединѣ города находилось для сего особеннаго рода приспособленіе, устроенное такъ, что кровь убиваемыхъ стекала въ большой бассейнъ, изъ котораго жители города черпали ее и потомъ пили. Но когда Андрей увидѣлъ приготовленія палачей, душа его возмутилась, и по его молитвѣ, руки палачей, готовые поднять сѣкиры на умершихъ уже людей, опустились, и сѣкиры изъ нихъ выпали. Власти города поражены были удивленіемъ и сказали, что должно быть здѣсь находятся тѣ волшебники, которые уже освободили узниковъ изъ темницы. Они разсуждали: „Что намъ теперь дѣлать? Пойдемъ и соберемъ старцевъ въ городѣ, такъ какъ мы томимся жаждою“. — Собраны были немедленно старики въ числѣ 217-ти,

и по жребію изъ нихъ было выбрано семь человѣкъ. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ вымогль позволеніе замѣнить себя своими собственными дѣтьми:—сыномъ и дочерью. Дѣти подняли плачь и говорили служителямъ: „Не убивайте насъ въ такомъ юномъ возрастѣ, но оставьте насъ до болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, и тогда убейте насъ.“ „Ибо въ этомъ городѣ былъ обычай, что умирающихъ не предавали погребенію, но ѣли ихъ“. Служители, однако, готовились уже приступить къ исполненію своего дѣла. Но Андрей снова обратился съ молитвою къ Богу, и опять случилось то же, что и въ первый разъ. Увидѣвъ это, власти заплакали громкимъ плачемъ. Но вотъ, когда они не знали, что дѣлать, явился среди ихъ дьяволъ въ образѣ старика и сталъ имъ говорить: „Горе вамъ, вы теперь умрете безъ пищи. Къ чему вамъ овцы и быки: этого вамъ недостаточно... Въ городъ пришелъ одинъ чужеземецъ, по имени Андрей: ищите и убейте его, а если нѣтъ, то онъ уже не дастъ вамъ дѣлать то, что вы до сихъ поръ дѣлали“. Самъ дьяволъ не въ состояніи былъ указать имъ мѣста, гдѣ находился апостоль, ибо это былъ Амаиль, такъ названный потому, что былъ слѣпъ, особенно въ отношеніи къ святымъ. Онъ слышалъ голосъ Андрея, укорявшій его, но его самого не видѣлъ. Горожане, по внушенію дьявола, затворили ворота и стали искать святаго, но тоже не видѣли его. Тогда Господь явился Андрею и сказалъ ему: „Возстань и покажись имъ, чтобъ они узнали силу мою и безсиліе дѣйствующаго въ нихъ дьявола“.

Андрей явился предъ толпой и сказалъ: „Вотъ и тотъ, кого вы ищите“. Народъ бросился и схватилъ его, чтобы предать его казни. Но явилось сомнѣніе, какой родъ ея слѣдуетъ избрать для преступника: если снять съ него голову, то это не будетъ мученіемъ; если сжечь, то нельзя будетъ воспользоваться имъ для пищи. Тогда одинъ человѣкъ, по внушенію вошедшаго въ него дьявола, присовѣтовалъ слѣдующее: „Возьмемъ, навяжемъ веревку на шею его и станемъ волочить его по всѣмъ улицамъ и площадямъ города, а когда онъ умретъ, раздѣлимъ его тѣло“. Совѣтъ былъ принятъ. Въ продолженіе двухъ дней волочили апостола по всѣмъ улицамъ и площадямъ, такъ что куски его тѣла оставались на землѣ, и кровь текла на нее какъ вода; а на ночь отводили его въ тѣмницу, связавъ назадъ руки. Здѣсь вечеромъ на другой день, явился предъ Андреемъ дьяволъ съ семью демонами и насмѣхался надъ его безсиліемъ, даже хотѣлъ убить его; но увидѣвъ на челѣ его печать, которую далъ ему Господь, демоны испугались и не смѣли приблизиться къ нему, но за то издали вся-

чески издѣвались надъ нимъ, такъ что это было причиною большой печали для апостола и даже слезъ.

На третій день повторились прежнія истязанія, и святой воззвалъ къ Господу: „Господи, зачѣмъ ты оставилъ меня! Вспомни, что ты былъ три часа на крестѣ и воззвалъ къ Отцу, а я подвергаюсь мученіямъ въ продолженіе трехъ дней. Гдѣ слова твои, Господи, которыя ты сказалъ намъ, что ни одинъ волосъ съ головы нашей не упадетъ? Воззри, что сдѣлалось съ моею плотію и моими волосами“. Тогда Иисусъ явился Андрею и повелѣлъ ему обернуться назадъ; и Андрей увидѣлъ, что гдѣ пали его волосы и куски тѣла, тамъ выросли большія плодоносныя деревья. Когда же наступилъ вечеръ, то Господь явился ему въ темницѣ и изцѣляилъ всѣ его раны, такъ что онъ сдѣлался здоровъ по прежнему.

Здѣсь же, посреди темницы, Андрей увидѣлъ столбъ, на которомъ стоялъ истуканъ, сдѣланный изъ алебастра, и обратился къ этому истукану съ заклинаніями во имя креста, предъ которымъ трепещетъ небо и земля. Вслѣдствіе того каменный истуканъ, какъ этого желалъ апостоль, вдругъ сталъ испускать изъ своихъ устъ воду, какъ будто изъ трубы; вода все поднималась, стала затоплять городъ и достигла такой высоты, что многіе потонули. Когда увидѣли это на слѣдующее утро анеропофаги, то они спѣшили спастись бѣгствомъ и стали оставлять городъ. Но по молитвѣ апостола, Христосъ послалъ архангела Михаила на огненномъ облакѣ, которое окружило городъ, такъ что никто не могъ отсюда выйти; а между тѣмъ вода внутри достигала уже по горло людямъ. Тогда только жители преступнаго города раскаялись и приняли рѣшеніе идти и освободить чужестранца, и въ то же время стали призывать его Бога, чтобъ онъ остановилъ воду. Андрей тогда повелѣлъ каменному истукану прекратить водоизверженіе, и при этомъ сказалъ ему: „Если граждане этого города увѣруютъ, то я построю церковь и поставлю въ ней тебя за то, что ты оказалъ мнѣ эту услугу“. Когда апостоль вышелъ изъ темницы, то вода стала сбѣгать предъ его стопами, а народъ, видя это, кричалъ: „Помилуй насъ“. Явился и тотъ старикъ, который предалъ на съѣденіе собственныхъ дѣтей и также говорилъ: „Помилуй меня“. Но апостоль отвѣчалъ ему: „Какъ ты говоришь: помилуй меня,—когда ты не пожалѣлъ своего сына и дочь. Во истину говорю тебѣ: какъ скоро сойдетъ эта вода, ты низвергнешься въ пропасть вмѣстѣ съ 14-ю палачами, убивавшими людей каждый день“. И когда его слово сбылось, то страхъ народа еще болѣе усилился.

Апостоль вслѣдъ затѣмъ воскресилъ всѣхъ, которые лишились жизни во время наводненія. Такъ какъ городъ теперь увѣровалъ во Христа, то Андрей начерталъ изображеніе церкви и повелѣлъ выстроить ее. Крестивъ обращенныхъ и преподавъ имъ заповѣди Христовы, Андрей, не смотря на всеобщія просьбы и слезы, оставилъ было городъ. Но на пути встрѣтился ему, въ образѣ старца, Христосъ и повелѣлъ ему возвратиться, чтобы провести въ городѣ еще семь дней для утвержденія жителей въ вѣрѣ.

Изложенное нами сказаніе передается въ „Апостольскихъ исторіяхъ“ псевдо-Авдія въ слѣдующемъ сокращенномъ видѣ:

„Послѣ вознесенія Господня, когда апостолы начали проповѣдывать слово Божіе въ различныхъ странахъ, Андрей апостоль началъ возвѣщать Господа Иисуса Христа въ Ахейской провинціи. Въ то же самое время апостоль Матоей, онъ же и евангелистъ, проповѣдывалъ слово спасенія городу Мирмидоу; но жители этого города, съ неудовольствіемъ и досадою принимая то, что они слышали о дѣяніяхъ нашего Искушителя, и не желая предать разрушенію свои храмы, выкололи глаза апостолу, обременили его цѣпями и заключили въ темницу съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы по истеченіи нѣсколькихъ дней убить его. Прежде чѣмъ это было исполнено, ангель, посланный Господомъ, сказалъ апостолу Андрею, чтобы онъ поспѣшилъ въ городъ *Мирмидонъ* и освободилъ своего брата изъ мрака темницы. Онъ отвѣчалъ ему: „Господи, я не знаю пути: куда же я пойду?“ Но получилъ въ отвѣтъ: „Иди къ морскому берегу, тамъ найдешь корабль, и тотчасъ вступи на него, а я буду твоимъ путеводителемъ“. Андрей повиновался, и взошедши на отысканный корабль, при вѣяніи благоприятныхъ вѣтровъ счастливо приплылъ къ городу. Вступивъ въ городъ, онъ тотчасъ отправился въ общественную тюрьму; нашедши тамъ Матоея вмѣстѣ съ другими узниками, онъ горько восплакалъ, и сотворивъ молитву, произнесъ: „Господи Иисусе Христе, котораго мы съ вѣрностію проповѣдуемъ, и во имя котораго переносимъ такъ много!.. Отверзи очи раба твоего, дабы онъ могъ идти на проповѣдь слова твоего“. И тотчасъ сотряслось это мѣсто, и свѣтъ возсіялъ въ темницѣ, и отверзлись очи апостола, а цѣпи всѣхъ узниковъ сломались, а колодки, въ которыхъ заключены были ихъ ноги, раскололись. Послѣ этого всѣ восхваляли Господа, говоря: „Великъ Богъ, котораго проповѣдуютъ рабы его“. Такимъ образомъ выведены были Андреемъ изъ темницы всѣ, которые были въ ней содержимы, и каждый отправился во свояси; Матоей вмѣстѣ съ нимъ также удалился. Самъ апостоль

Андрей остался въ *Мирмидонѣ* и проповѣдывалъ жителямъ слово Господа, но жители не хотѣли его слушать, и схвативъ Андрея, волочили его со связанными ногами по улицамъ города. Среди этихъ мученій, когда уже текла кровь и волосы вырывались, апостоль обратился съ такою молитвою ко Господу: „Открой, Господи Иисусе Христе, очи сердца ихъ, да познають Тебя, истиннаго Бога, и престануть отъ сего злодѣянія, и не поставь имъ этого во грѣхъ, ибо не вѣдаютъ, что творять“. Когда онъ произнесъ эти слова, внезапно напалъ на жителей этого города большой страхъ, такъ что, освободивъ апостола, они признали свой грѣхъ, говоря: „Мы согрѣшили противъ праведнаго“. Они склонились къ ногамъ апостола и просили объ отпущеніи ихъ преступленія и объ указаніи имъ пути спасенія. Поднявъ ихъ, онъ сталъ проповѣдывать Господа Иисуса Христа и показалъ чудеса, которыя онъ совершилъ въ этомъ мірѣ, и то, какъ онъ своею кровію искупилъ этотъ міръ, уже погибающій. Такимъ образомъ, снискавъ Господу жителей города, апостоль крестилъ всѣхъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа во отпущеніе грѣховъ. Сотворивъ это, онъ удалился въ свою область“.

Въ житіи Андрея, отысканномъ въ Волфенбюттельскихъ сборникахъ, равно какъ и въ Золотой легендѣ Якова de Voragine, повторяется почти буквально та же самая сокращенная повѣсть, съ упоминаніемъ Мирмидона¹⁾. У послѣдняго замѣчается только та отмѣна, что Андрей отправляется для освобожденія Матеѣя не изъ Ахаіи, а изъ Скиѣи. Далѣе, мы находимъ у Ордерика Виталія, писателя XII вѣка, указаніе на книгу, которая содержала въ себѣ замѣчательныя сказанія объ апостолѣ Андрѣ, остановившія на себѣ вниманіе историка, такъ что онъ счелъ нужнымъ привести изъ нея довольно значительное извлеченіе. Въ книжкѣ, авторъ которой былъ, по словамъ самаго Ордерика, ему неизвѣстенъ, рѣчь шла опять о путешествіи Андрея къ *Мирмидонянамъ*, а самый разказъ Ордерика даже своими выраженіями очень близко передаетъ вышеизложенное повѣствованіе Авдія²⁾.

Что касается Авдіева разказа о путешествіи апостола Андрея къ Мирмидонянамъ, то не смотря на измѣненіе именъ, на появленіе имени Матеѣя евангелиста вмѣсто Матеѣя, на устраненіе многихъ подробностей, не смотря на то, что въ немъ нѣтъ рѣчи о людяхъ,

¹⁾ Волфенбюттельскіе отрывки см. у *Тило* и *ТишENDORF*а.

²⁾ См. *Migne, Patrolog. latina*, t. 188, pag. 119.

питающихся человѣческою плотію, и о метаніи жребія, и явленіе Христа обращено въ явленіе ангела, — все-таки нужно признать, что этотъ разказъ есть простая передѣлка апокрифическаго источника съ намѣреннымъ устраненіемъ всего страннаго и неудобнаго. Что же касается имени города Мирмидона или его жителей Мирмидонянъ, то нужно полагать, оно уже читалось въ самыхъ гностицистскихъ актахъ, какъ другое названіе анеропофаговъ. Въ апокрифическомъ сказаніи о Матѣѣ, о которомъ будетъ сказано ниже, тотъ же самый городъ человѣкоудческій, въ которомъ дѣйствовали Андрей, именуется Мирнош (Μῆρυν); но въ позднѣйшихъ греческихъ житіяхъ, которыя встрѣчаются въ Минеяхъ, а равно и у Никифора Каллиста (XIV в.) Мирна замѣняется едва ли не болѣе правильнымъ чтеніемъ Мирмины (Μῆρμῖν). Въ одномъ краткомъ описаніи святыхъ мѣстъ, приложенномъ къ Бордосскому дорожнику (Itinerarium Burdigalense), памятнику приблизительно VI вѣка, упоминается также городъ Мирмидона (Μυρμιδονα), гдѣ апостоль Андрей освободилъ Матѣя, и объясняется, что въ этомъ городѣ, отождествляемомъ впрочемъ съ Синопомъ, всѣ его обитатели имѣли обыкновеніе ѣсть себѣ подобныхъ, и что ради того они сидѣли на улицахъ, поджидая, какъ будто въ видахъ гостепріимнаго состраданія, странствующихъ иноземцевъ ¹⁾).

Наиболѣе полную и близкую передачу сюжета, изложеннаго въ хожденіи апостола Андря къ анеропофагамъ, мы находимъ въ одномъ древнемъ памятникѣ крайняго запада, именно, въ англо-саксонской поэмѣ объ Андреѣ. Ея издатель, Як. Гриммъ, еще не имѣя въ рукахъ цѣльнаго апокрифа, который тогда не былъ изданъ, пришелъ однако къ убѣжденію, что источникомъ для поэмы служилъ не какой-либо сравнительно краткій разказъ въ родѣ псевдо-Андіева, а непременно болѣе пространный и уже заключавшій въ себѣ всѣ существенныя подробности, читаемый въ поэмѣ ²⁾. Теперь оказывается, что за исключеніемъ мелкихъ бытовыхъ красокъ, заимствованныхъ естественно изъ окружающей среды, за исключеніемъ ясеневыхъ копій, которыя употребляются даже при ослѣвленіи апостола

¹⁾ *Révue Archéologique*, X, 110 (1864 г.). Μυρμιδονα — omnes qui ibi manebant homines pares suos comedebant, nammodo tanta misericordia ibi est ut ad stratas (I. stratas) sedeant peregrinos suscipiendos. Здѣсь же говорится о Кореунѣ и о мощахъ Климента.

²⁾ См. *Andreas und Helene*. Herausg. von *Jacob Grimm*. Cassel, 1840, предисловіе.

я вообще постоянной склонности любоваться оружіемъ, за исключеніемъ характеристичныхъ для мѣстнаго быта описаній бури и мореплаванія, за исключеніемъ стремленія видѣть въ самыхъ апостолахъ воинственныхъ героевъ, да развѣ еще одного непонятаго мѣста (о сфинксахъ) и распространенія нѣкоторыхъ рѣчей ради стиха все остальное есть самый точный снимокъ съ греческаго подлинника. Удержаны даже цифры: здѣсь и тамъ семь стражей, пораженныхъ смертію при дверяхъ темницы, 49 женщинъ, превращенныхъ чародѣйскимъ напиткомъ во образъ звѣриный и потомъ снова возвращенныхъ Андреемъ къ человѣческому чувству и лицѣ. Только число мужчинъ, испытавшихъ ту же участь и такія благодѣянія, не одинаково: въ одномъ источникѣ 240, а въ другомъ 270. Если бы мы захотѣли повторить изложеніе содержанія поэмы, сдѣланное Яковомъ Гриммомъ, то оказалось бы во многихъ мѣстахъ почти буквальное сходство съ вышеприведеннымъ изложеніемъ гностическаго хожденія. Ради нѣкотораго ознакомленія съ этимъ любопытнымъ памятникомъ, относящимся, по мнѣнію Гримма, къ VIII вѣку или къ началу IX, мы приводимъ только начало его въ нѣмецкомъ переводѣ Грейна ¹⁾:

Traun! wir erfuhren, wie in der Vorzeit lebten
 zwölf hochberühmte Helden unter des Himmles Sternen
 Kempen Gottes in dem Kampf erlag,
 wenn sie die Helmzeichen hieben, ihre nachkraft nimmer
 seit sie zerstreut, wie ihnen bestimmte Looss
 der Hochkönig des Himmels, der Herr selber,
 Das waren Wehrmänner weitkund auf Erden,
 kühne Volksführer, im Kriegszug tapfer
 hochberühmte Helden, wenn Hand und Schildrand
 auf dem Heersfeld den Helm beschützten.
 Dieser Helden einer war der heilige Mattheus,
 der zuerst bei den Jüden das Evangelium
 durch Wunderkunst begarn mit Worten zu schreiben,
 dem der erlauchte Herr das Looss bestimmte
 hinaus auf das Eiland, wo der Ausländer keiner
 bisher noch konnte Heimath finden
 und Glück geniessen: grimm ereilte sie
 oft auf dem Heeresfeld die Hand der Mörder.
 All war das Markland mit Mord bewunden,
 Durch Feindes Falschheit, die Volksstatt der Männer,
 der Helden Heimsitz; nicht hatte dort
 die Bewohner in dem Lande Wasser Trunk

¹⁾ Grein, Dichtungen der Angelsachsen, stabsreimend übersetzt, Göttingen, 1859.

noch Brodes Speise zum Gebrauche: es genossen Blut und Fell
das Fleischkleid der Männer der fernher gekommenen
die Leute in dem Lande. So war's ihr Landesbrauch,
dass ohne Untersched sie der Ausländer jeden,
wenn Nabrung ihnen Not war, sich nahmen zur Speise,
alle die das Eiland von aussen suchten.
Das war des Volkes friedloses zeichen
der unseligen Stärke, dass sie der Augen Gesicht,
des Hauptes Gemme hasset und schwertgrimm
grausam zerstörten mit der Geere Spitzen.
Drauf brauten dann die Zauberer bitter zusammen,
durch Arglistkünste unheimlichen Trank
der das Bewusstsein der Manner wandte im Busen,
die innersten Gedanken: es ward umgekehrt der Sinn,
dass sie nicht jamernde schnten nach dem Jubel der Männer
die Grimm gierigen Helden, sonder Gras uud Heu
die vor Mangel an Munkost müden plagte.
Da war Mattheus zur weitberühmten Burg
gelangt in die Stadt: Lärm war dort gewaltig
in dem Volk der *Mermedonier* dem frevelvollen и т. д.

Итакъ, и въ этомъ памятникѣ глубокой древности аноропофаги иначе именуются *Мирмидонянами*—не только въ приведенномъ мѣстѣ, но и постоянно. Сверхъ того, въ одномъ мѣстѣ (стихъ 432-й) земля ихъ названа *царствомъ Эѳіоповъ*, страню черныхъ людей (*Λεβυθου γίσε*), что должно находиться въ той или другой связи съ Эѳіопіей каталоговъ.

2. Хожденіе въ страну варваровъ.

Случилось, что апостоль Христовъ Андрей вышелъ изъ города челоѳкоядцевъ (*ἀνδροποφάγων*), и вотъ облакъ свѣтлый восхитилъ его и отнесъ его на гору, гдѣ воссѣдали Петръ, Матѳій и Александръ. Когда онъ увидѣлъ ихъ, то они привѣтствовали его съ большою радостію. Тогда Петръ говоритъ ему: „Братъ Андрей! Посѣялъ ли ты слово истины въ странѣ челоѳкоядцевъ, или нѣтъ?“ Отвѣчаетъ ему Андрей: „Во истину, отецъ мой Петръ, твоими молитвами. Но много зла сдѣлали мнѣ люди этого города; ибо волочили меня на площади люди этого города въ продолженіе трехъ дней, такъ что моя кровь обагрила всю площадь“. Говоритъ ему Петръ: „Мужайся во Господѣ, братъ Андрей, и теперь отдохни отъ труда твоего. Ибо если добрый земледѣлецъ трудомъ своимъ воздѣлаетъ землю, и она приноситъ плодъ, то трудъ его тотчасъ превратится въ радость. Если жъ онъ потрудится, а земля его не принесетъ плода, то онъ часто имѣеть

двойной трудъ“. Когда онъ это говорилъ, то явился имъ Господь Иисусъ Христосъ во образѣ отроцати и рекъ имъ: „Радуйся, Петръ, епископъ всей церкви моей! Радуйся, Андрей! Мужайтесь и боритесь сверхъ челоуѣчества, сонаслѣдники мои. Во истину глаголю вамъ: вы подвергаетесь трудамъ сверхъ челоуѣчества въ мѣрѣ семъ, но держайте; и успокою васъ въ первый часъ отдохновенія въ царствѣ Отца моего. Итакъ, возставъ, идите въ градъ варварскій и проповѣдайте въ немъ; и я съ вами буду въ чудесахъ, бываемыхъ въ немъ чрезъ посредство рукъ вашихъ“. И цѣловавъ ихъ, Господь возшелъ на небо.

Петръ же и Андрей, Александръ и Руфъ и Матѳей пошли во градъ варварскій. Когда они приблизились ко граду, Андрей сказалъ Петру: „Отче Петръ, имѣемъ ли мы снова подвергнуться мукамъ въ городѣ этомъ, какъ и въ странѣ челоуѣкоидцевъ? Говорить ему Петръ: „Не знаю. Но вотъ предъ нами старецъ, сѣющій на полѣ своемъ. Если мы поспѣшимъ къ нему и скажемъ ему: дай намъ хлѣба, и если онъ дастъ намъ хлѣба, то мы уразумѣемъ, что не подвергнемся мукамъ въ городѣ этомъ. Если же скажетъ намъ, что не имѣетъ хлѣба, то изъ этого узнаемъ, что опять ожидаетъ насъ мученіе“. Когда они приблизились къ старцу, то говоритъ ему Петръ: „Радуйся, земледѣлецъ!“ Земледѣлецъ отвѣчаетъ имъ: „Радуйтесь и вы, купцы“. Говорить ему Петръ: „Есть ли у тебя хлѣбъ, чтобы ты могъ снабдить имъ сихъ отроковъ, такъ какъ мы дошли до крайности“ (ὀστερήθημεν). Отвѣчаетъ имъ старецъ: „Подождите немного и присмотрите за волами и раломъ и нивой; а я пойду въ городъ и принесу вамъ хлѣбы“. Говорить ему Петръ: „Если ты окажешь намъ страннопримство, то мы присмотримъ за волами и нивою“. Старецъ отвѣчаетъ: „Да!“ Говорить ему Петръ: „А волы ваши ли?“ Старецъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ, но мы наняли ихъ“. Говорить ему Петръ: „Иди въ городъ“. И пошелъ старецъ въ городъ. И возставъ, Петръ препоясалъ одежду свою и срачицу и говоритъ Андрею: „Не приличествуетъ намъ покоиться и быть праздными, когда старецъ ради насъ трудится, оставивъ дѣло свое“. Тогда Петръ, взявшись за рало, началъ сѣять жито. Андрей же былъ позади воловъ и говоритъ Петру: „Отче Петръ! зачѣмъ и ты трудишься, когда мы здѣсь“. Тогда Андрей, взявши у Петра рало, сталъ сѣять говоря...

(Здѣсь слѣдуетъ пропускъ въ греческомъ текстѣ, восполняемый Русскою редакціей хожденія, которая и слѣдуетъ):

И рече къ Петру: „Брате, что трудъ возлагаеши? Ты бо еси пастырь

и отецъ всѣмъ намъ, то ли ты трудиться хочещи“. И пріймъ Петръ пшеницу и благослови ю и сѣяше на селѣ старче. Руфъ же и Александръ и Матеѣи бѣша одесную водовъ кожаху, и благословиша и рѣша: „Приди роса небесная благая и вѣи вѣтръ добрый. И облакъ да обросить и да придуть и починуть на нивѣ сеи“. И абіе по словесѣхъ сихъ скоро сѣянная нива прозябе, и бысть исполнена съ класемъ. И пришедъ старецъ съ хлѣбы и видѣ ниву возрастшу. И положи хлѣбы, скоро паде къ ногамъ ихъ. И рече: „Владыки бози вы есте“. И рече ему Петръ: „Возстань, человѣче. Мы вѣсмъ бози, но посланники есмь Божіи. Избра насъ насъ Богъ и дарова намъ ученія благая да научимъ человѣки. Аще кто приметъ ученіе, смерти избудеть [и] жизнь вѣчную получить во царствіи небеснемъ. Аще хочещи и ты быти причастникъ Божій, а нашъ другъ, то шедъ накажи жену свою и дѣти своя въ заловѣдяхъ Божіихъ пребывати,— и увидеши во царствіе Божіе“. И рече имъ старецъ: „Аще вся сія соблюду, могу ли азъ таковая чюдеса творити, яко же вы творите на нивѣ моей“. И рече Петръ: „Право глаголю тебѣ: аще соблюдеши вся сія, и сотвориши, еже хочещи“. И рече старецъ: „Азъ печали не имамъ о сихъ чюдесахъ. Но оставляю вся сія и пойду по васъ, аможе вы идѣте“. И рече ему Петръ: „Не тако есть, но шедъ дай воли у кого взялъ еси, и возвѣсти женѣ своей и дѣтемъ, яже видѣвъ и разумѣвъ благодать Божію въ насъ, и устрои домъ свой; мы же шедъ почіемъ въ дому твоёмъ, да почивъ и идемъ во градъ“. Тогда старецъ пріимъ снопъ нивы той и обѣси на рамѣ своемъ и поймъ воли поиде во градъ, апостоли же поидоша въ домъ его. И видѣша гражене посяща снопъ и глаголаша ко старцу: „Откуда обрѣте нынѣ снопъ класень, скажи намъ,—яко и вѣсть нынѣ время жатвѣ“. Онъ же не отвѣща имъ ничтоже, подвизашеся борзо въ домъ свой и тщашеся на устроеніе дому своего апостоломъ Христовымъ: того ради не отвѣщеваше ни ко единому ихъ. И пѣша его твердо и ведоша ко старѣйшинамъ града того. Они же видѣша чудо и удивишася, и рекоша: „Гдѣ еси взялъ?“ Онъ же не хотя имъ повѣдати. Они же претяху ему глаголюще: „Аще не повѣси право, то злою смертію умрети имаши, гдѣ еси обрѣлъ снопъ класень не во время жатвѣ“. Онъ же рече имъ: „Азъ не убояся смерти вашей; азъ бо во истинну обрѣтохъ благодать. Да еще хочете разумѣти, истинну, приведу къ вамъ пришедшая ко мнѣ человѣки. Яко быша на нивѣ моей, и азъ орахъ, они же пришедше со страны и просиша у мене хлѣба. Азъ же имъ рѣкохъ: поблюдите рала моего и

волу; азъ шедъ во градъ и принесу вамъ. И яко азъ придохъ на ниву мою и принесохъ имъ хлѣбъ, и обрѣтохъ пшеницу созрѣвшу, и бысть власть. Азъ же то видѣхъ чюдо и молихся имъ, дабы почили въ дому моемъ. И аще хотите ихъ видѣти, пождите ту, они бо почиваютъ въ дому моемъ, и азъ приведу ихъ къ вамъ". И тако отиде отъ нихъ. И приде дьяволъ всѣя въ сердца старѣйшинамъ, и собрашася вси, глаголюще другъ ко другу: „О горѣ намъ! сіи чловѣцы отъ Галилеянъ суть и оскверняютъ чловѣцы; отъ ереси Назарянина суть, и разлучаютъ мужа отъ жены, а жены отъ мужей. Да бы не вошли во градъ нашъ!" Ини же глаголаху: „Токмо пять мужей; да шедъ убьемъ ихъ". Ини глаголаху: „Мы слышахомъ, имѣютъ учителя глаголемаго Исуса, и чтò хотятъ, то и творятъ, и его же просятъ, и послушаютъ ихъ. И егда прогнѣваемъ я, то погубятъ градъ нашъ безъ останка, или потоппъ наведутъ на градъ нашъ. И чтò сотворимъ чловѣкомъ симъ?" Единъ же отъ нихъ исполнися ереси и рече имъ: „Аще хотите, послушайте мене; и не дадимъ власти во градъ нашъ". Они же глаголаша ему: „Чтò имаши соговорити?" Онъ же рече имъ: „Слышите о чловѣдѣхъ сихъ, яко ненавидятъ женска полу: да послушайте мене, обряцете блудницу добрѣйшу паче всѣхъ, и ту поставимъ посредѣ вратъ градныхъ нагу, и украсимъ ю бисеромъ и помажемъ главу ея мастію. Они же возрѣвше на ню и погибнутъ и не внидутъ во градъ нашъ". Они же скоро обрѣтоша жену любодѣйцу и сняша съ нея одежу, и украсиша ю златомъ и бисеромъ, яко научени быша, и поставиша ю посредѣ вратъ градныхъ, удуже хотище внити апостоли. И приближишася ко вратомъ апостоли, и увѣдяша жену нагу и разумѣвше духомъ святымъ. И рече Андрей: „Видите ли, братія, како вниде сотона въ сердцѣ женѣ сей, да хощеть насъ искусити, и поведите ми, да пожню ея вашими молитвами". И рече ему Петръ: „Имѣши власть на ней, твори еже хощеши". И ста Андрей глаголя: „Господи Исусе Христе! Пусти Михаила архистратига, да обисить жену сію за власы на аерѣ, дондеже внидемъ во градъ сей, и проповѣдаемъ слово Божіе; и егда изыдемъ изъ града, и да снидетъ со аера". И абіе по словесѣхъ сихъ восхити ю ангель и повѣси за власы. И увидѣша гражене то чюдо и удивишася глаголюще: „Оле видѣхомъ чюдо велико". Тогда возопи гласомъ великимъ глаголюще: „Да не имутъ покоя князи града сего, яко предаша мя на муку сію, азъ бѣхъ недостойна со всѣмъ градомъ симъ видѣти апостолъ Христовыхъ, входящихъ во градъ сей. Отпущаю (?) грѣхи вѣрующимъ въ ня. Да

излудъ пощю изъ града сего, яже мы обрѣтохся живущей блудю, въ нарубѣ азъ отъ днешняго дне. Апостоли Господни, помолитесь о мнѣ, да избуду отъ страсти сія, се бо апостоли Христови многихъ свобожаете отъ страстей, и всякъ недугъ и всяку язву изцѣляете въ людѣхъ. Молитесь о мнѣ и свободите ми отъ многихъ грѣховъ, да отбѣжу отъ тмы прелести и похоти дїавола и приду въ дивный едо свѣтъ...“

(Еще слѣдуетъ нѣсколько строкъ, очень дурно переведенныхъ, и затѣмъ русская редакція прерывается; мы возвращаемся къ греческому тексту).

Тогда многіе изъ народа увѣровали во Христа ради слова жены той, и припадая къ ногамъ апостоловъ, поклонялись имъ. Они же возлагали руки на нихъ и больныхъ въ городѣ исцѣляли, слѣпымъ же подавали зрѣніе, глухимъ слышаніе, демоновъ изгоняли. Весь народъ славилъ Отца и Сына и Святаго Духа.

Былъ же въ городѣ одинъ богачъ, по имени Описифоръ. Увидѣвъ знаменія, бываемыя чрезъ апостоловъ, онъ говоритъ имъ: „Если я увѣрую въ Бога вашего, то получу ли и я силу сотворить знаменіе, какъ вы?“ Отвѣчаетъ ему Андрей: „Если отречешься отъ всего имѣнія твоего и отъ жены своей и отъ дѣтей своихъ, какъ и мы отреклись, тогда и ты будешь творить знаменія“. Услышавъ это, Описифоръ исполнился ярости, и взявъ свой поясъ (λέντιον = linteam, περιζωρία), бросилъ его на шею Андрея и сталъ бить его, говоря: „Ты—чародѣй (μαγῆς), какъ ты заставляешь меня оставить жену мою, дѣтей и имѣніе?“ Тогда Петръ, обратившись и видя, что онъ бьетъ Андрея, говоритъ ему: „Человѣкъ, перестань бить Андрея!“ Говоритъ ему Описифоръ: „Вижу, что ты разумишь его. Итакъ, скажи мнѣ, долженъ ли я оставить жену мою, дѣтей и имущество: что ты на это скажешь?“ Отвѣчаетъ ему Петръ: „Одно слово рѣку тебѣ: удобнѣе есть верблюду войти чрезъ игольные уши, чѣмъ богатому войти въ царствіе Воле“. Услышавъ это, Описифоръ еще болѣе исполнился гнѣва и ярости, и взявъ поясъ съ выи Андрея, бросилъ ее на выю Петра и такимъ образомъ волочилъ его, говоря: „Во истину ты великій волшебникъ (μαγῆς), болѣе того; ибо не входитъ верблюдъ сквозь отверстіе иглы. Если же ты покажешь мнѣ это чудо, то я увѣрую въ Бога вашего, и не только я, но и весь городъ; если же нѣтъ, то сильно будешь наказанъ посреди города“. Услышавъ это, Петръ очень опечалился и потомъ, вставъ и воздѣвъ руки къ небу, молился говоря: „Владыко Господи Боже нашъ! Услышь меня въ часъ

сей; (иначе) они уловятъ насъ на словахъ твоихъ. Ибо ни пророкъ, ни патріархъ не глаголали, возвѣщая объясненіе ихъ, дабы мы узнали это толкованіе; они же теперь требуютъ отъ насъ сего толкованія съ дерзновеніемъ. Итакъ, ты, Господи, не презри насъ, ибо ты еси воспѣвасмый отъ херувимовъ“.

Когда онъ сказалъ это, явился Спаситель, въ образѣ отротати двѣнадцатилѣтняго, нося на себѣ полотняную бѣлую одежду (ὀθῶνον), и рекъ имъ: „Дерзайте и не бойтесь, избранные мои ученики, ибо я съ вами есмь всегда. Пусть будетъ принесена игла и верблюдъ“. И сказавъ это, вознесся на небеса. Былъ въ этомъ городѣ, одинъ торговецъ (πανταπώλης), увѣровавшій въ Господа чрезъ апостола Филиппа. Услышавъ это, онъ побѣжалъ и сталъ искать иглы, имѣющей большое отверстіе, желая сдѣлать удобное апостоламъ. Узнавъ это, Петръ говоритъ: „Смылъ, неищи большой иглы; ибо не изнеможетъ у Бога всякъ глаголь. Но лучше принеси намъ тонкую иглу. Когда жъ игла была принесена, и вся толпа городская собралась на зрѣлище, Петръ взглянувъ увидѣлъ идущаго верблюда и сказалъ, чтобы подвели его. Тогда онъ утвердилъ иглу въ землю и воскликнулъ громкимъ голосомъ: „Во имя Исуса Христа, распятаго при Понтіи Пилатѣ, повелѣваю тебѣ, верблюдъ, пройти чрезъ иглиныя уши“. Тогда отверстіе иглы отворилось на подобіе воротъ, и верблюдъ прошелъ чрезъ оное, и весь народъ видѣлъ это. Говоритъ опять Петръ верблуду: „Войди опять чрезъ иглу“. И вошелъ верблюдъ во второй разъ. Онисифоръ, увидѣвъ это, говоритъ Петру: „По истинѣ, ты великій волшебникъ; и я не повѣрю, если не пошлю самъ и принесу иглу и (приведу) верблюда“. И призвавъ одного изъ дѣтей своихъ, говоритъ ему тайно: „Иди и доставь мнѣ сюда верблюда и иглу. Найди такую жену оскверненную, и принудивъ ее, приведи сюда; ибо люди эти суть волшебники“. Но Петръ, духомъ своимъ узнавъ тайну, говоритъ Онисифору: „Пошли, приведи верблюда и женщину, и принеси иглу“. Когда жъ это было исполнено, то Петръ, взявъ иглу, укрѣпилъ ее въ землю; а женщина сидѣла на верблюдѣ. Тогда говоритъ Петръ: „Во имя Господа нашего Исуса Христа распятаго повелѣваю тебѣ верблюдъ, чтобы ты вошелъ чрезъ эту иглу“. Тотчасъ отворилось отверстіе иглы и сдѣлалось какъ ворота, и вошелъ чрезъ него верблюдъ. И говоритъ Петръ верблуду: „Войди опять чрезъ нее, дабы всѣ видѣли славу Господа нашего Исуса Христа, и да увѣруютъ въ него нѣкоторые“. Тогда верблюдъ снова вошелъ чрезъ иглу. Онисифоръ, увидѣвъ это, воскликнулъ, говоря: „Во истину, великъ

Богъ Петра и Андрея, и я отиинѣ въруку во имя Господа нашего Иисуса Христа. Итакъ, послушай нынѣ рѣчей моихъ, Петръ. Я имѣю нивы, виноградники и поля; имѣю двадцать - семь литръ золота и пятьдесятъ литръ серебра; имѣю также многихъ рабовъ. Отдаю бѣднымъ все, что есть у меня, только чтобъ и я могъ сотворить чудо, какъ и въ". Петръ же опечалился, какъ бы силы не оказались для него не дѣйственными, такъ какъ онъ не принялъ еще печати во Христѣ. Когда онъ объ этомъ размышлялъ, голосъ съ неба говоритъ ему: „Повелѣваю тебѣ, сдѣлай ему что онъ хочетъ, и я исполню его желаніе“. Говоритъ ему Петръ: „Иди, сынъ, сотвори, какъ и мнѣ"... Онисифоръ подошелъ и сталъ предъ верблюдомъ и иглой и сказалъ: „Во имя...“

На этомъ кончается отрывокъ изъ дѣяній апостоловъ Петра и Павла *во градѣ варварскомъ*. Дальнѣйшія приключенія апостоловъ въ варварской странѣ остаются для насъ совершенно неизвѣстными. Мы знаемъ только, что городъ варваровъ не былъ послѣднею гранью путешествія апостола Андрея въ далекихъ фантастическихъ странахъ, гдѣ жили челоуѣкоядцы и варвары. Изъ коптскихъ отрывковъ „Дѣяній Варооломея“, изданныхъ Цоегой и перепечатанныхъ Типендорфомъ, мы знакомимся съ новымъ театромъ хожденій Андрея и его странниковъ.

3. Хоженію въ страну Хазареновъ.

„Господь, явившись Варооломею, повелѣваетъ ему идти къ Парянамъ, расположеннымъ къ сѣверу отъ Македановъ или *Хазареновъ*. Ислѣдъ затѣмъ онъ приходитъ къ Андрею и повелѣваетъ ему, чтобъ онъ изъ земли *Варваровъ* направился къ *Казаренамъ*, отстоящимъ на сорокъ дней пути, и оттуда отправился съ Варооломеемъ къ Парянамъ и Еламитагъ, и между прочимъ сказать: „Я пошлю вамъ челоуѣка изъ земли Кивокефаловъ (собачьихъ головъ), у котораго голова песья, и при его посредствѣ увѣрують въ меня“.

Изъ другаго (втораго) сборника: „Андрей съ учениками Руфомъ и Александромъ отправляется изъ города *Варварскаго* въ область *Кадареновъ* (sic) и приходитъ къ морю, гдѣ на берегу является ему вить, поглотившій ѣкогда Іону; онъ поглощаетъ его вмѣстѣ съ его учениками, и скрывъ въ утробѣ своей въ продолженіе трехъ дней, переноситъ къ берегу *Кадареновъ* изъ области города *Рохонъ*“ (Rochon).

Изъ перваго сборника: „Андрей, высаженный на берегу *Казаре-*

новъ близъ города Іериха (Iericho, то-есть, Рохона по другому списку), полагаетъ, что онъ еще находится въ землѣ Варваровъ, пока не узналъ точнѣе о положеніи мѣстъ съ прибытіемъ Варроломея, направляющагося въ Македанъ изъ Іериха, гдѣ онъ проповѣдывалъ евангеліе“.

Изъ втораго кодекса: „Андрей и Варроломей изгоняютъ идоловъ изъ города, которымъ правилъ проконсулъ Галліонъ, и трижды брошенные въ огонь, выходятъ невредимыми. Послѣ того они разсѣкаются посредствомъ пилъ, и послѣ сожженія раздробленныхъ частей, испель ихъ повергается въ море, гдѣ онъ поглощается китами; послѣ того идолы возвращаются въ городъ. По истеченіи трехъ дней Богъ заставляеть кита, чтобъ онъ изрыгнулъ апостоловъ“.

Изъ втораго сборника въ концѣ: „Когда народъ сидѣлъ въ театрѣ, кинокефалъ, названный христіаниномъ, пожираетъ двухъ львовъ и наводитъ на всѣхъ такой ужасъ, что они начинаютъ бѣжать изъ города; но тѣ же апостолы окружаютъ городъ огненною стѣною, чтобы никто не могъ выйти. Тогда тѣснимые и кинокефаломъ, и огнемъ, жители съ мольбами обращаются къ апостоламъ, по повелѣнію которыхъ кинокефалъ обращается въ отрока смиреннѣйшаго права. Варроломей даетъ ему имя Пистось (Вѣрный), обѣщая ему небесное царство и безсмертную славу, ибо при помощи его этотъ народъ былъ обращенъ къ вѣрѣ,—и держитъ рѣчь къ народу, что они спасутся, если, оставивъ идоловъ, исповѣдуютъ Святую Троицу. Тотчасъ весь народъ принимаетъ вѣру къ негодованію жрецовъ идольскихъ“.

4. Мученіе Апостола Андрея въ Ахаіи,

Если существовало особое сказаніе о томъ, что апостоль Андрей совершилъ на пути отъ Цовта въ Ахаію, изложенное въ формѣ разказа его учениковъ, то отъ него не дошло до насъ никакихъ остатковъ. Впрочемъ можетъ быть, что страны, лежавшія на пути отъ Чернаго моря въ Грецію, были тѣ самыя области анеропофаговъ и другихъ свирѣпыхъ или чудовищныхъ людей, о которыхъ идетъ рѣчь въ сохранившихся отрывкахъ Андреевой саги, и что именно приключенія въ этихъ областяхъ были описаны очевидцами, тогда какъ въ другихъ отдѣлахъ разказъ былъ веденъ отъ имени самого апостола. Только въ послѣдней части хожденій Андрея, именно въ сказаніи объ его мученической смерти въ Ахаіи, сохранилась та форма, которая первоначально существовала въ сочиненіяхъ Леуціи Ха-

рина. Это сказаніе носитъ такія надписанія, которыя прямо указываютъ на принадлежность его къ болѣе обширному цѣлому. Въ надписаніяхъ говорится о „Дѣніяхъ“ и смерти апостола Андрея, или о „Хожденіяхъ и мученіи“ апостола Андрея, а въ самомъ сказаніи мы читаемъ только о послѣдней его судьбѣ или о кончинѣ въ Патрахъ Ахейскихъ. Притомъ даже въ границахъ теперешняго содержанія, обнимающаго одну Ахаію, настоящая редакція апокрифа все-таки многое оставляетъ недостаточно мотивированнымъ и темнымъ, то-есть, указываетъ на очевидныя пробѣлы, особенно въ началѣ.

Пресвитеры и діаконы церкви Ахаіи, обращенные къ истинной вѣрѣ апостоломъ Андреемъ, въ формѣ окружнаго посланія ко всѣмъ церквамъ Христовымъ на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ пишутъ о томъ, что они видѣли собственными глазами: Проконсулъ Ахаіи Егеатъ (Αἰγιάτης), вошедши въ городъ Патры, сталъ принуждать вѣрующихъ къ идолослуженію. Апостолъ Андрей, увидѣвъ это, явился къ нему съ обличеніемъ и проповѣдью. Долгая бесѣда апостола съ проконсуломъ кончилась тѣмъ, что послѣдній приказалъ заключить Андрея въ темницу. Но это вызвало волненіе во всей провинціи; народная толпа, собравшаяся во всѣхъ сторонахъ, грозила проконсулу убійствомъ и пыталась освободить апостола, выломавъ двери его темницы. Апостолъ усмирилъ возстаніе, напомнивъ народу о христіанскомъ долготерпѣніи, тишинѣ и покорности и о маловажности земнаго страданія въ сравненіи съ вѣчнымъ. На другое утро Егеатъ снова приказалъ привести къ себѣ Андрея и уже съ своей стороны старался склонить его къ перемѣнѣ вѣры, такъ какъ его примѣръ долженъ былъ несомнѣнно подѣйствовать на обольщенный имъ народъ и повести къ возстановленію поклоненія идоламъ. „Не оставалось ни одного города въ Ахаіи, въ которомъ храмы не были бы покинуты и не запустѣли“, жаловался проконсулъ. Отвѣтъ на безумное праглашеніе, сопровождаемое разными приманками и обѣщаніями дружбы и почестей, былъ таковъ, какого и слѣдовало ожидать. Раздраженный проконсулъ подвергнулъ апостола пыткамъ и разнымъ истязаніямъ, а когда это не подѣйствовало, сталъ грозить распятіемъ на крестѣ и потомъ дѣйствительно привелъ угрозу въ исполненіе. Приведенный къ орудію казни, Андрей обратился къ кресту съ восторженнымъ привѣтствіемъ, снялъ съ себя одежду, раздѣлялъ ее между братіей вѣрующихъ и пригласилъ палачей исполнить ихъ дѣло. Согласно съ приказаніемъ, полученнымъ отъ проконсула, палачи не привоздили къ кресту рукъ и ногъ апостола, а только привязали

ихъ веревками, потому что Егеать хотѣлъ, чтобы послѣ долгихъ мученій тѣло еще живаго апостола было разтерзано псами.

Вся на крестѣ, Андрей улыбнулся, и это замѣтилъ Стратоклъ, находившійся въ среди двадцатитысячной толпы вѣрующихъ, бывшихъ зрителями казни. Нужно сказать, что выше не было никакого упоминанія о Стратоклѣ, и только послѣ узнаемъ мы, что это былъ братъ проконсула, обращенный Андремъ къ вѣрѣ во Христа. Теперь онъ спросилъ своего учителя о причинѣ его улыбки и получилъ въ отвѣтъ, что причина ея была мысль о тщетѣ усилий Егеата... Затѣмъ послѣдовала бесѣда съ окружающимъ народомъ, и она продолжалась въ теченіе трехъ сутокъ, при чемъ никто изъ вѣрующихъ не думалъ уходить. На четвертый день народъ снова возмутился, и явившись къ проконсулу, требовалъ освобожденія праведнаго мужа, неправильно осужденнаго на казнь. Егеать сначала упорствовала, но грозный видъ двадцатитысячной толпы, готовый перейти къ насилію, испугалъ его, и онъ далъ обѣщаніе исполнить волю народную, даже самъ отправился ко кресту съ этою цѣлію. Апостолъ былъ предупрежденъ о приближеніи Егеата и о его намѣреніи. Жены, находившіяся около креста, въ числѣ коихъ находилась и Максимилла, опять выше не упомянутая, возрадовались; но апостолъ обратился къ пришедшему проконсулу съ воззваніемъ, что онъ пришелъ напрасно и не можетъ освободить того, кто уже давно свободенъ. Палачи, а за ними и вѣрующіе, пытались снять его со креста, но не могли этого сдѣлать, потому что руки ихъ были поражены безсиліемъ. Вслѣдъ затѣмъ апостолъ обратился къ Богу съ молитвой о дарованіи ему кончины, такъ какъ пришло время тому. Возблисталъ свѣтъ, какъ будто молнія, и это продолжалось въ теченіе получаса, пока апостолъ не испустилъ духа. Послѣ кончины апостола Максимилла при помощи Стратокла сняла тѣло апостола и ночью предала его погребенію въ собственной гробницѣ и съ великою честію. „Она была въ разводѣ съ Егеатомъ ради его звѣрскаго нрава и беззаконнаго поведенія; избравъ жизнь честную и спокойную, она притѣпилась къ любви Христовой и блаженно проводила жизнь съ братіей“.

Егеать старался отклонить ее отъ этого обѣщаніями отдать въ ея власть все свое имущество, но когда это не произвело дѣйствія, то задумалъ принести цезарю жалобу на нее и на весь народъ. Но прежде чѣмъ онъ исполнилъ свое намѣреніе, онъ погибъ жалкимъ образомъ, низвергнутый съ высокаго мѣста діаволомъ. Братъ его, Стра-

тогдѣ, велѣлъ похоронить его вмѣстѣ съ самоубійцами и ничего не захотѣлъ взять изъ оставшагося наслѣдства.

Изъ вышеупомянутаго мѣста въ сочиненіи Еводія „О вѣрѣ“ противъ Манихеевъ. а также на этотъ разъ изъ псевдо-Авдія, мы отчасти можемъ судить о томъ, что именно опущено изъ первоначальной редакціи сказанія, которое мы представили въ краткомъ, но точномъ извлеченіи. Мы приводимъ слова Еводія, а потомъ отрывокъ изъ Авдія въ подлинномъ, латинскомъ текстѣ:

„Attendite in actibus Leucii quos sub nomine apostolorum scribit, qualia sunt quae accipitis de Maximilla uxore Egetis, quae cum nollet marito debitum reddere, cum apostolus dixerit Uxori vir debitum reddat, similiter et uxor viro: illa supposuerit marito suo ancillam suam Eucliam nomine, exornans eam, sicut ibi scriptum est, adversariis lenociniis et fucationibus, et eam nocte pro se vicariam supponens, ut ille nesciens cum ea tamquam cum uxore concumberet. Ibi etiam scriptum est quod cum eadem Maximilla et Iphidamia simul issent ad audiendum apostolum Andream, puerulus quidam speciosus, quem vult Leucius vel deum, vel certe angelum intelligi, commendaverat eas Andreae apostolo et perrexit ad praetorium Egetis, et ingressus cubiculum earum finxerit vocem muliebrem quasi Maximillae murmurantis de doloribus sexus feminei et Iphidamiae respondentis: quae colloquia cum audisset Egetes, credens eas ibi esse, discessit“.

Небольшой, приводимый ниже отрывокъ изъ Авдія Вавилонскаго относится къ началу дѣятельности апостола въ Ахаіи: „Interca dum haec fierent apud Patras, contigit ut abeunte Proconsule in Macedoniam, Maximilla uxor verbis salutaribus instructa, in tantum beato apostolo adhaereret, ut reversus Praeses parum abfuerit, quin uxorem et magnam insuper hominum multitudinem in praetorio cum apostolo audientes verbum salutis invenisset. Quod praesentiens beatus apostolus flexit genibus, ne patiaris, inquit, Domine, ingredi proconsulem in hunc locum donec omnes egrediantur exinde. Quod cum fecisset, antequam Proconsul praetorium fuisset ingressus, accidit illi voluntas purgandi ventris: cumque secessum petisset et moras innecteret, s. apostolus singulis manus imponens et consignans cruce, eos abire permisit, novissime autem se signans et ipse, discessit. Maximilla autem jam et antea et post illa tempora saepe domum, ubi apostolus morabatur, cum aliis christianis ingrediebatur et verbum Domini audiebat. Qua ex re factum est, ut rarius marito suo commisceretur. Quod ille aegre ferens, et caussam in apostolum conjiciens, Andream accersit...“

Далѣ совершенно сходно съ апокрифомъ.

Нужно прибавить, что и позднѣйшія повѣствованія о смерти апостола Андрея не только во всемъ главномъ согласны съ апокрифическимъ сказаніемъ, но даже часто обнаруживаютъ подробности, которыя въ немъ первоначально должны были непременно стоять на своемъ мѣстѣ, и только послѣ, въ нашей редакціи сказанія, изгладились. О Максимиллѣ, напримѣръ, большею частію прямо говорится, что она, послѣ своего обращенія Андреемъ, отказалась раздѣлять брачное ложе со своимъ супругомъ Егеатомъ, и что это именно было прямою причиною гоненія со стороны послѣдняго: черта, которая, какъ извѣстно, носитъ еще слѣдъ гностической тенденціи.

Что касается Матеія, который былъ виною путешествія апостола Андрея во градъ челоѡкоядцевъ, то послѣдняя судьба его разказана въ особомъ апокрифѣ, носящемъ заглавіе „Дѣяніе и мученичество св. *Матеія апостола*“: такъ значится во всѣхъ изданіяхъ и въ рукописяхъ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что рѣчь идетъ о томъ же самомъ лицѣ, которое въ другомъ хожденіи называлось Матеіемъ. Для насъ важно здѣсь только начало. Когда св. апостоль и евангелистъ находился въ уединеніи *на горѣ*, ему явился Христосъ и сказалъ ему: „Иныѣ, Матеѣй, возьми этотъ жезлъ мой, сойди съ горы и ступай въ Мирну (*Μίρνη*), городъ челоѡкоядцевъ, и посади его въ землю (то-есть, жезлъ) у преддверія той церкви, которую основали ты и Андрей: какъ скоро ты его посадишь, онъ превратится въ большое и высокое дерево, и растянутся вѣтви его на 30 локтей, и плодъ каждой вѣтви будетъ отличенъ отъ другихъ на видъ и на вкусъ, и съ вершины дерева будетъ стекать медъ во многомъ количествѣ, а отъ корни его выйдетъ большой источникъ, напоющій окрестную страну, и въ немъ будутъ мыться анеропофаги и вкушать отъ плода деревевъ виноградъ и медъ, и измѣнятся тѣла ихъ, и видъ ихъ превратится въ такой, какъ у другихъ людей, и устыдятся наготы тѣлъ своихъ, и одѣнутся въ одежды отъ ягнать овечьихъ (*ἀπὸ τῶν κριῶν τῶν προβάτων*), и уже не будутъ ѣсть всякую нечистоту“. Когда апостоль Матеѣй пришелъ во градъ челоѡкоядцевъ, то ему на встрѣчу вышли епископъ Платонъ, поставленный, очевидно, ранѣе апостоломъ Андреемъ, и духовенство (клиръ). Матеѣй исполнилъ повелѣніе Господа относительно жезла и сталъ крестить обращающихся. Онъ крестилъ жену царя, по имени Фулвану. и его сына, называсмаго Фулваномъ, въ водѣ источника, изшедшаго изъ-подъ корня того чудеснаго древа, которое выросло изъ посаженнаго въ землю жезла. Царь, тоже по

имени Фулванъ, былъ раздраженъ собственно не крещеніемъ своей жены и родныхъ, а тѣмъ, что они послѣ того сдѣлались неразлучны съ Матѣемъ.—Опускаемъ дальнѣйшія подробности и замѣтимъ только, что апостолъ Матѣй скончался вслѣдствіе мученій въ этой самой странѣ человѣкоядческой.

В. Васильевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

БАЛКАНСКІЕ СЛАВЯНЕ, ВЪ ЭПОХУ ПОКОРЕНІЯ ИХЪ ТУРКАМИ.

Юш да видиш, добар побратиме,
Ту неслоге Српске од старине!

(В. С. Караџићъ, Српске пјесме, Кн. V. №. 1.
«Постанак вѣзана у Црнојгори»).

Оба славянскія государства, существовавшія въ средніе вѣка на Балканскомъ полуостровѣ—царство Сербское и Болгарское, имѣли одинъ общій характеръ, свойственный всѣмъ политическимъ организациямъ среднихъ вѣковъ: все, что ни происходило тогда въ Западной Европѣ, въ маломъ видѣ повторяется въ южно-славянскихъ государствахъ. Монархія Душана, подходя подъ общій обликъ всѣхъ тогдашнихъ монархій, въ основѣ своей имѣетъ раздѣльность сословій: *властельство* (дворянство), *духовенство* и *народъ*; властели имѣютъ большія привилегіи, которыя доставили имъ возможность усилиться до такой степени, что они въ силахъ были вести борьбу съ королями за свои сословные интересы. Исторія не представляетъ намъ примѣра борьбы сербскаго духовенства съ кралами. Оно, напротивъ того, находится въ исключительномъ положеніи, которое предоставили имъ Сербскіе короли, благодаря духу вѣка: въ Законникѣ царя Стефана Душана читаемъ, что всѣ церкви освобождены отъ „всѣхъ работъ малыхъ и великихъ“ ¹⁾ и несутъ одну повинность—„понос“, да и то только тогда, когда проѣзжаетъ самъ царь ²⁾; на нихъ работаютъ „люди церковные“: „И що соу села цръковнаа и люде цръковны, да негрѣдоу оу неропшинѣ царствами ни на сѣно, ни на франиѣ, ни на виноградъ, ни на

¹⁾ Законникъ Душана по изданію Шафарика (Památky dřevního písemnictví Jihoslovanského) статья 26.

²⁾ Ibid., ст. 23: «Цръквамъ поноса да иѣсть, развѣ кда грѣдетъ камо царь, тѣдази да га дижоуть».

единою работоу, ни малоду ни великоу. «отъ всѣхъ работъ освободи царство ми. *тыкмо да работаю цркви*»¹⁾. Вслѣдствіе той же потребности вѣка, мы видимъ, что Сербскіе крали строятъ монастыри— „задушбины“, дѣлають разныя падачи имъ съ цѣлю имѣть своихъ молитвенниковъ, какъ при жизни, такъ и по смерти, и съ тѣмъ вмѣстѣ оставить о себѣ добрую память въ народѣ. Составители сербскихъ житій и лѣтописей тщательно передали намъ свѣдѣнія объ этихъ благочестивыхъ дѣяніяхъ Сербскихъ кралей. Каждый Сербскій король считалъ своею нравственною обязанностію выстроить великолѣпную задушбину, да такую, по выраженію народной пѣсни,

Да ю нигда у свѣту нема!
Нек се знадне царска задужбина,
Нек се знадвѣ: есмо царовали!²⁾

Или въ пѣснѣ о построеніи Лазаремъ Гробельеновичемъ задушбины Раваницы:

Нек се сјаје, нек се моје знаје!³⁾

Ведивіе сербскіе властели слѣдовали примѣру своихъ королевъ; для этого мы имѣемъ меньше данныхъ, но несомнѣнно, что это такъ было, съ тѣмъ однимъ ограниченіемъ, что властелинъ не могъ, безъ согласія царя, записать монастырю или церкви свою баштину⁴⁾.

Говоря о властельскомъ сословіи, позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о характерѣ его въ періодъ до Душана и послѣ Душана. Властельское сословіе, по своему матеріальному богатству, было въ состояніи отстаивать свои сословные интересы; но въ періодъ до Душана, оно никогда не заявляло себя съ стремленіями сдѣлаться вполне независимымъ. Преслѣдуя свои сословные интересы, оно, въ періодъ до Душана, главнымъ образомъ отстаивало сербскую народность, на которую Греки оказывали не разъ уже прежде столь сильное вліяніе, что оно грозило совершеннымъ поглощеніемъ ея. Отсюда понятны протесты властелей противъ политики Сербскихъ кралей, подвергавшихся греческому вліянію, которое успѣвало проникать въ

¹⁾ Законникъ Душана, ст. 35.

²⁾ Пѣсня помѣщена въ собраніи сочиненій А. О. Гильфердинга, т. III: Босна, Сербія и Герцеговина, стр. 108.

³⁾ В. С. Караджичъ, Српске народне пјесме, кн. II, № 36 «Зидање Раваницы».

⁴⁾ Miklosich, Monumenta Serbica №. СХХV; Григоровичъ, Очеркъ путешес. по Европ. Турци, №№ 24, 33 и 36.

сербскій дворъ чрезъ браки Сербскихъ королей съ греческими принцессами. Стефанъ Душанъ, принявъ титулъ самодержавнаго царя, не могъ допустить существованія такого властельскаго сословія съ его прежними потомственными правами; оно не удовлетворяло его видамъ, не было въ достаточной мѣрѣ подготовлено, чтобы великому монарху можно было на него положиться въ предпринимаемыхъ имъ преобразованіяхъ. Душану слѣдовало для его цѣли выдвинуть новое властельское сословіе, которое держалось бы не на потомственныхъ правахъ, а на личныхъ доблестяхъ. Такимъ образомъ, являются отдѣльныя личности съ правами на властельство, которыхъ самъ царь Стефанъ Душанъ возвышаетъ и отличаетъ пожалованіемъ новоучрежденнаго ордена св. Стефана; изъ нихъ онъ избираетъ высшихъ начальниковъ, первыхъ лицъ послѣ царской особы. Чрезъ посредство только такихъ лицъ Душанъ находилъ возможную централизацию своей обширной монархіи. Можно сказать, что борьба сербскаго боярства съ королями, длившаяся долгое время въ періодъ до Душана, подъ желѣзною рукою сего послѣдняго прекратилась съ того времени, какъ онъ лицамъ, имъ же отличеннымъ, ввѣрилъ въ управленіе отдѣльныя обширныя области. Эти его намѣстники были представителями личной особы самого царя, дѣйствовали въ интересахъ царскихъ, а не своихъ личныхъ. На первыхъ порахъ мысль Душана о централизаціи своей монархіи пришла въ исполненіе, и навѣрное, этотъ порядокъ вещей съ теченіемъ времени сдѣлался бы вполне естественнымъ и необходимымъ въ воззрѣніяхъ всего властельскаго сословія, еслибы дольше пребыло оно подъ желѣзною рукою Стефана Душана. Но великій повелитель, при столь благоприятныхъ для утвержденія величественной южно-славянской монархіи обстоятельствахъ, неожиданно умеръ въ 1355 г., въ походѣ съ 80,000 войскомъ на Константинополь. Благодаря энергической дѣятельности и несомнѣннымъ военнымъ талантамъ Стефана Душана, владѣніе Неманичей достигло апогея его могущества и славы. Незначительное Сербское государство, въ періодъ предъ вступленіемъ Душана на сербскій престолъ (собственная Сербія, Зета и Хлумъ [въ Боснѣ]), подъ управленіемъ сего послѣдняго распространяетъ свои предѣлы далеко на югъ—во владѣнія Византійской имперіи: Албанія, сѣверная часть Эпира, Этолія, Фессалія и вся Македонія сдѣлались достояніемъ рода Немани. Отъ Венгрии Душанъ отнялъ Срѣмъ. Въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Сербскому царю находились Болгар-

ское царство, Боснійскій банъ, часть Далмаціи и Дубровникъ (?) ¹⁾. При такихъ-то условіяхъ у Душана возникъ очень важный планъ—основать одно Восточное царство. Походомъ на Константинополь онъ рѣшилъ покончить съ полумертвою Византіей; но судьба не позволила ему выполнить этотъ величественный планъ. Для его осуществленія потребовалось бы столѣтіе, быть можетъ, два или три, и ко времени окончательнаго покоренія Турками южныхъ Славянъ, очень вѣроятно, установились бы прочныя связи между всѣми частями новой монархіи. Къ тому не мало способствовало бы и единство православной вѣры, которую исповѣдывали Сербы, Болгаре и Греки. А учрежденіемъ намѣстничества мудрый монархъ уже въ то время, въ половинѣ XIV вѣка, положилъ начало правильному развитію основанной имъ монархіи. Напрасно многіе въ раздѣлѣ Душаномъ его монархіи на намѣстничества видятъ причину ея паденія; еслибы, дѣйствительно, въ этомъ раздѣлѣ заключалась главная причина паденія, слѣдствія обнаружались бы—если не одновременно со смертію Душана, то несомнѣнно въ первые два-три года, когда юной монархіи пришлось вынести тяжелое испытаніе: въ 1356—1357 годахъ Греки въ союзѣ съ Турками дѣлаютъ нападеніе на сербскіе предѣлы, но испытываютъ совершенное пораженіе ²⁾; въ то же время на схизматиковъ-Сербовъ собирается 100.000 крестоносное войско ³⁾, но дальновидный Венгерскій король Людовикъ I Великій нашелъ необходимымъ обратить эти силы прежде на союзницу Сербіи—Венецію, которая уже отправила было вспомогательное войско сербскому правителю. Въ эти тяжелые дни испытанія для юной монархіи всего легче могли обнаружиться слабыя стороны ея: тогда немедленно послѣдовало бы неуправляемое отпаденіе присоединенныхъ областей, стоявшихъ подъ управленіемъ отдѣльныхъ намѣстниковъ; но мы видимъ, что областные намѣстники, въ первые годы послѣ смерти Душана, остаются вѣрными исполнителями воли умершаго монарха. Въ чемъ же, спрашивается, кроется причина, по которой единодушіе намѣст-

¹⁾ Естественно, такимъ образомъ, что отнявъ съ судьбою Сербскаго царства соединилась судьба всѣхъ прочихъ южно-славянскихъ областей.

²⁾ Въ Тронеоской летописи (*Гласник оружтва србске словесности*, св. V, стр. 70) читаемъ: «Таже греци ощутивше смерть силнаго Стефана дають вѣдомость *туркомъ*, которіи чрезъ ихъ земли на *Македонію* и *предѣлы сербскія* наступитъ, ихже волкашнъ сретаеть и разбиваетъ всю силу ихъ».

³⁾ *Fessler* (*Geschichte von Ungarn*, въ передѣлкѣ Клейна ч. II, стр. 134) заимствуетъ это свидѣніе у *Fleury*, *Hist. eccles.* XXIV, 147 и *Katona*, X, 100.

никовъ вскорѣ нарушилось, вслѣдствіе чего гибнетъ и великое дѣло царя Душана? Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что только опасность извнѣ заставила намѣстниковъ на первыхъ порахъ дѣйствовать согласно; миновала же опасность, и своскорыстныя цѣли ихъ не замедлили обнаружиться. Нельзя, конечно, винить и Душана, что сербское властельство не успѣло еще свыкнуться съ новымъ порядкомъ вещей; на это нужно было время, или по крайней мѣрѣ, достойный преемникъ Душана, который охранялъ бы съ энергіей этотъ новый порядокъ вещей, и всего этого судьба лишила юную монархію. Возвышенные и отличенные самимъ Душаномъ, его намѣстники остались съ тѣми же властельскими понятіями, какія такъ недавно преобладали въ Сербской землѣ, и къ тому, въ добавокъ, съ нѣкоторою примѣсью новыхъ идей, которыя совершенно измѣнили это новое властельское сословіе; оно имѣетъ въ виду не интересы отечества, а свои личныя выгоды. Въ то время, какъ старое властельское сословіе утратило силу, новое, то-есть, главные представители его — намѣстники, устремили свои взоры на другую цѣль — на присвоеніе себѣ независимой власти, а самый сильный изъ нихъ, Вукашинъ—на обладаніе самимъ престоломъ Немани. Цѣль ихъ была достигнута.

Во время борьбы властельства съ королями, Сербскій народъ живетъ своею отдѣльною жизнію: онъ почти не принимаетъ участія въ этой борьбѣ. Говоримъ „почти“, потому что народъ не игралъ никакой самостоятельной роли: онъ выходилъ на ратный бой на той или другой сторонѣ, смотря потому, на чьей землѣ жилъ—на церковной, властельской или царевой. Хотя вся земля именовалась „царева земля“¹⁾, все-таки каждый властель въ собственной землѣ правилъ какъ полный собственникъ, и люди, проживавшіе на его землѣ, должны были нести повинности главнѣйшимъ образомъ по отношенію къ своему ближайшему господину; этотъ же послѣдній, признавая надъ собою верховное главенство короля, долженъ былъ выставять, въ случаѣ общей войны, извѣстное число ратниковъ. Иначе можно сказать, народъ не имѣлъ политическаго значенія, и это было утверждено закономъ. Въ Законникѣ Стефана Душана читаемъ статью, которою устраняется всякая возможность участія народа въ государственныхъ дѣлахъ: „сѣброва сѣбора да нѣсть, кто ли се обрѣщеть сѣборникъ, да

¹⁾ Законникъ Душана, статьи, 119, 154, 194.

моу се оуши оурѣжита, и да се осмоудеть подвоchie“¹⁾). Обреченный установившимися обычаями, которые впоследствии получили силу закона, на полное безучастіе въ государственныхъ дѣлахъ, Сербскій народъ преданъ мирнымъ занятіямъ—хлѣбопашеству, скотоводству. Положеніе земледѣльческаго класса въ Сербскомъ государствѣ того времени далеко оставляло за собою положеніе земледѣльческихъ классовъ во многихъ другихъ европейскихъ государствахъ. Совершенное благосостояніе земледѣльческаго класса у южныхъ Славянъ привлекло въ ихъ землю иноземцевъ не въ видахъ только коммерческихъ, но и съ тѣмъ, чтобы тамъ поселиться. Въ одной грамотѣ²⁾ Стефана Дечанскаго, отца Душанова, читаемъ, что онъ заселилъ опустѣвшія земли „*выходцами изъ чужой земли*“; а Григорій Цамблакъ въ „житіи“ Стефана Дечанскаго³⁾ свидѣтельствуетъ, что въ Сербіи было такое благосостояніе, „*такъ и мнози изъ далека своа отчизства оставати и тамо прѣходити*“. Конечно, повидалъ свое отечество, свой замокъ не баронъ или графъ, а народъ нуждающійся, народъ, ищущій средствъ къ жизни; прибывавшіе въ южно-славянскія земли иностранцы не занимали, такимъ образомъ, въ новой землѣ правительственныхъ должностей, а предавались тому роду занятій, которымъ требовали побольше рабочихъ силъ. Такой недостатокъ рабочихъ силъ ощущался больше всего при обработкѣ земли и разработкѣ рудниковъ. На сколько успѣшно въ Сербіи производилась разработка рудниковъ уже въ первой половинѣ XIV вѣка, свидѣтельствуетъ французскій путешественникъ Броккардъ, посѣтившій Сербію въ 1332 году, въ сочиненіи: „*Directorium ad passagium faciendum*“⁴⁾). Представляя Филиппу Валуа планъ новаго крестоваго похода для освобожденія Іерусалима, Броккардъ дѣлаетъ замѣчаніе о Сербіи слѣдующаго рода: „*Сербія имѣетъ пять золотыхъ рудниковъ и пять серебряныхъ, страна плодородная, богатая, настоящее украшеніе*“; онъ побуждаетъ короля обратить все свое вниманіе на зашитіе этой страны, для чего, говоритъ, потребуется и немного военныхъ силъ — всего лишь 1.000 всадниковъ и 6.000 пѣхотинцевъ. Увлечшійся Французъ предполагалъ съ такимъ незначительнымъ войскомъ покорить Сербію въ

¹⁾ Ibid. ст. 61, стр. 35.

²⁾ Miklosich, Monumenta Serbica, № LXII.

³⁾ Гласник србског ученог друштва, св. XI, стр. 67.

⁴⁾ Выдержки изъ этого сочиненія сдѣланы Иоанномъ Крстичемъ въ статьѣ: «О историчной важности упомена старіи путника неки» (Гласник, св. VI, стр. 211).

тотъ самый моментъ, когда бразды правленія Сербскимъ государствомъ принялъ (1331 г.) великій и геніальный король Стефанъ Душанъ!

Вспомнимъ, что мы сказали о сербскомъ властельскомъ сословіи и Сербскомъ народѣ. Мы видѣли, что въ то время, какъ властели пользовались большими правами, народъ оставался съ тѣмъ однимъ правомъ, что не былъ внѣ закона. За всѣ свои дѣйствія онъ подвергался строгой отвѣтственности предъ судомъ закона — и значительно большей, нежели тѣ же самые властели. За что „властелинъ“ подвергался денежному штрафу, за то „сербъ“ наказываемъ былъ самымъ жестокимъ образомъ ¹⁾. Богадѣльни при монастыряхъ и церквахъ были переполнены нищими, но такого рода, которые обнищали не отъ того, что отъ природы лишены были они возможности снискивать себѣ пропитаніе, а по силѣ закона: рѣшеніемъ жестокаго суда одинъ, въ полномъ цвѣтѣ силъ, наказанъ за проступокъ лишеніемъ руки, другой — лишеніемъ глазъ, а иной, языка, и потому должны попрошайничать. Съ размноженіемъ нищихъ, усилилась милостыня богатаго, привилегированнаго класса. Милостыня эта выражалась въ равной мѣрѣ въ устройствѣ богадѣленъ при монастыряхъ и церквахъ, какъ и въ отдѣльномъ подаваніи. Исторія сохранила намъ фактъ, до какой степени преемникъ Сербскаго князя Лазаря, сынъ его деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, былъ щедръ на эти подаванія. Въ Трношской лѣтописи ²⁾ читаемъ слѣдующее: „скажетса ѿ превеликой милостини (сего) Стефана, тако- всегда, гда живаше въ мирѣ, по всѣ ноци преоблекованеса и хождане по улицахъ оубогихъ и всѣкаго оудоволствоваше“. Дальнѣйшія слова лѣтописи—отвѣтъ нищаго на укоръ деспота Стефана, за чѣмъ онъ крадетъ часть другихъ нищихъ, принимая самъ подаваніе три раза,—очень характерны и показываютъ намъ—если можно только на этомъ одномъ свидѣтельствѣ дѣлать заключеніе—взглядъ народа на милостыню богатаго класса: „та бо серебро твое и часть братій моихъ краду, тиже серебромъ тимъ крадешъ царство небесное“. Чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ — невольно рождается вопросъ — была условливаема эта щедрая милостыня не только деспота Стефана Лазаревича, о коемъ лѣтопись сохранила такой щекотливый фактъ, но и всѣхъ вообще Сербскихъ королей и всего привилегированнаго класса?

¹⁾ Законникъ Душана, статьи 46, 47, 81.

²⁾ *Гласник*, св. V, стр. 98.

Самый естественный отвѣтъ на этотъ вопросъ: духъ времени. Множество монастырей и при нихъ богадѣленъ свидѣтельствуютъ сколько о набожности народа, столько же и еще болѣе о безнравственномъ состояніи его. По средневѣковымъ понятіямъ, грѣхъ, содѣянный сегодня съ вечера, можно на другое утро заглазить извѣстнаго рода покаяніемъ. Эта щедрая милостыня — явленіе, не исключительно принадлежавшее Сербскому государству, а присущее всѣмъ средневѣковымъ европейскимъ государствамъ.

Какое же заключеніе можно сдѣлать изъ этихъ фактовъ? Нельзя ли по нимъ составить себѣ понятіе о томъ уровнѣ нравственнаго и умственнаго состоянія, на коемъ Сербскій народъ находился въ моментъ наплыва въ его земли Турокъ? Суровость закона обуславливается невѣжествомъ и грубостію нравовъ. Всякій, читая Законникъ Душана, не можетъ не видѣть, что въ сербскомъ обществѣ того времени господствовала грубость нравовъ. Такія преступленія, какъ убійство ¹⁾, воровство, разбой ²⁾, насиліе ³⁾, пьянство ⁴⁾, поджигательство ⁵⁾, наѣздъ ⁶⁾, подлогъ ⁷⁾, открытое присвоеніе чужой собственности, побѣги ⁸⁾ и другія, свидѣтельствуютъ о первоначальной грубости народа, а не о развращеніи, при которомъ бываетъ иной родъ преступленій. Равнымъ образомъ, простота судебныхъ разбирательствъ, при помощи различныхъ доказательствъ—нороты и присяжныхъ ⁹⁾, свода ¹⁰⁾, служитъ доказательствомъ патріархальности, а съ тѣмъ вмѣстѣ неспорченности общества. Мы не имѣемъ свода болгарскихъ узаконеній, подобнаго Законнику Душана; но по двумъ хрисовуламъ ¹¹⁾, даннымъ Болгарскими царями Хиландарскому монастырю (1-й данъ Константиномъ Асѣнемъ, а 2-й, отъ 1348 г., Іоанномъ Александромъ Асѣнемъ), можемъ сдѣлать вѣрное заключеніе, что нравственное

¹⁾ Законникъ Душана, статьи: XXV, XLII, XLIV.

²⁾ Ibid., статьи: LXXI, LXXII (122—27), XCIV.

³⁾ Ibid., ст. XVI.

⁴⁾ Ibid., ст. CII.

⁵⁾ Ibid., ст. XLVI.

⁶⁾ Ibid., ст. XLVII.

⁷⁾ Ibid., ст. LXVIII.

⁸⁾ Ibid., ст. LXX, XCIV и § 205.

⁹⁾ Ibid., ст. LXXIV, 163, XCI.

¹⁰⁾ Ibid., ст. 79, 143, 193.

¹¹⁾ Списаны проф. *Григоровичемъ* и изданы въ *Очеркѣ путешествія по Европейской Турціи*, стр. 39—40.

состояніе Болгаръ ничѣмъ не разлилось отъ состоянія Сербовъ: такова же грубость нравовъ господствовала въ Болгарскомъ царствѣ, какъ и въ Сербскомъ. Въ первомъ хрисовулѣ упомянуты слѣдующія дѣла, подлежащія суду игумена: *вражда, разбой, конска кража, при-селица*; во второмъ вообще упомянуты „*глобы малы и голмы: фунт (фѳонос), распустъ, разбой, конскы тать*“.

Въ то время, какъ простой народъ погрязалъ въ грубости, высшіе слои сербскаго общества стали перенимать развращенные нравы испорченнаго греческаго общества. Болѣзненная изнѣженность совершенно перемѣнила прежнее дѣятельное властельское сословіе. Довольно прочесть двѣ пѣсни изъ Сборника Кароджича №№ 27 и 28, чтобы видѣть, какъ мѣтко охарактеризовалъ народъ свое изнѣженное властельство. Обѣ пѣсни представляютъ пиръ у царя Душана, въ которомъ принимаютъ участіе четыре патріарха, девять владыкъ, двѣнадцать визирей (намѣстниковъ) и много другихъ господарей:

Док се даре лином накајио,
 Слуге њега из стола дѳоше,
 Узеше га за оба пазуха,
 Однијеше га у ложницу,
 Простријеше три мека душека, ¹⁾
 У душеке цара положише.

Спать же долго: уже заутрени отошла, и къ обѣднѣ звонятъ—тогда только слуги поднимаютъ его изъ „мека душека“, отводятъ въ „бѣлую церковь“ къ обѣднѣ; а послѣ обѣдни опять царь садится за серебряный столъ и ѣдетъ съ сербскими господарями „ракію“. Въ угоду своему повелителю, не желая подвергнуться опалѣ, сербскіе господа ни въ чемъ не прекословятъ ему и одобряютъ противозаконное требованіе царя—взять въ жену свою сестру Кандасію; они предъ лицомъ самодержавнаго не имѣютъ никакого голоса, за то прекрасно льстятъ, а царь, въ свою очередь, относится къ нимъ недоброжелательно. Трудно опредѣлить, на сколько вѣрно переданъ тутъ фактъ, касающійся образа жизни Стефана Душана; несомнѣнно вѣрное заключеніе изъ пѣсни можно вывести то, что реформы царя Душана не нашли себѣ сочувствія въ народной массѣ.

Къ довершенію бѣды, образованіе стояло на низкой степени. Благотворное вліяніе просвѣтительной дѣятельности перваго сербскаго архіепископа, св. Саввы, перваго (по выраженію сербскихъ книжни-

¹⁾ Постель, матрацъ.

ковъ) наставника всей Сербской земли ¹⁾, съ теченіемъ времени прекратилось: на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, въ XIV и XV вѣкахъ, едва осталось два пункта, гдѣ сохранилось прежнее процвѣтаніе письменности—это Афонъ и Терновъ ²⁾.

Сербскому государству, такимъ образомъ, грозила великая опасность: при дальнѣйшемъ подобномъ ходѣ дѣлъ оно неизбежно должно было склониться къ паденію.

Нельзя не предположить—и это предположеніе будетъ имѣть значительную долю вѣроятности, что гениальный Душанъ понялъ это безвыходное положеніе Сербскаго государства, и потому, по вступленіи на престолъ, съ величайшею энергіей сталъ принимать мѣры для отстраненія предстоявшей гибели. Мы уже выше сказали, какъ онъ уничтожилъ старое, горделивое, бесполезное властельство, какъ онъ выдвинулъ личности, не имѣвшія потомственныхъ правъ на властельство, но заслужившія ихъ своими талантами. Значить, Стефанъ Душанъ понялъ, что только распространеніе, въ самомъ скоромъ времени, просвѣщенія въ сербскомъ обществѣ можетъ предотвратить неизбежную гибель. Это послѣднее заключеніе если еще не такъ ясно вытекаетъ изъ факта возвышенія Душаномъ новаго, пригоднаго для его плановъ властельства, то съ логическою послѣдовательностію можетъ быть выведено изъ слѣдующаго свидѣтельства Аппендини, что въ 1421 году несогласія между сербскимъ деспотомъ Стефаномъ Лазаревичемъ и Дубровникомъ дошли до такой степени, что Дубровницкая республика воспретила *сербскимъ дворянамъ учиться* въ женскихъ дубровницкихъ монастыряхъ ³⁾. Начало такого воспитанія восходитъ ко времени правленія Стефана Душана. Полагаемъ такъ на томъ основаніи, что знаменитый сербскій писатель современникъ деспота Стефана, родомъ Болгаринъ изъ Терновскаго округа ⁴⁾, Константинъ Философъ, въ тщательномъ ⁵⁾ „жи-

¹⁾ *Starine*, кн. III: Кормчая книга сербскаго письма XIII—XIV вв. по рукописи Новоіерусалимскаго монастыря; описана *И. И. Срезнеоскимъ*.

²⁾ Книга Константина Философа о правопису, по изданію *Дамичича* въ *Starinah*, кн. I, 1869 г., гл. 35, р. 38.

³⁾ *Appendini*: *Notizie storico-critiche sulla Repubblica di Ragusa*, pars I. p. 229.

⁴⁾ Книга Константина Философа о правопису (*Starine*, I) гл. 1, стр. 1.

⁵⁾ См. мое изслѣдованіе: «Сербскія житія и лѣтописи, какъ источникъ для исторіи южныхъ Славянъ, въ XIV и XV вв.» (*Славянскій Сборникъ* 1876 г. т. III, отд. I).

тія“ сего деспота не дѣлаеть ни одного намека на этотъ многозначительный фактъ. Еслибы, дѣйствительно, такой образъ воспитанія впервые возникъ при деспотѣ Стефанѣ Лазаревичѣ, то Константинъ Философъ не преминулъ бы упомянуть о немъ. Да наконецъ, всякое сомнѣніе по этому поводу устраняеть свидѣтельство одной дубровницкой лѣтописи, по списку Стуляича, что „*Стефанъ Душанъ 1351 года требовалъ отъ Дубровницкой республики молодыхъ образованныхъ людей; требованіе Душана было исполнено: отправлено было трое ученыхъ, которые играли важную роль въ его государствѣ*“¹⁾.

Поднятое Стефаномъ Душаномъ просвѣщеніе стало опять распространяться въ предѣлахъ Сербскаго государства, хотя, впрочемъ, далеко не въ прогрессивной послѣдовательности. Какъ на самый разительный фактъ, являющійся слѣдствіемъ благотворнаго вліянія поднятаго даремъ Душаномъ просвѣщенія въ Сербскомъ государствѣ, мы укажемъ на „слова“ внигини Евѳиміи, вдовы деспота Углеша, вышитыя золотомъ на шелковомъ покровѣ мученику, павшему въ Косовской битвѣ, князу Лазарю Гребельяновичу²⁾. А. Θ. Гильфердингъ, при всемъ своемъ строгомъ, хотя не совсѣмъ вѣрномъ приговорѣ о сербской письменности XIV и XV вв., высказался за несомнѣнное достоинство этого памятника³⁾. Подъ управленіемъ просвѣщеннаго и любившаго науки Сербскаго деспота Стефана Лазаревича (1389—1427 гг.), просвѣщеніе въ Сербскомъ государствѣ достигло значительныхъ результатовъ, сколько то можно заключать изъ свидѣтельства одной сербской лѣтописи („Стефанъ же деспоть... многа писанія прѣвѣдѣ отъ грѣчьскыихъ писаніи, наче инѣхъ прѣжде бывшихъ того“)⁴⁾ изъ появленія въ тогдашней сербской литературѣ такихъ произ-

¹⁾ В. Макушевъ, Исслѣдованія объ историч. памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, стр. 323: «1351. Il Rè di Bosnia domandò dai Ragusei gentiluomini giovani, e li furono mandati 3 savj, i quali ebbero grande autorità nel suo regno». Читателя тутъ нисколько не должно смущать отсутствіе имени Стефана Душана и титулъ «il rè di Bosnia»: дальнѣйшія слова той же лѣтописи: «1355. Mogi il Rè di Bosnia, a 18 di Ibre», которыя несомнѣнно должно понимать по отношенію къ Стефану Душану, могутъ служить основаніемъ для вѣроятнаго предположенія, что призываетъ къ себѣ дубровницкихъ ученыхъ никто иной, какъ тотъ же Стефанъ Душанъ.

²⁾ Schafarik, Památky dřevního písem. Jihoslav, p. 27—28; у Гильфердинга, Собраніе соч., т. III: Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, стр. 196.

³⁾ См. Собраніе соч. А. Θ. Гильфердинга, т. III, стр. 196.

⁴⁾ Schafarik: Památky dřevního písemnictví Jihoslovánův, отд. IV, стр. 62,— лѣтопись Карловачкая.

веденій, которыя служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что въ ней совершился въ это время поворотъ къ лучшему ¹⁾). Кромѣ упомяну- таго уже произведенія Константина Философа „Живот деспота Сте- фана“, стоитъ упоминанія еще одинъ трудъ того же Константина: „Книги Константина Философа о правопису“. Это послѣднее про- изведеніе писано имъ при жизни деспота Стефана и по вчинанію этого миролюбиваго правителя ²⁾). Оставляя въ сторонѣ всѣ его замѣ- чанія по грамматикѣ, упомянемъ здѣсь только о томъ, что прямо относится къ нашей дѣли и можетъ служить намъ нѣкотораго рода даннымъ для составленія понятія объ умственномъ и нравственномъ состояніи тогдашняго сербскаго общества. Изъ него мы узнаемъ, что на поприщѣ сербской письменности въ то время трудились „многіе добрые сербскіе издатели“ ³⁾; что у южныхъ Славянъ въ то время уже было извѣстно имя „Русскихъ“ и другихъ славянскихъ пле- менъ ⁴⁾, и наконецъ, тоже очень важное свидѣтельство слѣдующа- го рода: *„такъ соуть книжи, рече, отъ христіанъ мнѣшите древнѣе „еллинскіе обычае, и по заходоу слыша не дають оми, ни и по что потрѣбно, и дѣни въ коихъ давати въ коихъ ли не износити из дому своего ничьсоже, и взимають ерештамъ овы злы овы добры“. взимають же и гласы пѣтлаамъ, вранамъ, мисшамъ и инаа таковаи, ихъже аште не останутъ се, боуди анавема, анавема, анавема“* ⁵⁾). Изъ сего послѣдняго свидѣтельства можно сдѣлать такое заключеніе, что сербское общество XV вѣка нисколько не разнится по своимъ воз- зрѣніямъ отъ общества XIV столѣтія: оно оставалось также невѣжествен- но и сохраняло многіе остатки древнихъ своихъ языческихъ воззрѣній. Оно и понятно, почему такъ мало просвѣтился Сербскій народъ въ пе- ріодъ почти дѣлаго столѣтія. При усиленіи просвѣщенія въ Сербскомъ

¹⁾ Главными водителями въ этомъ дѣлѣ были книжники изъ Аѳона и Тер- нова: см. книги Константина Философа о правопису (*Starine*, кн. I, гл. 35, стр. 38).

²⁾ *Ibid.*, гл. 38, стр. 40.

³⁾ *Ibid.*, гл. II.

⁴⁾ *Ibid.*, гл. 4.: Константинъ Философъ въ своемъ трудѣ высказываетъ мнѣ- ніе, бывшее, по всей вѣроятности, въ его время въ ходу, о составленіи книж- наго славянскаго языка изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій: русскаго, сербскаго, болгарскаго, чешскаго, хорватскаго и босанскаго; онъ полагаетъ, что переводъ церковныхъ книгъ былъ сдѣланъ, собственно, на русскій языкъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ словъ изъ другихъ славянскихъ нарѣчій.

⁵⁾ Книги Константина Философа о правопису, гл. 29, стр. 34.

государствѣ, Стефанъ Душанъ имѣлъ, кажется, въ виду, главнымъ образомъ, высшее сословіе, а не „себровъ“. Уже одно узаконеніе: „*сѣброва събора да несть*“¹⁾ даетъ намъ право дѣлать заключеніе, что Стефанъ Душанъ, слѣдующимъ требованіямъ своего вѣка, не могъ допустить формальнаго просвѣщенія „себровъ“, что могло бы вызвать въ нихъ стремленіе къ участию въ государственныхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ законъ воспрещалъ это участіе. Стефанъ Душанъ въ этомъ отношеніи остался вѣренъ установившимся изстари обычаямъ, которые при его отцѣ Стефанѣ Дечанскомъ получили еще силу закона. Образованіе, дававшее права сыновьямъ „поповскимъ“ (ибо дѣти влательей всегда оставались съ своими правами), не давало никакихъ правъ сыновьямъ „*меропха*“; въ грамотѣ Стефана Дечанскаго²⁾ читаемъ: если поповскіе сыновья изучать „*книгу*“, пусть остаются съ своимъ отцемъ на „*своѣмъ ждрѣбни*“, если же не изучать, да будутъ „*меропхами*“; „*меропшичъ*“ же хотя бы и изучилъ „*книгу*“, да остается „*меропхомъ*“. При такомъ узаконеніи, едва ли могло подвинуться впередъ народное просвѣщеніе. Возникшія затѣмъ, по смерти Стефана Душана, споры между сербскими памѣстниками и несчастная для Сербовъ и всего славянскаго міра Косовская битва (1389 г.) не могли не парализовать постепеннаго развитія установленнаго Душаномъ порядка вещей. И не смотря на все это, мы встрѣчаемъ факты, свидѣтельствующіе, что въ XV вѣкѣ, въ правленіе деспота Стефана Лазаревича, жившаго въ мирѣ съ Турецкими султанами, просвѣщеніе въ Сербскомъ государствѣ нѣсколько поднялось. Конечно, слова Константина Философа могутъ имѣть отношеніе и къ народной массѣ, и къ высшему сословію, но все же появленіе въ литературѣ важныхъ произведеній и затѣмъ свидѣтельство Аппендини даютъ намъ право дѣлать подобное заключеніе. Мало произведеній дошло къ намъ: большая часть истреблена или хранится еще въ рукописяхъ разныхъ европейскихъ библиотекъ. Только благодаря миролюбивой политикѣ деспота Стефана, который къ тому же былъ родственникомъ султана Баязета (такъ какъ этотъ былъ женатъ на сестрѣ его), сербская народность могла создать два-три произведенія оригинальнѣйшихъ, а въ большинствѣ случаевъ давала лишь переводы съ греческаго да копіи съ рукописей прежняго періода.

Сербское государство, возвеличенное царемъ Стефаномъ Душа-

¹⁾ Законникъ царя Душана, статья 61.

²⁾ Miklosich, Monumenta Serbica, N. LXXXVI, стр. 99.

номъ (который первый изъ рода Неманичей принялъ титулъ „царя Сербіи и всѣхъ завоеванныхъ земель“), получаетъ съ того времени большую извѣстность у своихъ сосѣдей. Съ того времени началось болѣе близкое знакомство съ Сербами, дошедшее наконецъ до подражанія въ одеждѣ сербской модѣ. Едва ли не правдоподобно будетъ, что только слава сербскаго оружія заставила Грековъ въ половинѣ XIV вѣка носить одну часть одежды по образцамъ сербскому и болгарскому ¹⁾. Сообщаетъ этотъ фактъ писатель византійскій, современникъ Стефана Душана, Никифоръ Грегора, писавшій свою исторію въ періодъ 1351—1359 гг., и потому нѣтъ никакого основанія скептически къ нему относиться. Полная вѣроятность свидѣтельства Никифора Грегора подтверждается свидѣтельствами и другихъ источниковъ, что образцы одежды южныхъ Славянъ въ то время, въ XV вѣкѣ, были въ модѣ у ихъ сосѣдей. Чибраріо въ своемъ трудѣ „Della economia politica del medio evo“ сообщаетъ фактъ, что въ Италиі, по временамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ носили одежду по славянскому образцу (alla Schiavonel) ²⁾.

¹⁾ Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, Nicephorus Gregoras, vol. III, Bonnae. 1855 г.: Τί δ' ἄν τις φαίη καὶ περὶ τῶν ἐνδεδυμένων, ὧσα καὶ τοῦτοις παρυγιαινήθη, καὶ ὅπως ἐκτετόπισται τοῦ γυναικίου τε καὶ νοσήθεα πολιτεία, ὡς μηδὲ γινώσκουσαι εἶτι ὅστις Ῥωμαίων καὶ ὅστις τῶν ἄλλως ἔκοντων γενῶν. οὗτε γὰρ Περσικὴ τις ἀκρατος ἢ στολὴ γέγονεν ἤδη Ῥωμαίοις, οὗτε Λατινικὴ τελείως, οὗτε μὴν τις Γοτθικὴ καθάρως, οὗτε εἰ τις Τριβαλλῶν (Сербовъ) καὶ ἄρα Μουσῶν (Болгаръ) καὶ Παίονων. ἀλλ' ἐκ πασῶν τὸ διὰ πασῶν εἶκεῖν τῆς μουσικῆς ἐκείνης ἀρμονίας καὶ ἀρετῆς ἐπὶ τῶν ἡμετέρων ἀντίστροφαί χρόνων ἐρ' ἅπαν τοῦναντίον μίγμα καὶ συμφόρημα. Какъ бы ни понимать эти слова Грегора, то-есть, слава ли оружія царя Стефана Душана заставила слабыхъ и изнѣженныхъ Грековъ носить одежду по сербской и болгарской модѣ, или же вслѣдствіе изнѣженности и развращенія, Греки стали перенимать обычи сосѣднихъ народовъ, въ томъ числѣ и южныхъ Славянъ, — само по себѣ свидѣтельство это нисколько не теряетъ важности для исторіи послѣднихъ; въ этихъ словахъ, все-таки, усматривается вліяніе не испорченныхъ нравственно южныхъ Славянъ на изнѣженныхъ Грековъ. Тутъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что эту «смѣшанную» одежду носить не высшіе только слои византійскаго общества, всегда прежде всѣхъ подвергавшіеся деморализаціи, а *весь народъ, все государство (политεία)*. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у южныхъ Славянъ: не народъ, на коемъ видится національность, а высшіе слои сербскаго общества (больше при дворѣ) подражаютъ модѣ византійской; народъ же, напротивъ того, сильно вооружается противъ этой новизны, что выразилось и въ его эпосѣ.

²⁾ *Mijatovic*, Студіје за исторіју српске трговине (Гласник, кн. XXXII, стр. 212).

Возвеличено было Душаномъ Сербское царство, но не надолго; съ его смертью вся слава померкла. Раздоры областныхъ намѣстниковъ ослабили юную монархію до такой степени, что она должна была испытать вскорѣ торжество турецкаго оружія, между тѣмъ какъ недавно сама угрожала Константинополю. Пораженіе Сербовъ на Марицѣ (1371), въ правленіе краля Вукашина, и самое главное—на Косовомъ полѣ (1389 г.), въ коемъ палъ мученикъ за Сербскую землю князь Лазарь Гребельяновичъ, находятъ себѣ главную причину въ разрозненности сербскихъ намѣстниковъ. Заправителями слѣдовали области, особенно новопріобрѣтеныя, и такимъ образомъ, съ разрозненностію намѣстниковъ совпала разрозненность областей. Исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ тому. По справедливому замѣчанію А. Э. Гильфердинга, „духъ несогласія и распри составляютъ одно изъ отличительныхъ свойствъ Сербскаго племени“ ¹⁾. Это же вѣрно подмѣтилъ и Сербскій народъ, когда въ своихъ жнаницихъ (богатырскихъ) пѣсняхъ поетъ:

Још да видиш, добар побратиме,
Ту неслоге Српске од старине!²⁾

или:

О несрећо, вазда ли си дуга,
Особито у српском народу,
Не брат брата оће да изгуби
Без давије ³⁾ и без исповјести!⁴⁾

Со смертію Лазаря на Косовомъ полѣ прекратилась самостоятельность Сербскаго государства. Въ исторіи окончательнаго паденія Сербіи (1459 г.), Босны (1463 г.) и Герцеговины (1483 г.) и распространія Турокъ въ Европѣ Косовская битва (1389 г.) составляетъ замѣчательную эпоху: въ этой битвѣ Турки въ открытомъ полѣ показали превосходство своего легкаго войска предъ тяжело вооруженными рядами арміи европейской и тѣмъ положили начало послѣдовательному утвержденію своей силы на европейской территоріи; а Сербы на Косовомъ полѣ бились за охрану своего народнаго, или даже, можно сказать, всеславянскаго достоинства. Вѣрность послѣдняго мнѣнія выяснится изъ дальнѣйшихъ словъ. Вспомнимъ только, что столь важные памятники (не по виѣшней формѣ, конечно, а по содержа-

¹⁾ *Русская Вѣсьма* 1858 г., кн. I: Боснія, стр. 69.

²⁾ В. С. Караджичъ, Српске народне пјесме, кн. V, № 1: Чостанак княза у Црној гори, стихъ 413, стр. 15.

³⁾ Жалоба, обвиненіе.

⁴⁾ В. С. Караджичъ, Срп. нар. пјесме, кн. V, № 1, ст. 1724, стр. 58.

нію), каковы два „житія“ Стефана Немани, написанныя сыновьями его Стефаномъ Первовѣнчаннымъ и архіепископомъ Саввою (каждый особо), и трудъ архіепископа Данила II „Животи кральева и архіепископа“, явились въ періодъ до паденія Сербскаго государства; но ничего подобнаго не встрѣчаемъ мы въ періодъ послѣ Косовской битвы: кромѣ произведеній Константина Философа: „Живот деспота Стефана Лазаревича“ и „книги Константина Философа о правопису“, нельзя указать ни на одно произведеніе, которое сколько-нибудь объясняло бы жизнь Сербскаго народа. Турецкій гнетъ, начавшійся съ Косовской битвы, не далъ прозвучать сербскому просвѣщенію, и непроницаемая тьма, въ теченіе пяти столѣтій, покрыла земли южныхъ Славянъ. Самое важное событіе изъ исторіи Сербскаго народа—Косовская битва, не нашла себѣ отраженія въ сербской письменности. Въ произведеніяхъ, специально предназначенныхъ описанію этой битвы, мы не находимъ никакихъ данныхъ для исторіи; въ такихъ произведеніяхъ, какъ „житіе кнеза Лазаря“ и сказаніе, имѣющее форму могильной надписи на полѣ сраженія: „*Сіе рѣчѣ писанѣ бѣше на стлѣпѣ мраморноу на Косову*“, преобладаетъ одна фразеологія. Все здѣсь ограничивается одними общими мѣстами.

Въ періодъ, слѣдовавшій за Косовскою битвою, подъ правленіемъ миролюбиваго деспота Стефана Лазаревича (1389—1427 гг.) Сербское государство получило важныя преимущества предъ силой Османовъ. Въ это время оно опять нѣсколько окрѣпло; но недалновидный деспотъ не сумѣлъ воспользоваться этими преимуществами. Въмѣсто того, чтобы всѣми мѣрами стараться ослабить Турокъ, онъ употребляетъ всѣ свои усилія къ поддержанію ихъ. Обязанный къ тому договоромъ ¹⁾, заключеннымъ послѣ Косовской битвы между нимъ и султаномъ Баязетомъ, онъ со своими храбрыми сербскими воинами вездѣ является на помощь турецкому оружію: въ 1391 — 1392 гг. онъ помогъ Баязету покорить Болгарію; вслѣдъ затѣмъ (1392 г.) онъ въ

¹⁾ Условія этого договора слѣдующія: 1) Стефанъ Лазаревичъ долженъ быть союзникомъ Баязета во всѣхъ походахъ сего послѣдняго, при чемъ сербскія войска должны стоять подъ знаменемъ Баязета; 2) Стефанъ выдастъ за султана свою сестру и 3) онъ будетъ давать ежегодно дань изъ серебряныхъ рудниковъ. Объ этомъ повѣствуютъ: визант. лѣтоп. *Добхас*, сар. IV, р. 17, турецкій лѣтописецъ *Сеадеддинъ*, р. 160, сербскіе источники: *Житіе деспота Стефана Лазаревича* (*Гласник*, св. XXVIII, стр. 386) и *Троянская лѣтопись* (*Гласник*, св. V, стр. 93); въ послѣдней читаемъ: «Сербы должны 1) выставять султану 30.000 воиновъ и 2) давать 20.000 златиць».

союзъ съ султаномъ сдѣлалъ нападеніе на Венгрію (Мавру) и затѣмъ на Босну ¹⁾; въ 1395 г. онъ сражался на сторонѣ султана въ Валахіи, при Ровинахъ ²⁾, гдѣ погибли сербскій юнакъ, сынъ краля Вукашина Марко Кралевичъ, Константинъ и Драгашъ; въ 1396 г. Стефанъ сражался у Никополя на сторонѣ Баязета противъ Венгерскаго короля Сигизмунда. Затѣмъ въ 1402 г. Стефанъ, по условію договора, является на помощь Баязету противъ Тамерлана въ Азіи. Въ этой битвѣ на Анкирскихъ поляхъ Сербы совершили чудеса храбрости; они съ своимъ деспотомъ Стефаномъ могли и хотѣли спасти султана Баязета: они смѣло прорываютъ ряды Скивовъ, приближаются къ Баязету въ самую критическую для него минуту и совѣтуютъ ему бѣжать отъ неминуемаго плѣна; но тотъ не внимлетъ благоразумному совѣту и потому попадаетъ въ Тамерлану въ плѣнъ. Деспотъ Стефанъ, между тѣмъ, видя дѣло проиграннымъ, уходитъ съ поля сраженія, при чемъ захватываетъ съ собою сына Баязетова Мусульмана, котораго и возводитъ на престолъ Османа. Со смертію Баязета дѣла Турокъ приняли самый невыгодный оборотъ: начались раздоры въ средѣ сыновей Баязета; претендентами являлись лица и не изъ династіи Османа. Тогда-то слѣдовало деспоту Стефану употребить всю свою энергію, всѣ свои военныя таланты и юныя силы храбрыхъ сербскихъ воиновъ для возстановленія нѣкогда величественной монархіи царя Стефана Душана. Особенно въ этотъ періодъ, со смерти султана Баязета, было всего легче свергнуть ненавистное турецкое иго. При точно такихъ же условіяхъ, въ первые годы послѣ Косовской битвы, когда султанъ Баязетъ спорилъ съ братомъ Якубомъ (Сабуціемъ-Дуви) за престолъ, это сверженіе было несвоевременно, такъ какъ Сербское государство было сильно ослаблено пораженіемъ на Коссовомъ полѣ; но во время распрей сыновей Баязета (1402—1413 гг.) оно было въ самую пору, и навѣрное, было бы сдѣлано, еслибы въ сербскомъ лагерѣ было единодушіе, которое въ то время было нарушено происками Византійскаго двора. Да впрочемъ, въ періодъ историческаго существованія Сербскаго племени, единодушіе никогда и не бывало и не свойственно было этому племени, по національному его характеру. Внутреннія несогласія въ средѣ сербскихъ владѣтелей, которые не переставали преслѣдовать свои личныя цѣли, послужили главною причиною тому,

¹⁾ Житіе деспота Стефана Лазаревича.

²⁾ Тамъ же.

что деспотъ Стефанъ остался глухъ къ сигналу для низверженія ига, данному распрями въ турецкомъ лагерѣ.

Тревожимый братомъ Вукомъ и Бранковичами (Вукомъ и его сыновьями), деспотъ Стефанъ Лазаревичъ по необходимости долженъ былъ гдѣ нибудь искать для себя точку опоры и заблагоразсудилъ найти ее въ Турецкихъ султанахъ. По этой-то причинѣ онъ оставался такъ вѣренъ клятвѣ, данной султану Баязету: поддерживалъ законнаго претендента на турецкій престолъ даже въ то время, когда всѣ прочіе союзники оставляли его. Изъ этого послѣдняго факта нельзя не видѣть, что за отношенія были между деспотомъ Стефаномъ и остальными сербскими владѣтелями; отношенія эти были чрезвычайно враждебныя, и Турки, для личной своей выгоды, всевозможными мѣрами поддерживали ихъ. При такомъ порядкѣ вещей, дѣло Сербовъ и всѣхъ южныхъ Славянъ было проиграно окончательно. Какъ скоро Турки уврѣпились въ Скоплѣ, на Родопѣ, во всей гористой Фессалии, Филиппополѣ и Адрианополѣ, рѣшено было подчиненіе имъ всей Сербіи. Главный принципъ Турецкихъ султановъ состоялъ въ томъ, чтобы поставить подъ свои знамена христіанскія войска и при своемъ дворѣ имѣть христіанъ. Уже Баязетъ окружалъ себя толпою сербскихъ, валашскихъ, албанскихъ, венгерскихъ, нѣмецкихъ, болгарскихъ и италіанскихъ юношей и дѣвушекъ ¹⁾. Эта молодежь, захваченная въ рабство, получала послѣ свободу и составляла изъ себя главное войско Турокъ (янычары), которое должно было сражаться противъ своихъ же родичей ²⁾. Сербскіе боаре, которые переходили къ Туркамъ, были хорошо принимасмы султаномъ; эти-то боаре, извѣстные въ исторіи византійскаго лѣтописца Лаоника Халкондила подъ именемъ *κελταζής* ³⁾, заняли мѣста пашей въ Азіи, а паши поселились въ Европѣ. Если вполнѣ вѣрно свидѣтельство Халкондила, то сербское боярство наложило на себя неизгладимое пятно. За то Сербскій народъ остался вѣренъ своей народности: онъ геройски отстаивалъ свои права, но только вездѣ его преслѣдовало несчастіе; бой на Коссовомъ полѣ и Анкирскихъ поляхъ служить лучшимъ выраженіемъ стойкости Сербскаго народа, какъ это отмѣтили даже турецкіе источники. По свидѣтельству турецкаго лѣтописца Нешри, двое сербскихъ воиновъ, захваченные въ плѣнъ Турками, на вопросъ послѣднихъ, гдѣ нахо-

¹⁾ Corpus scriptorum Historiae Byzantinae: Δουκας, сар. XV, и Χαλκωνδύλης.

²⁾ Ibid.

³⁾ Χαλκωνδύλης.

дится сербское войско, и не убѣждалъ ли Лазарь съ поля битвы, услыхавъ о приближеніи турецкой силы, съ полнымъ самопожертвованіемъ и рѣшимостью, доказывающими великую привязанность къ своему національному князю, отвѣчаютъ: „*Да развѣ долженъ предъ вами Лазарь бѣжать! Онъ только ждетъ васъ!*“¹⁾.

Сербскій деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, при своемъ миролюбивомъ характерѣ, былъ вполне доволенъ, что послѣ битвы на Анкирскихъ поляхъ (1402 г.), онъ получилъ больше самостоятельности и даже, если можно вполне довѣриться свидѣтельству двухъ сербскихъ источниковъ—Тронапской лѣтописи²⁾ и Житомишличскаго хронографа³⁾, никому не платилъ дани. Вѣроятная истинность этого свидѣтельства, хотя бы и отчасти, можетъ быть доказана тѣмъ, что деспотъ Стефанъ Лазаревичъ въ 20-хъ годахъ XV в. почувствовалъ себя на столько сильнымъ, что вступилъ въ борьбу съ Венеціей за наслѣдіе правителя Зеты⁴⁾, Бальши III Страшимира, умершаго въ Скадрѣ 1421 г. Венеція въ то время ужъ успѣла занять многія мѣстности изъ владѣній Бальши III. Стефанъ Лазаревичъ потребовалъ возвращенія ихъ. Завязался споръ, длившійся до самой смерти деспота Стефана. По смерти же деспота, Венеція не имѣла никакого соперника и потому сдѣлалась какъ бы законною наслѣдницею владѣній Бальши III, ибо мать сего послѣдняго отказалась отъ этого наслѣдія. Оставшійся дѣйствительный законный наслѣдникъ Бальши III, сынъ или, вѣрнѣе, двоюродный братъ его *Стефанъ Бальшичъ* (Черноевичъ) получилъ только небольшую область между Кроей и Лешемъ; сыновья же его *Иванъ* и *Койко* потеряли и эту малую область при сильномъ напорѣ

¹⁾ *Врличъ*, Извори српске повјестнице изъ турскијехъ споменика, 1857 г. стр. 63.

²⁾ *Гласник*, кн. V, стр. 96.

³⁾ *Гласник*, кн. XXXII, стр. 271.

⁴⁾ Зета (сѣверная часть Албаніи), единственная область, не подпавшая турецкой власти сейчасъ же послѣ Косовской битвы; впервые она испытала силу Турокъ въ 1392 г., въ правленіе Юрія II Страшимировича Бальши. Область эта изстари составляла удѣлъ Сербскихъ государей; отъ Сербіи отдѣлилась въ царствованіе слабаго Уроша V, сына Душанова. На развалинахъ владѣній Бальшичей возникла нынѣшняя *Черногорія*. Еще равнѣе отдѣлилась отъ Сербскаго государства *Боснія*, тоже во время правленія младаго Уроша V, при Боснійскомъ банѣ Стефанѣ Твердыѣ Владиславичѣ, который получилъ 1376 г. королевскій титулъ отъ Венгерскаго короля Людовика I. *Герцеговина*, какъ отдѣльное герцогство, съ особымъ самостоятельнымъ воеводою, выдѣлилась изъ Боснійскаго королевства въ 1444 году.

Георгія Кастриоты (Скандербег), образовавшаго въ Албаніи сильное государство, которое до его смерти († 1468 г. 17-го января) было оплотомъ противъ натиска постоянно усиливавшейся османской силы на южно-славянскія земли.

Сербскій деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, такъ ревностно отстаивавшій противъ Венеціи свои права на наслѣдіе Бальшичей, не обратилъ своего оружія на Турокъ, когда, по смерти султана Мехемета († 1421), повторился тотъ же случай, который произошелъ послѣ смерти Баязета. Византійскій императоръ Мануилъ выставилъ было законному преемнику Мехемета, Мурату II, соперника сначала въ лицѣ псевдо-Мустафы, а затѣмъ (1424 г.) въ лицѣ брата Муратова, Мустафы. Главная причина, удержавшая Стефана Лазаревича и на этотъ разъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ султана, заключалась, кажется, въ недовѣрїи его къ вѣроломной и своекорыстной политикѣ Византійскаго двора, тѣмъ болѣе, что у него были и свои домашніе недоброжелатели и соперники. Вслѣдствіе этой новой причины, вслѣдствіе того, что въ то время уже нельзя было разчитывать на какую бы то ни было помощь со стороны безсильнаго Византійскаго императора, ставшаго притомъ турецкимъ данникомъ, деспотъ Стефанъ сблизился съ Венгерскимъ королемъ Сигизмундомъ и заключилъ съ нимъ въ 1426 г. союзъ въ формѣ, близко подходящей къ покровительству Венгерскаго двора надъ Сербіей, чтобъ имѣть защиту отъ насилія Турокъ. Роковымъ было для Сербскаго государства это покровительство венгерскаго короля. Съ этого времени начинается непримиримая вражда Турокъ къ Сербамъ, ускорившая окончательное покореніе Сербіи. Турецкій султанъ Муратъ II, столь обязанный деспоту Стефану за его посредничество при заключеніи перемирія (1424 г.) на два года съ Венгерскимъ королемъ Сигизмундомъ, пришелъ въ ярость, когда узналъ о союзѣ деспота съ тѣмъ же королемъ. Турецкая политика всегда домогалась разъединенія своихъ сосѣдей и съ своей стороны съ однимъ держала миръ, между тѣмъ какъ съ другимъ, въ то же самое время, вела войну. Но спрашивается: какую пользу извлекли изъ этого покровительства Сербы? Въ чемъ состояло это покровительство? Въ томъ, что Венгрія присоединила къ своимъ владѣніямъ Бѣлградъ и по-дунайскія крѣпости, обязала сербскихъ деспотовъ, уравнившихъ съ прочими венгерскими баронами въ правахъ относительно участія въ дѣлахъ венгерской бороны, выставять войско сей послѣдней „juxta possibi-

litatis eorum) exigentiam“¹⁾, а Сербская земля сдѣлалась театромъ кровопролитныхъ войнъ, и ея народъ, вслѣдствіе нетерпимости латинской пропаганды, попалъ въ презрѣніе и былъ поставленъ на ряду съ погибшими еретиками, послѣ того какъ онъ, руководимый своимъ патріархомъ, не призналъ на Флорентійскомъ соборѣ папской власти. Такъ, папа Калликстъ III выразился въ 1458 году: „Очевидно, что эти Греки, эти Сербы и прочіе еретики, находясь внѣ церковнаго общенія, не надежны для борьбы съ невѣрными; только сила католиковъ можетъ одолѣть султановъ“²⁾. Но тѣ же надежные католики—Венгерцы, со своимъ королемъ Ладиславомъ, не въ силахъ были въ 1455 г. взять столицу Сербіи Смедерево, не смотря на всѣ свои усилія и даже хитрость...³⁾.

Переговоры о передачѣ Венгріи Бѣлграда, начавшіеся при деспотѣ Стефанѣ Лазаревичѣ, окончились въ 1433 г., въ правленіе преемника Стефанова, деспота Юрія I Бранковича (1427—1456). Передача Бѣлграда произвела тяжелое впечатлѣніе на Сербскій народъ: пораженный столь неожиданною потерей важной части своей земли, и притомъ съ той стороны, гдѣ было меньше опасности отъ Турокъ, онъ пришелъ въ уныніе; сербскія лѣтописи повѣствуютъ о многихъ значеніяхъ, предвѣщавшихъ злое для всей Сербіи⁴⁾. Въ замѣнъ за Бѣлградъ Сербы получили мѣстности въ предѣлахъ венгерской короны. Промѣнъ Бѣлграда и прислѣвшее къ тому же времени вѣнчаніе Юрія деспотскою короною (1435 г.), присланною Византійскимъ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ чрезъ Георгія Филантропина⁵⁾, послужили новымъ толчкомъ султану Мурату II для вторженія во владѣнія Сербскаго деспота. Султанъ Муратъ II, въ договорѣ своемъ съ Юріемъ I

1) *Klčki*, Odnosaj srbskih despota i doseljenika napramo kruni i kraljevin hrvatskoj i ugarskoj (съ 1426—1503 г.) (*Кнѣзевник*, II, стр. 482).

2) *Raynaldus*, *Annal. eccles.*, t. X p. 83—84.

3) Этотъ фактъ сообщаетъ Феодоръ Спандугино въ своемъ сочиненіи: *«Discurso dell' origine de' principi turchi»* (издано у *Sansovino* въ его *Historia univers*, p. 191. на оборотѣ). Спандугино былъ современникъ, и потому можно ему вѣрить; онъ говоритъ: *«Et all' hora era grandissima guerra trà il Despoto Jurgo di Servia, et Rè d' Ungheria, per modo che l' uno l' altro s' harebbe mangiato il fegato. Percioche il Rè d' Ungheria nelle case appartenenti alla religion Christiano seguiva le ceremonie de' Latini et il Jurgo Despota di Servia servava quelle de' Greci....»*. Затѣмъ онъ описываетъ осаду Смедерева Венгерцами.

4) *Schafarik*, *Рамѣтку*, стр. 77; лѣтопись Бранковича въ *Arhiv*, кн. III, и лѣтопись въ *Гласн.*, св. I.

5) *Corp. script. Hist. Byz.* Лѣтис, стр. XXX, p. 207.

Бранковичемъ 1428 г., по которому послѣдній получилъ отъ султана дозволеніе на постройку крѣпости Смедерева (куда, послѣ передачи Бѣлграда, перенесъ свою резиденцію),—поставилъ условіе, чтобы Сербы не держали союза съ Венгерскимъ королемъ; а теперь, послѣ нарушенія этого условія, онъ увидѣлъ настоятельную необходимость—наказать деспота за нарушеніе этого договора. Походъ султана противъ Сербскаго деспота увѣнчался полнымъ успѣхомъ: деспотъ испытывалъ нападеніе за нападеніемъ, пока наконецъ и новая его столица Смедерево не попала въ руки Турокъ (1439 г.). Помощь Венгерскаго короля, на которую деспотъ, по смыслу договора 1426 г., разчитывалъ, явилась уже въ то время, какъ сильный турецкій гарнизонъ засѣлъ въ стѣнахъ новоустроенной крѣпости. Сербія была страшно опустошена и ввѣрена управленію Турахана, который былъ пашею Сербіи и Фессалии. Во время этого же похода Турокъ на Сербію, испытала ихъ нападеніе и Боснія. Король Босніи Твердко, въ видахъ предотвращенія на будущее время вторженій Турокъ, обѣщалъ платить султану ежегодно 25.000 червонцевъ, и султанъ Муратъ II на столь выгодныхъ условіяхъ вызвалъ Турокъ изъ Босны.

Съ этого времени, со времени занятія Турками Смедерсва, деспотъ Юрій I Бранковичъ играетъ самую жалкую роль до конца своей жизни. Будучи самъ безсиленъ отразить Турокъ, онъ долженъ былъ пресмыкаться предъ Венгерскимъ королемъ Ладиславомъ и со слезами просить у него помощи противъ опаснѣйшаго своего врага, обѣщая съ своей стороны доставить всѣ средства на снаряженіе войска ¹⁾. Слезамъ его внялъ Венгерскій король, и послѣ общаго совѣщанія, въ которомъ много говорилъ папскій легатъ Юліанъ Цезарини, рѣшилъ готовиться къ походу противъ Турокъ. Счастливый исходъ этого похода возвратилъ деспоту Юрію значительную часть утраченныхъ владѣній. По миру, заключенному въ Сегединѣ (1443 г.), Сербія со всѣми ея городами, занятыми уже Турками, а именно: Смедерево, Голубацъ, Северинъ, Зерновъ, Крушевацъ, Островица, Рудникъ, Лесковацъ, Новобрдо, Зеленградъ, Ковинъ и нѣсколько другихъ, съ частью Албаніи, которая принадлежала Сербіи, была возвращена Сербскому деспоту Юрію I Бранковичу, который обязывался за это вносить султану половину своихъ доходовъ. Но нисколько не облегчилъ этотъ миръ плачевное положеніе Болгаріи. Лишенная давно (1392 г.) своего національнаго правителя, она прежде всѣхъ южно-славянскихъ

¹⁾ *Bonfinius*, *Res. Hungar.* decades X dec. III, стр. 465; *Corp. script. Hist. Byz.*: Χαλκωνδύλης, edit. Paris., lib. VI, стр. 162 и *Δοξαι*

земель сдѣлалась добычею Турокъ; за ними жъ осталась она и по Сегединскому миру. Валахія осталась подъ верховною властію Венгерскаго короля. Такимъ образомъ, за одинъ разъ султанъ Муратъ II лишился всѣхъ сѣверныхъ пограничныхъ провинцій, въ которыхъ была вся надежда, все будущее Османскаго государства. Для Турокъ Сегединскій миръ былъ роковымъ: его нужно было или нарушить, или допустить окончательное уничтоженіе турецкаго владычества въ Европѣ; съ великимъ недовольствомъ заключилъ Муратъ II этотъ миръ, вынужденный къ тому крайнею необходимостію, такъ какъ, въ то же самое время Скандербегъ поднялъ противъ него всю Албанію, а въ Малой Азіи возобновилось возстаніе Карамана. Но по теченію тогдашнихъ обстоятельствъ, замѣчаетъ Цинксейзенъ ¹⁾, авторъ „Исторіи Османскаго государства“,—Сегединскій миръ никоимъ образомъ не могъ быть соблюденъ: онъ былъ политическою ошибкою, послѣдствіемъ которой не замедлили обнаружиться его нарушеніемъ. Нарушила миръ первая Венгрія, что привело къ столкновенію Венгерскаго короля Владислава съ Муратомъ у Варны (1444 г.). Сербскій деспотъ Юрій I Бранковичъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ условіями Сегединскаго мира, и потому не могъ сочувствовать нарушенію его. Не зная, какой исходъ получить эта новая война съ Турками, и больше опасаясь новыкъ вторженій султана, чѣмъ гнѣва христіанскихъ державъ, деспотъ Юрій принимаетъ въ этой войнѣ самую вѣроломную политику: пообѣщавъ выставить на помощь Владиславу свое войско, онъ не только что не выслалъ его, но и воспретилъ Скандербегу съ 30.000 храбрыхъ Албанцевъ пройти чрезъ Сербію на помощь Владиславу. Византійскій императоръ Іоаннъ Палеологъ тоже не явился на помощь, хотя тоже далъ обѣщаніе въ этомъ смыслѣ. Можно, поэтому, считать обоихъ этихъ государей виновниками пораженія Владислава у Варны. Особенно много погрѣшилъ противъ христіанства и славянства самъ же представитель южныхъ Славянъ, деспотъ Юрій I. Не воспретилъ онъ Скандербегу съ его 30.000-нымъ храбрымъ войскомъ соединиться съ Владиславомъ, исходъ Варнской битвы навѣрное былъ бы иной: дѣло христіанства, и быть можетъ всего славянства приняло бы другой оборотъ. До конца своей жизни деспотъ держался той политики, что слѣдуетъ лучше держать сторону султана, нежели сторону Венгерскаго короля. Такъ, въ походѣ Гуниада на Турокъ (1448 г.),

¹⁾ Zinkeisen, Geschichte des osmanischen Reiches, I, стр. 650.

деспотъ Юрій наноситъ ему значительный вредъ не только своимъ отказомъ отъ участія въ походѣ, но и захватомъ въ плѣнъ этого героя, когда тотъ проселочными дорогами пробирался въ свои владѣнія, послѣ своего пораженія на злосчастномъ Коссовомъ полѣ; желая заискать предъ султаномъ, деспотъ предлагалъ выдать ему своего плѣнника, но Муратъ съ презрѣніемъ отвергъ эту двойную измѣну. Нельзя ли отыскать ближайшую причину такого поступка Сербскаго деспота по отношенію къ Гуніаду? Причина эта кроется въ томъ, что Гуніадъ желалъ приобрести нѣкоторыя мѣстности изъ владѣній деспота въ предѣлахъ венгерской короны. Деспотъ Юрій, тѣснимый, такимъ образомъ, и съ сѣвера, и съ юга, долженъ былъ держать сторону того, кто больше былъ опасенъ, кто могъ скорѣе уничтожить его призрачную самостоятельность: страхъ турецкаго оружія заставилъ его примкнуть къ султану; но онъ не предвидѣлъ того, что съ постепеннымъ усиленіемъ турецкой силы уничтожится прежде всего его самостоятельность, такъ какъ онъ ближайшій сосѣдь: прежде чѣмъ утвердиться въ предѣлахъ Венгріи, султану нужно было окончательно покорить Сербію. Руководимый точно такими же соображеніями, деспотъ Юрій помогаетъ преемнику Мурата II, Мегемету II, при завоеваніи Константинополя (1453 г.). По свидѣтельству византійскаго лѣтописца Францы ¹⁾, деспотъ Юрій оказалъ здѣсь султану большую помощь; Франца, между прочимъ, разказываетъ, что Сербы тайно послали султану много денегъ и войска, такъ что Турки хвастливо говорили Грекамъ: „Вотъ-де на васъ и Сербы!“

Послѣдствія недальновидной политики деспота Юрія I Бранковича не замедлили обнаружиться. Вскорѣ послѣ завоеванія Константинополя, султанъ Мехеметъ II обратилъ (1455 г.) свои силы на Сербію и Венгрію. Юрій отдѣлялся было отъ Турка обѣщаніемъ увеличить свою дань. Такимъ образомъ, еще на четыре года была оставлена тѣнь самостоятельности Сербскаго государства; но мало пользы и едва ли не больше вреда принесли эти годы сербской народности, если вспомнимъ только то, что Сербія, раздраемая распрями сыновей Юрія, была наконецъ (1458 г.) подарена вдовою Лазаря Юрьевича, Еленою Палеологъ, папѣ Каллисту III. Елена, слѣдуя совѣту католика Боснійскаго короля Стефана Томашевича, которому предложила руку своей дочери Маріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и престоль Немани, — полагала такимъ образомъ найти себѣ защит-

¹⁾ Corpus script. Hist. Byz.: Францъ, стр. 326.

никовъ отъ Турокъ; но напрасна была надежда: папа охотно принялъ даръ и послалъ своего легата Иоанна Карафажи (Анжело) въ Сербію для того, чтобъ онъ формальнымъ образомъ принялъ пограничныя крѣпости ¹⁾, но защитниковъ отъ насилій Турокъ Сербія не получила, хотя папа и поручилъ эту защиту Венгерскому королю Матвѣю ²⁾. Елена сдѣлала большую ошибку, послѣдствія которой сейчасъ же обнаружилась; своєю склонностію къ католицизму она вооружила противъ себя Сербскій народъ: нѣсколько вліятельныхъ властелей въ Смедеревѣ, побуждаемые ревностію къ защитѣ православной вѣры своихъ отцовъ, выступили во главѣ движенія противъ нея и призвали на престолъ Немани Михаила Абоговича, не царскаго рода и не сербской крови; Стефанъ же Юрьевичъ, братъ Лазаря, вѣроятно, въ то время былъ на чужбинѣ. Хитростію Елены Абоговичъ былъ сверженъ и на сербскій престолъ призванъ Стефанъ Юрьевичъ. Въ началѣ 1459 г. и онъ былъ сверженъ и изгнанъ изъ своего отечества ³⁾, а на сербскій престолъ сѣлъ давній союзникъ Елены, Стефанъ Томашевичъ. Такимъ образомъ онъ соединилъ подъ своимъ правленіемъ Боснію и Сербію; но пользы отъ этого было мало, такъ какъ самъ Стефанъ Томашевичъ былъ человекъ неспособный, малодушный и къ тому же нечестный: ему суждено было править Сербіей и Босніей, ему же суждено было и окончательно передать эти двѣ области въ руки Турокъ; за передачу Смедерева, столицы Сербіи (1459 г.), онъ получилъ отъ Турокъ огромную сумму золота ⁴⁾, а за передачу столицы Босны, Ляды (1463 г.), онъ заслужилъ отъ султана награду—смерть ⁵⁾. Въ 1483 г. подобную же участь испытала и Герцеговина, въ правленіе сыпovej герцога Стефана Коссирича — Владислава и Владка. И такъ, Турки утвердились на развалинахъ величественной монархіи Стефана Душана. Раздоры племень, подъ водительство ихъ правителей, распри властелей и ихъ своекорыстныя стремленія — непремѣнная черта въ характери-

¹⁾ *Raynaldus*, *Annal. eccles.*, стр. 145.

²⁾ *Zinkeisen*, *Geschichte des osm. Reiches*, II, стр. 113.

³⁾ *Schafarik*, *Památky*, стр. 79, стихи 8—9.

⁴⁾ *Zinkeisen*, *Gesch. d. Osm. Reiches*, II, стр. 116.

⁵⁾ По свидѣтельству однихъ источниковъ (*Χαλκωνδύλης*, lib. X, стр. 290), султанъ отрубилъ Стефану Томашевичу голову; по свидѣтельству турецкихъ источниковъ и польскаго лѣтописца Длугоша (*Hist. Pol.*, lib. XII, II, стр. 323), онъ былъ пораженъ стрѣлами, а по другимъ источникамъ: Бонфини, dec. III, lib. X, p. 546), Истванчи (lib. V.) и Леунклавій (стр. 54), съ него была содрана кожа.

стикѣ всѣхъ южно-славянскихъ племенъ, да затѣмъ католицизмъ, не мирившійся съ православіемъ,—вотъ та помощь, съ которою Турки завоевали эти плодородныя области. Вспомнимъ также, что Турки XV вѣка совсѣмъ не тѣ, что нынѣ: по свидѣтельству писателей XV и XVI вѣковъ ¹⁾, „Турки того времени народъ свѣжій, неустрашимый, неутомимый, воинственный, честный, великодушный и вѣротерпимый, въ чемъ испорченные и извѣженные Европейцы далеко имъ уступали; ихъ военное искусство, отчаянная храбрость и вѣрность султану удивляла современниковъ“.

И не смотря на столь хорошія качества Турокъ и на благоприятное для нихъ теченіе обстоятельствъ, мы видимъ, что они болѣе ста лѣтъ борются съ Славянами Балканскаго полуострова, пока успѣвають совершенно подчинить ихъ своей власти. Значитъ, стойкость славянской народности была велика. Правда, не дружною массой отбивалось славянское населеніе Балканскаго полуострова отъ Турокъ, ибо этому мѣшали упомянутыя уже выше обстоятельства, но все же оно, несомнѣнно, сильно заявляло себя въ дѣлѣ охраны родной земли. Народъ хотя и изъять былъ изъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, принималъ близко къ сердцу счастье и горе, успѣхъ и неудачи своихъ правителей и мѣтко угадалъ причину того и другаго. Если мы обратимся къ народнымъ пѣснямъ южныхъ Славянъ, то увидимъ, какая мысль руководила народомъ. Искренно преданный роду Стефана Немани, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ великою скорбію переносилъ распри Неманичей; онъ искренно желалъ прекращенія этихъ междоусобій; и горой стоялъ за внутреннее спокойствіе государства, при коемъ только и возможно благоденствіе народа. Народный пѣвецъ вложилъ въ уста Стефана Дечанскаго, когда его сынъ Стефанъ Душанъ потребовалъ раздѣла Сербскаго государства, такую рѣчь:

Зашто, сине, да се дзелимо?
 Шта си у царству пожелно?
 У честиту дому Неманића
 Доста царства, доста господства,
 Доста пива, доста ѣднѣ!
 Ако си се слакомио, сине,
 Ти да узмешъ на Призрену царство,
 На поклонъ ти царство и господство
 И на поклонъ земле и градове,

¹⁾ В. Манушевъ, Очеркъ исторіи и современнаго положенія задунайскихъ Славянъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1876 г.

И на поклонъ седамъ кула блага
 И на поклонъ седамъ тарапава
 И на поклонъ народъ Србадия!

„Ничего я съ тебя не требую, но заклинаю тебя Богомъ: блуди народъ, какъ свою голову!“¹⁾

Не видно ли изъ этихъ словъ, что народъ Сербскій искренно желалъ прекращенія междоусобій своихъ государей? Въ этихъ словахъ народъ выразилъ, чего онъ желалъ отъ своихъ правителей! И все это, чего онъ желалъ и что получилъ въ правленіе царя Стефана Душана, исчезло со смертію сего великаго государя. Смерть Душана народъ вѣрно представилъ въ своихъ пѣсняхъ роковою для величественной Сербской монархіи. По смерти Душана, поетъ народъ,
 —Турки

«Преварише Мирчету Стефана,
 Прихватиле Душаново царство,
 И Србију и Урумелију,
 Нашу Босну и Херцеговину,

ТОЛЬКО

Цриегоре узет не могоше»²⁾.

Періодъ со смерти Стефана Душана до вступленія Лазаря Гребельяновича народъ въ своихъ пѣсняхъ представилъ для себя несчастнымъ. Въ пѣснѣ „Смрт Душанова“³⁾ народъ представилъ, сколько зла причинили ему его намѣстники, давшіе полный просторъ своимъ своекорыстнымъ стремленіямъ по смерти Душана. Хотя тутъ вся вина свалена на ненавистнаго народу крала Вукашина, при всемъ томъ тутъ же усматриваются характерныя черты своекорыстныхъ стремленій и всѣхъ вообще областныхъ сербскихъ намѣстниковъ⁴⁾. Въ этой пѣснѣ народъ поетъ: „Въ теченіе 16-лѣтняго правленія“

Колико је зулум (неправда) поставио (Вукашинъ)
 Што ношаше сиротивъа раја,
 Што ношаше од свиде (шелкъ) хальяне (одежда),
 Тад обуче сукнене хальяне.

¹⁾ Пѣсня помѣщена въ сочиненіяхъ А. Ф. Гильфердинга, т. III: Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, стр. 108.

²⁾ Петрановић, Српске народне пјесме кн. III: № 2-й Смрт Душанова.

³⁾ В. С. Караџић, Српске народне пјесме, кн. III. № 33.

⁴⁾ Какъ на примѣръ подобныхъ своекорыстныхъ стремленій намѣстниковъ, укажемъ на взиманіе намѣстникомъ Жаркомъ пошлины съ дубровницкихъ купцовъ и даже грабежъ (Miklosich Mon. Serb., № CLVIII), вопреки постановленію царя Уроша V, отъ 1356: что ни царица (мать Уроша), ни самъ царь (Урошъ) «нищо да њмъ се не узме безъ куна» (ibid. № CXXXIV).

Испытывая на себѣ столь тяжелый гнетъ намѣстниковъ, народъ не могъ не желать воцаренія законнаго наслѣдника, сына Душанова, Уроша V. Только подъ правленіемъ Неманичей онъ считалъ возможнымъ наслаждаться спокойствіемъ и благоденствіемъ. Поэтому, когда читаемъ пѣсни сборника Караджича, №№ 33 и 34 (кн. II), въ которыхъ поется, какъ Марко Кралевичъ рѣшаетъ споръ между его отцомъ Вукашиномъ, дядьями и Югъ - Богданомъ, съ одной стороны, и молодымъ Урошемъ, съ другой,—въ пользу сего послѣдняго, невольно рождается мысль объ искренней преданности народа слабому Урошу V; сводомъ доказываетъ онъ его права: призываетъ сначала попа Недѣлку, который присутствовалъ при завѣщаніи Душана, а затѣмъ Марка Кралевича, Душанова логовета. Изъ рѣчи Марка Кралевича (въ той же пѣснѣ) и благословенія, которое произноситъ Урошъ V:

Кумь мой, Марко, Богъ тебѣ на помощь!
 Чтобы лицо твое сіяло въ душѣ,
 А копье въ бою не уставало!
 Чтобы сильнѣе не было юнака
 И пока луна и солнце свѣтять,
 О тебѣ жива была бы память!* (переводъ О. Э. Миллера).

довольно ясно видно, что народъ всѣми силами поддерживалъ законнаго царя. Самый фактъ, передаваемый пѣсней, можетъ быть заподозрѣнъ, ибо исторія не представляетъ для этого никакихъ данныхъ; но для насъ важно воззрѣніе народа. Исторія свидѣтельствуетъ намъ одно только, что люди добрые совѣтовали Урошу удалить Вукашина и предупреждали его о замыслахъ сего послѣдняго, но Неманичъ не внялъ этому совѣту; какъ жена Углеши не вѣрять, что ее похоронятъ живьемъ, чтобы такимъ образомъ довершить построеніе Скадра (сюжетъ другой пѣсни „Зиданье Скадра“ въ сборникѣ Караджича), такъ и Урошъ V, слишкомъ довѣрясь Вукашину, не обратилъ вниманія на совѣты искренно преданныхъ ему людей: „Удали родъ Мрявчевичей!“

Съ прекращеніемъ рода Немани, народныя симпатіи перенесены на имя славнаго и святаго князя *Лазаря Гребельяновича*, потому ли, что, по народному преданію, самъ царь Душанъ принималъ большое живое участіе въ судьбѣ этого честнаго и мужественнаго героя, по женской линіи потомка Немани ¹⁾, или потому, что съ его именемъ

¹⁾ Тронешская лѣтопись (*Гласник*, св. V, стр. 60): «вторая (дочь) по отцѣ (по смерти отца Милутина) выдана за воеводу *приблиа Гребалановича*, архимаршила милутинова, отъ нейже родихсѣ лазарь великій князь и король расійскій.»

связано величайшее событіе сербской исторіи — Косовская битва, въ коей онъ палъ жертвою за спасеніе сербской народности. Пѣсни, касающіяся этого событія, составляютъ особый циклъ, называемый сербскими пѣвцами „Лазарица“. Весело начинаются пѣсни этого цикла — юностію князя Лазаря; но какъ элегически, какъ трогательно заканчиваются онѣ скорбію дѣвушки, отыскивающей ладшаго на ратномъ полѣ жениха („Косовка джевојка“ № 51, сборникъ *Караджича*, II) по замѣчанію Каррьера, „представляетъ сцену одну изъ самыхъ потрясающихъ и прекрасныхъ во всей эпической поэзіи; она представляетъ намъ всю гомеровскую ясность, всю германскую или индійскую глубину чувства сербской народной пѣсни“.

Со времени Косовской битвы имя Турокъ стало ненавистно сербской памяти, равно какъ и имя виновника пораженія Сербовъ — Вука Бранковича. Во множествѣ пѣсень на Турокъ, и въ особенности, на Вука сыплется проклятія. За то имя Лазаря вспоминается съ душевною любовью. Фактъ объ измѣнѣ Вука Бранковича на Коссовомъ полѣ исторически не доказанъ; одинъ сербскій памятникъ XV в. замѣчаетъ объ этомъ: „Не вѣмъ что истинное рещи о семь, изданъ ли кѣмъ отъ свонго бывъ хравеніа, или паче соуду божию о семь събвншче“. Равно и Константинъ Философъ, касаясь этого событія въ „житіи деспота Стефана Лазаревича“, дѣлаетъ такое же замѣчаніе: „Богъ тако попустивши“. Свидѣтельства эти нисколько не выясняютъ событія и показываютъ только, какъ сербскіе книжники заимствовали изъ народнаго преданія матеріалъ для своихъ твореній. Народное самолюбіе заставило Сербовъ представить въ своихъ пѣсняхъ паденіе славнаго своего царства предназначеннымъ судьбою. Въ пѣснѣ: „Пропастъ царства српскога“ ¹⁾ народъ поетъ, какъ птица соколъ принесъ ласточку, то-есть, письмо отъ св. Богородицы изъ Герусалима, въ которомъ предлагалось Лазарю выбирать одно изъ двухъ: царство небесное, или земное; Лазарь избралъ лучше царство небесное и потому потерялъ царство земное. И пѣсню эту народъ съ полною вѣрой и надеждою на Бога заканчиваетъ слѣдующими словами:

Све је свето и честито било,
И миломе Богу пристуначно.

Равнымъ образомъ, во множествѣ пѣсень поется: „Староставныя книги пишуть, что Турки прійдутъ и займутъ все Сербское государ-

¹⁾ В. С. *Караджичъ*, Српске народне пјесме, кн. II. № 46.

ство, вслѣдствіе вѣроломства самихъ же Сербовъ“. И эту измѣну, по причинамъ неизвѣстнымъ, народъ свалилъ на Вука Бранковича. Во всей сербской народной поэзіи имя Вука Бранковича сдѣлалось синонимомъ измѣнника. Замѣчательно, что исторически подтвержденное служеніе Марка Кралевича султану не порицается народомъ. Народный эпосъ, какъ бы оправдывая это служеніе, воспѣваетъ, что проклятіе Вукашина надъ своимъ сыномъ Маркомъ: „Сыиъ Марко, убей тебя Богъ! не имѣть бы тебѣ гроба и порода! не выпасть бы душѣ твоей, пока не заслужишья ты у царя турецкаго!“ и благословеніе Уроша выше приведенное, сбылись: Марко Кралевичъ служитъ Туркамъ и при всемъ томъ считается первымъ сербскимъ юнакомъ, защитникомъ беззащитныхъ отъ турецкихъ притѣсненій. Единственный во всемъ сербскомъ эпосѣ укоръ ему встрѣчается въ одной пѣснѣ (сбор. Караджича, II, № 40), въ которой представлено сватовство Марка Кралевича вмѣстѣ съ двумя другими юнаками— Милошемъ и Релей, къ красавицѣ Роксандѣ, сестрѣ Леки капитана. Въ отвѣтъ на предложеніе Леки: „выбирай кого угодно изъ этихъ троихъ сербскихъ воеводъ“, Роксанда произноситъ слѣдующія порицательныя слова на Марка:

«Са Турцима бже и свјече,
 Ни ће имат' гроба ни укона....
 Што ће мене код дјепоте моје
 Бидем љуба турске придворнице?»

Марко Кралевичъ воспѣвается какъ великій юнакъ и сербскимъ, и болгарскимъ эпосомъ; тотъ и другой эпосъ воспѣваетъ Марка какъ защитника христіанскаго народа и врага Турокъ. Если Марко и служитъ Туркамъ, то вынужденный къ тому обстоятельствами, какъ вассаль султана и ближайшій изъ всѣхъ сербскихъ областныхъ правителей (жилъ въ городѣ Прилинѣ) сосѣдь Турокъ; но въ то же время онъ близко къ сердцу принимаетъ участь своихъ соплеменниковъ. Вотъ чтò сообщаетъ составитель „житія деспота Стефана“ Константинъ Философъ: передъ битвою на Ровинахъ (1395 г.) Марко, находясь на сторонѣ султана, обратился къ своему сотоварищу Константину, сыну Деана, съ слѣдующею рѣчью: „Азь глаголю и молю господа еже христіаномъ быти помощникъ, азь же пръвыи въ мертвыхъ на рати сси да боуду“¹⁾. Константинъ Философъ, вѣроятно, заимствовалъ это свѣдѣніе изъ преданія, которое вращалось въ то время въ народѣ; но заподозрѣвать историческое значеніе этого

¹⁾ Гласник, св. XXVIII, стр. 393.

преданія нѣтъ никакого основанія. Едва ли не правдоподобно будетъ, что молва народная послужила источникомъ для болгарскаго эпоса, въ коемъ Марко представленъ погибшимъ отъ турецкихъ стрѣлъ. Болгарская пѣсня „Смерть Марка Королевича“¹⁾ представляется, какъ Марко въ Валахїи тяжело раненъ Турками и приближается къ кончинѣ: „Заря занялась изъ прекрасной Влашской земли; не было-то ясная заря, но была мать Марка. Ужь какъ искала она Марка-юнака, на пути встрѣтила ясное солнце: добрая встрѣча, ясное солнце! — Далъ бы тебѣ Господь добро, Марко-мале (мать Марка)! Марко-мале, куда думаешь идти?—Мать ему тихо отвѣчаетъ: Ой ты, ясное солнце, которое ходишь въ вышинѣ и смотришь вдаль! не видишь ли Марка юнака?—Ясное солнце тихо отвѣтило: Ой ты, Марко-мале! не ищи Марка-юнака: Марко-юнакъ долу — внизу — въ землѣ крайней (въ Валахїи); онъ бьется съ турецкимъ войскомъ: когда Турки Марва поражаютъ—небо оглашается, — когда Марко Турокъ бьетъ—земля и небо трясутся. — И нанесли Марку Турки 70 опасныхъ ранъ. Легъ Марко подъ бѣлый шатеръ; надъ нимъ вьются черные орлы; Марко тихо имъ возговорилъ: Ой вы, черные орлы, не вейтесь, не бейтесь—моихъ кровей не пить вамъ. — Черные орлы тихо отвѣтили кралю Марку: Ой ты, краль Марко! мы не вьемся — не бьемся изъ-за твоей крови, но Богу молимся за твое юнацкое здоровье.—На это Марко-краль отвѣтилъ орламъ: идите, идите, долу внизъ — въ крайнюю землю, наѣшьте турецкаго мяса, напейтесь турецкой крови“.

Сербскій эпосъ представляетъ, что Марко, послѣ трехъ сотъ лѣтъ жизни, умеръ на Урвинѣ-планинѣ, подъ двумя развѣсистыми елями, своею естественною смертію. Въ пѣснѣ „Смрт Марка Кралевича“²⁾ величественно представлено, какъ Марко готовится къ смерти и какъ наконецъ испускаетъ свой богатирскій духъ. Но особенно замѣчательны слѣдующія слова, произнесенныя Маркомъ въ то время, какъ бросалъ онъ въ море свой буздованъ (палицу): „Когда выдетъ палица моя изъ моря, тогда только явится подобный мнѣ мужъ!“ Народъ, выразивъ въ этихъ словахъ свое воззрѣніе на Марка Кралевича, какъ на самаго сильнаго изъ всѣхъ юнаковъ всѣхъ временъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ тутъ и свое безвыходное положеніе. Этими

¹⁾ Сборникъ болгарскихъ пѣсней *Безсонова* во *Временникъ* 1855 г., кн. 22, № XVI.

²⁾ *В. С. Караджичъ*, Сербске народн. пјесме, кн. II, № 74.

словами народъ сказалъ: „Нѣтъ Марка-Кралевица—нѣтъ нашего защитника!“ Но по болгарскому преданію, этотъ защитникъ не умеръ, а до сихъ поръ живетъ на одномъ пустынномъ островѣ, въ великолѣбныхъ палатахъ ¹⁾. А по другому преданію, этотъ защитникъ „юнакъ Марко Кралевиць только спитъ въ какой-то пещерѣ; его конь Шараць ѣстъ понемногу мохъ, а сабля его повѣшена: когда конь stravитъ весь мохъ, а сабля упадетъ, тогда Марко проснется и выйдетъ опять на свѣтъ“. Онъ станетъ опять защищать свой народъ отъ враговъ Турокъ: своею саблей уничтожить ненавистное ихъ иго...

¹⁾ Сборникъ болгарскихъ пѣсень братьевъ *Миладиновыхъ*, стр. 528.

Владиміръ Качановскій.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сочиненія Аполлона Григорьева. Томъ первый. Изданіе Н. Н. Страхова. С.-Пб. 1876.

Имя А. А. Григорьева давно извѣстно. Статьи его въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно съ 1851 г., составляютъ и по количеству, и по значенію, не маловажный фактъ, который въ исторіи нашей критики по справедливости займетъ достоюльное себѣ мѣсто. Онъ принималъ живое и дѣйтельное участіе въ обновленномъ *Москвитяникѣ* (съ 1851 г.), какъ одинъ изъ членовъ такъ называвшейся тогда молодой редакціи этого журнала, раздѣляя редакціонныя труды съ А. Н. Островскимъ, Т. И. Филипповымъ, Е. П. Эдельсономъ и Б. Н. Алмазовымъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ періодъ времени отъ 1851 по 1864 годъ Григорьевъ вѣрнѣе хранилъ преданіе Бѣлинскаго и сознательнѣе относился къ поэтическому творчеству, чѣмъ позднѣйшіе цѣнители и судьи литературы, претендовавшіе чуть не на кровное родство съ Бѣлинскимъ.

У Григорьева были и данныя и благопріобрѣтенныя средства для того дѣла, которому онъ посвятилъ себя. Природная даровитость, природное же и весьма сильное чувство въ изящному, гдѣ бы послѣднее ни являлось, университетское образованіе, знаніе иностранныхъ языковъ и большое знакомство съ иностранными литературами давали ему возможность разносторонне овладѣвать предметомъ своихъ сужденій. Особеннаго вниманія и похвалы заслуживаетъ одно изъ его свойствъ, сильно въ него вложенное, прилежно имъ самимъ развитое и никогда его не покидавшее. Это—вполнѣ искреннее, вполнѣ уважительное отношеніе къ искусству и его представителямъ. Онъ преданъ былъ тому и другимъ до восторженнаго, часто крайняго поклоненія, которое, въ силу своей крайности, даже переступало за предѣлы истины. „Художественное произведеніе“, говоритъ онъ, — „для меня есть откровеніе великихъ тайнъ души и жизни, единственное

порѣшеніе общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ (стр. 406)... Все новое вносится въ жизнь только искусствомъ: оно одно воплощаетъ въ созданіяхъ своихъ то, что невидимо присутствуетъ въ воздухѣ эпохи“ (стр. 613).

Но съ другой стороны, въ умѣ и чувствѣ г-на Григорьева было *заложено* (выражаясь его словомъ) и такое свойство, которое много вредило ему въ жизни и нерѣдко сбивало его съ прямиаго пути въ критикѣ. Это свойство заключалось въ порывистости, эксцентричности увлеченій. Онъ увлекался не только сердцемъ, но и умомъ, можетъ быть—еще чаще умомъ, чѣмъ сердцемъ. Головная восторженность обратилась у него почти въ хроническое состояніе. Онъ самъ признавался въ такомъ грѣхѣ (если слово „грѣхъ“ здѣсь умѣстно), какъ видно изъ перваго письма его къ Ф. М. Достоевскому (въ „Парадоксахъ органической критики“), гдѣ, между прочимъ, говорится: „На меня даже на время аскетическое настроеніе напало, чему ты, зная мою — ну хоть *головную*, если не сердечную *отзывчивость*, несколько, конечно, не удивишься“ (стр. 631). Пользуясь такою отзывчивостью, не трудно было другимъ по произволу двигать Григорьева въ ту или другую сторону, и еще легче было ему самому двигать себя, волноваться. А это не могло не оставлять слѣдовъ почти на каждомъ трудѣ его. Всѣ недостатки его критическаго пера удобно объясняются сказанною характеристическою особенностью, хотя она и не мѣшала постоянно добросовѣстному отношенію къ дѣлу.

Въ чемъ же заключаются эти недостатки?... Объемъ статей Григорьева всегда превышаетъ должную мѣру, почему и называли ихъ широколѣщательными. Напримѣръ, статья: „Тургеневъ и его дѣятельность по поводу романа „Дворянское гнѣздо“,“ наполнена обильными выписками изъ этого романа, не потому, конечно, чтобъ увеличить сумму журнальнаго гонорара (сребролюбіе не было слабостью критика), а просто потому, что критику нравились приведенныя имъ мѣста и онъ собственнымъ удовольствіемъ хотѣлъ подѣлиться съ читателями, хотя послѣдніе знали романъ не хуже его. Весьма часто любилъ Григорьевъ повторяться, въ иныхъ случаяхъ потому, что повторенія необходимы для полнѣйшаго уясненія мысли, а въ другихъ—рѣшительно безъ всякой надобности. Не досказывать, то-есть, не дописывать было тоже въ обычаѣ критика. Статья „О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ“ (*Москвитиничъ*, 1855 г.) осталась не только безъ конца, но даже безъ обѣщаннаго продолженія въ слѣдующемъ номерѣ (стр. 128). Рядъ статей „Объ отноше-

ніяхъ литературы къ жизни съ Пушкина“ (*Время*, 1861 г.) остановился на Гоголѣ. Эта ненаписанная глава о Гоголѣ, по сознанию самого критика, *путала* все дѣло, порождала множество недоумѣній: „Мысль, не высненная, не досказалась даже въ первомъ своемъ моментѣ“ (616). Всего нужнѣе было, въ интересахъ главной задачи г. Григорьева, объяснить сущность и законы такъ названной имъ органической критики. Онъ и приступилъ къ дѣлу въ письмахъ къ Э. М. Достоевскому (*Эпоха*, 1864 г.). Но эти два письма, говоря словами автора, — только пропилеи къ задуманному зданію, только присказка, а сказка обѣщалась впереди. Къ сожалѣнію, смерть въ этомъ случаѣ помѣшала исполнить обѣщанное, но въ другихъ случаяхъ неисполненіе отлагалось по причинамъ, неизвѣстнымъ читателю. Охотникъ былъ г. Григорьевъ и до отступленій, вызывавшихся большею частію также головнымъ восторгомъ: что нравилось ему лично въ моментъ писанія статьи, то предлагалъ онъ и публикѣ. Такъ, второе письмо къ Э. Достоевскому объ органической критикѣ на половину занято переводомъ отрывковъ изъ книги В. Гюго о Шекспирѣ, переводомъ очень хорошимъ, но отвлекающимъ отъ предмета и даже не идущимъ къ нему. Весь смыслъ главной тирады, въ томъ, что Рабле сдѣлалъ великое открытіе, нашелъ находку — „брюхо“ (стр. 634), разумѣя подъ этимъ словомъ міръ XVI вѣка, когда „*totus homo fit exegematum*“ (стр. 636). Указанія своеобразности, запутывая изложеніе, возбуждали жалобы на непонятность и темноту, въ чемъ не заирался самъ авторъ (стр. 451—452). Недоумѣніе увеличивалось сверхъ того новыми терминами, каковы, на примѣръ: *вляніе* вмѣсто *вліяніе*, *заложеніе* вмѣсто *задатокъ*, поэзія *растительная*, то-есть, безличное, народное творчество, въ противоположность творчеству личному, искусственному, *допотопные* таланты или таланты *допотопныхъ формаций* въ силу чего Полежаевъ и Марлинскій суть допотопныя образованія въ отношеніи къ Лермонтову, а Лажечниковъ есть допотопное образованіе въ отношеніи къ Островскому. Новая терминологія могла соотвѣтствовать понятію автора, но было бы лучше замѣнить ее другою и тѣмъ не давать поводовъ къ журнальному глумленію, которое заключило, что Лажечниковъ, Полежаевъ и Марлинскій — если вѣрить Григорьеву — существовали до потопа. Наконецъ, прибавимъ вычурность, или какъ называли ее въ свое время, экстравагантность выраженій, которая, по собственному замеченію г. Григорьева, была у него нерѣдкою (стр. 307) и возбуждала комическія ощущенія въ читателѣ. Для примѣра укажу нѣсколько мѣстъ. Писемскій, въ комедіи

„Комикъ“, является только *половиною* Гоголя. Человѣкъ животвенный уподобляется звѣрю. Это бы еще ничего, но критикъ приставляетъ такому животно-человѣку хвостъ. Такимъ образомъ, Бешметевъ (въ комедіи Писемскаго „Тюфякъ“) есть „звѣрь, звѣрь съ нашимъ роднымъ и пѣжно нами любимымъ хвостомъ, и Писемскій почти-что холить и лелѣть это, по истинѣ столь драгоценное украшеніе“ (стр. 371). Такимъ же образомъ и творецъ „Недоросля“, фонъ-Визинъ—„длиннй человѣкъ, человѣкъ, такъ сказать, съ хвостомъ звѣриннымъ, любящій и лелѣющій свой хвостъ съ примѣрнымъ попеченіемъ, какъ еще многіе изъ насъ доселѣ его холятъ и лелѣютъ“ (стр. 495—496). Понравился критику Досужевъ (въ „Доходномъ мѣстѣ“, Островскаго), и вотъ въ девяти строкахъ повторяется у него одно и то же слово (*карась*) шесть разъ: „Изъ университетовъ нашихъ выходили или Бельтовы и Рудины, то-есть, вообще лица, не дослуживающія 14-ти лѣтъ и 5 мѣсяцевъ до пряжки; или Лаврецкіе и Лежневы, можетъ быть менѣе, но тоже не дослуживающіе до пряжки; или Досужевы, живущіе на счетъ *карасей* и за-просто съ *карасями* (то-есть, съ земщиной), знаніемъ, съ одной стороны, правовъ и обычаевъ *карасей*, а съ другой—знаніемъ отвлеченнаго и темнаго для *карасей* закона и умѣнемъ справляться съ этимъ отвлеченнымъ для *карасей* міромъ въ пользу *карасей*, которые ихъ за то любятъ, холятъ и уважаютъ, и ублажаютъ, то-есть, наши юристы въ настоящемъ смыслѣ этого слова“ (стр. 395).

Я началъ съ недостатковъ или неудачныхъ сторонъ критическо манеры г. Григорьева, которыя вредили его статьямъ во мнѣніи журналовъ и публики; обращаюсь теперь къ существенному—къ содержанию и значенію его критики вообще.

Критическіе труды Григорьева, начавшись съ 1851 г., шли, такъ сказать, параллельно съ драматическою дѣятельностью Островскаго ея они имѣли постоянно въ виду, ея анализу они посвящались преимущественно. Какъ для Бѣлинскаго главнымъ предметомъ критики служили Пушкинъ и Гоголь, такъ для критики Григорьева главнымъ предметомъ служилъ Островскій. Первая комедія этого писателя: „Свои люди—сочтемся“ приобрѣла ему быструю извѣстность. Мнѣнія о ней слились въ одну лестную похвалу: ея даже приравнивали къ „Ревизору“, а въ авторѣ видѣли преемника Гоголя. Но съ появленіемъ новыхъ пьесъ Островскаго журнальные отзывы измѣнились, такъ какъ обнаружилось, что, сочувственно относясь къ непосредственному быту въ лицѣ его представителей, комикъ въ то же время

выставлялъ въ невыгодномъ свѣтѣ личности другаго быта, котораго больше или меньше коснулась цивилизація. Такой переѣмы во взглядѣ и слѣдовало ожидать при существованіи въ то время двухъ ученій:—славянофильскаго и западнаго, которыя почитались прямо противоположными. Журналы, стоявшіе на сторонѣ втораго ученія, и слѣдовательно, дорожившіе европеизмомъ, неблагосклонно отнеслись къ комедіямъ: „Бѣдная невѣста“, „Не въ свои не садись“, не смотря на ихъ чрезвычайный успѣхъ на сценѣ. Молодая же редакція *Москвитянина*, напротивъ, приходила все въ пушій и пушій восторгъ при каждомъ новомъ произведеніи Островскаго. Григорьевъ взялъ на себя защиту и разъясненіе драматической его дѣятельности. Въ этомъ состояла главнѣйшая задача критика, который, однакожь, захватывалъ въ кругъ своихъ сужденій и многія другія литературныя явленія какъ отдаленныя, такъ и ближайшія.

Журнальная критика, не сочувствовавшая образу мыслей, производимому въ драмахъ Островскаго, носила по всей справедливости названіе исторической. Григорьевъ понялъ, что для противодѣйствія этой критики въ ея исходномъ пунктѣ и конечныхъ выводахъ, слѣдовало, какъ говорится, начать съ вачала, то-есть, доказать не только ея односторонность, но и ложность принципа, въ которомъ она коренилась. Доказательства должны были истекать изъ понятія о сущности искусства. А какъ искусство есть художественно-правдивое воспроизведеніе жизни, то съ вопросомъ о немъ неразрывно связывался вопросъ о самой жизни: послѣдній даже долженствовалъ предшествовать первому. Григорьевъ такъ и поступилъ.

Статьи: „Критическій взглядъ на основы, значеніе и приемы современной критики искусства“ (*Библиотека для чтенія* 1858 г.) и „Послѣ *Грозы*, Островскаго“ (*Русскій Миръ*, 1860 г.) содержатъ въ себѣ наиболѣе матеріала для ознакомленія съ мыслями Григорьева. Извлекаемъ отсюда главнѣйшія его положенія. Первая статья написана видимо подъ вліяніемъ сочиненій Шеллинга, относящихся ко второму періоду его ученія — къ философіи положительной. „По этому ученію“, говоритъ Григорьевъ „—и народамъ, и лицамъ возвращается ихъ цѣльное, самоотвѣтственное значеніе; они не приносятся въ жертву кумиру отвлеченнаго духа человѣчества и его развитія. Развиваются народныя организмы, нося въ себѣ слѣды болѣе или мевѣе отдаленной принадлежности къ первоначальному единству рода человѣческаго, единству не отвлеченному, моменту необходимо существовавшему. Единство между этими организмами, единство неизмѣн-

нос, никакому развитію не подлежащее, отъ начала одинаковое, есть правда души человѣческой. Чистѣйшая форма ея, идеаль. пребываетъ и пребываетъ отъ вѣка. Онъ есть вѣчная правда, неизмѣнный критеріумъ различенія добра и зла, права и не-права. Не онъ, стало быть, не вѣчная правда судится и измѣряется вѣками, эпохами и народами, а вѣка, эпохи и народы судятся и измѣряются по мѣрѣ храненія вѣчной правды души человѣческой и по мѣрѣ приближенія къ ней (стр. 210)... Такому принципу развитія идеи въ извѣстныхъ, такъ сказать, типическихъ циклахъ, въ извѣстныхъ мірахъ, связанныхъ между собою преемственнымъ единствомъ, но имѣющихъ свое самостоятельное значеніе, свое типовое бытіе, противоположенъ гегелианскій принципъ вѣчнаго, нескончасмаго развитія идеи, ведущій, въ концѣ концовъ, къ узкому поклопенію всякому послѣднему моменту развитія съ постояннымъ и постоянно повторяющимся отрицаніемъ всѣхъ предшествовавшихъ моментовъ (стр. 337)... При формулѣ вѣчнаго развитія нѣтъ абсолютной истины, вѣги, стало быть, и красоты безусловной и добра безусловнаго. Но какъ на такомъ положеніи душа никоимъ образомъ успокоиться не можетъ (ей нуженъ идеаль, нужна крѣпкая основа), то послѣднее звено развитія, послѣдняя относительная истина признается за критеріумъ. Является теорія, построенная на произвольномъ критеріумѣ, и на основаніи ея произносятся окончательные приговоры, смѣняющіеся другими окончательными, ожидающими на смѣну третьихъ, четвертыхъ окончательныхъ и такъ далѣе usque ad infinitum (стр. 211)... Искусство есть отраженіе жизни. Вѣрность, художественная правда этого отраженія зависитъ отъ вѣрности отношенія поэта къ жизни. Поэтъ тогда только учитель народа, когда онъ судитъ и рядитъ жизнь во имя идеаловъ, жизни самой присущихъ, а не имъ, поэтомъ, сочиненныхъ (стр. 454)... Искусство есть представленіе идеальнаго. Но идеаль не развивается: онъ есть высшее, совершенное, прекрасное, всегда какъ нравственно, такъ и эстетически одинаково понимаемое. Онъ всегда остается одинъ и тотъ же, всегда составляетъ единицу, пору души человѣческой (стр. 224)... Искусство относится къ жизни съ идеаломъ, подходит къ явленіямъ съ высшею, то-есть, нравственною мѣрою, сложенною изъ созерцаній коренныхъ, глубочайшихъ основъ и разумныхъ законовъ жизни. Великіе художники боролись не съ этою мѣрою, не съ идеаломъ, а съ мѣрою случайною, съ идеаломъ, извлеченнымъ изъ минутныхъ, жалкихъ или порочныхъ законовъ дѣйствительности (стр. 142)... Критика искусства должна подчиняться тому же критеріуму, которому

подчиняется искусство. Одно есть отраженіе идеальнаго, другая — разъясненіе отраженія. Законы, которыми отраженіе разъясняется, извлекаются не изъ отраженія, всегда, какъ *явленіе*, болѣе или менѣе ограниченнаго, а изъ сущности самаго идеальнаго. Между искусствомъ и критикой есть органическое родство въ сознаніи идеальнаго: она осмысливаетъ анализомъ тѣ же органическія начала жизни, которымъ искусство сообщаетъ плоть и кровь синтетически* (стр. 229).

На основаніи выписанныхъ положеній Григорьевъ и раскрываетъ какъ недостатки исторической критики, подвергавшей поэтическія произведенія разбору и оцѣнкѣ, такъ и самыя поэтическія произведенія.

Капитальная ошибка исторической критики, съ его точки зрѣнія, заключалась въ томъ, что она, судя о созданіяхъ искусства, постоянно искала цѣлей, виѣ ихъ лежащихъ. Живыя творческія созданія она цѣнила по столько, по сколько они служатъ той или другой, поставленной теоріей, цѣли. Причина всему этому, говоритъ Григорьевъ, лежала въ томъ, что вмѣсто дѣйствительной точки опоры — души человѣческой — она брала точку воображенную, предполагала чѣмъ-то дѣйствительнымъ, отвлеченный духъ человѣчества. По самому существу воззрѣнія она не имѣла критеріума и не вносила свѣта идеала въ созерцаемое. Но какъ жить безъ идеала нельзя и обходиться безъ критеріума невозможно, то она создавала ихъ произвольно и прилагала ихъ безошадно. Отсюда въ критикѣ часто являлись толки, болшею частію къ дѣлу не относящіеся, а по поводу дѣла высказывающіе тѣ или другія общественныя и нравственныя теоріи. Критикъ нерѣдко превращался въ публициста. Иначе и быть не могло. Когда идеаль не лежитъ въ душѣ человѣческой, а поставленъ произвольно, теоретически, тогда онъ непремѣнно долженъ гнуть факты подъ свой уровень. Сегодняшнему кумиру приносится въ жертву все вчерашнее, тѣмъ болѣе все третьегоднешнее и все предшествовавшее представляется только ступенями къ нему (стр. 576).

Такой отзывъ объ исторической критикѣ я нахожу не только строгимъ, но и свѣрымъ. Упрека, который дѣлаетъ ей Григорьевъ, не избѣжала-бы и критика, взявшая себѣ критеріумомъ душу человѣческую. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта вторая критика стала бы судить и рядить произведенія искусства не по душѣ, а по понятію о душѣ. Понятія же о томъ или другомъ предметѣ у разныхъ людей не тождественны, а различны, иногда даже противоположны. Слѣдо-

вательно, смотря по личнымъ воззрѣніямъ и культурному состоянію эпохъ, выработалось бы не малое число разнообразныхъ понятій о сущности души. Каждое понятіе развилось бы въ теорію, и у каждой теоріи имѣлся бы свой идеаль. Различные идеалы, прилагаемые къ суду надъ произведеніями поэзіи, непременно породили бы различные о нихъ приговоры. Изъ другаго источника и по другой причинѣ оказалось бы то же явленіе, которое Григорьевъ преслѣдовалъ въ исторической критикѣ. Чтò же мы въ такомъ случаѣ выиграли? Историческая критика, не смотря на ея односторонность или тенденціозность, но крайней мѣрѣ удовлетворительно сдѣлала свое дѣло, то-есть, принесла несомнѣнную пользу во многихъ отношеніяхъ. Самъ Григорьевъ не отрицаетъ этого. Если она, увлекаясь тѣмъ или другимъ идеаломъ, гнула подъ него факты, если иногда она мало цѣнила поэтическое значеніе нѣкоторыхъ произведеній, замѣчая въ нихъ несогласіе съ общественными и нравственными теоріями, построенными на воспріятомъ ею идеалѣ, то съ другой стороны, она знакомила публику съ идеалами, которые выработывались движеніемъ цивилизаціи, слѣдовательно, служила цивилизаціи. Такой заслуги не слѣдуетъ забывать человѣку, если онъ благодарность ставить въ ряду хорошихъ человѣческихъ чувствъ. Но могутъ возразить: идеалы, которые критикъ ставилъ во главу своихъ сужденій, были фальшивы. Это совершенно другой вопросъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы преслѣдовать фальшивость идеаловъ, а не самыя *идеалы*. И тѣ идеалы, которые построятся на понятіи о душѣ человѣческой, легко могутъ оказаться ложными.

Какая же критика должна выступить на смѣну исторической или теоретико-исторической?

Григорьевъ называетъ эту совершенно-новую критику *органической*, иначе: *идеально-художественною*, и творцемъ ея почитаетъ Карлейля, называя его „мечтателемъ - поэтомъ - философомъ - историкомъ-пророкомъ“. Основной принципъ ея—учиться у жизни на ея органическихъ явленіяхъ. Опредѣляется органической взглядъ такимъ образомъ: „Онъ есть не что иное, какъ простой, не теоретическій взглядъ на жизнь и ея проявленія въ наукѣ, искусствѣ и исторіи народовъ“ (стр. 627). Но это опредѣленіе скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное: оно не высказываетъ никакихъ точныхъ признаковъ, а только противопоставляетъ теоріи простоту, не давая знать, чтò разумѣется подъ послѣднимъ словомъ. Простота простотѣ рознь; иная простота хуже воровства, по нашей поговоркѣ. Въ другомъ мѣ-

стѣ говорится слѣдующее: „Существеннѣйшая разница органическаго взгляда отъ взгляда односторонне-историческаго состоитъ въ томъ, что первый признаетъ за свою исходную точку творческія, непосредственныя жизненныя силы—иными словами, не одинъ умъ съ его логическими требованіями и порождаемыми необходимо этими требованіями теоріями, а умъ и логическія его требованія *плоть* жизнь и ея органическія проявленія“ (стр. 624). Это, конечно, поопредѣленнѣе, но не на столько, чтобы не требовало болѣе подробнаго и яснаго формулированія. Къ сожалѣнію, Григорьевъ не развилъ своей мысли, не изложилъ законовъ органической критики — почему? отвѣтъ дается имъ самимъ: „Доказавши несостоятельность критики чисто-эстетической и критики исторической, я высказалъ, какъ требованіе, необходимость критики органической. Законовъ ея я не излагалъ, да и не могъ изложить, по той простой причинѣ, что выполнялъ только отрицательную задачу и выставилъ требованіе какъ простое требованіе, не обязываясь сообщить непременно этому требованію плоть и кровь. Въ извѣстныхъ эпохи, къ которымъ въ особенности принадлежитъ наша ¹⁾, выполнение отрицательныхъ задачъ чрезвычайно легко, выполнение положительныхъ очень трудно... Не всякій, могущій выставить требованіе, способенъ *опредѣлить* это требованіе. Требованіе есть истина зарождающаяся, истина, смутно, хотя можетъ быть—и сильно сознаваемая, однимъ словомъ—вѣра, а не полное, опредѣленное знаніе“ (стр. 333—334). Какъ бы то ни было—такъ или иначе—а нельзя не повторить сожалѣнія, что поставленный вопросъ остался не рѣшеннымъ, ибо нельзя же назвать рѣшеніемъ ни двухъ указанныхъ статей („Критическій взглядъ на основы, значеніе и приемы современной критики“ и „Послѣ *Урозы*, Островскаго“), ни третьей („Нѣсколько словъ о законахъ и терминахъ органической критики“, въ *Русскомъ Словѣ* 1859 г.), служащей прибавленіемъ къ первой статьѣ о Тургеневѣ и содержащей въ себѣ отповѣдь журнальщика, глумившимся надъ *допотопными* талантами и *растительною* поэзіей; ни даже четвертой („Парадоксы органической критики“, въ *Эпохѣ* 1864), такъ какъ она только что начата и не была, за смертію автора, кончена. Благодаря критика за то, что есть, а именно за возбужденіе вопроса, за заявленное требованіе, нельзя, однакожь, не замѣтить, что онъ заплатилъ дань тому самому, въ чемъ обвинялъ историческую критику, — увлеченію теоріей. Теорія эта, какъ выше сказано, навѣяна Шеллингомъ, но увлеченный или не могъ, или не

¹⁾ Письмо въ 1859 году. А. Г.

успѣлъ сладить ни съ ея разработкой, ни съ ея приложеніемъ въ оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній.

Тѣми же положеніями, съ которыхъ Григорьевъ взглянулъ на историческую критику, руководствуется онъ во взглядѣ и на произведенія поэзіи. Главнѣйшій недостатокъ этихъ произведеній находитъ онъ въ совершенной разрозненности ихъ съ жизнью, въ произвольномъ искаженіи дѣйствительности для проведенія извѣстныхъ мыслей. Такъ какъ, разсуждаетъ онъ,—народъ есть цѣльный, самостоятельный и самоотвѣтственный организмъ, то поэтъ, какъ выразитель сущности, духа этого организма, тогда только бываетъ истиннымъ, когда онъ народный. Народность, въ смыслѣ національности, есть, слѣдовательно, мѣрило достоинства поэтическихъ произведеній. Мысль вполнѣ справедливая, но собственно не нова. Не говоря ужъ о Нѣмцахъ, для которыхъ она давнымъ давно сдѣлалась *tritum per tritum*, у насъ Бѣлинскій очень обстоятельно показалъ значеніе народности и двойное ея значеніе: обширное (народность вообще или національность) и тѣсное (народность частная или простонародность). Не выборъ предмета важенъ, — продолжаетъ Григорьевъ, „а отношеніе къ предмету. Съ точки зрѣнія отношеній литературы къ народности, иначе—постояннаго стремленія литературы къ сознанію народности, и измѣряетъ онъ значеніе литературныхъ явленій. Онъ различаетъ отношенія косвенное и прямое: въ косвенномъ поэтъ смотритъ на жизнь сквозь призму идеаловъ, внѣ ея лежаныхъ; въ прямомъ — созерцаетъ идеалы, присущіе самой жизни. Первое отношеніе порождаетъ отрицаніе дѣйствительности, разладъ съ нею; второе даетъ примиреніе съ жизнью, ясное уразумѣніе ея смысла. Творчество каждаго поэта сообщаетъ намъ новыя откровенія о народной жизни, о ея типовыхъ особенностяхъ, иначе—выговариваетъ *новое слово*... Значеніе этого термина Григорьевъ долго держалъ подъ великимъ секретомъ, ключъ отъ котораго носилъ, такъ сказать, при себѣ въ карманѣ, что частію производило недоумѣніе, а частію вызывало насмѣшки надъ творцемъ таинственнаго термина. Наконецъ, въ 1855 году, объявилась тайна неожиданнымъ образомъ: оказалось, что *новое слово* есть самое старое слово—народность (стр. 119), къ которой поэзія становится въ прогрессивно-вѣрнѣйшія отношенія; такъ напримѣръ, „словомъ“ Гоголя было выставить пошлость пошлаго человѣка, уничтожить самообольщеніе, привести насъ къ полному христіанскому сознанію (стр. 15). Начало прямыхъ отношеній русской поэзіи къ дѣйствительности Григорьевъ ведетъ отъ взгляда на жизнь Ивана Пет-

ровича Бѣлкина (стр. 228), то-есть, отъ повѣстей Пушкина, изданныхъ въ 1830 г. подъ псевдонимомъ Бѣлкина. Въ драмахъ Островскаго прямое отношеніе, по убѣжденію Григорьева, достигло высшей ступени, благодаря коренному русскому міросозерцанію, здоровому и спокойному, юмористическому безъ болѣзненности (стр. 63). „Новое слово“ Островскаго есть отношеніе къ русской жизни „прямое, непосредственное. ровное, человѣчное, съ религіознымъ культomъ существенно-народнаго“. Я нахожу такую характеристику „новаго слова“ неопредѣленною. Чтo разумѣть подъ совершенною непосредственностью отношенія поэта къ жизни? То ли, чтo разумѣлъ Алмазовъ, представляя себѣ идеальнаго поэта, который изображаетъ человѣка совершенно объективно, совершенно - искренно, *математически* (!)-вѣрно дѣйствительности? Но тогда мы вмѣсто художественнаго воспроизведенія получили бы дагерротипный портретъ, фотографическую карточку. Самъ Григорьевъ говоритъ, что абсолютная непосредственность въ наше время невозможна. Чтo же возможно? За отвѣтъ на этотъ вопросъ можно принять слѣдующія строки на стр. 58: „Тотъ только истинный художникъ въ наше время, кто, установивши возможное равновѣсіе идеала и дѣйствительности въ душѣ, относится къ дѣйствительности во имя вѣчныхъ и разумныхъ требованій идеала, ищетъ разрѣшенія благородныхъ, возвышенныхъ задачъ, хотя съ другой стороны—вглядывается пристально въ дѣйствительность, воздастъ должную справедливость ея разумнымъ законамъ, умѣетъ отличить въ ней самобытное, коренное отъ прищлаго или наноснаго“. Все это слишкомъ обще. Было бы желательно видѣть яснѣе, почему критикъ придаетъ такую высокую цѣну слову Островскаго, то-есть, его драмамъ. Конечно, стремленія нашего времени направляются къ найдѣйствительнѣйшему, наиболѣе наглядному представленію простѣйшей, ежедневнѣйшей дѣйствительности (стр. 309); но независимо тѣхъ или другихъ отношеній къ дѣйствительности, необходимо принимать въ соображеніе и степень поэтическаго таланта. Съ одной и той же точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ иной талантъ прозрѣваетъ въ него глубже и открываетъ въ немъ больше, иной прозрѣваетъ мельче и видитъ меньше. Нѣтъ спора, что комедіи Островскаго — очень замѣчательный фактъ нашей драматической поэзіи, но съ другой стороны безспорно и то, что своимъ успѣхомъ онѣ много одолжены превосходному ихъ исполненію на Московской сценѣ. На сценѣ Александринскаго театра, при отсутствіи въ настоящее время талантливыхъ артистовъ, нѣтъ

желанія смотрѣть эти комедіи. Какое впечатлѣніе производятъ онѣ независимо отъ сценической постановки, именно въ чтеніи? Такое ли, какъ „Горе отъ ума“ и „Ревизоръ“, или не такое? Вотъ вопросъ, на который пусть отвѣтятъ читатели. По моему мнѣнію, драма, которая *всегда* читается съ большимъ удовольствіемъ, охотно, выше той драмы, которая, при артистическомъ ея выполненіи, всегда смотрится съ удовольствіемъ, но *не всегда* охотно читается. Къ драмамъ перваго рода принадлежатъ драмы Шекспира, къ которымъ приравнять или выше которыхъ ставить комедіи Островскаго, какъ это сдѣлалъ Алмазовъ (Соч. Григ., I, стр. 471)—забавно и по малой мѣрѣ преждевременно: надо подождать суда исторіи. Прибавлю къ этому, что тѣ непосредственныя, прямыя, гуманныя отношенія къ дѣйствительности, за которыя такъ восхваляется Островскій, могутъ, однакожъ, быть толкуемы и въ смыслѣ отрицательномъ, совершенно противоположномъ тому, въ какомъ ихъ понималъ Григорьевъ, какъ мы и видимъ въ статьѣ Добролюбова о произведеніяхъ Островскаго.

Впрочемъ, можно не соглашаться съ Григорьевымъ, можно съ нимъ спорить о томъ или другомъ, но нельзя не отнестись къ его критической дѣятельности съ уваженіемъ, какъ къ дѣятельности челоуѣка мыслящаго, знающаго и честно обращающагося съ своими мыслями и знаніями. На произведенія искусства смотрѣлъ онъ независимо позднѣйшихъ, современныхъ ему критиковъ: онъ не подчинился реализму, не пошелъ въ походъ противъ поэзіи. На самаго Бѣлинскаго не побоялся онъ взглянуть такъ, какъ другіе не рѣшались бы глядѣть: при всемъ сознаніи его заслугъ, онъ указалъ и недостатокъ его критики. Всѣ сочиненія, вышедшія въ свѣтъ по смерти Бѣлинскаго, разсматривались имъ обстоятельно: не говорю ужъ объ Островскомъ, который нашелъ въ немъ какъ бы присяжнаго истолкователя. Онъ вѣрно изложилъ сущность трехъ категорій произведеній, явившихся послѣ Гоголя. И. С. Тургеневъ, прочитавъ разборъ „Дворянскаго гнѣзда“, призналъ за своимъ критикомъ талантъ съ новымъ направленіемъ. Подъ приговорами Григорьева о Лермонтовѣ, Гончаровѣ, Писемскомъ, Некрасовѣ нельзя не приложить руки; по крайней мѣрѣ я прикладываю руку. Заключу тѣмъ, съ чего началъ мой отчетъ: собраніе критическихъ статей А. Григорьева составляетъ вѣскій вкладъ къ литературу нашей критики, заключаая въ себѣ немалый матеріалъ, который, съ одной стороны, увеличиваетъ число эстетическихъ понятій, а съ другой — опредѣленіями дѣятель-

ности Пушкина, Гоголя, Лермонтова и другихъ писателей, имѣетъ право войдти и несомнѣнно войдетъ въ исторію нашей словесности.

А. Галаховъ.

Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 годъ. Составилъ Григорій Геннаді. Томъ первый: А—Е. Берлинъ. 1876.

Книга, заглавіе которой приведено выше, вызвана неудовлетворительнымъ состояніемъ нашей библіографіи. Последнее обстоятельство всѣмъ хорошо извѣстно, и потому каждый согласится съ тѣмъ, что говорить по этому поводу г. Геннаді, какъ бы желая оправдать появленіе въ свѣтъ своего труда. Цѣль послѣдняго состоитъ въ томъ, чтобы собрать главнѣйшія и нужнѣйшія данныя по русской библіографіи, дать въ сжатомъ видѣ справочную книгу, въ которой можно было бы найдти краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и книгахъ, и указать источники и матеріалы болѣе подробныхъ о нихъ свѣдѣній. Имѣя такую цѣль, г. Геннаді предпринялъ на широкихъ основаціяхъ составить словарь русскихъ писателей и ученыхъ за два столѣтія съ возможно полными и обработанными біографіями, но скоро, конечно, убѣдился, что такая работа не по силамъ одному человеку. Предоставивъ рѣшеніе этой задачи будущему, г. Геннаді захотѣлъ прежде удовлетворить насущной потребности, ограничившись само-нужнѣйшими краткими указаціями и сузивъ размѣры труда до возможной сжатости, чтобы скорѣе окончить и издать его.

Взглянемъ же на основныя черты его плана.

Въ Словарь вошли имена умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ русскихъ писателей и ученыхъ, о которыхъ составитель имѣлъ свѣдѣнія до 1874 года. Относительно тѣхъ, о которыхъ не имѣлось некрологическихъ свѣдѣній, заключительною гравью взяты 1825 годъ. Кромѣ умершихъ, помѣщены и находящіеся въ живыхъ, но такіе, которые начали печатать до 1825 года, какъ напримѣръ, Ѳ. Н. Глинка. Слово „русскій“ принято въ обширномъ смыслѣ. „Исключивъ“, говоритъ г. Геннаді, — „авторовъ русско-польскихъ, армянскихъ, латышскихъ и т. п., печатавшихъ въ Россіи, потому что мнѣ незнакомы ихъ языкъ и литературы, и упомянувъ только нѣкоторыхъ жившихъ и печатавшихъ въ Россіи писателей изъ уроженцевъ Прибалтійскихъ губерній, потому что для нихъ есть уже обширный *Schriftsteller-Lexicon* Рекке и Напьерскаго, — я помѣщалъ всѣхъ печатавшихъ на русскомъ, или въ

Россіи, даже иностранцевъ, если они служили въ Россіи или были русскими подданными. Также помѣщены ученые, ничего не печатавшіе, но служившіе въ русскихъ ученыхъ или учебныхъ учрежденіяхъ. Таковы: педагоги, натуралисты, инженеры, вообще принадлежащіе къ сословію ученыхъ, медики, профессора, ректоры и префекты семинарій, которые почти всегда и преподаватели. Кромѣ того, я помѣстилъ нѣсколько лицъ потому, что они участвовали въ развитіи нашего просвѣщенія и литературы своею службой и вліяніемъ (министры народнаго просвѣщенія, президенты академіи наукъ и т. п.), или своею издательскою дѣятельностью (напримѣръ П. П. Бекетовъ, П. В. Голубковъ, и др.), наконецъ своимъ меценатствомъ и научными коллекціями и бібліотеками (А. С. Власовъ, Демидовы, Т. Ѳ. Большаковъ и т. п.)⁴. Сверхъ того, тутъ же помѣщенъ каталогъ книгъ съ 1725 по 1825 годъ.

Таковъ суженный планъ словаря, но и въ этомъ видѣ онъ представляется предпріятіемъ весьма обширнымъ. Это скорѣе энциклопедія исторіи просвѣщенія въ Россіи, чѣмъ специальный словарь писателей и ученыхъ. Предшествовавшія явленія въ этомъ родѣ, какъ напримѣръ, Опытъ историческаго словаря Н. И. Новикова, Словарь митрополита Евгенія, Обзоръ русской духовной литературы Филарета Черниговскаго не могутъ и сравниться съ трудомъ г. Геннади по обширности плана. Это качество новаго Справочнаго словаря составляетъ и его достоинство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его недостатокъ. Чѣмъ шире планъ словаря, тѣмъ больше найдется людей, которые будутъ нуждаться въ немъ. Но за то составителю его труднѣе будетъ удовлетворить всѣхъ полнотою и точностію свѣдѣній.

Не касаясь области естествознанія, медицины, архитектуры и т. п., мы разсмотримъ словарь г. Геннади главнымъ образомъ со стороны словесности и исторіи. Въ этихъ отдѣлахъ, при первомъ знакомствѣ съ книгою г. Геннади, мы замѣтили не мало разнаго рода недостатковъ. Чтобы не быть голословными, укажемъ на факты. Такъ, мы вовсе не нашли въ словарѣ слѣдующихъ имей:

Анатолій, епископъ Могилевскій и Мстиславскій († 1872 г.), хотя свѣдѣнія о немъ напечатаны г. Геннади въ *Русскомъ Архивѣ* 1872 г., № 12, стр. 1095.

Ардымскій—псевдонимъ Ф. Ф. Вигеля. За этою подписью есть его статья: „Свѣтопись“ въ сборникѣ Н. В. Сушкова: *Раутъ* 1854 г., стр. 31 (см. Московскій университетскій благородный пансіонъ—*Н. В. Сушкова*. М. 1858 г., стр. 14).

Борковский, Константинъ, авторъ „Торжественнаго Слова“ М. 1762 г. ¹⁾.

Волковъ. Насчитывая 14 Волковыхъ, г. Геннадіи пропустилъ между ними одного очень виднаго: Димитрія Васильевича (1718—1785), тайнаго секретаря императора Петра Фодоровича. Въ литературѣ этотъ Волковъ извѣстенъ какъ переводчикъ VI, X, XI, и XII главъ Мармонтелева „Велизарія“ ²⁾ и авторъ пяти-актной комедіи: „Воспитаніе“ М. 1774 г. (*Сопиковъ*, № 5320). ³⁾ Это произведеніе повторено впрочемъ въ словарѣ г. Геннадіи два раза—на стр. 167 подъ именемъ Волковъ, и на стр. 168, подъ именемъ: Волковъ Д. О Д. В. Волковъ есть статья *С. А. Рудаковой* въ *Русской Старинѣ* 1874 года, т. IX, стр. 163—174. Письмо его къ Г. Г. Орлову помѣщено въ томъ же изданіи, т. XI, стр. 479. Два другихъ письма къ тому же лицу напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* 1874 г. № 8, стр. 336—346.

Грузиновъ, Осипъ Петровичъ. Покойный М. Н. Лонгиновъ замѣчаетъ объ немъ по поводу одного стихотворенія М. Ю. Лермонтова, что оно написано къ умершему О. П. Грузинову, автору нелѣпнѣйшихъ стихотвореній, изданныхъ въ Москвѣ въ 1830 году подъ названіемъ; „Цѣвница“ ⁴⁾. Кроме того, Грузинову же принадлежатъ: „Были и повѣсти“ М. 1840 г. и „Мечты и звуки поэзіи“. М. 1842 г.

Даниловскій Н. Ему принадлежитъ: „Даира, восточная повѣсть“, переводъ съ французскаго языка, выдержавшая два изданія: М. 1766 и 1794 ⁵⁾. У Сопикова она значится подъ №№ 3071—3072, имя переводчика означено Н. Дан.... Также обозначено оно и въ Словарѣ г. Геннадіи.

Ефимовичъ, Кондратій Дмитріевичъ, артиллерійскій поручикъ († 1847), авторъ драмъ: Владиміръ Заревскій, въ 5 д. С-Пб. 1846 г. ⁶⁾, Отставной музыкантъ и княгиня, Вертеръ и Шарлота, Кощей и др. Кроме того, Ефимовичъ участвовалъ въ *Иллюстраціи* и *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ писалъ критическія статьи о театрѣ. О немъ см. не-

¹⁾ Новиковъ и московскіе Мартинисты—*М. Н. Лонгинова*, М. 1867 г., стр. 052.

²⁾ Исторія русской словесности *Галахова*, т. I стр. 445.

³⁾ *Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. Ак. наукъ*, т. XI, № 1, стр. 37, статья *М. Н. Лонгинова*: «Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ 1749—1774 гг.».

⁴⁾ *Русская Старина*, т. VII стр. 300.

⁵⁾ Утро, литературный и политическій сборникъ, изд. *М. Н. Погодимымъ*, М., 1866 г., стр. 432: «Примѣч. къ ст. о дѣтствѣ Карамзина».

⁶⁾ У *Межова* въ Сист. каталогѣ книгъ Бауновъ она значится подъ № 10941 безъ имени автора.

хронологи—въ *Финскомъ Вѣстникѣ* 1847 г., т. XXIII, въ отдѣлѣ Смѣси, и въ *Репертуарѣ* и *Пантеонѣ* того же года, т. XI.

Неизвѣстно, на какомъ основаніи не помѣщены также нѣкоторые писатели, умершіе въ 1873 году, краткія свѣдѣнія о которыхъ напечатаны г. Геннади въ *Русскомъ Архивѣ* 1875 г. № 12. Такимъ образомъ не находимъ въ словарѣ: В. Г. Бенедиктова, Варлаама архіепископа Черниговскаго, А. М. Волкова и И. Д. Галанина. Изъ педагоговъ мы замѣтили пропущеннымъ Дикаго, о которомъ есть цѣлая особая книга: Андрей Ивановичъ Дикій, Кіевъ, 1870 г. — Здѣсь находятся: біографическія свѣдѣнія о Дикомъ, сочиненія, оставшіяся послѣ кончины его, и переписка. Въ концѣ книги приложены рѣчи, произнесенныя надъ гробомъ покойнаго.

Кромѣ полноты перечня писателей, весьма трудною задачею біографіи является вѣрное распредѣленіе сочиненій между авторами однофамильцами. Иногда къ сходству фамиліи присоединяется и одинаковость именъ. Какъ трудно, на примѣръ, надлежащимъ образомъ распредѣлить произведенія двухъ Григорьевыхъ: оба Петры, оба актеры и почти современники. Очень легко спутать имена и приписать одному произведенія другаго. И такого рода ошибки мы замѣтили въ *Справочномъ Словарѣ* г. Геннади. „Эротическія стихотворенія“ принадлежащія князю Григорію Гагарину, приписаны его однофамильцу князю Гавріилу. Очевидно, здѣсь повторяется ошибка В. Г. Апастаневича въ составленной имъ *Смирдинской росписи*. Но въ первыхъ, уже Н. В. Сушковъ ¹⁾ приписываетъ эти стихотворенія князю Григорію, въ вторыхъ, послѣдній извѣстенъ писаніемъ стиховъ, а князь Гавріилъ, сколько извѣстно, не писалъ ихъ, исключалъ сочиненной имъ себѣ эпитафій, которая напечатана въ *Словарѣ* достопамятныхъ людей *Д. И. Бантышъ-Каменскаго*, т. II, 1836 г. стр. 6; третьихъ, „Эротическія стихотворенія“ противорѣчатъ общему характеру трудовъ князя Гавріила: онъ сочинялъ акаѣсты, службы святымъ и нравственныя разсужденія. Кстати скажемъ здѣсь и о хронологіи. Годъ смерти князя Гавріила Гагарина у г. Геннади показанъ 1807, а годъ рожденія не показанъ вовсе. Въ *Россійской же Родословной книгѣ* князя *П. В. Долгорукова*, часть I, стр. 245, находимъ, что онъ родился 9-го января 1745 г., а умеръ 19-го января 1808 г. При имени князя Григорія Гагарина не указано отчество его: Ивановичъ и ни одной статьи о немъ. Изъ вышеназванной книги Н. В. Сушкова знаемъ, что этотъ Гагаринъ

¹⁾ Московскій университетскій благородный пансіонъ. М. 1858, стр. 78.

былъ воспитанникомъ Московскаго университета и почетнымъ членомъ (безъ прозвища) Арзамасскаго общества. Извѣстно также, что князь Григорій Ивановичъ принималъ участіе въ журналахъ: *Пріятное и полезное препровожденіе времени* и *Утренняя Заря*. Вообще, сколько мы замѣтили, г. Геннади рѣдко пользуется книгою Сушкова, важною по сообщаемымъ въ ней свѣдѣніямъ; то же можно сказать и про Росс. Родословную книгу кн. П. В. Долгорукова. Въ ней, на примѣръ, сказано ¹⁾: Князь Павелъ Сергѣевичъ (Гагаринъ), генераль-поручикъ, родился 13-го іюня 1747 г., умеръ 2-го декабря 1789 г., а у г. Геннади мы находимъ: Гагаринъ князь Павелъ, и болѣе ничего. Прибавимъ еще, что упомянутый князь печаталъ свои произведенія въ *Чтеніяхъ для вкуса* и въ *Донудахъ*.

Относительно Гагарина, означеннаго въ Справочномъ словарѣ буквами: П. Г., авторъ „Тридцати дней“, замѣтимъ, что это никто иной, какъ сынъ князя Гавріила Петровича, Павелъ Гавриловичъ, генераль-адъютантъ, родившійся 8-го января 1777 года, умершій 2-го апрѣля 1850 года ²⁾, и о которомъ говорится въ Словарѣ *Балтійско-Камнскаго* (изд. 1836 г., часть II, стр. 6—7, въ запискахъ Н. И. Греча (*Русск. Архивъ* 1873 г., № 5, стр. 687) и въ „Старой записной книжкѣ, начатой въ 1813 г.“ (*Русскій Архивъ* 1875 года, № 2, стр. 202).

Что касается перечня отдѣльно изданныхъ сочиненій авторовъ, упоминаемыхъ въ Справочномъ словарѣ, то мы нашли здѣсь также не мало пропусковъ и недомолвокъ. Уважемъ для примѣра на слѣдующія:

Въ статьѣ объ *В. Е. Ададуровѣ* не сказано, что вторая часть Эйлерова руководства въ Ариѳметикѣ вышла въ 1760 году ³⁾.

Въ перечнѣ трудовъ *М. И. Антоновскаго* не указаны: Пѣснь о избавленіи Сербіи; соч. въ Бѣлѣградѣ, на русскомъ и сербскомъ языкахъ. С.-Пб. 1806 г. (*Сопиковъ*, № 9378 безъ имени автора). Опытъ историческаго доказательства о происхожденіи Россіянъ отъ Аратцовъ, какъ отъ перваго народа послѣ всемірнаго потопа, соч. *Г. Драмеля*. Перев. съ франц. яз. С.-Пб. 1785 г. (*Смирдинъ*, № 2634 безъ имени переводчика). Кромѣ того, Антоновскій въ 1782 году былъ главнымъ издателемъ *Вечерней Зари* ¹⁾.

¹⁾ Росс. родословная книга, т. I, стр. 243.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 217.

³⁾ *Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. Ак. наукъ*, т. XIV, стр. 426, № 69.

⁴⁾ 1-е акад. изд. сочиненій Державина, т. V, стр. 437.

П. Н. Арановъ, кромѣ поименованныхъ г. Геннади сочиненій, издалъ вмѣстѣ съ *Д. Номиковымъ* литературно-музыкальный альманахъ *Радуу* на 1830 годъ, (Реестръ русскимъ книгамъ *И. Глазунова*. С.-Пб. 1845, № 5146).

Барковъ, авторъ „Мира героев“, „Житія князя А. Кантемира“ и пр. (по отчеству Семеновичъ, а не Ивановичъ). При немъ не означена книга: Сочиненія и переводы И. С. Баркова съ биографическимъ очеркомъ автора. С.-Пб. 1872 г.

Батюшковъ К. Н. Въ числѣ его трудовъ мы не нашли „Прогулки по Москвѣ“ (*Русскій Архивъ* 1869 г., стр. 1191), хотя г. Геннади перечисляетъ произведенія Батюшкова, напечатанныя въ другихъ журналахъ. Нѣтъ также „Рѣчи митрополита Платона“ въ переводѣ на франц. языкъ. С.-Пб. 1801 г. ¹⁾ Перечисляя изданія, гдѣ напечатаны произведенія Батюшкова, г. Геннади не упоминаетъ *Цѣтника*, гдѣ находится множество стихотвореній нашего поэта безъ подписи, или съ подписью: 1. 12., *Сѣвернаго Вѣстника*, *Драматическаго Вѣстника*, гдѣ Батюшкову принадлежатъ произведенія за подписью NNN, и *Полярной Звѣзды* 1825 г., гдѣ есть „Цвѣты изъ греческой аналогіи“ съ тремя звѣздочками вмѣсто подписи.

Бутовскій И. Г. Его переводъ „Исторіи крестовыхъ походовъ“, соч. *Мишо*, вышелъ вторымъ изданіемъ въ 1841 г. С.-Пб. 5 частей.

Гмизка Ѡ. Н. Пропущена брошюра въ стихахъ: „Москвѣ благотворительной“, М. 1841.

Гоголь Н. В. Римъ, отрывокъ. М. 1842 г.

Вознесенскій, Е. М. священникъ. Воспоминанія о путешествіяхъ Высочайшихъ особъ, благополучно царствующаго Императорскаго дома Романовыхъ, въ предѣлахъ Костромской губерніи, въ XVII, XVIII и текущемъ столѣтіи. Кострома, 1859 г.

Волковъ Ѡ. Г. Въ числѣ трудовъ, приписываемыхъ ему, г. Геннади не упоминаетъ о переводѣ комедіи Мольера: „Сицилианецъ“ ²⁾ въ 1 д. С.-Пб. 1766 г. (*Сопиковъ*, № 5613 безъ имени переводчика).

Вороновъ Е. И. Перевелъ съ французскаго Исторію музыки соч. *Штафффорда* съ примѣчаніями, поправками и прибавленіями *Фетиса*. С.-Пб. 1838 г. (*Олжичъ* № 3629).

Гаврииль, архіепископъ (Василій Розановъ). Въ числѣ его произведеній не упомянуты: Слова поучительныя. С.-Пб. 1821 (*Смирдинъ*,

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1867 г., стр. 1348.

²⁾ Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. Академ. наукъ, т. XI, стр. 24.

№ 504) и Слово на день св. Александра Невского С.-Пб. 1825 (тѣмъ же, № 553).

Гнѣдичъ Н. И. Разсужденіе о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности. Читано 2-го января 1814 г. въ торжественномъ собраніи Импер. публичной библиотеки по случаю ея открытія. Напечатано въ описаніи этого открытія (*Смирдинъ*, № 2751) и отдѣльно ¹⁾. Кстати было бы упомянуть, что Гнѣдичъ писалъ подъ псевдонимомъ: „Житель Тентелевой деревни“ ²⁾. (*Сынъ Отечества* 1816 г. № 27, статья: „О вольномъ переводѣ Бюргеровой баллады Ленора“) и издалъ въ 1822 году „Кавказскій Плѣнникъ“ Пушкина и „Шильонскій узникъ“ Жуковского ³⁾.

Городчаниновъ Г. Н. Выписываемъ полное заглавіе рѣдкой брошюры, не упомянутой г. Геннади: Опытъ риторическаго разбора одной строфы изъ седьмой торжественной оды г. Ломоносова, сдѣланной кол. ас. Г. Городчаниновымъ при назначеніи его въ званіе адъюнктъ-профессора российской словесности въ Импер. Казанскій Университетъ. С.-Пб. 1806.

Грамматикъ Н. Ѳ. Не указано изданіе его стихотвореній. С.-Пб. 1829 г. 2 части (Реестръ русскимъ книгамъ *И. Глазунова*. С.-Пб. 1845 г., № 6142).

Грековъ Н. П. Ролла, поэма *А. Мюссе*. М. 1864 г.

Грибовскій А. М. Собраніе разныхъ полученныхъ отъ главнокомандующихъ арміями и флотами ко двору донесеній, съ подлинниковъ присылаемыхъ въ Академію наукъ для напечатанія при вѣдомостяхъ; 2 ч. С.-Пб. 1789—1791 г. (*Сопиковъ*, № 10988 безъ имени автора) ⁴⁾.

Дамаскинъ (Семеновъ-Рудневъ). Слово въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, и на всерадостное тезоименитство Его Имп. Высоч. благов. государя цесаревича и вел. князя Павла Петровича и т. д. М. 1783 г. ⁵⁾

Дивовъ П. Г. Рѣчь, говоренная предъ совѣтомъ въ публичномъ собраніи при выпускѣ кадетовъ изъ корпуса 1785 года февраля 18-го дня.

¹⁾ *Галаховъ*, Исторія русской словесности, т. II, стр. 267.

²⁾ *Галаховъ*, Истор. Христоматія, т. I, стр. 563.

³⁾ *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 1177.

⁴⁾ *Галаховъ*, Истор. христоматія, т. I, стр. 563.

⁵⁾ Полное заглавіе см. въ Матеріалахъ для бібліографіи *Я. Березина-Щиряева*, книга VIII, стр. 21.

Долгоруковъ, князь *Ал. Ив.* Не указано изданіе сочиненій его въ прозѣ и стихахъ съ портретомъ автора, 3 тома, М. 1859 г.

Долгоруковъ, князь *П. В.* Россійская родословная книга, 4 части. С.-Пб. 1854—1857 г.

Евгеній Болховитиновъ. Краткій словарь славянскій. С.-Пб. 1784 г. (*Смирдинъ*, № 5944). — Историческое, географическое и экономическое описаніе Воронежской губерніи. Воронежъ 1800 г. (тамъ же, № 3672).

Екатерина II. Обидагъ, восточная повѣсть на нѣмецкомъ языкѣ; русскій переводъ Семена Ивановича Великаго. С.-Пб. 1787 г. у *Сопикова*, № 6942, ни авторъ, ни переводчикъ не указаны. См. *Русскій Архивъ* 1871 г., № 7 и 8, стр. 1271).

Екимовъ П. Храмъ древности и т. д. перев. на рос. языкъ, въ С.-Петербургѣ. 1771 г. (полное заглавіе см. въ Матеріалахъ для библиографіи *Я. Березина-Ширяева*, книга VIII, стр. 42—43). Въ каталогахъ не указано имени переводчика; оно открывается изъ *С.-Пб. ученыхъ вѣдомостей* 1777 г., по изданію *А. П. Неустрова*, стр. 34.

Ешевскій С. В. Не указаны Сочиненія его, изданныя въ трехъ частяхъ *К. Солдатенковымъ*, М. 1870 г. съ біографическою статьею, составленною *К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ*.

Мы привели такъ много примѣровъ столько же изъ желанія подкрѣпить наши слова, сколько и во исполненіе просьбы г. Геннади, выраженной имъ въ предисловіи къ Справочному Словарю. Но желая остаться въ предѣлахъ рецензій, мы ограничились только болѣе важнымъ.

Перечисляя сочиненія писателей и ученыхъ, г. Геннади прекрасно сдѣлалъ, включивъ сюда же и переписку. Указываются не только отдѣльно изданные сборники писемъ, но и письма, разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію указанія Справочнаго Словаря въ этомъ случаѣ совершенно случайны. Напримѣръ, указывается письмо *К. Н. Батюшкова* къ *К. А. Карамзиной*, напечатанное въ *Утрѣ* Погодина 1866 г., а письмо къ *Н. М. Карамзину*, напечатанное тамъ же не указано. Также пропущены письма *Батюшкова* къ *М. Н. Загоскину* (*Раутъ*, часть III, стр. 314), къ *В. А. Жуковскому* (*Русскій Архивъ* 1870 г., стр. 1711, и 1875 г. № 11, стр. 343), къ *И. М. Муравьеву-Апостолу* (напечатано какъ приложение къ книгѣ *М. Н. Муравьева*: „Обитатель предмѣстья“, С.-Пб. 1815), къ *Н. О. Грамматику* (*Библиогр. Записки* 1859 г., № 11). Въ перепискѣ *Н. И. Гюндича* мы не нашли его писемъ къ *В. К. Бюхельбегеру* (*Русская Старина*, т. XIII.

стр. 358), къ Г. Р. Державину (1-е акад. изданіе сочиненій послѣд-
нлаго, т. VI. 201. 202), къ М. Н. Загоскину (*Раутъ*, часть III, стр.
297, 299, 301), къ В. А. Жуковскому (*Русскій Архивъ* 1875 г., № 11,
стр. 364). Изъ писемъ *Е. Р. Дашковой* не указаны: къ Г. Р. Дер-
жавину (1-е акад. изданіе сочиненій его, т. V, стр. 534 — 562), къ
императору Павлу Петровичу (*Русскій Архивъ* 1871 г., № 9, стр. 1486),
къ П. С. Потембину (*Русскій Архивъ* 1875 г., № 2, стр. 195). Осо-
бенно много пропусковъ мы замѣтили въ перепискѣ *И. И. Дмитріева*
и митрополита *Евгенія*. Въ статьѣ о первомъ не указаны письма его
къ А. Х. Востокову (*Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. Ак. наукъ*,
т. V, вып. 2, стр. XXIII), къ Д. И. Языкову (тамъ же, стр. XVIII),
къ М. Н. Загоскину (*Раутъ*, часть III, стр. 315), къ В. А. Жуков-
скому (*Русскій Архивъ* 1870 г., стр. 1691 и 1871 г., № 3, стр. 409),
къ А. И. Тургеневу (*Русскій Архивъ* 1871 г., № 3, стр. 428) и къ
Г. Р. Державину (1-е акад. изд. его соч., т. VI, стр. 372). Изъ пи-
семъ митрополита *Евгенія* не упомянуты: два письма его къ графу
Д. И. Хвостову (*Библиогр. Записки* 1859 г., № 8), множество пи-
семъ къ Г. Р. Державину (1-е акад. изд. соч. его, т. VI, стр. 170,
185, 186, 197, 262, 312, 321, 345, 347, 394) письмо Евгенія изъ
Тифлиса (*Другъ Простецкскія*, 1805 г., т. I, 30), выдержки изъ дру-
жескихъ писемъ къ В. И. Македонцу (*Русск. Архивъ* 1870 г., стр. 769),
письмо къ епископу Пароенію (тамъ же 1875 г., № 11, стр. 315).—
Нѣтъ въ Словарѣ и писемъ *А. И. Ермолаева* къ митрополиту Евгенію
(*Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. Ак. наукъ*, т. V., вып. I, стр. 238,
241. 244) и къ А. Х. Востокову (тамъ же, вып. II, стр. 25, 34, 85,
93, 251 и III). При имени *А. П. Ермолова* не упоминается о пере-
пискѣ его съ разными лицами, напечатанный въ *Русской Старинѣ*,
т. V, стр. 431; т. VI, стр. 290, 493, 501, 538, т. VII, стр. 95.

Свѣдѣнія, которыя мы находимъ о лицахъ, появившихъ въ Сира-
вочный словарь г. Геннади, весьма сжаты, сухи и ограничиваются
преимущественно хронологическими и офиціальными данными. О
личностяхъ извѣстныхъ, напимѣрь, Державинѣ, Дашковой и т. п.
сказано, разумѣется, больше; о другихъ—меньше; иногда, какъ выше
мы видѣли, напимѣрь, Павлѣ Гагаринѣ, ничего не сказано. При-
чину этому мы уже знаемъ. Тѣмъ дороже должны быть при этомъ
указанія на статьи, въ которыхъ находятся болѣе подробныя свѣдѣнія,
а иногда и обработанныя біографіи писателей и ученыхъ. Но на эту
сторону труда обращено, кажется, всего меньше вниманія. По край-
ней мѣрѣ мы встрѣтили здѣсь больше всего неполноты. Оставляя въ

сторонѣ источники, въ которыхъ находятся случайныя и краткія свѣдѣнія о лицахъ, каковы, напримѣръ, различные мемуары, письма и т. п., мы, чтобъ ограничить предѣлы нашей статьи, укажемъ на слѣдующія:

Аврамовъ, М. П. О немъ: Посошковъ и Аврамовъ въ *Библиотекъ для Чтенія* 1864 г., февраль.

Анненковъ, Н. Н. О немъ: Генераль-адъютантъ Н. Н. Анненковъ, очеркъ служебной дѣятельности. С.-Пб. 1862 г.

Бахтинъ, И. И. (1756—1818). Въ *Русской Старинѣ* т. I, стр. 132, есть замѣтка о немъ г. Семеваго.

Болотовъ, А. Т. Пропущена статья *М. П. Болотова*: „А. Т. Болотовъ. Воспоминаніе о послѣднихъ годахъ его жизни“ (*Русская Старина*, т. VIII, стр. 738).

Гавриилъ (Петровъ), митрополитъ С.-Петербургскій. Матеріалы для его біографіи, собранныя и объясненныя *Н. И. Григоровичемъ* (*Русскій Архивъ* 1869 г., стр. 1569).

Гамалья, С. И. О немъ статья *Н. Рябова*: Еще нѣсколько свѣдѣній о Н. И. Новиковѣ и С. Гамалѣѣ (*Библиогр. Записки* 1858 г. № 3).

Глотовъ, А. Я. О немъ см. *Отечеств. Записки* 1820 г., часть III № 5, стр. 36.

Добролюбовъ, Н. А. Не указана критическая статья г. *Зарина* въ *Библиотекъ для чтенія* 1862 г., июль.

Грибоѣдовъ, А. С. Статья *П. А. Каратыгина*: А. С. Грибоѣдовъ. (*Русская Старина*, т. V, стр. 423).

Даль, В. И. См. воспоминаніе о немъ съ извлеченіями изъ его писемъ, *Я. К. Грота* (*Сборникъ отд. русск. яз. и словесн.*, т. X).

Ермоловъ А. П. Не указаны статьи о немъ въ *Русской Старинѣ*, т. VI, стр. 475 и 539, а также въ *Русскомъ Архивѣ* 1872 г., № 5, стр. 985.

Повторяемъ, что мы здѣсь указываемъ только на нѣкоторыя статьи, въ заглавіи которыхъ прямо выставлено о комъ онѣ писаны, не упоминая о тѣхъ, гдѣ говорится о комъ-нибудь изъ писателей подъ другимъ заглавіемъ. Такъ объ И. И. Вецкомъ сообщается много интереснаго въ памятныхъ запискахъ Г. И. Ржевской (*Русскій Архивъ* 1871 г., № 1, стр. 14). Выше, говоря о пропускахъ въ перечнѣ сочиненій писателей, мы упоминали вмѣстѣ съ тѣмъ и о пропускахъ ихъ біографій, напримѣръ, С. В. Ешевскаго. Еще нѣсколько

пропусковъ въ этомъ родѣ намъ прійдется указать ниже, по другому поводу.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о той части Справочнаго словаря, гдѣ говорится о книгахъ за время съ 1725 по 1825 г. Включая ихъ въ свой Словарь, составитель его руководствовался между прочимъ очень счастливою мыслию, что со временемъ объяснятся многіе анонимы, псевдонимы и сокращенія. Но для этого необходима провѣрка по самымъ книгамъ. Положиться же на каталоги, въ которыхъ не соблюдается необходимая библиографическая точность, невозможно. Г. Геннади, въ предисловіи къ своему труду, указываетъ на примѣры разнорѣчій, недомолвокъ и ошибокъ каталоговъ. Приведемъ еще одинъ примѣръ, который попался намъ на глаза при бѣгломъ просмотрѣ этой части Справочнаго словаря. На стр. 180 помѣщена книга: Всеволодъ и Велеслава, происшествіе, сохранившееся въ письмахъ. С.-Пб., 1807 г., 12°. Заглавіе, очевидно списанное съ какого-нибудь каталога (*Соп.*, № 2586, *Смрд.*, № 8353). Точное заглавіе книги таково: Всеволодъ и Велеслава; происшествіе, сохранившееся въ письмахъ 30 е. 8 а. 7 в. 4 с. d + 70 в. 50 а. 30 е. 29 с. 8 в. 8 г. f + 400 в. 100 с. в. 40 а. 10 f. 5 г. 2 h. 2 e; въ С.-Петербургѣ. Напечатано въ Императорской типографіи, 1807 г., въ 12°, 869 стр.—Таинственный алгебраическій многочленъ не приведенъ въ каталогахъ, а изъ него, между тѣмъ, открывается имя издателя книги. По нашей догадкѣ, плюсы отдѣляютъ одно слово отъ другаго; цифры означаютъ буквы церковно-славянской азбуки; латинскія буквы означаютъ порядокъ, въ какомъ надо поставить цифры, то-есть, такъ: 8. 7. 4. 1. 30; 50. 8. 20. 70. ¹⁾ 30. 1. 8; 40. 400. 100. 1. ²⁾ 2. 10. 5. 2. Подставляя вмѣсто цифръ соответствующія имъ буквы, получимъ: издал(ъ) Николай Муравіев(ъ). Догадка наша подтверждается тѣмъ, что въ указателѣ Смирдинской росписи подъ именемъ Николая Назаровича Муравьева отмѣченъ № 8353, подъ которымъ въ каталогѣ значится указанная нами книга, но безъ имени издателя.

Такихъ мелкихъ, но необходимыхъ для библиографической полноты открытій можно было бы сдѣлать много, имѣя подъ руками или самыя книги, или точныя обозначенія ихъ.

При буквахъ, говорить г. Геннади, подъ которыми скрыты нена-

¹⁾ Въ книгѣ опечатка. Вмѣсто 70 в должно быть 70 d.

²⁾ Тоже опечатка. Вмѣсто в должно быть d.

звашіе себя авторы, взята во вниманіе послѣдняя буква. Стало быть, книга, на которой обозначены буквы: К. Ф. Б., должна быть въ Словарѣ подъ Б. К. Ф. Но мы не нашли тамъ одной книжки прошлаго столѣтія, замѣчательной между прочимъ по своей безнравственности. Это—Повѣсть забавная о двухъ Туркахъ въ бытность ихъ во Франціи. Пер. съ франц. на издвненіе (sic) К. Ф. Б. 3-е изданіе. С.-Пб. печат. въ типографіи у Ф. Меѣра 1794 г. 8°. Двѣ части подъ одной нумераціей, стр. 372 *Смирдинъ*, № 9200, *Сотиковъ*, № 8382—8385, указано 4 изданія).

Источники моего Словаря, замѣчаетъ г. Геннади, — разумѣется, очень разнообразны. Главнѣйшимъ матеріаломъ служили словари писателей и энциклопедіи, біографіи и некрологи, наконецъ—каталоги книгъ. Не касаясь вопроса о полнотѣ этихъ источниковъ, которые назвать всѣ очень трудно, укажемъ на одинъ фактъ: хотя мы, какъ сказано выше, интересовались главнымъ образомъ областію исторіи и словесности, но заглянули и въ отдѣлъ философіи. Въ статьяхъ подъ именами: А. М. Брянцевъ, архим. Гавріиль (Воскресенскій), А. И. Галичъ, Ѳ. А. Голубинскій, мы не нашли указаній на извѣстный Философскій лексиконъ г. *Гогоцкаго*, въ которомъ содержатся свѣдѣнія и о нашихъ немногихъ отечественныхъ философахъ. Такъ какъ у г. Гогоцкаго на буквы А—Е приведены только четыре вышеупомянутыя лица, то мы говоримъ съ увѣренностію, что г. Геннади не пользовался Философскимъ лексикономъ. Не можемъ такъ рѣшительно сказать про другіе источники, такъ какъ замѣтили, что иногда одни изъ нихъ указаны, а иногда — нѣтъ. Это обличаетъ отсутствіе строгой системы въ трудѣ г. Геннади. Возьмемъ для примѣра Историческую христоматію г. *Галахова*. На нее сдѣланы ссылки въ статьяхъ: К. Н. Батюшковъ, Д. В. Дашковъ, А. П. Беницкій, А. Х. Востоковъ и др., но не указаны свѣдѣнія, приводимыя г. Галаховымъ объ Августинѣ Виноградскомъ, Ѳ. Н. Глинка, А. С. Грибоѣдовъ, кн. Н. В. Долгорукой, В. Г. Барскомъ, Димитріѣ Сѣченовѣ, Гедеонѣ Криновскомъ, кн. Е. Р. Дашковой, А. О. Аблесимовѣ, М. И. Веревкинѣ. Г. Геннади пользовался Исторіею россійской академіи — *М. И. Сухомлинова* и указываетъ на нее въ статьяхъ: о Дашковой, митроп. Гавріилѣ, сиск. Дамаскинѣ и др., но не упоминаетъ въ статьѣ объ Аполлосѣ Байбаковѣ. Мы насчитали почти равное количество лицъ изъ Словаря *Бантыши-Каменскаго*, при которыхъ въ однихъ случаяхъ упомянуть Словарь достопамятныхъ людей, а въ другихъ опущены. Къ послѣдней категоріи относятся статьи объ П. М. Амбодикѣ,

А. О. Аблесимовѣ, Г. И. Базилевичѣ, И. С. Барковѣ, М. И. Веребинѣ, А. Г. Владыкинѣ, С. Г. Гмелинѣ, кн. А. Н. Голицынѣ, С. К. Грейгѣ, П. А. Демидовѣ, Г. Р. Державинѣ, Димитріѣ Ростовскомѣ, И. А. Дмитревскомѣ, кн. П. В. Долгоруковой. Такой произволъ въ указаніяхъ мы замѣтили и относительно *Русскаго Архива* и *Русской Старины*. Мало воспользовался, по нашему мнѣнію, г. Геннади и образцовымъ въ бібліографическомъ отношеніи изданіемъ сочиненій Державина *Я. К. Грота*. Это видно, напримѣръ, изъ статей о П. Л. Вельяминовѣ (т. I, стр. 670), П. П. Дубровскомѣ (т. VI, стр. 316—317), А. И. Голицынѣ (т. IV, стр. 724), Н. П. Брусиловѣ (т. VI, стр. 93), Г. В. Гераковѣ (т. VI, стр. 289). То же можно сказать и о Воспоминаніяхъ И. М. Снегирева, Запискахъ И. И. Греча, Литературныхъ воспоминаніяхъ И. И. Панаева, статьѣ Н. А. Попова: Придворные проповѣдники въ царствованіе Елисаветы Петровны (*Лѣтописи русской литературы и древности*, изд. г. Тихонравова, т. II).

Неизвѣстно—чѣмъ руководствовался составитель Справочнаго словаря, указывая въ однихъ случаяхъ и не указывая въ другихъ на одинъ и тотъ же источникъ. При отсутствіи обработанныхъ біографій, такая неполнота и случайность указаній на источники и пособия—недостатокъ весьма важный.

Принимая во вниманіе практическія соображенія г. Геннади, мы не осуждаемъ плана Справочнаго словаря. Познакомившись съ нимъ, всякій уже будетъ знать, что найдетъ полныя указанія только относительно отдѣльно изданныхъ произведеній писателей и ученыхъ. Указывать всѣ произведенія ихъ, помѣщенные въ журналахъ, составитель Словаря не взялся по уважительнымъ причинамъ. Однако, при нѣкоторыхъ писателяхъ сдѣланы указанія на главнѣйшія ихъ журнальныя статьи. Но такія указанія журнальныхъ статей совершенно бесполезны для изслѣдователя по своей случайности въ выборѣ, такъ какъ неизвѣстно, что считалъ г. Геннади главнѣйшимъ, и что не заслуживающимъ вниманія.

Такимъ образомъ, кто захотѣлъ бы собрать свѣдѣнія о какомъ-нибудь писателѣ, положимъ, хоть для составленія его біографіи, тотъ не можетъ положиться на книгу г. Геннади и долженъ по прежнему тратить время на поиски.

Слѣдовательно, трудъ г. Геннади сравнительно съ прежними явленіями въ этомъ родѣ не составляетъ прогресса. Не замѣняя собою ихъ, новый Словарь отличается разработкою бібліографическаго матеріала не столько, такъ сказать, въ глубину, сколько въ ширину,

имѣя несравненно болѣе обширный планъ. Итакъ, главный недостатокъ Справочнаго словаря по нашему мнѣнію—отсутствіе строгой системы и небрежное отношеніе къ дѣлу.

Но было бы несправедливо ограничиться лишь указаніями на однѣ слабыя стороны разбираемой книги. Не предполагая давать дополненія къ ней, мы дѣлали общія указанія на ея недостатки и приводили случайные примѣры ихъ. Все это не скрыло отъ насъ и достоинства труда г. Геннади. Къ числу ихъ мы относимъ объясненіе множества анонимовъ и псевдонимовъ и указаніе на иностранные подлинники нашихъ переводовъ, особенно прошедшаго столѣтія. Сверхъ того, весьма много сдѣлано для сравненія, и слѣдовательно, исправленія нашихъ важнѣйшихъ каталоговъ¹⁾. Дѣло немаловажное, на которое давно ужъ обращалъ вниманіе нашихъ библиографовъ покойный М. Н. Лонгиновъ. Наконецъ, еще достоинство труда г. Геннади: это, какъ мы уже выше сказали, обширность плана. Она дѣлаетъ его книгу пригодною для большаго числа людей, чѣмъ узко-спеціальныя словари. Чтобы высказать все, что мы успѣли замѣтить въ разбираемой книгѣ, упомянемъ еще о ея вѣдѣности: она удовлетворительна во всѣхъ отношеніяхъ. Не указанныхъ опечатокъ мы замѣтили очень мало (Вереvникъ вм. Вереvкня, Бортянскій вм. Бортянскій).

Въ заключеніе скажемъ ваше послѣднее слово. Разобранная нами книга — полезное приобрѣтеніе русской библиографической литературы. Остается только желать, чтобы г. Геннади воспользовался указаніями, которыя, вѣроятно, вызовутъ его трудъ, и привелъ бы его къ концу.

Владиміръ Савитовъ.

Старославянская грамматика. Учебникъ для гимназій. Составилъ *М. Колосовъ*. Изд. 4-е, измѣненное и дополненное. Варшава. 1875

Г. Колосовъ, какъ составитель учебниковъ, обладаетъ счастливымъ даромъ излагать предметъ: учебники его отличаются ясностію и ясностію, точностію и опредѣленностію. Такова между прочимъ его

¹⁾ Но повторяются и старыя ошибки. Напрямѣръ, «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ» М. 1787 г.—на основаніи указаній Сопикова (№ 9427) приписанъ А. Дружерукову, а не Гавриилу Дружерукову, о которомъ см. книгу г. Булича: Сумароковъ и современная ему критика. С.-Пб. 1852 г., стр. 111

„Теорія поэзіи“, къ сожалѣнію уже не находящаяся въ продажѣ; такими же достоинствами отличается и появившаяся въ нѣсколькихъ изданіяхъ его „Старославянская грамматика“. Последнее четвертое ея изданіе вышло съ небольшими перемѣнами сравнительно съ прежними. Авторъ удержалъ почти тотъ же порядокъ изложенія и тотъ же характеръ объясненій, а перемѣны состоятъ въ томъ, что онъ вводилъ въ свой учебникъ новыя научныя положенія; особенно много такихъ дополненій въ отдѣлѣ фонетики; въ словообразованіи же и формахъ перемѣны менѣе значительны. Вслѣдствіе всего этого новыя изданія грамматики г. Колосова всегда выигрывали въ научныхъ достоинствахъ, но не въ одинаковой степени были онѣ пригодны въ отношеніи практическомъ, въ примѣненіи къ преподаванію и обученію по нимъ. Хотя авторъ въ новыхъ изданіяхъ и увеличивалъ количество примѣровъ и задачъ для упражненій, число ихъ все-таки не достаточно; сверхъ того, слѣдовало бы измѣнить и способъ изложенія нѣкоторыхъ правилъ. Постараемся представить нѣсколько подробнѣе наши замѣчанія по этому поводу.

§ 8. При перечисленіи іотированныхъ гласныхъ слѣдовало бы представить для примѣра хоть по одному слову, въ которомъ встрѣчался бы тотъ или другой іотированный звукъ. Особенно это необходимо при такихъ гласныхъ, которые въ соединеніи съ іотой даютъ новый цѣльный звукъ, какъ напримѣръ, при іотированныхъ *и* и *ь*. Если означенное правило и будетъ усвоено учениками, ово все-таки не удержится въ ихъ памяти.

Въ § 9 говорится, что *э* и *ь* въ настоящее время въ русскомъ языкѣ употребляются только въ окончаніи словъ для обозначенія твердаго или мягкаго произношенія согласной. Такое объясненіе недостаточно. Куда жъ отнести слова *тъма*, *дычекъ* и т. п. и множество предложныхъ словъ, въ родѣ—*объявить*, *изъявительный*? Объ употребленіи *э* въ предлогахъ въ славянскомъ языкѣ тоже не упомянуто въ означенномъ параграфѣ, хотя въ вопросахъ, помѣщенныхъ въ концѣ его, требуется умѣнье писать по славянски слѣдующія слова: *соборъ*, *воскреснуть*, *встать* и т. п. Въ томъ же параграфѣ замѣтили мы слѣдующіе недостатки:

Говоря объ употребленіи глухихъ на мѣстѣ бѣглыхъ въ русскомъ языкѣ, издатель приводитъ примѣры только изъ единственнаго числа именъ существительныхъ; слѣдовало бы привести примѣры и изъ множественнаго числа, а также изъ именъ прилагательныхъ, и кромѣ того, указать формы косвенныхъ надежей съ замѣчаніемъ, что *э* и *ь*

употреблялись во всѣхъ надежныхъ формахъ даннаго слова, а не въ тѣхъ только, гдѣ встрѣчаются бѣглыя *о* и *е*.

Въ правилѣ объ употребленіи *ъ* и *ь* при плавныхъ нужно бы оговорить, что это бывасть въ коренныхъ слогахъ; въ слогахъ же, подобныхъ тому, каковой встрѣчается въ словѣ *польъ*, *ъ* вмѣсто *о* не ставится, ибо здѣсь *л* не относится къ корню.

Кромѣ того, слѣдовало бы сгруппировать всѣ случаи постановки глухихъ въ славянскомъ языкѣ. По нашему мнѣнію, хорошо бы представить подобную группировку въ такомъ видѣ:

1) *ъ* и *ь* въ славянскомъ языкѣ писались въ словахъ, въ которыхъ *о* и *е* въ русскомъ языкѣ бываютъ бѣглыми; а бѣглыми они бываютъ въ именахъ существительныхъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа и въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, напримѣръ, *лобъ*, *ледь*, *оконь*, *бревно*, — и въ прилагательныхъ краткаго окончанія: *дружень*, *низокъ*. Употреблялись они не только въ этихъ падежахъ и формахъ, но и во всѣхъ остальныхъ: *лба*, *лду*, *окънъ*, *бревно*, *друженьи*, *низкъ*.

2) При плавныхъ *р* и *л*, когда въ русскомъ языкѣ слоги *ол*, *ор* и *ер* — коренные (за исключеніемъ полногласія): *трѣлъ*, *илкъ*, *прывли*.

3) *ъ* употребляется всегда въ предлогахъ: *въ*, *отъ*, *изъ*, *съ*, *безъ* стоять ли они отдѣльно, или сливаются съ словами, а также въ слитныхъ предлогахъ: *въз* и *възь*, *низъ*, *разъ*.

4) Въ средитѣ немногихъ словъ, въ которыхъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ ни гласной чистой, ни бѣглой въ какой-либо формѣ, какъ напримѣръ, въ словахъ *князь*, *вдова*. Въ славянскомъ языкѣ здѣсь были глухіе гласные, гласные же звуки встрѣчаются и въ родственныхъ языкахъ въ подобныхъ словахъ, а это показываетъ, что въ славянскомъ языкѣ такія слова произносились, какъ и въ родственныхъ, съ гласнымъ звукомъ въ корнѣ: *кѣнѣзь*—*konung*, *вдова*—*vidua*.

Въ § 10 также слѣдовало бы сгруппировать всѣ случаи употребленія юсовъ въ славянскомъ языкѣ. Въ педагогической практикѣ часто приходится встрѣчаться съ слѣдующимъ явленіемъ. Учащіеся почему-то пріучаются думать, что гдѣ въ русскомъ языкѣ *о* и *е*, тамъ въ славянскомъ должны быть *ъ* и *ь*, а гдѣ *у* и *я* — тамъ *ѣ* и *ѡ*. Съ этимъ явленіемъ всегда приходится бороться, приходится постоянно твердить, что *о* и *е*, *у* и *я* были особые, самостоятельные звуки въ славянскомъ языкѣ и встрѣчаются чаще глухихъ и юсовъ. Причина такого явленія, по нашему мнѣнію, кроется въ способѣ изложенія правилъ о глухихъ и юсахъ въ существующихъ граммати-

кахъ. Въ учебникѣ г. Колосова, хотя и сказано, что на мѣстѣ нашего *o* въ древнемъ языкѣ можетъ быть *o* или *z*, на мѣстѣ *e*—или *e*, или *ь* (стр. 6), но эти слова стоятъ не на видномъ мѣстѣ и при чтеніи, должно быть, теряются изъ виду; *o* преобладаніи же въ славянскомъ языкѣ *y* и *я* предъ *ѣ* и *ѡ* вовсе не сказано.

Правила употребленія юсовъ въ славянскомъ языкѣ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы сгруппировать такъ:

1) Если въ настоящемъ или будущемъ времени встрѣтятся *и* или *н*, которыхъ нѣтъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, то въ послѣднемъ и въ словахъ, происходящихъ отъ того же корня, въ славянскомъ языкѣ пишутся юсы—*ѡ* на мѣстѣ русскаго *y*, *ѡ*—на мѣстѣ *я* и *а*: *жеть, жму и жну*—*жѣти, жѣтель, дѣти, дѣмѡ, клѣти, клнѣ, клѣтва, начать, начну*—*начало*=*начѣти, начѡло*.

2) Если въ косвенныхъ падежахъ существительныхъ встрѣчается *н*, котораго нѣтъ въ именительномъ, то окончаніе послѣдняго не *я*, какъ въ русскомъ, а *ѡ*: времени *времн*=*врѣмѡ*.

3) Если въ русскомъ языкѣ въ близкихъ по значенію словахъ замѣчается переходъ *y* въ *я*, тамъ въ славянскомъ непременно юсы: *трясти, трусь*=*трѣсти, трѣсь*.

4) Юсы въ славянскомъ языкѣ пишутся на мѣстѣ русскихъ *y* и *я* въ тѣхъ словахъ, которымъ соотвѣтствуютъ въ родственныхъ языкахъ слова одного съ славянскимъ корня, имѣющія на мѣстѣ русскихъ *y* и *я* гласный съ носовымъ, а въ польскомъ носовые *ą* и *e*: *вѣнѡвъ*—*konung*, *пѣть*—*fünf*, *голябъ*—*columba*, *рѣка*—*reka*, *дѣбъ*—*daß* (здѣсь не требуется точнаго соотвѣтствія *em, ьm*—малому юсу (*ѡ*), а *ь n* большому юсу (*ѡ*),—былъ бы только гласный съ носовымъ).

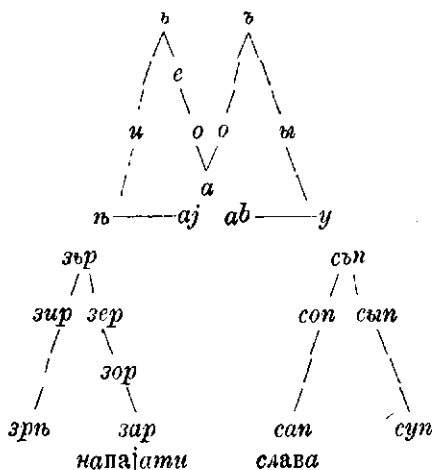
5) Юсы употребляются еще въ нѣкоторыхъ падежныхъ окончаніяхъ глагольныхъ формъ и въ причастныхъ суффиксахъ: *водѡ, землѡ, глагольѣть, несѣть, хвалѣть, читаѣщии, хвалѣщии* (это яснѣе будетъ видно въ отдѣлѣ формъ).

Въ § 11 намъ кажется не точнымъ выраженіе: и передъ гласными звуками юсы теряли носовое произношеніе и разлагались на составныя части“. Вѣдь и по разложеніи носовое произношеніе остается въ согласныхъ *н* и *м*. Хотя это произношеніе иного характера, чѣмъ въ юсахъ, но объясненіе этого повело бы слишкомъ далеко и было бы уклоненіемъ прямой задачи учебника—выясненія только факта разложенія. Не лучше ли было бы выразить правило такъ: носо-

вые передъ гласными переставали быть особымъ цѣльнымъ звукомъ и разлагались на составные свои элементы.

Въ § 13 новаго изданія грамматики много прибавленій сравнительно съ прежними. Цѣль прибавленій, какъ видно, возможно яснѣе представить законъ возвышенія звуковъ, такъ чтобы учащіеся навсегда удержали его въ памяти. Этой цѣли должны содѣйствовать представленныя здѣсь примѣры для упражненій и вопросы. Но педагогическая практика показываетъ, что при всемъ этомъ усвоеніе учащимися степеней возвышенія дается туго, и усвоенное не долго держится въ памяти ихъ. По нашему мнѣнію, это зависитъ отъ того, что въ учебникѣ примѣры не отличаются рельефностію. Во множествѣ представленныхъ здѣсь примѣровъ учащійся теряетъ и почти ни на одномъ не можетъ остановившись. Желательно, чтобы при правилахъ было по одному примѣру, а въ отдѣлѣ упражненій можно представить ихъ нѣсколько. Но какъ въ славянскомъ языкѣ мы не нашли такого слова, которое можно было бы провести по всѣмъ степенямъ возвышенія, то считаемъ возможнымъ брать при объясненіи факты языка разновременные, оговоривъ это въ примѣчаніи. Можно бы, на примѣръ, при объясненіи возвышенія отъ *ъ* взять корни: *мър*, *зър*, а отъ *ъ*—*съп*: *мъртвьць*, *умирати*, *мрѣти*, *смерть*, *морь*, *мара* (сл. Восток.); *зърѣлый*, *възирати*, *зрѣти*, *зеркало*, *зорити*, *зари*; *съпати*, *сопѣти*, *саиъ*, *засыпать*, *накупиться*.

Самую же таблицу возвышенія звуковъ для большей наглядности лучше бы представить не въ прямыхъ линіяхъ, а въ трехугольныхъ фигурахъ:

Въ § 16 въ примѣрахъ помѣщены слова бить — бой, край, почи-вать — покой. При первыхъ двухъ словахъ слѣдовало бы обозначить параграфы, къ которымъ относятся эти слова, — тогда самое правило могло бы повториться и дольше держалось бы въ памяти; а последнее слово — поживать лучше было бы отнести къ концу фонетики, къ упражненіямъ на предыдущіе параграфы: когда сдѣлается известнымъ смягченіе согласныхъ, ученики разберутъ это слово съ двухъ сторонъ—по отношенію къ коренной гласной и къ согласной.

Въ § 18 въ первыхъ строкахъ на 19-й страницѣ замѣчается неполнота опредѣленія: „Гортанные смягчаются тогда, когда за ними слѣдуетъ узкій гласный. Слѣдовательно *г, к, х* не могли соединяться съ гласными — *е, и, ъ, ѣ* и со всѣми іотированными; современный русскій языкъ соединяетъ гортанные съ узкими гласными, не смягчая первыхъ въ шипящія и свистящія, напримѣръ *гибнуть, Кисель, хитрость*“. Далѣе слѣдуетъ въ скобкахъ: какъ написать эти слова по старо-славянски? На основаніи предыдущаго объясненія можно только написать такъ: *зибнуть, цѣвъ, ситрость* все равно какъ, вмѣсто нашего *о* человекѣ, по славянски писалось *о* человекѣ, *о* рѣкѣ—*о* рѣцѣ. Изъ этого ясно видно, что впереди недостаетъ положенія, что въ славянскомъ языкѣ гортанные сочетаются только съ твердыми гласными, каковы: *ъ, о, у, а, ѣ* и *ѡ*; послѣ этого можно требовать, какъ писать слова *гибкій* и пр.

Далѣе въ слѣдующемъ за симъ примѣчаніи требуется приискать примѣры смягченія гортанныхъ въ современномъ русскомъ языкѣ. Это требованіе почти не выполнимо и излишне въ учебникѣ.

За симъ авторъ изчисляетъ случаи смягченія гортанныхъ въ шипящія и свистящія предъ коренною гласною, въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибавляя, что одно бываетъ въ словообразованіи, другое—въ формахъ.

Въ этомъ перечисленіи мы не видимъ никакой пользы, а напротивъ, положительный вредъ. Съ одной стороны, здѣсь неумѣстно говорить о словообразованіи и формахъ, когда объ нихъ рѣчь впереди, съ другой стороны—и при знаніи послѣднихъ нѣтъ нужды обременять памяти учащихся, возводя въ правило то, что можно поставить въ примѣчаніи; напримѣръ, при склоненіи существительныхъ замѣтить, что только въ звательномъ падежѣ гортанные смягчаются въ шипящія, а въ прочихъ въ свистящія. Что касается того, предъ какими гласными гортанные смягчаются въ свистящія или шипящія, то и это излишне. Въ учебникѣ довольно сказать, что они смягчаются въ тѣ

и другіе предъ всѣми мягкими, исключая *л* предъ которымъ они смягчаются только въ шиплящѣ. Къ *л* у г. Колосова присоединено и *е*, но это напрасно: *лице* отъ *лицъ* указываетъ, что и предъ *е* гор-танные могутъ смягчаться въ свистящѣ.

Въ § 18 предлагается дѣленіе согласныхъ на звучные и отзвучные. По отношенію къ славянскому языку это дѣленіе имѣетъ мало значенія. Другое дѣло въ русскомъ языкѣ: тамъ оно необходимо. Вслѣдствіе исчезновенія глухихъ гласныхъ, въ немъ согласные отзвучные очутились рядомъ съ звучными и на оборотъ, а подобное сочетаніе нетерпимо ни въ одномъ языкѣ; поэтому и въ русскомъ въ подобныхъ случаяхъ происходитъ ассимиляція звуковъ. Въ однихъ случаяхъ въ русскомъ языкѣ принято правописаніе историческое: легкій=льгъкии (выгов. лехкій), ѣдкій=ѣдкъъ (выгов. ѣткій, низкій=низкъъ (выгов. нискій, лапка, прозѣба, молодѣба, лошка); въ другихъ—фонетическое: искрошить въ славянскомъ изъкрошити, исхитить (изъхитити), иссушить, испятнать, истребить.

Въ славянскомъ языкѣ, при существованіи гласности глухихъ, въ суффиксахъ ассимиляціи не было и быть не могло, а при сліяніи предлога съ какимъ либо словомъ, ѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ выпадалъ. Если же, для объясненія этихъ немногихъ случаевъ, необходимо было дѣленіе, то ужъ и нужно бы въ самомъ дѣлѣ объяснить ихъ. Между тѣмъ въ § 23 примѣры на неполную ассимиляцію приводятся только изъ русскаго языка. Равнымъ образомъ нѣтъ ссылокъ на § 18 и въ упражненіяхъ и вопросахъ, хотя въ приведенныхъ отрывкахъ изъ Остромирова евангелія есть случаи неполной ассимиляціи вслѣдствіе исчезновенія ѣ въ предлогѣ: стр. II—искуситель, III стр. 1 — испѣльмъ, VII, 18 стр.—ипцистисѣ. Такъ какъ авторъ во многихъ мѣстахъ вноситъ въ своей учебникъ сравнительный элементъ, то не мѣшало бы термины „звучный и отзвучный“ пояснить другими, разпространенными въ сравнительномъ языкознаніи, каковы: *mediae*—мягкіе, средніе, то-есть звучные, и *tenues*—твердые, тонкіе, то-есть, отзвучные.

Въ примѣчаніи къ § 18 говорится о разницѣ въ образованіи словъ смятеніе и смущеніе; лучше было бъ эти слова отнести къ отдѣлу упражненій.

На стр. 24 предлагается слѣдующая задача: написать слово *кровая* такъ, чтобы вмѣсто звуковъ овл стояли ихъ производные. Мы не понимаемъ этой задачи. Вѣроятно, здѣсь опечатка, каковыхъ весьма много въ этомъ изданіи; не смотри на то, перечисленія ихъ вовсе не при-

ложено ни въ началѣ, ни въ концѣ книги, какъ обыкновенно дѣлается; а учебникъ съ ошибками поселяетъ недоувѣріе къ нему въ учащихся и отнимаетъ у нихъ охоту заучивать то, что можетъ оказаться опечаткой.

Въ отдѣлѣ словообразованія мы ожидали перечисленія хоть не многихъ вставочныхъ суффиксовъ, по крайней мѣрѣ такихъ, изъ которыхъ видны были бы особенности славянскаго правописанія, какъ напримѣръ, *ък*, *ьк*, *зк*, *жк*, и т. п. Между тѣмъ здѣсь о суффиксахъ упомянуто очень кратко: приводится въ примѣръ одинъ образовательный суффиксъ *р* въ словѣ даръ, по которому учащійся едва ли опредѣлитъ, что такое *ък* въ словѣ рѣдѣкъ, *ьк* въ словѣ сидѣнь.

Въ отдѣлѣ склоненій существительныхъ именъ и прилагательныхъ краткихъ, по нашему мнѣнію, не достаетъ образца смѣшаннаго склоненія. Авторъ, кажется, думаетъ, что оно дѣлается извѣстнымъ при склоненіи сравнительной степени (стр. 45) и причастій (стр. 47). Но нужно замѣтить, что тогда вниманіе учащихся слѣдуетъ обратить главнымъ образомъ на способъ образованія послѣднихъ и на особенности окончаній въ именительныхъ падежахъ. При этомъ же придется имъ усвоить также довольно трудныя формы косвенныхъ падежей. Между тѣмъ усвоеніе послѣднихъ вслѣдъ за изученіемъ правильныхъ падежныхъ окончаній не составило бы большаго труда. Правильныя окончанія еще живы въ памяти учащихся; слѣдуетъ только пояснить, что слова, имѣющія предъ родовымъ окончаніемъ шипящія, *жд* и *ц*, склоняются по мягкому склоненію; но въ тѣхъ падежахъ, въ которыхъ встрѣчается іотированный звукъ, послѣдній теряетъ іотъ, и они остаются съ окончаніемъ на твердую гласную.

По нашему мнѣнію, лучше также было бы представить одну общую таблицу окончаній всѣхъ четырехъ склоненій, чѣмъ помѣщать на каждое по примѣру. Тогда разница въ окончаніяхъ представлялась бы нагляднѣе, и повтореніе учащимися могло бы происходить скорѣе. Время, употребленное на прочтеніе примѣровъ, съ большею пользою было бы употреблено на усвоеніе особенностей въ окончаніяхъ того или другаго склоненія. Въ предлагаемой нами таблицѣ въ скобкахъ нужно обозначить особенности нѣкоторыхъ падежей, напримѣръ; родительнаго на *у* и *ю*, дательнаго на *ови* и *еви* и т. п., въ мягкомъ склоненіи іотированныя слѣдовало бы писать раздѣльно, чтобы видно было, какая останется твердая вслѣдствіе исчезновенія іота послѣ шипящихъ, *ц* и *жд*.

Въ учебникѣ глаголъ поставленъ послѣ именъ. Въ этомъ мы ви-

димъ большое неудобство. Во первыхъ, безъ знанія глагольныхъ формъ трудно приступить къ переводу текста, при чтеніи текста приходится обращать вниманіе на однѣ формы. Сосредоточеніе вниманія учащихся на одномъ этомъ наводитъ на нихъ утомленіе. Не то бываетъ, если съ указаніемъ особенностей въ формахъ, доказываются также особенности рѣчи славянской по отношеніи ея къ русской. Съ другой стороны при существующемъ распредѣленіи матеріала приходится дѣлать нѣкоторыя объясненія преждевременно. Такъ при именахъ прилагательныхъ въ учебникѣ говорится о склоненіи причастій; но при этомъ необходимо сказать и о производствѣ ихъ, при чемъ всегда чувствуется, что это неумѣстно, хотя и необходимо.

Къ новому изданію припечатаны отрывки изъ Остромирова евангелія. Приложение необходимое, но подборъ мы считаемъ не вполне удовлетворительнымъ. Въ самомъ началѣ помѣщены такія главы, которыя имѣютъ довольно трудныя на первый разъ синтаксическія особенности, какъ на примѣръ, дательный самостоятельный надежъ. Съ другой стороны, всѣ отрывки напечатаны съ особенностями Остромировскаго правописанія, то-есть, съ нѣкоторыми отбѣнками древне-русскаго выговора словъ. Последнее для первыхъ главъ мы считаемъ положительно вреднымъ въ практическомъ отношеніи. Учащимся сразу приходится усваивать особенности двухъ нарѣчій. При этомъ часто бываетъ, что они хорошо не усваиваютъ ни тѣхъ, ни другихъ и остаются съ такимъ возрѣніемъ, что изученіе славянскаго языка очень трудно, что особенностей очень много, они очень незначительны, очень мелочны, такъ что только путаешься въ нихъ. Чтобы устранить подобное возрѣніе въ учащихся, нужно во время усвоенія ими особенностей славянскаго языка не говорить объ особенностяхъ древне-русскаго и текстъ давать читать только исправленный по славянски. Лучше было бы, если бы въ началѣ текстъ состоялъ изъ краткихъ изреченій или даже однихъ словъ; на такомъ текстѣ усвоились бы фонетическія особенности славянскаго языка. При изученіи глагола можно давать читать и цѣльныя главы изъ Остромирова евангелія, но все-таки подобрать на этотъ разъ такія, въ которыхъ встрѣчаются больше глагольныя формы, главы же, въ которыхъ чаще встрѣчаются надежныя формы, — поставить послѣ, для изученія по нимъ склоненій существительныхъ, прилагательныхъ и причастій.

А. Смирновъ.

Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Составилъ Я. Гуревичъ. Томъ I. С.-Пб. 1876.

Вмѣсто скудости неожиданное обиліе! До сихъ поръ не было у насъ ни одной полной хрестоматіи по новой исторіи, а въ послѣднее время появилось ихъ двѣ! О томъ что такое одна изъ нихъ, составленная г. Овсянниковымъ, читатели могли видѣть изъ подробнаго разбора ея, помѣщеннаго въ нашемъ журналѣ: давно уже ничего болѣе безобразнаго, и по выбору статей, и по ихъ переводу, не появлялось въ нашей далеко не богатой исторической литературѣ, а между тѣмъ у нѣкоторыхъ періодическихъ изданій хватило духу восхвалять эту жалкую компиляцію, тогда какъ о хрестоматіи, заглавіе коей выписано выше, они хранятъ по большей части упорное молчаніе. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, ибо она заслуживаетъ самаго благосклоннаго пріема не только со стороны нашихъ педагоговъ, но и вообще со стороны публики. Авторъ ея, г. Гуревичъ, не задолго предъ симъ издалъ курсъ исторіи Греціи и Рима, за который ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія была присуждена ему малая Петровская премія. Новымъ трудомъ своимъ, а именно хрестоматіей, о которой идетъ рѣчь, онъ еще разъ доказалъ, какъ основательно подготовленъ онъ къ своему дѣлу и какую существенную пользу можетъ принести и учащимъ, и учащимся.

Хрестоматія г. Гуревича должна состоять изъ двухъ томовъ, а въ настоящее время вышла только первый ея томъ, обвиняющій событія приблизительно до конца XVI вѣка. Первое, что бросается въ глаза, это—обширные размѣры означеннаго тома, болѣе 800 страницъ убористой печати! Невольно возникаетъ сомнѣніе—въ состояніи ли воспользоваться воспитанники нашихъ учебныхъ заведеній сборникомъ столь значительнаго объема. Сомнѣнія исчезаютъ, однако, если обратить вниманіе на то, какую цѣль имѣлъ въ виду составитель, и какимъ планомъ руководился онъ при ея достиженіи. Во-первыхъ, хрестоматія предназначена не для учениковъ только, но и для преподавателей; г. Гуревичъ оказалъ важную услугу особенно тѣмъ изъ нихъ, которые занимаютъ мѣста въ провинціальныхъ гимназіяхъ, гдѣ—по справедливому его замѣчанію—гимназическія бібліотеки не всегда представляютъ достаточный выборъ матеріала для историческаго чтенія. Но, во-вторыхъ, и для учащихся разбираемая нами книга вполне пригодна. Конечно, гораздо легче можно было бы составить хрестоматію меньшаго размѣра; въ хрестоматію эту могли бы войти статьи, болѣе или менѣе удачно выбранныя, но при этомъ

нельзя было бы избѣжать отрывочности, поверхностнаго и частаго перескакиванія отъ одного явленія къ другому. Г. Гуревичъ имѣлъ, напротивъ, въ виду, какъ говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, — положить такую хрестоматію, каждый отдѣлъ коей „представлялъ бы непрерывную цѣльную картину постепеннаго и послѣдовательнаго развитія наиболѣе выдающихся явленій, давая такимъ образомъ возможность преподавателямъ приучать учениковъ къ болѣе внимательному многостороннему изученію извѣстной эпохи, или по крайней мѣрѣ, извѣстнаго явленія“. Изъ того, что хрестоматія его обширна, не слѣдуетъ заключать чтобы помѣщенные въ нее статьи отличались большимъ размѣромъ; напротивъ онѣ кратки — каждая изъ нихъ содержитъ не болѣе 4—10 страницъ, — и притомъ отличаются извѣстною законченностью; но полнота происходитъ отъ того, что по тому или другому отдѣлу составитель посвящаетъ цѣлый рядъ статей, которыя даютъ достаточно матеріала для сопоставленія и сравненія между собою различныхъ личностей, дѣйствовавшихъ на одинаковомъ поприщѣ, а также болѣе или менѣе однородныхъ явленій. Съ первыхъ же страницъ разбираемой нами книги вполне ясно, какую задачу старался разрѣшить ея составитель: обыкновенно изложеніе новой исторіи начинаютъ съ эпохи изобрѣтеній и открытій, а онъ предпослалъ этой эпохѣ обширный отдѣлъ (около 100 страницъ), изображающій, вошедшими въ него статьями, переходъ отъ средневѣковой жизни въ новую, останавливающій вниманіе читателя на такихъ явленіяхъ, какъ упадокъ папства, феодализма и рыцарства послѣ Крестовыхъ походовъ, возвышеніе средняго сословія и городовъ въ связи съ развитіемъ торговли и промышленности и усиленіе королевской власти. Точно также и въ другихъ отдѣлахъ, посвященныхъ, напримѣръ, развитію реформациі въ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи, главнымъ образомъ руководитъ имъ мысль „выставить это явленіе какъ продуктъ общей совокупности условій народной жизни, одновременно и самостоятельно возникавшій въ каждой изъ упомянутыхъ странъ, а не какъ результатъ лишь инициативы нѣсколькихъ реформаторовъ и чисто личныхъ мотивовъ“. Въ виду такой цѣли, нельзя было довольствоваться очерками различныхъ событій и лицъ, но нужно было присоединить къ нимъ много другихъ, которыя уясняютъ связь между событіями и проводя параллель между главнѣйшими дѣятелями, способствуютъ надлежащей оцѣнкѣ каждаго изъ нихъ. За то если ученикъ прочтетъ внимательно если даже не всѣ, а хоть нѣко-

торые изъ отдѣловъ хрестоматіи г. Гуревича, онъ вынесеть изъ этого чтенія существенную пользу.

Въ виду задачи, предложенной себѣ составителемъ хрестоматіи, приходилось ему многія статьи, заимствованныя изъ иностранныхъ авторовъ, не переводить буквально, а видоизмѣнять и сокращать. Исполнено это имъ въ высшей степени удовлетворительно. Конечно, нельзя и требовать, чтобы въ сборникѣ столь обширныхъ размѣровъ все отличалось одинаковымъ достоинствомъ, но несомнѣнно, что значительное большинство статей не оставляетъ желать ничего лучшаго. Съ цѣлью познакомить учениковъ старшихъ классовъ гимназій со всѣмъ тѣмъ, что представляетъ лучшаго русская историческая литература, г. Гуревичъ не мало заимствовалъ изъ нея: въ книгѣ своей онъ помѣстилъ отрывки изъ произведеній Грановскаго, Кудрявцева, Новикова, Ешевскаго, Вызинскаго, Петрова и нѣкоторыхъ другихъ писателей.

Вообще „Историческая Хрестоматія“ г. Гуревича какъ нельзя лучше выполняетъ свою задачу, и мы не можемъ не пожелать ей полнаго успѣха. Цѣна за нее, принимая въ соображеніе размѣры книги, назначена весьма умѣренная.

Mélusine, revue de mythologie, littérature populaire, traditions et usages, dirigée par MM. H. Gaidoz et E. Rolland (М. музина, журналъ по мѣологии, народной словесности, преданіямъ и обычаямъ, издаваемый подъ редакціей Т. Гедоза и Э. Роллана). Paris. 1877. Première année. № 1.

Съ прекращеніемъ мѣологическаго журнала, основаннаго Вольфомъ и продолжавшаго издаваться подъ руководствомъ Маннгардта, наука „демопсихологіи“ осталась безъ органа. Между тѣмъ интересъ къ ней въ обществѣ сталъ интензивнѣе, а задачи ея—многостороннѣе. Изданіе Вольфа и Маннгардта, открывало доступъ сравнительному матеріалу, но спеціальность его направленія сказывалась не въ одномъ только заглавіи: *Zeitschrift für deutsche Mythologie*. Съ тѣхъ поръ приложеніе сравнительнаго метода въ изученію народной поэзіи (въ широкомъ смыслѣ) расширило кругозоръ, обновило жажду собирателей, вызвало толкователей къ новымъ подвигамъ обобщенія. Между тѣмъ и собирателямъ, и толкователямъ негдѣ спѣться. У первыхъ нѣтъ органа, который направлялъ бы ихъ поиски, воздерживая ихъ отъ повтореній; у послѣднихъ — нѣтъ возможности найтись среди массы фактовъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, иногда въ изданіяхъ, въ ко-

торыхъ ихъ присутствія и не подозрѣваешь—въ альманахахъ, сочиненіяхъ по археологіи и ботаникѣ, въ филологическихъ журналахъ и т. п. Кто не имѣлъ въ рукахъ *Записокъ Кельтской академіи (Mémoires de l'Académie Celtique)*, тому не придетъ въ голову, что онъ найдетъ въ нихъ цѣлый рядъ полезныхъ свѣдѣній по народнымъ преданіямъ и повѣрьямъ. Всякій, занимающійся народною литературой, знаетъ по опыту, какъ трудно достигается въ этой области библиографическая полнота при отсутствіи такого журнала, какимъ обѣщаетъ быть *Мелюзина*.

Исслѣдованія по древнимъ мифологіямъ востока и классическихъ странъ, со включеніемъ того удивительнаго искусства Греціи, въ которомъ движется и дышетъ цѣлый міръ боговъ; исслѣдованія по мифологіи болѣе юныхъ, сосѣднихъ намъ народовъ; вѣрованія дикихъ Африки и Австраліи, еще переживающихъ первые вѣка человѣческой мысли; народная литература Франціи и другихъ странъ, то-есть, сказки, баллады, пѣсни, поговорки, загадки, народные праздники и танцы, обычаи, преданія, суевѣрія,—таковы общія рубрики, которыя ставитъ себѣ *Мелюзина*. Болѣе подробной программы нѣтъ: лучшею программой будетъ самъ журналъ, говорятъ издатели, перепечатывая вслѣдъ затѣмъ критическій отзывъ Г. Париса о сборникѣ пѣсней Бюжо (Bugeaud), помѣщенный въ *Revue Critique* 1866 года (22-го мая). Такъ какъ этотъ отзывъ является въ роли руководящей статьи, положенія которой принимаются издателями, то мы и принимаемъ его какъ полу-программу и полу-обѣщанія.

„Франція, можетъ быть, послѣдняя страна Европы, обратившаяся къ изученію и обнародованію произведеній народной поэзіи“, говоритъ Парисъ.—„Долгое время мы увлекались народно-поэтическими произведеніями другихъ странъ, греческими и бретанскими пѣснями въ изданіяхъ Форіэля и Вильмаркэ, и говорили съ презрѣніемъ о томъ, что въ томъ же родѣ находилось у насъ самихъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ Фортуль замыслилъ составить и напечатать полный сборникъ народныхъ пѣсней; его идея, не оцѣненная даже людьми, близко къ нему стоявшими, была оставлена послѣ его смерти; если ей и осуждено осуществиться, то не въ той полнотѣ, какъ онъ замыслилъ. Тѣмъ не менѣе его начинъ не остался безъ послѣдствій, вызвавъ въ провинціи любовь къ народнымъ пѣснямъ и такіе сборники, какъ Тарбе (Tarbé), Шюмегра (Poumeigre), Бюжо, Шанфлеря (Champfleur) и другіе. Собираніе пѣсней—вещь не легкая: не всякій собираетъ, кто хочетъ, то-есть, собираетъ такъ, какъ того тре-

буеть строго-научное пониманіе данныхъ народной поэзіи. Есть люди въ провинціи, съ сильно развитою собирательскою стрункой, готовы силы, но не достаточно направленны къ дѣлу. Ихъ слѣдуетъ направить, надо дать имъ учешый маршрутъ",—и г. Парисъ дѣлаеть это, специально по отношенію къ народнымъ пѣснямъ. Иныя изъ его наставленій были бы не бесполезны и у насъ. Прежде всего ставится требованіе безусловной точности въ передачѣ пѣснн: не только не слѣдуетъ пытаться восполнить существующіе въ ней пропуски, не предупредивъ о томъ читателя, но не позволительно *воспроизводить* ее чрезъ сводъ собранныхъ варіантовъ и пересказовъ. Варіанты необходимо собирать въ возможной полнотѣ, особливо для эпическихъ пѣсень. То же требованіе прилагается и къ напѣвамъ: пусть записываютъ одну мелодію, не измѣняя ея и не обставляя ея аккомпаниментомъ. Способъ, пріемы пѣнія также заслуживаютъ вниманія: ихъ надо отмѣтить, какъ то сдѣлано было г. Бюжо для западныхъ провинцій Франціи. Полезны также свѣдѣнія о томъ, въ какой именно деревнѣ, какъ часто, отъ какого лица была слышана та или другая пѣсня. Въ послѣднемъ отношеніи замѣтки о полѣ и возрастѣ могутъ быть не безразличны: старухи, напримѣръ, часто сохраняютъ пѣсни, которыя кругомъ нихъ забыты, и въ передачѣ пѣсень—древнія формы языка. Что касается комментарія, то наиболѣе краткій будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшимъ: онъ долженъ ограничиться указаніемъ на сходныя пѣсни, уже помѣщенныя въ другихъ сборникахъ, истолкованіемъ старинныхъ обычаевъ, преданій и т. п. Въ заключеніе г. Парисъ предлагаетъ приблизительный планъ или перечень рубрикъ, по которымъ удобнѣе всего распредѣлять собранный пѣсенный матеріалъ. Такъ, напримѣръ, отдѣляя эпическія пѣсни отъ лирическихъ, онъ отырываетъ для первыхъ три второстепенныя рубрики: пѣсни историческія, легендарныя и анекдотическія, а въ лиричѣ отличаетъ пѣсни обрядовыя отъ любовныхъ, сатирическихъ и дидактическихъ. Бюжо и Пюжемеръ въ своихъ собраніяхъ предлагаютъ другое дѣленіе; ни одно изъ нихъ не претендуетъ на научную полноту, и многое въ нихъ подлежитъ отмѣнѣ. Весь вопросъ въ томъ, какое изъ нихъ представить наиболѣе удобный кадръ для начинающаго собирателя, передъ которымъ раскрылись богатства народной поэзіи.

Все, сказанное Парисомъ о собираніи пѣсень, можетъ быть при-
мѣнено, съ нѣкоторыми отличіями и къ собиранію преданій, сказокъ
и т. д. Что и въ этой области починъ Фортюля, и можетъ быть, со-

ревнованіе съ нѣмецкою наукой принесли свои плоды во Франціи, свидѣтельствомъ тому служатъ сборники областныхъ сказокъ Бладе (Bladé) и Коскена (Cosquin), далеко оставившіе за собою опыты, напримѣръ, Сенакъ-Монко (Senac-Monsaut).

Журналъ *Мелюзина*, первый номеръ котораго лежитъ передъ нами, будетъ служить органомъ всей этой собирательской и комментаторской дѣятельности. Какъ широко этнографически ставитъ онъ свою задачу, можно видѣть изъ состава перваго номера, гдѣ рядомъ съ замѣткой о „Народныхъ мелодіяхъ востока“ помѣщена выдержка изъ „Исторіи Болгаръ“ Иречка—о славянской мифологіи, и нормандскія народныя преданія (Traditions populaires de la Neuville-Chant D'oiseil) чередуются съ началомъ статей о старинныхъ французскихъ областныхъ костюмахъ и съ креольскою и бретонскою сказками. Я остановлюсь на послѣдней (Le voleur avisé), одномъ изъ многочисленныхъ вариантовъ разказа о „хитромъ ворѣ“, известномъ уже Геродоту (I. II, с. 121), а на Руси привязавшимся къ имени Ивана Грознаго (см. мою замѣтку въ *Древней и Новой Россіи* 1876 г. № 4, стр. 317—320). Бретонская сказка сообщается въ двухъ вариантахъ, при чемъ издатель, Люзель, замѣчаетъ, что во второмъ недостаеъ нѣкоторыхъ эпизодовъ, напримѣръ, эпизода о козѣ,—очевидно заимствованныхъ изъ другаго сказочнаго цикла. Интересно, что именно эпизодъ о козѣ встрѣчается и въ русской сказкѣ о Шибаршѣ. Въ бретонскомъ разказѣ царь розыскиваетъ хитраго вора Эфлама (Eflam), который не только ускользаетъ отъ него, но и успѣваетъ украсть тѣло своего отца у солдатъ, его сторожившихъ. Подловивъ солдатъ, онъ переодѣваетъ ихъ монахами, а монаховъ сосѣдняго монастыря—солдатами. Царь поднимается на новую хитрость: онъ велитъ объявить по всему городу, что его любимица, бѣлая коза, будетъ выставлена на слѣдующій день на площади противъ дворца, и что если вору удастся увести ее, она станетъ его собственностью. Эфламъ крадетъ козу, убиваетъ ее и велитъ сестрѣ приготовить ее въ пищу и никому не давать ни кусочка. Между тѣмъ царь призвалъ къ себѣ слѣпаго нищаго и посылаетъ его по городу: пусть проситъ у каждаго дома дать ему мяса, и коли дадутъ, тотчасъ же попробуетъ. Если бы мясо оказалось козлинымъ, нищему велѣно сдѣлать на томъ домѣ крестъ меломъ и обо всемъ донести. Позабывъ наказъ брата, сестра подала нищему кусокъ козлинаго мяса, а тотъ сдѣлалъ на дверяхъ дома условный крестъ. Эфламъ

замѣтилъ это, и допросивъ сестру, пошелъ писать такіе же кресты на всѣхъ дверяхъ города. Такимъ образомъ онъ спасается.

Русская сказка также говоритъ о томъ, что Шибарша, спойвъ солдатъ, укралъ у нихъ тѣло своего покойнаго дяди. Царь прибѣгаетъ къ новой уловкѣ: велитъ втереть въ рога козлу алмазныя вещи и водить по Москвѣ: ежели кто поглядитъ на него или подивится, того хватать. Шибарша сажаетъ въ коробъ птицъ и говоритъ, что везетъ къ царю птицъ заморскихъ. Караульные просятъ его показать птицъ; на его отказъ они начинаютъ рубить коробъ: птицы разлетѣлись, а караульные принялись ихъ ловить. Тѣмъ временемъ Шибарша увелъ козла, мясо котораго вслѣлъ теткѣ сварить; затѣмъ, убивъ старуху нищую, онъ отвезъ ея тѣло ночью къ царскимъ палатамъ, приморозилъ къ свѣгу и рога положилъ. Караульные доносятъ царю, что старуха рога принесла, а сама оказалась мертвою.

Нищая старуха, очевидно, отиѣчаетъ слѣпому нищему бретонской сказки, сохранившей этотъ эпизодъ съ большею ясностью, чѣмъ русская, въ дальнѣйшемъ развитіи которой встрѣчаются какъ-бы параллели къ знакамъ меломъ и безцѣльному переодѣванью солдатъ монахами, и наоборотъ: „Тогда царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ по кабакамъ поставить пива и вина и казны довольно насыщать: кто будетъ наклоняться или пристально глядѣть, того и хватать. Шибарша намолилъ сапоги и пошелъ по кабакамъ, и той казны къ нему подъ сапоги много прилипало. Спился Шибарша и заснулъ; усмотрѣвъ на его подошвахъ приставшія къ нимъ деньги, караульные обрили ему полголовы и полбороды, чтобы не ушелъ. Шибарша проснулся раньше другихъ, обрилъ полголовы и полбороды у пьяныхъ караульныхъ. Стали искать Шибарши: такихъ обритыхъ много сыскали, а вора не поймали“. Русская и бретанская сказка восполняютъ другъ друга.

Пѣснями настоящій нумеръ *Мемозины* не богатъ. Я укажу на одну *ronde du Puy: Le Roi de Savoie*, въ четверостишіяхъ, съ двухстрочнымъ refrain. Она начинается такъ:

C'était le roi de Savoie,
C'est le roi des bons enfans,
Il s'était mis dans la tête
De détrôner le sultan.
Et rantanplan, gare, gare, gare,
Et rantanplan, gare de devant.

Онъ вышелъ на войну съ арміей изъ восьмидесяти крестьянъ, вмѣсто артиллеріи—монашескіе ослы, да и тѣ навьючены съѣстными

припасами. Взобрались они на гору: какъ великъ Божій свѣтъ! Не-
большую рѣчку они приняли за океанъ, и какъ увидѣли непріятеля—
давай Богъ поги!

Sauve qui peut, allons nous en,
Et gaitanplan и т. д.

Каждая вторая строфа начинается двумя послѣдними стихами
предыдущей.

Выпускъ кончается рядомъ небольшихъ критическихъ отчетовъ
о книгахъ, подлежащихъ вѣдѣнію *Мелюзинъ*.

Мелюзина—фея мѣстнаго французскаго повѣрья—и извѣстнаго
романа, первая редакція котораго появилась въ 1389 году. Надо по-
желать журналу, принявшему ея имя, такой же живучести, какою
пользуется мѣстное преданіе о ней, но живучести не мѣстной, а
международной. Вспомнимъ, что романъ о Мелюзинѣ обошелъ испанскую,
нидерландскую, нѣмецкую, датскую, шведскую, чешскую и польскую
литературы, а изъ послѣдней перешелъ и въ старую русскую писмен-
ность ¹⁾

¹⁾ *Мелюзина* выходитъ два раза въ мѣсяць, тетрадями въ 16 страницъ, въ
4-ю долю листа. Подписная цѣна для Франціи 15 фр., для другихъ европейскихъ
государствъ 16 фр.

А. Веселовскій.

ОБУЧЕНИЕ ПѢНЮ ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ.

I.

Пѣніе на Руси до-Петровской, дома и въ школѣ. — Современный упадокъ народно-музыкальнаго творчества. — Необходимость мѣръ для его подъема.

Пѣніе всегда составляло и составляетъ живой и неизземлемый элементъ народной нашей жизни. Каждому человѣку, вмѣстѣ съ даромъ слова, прирождена потребность — въ пѣннн выражать свое внутреннее состояніе, настроеніе духа, возбужденіе чувства. У русскаго народа потребность эта развита въ высокой степени. „Покажите мнѣ народъ, пишетъ Гоголь, у котораго было бы больше пѣсенъ. Наша Украина звенитъ пѣснями. По Волгѣ же, отъ верховья моря, на всей теренищѣ влекущихъ барокъ заливаются бурлацкія пѣсни. Подъ пѣсни мечутся изъ рукъ въ руки кирпичи и вырастаютъ города. Подъ пѣсни бабъ пеленается, женится и хоронится русскій человѣкъ“.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ нашего народнаго творчества пѣсни занимаетъ видное мѣсто. Миѳическій „гость богатый“ Садко такъ мастерски игралъ на „гуслияхъ звончатыхъ“, что царь морской 12 лѣтъ „душой радѣлъ“ послушать его игры, и послушавъ, безраздѣльно подчинился чарующему вліянію музыки: такъ образно народъ выражаетъ силу музыки, ея покоряющее вліяніе. Византійскіе историки называли Славянъ пѣснолюбивыми еще въ IV вѣкѣ. „Греки, повѣствуютъ они, взяли въ плѣнъ (въ войнѣ съ ханомъ Аварскимъ) трехъ чужеземцевъ, имѣвшихъ, вмѣсто оружія, кифары или гусли. Императоръ спросилъ: кто они? Мы Славяне, отвѣчали плѣнники... Съ оружіемъ мы обходиться не умѣемъ, но только играемъ на гуслияхъ. Нѣтъ желѣза въ странѣ нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведемъ жизнь мирную, спокойную“. Императоръ дивился тихому нраву этихъ людей, великому росту и крѣпости ихъ, затѣмъ, угостилъ ихъ и далъ способъ возвратиться на родину“. При раскопкахъ древ-

“нѣйшихъ кургановъ, какъ извѣстно, найдены были остатки древнихъ музыкальныхъ инструментовъ, бывшихъ въ употребленіи у Славянъ. „Бандура подорожная“ для стариннаго казака, вмѣстѣ съ люлькой (трубкой), составляла сокровище. Въ числѣ славныхъ доблестей героя народной былинны Василія Буслаевича выдается его искусство пѣніи: „А и пѣть у насъ такого пѣвца супротивъ Василія Буслаевича“. „Вѣщій“, то-есть, мудрый, посвященный въ тайны природы, „баянъ“ служилъ предметомъ благоговѣйнаго уваженія всего народа — отъ простаго селянина до державныхъ князей, которыхъ славу онъ воспѣвалъ. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ говорится, что когда баянъ начиналъ „пѣснь свою творити, своя вѣщія прѣсты на живая струны въскладате, онѣ же сами княземъ славу рокотаху“, и мысль поэта облетала ширь сизымъ орломъ подъ облакомъ, сѣрымъ волкомъ по дубровѣ. Въ лицѣ „баяна“ народъ чтилъ проявленіе своего творческаго духа. На дальнемъ сѣверѣ доселѣ сохранились „сказатели“ былинъ, остатокъ глубокой древности; на югѣ еще поминѣ существуютъ „кобзари“, народныя пѣвцы, воплощающіе въ себѣ потребность народа — въ пѣснѣ, въ былинѣ, въ пѣвучемъ разказѣ запечатлѣвать свое историческое прошлое.

Пѣніе входило въ народную жизнь повсюду и составляло лучшее народное удовольствіе. Въ большіе годовые праздники, въ храмовыя торжества, особенно лѣтомъ и весною, молодежь на Руси издревле водила хороводы подъ пѣсни. Начинаясь съ осени, они продолжаютъ до красной горки; представляя собою остатки языческой древности, быть можетъ, составляя обрядныя дѣйствія времени идолопоклонства, хороводы эти являются общенародными играми, гдѣ пѣсня играетъ самую видную роль. На Троицынъ день дѣвѣи въ вѣнкахъ, съ громкими пѣснями, исполняютъ завѣтные обряды; на святкахъ отъ глубокой древности употреблялись при гаданіяхъ такъ-называемыя „подблюдныя“ пѣсни; большинство старинныхъ забавъ (напримѣръ, золото хоронить) сопровождалось пѣснями; и теперь на работу идетъ народъ и возвращается съ работы съ пѣсней на устахъ. Охота къ музыкѣ у русскаго народа издревле была такъ велика, что церковь нерѣдко возставала противъ этого пристрастія, осуждая даже музыкальныя орудія, каковы: гудокъ, балалайка, волынка, гусли, свирѣль, рожокъ, фіюлы и проч. Изстари обученіе грамотѣ шло объ руку съ пѣніемъ.

Въ древней пѣсни про Василія Буслаевича говорится, что мать его

«Отдала учиться грамотѣ,
Грамота ему въ наукъ пошла;

Посадила его перомъ *писать*,
Письмо Василию въ наукъ пошло;
 Отдала его *пѣть* учить,
Пѣть Василию въ наукъ пошло»...

Впрочемъ, и церковь наша покровительствовала пѣнію, но только религіозному ¹⁾.

Въ опредѣленіяхъ „Стоглава“, по поводу упадка училищъ на Руси, пишется, что прежде „по всей земли училища многи бывали, „грамотѣ и писать, и пѣть и чести гораздыхъ было много“. Говоря о Кіевскомъ женскомъ училищѣ, основанномъ въ 1086 г. княгиней Анной, на 300 дѣвицъ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что обучали дѣвицъ грамотѣ, писанію, пѣнію, швейю и инымъ полезнымъ ремесламъ“. Словомъ, несомнѣнно, что пѣніе составляло необходимый предметъ обученія въ древне-русской школѣ. Конечно, пѣніе это, какъ и все наше древнее до-Петровское ученье, носило церковно-религіозный характеръ; но освященіе пѣнія церковію еще болѣе возвышало послѣднее въ глазахъ народа. Въ древнихъ памятникахъ церковной письменности нашей мы находимъ въ защиту пѣнія ссылки на ветхій заветъ, на примѣръ Христа и Апостоловъ. „Видимъ и въ ветхомъ законѣ, пишетъ Тарасій Земка въ предисловіи къ тріоди изд. 1631 г., пѣсни благодаренія Богу; видимъ и въ новѣй благодати, якоже ангелъ Господень и при Рождествѣ Христовѣ воспѣтъ (Лук. II, 1). Такжеже пѣсни Богородицы, Захаріи и Анны обрѣтаются. Апостоли же первѣйшіе церкви не токмо сами употребляху пѣнія, и съ Христомъ еще суще, Евангелистамъ послухохъ, и воспѣвши изыдоша въ гору Еліонскую; но и прочіимъ пѣти узакониша. Якоже Апостоль Павелъ во двою посланію вѣрныхъ на се увѣщаетъ“. Далѣе приводится ссылка на практику первенствующей церкви христіанской. „Отъ нихъ же (апостоловъ) пріять церковь, прежде яже во Египтѣ, якоже Филонъ Евреинъ историкъ повѣствуетъ сице: христіанстии, рече, философи, ихже *δερματῆς*, сі есть, служитель божіихъ наречеть, не токмо въ Божественномъ писаніи поучаются, но и новыя имны, стихи и словесловія всякимъ родомъ тяжчайшихъ числъ и рѣмовъ слагають“).

Руководясь примѣрами древней церкви, въ цѣляхъ богослужебныхъ

¹⁾ «Лѣпше есть свѣвати духовныя пѣсни, а нежан свѣцкія, срамотныя, бѣсовскія». *Трактатъ* „Перво многоцѣнное“ 1699 г. Сильвестръ въ „Домостроѣ“ пишетъ, что когда «начнутъ гусли гудѣніе всякое, и плясаніе, и скаканіе, и всякія игры и пѣсни бѣсовскія, тогда якоже дымъ отгонитъ пчелы, такоже отыдуть и ангелы Божіи отъ тоя срамнаго бесѣды и возрадутся бѣси».

и въ духѣ народномъ, древне-русская школа высоко ставила обученіе искусству пѣнія. Но съ теченіемъ времени школьное преподаваніе пѣнія стало приходить въ упадокъ отъ пренебреженія имъ, а въ то же время и въ народно-музыкальное творчество стала входить порча. По деревнямъ уже нерѣдко теперь можно слышать разгульныя, безобразныя пѣсни фабричныя, бурлацкія, рядомъ съ „гармоникой“, анти-музыкальнымъ инструментомъ, губительно вліяющимъ на музыкальное чувство народа. Можно сказать, что порча пѣсни народной идетъ рука объ руку съ порчею народныхъ нравовъ: въ фабричныхъ мѣстностяхъ, гдѣ говорятъ: стыдъ не дымъ, глазъ не бѣсть, гдѣ торговли стала синонимомъ плутовства, трудно услышать живую, свѣжую народную пѣсню, во всей ея безыскусственной прелести. Она сохранилась еще въ глуши, въ мѣстахъ, свободныхъ отъ развѣдающаго вліянія торгашества и разврата.

Пастало время позаботиться о томъ, чтобы богатая музыкальная даровитость народа нашего выступила на добрый, вѣрный путь, съ котораго сбиваютъ его дурныя вліянія разгульной фабричной жизни; пришла пора подумать о томъ, чтобы предохранить молодое поколѣніе отъ порчи вкуса и извращенія художественнаго инстинкта ¹⁾. Въ этомъ отношеніи великую услугу можетъ оказать школа. Важность этой задачи очевидна,—она сама собою вытекаетъ изъ того значенія, какое музыка имѣетъ не только для школы, но и для народной жизни.

II.

«Harmonice factus non est, qui non delectatur harmonia».
Comenius.

Вліяніе музыки на духовную жизнь человѣка.—Национальное значеніе пѣнія.—Благотворное практическое его вліяніе на досугъ народный.—Художественное значеніе пѣсней.—Вліяніе подъема пѣнія въ школахъ на улучшеніе пѣнія церковнаго.—Общее заключеніе.—Польза школы.

1) Педагогическое значеніе музыки вообще и пѣнія въ особенности обуславливается могущественнымъ вліяніемъ чувства на нашу духовную жизнь. Музыка есть языкъ чувства по преимуществу, не только въ личномъ смыслѣ, но и въ общечеловѣческомъ; воплощая въ себѣ радость и горе, надежды и мечты, стремленія и цѣли, убѣжденія и чаянія народа, пѣсня служитъ выраженіемъ существенныхъ элементовъ внутренней жизни человѣка и народа, захватываетъ

¹⁾ Больше обстоятельное изложеніе этого предмета читатели найдутъ въ ст. нашей «Музыка и пѣніе въ народной школѣ», помѣщенной въ *Нар. Школѣ*.

глубокія основы того и другаго. Оттого подъ звуки родной пѣсни такъ много переживается человѣкомъ, такъ много пробуждается въ немъ воспоминаній о пережитомъ. Дѣйствуя на чувство человѣка, музыка облагораживаетъ его, дѣлаетъ его доступнѣе для всего человѣческаго. Если принять во вниманіе, что чувство служило и служить средоточіемъ нашего внутренняго существованія, то станетъ понятнымъ, отчего, подъ вліяніемъ музыки, люди становятся лучше, добрѣе, гуманнѣе. Посредствомъ пѣнія мы можемъ выразить самыя глубокія душевныя состоянія, самыя задушевныя чувства, благороднѣйшія стремленія. Морализующее значеніе пѣнія состоитъ вовсе не въ томъ, что оно поучаетъ (это не его дѣло), а въ томъ, что оно настраиваетъ человѣка выше, дѣлаетъ сердце его доступнѣе человѣческимъ движеніямъ.

2) Пѣніе можетъ имѣть высокое національное значеніе для развитія народа. Въ основѣ народно-музыкальнаго образованія должна лежать родная пѣсня, родныя молитвы. Но откуда взялась эта пѣсня? Пѣсня народа—не случайное явленіе; она есть идеальное воплощеніе исторіи народа, носительница живыхъ основъ національнаго воспитанія. Въ пѣснѣ народъ выражаетъ свое пережитое прошлое, свои воззрѣнія на жизнь, свои задушевныя чаянія и надежды, свои страданія и минуты радостей. Пѣсня служитъ для народа однимъ изъ элементовъ, объединяющихъ его въ родную семью. Извѣстно, какую могущественную роль играли хоровыя общества Германіи въ дѣлѣ внутренняго объединенія германскаго племени. Примѣръ этотъ весьма внушительнъ. Пѣсня можетъ вдохновлять народъ къ великимъ подвигамъ; въ ней хранятся преданія о доблестяхъ предковъ, она есть хранительная сила для народности.

3) Музыкальное образованіе народныхъ массъ имѣетъ и чисто практическое значеніе для народной жизни. Благоораживая чувство, развивая свѣжіе, здоровыя инстинкты, наполняя досугъ народа въ праздники, пѣніе могло бы служить сильнымъ отвлекающимъ средствомъ отъ кабаковъ и пьянства. Теперь праздникъ не несетъ народу радости, чистаго удовольствія, но служитъ только для разгула, гдѣ исчезаютъ трудовыя гроши, и губить здоровье. Чуждый всякаго эстетическаго развитія, невѣжественный, безграмотный народъ не знаетъ, куда дѣтъ досугъ въ праздничное время; безъ дѣла трудовому человѣку сидѣть скучно и вотъ отправляется онъ въ кабакъ. И такъ, не имѣя возможности пользоваться удовольствіями изящными, благородными, народъ предается развращающему и гибельному пьянству.

Великую службу сослужила бы школа, развивъ вмѣстѣ съ любознательностью и приобрѣтеніемъ грамотности, любовь къ пѣнію и способность находить въ немъ удовольствіе.

4) Пѣніе имѣеть далѣе чисто-художественное значеніе. Въ нашей народной натурѣ лежать глубокіе, неисчерпаемые источники художественнаго развитія, о чемъ весьма ясно свидѣтельствуетъ наша чудная народная пѣсня. Кто знаетъ,—быть можетъ, правильное музыкальное образованіе пробудило бы въ народѣ такія художественныя силы, о какихъ мы теперь, при полномъ отсутствіи эстетическаго образованія народа, и понятія не имѣемъ.

5) Наконецъ, введеніе правильнаго обученія пѣнію, съ одной стороны, содѣйствовало бы улучшенію нашего церковнаго пѣнія, съ другой служило бы поддержкою для школы. Многочисленные опыты положительно утверждаютъ, что народъ съ необыкновеннымъ расположеніемъ относится къ пѣнію, и гдѣ при школахъ возникали хоры, участвующіе въ богослуженіи, тамъ школа приобрѣтала высокій авторитетъ и горячія симпатіи со стороны народа.

И такъ, введеніе пѣнія во всѣ народныя школы желательно столько же въ интересахъ школы, сколько въ видахъ просвѣщенія и улучшенія народной жизни. Предстоитъ вопросъ: какимъ способомъ върнѣе, легче и надежнѣе достигнуть этой цѣли?

Прежде чѣмъ обратимся къ изложенію способовъ обученія пѣнію, отвѣтимъ на нѣкоторые вопросы относительно введенія этого предмета въ народныя школы.

III.

А. Можно ли сдѣлать пѣніе общеобязательнымъ предметомъ въ школахъ, для всѣхъ учащихся, когда способность къ музыкѣ есть достояніе немногихъ натуръ, составляетъ нѣчто прирожденное чело-вѣку, что не дается никакою наукою?

Въ недавнее время взглядъ этотъ господствовалъ въ нашихъ школахъ и ему пѣніе отчасти обязано своимъ упадкомъ. Ошибочность его въ настоящее время доказана опытомъ, такъ какъ пѣніе нынѣ существуетъ, въ большинствѣ учебныхъ заведеній, для всѣхъ и ведется сравнительно усиленно.

Еслибы рѣчь шла объ особенныхъ дарованіяхъ къ музыкѣ, приведенное возраженіе имѣло бы смыслъ; дѣйствительно, не каждый можетъ быть талантливымъ композиторомъ, не каждый въ состояніи достигнуть блестящей способности художественно-музыкальнаго исполненія; но когда говорятъ объ элементарномъ обученіи пѣнію, возраженіе

теряетъ всякое значеніе. Для этой цѣли не нужно особенныхъ дарованій, не надо и обширныхъ голосовыхъ средствъ. Кто можетъ говорить, тотъ можетъ и пѣть. За исключеніемъ болѣзненности, крайней хилости организма и патологическихъ случаевъ лишенія слуха и голоса, всякій ребенокъ можетъ научиться не хитрому искусству пѣнія. Приведенные случаи рѣдки, какъ всякія уродства. Посмотрите на народъ нашъ, Великоруссовъ и особенно Малоруссовъ: ихъ никто не учитъ, но поютъ положительно все молодые парни, дѣвки; пѣніе составляетъ лучшее ихъ удовольствіе.

Замѣтимъ при этомъ, что при поврежденіи органовъ рѣчи, для косноязычныхъ и заикающихся, пѣніе служитъ однимъ изъ вѣрныхъ средствъ для исправленія голоса и произношенія. Не надо забывать, что голосъ и слухъ, какъ и другія способности, подлежатъ развитію и могутъ быть выработаны путемъ методическаго обученія и систематическихъ упражненій.

В. Съ какого времени слѣдуетъ начинать обученіе пѣнію?

Дѣти, какъ извѣстно, начинаютъ пѣть очень рано. Засыпая подъ звуки пѣсенъ еще въ колыбели, ребенокъ свыкается съ тихимъ, спокойнымъ ихъ напѣвомъ. Уже здѣсь начинается слухъ дитяти развиваться, хотя ребенокъ еще не различаетъ въ пѣсни отдѣльныхъ звуковъ, но воспринимаетъ пѣсню, какъ нѣчто цѣлое.

Съ развитіемъ организма, съ укрѣпленіемъ голосовыхъ органовъ, съ навыками въ рѣчи является мало по малу и навыкъ въ пѣніи. Тотъ который у ребенка, также какъ и рѣчь, образуется путемъ подражанія. Пяти—шестилѣтній ребенокъ уже подпѣваетъ матери и часто, стараясь подражать взрослымъ, выводитъ голосомъ мелодіи, весьма, впрочемъ, нестройныя, изъ которыхъ можно видѣть, что хотя въ ребенкѣ уже есть возможность пѣнія, но чувство тональности и музыкальнаго воспріятія находится еще въ загадочномъ состояніи. Наблюдая за постепеннымъ развитіемъ голосовыхъ средствъ ребенка, мы можемъ убѣдиться, что кромѣ особенныхъ случаевъ музыкальной даровитости, всегда являющейся исключеніемъ, дѣтскій голосъ формируется не раньше 8—9-ти лѣтняго возраста. Съ этого времени, а не прежде, слѣдуетъ и начинать ученіе пѣнію.

Хотя въ такъ-называемыхъ дѣтскихъ садахъ дѣтей учатъ пѣнію и раньше, что, при извѣстномъ выборѣ пьесъ, возможно, тѣмъ не менѣе собственно школьное обученіе пѣнію прежде указаннаго возраста мы не совѣтуемъ.

С. По слуху или по нотамъ слѣдуетъ обучать пѣнію?

На этотъ вопросъ можно услышать различные отвѣты относительно народной школы, гдѣ при краткости времени, пѣть и хорошо подготовленныхъ учителей пѣнію. Одни говорятъ, что если обучать пѣнію, то непременно по нотамъ, иначе не стоитъ и учить; народъ безъ нотъ и самъ поетъ такъ, что у него еще можно поучиться. Другіе же, ссылаясь на краткость времени, полагаютъ, что школа выполнить свое назначеніе, если разовьетъ и правильно поставитъ голосъ посредствомъ упражненій и передастъ со слуха („по паслышкѣ“) нѣсколько религіозныхъ, патріотическихъ и народныхъ пѣснопѣвій. Что на это сказать?

Мы полагаемъ, что самый вопросъ поставленъ фальшиво.

Обучать пѣнію толково, правильно иначе нельзя, какъ обучая и по слуху и по нотамъ. Никто не спрашиваетъ, какъ обучать грамотѣ — по слуху, съ голоса, или по буквамъ, по книгѣ? А между тѣмъ, въ обоихъ случаяхъ цѣль однородна: звуковая грамота ведетъ къ умѣнью читать книгу, музыкальная грамота даетъ умѣнье читать ноты.

Пѣніе по слуху и пѣніе по нотамъ представляютъ двѣ стадіи въ обученіи этому искусству. Какъ при обученіи грамотѣ дѣло начинается съ устныхъ предварительныхъ упражненій, такъ и при обученіи пѣнію слѣдуетъ начинать упражненіями съ голоса. Затѣмъ и въ дальнѣйшемъ обученіи пѣніе съ голоса служить вспомогательнымъ средствомъ для усвоенія мелодій, пока ученикъ не научится читать ноты также свободно, какъ читаетъ онъ книгу, и интонировать такъ вѣрно и свободно, какъ произносить легко и непринужденно членораздѣльные звуки рѣчи. Итакъ, возраженіе уничтожается единствомъ того и другаго способа: пѣть съ голоса и по нотамъ. Это-то же, что учиться говорить и читать.

Д. Одиочное или хоровое пѣніе должно вести въ народной школѣ?

Слѣдуетъ, по нашему убѣжденію, обучать тому и другому.

Одиочное пѣніе проще, конечно; оно представляетъ начальный способъ для развитія основныхъ элементовъ пѣнія; но безъ хорового оно является одинокимъ, не законченнымъ. Народъ не знаетъ гармоніи; пѣніе униссономъ у него преобладаетъ; однако же и онъ, по мѣрѣ умѣнья, прилаживается къ многоголосному пѣнію и вводитъ его въ свои пѣсни, руководясь инстинктомъ. Школа должна облегчить возможность пѣть гармонически цѣлой массѣ, съ раздѣленіемъ на голоса.

Но здѣсь представляются возраженія: а) для хорового пѣнія въ народной школѣ нѣтъ времени; б) оно трудно и не по силамъ ученикамъ; с) предполагая художественное развитіе въ пѣвцахъ, оно является въ школѣ недостижимымъ; наконецъ д) гдѣ взять голосовъ для хора въ школѣ?

Всѣ эти возраженія не основательны, хотя ихъ и приходится слышать даже отъ учителей пѣнія. а) Если въ народной школѣ есть вообще мѣсто пѣнію, то и хоровому пѣнію и время есть и мѣсто, потому что это не отдѣльныя занятія, а совмѣстныя. Начинаясь одиночнымъ, пѣніе мало по малу само собою, въ силу раздѣленія голосовъ и общей потребности участвовать въ общемъ дѣлѣ самостоятельно, переходитъ въ пѣніе хоровое. б) Что касается трудности послѣдняго, то затрудненіе лежало (и лежитъ) не въ существѣ дѣла, а въ неувлѣности учителей пѣнія. Если ученикъ основательно и бойко можетъ одинъ пропѣть мелодію, то совершенно непонятно, почему ту же мелодію онъ не можетъ пропѣть, когда другой голосъ ему подпѣваетъ? Совершенно напротивъ, у дѣтей замѣчается обыкновенно потребность именно пѣть не одиночно, а хоромъ. Наблюдая за обученіемъ пѣнію въ школахъ, я всегда находилъ, что пѣніе на два, на три голоса доставляло имъ величайшее удовольствіе и они съ необыкновенною охотою выполняли пьески хоровыя. Говорятъ, что хоровое пѣніе не по силамъ ученикамъ, но какое пѣніе? Есть и одиночныя пьесы (solo, ариѳ), которыя никакимъ ученикамъ начальной школы не подъ силу, но можно ли отсюда заключать, что и всякое пѣніе не по силамъ ученикамъ? Все дѣло въ выборѣ, въ постепенности перехода отъ легкаго къ трудному. Есть не мало такихъ пьесъ, которыя въ хоровомъ исполненіи не представляютъ трудностей и для дѣтей. Выборъ — дѣло учителя. с) Противники введенія хорового пѣнія въ школахъ указываютъ еще на то, что дѣти не могутъ-де обладать художественнымъ развитіемъ, безъ котораго невозможно пѣніе хоровое. И здѣсь преувеличеніе. На первой степени изящества выполненія въ музыкѣ является правильность, вѣрность пѣнія; если ученики будутъ на первый разъ имѣть въ виду только это качество пѣнія, то и тогда явится уже пѣкоторый ансамбль при хоровомъ выполненіи пьесъ: техническая выдержка, тонкіе оттѣнки, изящество, высшая художественность выполненія составляютъ результатъ долгихъ упражненій и было бы также странно требовать отъ дѣтей этихъ качествъ при пѣніи, какъ странно было бы при чтеніи отъ начинающихъ учиться грамотѣ требовать тонкой, выработан-

ной декламаци. Да наконецъ, если у дѣтей нѣтъ „художественности“, если чувство изящнаго у нихъ еще не развито, то надо позаботиться о развитіи его, а хоровое пѣніе представляетъ одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для этой цѣли. d) Спрашиваютъ еще, гдѣ взять голосовъ для хороваго пѣнія? Какъ будто дѣло идетъ о приглашеніи пѣвцовъ для оперныхъ представленій! Голоса всегда подъ руками: чѣмъ же выполняется одиночное пѣніе, какъ не голосами? Скажутъ: они не обширны. Обширныхъ голосовъ въ элементарномъ пѣніи и не требуется; обыкновенные дѣтскіе сопрано и альтъ весьма достаточны для выполненія дѣтскихъ пѣсенокъ на 2 и 3 голоса. Итакъ, есть и время, и средства, и полная возможность для введенія хороваго пѣнія въ народную школу.

Не надо забывать при этомъ благотворнаго вліянія хороваго элемента музыки на воспитаніе юношества. Вліяніе это обнаруживается а) навыкомъ къ дружному, совокупному дѣйствію; б) сознаніемъ необходимости дѣйствовать не порознь, но вмѣстѣ, общими силами достигать цѣли; в) привычкою тщательно выполнять свою собственную дѣятельность, согласуя ее съ дѣятельностью другихъ; г) взаимнымъ соревнованіемъ въ общемъ дѣлѣ и д) наконецъ, усвоеніемъ чувства мѣры, такта, гармоніи, которая благотворно отражается на внутреннемъ существѣ человека. „Кого не улаживаетъ гармонія, тотъ не достигъ гармоніи въ себѣ“, говоритъ великій славянской мыслитель-педагогъ.

IV.

О методѣ обученія пѣнію въ начальной школѣ.

„Музыкальная грамота“ даже до послѣдняго времени считается чѣмъ-то особенно труднымъ, не всякому доступнымъ. На самомъ дѣлѣ это лишь предразсудокъ, печальное наслѣдіе дурной школы, плохаго преподаванія, а отчасти пренебреженія къ дѣлу. Доселѣ представители музыкальной педагогики вовсе не заботились о выработкѣ простѣйшаго метода обученія этому искусству; о приготовленіи же искусныхъ учителей его въ народныя школы только теперь начинаютъ подумывать. А отъ мысли до дѣла не далеко.

Сама по себѣ „музыкальная грамота“ вовсе не головоломная хитрость. „Всякая музыка есть ничто иное“, пишетъ кн. Одоевскій, „какъ рядъ соединеній семи основныхъ величинъ и ихъ производныхъ“; точно также, какъ всякій рисунокъ, какъ всякое зданіе есть соединеніе прямой и кривой линій; какъ всякая живопись есть сое-

дивеніе семи основныхъ цвѣтовъ; какъ, наконецъ, вся математика есть соединеніе 10-ти основныхъ чиселъ“¹⁾).

Профессоръ Ларошъ, въ предисловіи къ руководству для обученія пѣнію по способу Шеве, пишетъ: „Можетъ показаться парадоксомъ несомнѣнная истина, что все музыкальное знаніе и умѣнье сводится къ одному главному признаку: къ умѣнію интонировать“, то-есть, „къ искусству представлять себѣ въ воображеніи и, по мѣрѣ физическихъ средствъ, брать голосомъ звукъ, изображенный условнымъ знакомъ на бумагѣ, или названный изустно“. Такимъ образомъ, вся музыка, говоря техническимъ языкомъ, „основана на интервалахъ“. Если взять во вниманіе, что основныхъ звуковъ 7, причемъ 8-й составляетъ удвоенное повтореніе перваго, что основныхъ интерваловъ тоже 7, а остальные производные, то усвоеніе „музыкальной грамоты“ уже и по этому не должно бы казаться труднымъ. Въ нашей буквенной азбуцѣ мы имѣемъ болѣе 30-ти основныхъ звуковъ, но овладѣваемъ искусствомъ чтенія недѣли въ 2, 3, 4. Судя по этому, на усвоеніе собственно чтенія нотъ не надо бы болѣе недѣли; между тѣмъ, на дѣлѣ и въ цѣлый курсъ ученія ученикъ рѣдко овладѣваетъ искусствомъ читать ноту съ листа, какъ книгу. Гдѣ причина столь страннаго явленія?

Причинъ много; но одна изъ важнѣйшихъ — дѣтское состояніе методики этого предмета, который всегда преподавали „техники“ и о которомъ въ педагогій только недавно стали говорить. Мысль, что „учитель пѣнія долженъ быть и хорошимъ педагогомъ“²⁾, составляетъ приобрѣтеніе столь новое, что оно еще не успѣло войти въ общее сознаніе и отразиться благотворными результатами на подъемѣ преподаванія этого искусства и успѣхахъ его въ школѣ. Другое препятствіе лежало въ нотаци, благодаря которой чтеніе нотъ приобрѣталось съ великою трудностію, а печатаніе нотъ обходилось крайне дорого. Улучшенія необходимо произвести во всѣхъ этихъ отношеніяхъ.

Существуетъ два метода преподаванія пѣнія: синтетическій и аналитическій.

По синтетическому способу ученики сначала заучиваютъ отдѣльные музыкальные звуки, въ видѣ гаммы, затѣмъ переходятъ къ болѣе

¹⁾ Кн. В. О. *Одоговскій*, «Муз. грамота для немусыкантовъ». М. 1868 г., стр. 5.

²⁾ «Der Gesanglehrer muss ein guter Pädagoge sein».

сложнымъ музыкальнымъ упражненіямъ, далѣе къ цѣлымъ пьесамъ, разучиваніемъ которыхъ и завершается приобрѣтеніе музыкальной техники.

По аналитическому способу дѣло идетъ совершенно обратнымъ путемъ. Учащіеся сначала, съ голоса, усваиваютъ нѣсколько простенькихъ пьесокъ, которыя и служатъ матеріаломъ для обученія. Сначала дѣти, какъ въ рѣчи, такъ и въ пѣсни, не различаютъ сознательно элементовъ ихъ, но принимаютъ ихъ какъ нѣчто цѣлое. Подъ руководствомъ учителя, ученики разлагаютъ это цѣлое на его элементы, на отдѣльные звуки, которые и различаются по высотѣ, силѣ, продолженію. Такимъ образомъ въ синтетическомъ способѣ обученіе, начинаясь съ элементовъ, восходитъ къ цѣлымъ пьесамъ; а въ аналитическомъ, начинаясь съ цѣлыхъ пьесъ, нисходитъ къ элементарнымъ звукамъ.

Всѣ наши руководства для обученія пѣнію составлены по синтетической методѣ; аналитическій способъ для нашихъ учителей и составителей руководствъ пѣнія доселѣ остается неизвѣстнымъ и мы не имѣемъ ни одного учебника, составленнаго по этому способу. Этому нельзя не подивиться, такъ какъ аналитическій методъ и есть единственный вполнѣ элементарный способъ обученія пѣнію.

Синтетическій методъ умѣстенъ при спеціальномъ обученіи музыки; но независимо отъ его малопрігодности въ начальной школѣ, обработка этого способа доселѣ у насъ была крайне плоха, въ чемъ всякаго можетъ убѣдить даже бѣглый пересмотръ учебниковъ пѣнія. Въ школахъ этихъ стереотипно повторяется одно и то же: всюду сначала дается понятіе о нотной системѣ, о гаммѣ, затѣмъ трактуется о ключахъ, объ интервалахъ, о знакахъ музыкальных украшеній, о діезахъ, бемоляхъ, о тактѣ, паузахъ, синкопахъ, при чемъ даются безконечные ряды упражненій во всѣхъ тонахъ въ мажорѣ и мінорѣ, совершенно напоминающіе массы складовъ, которыми наполнялись наши старинныя азбуки и которыя способны вызвать только скуку и отвращеніе въ учащихся. Примеры давались рутинно-однообразные, — ничего свѣжаго, живаго въ этихъ „школахъ“ нельзя и найти. Соответственно мертвой, рутинной обработкѣ учебниковъ, шло и самое преподаваніе пѣнію. Понятно послѣ этого, почему пѣніе давалось не многимъ, считалось какою-то премудростью, которую трудно одолѣть, и почему по выходѣ изъ школы пѣніе сейчасъ забывалось, не оставляя по себѣ никакого слѣда.

Въ виду совершеннаго отсутствія въ нашей педагогической ли-

тературѣ изложенія правильного элементарнаго обученія пѣнію; представляется не излишнимъ изложить его здѣсь хотя въ главныхъ чертахъ. Въ существѣ своемъ обученіе пѣнію совершенно аналогично съ обученіемъ грамотѣ (о чемъ уже сказано выше); поэтому представляется возможнымъ облегчить, упростить и сократить его, примѣнивъ къ нему тѣ приемы рациональнаго обученія, которые такъ упростили и облегчили обученіе грамотѣ.

V.

Приемы для начальнаго обученія пѣнію въ народной школѣ.

Обученіе пѣнію, какъ и обученіе грамотѣ, должно начинаться съ предварительныхъ упражненій. Цѣль ихъ заключается а) въ знакомствѣ съ голосовыми средствами дѣтей, съ ихъ подготовкой къ пѣнію; б) въ приговорительномъ развитіи слуха, такта, интонаціи, голоса; въ умѣннѣ различать высокіе и низкіе тоны; в) въ заготовленіи матеріала для дальнѣйшаго обученія; 2) въ приобрѣтеніи дѣтьми навыка писать первыя семь цифръ, которыя будутъ служить для письма нотъ далѣе; д) въ ознакомленіи дѣтей съ школьными порядками.

Первыя впечатлѣнія суть самыя сильныя, а потому учитель съ первыхъ же поръ долженъ всячески постараться расположить дѣтей къ дѣлу, внушить довѣріе къ себѣ и пробудить увѣренность, что учиться пѣть—дѣло не хитрое. Познакомившись съ учениками, пусть спроситъ, не знаютъ ли они какой пѣсенки? Какая изъ пѣсенокъ имъ нравится? Надо прежде всего развязать языкъ дѣтей, вызвать въ нихъ непринужденное, свободное отношеніе къ дѣлу, побѣдить свойственную дѣтямъ робость и вызвать въ нихъ соревнованіе. Для упражненія въ интонаціи надо предлагать поодиночно „попадать въ голосъ“ учителя; необходимость такта, мѣры, сама собою явится при исполненіи пѣсенокъ. Выборъ послѣднихъ долженъ приспособляться къ дальнѣйшей работѣ, при чемъ важно, чтобы пѣсенки заключали ясно и отчетливо простую діатоническую гамму, по возможности, въ предѣлахъ тетракорда или интервала квинты. Писанье цифръ идетъ параллельно съ устными упражненіями.

Въ основу всего обученія долженъ быть положенъ аналитико-синтетическій методъ, при чемъ фактъ всегда долженъ предшествовать выводу, примѣръ — правилу, частности — обобщеніямъ.

Послѣ предварительныхъ упражненій, самое важное—навести учениковъ вопросами такъ, чтобъ они сами сдѣлали разложеніе (анализъ) известной имъ пѣсенки съ голоса на звуки (ноты). Здѣсь особенно важна умѣлость, находчивость, изобрѣтательность учителя. Отъ удачи въ самостоятельномъ анализѣ первой пѣсенки много зависитъ дальнѣйшій успѣхъ обученія.

Для анализа необходимо выбрать такую пѣсенку или молитву, гдѣ постепенное восхожденіе звуковъ выдѣлялось бы весьма определенно. Мы советуемъ начинать съ молитвы, потому что это придаетъ болѣе серьезный характеръ занятіямъ, хотя выборъ зависитъ совершенно отъ учителя. Разумѣется, молитва, предназначенная для анализа, предварительно твердо усвоится учениками съ голоса. Для образца можно взять, напримѣръ, „Достойно есть“, которое въ цифровой нотации будетъ имѣть такое начало:

1 2 3 4 4 4 3 2 1

До-стой-но есть яко во истину и пр.

Когда дѣти пропоютъ съ голоса молитву ¹⁾, разъ.— другой, учитель обращаетъ вниманіе ихъ, что молитву можно со словъ записать на доскѣ (предполагается, что ученики уже могутъ писать устную рѣчь подъ диктовку). Вызвавъ одного ученика къ классной доскѣ, другаго заставляетъ вслухъ диктовать молитву, которая пишется на доскѣ ученикомъ. Написанное ученики читаютъ.

Послѣ этого учитель спрашиваетъ учениковъ, нельзя ли также подъ диктовку записать на доскѣ и голосъ (пѣніе) молитвы? Пусть ученики подумаютъ сперва сами, не догадается ли кто, въ чемъ дѣло. Остановившаяся на первой фразѣ молитвы, учитель заставляетъ ученика пропѣть ее попряжнѣй, а другихъ прислушиваться, одинаковые ли тоны (звуки) берутся голосомъ (съ различіемъ звуковъ по высотѣ ученики уже познакомились на предварительныхъ упражне-

¹⁾ Если учитель желаетъ начать съ пѣсенки, то для анализа очень удобна такая, напримѣръ, пѣсенка:

1 2 3 4 5 5 6 5 4 3 2 0 1 2 3 4 5 3 5 4 3 2
Трав-ка зе-ле-нветъ, Солнышко блестятъ, Ласточка весною Въ рощу къ намъ

1

летитъ.

Мелодія этой пѣсенки весьма отчетливо представляетъ гамму въ предвѣхт-квинты.

віяхъ). Въ избранной молитвѣ постепенность возвышенія тоновъ для уха весьма осязательна. Для большей наглядности учитель чертитъ, напримѣръ, такую фигуру:

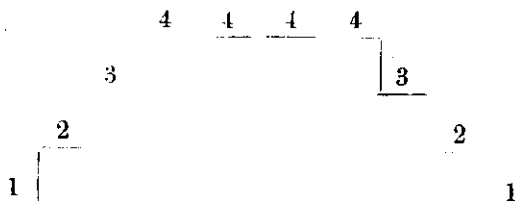

До—стой—но есть, я—ко—во—и—сти—нну

гдѣ каждому тону соотвѣтствуетъ особая ступенька. Дѣти поютъ текстъ подъ тактъ учителя, при чемъ одинъ ученикъ, стоя у класной доски, показываетъ, по слогамъ, соотвѣтствующую каждому тону ступень на чертежѣ. Для лучшаго усвоенія восхожденія тоновъ, можно и слѣдующія фразы изобразить такимъ же образомъ; а потомъ, вмѣсто текста, надо заставить пѣть по чертежу звукъ *a*, сохраняя мелодію.

Послѣ этого легко разложить мелодію на отдѣльные звуки, при чемъ дѣти отвѣтятъ на вопросы: сколько всѣхъ слоговъ въ первой фразѣ? Сколько соотвѣтствуетъ имъ тоновъ (нотъ)? Какой звукъ выше, какой ниже? и пр.

Такъ какъ изображать ноты приведеннымъ чертежомъ неудобно (громоздко), то учитель предложитъ отмѣтить звуки цифрами, при чемъ сперва и ставить ихъ на соотвѣтственныхъ ступеняхъ фигуры:

До—стой—но есть, я—ко во исти—нну...

Если затѣмъ, вмѣсто столь сложной фигуры (представляющей лишь вспомогательный чертежъ), написать просто однѣ цифры:

1 2 3 4 4 4 4 3 2 1.

До-стой-но есть я-ко во истинну...

подписавъ текстъ молитвы, то дѣтямъ уже будетъ ясно, что единицею изображается первый звукъ, двумя — второй, тремя — третій

г. д. Такимъ образомъ каждая цифра (условно, конечно) получить для дѣтей значеніе опредѣленнаго звука, причемъ цифра въ то же время съ точностью обозначаетъ и разстояніе каждаго звука отъ основнаго тона (интервалъ отъ тонины), что для пѣнія въ высшей степени важно.

Далѣе должна слѣдовать музыкальная диктовка. Сперва ученикъ пишетъ подъ диктовку мелодію разобранной молитвы, потомъ учитель даетъ для диктовки другія мелодіи подобныя (напримѣръ, „Взбранной Воеводѣ“... „Повелѣнное тайно приѣмъ“... и т. под.), причемъ одинъ поетъ медленно мелодію, а другой ее записываетъ. Упражненіе въ музыкальной диктовкѣ, неизвѣстное старымъ школамъ, составляетъ необходимую принадлежность рациональной метода обученія пѣнію.

Затѣмъ учитель приглашаетъ учениковъ на слухъ отгадывать, какой гонъ выше и ниже; на сколько ступеней выше или ниже, причемъ отвѣчающій показываетъ какими цифрами изобразить данные тоны. Такъ какъ всѣ упражненія сперва идутъ въ предѣлахъ тетрахорда, то ученики скоро освоятся со всѣми его звуками и легко выучатся писать подъ диктовку (это особенно важно), на слухъ, не только звуки въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ восхожденія и нисхожденія, но и въ раздробъ; равнымъ образомъ, по данной цифрѣ опредѣлять и выполнять голосами извѣстный звукъ.

Всякое движеніе впередъ основывается непременно на изученномъ предварительно съ голоса матеріалѣ. Напримѣръ, для изученія полной діатонической гаммы ученики могутъ усвоить хоть такой стихъ:

1 2 3 4 5 6 7 $\dot{1}$. \sharp 1 1 1 7 6 5 4 3 2 1. || 1 $\widehat{\cdot}$ |

Великъ и чуденъ Божій свѣтъ, куда ни глянь, предѣловъ ему нѣтъ. Нѣтъ! Послѣ сказаннаго учитель легко пойметъ, какъ воспользоваться этимъ матеріаломъ, чтобы вывести изъ него, при участіи дѣтей, понятіе о гаммѣ и т. д. ¹⁾

Давая примѣры музыкальнаго анализа и первыхъ приѣмовъ обученія, мы имѣли въ виду лишь нагляднѣе охарактеризовать путь новой методы; но каждый учитель можетъ изобресть множество другихъ

¹⁾ Въ настоящее время мы изготовляемъ по новой методѣ обученія одному и хоровому пѣнію практическое полное руководство съ упражненіями, которое предполагается издать подъ названіемъ «Музыкальная грамота для всѣхъ». Здѣсь приводятся только основанія этой методы.

пріемовъ для этой цѣли, лишь бы сохранялось существо метода. Методъ долженъ быть одинъ, а пріемовъ — неисчерпаемое множество; пріемъ анализа восполняется синтезомъ, самостоятельность ученика постоянно стоитъ на первомъ планѣ.

VI.

Нѣсколько общихъ замѣчаній дополняютъ очеркъ новаго метода элементарнаго обученія пѣнію.

1) Въ основу всего хода обученія должны полагаться простыя, не пзпацины мелодіи, съ текстомъ, доступныя ученикамъ, съ постепенно увеличивающимися трудностями въ отношеніи интерваловъ, такта, движенія (темпа) и объема голоса (диапазона).

2) Устные и письменныя работы идутъ рука объ руку, но первыя предшествуютъ вторымъ. Чтò ученикъ сьумѣетъ наизусть пропѣть, то онъ долженъ умѣть и написать съ голоса.

3) Теоретическія свѣдѣнія по музыкѣ сообщаются постепенно, по мѣрѣ и въ предѣлахъ дѣйствительной, практической въ нихъ нужды при выполненіи изучаемыхъ мелодій, и сейчасъ закрѣпляются новыми примѣрами. Такимъ образомъ нѣтъ нужды говорить о дополнительныхъ октавахъ въ основной гаммѣ, когда ихъ не встрѣчается въ мелодіи, или толковать о темпахъ въ $\frac{3}{8}$, $\frac{3}{4}$ и проч., когда мелодіи изучаются въ двухдольныхъ тактахъ. Прежде передача такихъ свѣдѣній начиналась съ первыхъ уроковъ, и ученику толковали о синкопахъ, о треляхъ, когда онъ еще не навукъ въ выполненіи простой гаммы въ четвертяхъ, чтò усвоилось одною памятью, а разсудокъ и представленіе подавляло.

4) Особенно важно для успѣха пѣнія, чтобы дѣти научились представлять всякій данный звукъ въ умѣ. Къ этой цѣли наилучшимъ средствомъ служить музыкальная диктовка и чтеніе нотъ (по цифрамъ). Оба эти упражненія должны идти постоянно черезъ весь курсъ ученія. Ученики должны совершенно свободно по слуху отгадывать интервалы и писать ихъ сами; каждая цифра (нота) должна служить для нихъ знакомъ дѣйствительной вещи (звука). Упражненія здѣсь могутъ быть разнообразны. Пусть одинъ ученикъ, взявъ тонику, называетъ вслухъ ту или другую ноту, а другіе со слуха ее поютъ, третьи ее записываютъ и т. д. Главное, чтобы при каждой задачѣ ученикъ непременно соображалъ, вникалъ, вслушивался въ звукъ и воспроизводилъ или отыскивалъ его совершенно сознательно. Только при та-

комъ способѣ обученіе пѣнію получать развивающій, образовательный характеръ и дать блестящіе результаты.

5) Рядомъ съ мелодіями (молитвы, гимны, пѣсни) должны идти упражненія въ сольмизаціи (выполненіе музыкальныхъ звуковъ по цифрамъ съ названіями нотъ: *до, ре, ми*, и проч.) и вокализахъ (выполненіе упражненій на однѣ гласныя). Второе важно для выработки собственно голоса, а первое — для отчетливаго, яснаго выговора.

6) Всѣ упражненія должны имѣть осмысленный характеръ изящныхъ мелодій, а не быть рутинно-однообразными имитаціями различныхъ чисто механическихъ сочетаній музыкальныхъ звуковъ, напоминающихъ бессмысленные склады старинныхъ азбукъ.

7) Какъ скоро дѣти утвердятся въ правильномъ и отчетливомъ выполненіи простенькихъ пьесъ, средняго темпа ¹⁾, простаго дѣленія въ тактѣ, въ предѣлахъ гаммы, научатся отчетливо различать и выдерживать изученные звуки, слѣдуетъ переходить къ пѣнію двухголосному. Для перехода отъ одиночнаго къ хоровому пѣнію могутъ служить каноны, которые представляютъ менѣе трудностей при выполненіи по самому своему построенію.

Всѣ подробности относительно передачи техники выполненія, теоретическихъ свѣдѣній по музыкѣ и проч., принадлежать уже практическому руководству, учебнику пѣнія, а потому мы ихъ здѣсь оставляемъ, считая сказанное достаточнымъ для того, чтобы учитель усвоилъ существо новой методы, въ которой обученіе переходитъ въ самообученіе и все опирается на самостоятельность и соображеніе ученика. Затѣмъ намъ остается сказать о нотаци, которая въ обученіи пѣнію имѣетъ несомнѣнно важное значеніе.

VII.

Существуетъ нѣсколько способовъ нотации, то-есть, способа изображать музыкальные звуки условными знаками (нотами).

Такая есть нота древне-церковная крюковая (безлинейная система), теперь сохранившаяся лишь въ старыхъ рукописяхъ; есть нота квадратная, которая и теперь употребляется въ церковныхъ обиходахъ (въ альтовомъ ключѣ); есть нота круглая, иначе называемая „итал-

¹⁾ Слишкомъ медленный темпъ, вообще чрезмѣрно долгія ноты положительно неудобны для первыхъ упражненій, такъ какъ учащійся еще не научился, владѣть дыханіемъ; умѣнье выдерживать долгіе тоны составляетъ искусство которое пріобрѣтается лишь упражненіемъ.

ітанская“; — это самый распространенный способ нотации; есть нота буквенная, которая употребляется для обученія музыкѣ слѣпыхъ, для чего печатается выпуклыми буквами; наконецъ, есть нота цифровая (или цифирная), которая употребляется при элементарномъ преподаваніи пѣнія ¹⁾.

Круглая нотопись италянская составляетъ универсальную азбуку музыки, посредствомъ которой печатается почти вся масса произведеній музыкальныхъ. Система эта довольно проста и всѣмъ извѣстна: на пяти линіяхъ ноты изображаются круглыми (бѣлыми и черными) знаками, причѣмъ для верхнихъ и нижнихъ октавъ употребляются прибавочныя черты сверху и снизу. Оставляя эту нотопись для спеціального техническаго изученія музыки и для печати обширныхъ и сложныхъ музыкальныхъ произведеній (гдѣ она, безспорно, не только умѣстна, но и незаменима), мы отдаемъ рѣшительное преимущество въ элементарномъ обученіи пѣнію нотописи цифирной. Достоинства ея въ этомъ отношеніи очевидны; они состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Цифирная нотация упрощаетъ передачу музыкальныхъ звуковъ, сводя все разнообразіе тональностей къ двумъ основнымъ (с *dur* и *a mol*), и всю разнообразную массу звуковъ къ 7-ми главнымъ тонамъ.

2) Такъ какъ цифра, выражая собою опредѣленный звукъ, въ то же время точно обозначаетъ интерваллъ его отъ звука основнаго, то при цифирной нотации дѣти скорѣе могутъ понять и усвоить отношеніе между музыкальными звуками.

3) Цифирная нотация одинаково доступна учителю и ученикамъ. Семь цифръ написать всякій умѣетъ; не надо при письмѣ ихъ никакихъ приспособленій, въ классѣ достаточно мѣла и доски, дома — пера и бумаги, чтобы написать всякую пьесу.

4) Цифирная нотация уничтожаетъ необходимость разныхъ ключей, которые затрудняютъ изученіе музыкальной грамоты и сбиваютъ учащихся съ толку.

5) Цифирная нотация представляетъ всѣ преимущества для совоупнаго класснаго преподаванія пѣнія; особенно она удобна для музыкальной диктовки и навыка въ чтеніи нотъ. Вообще при цифирной нотѣ легко и удобно производить самыя разнообразныя упражненія, при общемъ участіи всѣхъ учениковъ.

¹⁾ «Цифровую» нотопись не слѣдуетъ смѣшивать съ «цифрованными басомъ»; послѣдній составляетъ отрасль гармоніи, а первая есть простое изображеніе музыкальныхъ звуковъ цифрами.

6) „Цифирная нотация, — справедливо замѣчаетъ профессоръ Ларошъ, — отчетливо обозначаетъ гамму и обращается не къ памяти пѣвца, но исключительно къ гармоническому инстинкту человѣка, къ врожденному ему чувству тональности“.

7) Цифирный способъ начертанія нотъ приспособленъ къ самому обширному распространенію, вслѣдствіе своей общедоступности. Въ то же время примѣненіе этой нотописи неминуемо удешевило бы музыкальныя изданія до 50% — обстоятельство немаловажное тамъ, гдѣ идетъ дѣло о распространеніи музыкальнаго образованія въ массахъ. Ни съ чѣмъ несообразная дороговизна нашихъ нотныхъ изданій служила и долго еще будетъ служить положительнымъ препятствіемъ для обширнаго распространенія музыки въ народныхъ школахъ.

Система цифирной нотации проста до послѣдней степени: семи основнымъ тонамъ діатонической гаммы соотвѣтствуютъ семь цифръ, которыя и носятъ названіе обычныхъ нотъ гаммы:

1,	2,	3,	4,	5,	6,	7;
до	ре	ми	фа	солъ	ля	си

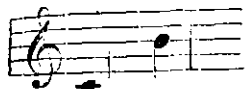
октава и слѣдующая отъ нея гамма вверхъ изображаются тѣми же семью цифрами, съ прибавленіемъ надъ ними точки сверху; нижняя октава имѣетъ то же цифирное обозначеніе съ точкой внизу. Знаки молчанія обозначаются нулями; діезы отмѣчаются перечеркиваніемъ ноты справа на лѣво, бемоли — перечеркиваніемъ слѣва направо.

Вотъ и вся нехитрая наука, всякому понятная, всякому доступная.

Говорятъ, этой нотописи не достааетъ наглядности. Мнѣніе ошибочное. Въ этой системѣ наглядности гораздо болѣе, чѣмъ въ круглой нотописи. Истинная наглядность состоитъ въ показаніи самаго предмета, въ его естественномъ видѣ, доступно вѣшнимъ чувствамъ, непосредственному наблюденію. Такимъ предметомъ при обученіи пѣнію является музыкальный звукъ; глазомъ его видѣть нельзя, только ухо можетъ его воспринять и анализировать. Такимъ образомъ, наглядность звуковъ — это само лѣвіе. Всякій вѣшній знакъ только условно можетъ служить для обозначенія извѣстнаго звука. Будетъ ли то линія, точка, буква, цифра, все это лишь знаки вещи, а не самая вещь. По отношенію же къ знакамъ можетъ быть рѣчь не о наглядности (ибо каждый видимый знакъ нагляденъ), но о болѣе или менѣе близкомъ соотвѣтствіи знака изображаемому пред-

мету. Въ этомъ отношеніи цифры обладаютъ несомнѣнными преимуществами.

Когда я вижу, напримѣръ, на линейной системѣ *до* и *си*

то я знаю только, что это *до* и *си* что *си* вообще выше *до*; но чтобы опредѣлить, насколько именно выше, надо счесть линіи и промежутки между ними, тогда лишь можно и сказать съ точностью отвѣтъ ¹⁾. Совсѣмъ иное дѣло при цифирной нотаци. Когда я вижу 1 и 7, то не только знаю, что это *до* и *си*, но прямо, съ точностью вижу, что *си* выше *до* на семь тоновъ, или, что то же, одновременно съ опредѣленіемъ нотъ отдѣльно по цифирной системѣ усвоиваю и ихъ интерваллы.

Что же касается до возраженія, что при изученіи пѣнія посредствомъ цифирной ноты ученикамъ придется побѣждать двѣ трудности: научившись пѣть по цифрамъ, придется разучиваться и снова учиться пѣть по нотамъ, то возраженіе это основано на недоразумѣніи или лучше на положительномъ незнакомствѣ съ дѣломъ.

Отношеніе между цифирною нотописью и круглою, по линейной системѣ, то же, что между азбукой гражданской и церковной. Никому не придетъ въ голову утверждать, что кто выучился читать гражданскую печать, тотъ для чтенія по славянски долженъ „разучиваться“ и снова учиться азбукѣ. Читающему гражданскую печать ровно ничего не стоитъ научиться чтенію по церковной печати. Не менѣе будетъ легко умѣющему читать ноту цифирную перейти къ чтенію ноты круглой. И по цифирной, и по всякой другой нотаци, при правильномъ обученіи, изучаются тѣ же музыкальные звуки и ихъ отношенія (интерваллы) и кто основательно изучилъ послѣдніе, для того ровно ничего не значитъ переходъ отъ однихъ знаковъ къ другимъ. Напротивъ, сравненіе различныхъ нотаций можетъ послужить только къ болѣе отчетливому усвоенію самаго предмета.

Приведенное возраженіе исходитъ отъ людей, практически дѣломъ не занимавшихся, но судящихъ о немъ умозрительно. Употребленіе цифръ при обученіи пѣнію теперь до того общепринято, что даже обучающіе по круглой нотаци прибѣгаютъ къ цифирнымъ

¹⁾ Конечно, для привычнаго глаза затрудненіе это не существуетъ, но рѣчь идетъ о дѣтяхъ, которые только *начинаютъ* учиться пѣнію, рѣчь идетъ о преподаваніи *элементарномъ*.

задачамъ и упражненіямъ. Равнымъ образомъ, и обучающіе по цифровой нотации не чуждаются линейной системы и употребляютъ ее для нѣкоторыхъ сравненій и поясненій. Противорѣчія тутъ никакого нѣтъ и быть не можетъ, потому что въ обоихъ случаяхъ предметъ остается тотъ же.

С. Миропольскій.

О ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАНЯТІЯХЪ ВОСПИТАННИКОВЪ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРІИ ВЪ НАЧАЛЬНОМЪ УЧИЛИЩѢ.

Одна изъ самыхъ важныхъ, и по нашему понятію, самыхъ трудныхъ задачъ учительской семинаріи это — разумное и вполне цѣлесообразное веденіе практическихъ занятій семинаристовъ въ начальномъ училищѣ. Важность этихъ занятій неоспорима. Намъ, правда, случалось слышать отъ нѣкоторыхъ лицъ слѣдующаго рода отзывы: „Къ чему при семинаріи училище для практики? Какъ ихъ (семинаристовъ) учили, такъ и они будутъ учить другихъ“. Но подобныя мнѣнія уже отжили свой вѣкъ. Недавно еще говорили и писали, что и учителя семинаріи для насъ не нужны, что и безъ нихъ можно набрать учителей для народныхъ школъ, сколько угодно. Оставляя безъ опроверженія, какъ опровергнутыя самою жизнью, такого рода мнѣнія, мы ограничимся здѣсь только повтореніемъ той общеизвѣстной истины, что теорія ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить практики. Теорія можетъ сообщить лучшіе способы въ обученіи дѣтей чтенію, письму и счисленію; можетъ указать общія, основанныя на новѣйшихъ научныхъ выводахъ, правила обученія и воспитанія дѣтей и средства къ болѣе успѣшному, всестороннему ихъ развитію, но никоимъ образомъ она не въ состояніи предусмотрѣть всѣ тѣ до безконечности разнообразныя явленія, которыя представляетъ жизнь народной школы. Впрочемъ ознакомиться съ ними и научиться подчинять ихъ своей волѣ (а это необходимо, — въ школѣ не должно быть ничего не предусмотрѣннаго, случайнаго) народный наставникъ можетъ только на практикѣ. Правда, практика здѣсь требуется не однолѣтняя. Учительская семинарія не въ состояніи сдѣлать своего воспитанника вполне опытнымъ наставникомъ. Тѣмъ не менѣе хорошо уже и то, если она на дѣлѣ познакомитъ воспитанника своего съ народною школою; если онъ, подъ руководствомъ своихъ воспи-

тателей, станетъ твердо на ноги и, получивъ въ послѣдствіи мѣсто наставника, явится въ своемъ училищѣ не конфузливый новичкомъ, невѣдущимъ съ чего начать и на чемъ кончить, а человѣкомъ, не только имѣющимъ навыкъ къ веденію школьнаго дѣла, но и порядочно знакомымъ уже со всѣмъ строемъ народной школы. Кто, подъ руководствомъ опытнаго мастера, съ помощью необходимыхъ столярныхъ инструментовъ, успѣлъ сдѣлать хотя самую простую, незатѣйливую домашнюю мебель, уже несравненно въ столярномъ ремеслѣ выше того, кто почти не держалъ въ рукахъ этихъ инструментовъ, хотя въ теоріи отлично знаетъ ихъ употребленіе. То же самое можно сказать и о народномъ наставникѣ. Пусть онъ наилучше будетъ подготовленъ теоретически къ своему дѣлу, но если онъ, будучи еще въ семинаріи, не успѣлъ испробовать своихъ познаній и своихъ педагогическихъ способностей на практикѣ, то не скоро потомъ онъ совладаетъ съ своимъ училищемъ и много придется ему потерять и времени, и силъ, и трудовъ совершенно безплодно! Не даромъ пословица говоритъ: „дѣло мастера боится“. А быть такимъ мастеромъ, котораго дѣло боялось бы, безъ надлежащаго практическаго съ нимъ ознакомленія, рѣшительно невозможно.

И такъ, полагаемъ, совершенно достаточно сказаннаго доселѣ относительно важности и необходимости практическихъ занятій семинаристовъ въ начальномъ училищѣ, которое, съ этою именно цѣлію и учреждается при каждой учительской семинаріи. Эта статья составляетъ существенную часть программы семинаріи, какъ спеціальнаго учебнаго заведенія для приготовленія учителей въ элементарныя народныя школы.

Но сколько важна и необходима практическая подготовка семинаристовъ къ будущей ихъ учительской дѣятельности, столько же почти и трудна вполнѣ цѣлесообразная ея постановка. Въ доказательство этого можно привести примѣръ изъ жизни Молодечненской семинаріи. Въ продолженіе ея десятилѣтняго существованія система практическихъ занятій воспитанниковъ въ начальномъ училищѣ мѣнялась уже нѣсколько разъ, и та, которой она держится въ настоящее время, едва ли, по указанію опыта, не подвергнется еще измѣненіямъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, всегда казалось, что въ ней чего-то недостаетъ, а чего именно — это видно будетъ изъ послѣдующаго.

Вотъ краткій очеркъ веденія практическихъ занятій въ Молодечненской учительской семинаріи. Воспитанники перваго выпуска

вовсе лишены были педагогической практики по слѣдующей причинѣ. Во второмъ году существованія семинаріи не было наставника начальнаго училища. Мѣсто его предоставлено было мѣстному приходскому священнику, который, имѣя и безъ того много занятій по своему многочленному приходу, поручилъ все дѣло обученія и воспитанія въ училищѣ причетнику, весьма мало подготовленому. Вотъ почему практическія занятія въ первомъ семинарскомъ курсѣ ограничились только тѣмъ, что директоръ, пригласивъ однажды воспитанниковъ и наставниковъ семинаріи въ училище, показалъ, какъ слѣдуетъ обучать грамотѣ по звуковому способу. Не можемъ удержаться, чтобъ не разказать случившагося при этомъ курьеза. Первоначально вызванъ былъ мальчикъ, уже порядочно умѣвшій читать. На требованіе произнести звуки ббб... ддд... и т. д., онъ безъ затрудненія это исполнилъ. По одинъ изъ наставниковъ семинаріи предложилъ вызвать для практики новичка, только что поступившаго въ училище. Вызвали его и стали требовать, чтобъ онъ произнесъ ббб... ддд... Мальчикъ смотрѣлъ—смотрѣлъ въ лицо педагогу и наконецъ разсмѣялся, но требуемыхъ звуковъ не произнесъ, за что былъ обозванъ идіотомъ и отосланъ назадъ за парту. А вотъ такихъ-то идіотовъ и приходится народному наставнику учить грамотѣ. Случай этотъ показываетъ, между прочимъ, сколько нужно умѣнья и терпѣнья, чтобы теорію примѣнить къ дѣлу.

И такъ, Молодечненскіе семинаристы перваго выпуска должны были удовольствоваться одною теоріею обученія и воспитанія. По устраненіи священника и его помощника отъ завѣдыванія училищемъ, практическія занятія въ немъ семинаристовъ велись слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ нихъ цѣлый день занимался преподаваніемъ въ училищѣ, въ присутствіи двухъ очередныхъ своихъ товарищей. На слѣдующій день одинъ изъ этихъ ассистентовъ поступалъ въ преподаватели, а ассистентомъ вмѣсто него дѣлался слѣдующій по порядку. И такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока каждый изъ воспитанниковъ выпускнаго класса не побывалъ практикантомъ отъ двухъ до трехъ разъ. Между тѣмъ какъ по три семинариста занимались такимъ образомъ въ училищѣ, въ классѣ ученье шло своимъ чередомъ. Система эта имѣла, очевидно, большіе недостатки. Съ одной стороны, каждый изъ семинаристовъ-практиковъ лишался въ теченіе трехъ дней возможности слушать лекціи своихъ наставниковъ, а слѣдовательно, и той пользы, которую выносили отсюда его товарищи, а съ другой—эти послѣдніе лишались возмож-

ности слѣдить за дѣятельностью практиканта въ училищѣ и достоинства или недостатки его преподаванія обращать себѣ въ назиданіе.

Но такая система практическихъ занятій существовала только до введенія въ дѣйствіе новаго положенія о семинаріяхъ, по которому къ прежнимъ двумъ семинарскимъ классамъ прибавленъ еще третій — практической по преимуществу. Затѣмъ введена была другая система, состоявшая въ томъ, что стали назначать изъ учениковъ 3-го класса по три и даже по четыре практиканта, а остальные раздѣлялись на столько же группъ, изъ коихъ каждая обязана была слѣдить за преподаваніемъ своего товарища. При этомъ присутствовалъ и тотъ наставникъ, по предмету коего производилась практика. Очередь повторялась нѣсколько разъ въ теченіе учебнаго года въ начальномъ училищѣ и только подъ конецъ его каждый изъ семинаристовъ выпускнаго класса обязанъ былъ на двухъ или трехъ урокахъ заниматься со всѣми тремя отдѣленіями училища единолично, въ присутствіи, конечно, всѣхъ своихъ сотоварищей и одного изъ наставниковъ семинаріи. Практическихъ уроковъ бывало всего до десяти въ недѣлю.

Система эта имѣла свои выгоды и невыгоды. Хорошо въ ней было то, что практикантъ, имѣя предъ собою только одну группу учениковъ, не развлекался и ему было легче на первыхъ порахъ управляться съ этою одною группой, чѣмъ съ цѣлымъ училищемъ. И для учащихся было хорошо, потому что ни одна группа ихъ не оставалась безъ наставника, а слѣдовательно и обученіе могло идти успѣшнѣе. Но неудобно было то, что при совмѣстномъ занятіи трехъ или даже четырехъ практикантовъ въ училищѣ и притомъ, когда двумъ или тремъ изъ нихъ приходилось заниматься даже въ одной комнатѣ, происходилъ невыносимый шумъ, такъ что требовалось большихъ усилій, чтобы ученики могли слышать слова учителя, и наоборотъ; да и наставникъ-руководитель, при такомъ порядкѣ, не могъ услѣдить надлежащимъ образомъ за тремя или четырьмя преподавателями-практикантами. Система эта въ 1875 году была отмѣнена. Теперь семинаристы выпускнаго класса сразу приступаютъ къ занятіямъ въ начальномъ училищѣ со всѣми тремя его отдѣленіями, въ назначенные по семинарскому росписанію часы, именно: одинъ занимается обученіемъ дѣтей, а остальные слѣдятъ за этимъ, причемъ присутствуетъ и тотъ наставникъ, чей по росписанію приходится практической урокъ.

Что касается другихъ учительскихъ семинарій, то мы не имѣемъ

почти никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ у нихъ ведется это важное дѣло. Только семинаріи Полоцкая и Бѣлгородская сообщили печатно кое-какія свѣдѣнія о практическихъ занятіяхъ своихъ воспитанниковъ, но свѣдѣнія эти не даютъ яснаго понятія ни о системѣ сказанныхъ занятій, ни о результатахъ, посредствомъ ихъ достигнутыхъ. А очень жаль, что учебныя заведенія этого рода, коихъ уже не мало въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, хранятъ упорное молчаніе о столь важномъ предметѣ. Скромность, положимъ, вещь похвальная, но не въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, гдѣ опытъ однихъ можетъ предохранить отъ увлеченій и ошибокъ другихъ дѣятелей на томъ же поприщѣ. Въ виду новости, а слѣдовательно и трудности сказаннаго дѣла, весьма желательно было бы, чтобы какъ учительскія семинаріи, такъ и вообще сходныя съ ними, по предмету своей специальности, учебныя заведенія, почаще обмѣнивались свѣдѣніями о томъ, какъ у нихъ ведутся и какими сопровождаются результатами практическія занятія въ училищѣ воспитанниковъ, приготовляемыхъ этими заведеніями къ учительской должности.

Быть можетъ, мы ошибаемся, и другимъ это дѣло не кажется столь важнымъ и труднымъ, какъ намъ. Дѣйствительно, на первый взглядъ, ничего въ немъ нѣтъ особенно мудренаго. Показать воспитанникамъ семинаріи на практикѣ, какъ они должны учить дѣтей, а потомъ смотрѣть такъ ли они ведутъ дѣло, какъ показано, вотъ, повидимому, и все. Но если вникнуть въ этотъ предметъ поглубже, то представится не мало вопросовъ, изъ коихъ нѣкоторые, при настоящихъ условіяхъ нашей народной школы, едва ли могутъ быть и рѣшены вполне удовлетворительно. Вотъ эти вопросы.

1) Какъ нужно смотрѣть на начальное при семинаріи училище: какъ на матеріалъ для педагогическихъ экспериментовъ, или же, какъ на учебное заведеніе, изъ котораго обучающіеся дѣти выносили бы всю ту пользу, какой слѣдуетъ ожидать отъ подобнаго рода заведеній, независимо отъ практическихъ занятій въ немъ семинаристовъ?

2) Должна ли семинарія, при веденіи практическихъ занятій въ своемъ училищѣ, строго держаться его программы и росписанія, или же можетъ измѣнять ихъ по своему произволу, какъ найдетъ для себя удобнѣйшимъ, примѣнительно къ *своему* классному росписавію? При томъ каждый ли семинаристъ выпускнаго класса долженъ исполнить всю недѣльную программу училища, или же можно удовлетворяться и отдѣльными практическими уроками, которые по семинарскому росписавію назначены такими?

3) Какъ распредѣлить практическія занятія въ училищѣ такимъ образомъ, чтобы, не смотря на нихъ и даже благодаря имъ, шло рядомъ и дальнѣйшее умственное развитіе практикантовъ; чтобы время, проводимое ими въ училищѣ, по крайней мѣрѣ тѣми, которые сами не преподають, а только наблюдаютъ за преподаваніемъ товарищей, не было потеряно безплодно?

4) Кто долженъ распоряжаться выборомъ и распредѣленіемъ учебнаго матеріала для практическихъ занятій и какое участіе въ занятіяхъ практикантовъ должны принимать, съ одной стороны, наставникъ начального училища, а съ другой—директоръ и наставники семинаріи?

5) Какъ должны вестись и обсуждаться отчеты объ этихъ занятіяхъ и какіе должны быть практическіе результаты общихъ о нихъ разсужденій семинарскаго совѣта; а равно какое должны принимать участіе въ этомъ семинаристы-практиканты и ихъ товарищи?

Мы не беремъ на себя обязанности рѣшить категорически предложенные вопросы, какъ потому, что не считаемъ себя достаточно для этого опытными въ педагогической практикѣ, такъ и потому, что, какъ уже замѣчено выше, рѣшеніе *всѣхъ* предложенныхъ вопросовъ едва ли пока и возможно. Мы желаемъ только высказать нѣкоторыя соображенія по занимающему насъ предмету, соображенія, основанныя на наблюденіяхъ, которыя мы имѣли возможность, въ теченіе не одного десятка лѣтъ, производить и надъ нашими начальными училищами вообще и въ частности надъ практическими занятіями воспитанниковъ Молодечненской семинаріи въ состоящемъ при ней училищѣ. Если наши соображенія хотя сколько нибудь облегчатъ путь къ рѣшенію предложенныхъ вопросовъ, или вызовутъ по крайней мѣрѣ сужденія о занимающемъ насъ предметѣ со стороны лицъ болѣе насъ свѣдущихъ въ педагогіи, то мы будемъ считать цѣль настоящей статьи достигнутою.

I. Для чего учреждаются при учительскихъ семинаріяхъ элементарныя училища? Для того ли только, чтобы воспитанники семинаріи имѣли возможность производить надъ учащимися въ этихъ училищахъ свою педагогическую практику? Такое ли здѣсь ихъ назначеніе, какъ, на примѣръ, клиники при медицинскомъ факультетѣ университетовъ, или садовъ и огородовъ для опытовъ при агрономическихъ учебныхъ заведеніяхъ?

Нѣкоторые дѣйствительно такъ и смотрятъ на училище при семинаріи, оправдывая свой взглядъ тѣмъ, что если оно и будетъ нѣ-

которымъ образомъ принесено въ жертву неопытности семинаристовъ-практикантовъ, если оно по этой причинѣ въ учебномъ отношеніи нѣсколько и потерѣетъ, за то училища, въ которыхъ эти самыя практиканты будутъ впослѣдствіи наставниками, будутъ избавлены отъ увлеченій съ ихъ стороны, промаховъ и ошибокъ, неизбѣжныхъ въ такомъ случаѣ, когда наставникъ принимается за свое дѣло безъ предварительной практической къ нему подготовки. Нельзя отрицать, что такой взглядъ заслуживаетъ отчасти уваженія. При началѣ каждаго новаго дѣла нельзя обойтись безъ нѣкотораго рода потерь.

Когда нашему бессмертному Суворову замѣчали, что на маневрахъ у него не обходится безъ несчастныхъ случаевъ, онъ говорилъ: „чтожь,—пять, десять человѣкъ убью, за то пятьдесятъ тысячъ выучу“. Такой способъ ученія въ суворовскія времена, можетъ быть, былъ и хорошъ, но теперь — въ концѣ XIX столѣтія онъ былъ бы уже анахронизмомъ. Теперь желательно, чтобы даже въ полевомъ ученіи выучивались искусно, быстро маневрировать десятки тысячъ солдатъ и ни одинъ изъ нихъ не былъ при этомъ убитъ. Это желаніе также справедливо, какъ и то, чтобы, при патологическихъ опытахъ студентовъ медицинскаго факультета, никто изъ больныхъ, поступающихъ въ университетскую клинику, не подвергался явной опасности лишиться жизни, или остаться на весь вѣкъ калѣкою, вслѣдствіе неумѣлаго леченія медиковъ-студентовъ. Нѣчто подобное можно сказать и объ училищѣ при семинаріи. Желательно, чтобы воспитанники ея приобрѣтали здѣсь на практикѣ возможно лучшую подготовку къ своей будущей дѣятельности, но чтобы въ то же время училище, служащее поприщемъ для практики, ничего не теряло отъ этого ни въ какомъ отношеніи. Напротивъ, желательно, чтобы оно, благодаря совмѣстнымъ трудамъ семинаристовъ и ихъ руководителей, было на самомъ дѣлѣ образцовымъ, какъ его нерѣдко называютъ. И намъ кажется, что оно можетъ и должно быть такимъ. Предположеніе это основывается у насъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: а) Состоя при семинаріи, какъ спеціально-педагогическомъ учебномъ заведеніи, начальное училище можетъ имѣть несравненно больше всякихъ учебныхъ пособій, чѣмъ другое подобное сельское или городское училище, стоящее особнякомъ. б) Оно находится подъ постояннымъ контролемъ начальства семинаріи, тогда какъ всѣ другія училища, состоящія въ вѣдомствѣ дирекцій народныхъ училищъ, могутъ подлежать инспекторской ревизіи одинъ, два или три раза въ теченіе

учебнаго времени въ году. Инспекторъ, при своей кратковременной ревизіи училища, никакъ не можетъ составить себѣ такого яснаго и совершенно вѣрнаго о немъ понятія, какъ еслибы оно находилось подъ постояннымъ непосредственнымъ его надзоромъ.

в) Одинъ наставникъ, какимъ бы онъ ни отличался умѣньемъ и любовью къ своему дѣлу, занимаясь ежедневно въ продолженіе шести часовъ съ 50—80-ю и болѣе учениками и притомъ не съ однимъ, а одновременно съ тремя отдѣленіями, распадающимися обыкновенно въ свою очередь на нѣсколько фракцій, можетъ утомиться ¹⁾, физически обезсилѣть, а семинаристъ-практикантъ совсѣмъ иное дѣло. Ему предстоитъ заниматься въ училищѣ всего одинъ часъ. Неужели въ теченіе этого одного учебнаго часа, при полнотѣ молодыхъ силъ и при той подготовкѣ, какую должна доставлять ему вся система семинарскаго преподаванія, онъ не въ состояніи преподавать свой урокъ наилучшимъ образомъ? Неужели, при помощи своихъ руководителей-педагоговъ, семинаристъ не можетъ приготовиться къ своему часовому практическому уроку такъ, чтобы онъ, и по содержанію своему, и по формѣ, былъ безупреченъ и чтобы учащимся принести всю ту пользу, какой послѣдніе вправѣ требовать отъ него? Кажется, это дѣло совершенно возможное. Все здѣсь зависитъ, съ одной стороны, отъ усердія семинаристовъ-практикантовъ въ приготовленіи къ своему уроку, а съ другой — отъ умѣнья, опытности и усердія ихъ наставниковъ - руководителей по части практики.

Мало того. Намъ кажется, что неудачные, неумѣлые опыты преподаванія семинаристовъ въ училищѣ рѣшительно не должны быть допускаемы. Независимо отъ сопряженной съ такими опытами потери времени для обучающихся дѣтей, они положительно вредны и для самихъ практикантовъ. Практика должна убѣдить ихъ, что тѣ приемы обученія, которые имъ рекомендованы, какъ самые цѣлесообразные, что тѣ правила методики и дидактики, которыя имъ преподааны, какъ вѣрное ручательство за успѣхъ, дѣйствительно вполнѣ практичны и плодотворны, и что, руководствуясь ими, дѣйствительно можно достигнуть въ обученіи дѣтей блестящихъ результатовъ. И съ какимъ удовольствіемъ практикантъ видитъ, что трудъ его не пропалъ даромъ, что дѣти вполнѣ усвоили имъ преподаанное, что его преем-

¹⁾ По крайней мѣрѣ пишущій эти строки, въ продолженіе 15-ти лѣтънаго преподаванія въ училищѣ закона Божія, испытывалъ это на себѣ. Каждый часовой урокъ болѣе утомлялъ его, чѣмъ трехъ-часовыя занятія въ семинаріи.

нику въ практикѣ не придется возвращаться назадъ и, какъ говорится, начинать съ начала, а можно будетъ сдѣлать шагъ впередъ, также съ надеждою на успѣхъ! Какимъ живительнымъ образомъ это должно дѣйствовать на молодаго человѣка, начинающаго испытывать свои силы на поприщѣ учительства! Какъ это должно возбуждать въ немъ довѣріе и къ себѣ, и къ семинаріи, приготовляющей его къ учительскому званію! Наоборотъ: неудачный опытъ сегодня, столь же неудачный завтра и т. д., не можетъ ли охладить въ практикантѣ душевной энергіи и тѣмъ самымъ вредно отозваться на послѣдующей его учительской дѣятельности? Онъ долженъ принятись за нее съ полною вѣрою въ себя, основанною на томъ убѣжденіи, что онъ твердо поставленъ на ноги воспитавшею его семинаріею, что ему слѣдуетъ только неуклонно идти впередъ указаннымъ ею путемъ и успѣхъ его дѣятельности вполне обезпеченъ.

И такъ, замѣченное въ Бѣлгородской семинаріи явленіе, что дѣти скорѣе выучивались грамотѣ, когда занимался съ ними одинъ учитель, нежели въ то время, когда занимались этимъ дѣломъ семинаристы-практиканты, мы считаемъ и не желательнымъ и не нормальнымъ. Мы положительно утверждаемъ, что училище при семинаріи, не смотря на производящуюся въ немъ учебную практику, можетъ и должно быть во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ. Давно сказано, что для ученика довольно, если онъ станетъ такимъ, какъ его учитель. На основаніи этого правила наставнику, получившему образованіе въ учительской семинаріи, естественно слѣдуетъ стараться поставить свое училище, въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи, на той высотѣ, на какой находится образцовое училище при семинаріи, слѣдовательно, оно и должно быть такимъ на самомъ дѣлѣ, чтобы можно было ставить его въ образецъ для другихъ подобныхъ училищъ, въ коихъ будутъ наставниками ея питомцы.

Но здѣсь мы должны отмѣтить одинъ фактъ, который парализуетъ надлежащее развитіе нашихъ элементарныхъ школъ и чрезвычайно тормозитъ ходъ въ нихъ обученія. Это — разновременное поступленіе дѣтей въ училище. Оно начинается въ сентябрѣ и продолжается вплоть до февраля, а иногда и дальше, такъ что нѣкоторые дѣти учатся, или по крайней мѣрѣ посѣщаютъ училище, въ теченіе учебнаго времени, какихъ нибудь шесть—семь недѣль.

Уже одно существованіе въ училищѣ трехъ отдѣленій сильно затрудняетъ учителя и вредитъ успѣху ученія. Какъ угодно, а записываются одновременно съ тремя отдѣленіями и съ одинаковою во

вѣхъ нихъ пользою — очень трудно. Сколько мы могли убѣдиться на опытѣ, только въ томъ отдѣленіи, въ которомъ самъ учитель, согласно росписанію, занимается лично, обученіе идетъ обыкновенно съ успѣхомъ, а что касается двухъ остальныхъ, то приходится довольствоваться уже и тѣмъ, если дѣти сидятъ смиренно и не мѣшаютъ заниматься другимъ но и это рѣдко бываетъ. И такъ, если пользу, приносимую учителямъ въ томъ отдѣленіи, въ которомъ онъ занимается самъ, изобразить единицею, то въ остальныхъ двухъ отдѣленіяхъ придется умножить ее по-крайней-мѣрѣ на половину и слѣдовательно, ежедневно изъ шести часовъ нормальнаго времени ученія, два часа пропадаютъ для учащихся почти даромъ. Надобно притомъ замѣтить, что съ каждымъ вновь поступающимъ ученикомъ или ученицей учителю необходимо заняться самому. А какъ же онъ можетъ исполнить это, когда ему слѣдуетъ по росписанію заниматься со вторымъ или третьимъ отдѣленіемъ? Между тѣмъ эти новички поступаютъ и сегодня, и завтра и т. д. Какъ же быть съ ними? Приходится или оставить ихъ на время безъ вниманія, или же, занявшись съ ними, предоставить самимъ себѣ прочихъ учениковъ. При прежнемъ способѣ обученія грамотѣ въ такихъ случаяхъ выручали учителя старшіе ученики, а при нынѣшней методѣ—это невозможно. Если такимъ образомъ разновременное поступленіе дѣтей въ училище чрезвычайно затрудняетъ учителя, то для семинаристовъ-практикантовъ оно служитъ рѣшительнымъ камнемъ преткновенія. Семинаристъ приготовился, напримѣръ, вести наглядную бесѣду съ двумя старшими отдѣленіями, а младшему обязанъ дать на это время работу. Но какую работу онъ дастъ новичкамъ, поступившимъ въ училище часъ тому назадъ? Впрочемъ, затрудненіе это существуетъ относительно не одного только перваго отдѣленія. Оно встрѣчается также при занятіяхъ со вторымъ и третьимъ отдѣленіемъ. Обученіе каждому предмету должно идти послѣдовательно, систематически. Преподаваемое сегодня основывается на томъ, что преподано вчера. И вотъ учитель ведетъ свое дѣло, приямърно, съ 1-го сентября, ведетъ уже недѣли двѣ - три, или даже мѣсяцъ, а тутъ вдругъ являютъ новые ученики въ одно изъ старшихъ отдѣленій, или въ то и другое вмѣстѣ. Какъ-же распорядиться съ этими вновь прибывшими учениками? Не останавливать же ради ихъ тѣхъ, которые поступили въ училище въ свое время и ушли далеко впередъ? Этимъ, между прочимъ, объясняется то ненормальное явленіе, что инныя дѣти нѣсколько зимъ ходятъ въ училище и не выучиваютъ

ся даже читать порядочно. Вообще, скажемъ опять, разновременное поступленіе дѣтей въ училище служить страшнымъ тормазомъ въ дѣлѣ обученія и никакъ не позволяетъ вести его правильно и съ надлежащимъ успѣхомъ. Это же самое препятствуетъ правильной постановкѣ практическихъ занятій такъ, чтобы они и учащимъ, то-есть, семинаристамъ-практикантамъ, и учащимся приносили надлежащую пользу и не были бы для тѣхъ и другихъ по большей части напрасною тратою времени. А между тѣмъ, какъ намъ кажется, очень возможно было бы устранить сказанное затрудненіе, по крайней мѣрѣ, относительно училища, существующаго при семинаріи. Стоило бы только начальству ея обратить на это серьезное вниманіе и, назначивъ крайній срокъ для принятія дѣтей въ училище, послѣ того не принимать никого больше; затѣмъ, практическія занятія начинать тогда только, когда комплектъ учащихся опредѣлится окончательно. Недостатка въ учащихся, и при такомъ, повидимому, стѣснительномъ условіи, бояться нечего. Предоставленная окончившимъ съ успѣхомъ курсъ начальнаго училища льгота при отбываніи воинской повинности служитъ сильною побудительною причиною для поселянъ къ отдачѣ дѣтей въ училище и только хозяйственные обстоятельства не дозволяютъ инымъ отпустить ихъ туда своевременно. Но мы увѣрены, коль скоро дѣло будетъ твердо поставлено, коль скоро родители обучающихся дѣтей убѣдятся, что нельзя посылать ихъ въ училище когда вздумается, то они будутъ отдавать ихъ туда въ назначенный срокъ. Пусть по этой причинѣ будетъ и меньше учащихся, за то успѣхъ обученія будетъ вѣрнѣе, за то скорѣе достигнется цѣль училища и окажется возможнымъ хотя состоящее при семинаріи училище поставить на надлежащую высоту, какъ въ учебномъ, такъ и въ дисциплинарномъ отношеніи, что въ свою очередь благотворно отзовется на практической подготовкѣ семинаристовъ къ учительской должности.

И такъ, начальное училище при семинаріи, какъ само по себѣ, такъ и по отношенію къ ней, будетъ вполне соответствовать своему назначенію только при томъ условіи, если учащіеся будутъ поступать въ опредѣленный срокъ и комплектъ ихъ въ теченіе всего учебнаго времени будетъ постоянно одинъ и тотъ же. Въ противномъ случаѣ оно будетъ только матеріаломъ для педагогическихъ опытовъ, и то плохимъ.

II. Второй вопросъ состоитъ въ томъ, должна ли семинарія, при веденіи практическихъ занятій въ училищѣ, строго держаться его

программы и росписанія уроковъ, или можетъ измѣнять то и другое, какъ будетъ находить удобнымъ для себя?

Вопросъ этотъ рѣшается просто. Такъ какъ воспитанники учительской семинаріи предназначаются въ наставники начальныхъ училищъ, то и должны они еще въ семинаріи практически ознакомиться съ веденіемъ учебно-воспитательнаго дѣла, именно въ такомъ видѣ, какъ оно должно вестись въ тѣхъ училищахъ, согласно утвержденнымъ для нихъ программамъ и инструкціи. Слѣдовательно, семинарія свои практическіе уроки въ училищѣ обязана исполнить примѣнять къ его программамъ и росписанію, иначе сказать, училище, учрежденное при ней, какъ относительно учебнаго матеріала и объема преподаванія, такъ и относительно прочихъ установленныхъ порядковъ, ни въ чемъ не должно разниться отъ прочихъ такихъ же училищъ.

Окончившій курсъ семинаристъ, при поступленіи на должность народнаго наставника, долженъ вступить въ свою школу какъ хозяинъ въ новый домъ, который можетъ быть просторнѣе или тѣснѣе, богаче или бѣднѣе прежняго, но въ которомъ условія и требованія жизни остаются тѣ же, и тѣ же, ожидаютъ его, уже знакомыя ему, занятія. Это условіе заставляетъ также желать, чтобы воспитанники выпускнаго класса семинаріи прослѣдили весь годичный курсъ начального училища: частію занимаясь въ немъ сами, частію наблюдая за преподаваніемъ своихъ товарищей. Въ результатѣ должно выйдти нѣчто цѣльное, т. е. окончившій курсъ семинаристъ долженъ вынести ясное представленіе о томъ, съ чего начинается, какъ продолжается и на чемъ оканчивается ученіе въ начальной школѣ, въ теченіе ея учебнаго сезона.

Но здѣсь представляется вѣкоторое затрудненіе относительно выполненія программъ, по коимъ должно производиться обученіе въ начальной школѣ. Программы эти довольно обширны и выполнить ихъ надлежащимъ образомъ, въ теченіе трехъ-лѣтняго курса, который, считая время дѣйствительнаго ученія, состоитъ изъ какихъ-нибудь 13—15-ти мѣсяцевъ, весьма затруднительно, особенно, если принять еще во вниманіе крайнюю умственную неразвитость крестьянъ, дѣти коихъ составляютъ главный контингентъ народной школы. Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, что сказанныя программы должны остаться мертвою буквою, что выполненіе ихъ невозможно въ будущемъ, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ наша народная школа поставлена теперь. Поэтому и въ настоящее

время результаты обученія во всякомъ начальномъ училищѣ, а тѣмъ болѣе въ состоящемъ при семинаріи, какъ образцовомъ, должны быть не проблематическіе, а въ дѣйствительности на столько близкіе къ результатамъ, требуемымъ программю каждаго учебнаго предмета, на сколько это доселѣ возможно. Семинаристъ долженъ убѣдиться собственнымъ опытомъ, что именно, при достаточномъ усердіи и умѣньи, можно сдѣлать, какихъ можно достигнуть успѣховъ по предметамъ ученья, примѣрно въ продолженіе недѣльныхъ занятій съ дѣтьми, слѣдуя училищному росписанію уроковъ. А возможно ли составить себѣ хотя приблизительное объ этомъ понятіе по отрывочнымъ, не имѣющимъ между собою почти никакой связи и послѣдовательности, практическимъ урокамъ? Да и вообще намъ кажется, что такіе уроки не достигаютъ цѣли, для которой они назначаются.

Вотъ напримѣръ, для церковно-славянскаго языка въ начальномъ училищѣ положено по росписанію четыре урока въ недѣлю,—по два въ каждомъ изъ двухъ старшихъ отдѣленій (въ младшемъ этотъ языкъ не преподается), а практической урокъ по этому предмету въ Молодечненской учительской семинаріи бываетъ въ теченіе недѣли только одинъ и постоянно въ одномъ третьемъ отдѣленіи. Можетъ ли семинаристъ на этомъ одномъ урокѣ провѣрить правила методики преподаванія славянскаго языка? Разумѣется, нѣтъ. Практика ограничивается здѣсь только чтеніемъ, да переводомъ на русскій языкъ отрывковъ изъ Евангелія или Часослова, съ указаніемъ притомъ нѣкоторыхъ граматическихъ особенностей славянскаго языка. А какъ прийтись за первоначальное обученіе этому предмету, съ какими трудностями оно бываетъ сопряжено, какъ устранять ихъ или преодолевать,—этого практика не показываетъ. Такимъ образомъ практической урокъ церковно-славянскаго языка принимаетъ чисто формальный характеръ. То же самое почти можно сказать и относительно другихъ предметовъ. Совѣтъ иногъ было бы дѣло, еслибы семинаристъ упражнялся въ преподаваніи не на отрывочныхъ только урокахъ, а имѣлъ возможность прослѣдить практически весь годичный курсъ обученія въ начальномъ училищѣ, еслибы онъ былъ заинтересованъ здѣсь ходомъ ученья въ такой же мѣрѣ, какъ въ своемъ собственномъ училищѣ. Тогда-то онъ и могъ бы составить себѣ общее представленіе о преподаваніи каждаго изъ учебныхъ предметовъ начальной школы, а это, въ свою очередь, имѣло бы не маловажное значеніе для дальнѣйшей его учительской дѣятельности.

И такъ состоящее при семинаріи училище должно сослужить ей

не фиктивную, а дѣйствительную службу, почему и должно составлять предметъ особенной ея заботливости. Практическія занятія въ немъ воспитанниковъ семинаріи должны быть вѣнцомъ ея дѣятельности и главнымъ критеріемъ состоятельности всей учебно-воспитательной ея системы. По нашему мнѣнію дѣльный практическій урокъ семинариста, вполне понятный и усвоенный учащимися, стоить всѣхъ его теоретическихъ отвѣтовъ на экзаменѣ, гдѣ онъ весьма часто говоритъ бойко и толково, но болѣе или менѣе чужое, усвоенное по книгѣ или по запискамъ преимущественно на память. Оттого-то и языкъ здѣсь слышится книжный, совѣмъ не такой, какимъ наставникъ начального училища долженъ бесѣдовать съ обучающимися дѣтьми и преподавать имъ предметы ученя. Напримѣръ, на экзаменѣ по педагогіи въ Молодечненской семинаріи воспитанники выпускнаго класса такъ и сыплютъ терминами, въ родѣ слѣдующихъ: силлогизмы, софизмы, сориты, дилеммы, индукція, дедукція, интенсивно, абсолютно, абстрактно, конкретно и т. д. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, такой языкъ свойственъ крестьянскому мальчику, который три-четыре года тому назадъ ходилъ за стадомъ домашнихъ животныхъ, или за бороною, и готовится быть учителемъ такихъ же какъ самъ крестьянскихъ дѣтей?

Неужели можно заключить, что онъ готовъ уже къ своей будущей учительской дѣятельности изъ того, что умѣетъ бойко проговорить цѣлыя тирады изъ логики, психологіи, дидактики, физиологіи; знаетъ имена всѣхъ замѣчательныхъ германскихъ педагоговъ и можетъ сказать: кто изъ нихъ въ какомъ году родился и какой педагогической системы былъ представителемъ? Можно ли заключить изъ того, что семинаристъ употребляетъ выраженія, напримѣръ, такого рода: „онъ (семинаристъ-практикантъ) вель дѣло свое *раціонально*“, вмѣсто того, чтобы сказать—*разумно, толково*; или, „я *контролировалъ* занятія и въ двухъ другихъ отдѣленіяхъ“ (на практикѣ въ училищѣ), вмѣсто того, чтобы сказать *пробиралъ* и т. п.,—можно ли говорить—заключить, что онъ уже настоящій педагогъ?

А между тѣмъ дѣйствительное знаніе, а не кажущееся только, дѣйствительное умственное развитіе, а не механическое, формальное, составляетъ для будущаго народнаго наставника условіе, *sine qua non*.

Если же умственное развитіе, въ соединеніи съ достаточнымъ запасомъ необходимыхъ научныхъ свѣдѣній, имѣетъ первостепенную важность въ приготовленіи молодыхъ людей къ должности народнаго

наставника, то практическія занятія въ училищѣ, при непродолжительности курса учительской семинаріи, не будутъ ли отнимать слишкомъ много времени у класснаго преподаванія предметовъ семинарской программы? Это приводитъ насъ къ обсужденію третьяго изъ предложенныхъ нами вопросовъ, относительно практическихъ занятій семинаристовъ въ начальномъ училищѣ.

III. Еслибы учительская семинарія, при своихъ практическихъ урокахъ, имѣла въ виду сообщить своимъ воспитанникамъ только внѣшнюю выправку, то-есть, приучить ихъ къ быстротѣ въ распоряженіи учебными пособиями и ловкости въ приемахъ обученія, то на это, конечно, и не потребовалось бы, и не слѣдовало бы терять, много времени. Нѣсколько практическихъ уроковъ въ этомъ родѣ и—молодой человѣкъ, уже немного развитой предварительнымъ ученіемъ, очень легко могъ бы усвоить себѣ внѣшнюю сторону педагогическаго искусства и сумѣлъ бы показать себя, гдѣ слѣдуетъ, въ самомъ выгодномъ для себя свѣтѣ.

Но дѣло въ томъ, что задача учительской семинаріи гораздо шире и возвышеннѣе. Цѣль ея, посредствомъ приготовленія дѣльныхъ наставниковъ для начальныхъ училищъ, хотя исподоволь, мало по малу, способствовать умственному и нравственному преуспѣванію простаго народа, способствовать распространенію въ немъ разумнаго, правильнаго воззрѣнія на окружающій міръ и на свои общечеловѣческія, религіозныя и гражданскія обязанности. Общество, принося значительныя жертвы на содержаніе учительскихъ семинарій, имѣетъ право требовать отъ нихъ не педагоговъ-диллетантовъ, а умѣлыхъ и честныхъ тружениковъ, которые способны были бы предаться своему дѣлу съ любовью, съ самоотверженіемъ и находить для себя награду главнымъ образомъ въ пользѣ, приносимой ихъ трудами дѣлу народнаго образованія. Иначе не зачѣмъ было бы и учреждать учительскія семинаріи. Всякій грамотный и толковый человѣкъ могъ бы быть наставникомъ-распространителемъ грамотности въ народѣ и даже не затруднился бы усвоить себѣ новѣйшіе способы обученія, которые, правду сказать, и не заключаютъ въ себѣ никакой особенной мудрости. Вотъ наприимѣръ, въ первомъ курсѣ Молодечненской семинаріи, вся практика, какъ сказано было выше, ограничилась только тѣмъ, что директоръ ознакомилъ воспитанниковъ съ приемами въ обученіи дѣтей грамотѣ по звуковому способу, и тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ и досихъ поръ считаются порядочными наставниками, въ смыслѣ распространителей грамотности. Но то, чѣмъ на первыхъ порахъ при-

ходилось довольствоваться по необходимости, не можетъ служить порою для дальнѣйшей дѣятельности учительской семинаріи. Задача ея все-таки стоитъ на своей высотѣ, каковы бы ни были временныя отъ нея уклоненія. Какимъ же способомъ она можетъ быть разрѣшена хотя приближительно?

Для выполнения первой половины своей задачи, то-есть, для надлежащей умственной подготовки своихъ воспитанниковъ къ учительскому званію, семинарія должна преподавать имъ твердое, основательное и по возможности ясное знаніе тѣхъ предметовъ, которые входятъ въ программу народной школы. Пусть кругъ познаній семинаристовъ будетъ и не обширенъ, но за то пусть ничего не останется въ немъ лишняго, недостаточно уясненнаго, поверхностнаго, по обратившагося, такъ сказать, въ ихъ плоть и кровь. Гоняться за многопредметностью, или же за излишними, не имѣющими прямого отношенія къ требованіямъ народной школы, подробностями по предметамъ ученія значить—не понимать задачи учительской семинаріи. Какое, наиримѣръ, могутъ имѣть отношеніе къ будущей учительской дѣятельности семинаристовъ біографическія свѣдѣнія о времени и мѣстѣ рожденія извѣстныхъ германскихъ педагоговъ и о томъ, кто изъ нихъ какой системы воспитанія былъ представителемъ? Равнымъ образомъ, какую пользу могутъ принести будущему народному наставнику свѣдѣнія о томъ, кто изъ нашихъ отечественныхъ педагоговъ какого держался, или держится и теперь, метода въ обученіи грамотѣ — аналитическаго или синтетическаго (хотя, мимоходомъ сказать, иной изъ нихъ можетъ быть не имѣлъ случая испробовать на практикѣ свой излюбленный методъ)? Семинаристы могутъ не знать ничего подобнаго, но если имѣя надлежащее понятіе о различныхъ методахъ обученія, онѣ умѣютъ пользоваться ими такъ, чтобы дѣло шло сколь возможно быстрѣе и успѣшнѣе, то для него совершенно достаточно. Но такое умѣнье обусловливается соответственнымъ умственнымъ развитіемъ самого будущаго учителя. Въ этомъ отношеніи практика можетъ принести готовящемуся въ семинаріи къ учительской должности существенную пользу. Давно сказано, что мы — уча другихъ, учимся сами. И дѣйствительно, никогда теоретическія свѣдѣнія, по какому бы то ни было предмету, не могутъ получить въ нашемъ сознаніи такой ясности, какъ въ то время, когда придется передавать ихъ другимъ. При малѣйшей сбивчивости, неясности пониманія предмета, преподаватель или станетъ въ тупикъ, или ударится въ пустословіе.

Что же касается другой половины задачи учительской семинаріи, то-есть нравственной подготовки воспитанниковъ къ учительской должности, то здѣсь-то болѣе всего и нужна практика въ обширномъ смыслѣ; иначе сказать, весь строй семинарской жизни и дѣятельности долженъ способствовать развитію и воспитанію въ молодыхъ людяхъ, готовящихся къ учительскому званію, чувства нравственнаго долга предъ Богомъ, отечествомъ и тѣмъ обществомъ, среди котораго имъ доведется жить и дѣйствовать. Для возможнаго достиженія этой цѣли необходимо, чтобы отношенія учащихся къ учащимся въ семинаріи дышали совершенною искренностью и нелицемѣрною любовью, по внушенію коей первые были бы готовы на посильные труды и даже, въ случаѣ нужды, на нѣкоторое самопожертвованіе для блага послѣднихъ. Наставники семинаріи, и во главѣ ихъ директоръ, должны служить для своихъ питомцевъ образцомъ честности, прямоты въ отношеніи къ нимъ и безкорыстной любви къ своему дѣлу. Всякая здѣсь фальшь, лицемеріе, своскорыстные расчеты могутъ производить на воспитанниковъ болѣе вредное вліяніе, чѣмъ личные нравственные недостатки воспитателей, которые вредятъ только имъ самимъ.

Мы какъ будто отклонились немного отъ главнаго предмета настоящей статьи, но не сошли однако съ практической точки зрѣнія на него. Педагогика постоянно твердитъ, что личный примѣръ наставника имѣетъ весьма большое воспитательное значеніе относительно обучаемыхъ имъ дѣтей. Слѣдовательно, это начало прежде всего должно быть положено въ основаніе учебно-воспитательной системы семинаріи, какъ разсадника народныхъ наставниковъ: здѣсь слово никогда не должно разходиться съ дѣломъ.

Что касается въ частности практическихъ занятій въ училищѣ, то и въ нравственной подготовкѣ семинаристовъ къ будущей ихъ должности занятія эти могутъ имѣть не послѣднее значеніе. По тому усердію, по той сосредоточенности и охотѣ, съ какими семинаристы готовятся къ практическимъ урокамъ и по тому одушевленію, съ какимъ преподастъ ихъ учащимся, можно заключить, на сколько семинаріа успѣла развить въ своемъ воспитанникѣ тѣ душевныя качества и завершить въ немъ тѣ нравственныя правила, которыми должна обуславливаться его дѣятельность въ школѣ, какъ воспитателя по преимуществу.

Но понятно, что если взглядъ нашъ на практическія занятія вѣренъ, если они дѣйствительно имѣютъ столь важное значеніе въ ум-

ственной и нравственной подготовкѣ семинаристовъ къ учительскому званію, то при условіяхъ, поставленныхъ нами для этихъ занятій, они поглотятъ весь учебный годъ въ третьемъ или выпускномъ классѣ семинаріи. Но неужели отъ такого порядка можетъ произойти какая либо потеря для воспитанниковъ этого класса? Неужели только классное преподаваніе предметовъ семинарскаго курса можетъ способствовать умственному развитію учащихся и обогащенію ихъ необходимымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній? Когда больше пользы выносить для себя ученикъ, тогда—ли, какъ слушаетъ лекціи своего наставника и потомъ повторяетъ ихъ; или же, когда приобрѣтенныя уже познанія прилагаетъ къ дѣлу? Мы, съ своей стороны, на основаніи личнаго опыта и многолѣтнихъ наблюденій, приписываемъ весьма большое въ этомъ отношеніи значеніе самодѣятельности учащагося. Нужно только, чтобы эта самодѣятельность была разумно направляема наставниками—воспитателями и чтобы учащійся имѣлъ нѣкоторую научную къ ней подготовку. Для такой подготовки учителя семинаріи имѣютъ достаточно времени, именно: три года, со включеніемъ пригготовительнаго класса; а въ три года очень возможно ознакомить воспитанниковъ съ теоріею предметовъ семинарскаго курса, на сколько это необходимо для будущаго учителя начальной школы. Слѣдовательно, весь четвертый годъ можно почти всецѣло посвятить практикѣ въ училищѣ не только безъ малѣйшаго ущерба для умственного развитія семинаристовъ, а напротивъ, въ интересахъ этого самаго развитія. Практика, при благоразумномъ распоряженіи ею, можетъ служить самымъ лучшимъ для него прищемъ.

Пусть только каждый практикантъ добросовѣстно, всесторонне готовится къ своему уроку; пусть тщательно провѣряетъ каждый разъ, что сдѣлано его сотоварищемъ на предыдущемъ урокѣ, пусть вникаетъ, отъ чего произошелъ успѣхъ или неуспѣхъ предыдущаго преподаванія; пусть вдумывается серьезно, нельзя ли вести дѣло обученія лучше, чѣмъ оно было ведено до него,—и несомнѣнно, что такая самодѣятельность, при помощи и указаній опытныхъ руководителей, скорѣе расширитъ его умственный кругозоръ и приготовитъ къ веденію учебнаго дѣла самостоятельному, разумному, чуждому мертвящей рутинѣ и, слѣдовательно, вполне плодотворному.

Но могутъ замѣтить, что, при самомъ тщательномъ приготовленіи къ практическимъ урокамъ и при самомъ добросовѣстномъ ихъ выполненіи, у семинаристовъ выпускнаго класса, если они на время

практики въ училищѣ будутъ освобождены отъ теоретическихъ уроковъ, останется не мало свободнаго отъ занятій времени. А развѣ не нашлось бы чѣмъ его наполнить? Не говоря уже о томъ, что практикантъ обязанъ вести дневникъ своимъ занятіямъ и вносить въ него не только содержаніе и ходъ собственныхъ практическихъ уроковъ, но и общія замѣчанія объ урокахъ своихъ сотоварищей, мало ли еще сколько можно было бы дать ему соответственной работы? Напримѣръ, большая часть воспитанниковъ семинаріи, при выпускѣ изъ нея, не умѣетъ удовлетворительно излагать мысли свои на бумагѣ и всѣ они бывають ознакомлены съ отечественною литературою только поверхностнымъ образомъ. Для восполненія перваго изъ этихъ недостатковъ было бы не бесполезно назначать почаще воспитанникамъ выпускнаго класса составленіе сочиненій на темы, не выходящія изъ круга ихъ познаній и относящіяся преимущественно къ предметамъ ихъ занятій въ начальномъ училищѣ. А для большаго ознакомленія съ отечественною литературою можно было бы отдѣлить ежедневно, примѣрно, два часа вечеромъ на чтеніе какъ оригинальныхъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей, такъ и переводовъ съ иностранныхъ языковъ, подъ руководствомъ, разумѣется, очереднаго наставника. Такого рода чтеніе, при соответственномъ его цѣли выборѣ сочиненій и при умѣньи руководить имъ, могло бы сдѣлаться для семинаристовъ пріятнымъ развлеченіемъ, временемъ отдыха послѣ другихъ дневныхъ занятій, которыя, не смотря на всю приносимую ими пользу, не могутъ не казаться большинству молодыхъ людей утомительными.

Впрочемъ, учительская семинарія, какъ заведеніе чисто спеціальное, должна имѣть и особенную, своеобразную постановку своего учебно-воспитательнаго дѣла. Весь строй занятій въ семинаріи долженъ быть направленъ къ достиженію предназначенной ей цѣли, то-есть, къ приготовленію дѣльныхъ учителей для народныхъ школъ, такихъ учителей, которые не только обладали бы умѣньемъ съ успѣхомъ обучать дѣтей грамотѣ, но способны были бы, на сколько это возможно съ ихъ стороны, содѣйствовать умственному и нравственному развитію простаго народа, будучи въ то же время одушевлены полною готовностью посвятить этому дѣлу свои свѣжія, молодые силы. Вотъ почему, между прочимъ, намъ кажется, что на воспитанниковъ выпускнаго класса семинаріи слѣдовало бы смотрѣть не какъ на школьниковъ, воимъ задается обыкновенно такая работа: „вотъ тебѣ урокъ, выучи его къ слѣдующему уроку“, а какъ на лю-

дей, стоящихъ уже на пути къ самостоятельной учительской дѣятельности. Поэтому и работу нужно было бы давать имъ такую, которая исподоволь, практически, подготовляла бы ихъ къ этой дѣятельности.

Если же семинарія будетъ напирать главнымъ образомъ на то, чтобы нагрузить головы своихъ воспитанниковъ массою разпородныхъ, научныхъ свѣдѣній, изъ коихъ бѣльшая часть, по естественному ходу вещей, тутъ же и испаряется, то чѣмъ она будетъ отличаться отъ другихъ общеобразовательныхъ заведеній средней руки, чѣмъ она оправдываетъ свое названіе—разсадника народныхъ учителей? Вѣдь многіе и изъ окончившихъ съ успѣхомъ курсъ уѣздныхъ училищъ, или даже нигдѣ не окончившихъ курсъ ученія выдержали удовлетворительно экзаменъ въ дирекціяхъ народныхъ училищъ и теперь подвизаются на поприщѣ сельскаго учительства наравнѣ съ окончившими курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ. Значитъ, если при всемъ томъ учреждаются послѣднія, то отъ нихъ требуется нѣчто особенное, нѣчто большее сравнительно съ другими учебными заведениями, не предназначенными спеціально къ той же цѣли. А это *большее*, по нашему понятію, есть не что иное, какъ твердая, разумная практическая подготовка молодыхъ людей къ учительской дѣятельности. Знаніе *всего* по немножку, близко граничащее съ ничемъ незнаемымъ, не можетъ создать хорошаго сельскаго учителя. Оно можетъ только въ молодомъ человѣкѣ, готовящемся къ этой должности, развить самовѣніе, неясныя, неопредѣленныя стремленія къ чему-то высшему и за тѣмъ недовольство своимъ положеніемъ, а при невозможности выйти изъ него, сдѣлать его апатичнымъ и постепенно превратить его въ такого же грамотѣя, какими бываютъ большая часть сельскихъ наставниковъ, никогда не видавшихъ учительской семинаріи и попавшихъ въ это званіе по пословицѣ: „на безрыбѣ и ракъ рыба“.

IV. О важности практической подготовки семинаристовъ къ будущей ихъ учительской дѣятельности сказано, полагаемъ, достаточно. Теперь естественно представляется вопросъ: кто же долженъ быть распорядителемъ ихъ практическихъ занятій въ начальномъ училищѣ? Первымъ условіемъ и цѣлью этихъ занятій поставлена нами польза обучающихся дѣтей. Она же должна служить и главнымъ критеріемъ цѣлесообразности постановки этого дѣла. А извѣстно, что когда въ веденіи какого-либо дѣла участвуетъ нѣсколько лицъ, то успѣхъ зависитъ отъ единства ихъ дѣйствія. Изъ этого, по нашему мнѣнію, выходитъ, что занятіями семинаристовъ-практикантовъ въ училищѣ

должно руководить одно лицо. Кто же долженъ быть этимъ руководителемъ или распорядителемъ занятій? Обыкновенно принимаетъ на себя этотъ трудъ директоръ семинаріи и, по нашему мнѣнію, едва ли основательно. Роль его здѣсь — только роль наблюдателя. А распорядителемъ практическихъ занятій долженъ быть наставникъ начальнаго училища, такъ какъ на немъ лежитъ отвѣтственность за успѣхъ ученія. Каждый семинаристъ на время практики въ училищѣ долженъ быть относительно наставника его нѣкоторымъ образомъ alter ego. Последний, какъ намъ кажется, обязанъ представлять заблаговременно въ совѣтъ семинаріи росписание, что и по какому предмету имѣетъ быть преподано въ каждомъ изъ трехъ отдѣленій училища въ теченіе наступающей недѣли. Совѣтъ семинаріи, по разсмотрѣніи этого росписанія, долженъ распредѣлить по немъ практическія занятія между семинаристами. Затѣмъ, наставники семинаріи должны заняться тщательною подготовкой практикантовъ къ назначенному уроку, каждый по своему предмету, и, наконецъ на самомъ урокѣ наблюдать, такъ ли выполнено дѣло, какъ должно, нисколько не вмѣшиваясь въ самое преподаваніе; наставникъ же училища обязавъ слѣдить главнымъ образомъ за тѣмъ, вполнѣ ли преподанное усвоено учащимися. Вотъ въ чемъ, по нашему понятію, должна состоять дѣятельность наставника училища и преподавателей семинаріи по предмету практическихъ уроковъ, назначаемыхъ семинаристамъ. Что роль наставника училища не должна быть только пассивною, что она не должна состоять лишь въ обученіи дѣтей въ то время, когда не занимаются съ ними семинаристы, на это указываетъ отчасти то обстоятельство, что ему назначено, по семинарскому уставу, жалованье втрое больше, сравнительно съ таковымъ же прочихъ народныхъ наставниковъ. При этомъ, безъ сомнѣнія, имѣлось въ виду, что наставникомъ училища при семинаріи долженъ быть знатокъ своего дѣла, человекъ вполнѣ способный принять дѣятельное участіе въ практической подготовкѣ ея воспитанниковъ къ учительской должности.

V. Наконецъ, остается еще рѣшить вопросъ, какъ должны обсуждаться практическія занятія семинаристовъ въ училищѣ и какіе отсюда должны быть практическіе результаты?

Воспитаніе, по нашему понятію, вообще и особенно въ учительской семинаріи должно быть направлено не къ тому, чтобы развить въ воспитанникахъ гордую самозвѣренность въ своихъ совершенствахъ, а, напротивъ, къ тому, чтобы приспособить ихъ къ постоянному, терпѣливому, устойчивому труду, приучить ихъ относиться критически къ своей дѣя-

тельности. Вотъ почему намъ кажется, что первый голосъ, при обсужденіи практическаго урока, долженъ быть предоставленъ самому практиканту: на сколько онъ самъ остался доволенъ своимъ урокомъ, въ чемъ онъ встрѣчалъ затрудненіе, при своемъ преподаваніи, или, напротивъ, что способствовало его успѣху и т. п. Онъ же—практикантъ долженъ высказать при этомъ свое мнѣніе о томъ, на сколько усвоенъ учащимися предыдущій урокъ, ибо каждый урокъ въ начальномъ училищѣ долженъ начинаться не иначе, какъ съ повторенія предыдущаго. Само собою разумѣется, что мнѣніе практиканта должно быть провѣрено съ мнѣніемъ о томъ же предметѣ наставника училища, который одинъ долженъ отвѣчать за успѣхъ здѣсь ученія. Послѣ практиканта должно быть предоставлено право его сосоварищамъ высказать безъ всякаго стѣсненія свое мнѣніе объ его урокѣ. Наконецъ, члены педагогическаго совѣта тутъ же, гласно, въ присутствіи семинаристовъ выпускнаго класса, должны были бы составить окончательное сужденіе о данномъ практическомъ урокѣ и за симъ открыто внести таковое въ протоколъ.—При такомъ порядкѣ письменные отчеты какъ практиканта, такъ и его ассистента, оказались бы совершенно не нужными, а это очень важно, ибо эти отчеты, требуя много времени и труда отъ семинаристовъ, остаются только бесполезнымъ балластомъ въ архивѣ семинаріи. При такомъ порядкѣ протоколы педагогическаго совѣта получили бы смыслъ и значеніе и засѣданія его утратили бы свой однообразный характеръ. Они сдѣлались бы въ дѣйствительности *педагогическими* засѣданіями, а не случаемъ только для многократнаго повторенія преподавателямъ педагогики своихъ классныхъ уроковъ. Считаемъ не лишнимъ присовокупить, что, при обсужденіи практическихъ уроковъ семинаристовъ, долженъ быть предоставленъ не послѣдній голосъ наставнику училища, въ которомъ производилась практика.

Протоіерей **М. Ивановскій**.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ УЧЕБНИКАХЪ РУССКАГО ЯЗЫКА ДЛЯ ТАТАРСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ШКОЛЬ.

Необходимость распространенія грамотности въ народѣ сознава у насъ и правительствомъ и обществомъ, и по мѣрѣ возможности уже прилагаются дѣятельныя старанія объ устройствѣ народныхъ школь, приготовленіи для нихъ учителей, составленіи руководствъ и книгъ для народнаго чтенія. Но не мало живетъ у насъ всякихъ инородцевъ, разсѣянныхъ преимущественно въ восточныхъ и юго-восточныхъ предѣлахъ Россіи; надо же было и о нихъ подумать: не вѣкъ же имъ жить особнякомъ отъ первенствующаго въ государствѣ великорусскаго народонаселенія; надо же и имъ когда-нибудь плотнѣе примкнуть къ массѣ и перестать пестрить собою карту пространнаго Россійскаго государства. У насъ давно, впрочемъ, начали помышлять объ обрусѣніи инородцевъ; но только средствомъ къ этому считали въ прежнее время единственно религіозную пропаганду. Конечно, обращеніе инородцевъ въ христіанство само по себѣ есть дѣло прекрасное; но едва-ли можно приписывать ему предпочтительное, не только что исключительное, значеніе въ дѣлѣ объединенія инородческихъ элементовъ съ остальною, чисто русскою, массою народонаселенія, въ сравненіи съ языкомъ, могущество котораго въ этомъ отношеніи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Поэтому нельзя не отдать полной справедливости мнѣнію, высказанному въ засѣданіи международнаго конгресса ориенталистовъ 28-го августа профессоромъ-синологомъ В. П. Васильевымъ касательно перевода книгъ Св. Писанія на языки и нарѣчія русскихъ инородцевъ. Почтенный ученый считаетъ совершенно излишними подобныя переводы. Мнѣніе свое онъ основываетъ на томъ, что большинство этихъ языковъ и нарѣчій принадлежитъ довольно мелкимъ по численности народцамъ, не имѣющимъ никакой литературы, и потому слишкомъ скудны для выраженія высокихъ

истинъ христіанскаго вѣроученія, такъ что переводить св. книги на эти языки значило бы искусственно создавать инородческую литературу, мало того — создавать до нѣкоторой степени и самый языкъ. Но къ чему ведетъ подобный трудъ? Нельзя же въ дѣлѣ пропаганды ограничиваться лишь высшими, душеспасительными цѣлями и упускать изъ виду цѣли чисто культурныя, когда и тѣ и другія легко совмѣстимы и ни мало не противорѣчатъ другъ другу. А едва ли пужно доказывать, что будущая культура нашихъ инородцевъ возможна для нихъ лишь подъ условіемъ полного ихъ сліянія съ русскою народностью, въ смыслѣ единого народа, говорящаго однимъ языкомъ, или, по крайней мѣрѣ, понимающаго одинъ общій языкъ, языкъ литературный. Въ виду этого естественно возникаетъ необходимость распространенія русской грамоты среди инородцевъ, каково бы они ни были племени; забота о просвѣщеніи ихъ должна преслѣдовать именно ихъ руссификацію. Если смотрѣть на дѣло иначе, то надлежало бы, на примѣръ, Татаръ совсѣмъ оставить въ покоѣ: у нихъ, какъ у мусульманъ, грамотность распространена, пожалуй, еще больше, чѣмъ у Русскихъ, принадлежа къ числу предписаній ихъ религіознаго закона. Но государству нѣтъ дѣла до ихъ мусульманско-арабской грамотности: удовлетворяя религіознымъ потребностямъ Татаръ, она совершенно не пригодна для цѣлей государственной общественной жизни. Татары, чтобы стать истинными членами русскаго государственнаго организма, должны знать языкъ своего государства. Составляя незначительное меньшинство всего народонаселенія имперіи, они, конечно, должны понимать языкъ, на которомъ пишутся общіе для всей страны законы, безъ знанія коихъ невозможно общеніе. Не вѣкъ же правительству вникаться съ инородцами, какъ съ дѣтьми, и всякое свое распоряженіе, всякое мѣропріятіе, клонящееся къ общей пользѣ страны, переводить на ихъ языки. Поэтому весьма естественно, что правительство энергически взялось за дѣло обученія русской грамотѣ Татаръ, наряду съ прочими инородцами. Въ этомъ нѣтъ посягательства на ихъ собственную, чисто мусульманскую школу: у муллы своего они могутъ учиться арабскимъ каракулямъ и читать, ни слова не понимая, свой коранъ, а въ школѣ должны учиться русскому языку безъ всякаго отношенія къ религіи.

Примѣняя вышесказанное къ дѣлу обученія Татаръ въ учреждаемыхъ правительствомъ школахъ, мы въ правѣ ожидать, чтобы обученіе это велось именно въ интересахъ сближенія Татаръ съ массою русскаго народонаселенія. Само собою разумѣется, что все

будеть зависѣть тутъ отъ силъ и цѣлесообразности средствъ, то-есть отъ знанія и добросовѣстности руководителей и годности учебныхъ пособій. Отвѣтомъ на послѣднее требованіе и служатъ, между прочимъ, два печатныя руководства къ изученію русскаго языка для Татаръ, составленныя для татарскихъ школь, учрежденныхъ и учреждаемыхъ въ Казанскомъ, Оренбургскомъ и Одесскомъ округахъ. Одно изъ этихъ руководствъ есть „Краткій практическій учебникъ русскаго языка для татарскихъ начальныхъ школь“, составленное г. И. Казасомъ (Одесса, 1873 г.); а другое — „Грамматика русскаго языка, составленная для Татаръ Восточной Россіи“ г. В. Р. (Казань, 1873 г.). Вотъ объ этихъ-то двухъ руководствахъ мы и позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, чтобы показать, въ какой мѣрѣ удовлетворяютъ они цѣли, для которой предназначены ихъ авторами.

Книжка г. Казаса, какъ сказано въ предисловіи къ ней, составляетъ только первый отдѣлъ предполагаемаго цѣлаго учебника, и за этотъ отдѣлъ слѣдуетъ приниматься послѣ ознакомленія учениковъ съ русскою грамотою по букварю того же г. Казаса. Далѣе, планъ изложенія главнѣйшихъ правилъ этимологіи и синтаксиса русскаго языка въ этомъ первомъ отдѣлѣ, по заявленію составителя, *практическій*. Наконецъ многое, касающееся строя русской рѣчи, огложено до втораго отдѣла и пропущено въ настоящемъ изданіи „по нѣкоторымъ педагогическимъ соображеніямъ“, говоритъ авторъ, не объясняя, впрочемъ, что именно пропущено, и какія это соображенія, руководившія имъ при составленіи перваго отдѣла, хотя они-то и могли бы служить не маловажнымъ критеріемъ для надлежащей оцѣнки учебника.

Практичность учебниковъ по языкамъ въ настоящее время понимается въ томъ смыслѣ, что матеріаль въ нихъ долженъ быть наиболѣе удобопонятный, примѣнимый къ возрасту и потребностямъ учащихся; онъ долженъ быть расположенъ такъ, чтобы ученики съ наименьшимъ трудомъ могли запоминать излагаемыя въ руководствахъ правила грамматики чуждаго языка. Для этой цѣли теперь обыкновенно берется какая-нибудь готовая, или придумываемая самимъ авторомъ, но непремѣнно цѣльная статейка, дѣлится на части въ размѣрѣ того, сколько нужно на одинъ урокъ, и анализируется самымъ подробнымъ, элементарнымъ образомъ въ видѣ вопросовъ съ параллельными при нихъ отвѣтами, причемъ и тѣ и другіе составляются исключительно изъ словъ, содержащихся въ избранномъ для того

отрывкѣ. Сущность такого метода, признаннаго теперь безусловно пригоднымъ, заключается въ томъ, чтобы повтореніемъ на разные лады однихъ и тѣхъ же оборотовъ рѣчи, заставить учащихся, незамѣтно для нихъ самихъ, усвоить эти обороты, а постепеннымъ, вначалѣ механическимъ, заучиваньемъ наизусть отрывковъ *цѣльной* статьи окончательно закрѣпить въ ихъ головѣ добытыя путемъ катехизаціи формы чуждой рѣчи.

Прилагая означенныя требованія къ учебнику г. Казаса, мы видимъ, что онъ не совсѣмъ-то открѣчаетъ имъ: и выборъ матеріала, и расположеніе его нельзя назвать вполне удачными. Вотъ нѣсколько примѣровъ словъ и фразъ, встрѣчающихся въ учебникѣ какъ въ русскомъ, такъ и въ татарскомъ текстѣ: „*млашъ*“ (стр. 85); „о (китабъ) *пекъ енилъ* окулуиръ (та книга *легко* читается)“ (стр. 57); „пособить — *чаре булмакъ* (собственно: *найти средство*)“ (стр. 63); „я знаю многихъ людей, которыхъ *мнность сдѣлала несчастными*“ (стр. 82); „надъ моремъ *висълм* черныя тучи“ (стр. 97); „справедливо ли то, что мы слышали сегодня о твоихъ *искреннійшихъ* друзьяхъ?“ (стр. 105); „счастливы тотъ, для кого годы дѣтства были и *юдами ученія*“ (стр. 126); „мы не можемъ не любить ученія, *узманъ приносимую имъ пользу*“ (стр. 138); „бень севейримъ, ки бана иктизалы китабларъ херъ демъ *бенимъ эллеримъ алтынды* булунсынларъ (я люблю, чтобы книги, которыя мнѣ нужны, всегда *находились подъ рукою*)“ (стр. 113); „не *изьдавъ* броду, не суйся въ воду“ (стр. 142); „бѣдныя люди терпятъ много *душевнаго* горя“ (стр. 99); „я *имтъ* садъ“ (стр. 59); „стѣны нашего дома *украшены картинами*, нарисованными твоимъ братомъ“ (стр. 134); „къмъ *были* нарисованы картины, *украшающія* стѣны вашего дома?“ (стр. 134); „каждую ночь на небесахъ мы видимъ *миліоны Божіихъ чудесъ*“ (стр. 134). Едва ли нужно доказывать, что одни изъ вышеприведенныхъ словъ и выраженій неудачны потому, что суть метафоры, свойственныя только литературной рѣчи и доступныя пониманію лишь людей зрѣлаго возраста; другія представляютъ собою какіе-то дѣланые примѣры, отзывающіеся отсутствіемъ естественности въ своемъ востроеніи и какою-то риторическою вычурностью; третьи мало понятны по несоотвѣтствію съ предметами окружающей дѣтей-татаръ бытовой обстановки (какъ плащъ, картины, запрещаемыя закономъ мусульманскимъ); иныя взяты не въ прямомъ своемъ и общепотребительномъ значеніи (какъ пособить); наконецъ есть и просто неправильныя. Кстати сказать: ужъ если выбирать для примѣровъ

русскія пословицы, то лучше всего такія, для которыхъ находятся соответствующія и у Татаръ, а ихъ не мало: это было бы и удобопонятнѣе для дѣтей, да и облегчило бы ихъ запоминаніе.

Но главное, что лишаетъ учебникъ г. Казаса права на названіе практическаго, это совершенное отсутствіе катехизаціи, такъ что остается понимать эту практичность, вмѣстѣ съ авторомъ, въ отрицательномъ смыслѣ—устраненія изъ учебника какихъ бы то ни было теоретическихъ правилъ. Катехизація тутъ не восполняется фразами для перевода, составляемыми изъ помѣщенныхъ въ началѣ каждаго параграфа словъ, выборъ коихъ ничѣмъ не обусловленъ, такъ какъ фразы эти не имѣютъ никакой между собою связи, вслѣдствіе разрозненности, негруппированности около какого-либо опредѣленнаго предмета, а потому и не совсѣмъ удобны для запоминанія. Къ такому же неудобству, думаемъ, должна вести и разбросанность словъ синонимическихъ. Такъ, напримѣръ, слова *быкъ* и *волъ* поставлены каждое особо и съ особымъ равнозначащимъ съ нимъ татарскимъ (стр. 13). Точно также на стр. 18 видимъ врозь слова *школа*—мектебъ, *училище*—мектебъ, а потомъ, на стр. 22, *классъ*—тоже мектебъ. Естественно, что повтореніе синонима каждый разъ должно вызывать въ головѣ ученика новое представленіе о предметѣ, въ сущности уже извѣстномъ ему, но каждый разъ являющемся какъ бы въ новомъ видѣ, и потому должно затруднять запоминаніе ихъ значенія. Такія же вещи, встрѣчаемыя въ руководствѣ, какъ „*ученье*—*та'лимъ* и *ученіе*—*огрепмекъ*“ (стр. 62), или: „Николай, Василій—*адамъ-исмлери*“ (стр. 34), легко могутъ быть поняты въ буквальномъ смыслѣ, то-есть что *ученье* значитъ по-татарски *та'лимъ*, а *ученіе*—*огрепмекъ*, съ какою-то загадочною разницею ихъ между собою, и что „Николай, Василій“ суть слова, значащія по-татарски „адамъ-исмлери“ (имена людей), такъ какъ въ первомъ случаѣ нѣтъ никакого указанія на свойственную русскому языку двойственность и вмѣстѣ тождественность окончаній *іе* и *ве*, а во второмъ нѣтъ татарской транскрипціи приведенныхъ собственныхъ именъ, а вмѣстѣ нея стоитъ пояснительная оговорка, которую и можно счесть переводомъ тѣхъ именъ.

Нельзя отнести къ числу практическихъ приемовъ неурядицу въ изложеніи частей русской рѣчи и частыя повторенія одного и того же безъ видимой въ томъ нужды. Кажется, авторъ хотѣлъ сперва познакомить съ мѣстоименіями, потому что они и стоятъ у него на первомъ мѣстѣ. Но тотчасъ же оставляетъ онъ ихъ и переходитъ

къ глаголамъ и къ именамъ прилагательнымъ. а потомъ снова восемь разъ возвращается къ мѣстоименіямъ (стр. 1, 3, 9, 14, 25, 37, 45, 47, 53 и 63). Равнымъ образомъ, не видно обособленности, такъ сказать, выдѣленности, и въ изложеніи другихъ частей рѣчи: имена прилагательныя переплетаются то съ глаголами, то съ мѣстоименіями, то съ существительными и т. п., хотя въ этомъ незамѣтно никакого очевиднаго, ни теоретическаго, ни практическаго основанія, которое вызывалось бы, напримѣръ, или общностью свойствъ разныхъ частей рѣчи, или обуславливалось требованіями такъ называемаго концентрическаго метода.

Судя по тому, что ни въ одномъ параграфѣ учебника не дано никакихъ правилъ или, по крайней мѣрѣ, теоретическихъ примѣчаній къ примѣрамъ, надо полагать, что таковыя, по цѣли автора, замѣняются у него бросающимися въ глаза особенностями печатнаго шрифта въ цѣлыхъ словахъ, или только въ окончаніяхъ словъ, такъ что по этимъ-то выдающимся шрифтовымъ особенностямъ учащійся долженъ догадываться о томъ, что извѣстное слово, или окончаніе особенно замѣчательно для него, представляя собою образецъ той или другой русской граматической формы.

Такая система намековъ на правила посредствомъ шрифта, безъ сомнѣнія, была бы очень полезна и цѣлесообразна, еслибы только она была вездѣ проведена въ руководствѣ съ надлежащею послѣдовательностью и точностью; а этого-то, къ сожалѣнію, и не оказывается. Такъ, напримѣръ, на страницѣ 14 значится: „этотъ поясъ, эта шуба“ и т. д. Тутъ, очевидно, сопоставленіе мѣстоименій съ именами существительными сдѣлано для указанія рода послѣднихъ посредствомъ нагляднаго соответствія ихъ окончаній; а между тѣмъ такой наглядности не оказывается по той причинѣ, что окончанія не напечатаны особымъ шрифтомъ, какъ бы слѣдовало ожидать по намѣченной авторомъ системѣ. А параллелизмъ этотъ былъ бы очень полезенъ именно въ трудномъ дѣлѣ сообщенія понятія о граматическомъ родѣ именъ Татарамъ, въ языкѣ коихъ этого понятія не существуютъ, хотя, впрочемъ, эта польза не исключаетъ необходимости примѣненія и другаго приѣма, котораго также мы не находимъ въ учебникѣ. Послѣдній могъ бы состоять въ приложеніи ко всѣмъ существительнымъ словъ *эркѣкъ* (самецъ), *дмий* (самка) и, пожалуй, мы бы прибавили еще, *балъ* (дитя). При именахъ существительныхъ, обозначающихъ предметы неодушевленные, означенныя слова употреблялись бы метафорически; а для именъ предметовъ одушевлен-

ныхъ и сами Татары употребляютъ ихъ въ своемъ языкѣ для обозначенія естественнаго рода предметовъ.

Мѣстоименіе *чей* переведено въ учебникѣ татарскимъ словомъ *киминъ*, *киминъ* (стр. 9); а *киминъ* собственно есть родительный падежъ мѣстоименія *кимъ*—„кто“, и потому русское *чей*, не имѣя вполне соответствующаго себѣ въ татарскомъ языкѣ особаго слова, лучше могло бы быть объяснено заурядъ съ мѣстоименіемъ *кто*. Это невольно чувствовалъ, кажется, и самъ составитель учебника. потому что дальше, на страницѣ 44, приводитъ примѣръ „киминъ (чей) сеси хошъ дыръ?“, но только тѣмъ и ограничился, что при татарскомъ *киминъ* поставилъ въ скобкахъ русское *чей*, не сдѣлавъ ни одного намека на соотношеніе обоихъ мѣстоименій.

Подобный же недостатокъ методичности замѣтенъ и въ передачѣ на татарскій языкъ различныхъ значеній русскаго глагола *быть*. Не практично уже то, что о немъ трактуется нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ учебника, хотя едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ, въ параллельныхъ примѣрахъ, была бы виднѣе разница въ его употребленіи. Татарскій глаголь *бытъ* представляетъ замѣчательную аналогію съ русскимъ въ предпочтительномъ употребленіи формы третьяго лица единственнаго числа настоящаго времени *есть* (дыръ) вмѣсто множественнаго *суть* (дырларъ), и въ значеніи служебномъ (какъ французское *est*) и въ значеніи знаменательнаго „существовать“, „находиться“ (какъ французское *il y a*). Но вмѣсто того чтобы хорошенько провести эту аналогію, авторъ почему-то обращаетъ особенное вниманіе на форму *суть*, въ иныхъ случаяхъ даже съ насиліями татарскаго синтаксиса, оставляя въ сторонѣ малоупотребительность этой формы въ русскомъ языкѣ въ значеніи связки. Такъ онъ приводитъ примѣръ: „Аи ве бѳру джанваръ дырларъ“ = медвѣдь и волкъ (*суть*) звѣри (стр. 14); или еще: „арсланларъ джанларларъ дыръ“ = лвы суть звѣри (стр. 15). Здѣсь существительное *жанваръ* принимается, по духу татарскаго языка, въ значеніи отвлеченнаго собирательнаго имени, а потому не нуждается въ примѣтѣ множественнаго числа *ларъ* ни при себѣ, ни, какъ и въ русскомъ языкѣ, при вспомогательномъ глаголь *дыръ* = *есть*. Если же сказуемое должно относиться къ каждому изъ подлежащихъ въ отдѣльности, то оно хотя и ставится во множественномъ числѣ; но только аффиксъ *ларъ* обыкновенно соединяется со сказуемымъ именемъ существительнымъ, а не со вспомогательнымъ

глаголомъ, который, какъ и въ русскомъ языкѣ, остается въ формѣ единственнаго числа.

Далѣе, въ татарскомъ языкѣ не существуетъ глагола *имѣть*. Въ русскомъ языкѣ онъ также малоупотребителенъ. И въ томъ и въ другомъ онъ замѣняется оборотами съ глаголомъ *быть*. Чего же еще лучше? Между тѣмъ авторъ учебника какъ будто съ намѣреніемъ игнорируетъ эту аналогію, когда въ § 29 (стр. 59—61) даетъ цѣлый рядъ примѣровъ, содержащихъ въ себѣ глаголь *имѣть*, вмѣсто того чтобы поставить эти примѣры параллельно съ болѣе естественными оборотами рѣчи съ глаголомъ *быть*, какъ видоизмѣненіе послѣднихъ, то-есть, вмѣсто того, чтобы ставить особнякомъ фразу „я *имѣю садъ*—бенимъ бахчамъ варъ“ лучше бы сказать: *у меня есть садъ* (я имѣю садъ) бенимъ бахчамъ варъ“, и т. п. Въ § 33 (стр. 79) снова трактуется о глаголѣ *быть* въ значеніи *принадлежать*, хотя такая обособенность ничѣмъ не оправдывается.

Не вдаваясь въ подробный разборъ изложенія другихъ свойствъ и формъ русскаго языка, можно замѣтить вообще, что въ руководствѣ изрѣдка встрѣчаются русскія слова и цѣлыя фразы, просто неправильно переведенныя на татарскій языкъ, или же составленныя противно русской грамматики. Такъ, на примѣръ, слово „*неученье*“ переведено потатарски *джаахильликъ* (стр. 62), что значитъ „невѣжество“, „неученость“; отъ существ. *поясъ* множественное число сдѣлано *поясы* (стр. 14), а не *пояса*, какъ бы слѣдовало; во фразѣ „наши *зеркала* красивѣе вашихъ *зеркала*“, вопреки духу русской рѣчи, повторено слово *зеркало*, хотя и въ татарскомъ переводѣ можно было бы обойтись безъ этого повторенія; примѣры; „учитель *велѣлъ*, чтобы мы написали (?) эту басню“ (стр. 111) и „учительница *приказала*, чтобы мы рѣшили на завтра эту задачу“ (стр. 112) явно погрѣшаютъ противъ русскаго синтаксиса; пословицы „займомъ *богачъ* не будешь“ (стр. 106) и „не *изводишь* броду, не суйся въ воду“ (стр. 142) приведены въ искаженномъ видѣ.

Татарскій текстъ руководства довольно правиленъ, хотя и тутъ по временамъ встрѣчаются уклоненія, повидимому сдѣланныя намѣренно, въ видахъ наибольшей точности перевода русскихъ фразъ. На примѣръ, фраза: „Я знаю, кто твой отецъ“ переведена: „Бенъ билиримъ кимъ диръ сенинъ бабанъ“ (стр. 64); или: „и Богъ любить того, кого всѣ любятъ“—„Аллахъ да севейръ о кимсены, ви херь кесъ севейръ“ (стр. 104). Татары такъ не говорятъ. Для надлежащей ясности слѣдовало бы эти фразы привести параллельно въ

совершенно правильномъ, сообразномъ съ татарскою конструкціей. переводѣ; по этого не сдѣлано.

Обратимся теперь къ „Грамматикѣ русскаго языка, составленной для Татаръ восточной Россіи“ г. В. Р. Мы имѣли случай познакомиться только съ частью I, —этимологіею; не знаемъ, вышла ли въ свѣтъ вторая. Она напечатана на двухъ языкахъ, татарскомъ и русскомъ, параллельно. Прежде чѣмъ коснемся нѣкоторыхъ частныхъ, скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ свойствѣ этого произведенія современной дидактической литературы.

Если въ учебникѣ г. Казаса недостаетъ иногда системы, то ужь никакъ нельзя сказать того же о грамматикѣ г. В. Р., которая есть воплощенная система, по крайней мѣрѣ по вѣшнему своему виду. Вся книжка раздѣлена на главы; главы—на параграфы; параграфы—на пункты. Однихъ параграфовъ на $11\frac{3}{2}$ страницахъ насчитывается 186, да на каждый параграфъ среднимъ числомъ приходится по пяти пунктововъ—чего же еще систематичнѣе? Многочисленные примѣры на многочисленныя правила, а больше на исключенія изъ правилъ, разставлены чинно, колоннами, точно цифры какого-нибудь статистическаго сборника. Для полнаго безпристрастія и надлежащей оцѣнки грамматики мы сочли долгомъ сперва познакомиться со взглядомъ самого автора на его произведеніе, и потому раскрываемъ сначала предисловіе. Здѣсь заявляется, что грамматика „имѣетъ цѣлью быть учебникомъ для Татаръ восточной Россіи вообще и въ особенности для шакирдовъ мусульманскихъ медресъ“. Что этимъ хотѣлъ сказать авторъ, намъ не совсѣмъ ясно. Если грамматика написана для *всѣхъ Татаръ вообще*, то, само собою разумѣется, и для шакирдовъ медресъ. Что же въ такомъ случаѣ должна значить оговорка „и въ особенности для шакирдовъ мусульманскихъ медресъ“? Такое специальное назначеніе грамматики повело ли къ упрощенію изложенія или, напротивъ, къ большей его умудренности? Такъ какъ медресе считаются у мусульманъ школами высшаго порядка, то слѣдовательно и ученики этихъ школъ должны быть признаны людьми высшаго развитія сравнительно со „всѣми Татарами восточной Россіи“. Кажется, авторъ держится этого мнѣнія. Оно явствуетъ, какъ увидимъ дальше, и изъ умудреннаго свойства самаго учебника. Но въ такомъ случаѣ не понятно, почему же грамматика, написанная для посвященныхъ въ таинства школы, предназначена въ то же время и „для всѣхъ“: что доступно круглымъ неучамъ, то, безъ сомнѣнія, должно быть понятно и подученнымъ, но не наоборотъ.

Дальше читаемъ въ предисловіи, что „первая часть, нынѣ выходящая въ свѣтъ, содержитъ въ себѣ *въ сжатомъ видѣ довольно полныя матеріалы* этимологіи русскаго языка“. Опять мы затрудняемся проникнуть на основаніи приведеннаго заявленія въ особенность свойствъ учебника: въ чемъ его полнота и въ то же время сжатость? Мы вообще не видимъ, какую задачу поставилъ себѣ авторъ, сочиняя свою грамматику, потому что онъ дальше прибавляетъ, что „для *успѣшнаго* преподаванія по этой грамматикѣ требуется *опытный учитель и руководство* для практическихъ упражненій въ грамматическихъ формахъ“, и что „такое руководство уже готовится“. Къ чему же тогда должно служить настоящее руководство, если для него нужно еще другое, да еще и опытный учитель? Логически выходитъ, что ни къ чему, если только нѣтъ какихъ-нибудь особыхъ соображеній, отъ насъ сокровенныхъ.

Каково бы ни было назначеніе учебника, мы вправѣ требовать отъ него: 1) удобопонятности изложенія свойствъ русскаго языка, чтобы татарскіе ученики какъ можно скорѣе и легче могли по нему ознакомиться съ русскою рѣчью; 2) вѣрности изложенія этихъ свойствъ—требованіе естественное, но не всегда соблюдаемое, и 3) если не образцоваго по слогу, то, по крайней мѣрѣ, безукоризненно правильнаго по языку текста самаго руководства, потому что текстъ этотъ по необходимости будетъ служить и первою хрестоматіею для учениковъ, независимо отъ какого-нибудь спеціального сборника отрывковъ русскихъ произведеній для чтенія и грамматическаго разбора. Примѣняя означенныя требованія къ грамматикѣ г. В. Р., мы, къ сожалѣнію, убѣдились, что она оказывается совершенно несостоятельною предъ ними: если вѣрно правило, то оно, обыкновенно изложено такъ, что не скоро доберешься до смысла; не рѣдко встрѣчаются произвольныя измышленія вмѣсто правилъ; языкъ же текста таковъ, что часто невольно приходитъ въ голову, что „система сія (то-есть, грамматика) *сочинена чужеземнымъ человекомъ*“, выражаясь словами Тредьяковскаго, отозвавшася такимъ образомъ въ свое время по одному аналогическому случаю. Мы постараемся подтвердить свое мнѣніе видѣнками изъ разсматриваемаго руководства, большинство коихъ не требуетъ никакихъ комментаріевъ: читатель самъ можетъ судить о качествахъ ихъ, а по нимъ заключать и о достоинствѣ самаго учебника, лишь бы у него хватило терпѣнія прослѣдить вмѣстѣ съ нами всѣ курьозы, которыми переполнена грамматика г. В. Р.

„Глава I. § 1. Слово есть соединеніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ зву-

КОВЬ, выражающихъ въ этомъ соединеніи *известное для одного народа* понятіе“, читаемъ мы на первой страницѣ. Самое меньшее, что можно привести въ оправданіе этого страннаго правила, это то, что оно выражено не по-русски, въ противномъ случаѣ, оно нетѣно, благодаря фразѣ, которую мы подчеркнули— „известное для одного народа“: если можно, напимѣрь, не Французу говорить на французскомъ языкѣ, то необходимо, чтобы слова французскаго языка не только были ему известны, но и понятны. Можетъ быть, это надо толковать иначе какъ-нибудь. Да, именно иначе, а какъ — за этимъ слѣдуетъ обратиться къ параллельному татарскому тексту того же правила. Пунктъ второй того же параграфа гласитъ: „хотя звуки, производимы(е) человѣческимъ голосомъ у всѣхъ(ъ) народовъ общіе, но все-таки (у) разныхъ народовъ они принимаютъ *отдѣльные отдѣли*“. Тутъ въ пяти строчкахъ четыре опечатки, замѣтимъ между прочимъ; но и помимо этого еще приходится задуматься надъ эпитетомъ „отдѣльные“: что за свойство звуковъ хотѣлъ обозначить имъ авторъ грамматики? Едва ли поможетъ его усненію и соответствующее ему въ татарскомъ текстѣ слово *бирдай*.

Изъ § 5 мы узнаемъ, что „гласныя буквы *имѣютъ собственный голосъ*“. Это, должно быть, метафора; въ противномъ случаѣ какая-то несообразность. Но, сколько известно, и метафоры неумѣстны въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло требуетъ точности выраженія.

Въ пунктѣ третьемъ параграфа восьмага сообщается, что „соединеніе буквъ, *выговоренныхъ однимъ выдыханіемъ воздуха*, называется слогомъ“. Это опредѣленіе само за себя говорить, и потому мы воздерживаемся отъ всякихъ комментаріевъ.

„§ 10. Слова состоятъ изъ одного, двухъ и многихъ слоговъ, и такъ они называются по числу слоговъ односложными, двухсложными и многосложными“. Опредѣленіе въ сущности вѣрное; по какимъ языкомъ оно выражено? да еще съ полнымъ пренебреженіемъ, замѣчаемымъ впрочемъ повсюду въ учебникѣ, къ знакамъ прерыванія, отчего фраза можетъ не только видоизмѣниться въ своемъ смыслѣ, но даже и потерять всякій смыслъ.

Пунктъ 3-й § 14. „Исключеніе: слово *мръ* вселенная, для отличія отъ словъ *миръ, солласіе*“. Выходитъ по этому правилу, что *мръ* пишется через *і* для отличія не только отъ слова *миръ*, но и отъ слова *солласіе* потому что сказано отъ „словъ“. Кстати, въ томъ же параграфѣ разсказывается, что „*и* называется осмеричнымъ, потому что означала въ славянскомъ языкѣ цифру 8“. Это Татарамъ-то, не знающимъ и

о существованіи славянскаго языка!—А дальше упомянуто и о буквѣ *i*, что она называется десятиричною.

„§ 29. Послѣ буквъ *ж, ч, ш, ц*, большою частью не пишутъ *о*, но *е*; хотя въ нѣсколькихъ (?) словахъ *е* выговаривается совершенно какъ *о* напимѣръ: желтый, яйцо, лице“. Помимо того, что небрежность печати положительно обезображиваетъ фразу и лишаетъ ее смысла (а въ печаткахъ она, впрочемъ, не исправлена), что же это за правило, основанное на пѣльяхъ двухъ оговоркахъ: *большою частью*, да въ *нѣсколькихъ словахъ*? Если автору неизвѣстно, въ какихъ именно *нѣсколькихъ* словахъ *е* выговаривается (а мы прибавимъ — и пишется теперь) какъ *о*, то лучше бы здѣсь и не вставлять такого голословнаго правила, не дающаго никакого опредѣленнаго знанія. Притомъ же, кто теперь пишетъ букву *е* съ двумя точками?

Мы не будемъ злоупотреблять терпѣніемъ читателя и оставивъ его вниманіе на всѣхъ такихъ, рѣжущихъ русское ухо, выраженіяхъ, какъ „сродственныя согласныя“ (§ 33), „для раздѣленія отдѣльныхъ мыслей“ (§ 34), или: „названія предметовъ, *осязасмыхъ пятью чувствами и воображаемыхъ умомъ*“ (§ 391), или: „слово, употребляемое на мѣсто имени“ (§ 39, 3), а укажемъ только на такія правила или примѣры въ учебникѣ, которые или не имѣютъ никакого смысла, или до-нельзя запутаны по невѣроятно-чудовищному языку, или просто на-просто ложны и ни на чемъ не основаны, кромѣ личныхъ соображеній ихъ сочинителя.

Параграфъ 35-й содержитъ въ себѣ простой списокъ знаковъ препинанія съ самымъ мудрепымъ переводомъ названій ихъ на татарскій языкъ, безъ всякихъ объясненій относительно ихъ употребленія, но за то съ добавленіемъ какого-то вновь изобрѣтеннаго знака, названнаго въ грамматикѣ „точка сократительная“, и параграфа. Последній знакъ особенно важенъ, надо полагать, въ виду того, что онъ самый видный въ грамматикѣ г. В. Р., тогда какъ всѣ прочіе знаки въ ней положительно игнорированы: оттого-то авторъ и не счелъ, вѣроятно, нужнымъ распространяться объ ихъ употребленіи.

Въ § 42, 1) читаемъ: „Названіе, данное многимъ подобнымъ предметамъ, смотря по общимъ имъ качествамъ, называется именемъ нарицательнымъ“. Еще лучше пунеть второй того же параграфа: „Названіе, данное одному предмету для отличія не смотря на качество его, называется именемъ собственнымъ“. Понимаете ли вы, читатель, эти два правила? Сомнѣваемся: по крайней мѣрѣ, для насъ это не болѣе какъ наборъ словъ, не заключающій въ себѣ никакой мысли.

На страницѣ 20-й находится таблица падежныхъ окончаній множественнаго числа именъ существительныхъ, и потомъ вдругъ слѣдуетъ такая фраза: „въ пропущенныхъ мѣстахъ двойное окончаніе“. Это какая-то загадка для развитія остроумія въ учащихся. Догадайтесь, о какихъ это *пропущенныхъ мѣстахъ* тутъ говорится? Оказывается, что подъ этими „пропущенными мѣстами“ надо разумѣть просто черточки, поставленныя вмѣсто окончаній винительнаго падежа, вотъ и все.

На страницѣ 26-й стоитъ слѣдующее правило: „Если передъ *ею* находится *л*, то вмѣсто *е* ставится *ь*: *кулекъ* *кулька*, *стрѣлецъ* *стрѣльца*“. Забудьте, такъ и напечатано, безъ всякихъ знаковъ препинанія; даже точки нѣтъ въ концѣ. Но что же такое представляетъ собою самое правило? Ничего, кромѣ пустословія: вѣдь *русскъ* будетъ тоже *руська*, *пенекъ* — *пенька*, *фонарекъ* — *фонарька*, *огонекъ* — *огонька*, и т. п.? А вѣдь тутъ нѣтъ между тѣмъ *л* передъ *е*. Вслѣдъ затѣмъ читаемъ: „Склоненіе словъ оканчивающихся на *ей* не много (?) отступаетъ отъ общаго правила: *соловей* *соловья* и т. д.“ Объ этомъ правилѣ можно сказать только, что оно очень наивно, не болѣе.

§ 56-й учитъ, что слово *вечерь* будто бы въ предложномъ падежѣ будетъ *вечеру*—это новость.

Въ трехъ пунктахъ параграфа 62-го сообщаются удивительно назидательныя правила, потому что всѣ они начинаются словами: „у *нѣкоторыхъ* именъ“, „*нѣсколько* именъ“, да „*нѣкоторыя* слова“. Кромѣ того, послѣднее изъ этихъ правилъ содержитъ въ себѣ совершенно бездоказательную нелѣпость, а именно: „*нѣкоторыя* слова образуютъ множественное число *неправильно*. Другъ—друзья, господинъ—господа, небо (это главное)—небеса, чудо—чудеса, око—очи, ухо—уши“. Еслибы сочинитель грамматики хоть нѣсколько былъ знакомъ съ исторіею формъ русскаго языка, то онъ бы, вѣроятно, не усмотрѣлъ тутъ несправильностей.

Слова *лесъ* (стр. 30) и *дочь* (стр. 32) суть грубыя опечатки, которыя однако же не поправлены, какъ и множество другихъ имъ подобныхъ, которыми изобилуетъ эта небрежная книга.

Въ § 65-мъ дано такое опредѣленіе: „Два слова имѣютъ кромѣ означенныхъ шести падежей *еще отдѣльный* падежъ, то-есть, звательный падежъ. Господь Господь (?)“ Слово „отдѣльный“ чрезвычайно правится автору, но вездѣ, гдѣ только оно бываетъ употреблено имъ, тамъ фраза и остается понятна лишь ему самому. Относи-

тельно же слова *Господь* мы до сихъ поръ думали, что оно въ звательномъ падежѣ *Господи*, а не *Господь*.

Изъ § 66-го, въ которомъ сказано, что „въ русскомъ языкѣ нѣсколько словъ *употребляются* только во множественномъ числѣ на примѣръ, сутки“, выходитъ, что эти слова не то что вовсе не имѣютъ единственнаго числа, а только „употребляются“ въ одномъ множественномъ.

Въ § 68 читаемъ: „Всякое имя прилагательное имѣеть по три окончанія (?), эти окончанія означаютъ родъ. *Смотря на родъ* того имени существительнаго, *при которомъ оно стоитъ*, имя прилагательное *перемѣняетъ* свое окончаніе на примѣръ, бѣлый (столь) и т. д.“. Что можетъ быть безтолковѣе этого правила? Всѣ существенные термины въ немъ таковы, что не соотвѣтствуютъ подразумѣваемымъ подъ ними понятіямъ, и все правило выражено совершенно не русскимъ языкомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ § 69-мъ, мы встрѣчаемъ весьма оригинальное дѣленіе именъ прилагательныхъ *по окончаніямъ* на 1) полныя, 2) усѣченныя и 3) *притяжательныя* (sic!).

Далѣе въ § 73-мъ говорится: „Въ русскомъ языкѣ можно отбросить (?) окончанія полныхъ именъ прилагательныхъ. Тогда (?) эти имена прилагательныя называются *усѣченными* (?)“. Вопервыхъ, автору, взявшемуся обучать Татаръ русскому языку, еще неизвѣстно, что ни одна порядочная русская грамматика не употребляетъ теперь термина *усѣченный*, какъ устарѣлаго и, главное, ложнаго и ничего не выражающаго; а вовторыхъ, попробуйте *отбросить* отъ имени прилагательнаго полнаго его окончаніе, что тогда выйдетъ? ужь никакъ не прилагательное, а просто усѣченное, то-есть безхвостое, слово.

На страницѣ 38-й помѣщена таблица склоненій по всѣмъ падежамъ такъ названныхъ у автора усѣченныхъ прилагательныхъ, хотя, сколько извѣстно, эти прилагательныя въ русскомъ литературномъ и разговорномъ языкѣ употребляются только въ одномъ именительномъ падежѣ: употребленіе ихъ въ прочихъ падежахъ составляетъ особенность слога народныхъ поэтическихъ произведеній. На этомъ основаніи мы сперва думали, что авторъ хотѣлъ тутъ шегольнуть народностью; а между тѣмъ онъ, оказалось далѣе, настолько разборчивъ, что въ § 97-мъ отыѣтилъ мѣстоименія *сей* и *омый* какъ такія, которыя „въ разговорномъ языкѣ не употребляются, а встрѣчаются только въ книгахъ“. Значить, мы ошиблись. Но въ такомъ случаѣ къ чему же автору вздумалось склонять свои усѣченныя при-

лагательныхъ, когда они такимъ образомъ не склоняются ни въ разговорномъ языкѣ, ни въ книгахъ? Это ему одному извѣстно.

Хороши также тѣ параграфы грамматики, въ которыхъ трактуется о степеняхъ сравненія. Вотъ, на примѣръ, § 79-й: „1) Положительная степень не обращаетъ вниманіе на сравненіе, но выражаетъ только существованіе у предмета извѣстнаго качества. 2) Если при сравненіи съ качествомъ предмета, находящимся въ положительной степени, то самое качество у другаго предмета оказывается въ высшей степени. тогда имя прилагательное ставится въ сравнительной степени“. Вы видите, что авторъ старается выражаться какъ можно проще, такъ сказать собесѣдовательно; но думаетъ, что для этого достаточно говорить странными для русскаго уха метафорами, въ родѣ того что „положительная степень не обращаетъ вниманіе (а не вниманія)“, и дѣло въ шляпѣ; онъ и не подозреваетъ, что тутъ на каждомъ шагу сбивчивость, двусмысліе, путаница. А между тѣмъ, сколько смѣлости, сколько самоувѣренности! Такъ въ § 81-мъ авторъ поучаетъ: „а) Если имя прилагательное оканчивается на: *той, дый, зкій, дкій*, то сравнительная степень образуется на *же*; на примѣръ гадкій, гадже и т. п.“. Тутъ мы впервые узнаемъ о существованіи какихъ-то доселѣ небывалыхъ окончаній именъ прилагательныхъ. Съ точки зрѣнія филологической эти новоизобрѣтенныя окончанія — не позволительная вольность, потому что здѣсь звуки *г, д* и *з* принадлежать корнямъ словъ, а не окончаніямъ, чего кажется, авторъ и не подозреваетъ, такъ какъ въ слѣдующемъ пунктѣ того же параграфа онъ особо говоритъ о прилагательныхъ, оканчивающихся уже просто на *кій*, — что они имѣютъ сравнительную степень на *че*. Спрашивается: съ какою же цѣлью изобрѣтены авторомъ эти мнимыя окончанія? Можетъ быть, онъ возвелъ означенныя произвольныя звукосочетанія *дкій, зкій* въ производственныя окончанія въ видахъ чисто практическихъ? Но и этого на повѣрку не оказывается, ибо измышленное авторомъ правило находится въ явномъ противорѣчій съ фактами: слова *сладкій, надкій, дерзкій, скользкій* также кончаются, на *кій* и *зкій*, по сравнительную степень образуютъ не на *же*.

Отдѣль мѣстоименій представляетъ собою сплошной рядъ тавтологій, неточностей или происходящихъ отъ нескладности рѣчи путаницы. Для образца можно указать на § 92-й: „Если передъ третьимъ лицомъ стоитъ предлогъ, то ставится передъ ними (?) буква *н*“. § 93-й: „Когда говорится о себѣ, тогда въ русскомъ языкѣ употребляется мѣстоименіе личное возвратное“. § 96-й: „Мѣстоименіе указа-

тельное означать, что мы показываемъ на извѣстный предметъ“. § 101-й: „Мѣстоименіе, отвѣчающее на заданный вопросъ неопредѣленно, называется мѣстоименіемъ неопредѣленнымъ“.

Теперь переходимъ къ самому обширному отдѣлу грамматики, наиболѣе существенному въ составѣ рѣчи, а именно къ глаголу. Русскій глаголь столь своеобразенъ въ свойствахъ своихъ, что грамматики всего болѣе расходятся именно въ опредѣленіи и классификаціи свойствъ этой части рѣчи. Многія изъ нихъ и до сихъ поръ еще остаются неизслѣдованными до послѣднихъ основаній и не приведены въ надлежащую систему. Съ грамматики Ломоносова до изслѣдованій г. Некрасова и, наконецъ, до статьи г. Вестфала (*Русскій Вѣстникъ*, октябрь 1876 г.), совершился цѣлый переворотъ въ возрѣніяхъ на свойства русскаго глагола: отъ множества наклоненій и времени пришли къ отрицанію всякихъ наклоненій и время въ русскомъ глаголѣ (г. Некрасовъ), и теперь снова хотятъ возвратиться къ прежнему множеству (г. Вестфаль), хотя съ сомнительною надеждою на успѣхъ. Такимъ образомъ передача инородцамъ свойствъ русскаго глагола встрѣчаетъ особенныя затрудненія въ ихъ неопредѣленности и въ невозможности подвести ихъ подъ систематическія категоріи. По этому самому велика должна быть заслуга того, кто, взявшись преодолѣть эти препятствія, дѣйствительно успѣлъ бы въ этомъ. Въ противномъ случаѣ, лучше ужъ, не мудрствуя лукаво, выбрать одну какую-нибудь изъ существующихъ системъ, наиболѣе сподручную на видъ, и держаться ея, не прибѣгая къ ухищреніямъ и развѣ добавляя лишь какими-нибудь комментаріями.

Понималъ ли и сознавалъ ли трудность своей задачи авторъ разсматриваемой нами грамматики, мы не знаемъ; несомнѣнно только, что онъ придаетъ весьма серьезное и важное значеніе своему собственному изложенію глагола, ибо съ какимъ-то торжественнымъ самодовольствомъ заявляетъ въ предисловіи, что „изложеніе нѣкоторыхъ частей (рѣчи), въ особенности „Глагола“ (въ чему тутъ ковычки и прописная буква?) *самостоятельная работа*.“ Съ послѣднимъ нельзя не согласиться: можно безъ преувеличенія сказать, что авторъ „самостоятельно обработалъ“ русскій глаголь: столько тутъ произвольныхъ и бесполезныхъ выдумокъ, столько искаженій, возведенныхъ въ правила, столько небывалыхъ неправильностей, такая масса рубрикъ, категорій и совершенно противныхъ духу русскаго языка словъ и оборотовъ, что даже Русскій легко спутается и потеряется въ этихъ измышленіяхъ, а не то что Татаринъ; а между тѣмъ, что ни шагъ.

то претензія на ученое остроуміе, которымъ авторъ хочетъ щегольнуть, какъ бы въ укоръ другимъ граматистамъ, не додумавшимся до такихъ мудростей. Нѣтъ возможности и необходимости перечислять всѣ несообразности, какія встрѣчаются въ отдѣлѣ о глаголѣ: достаточно указать лишь на нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся изъ нихъ.

§ 108. Глаголь показываетъ (?) дѣйствіе или состояніе предметовъ, поэтому мы *раздѣляемъ: глаголь, 1)* на глаголы дѣйствительные“ и т. д. Подчеркнутыя нами слова исправлены въ опечаткахъ такъ: *глаголы раздѣляемъ*; но и поправка немногимъ лучше ошибки; въ первоначальномъ своемъ видѣ фраза вовсе не имѣетъ смысла, въ исправленномъ — лишена правильной русской конструкціи и все-таки не даетъ надлежащаго понятія о глаголѣ.

Но что особенно замысловато, такъ это спряженіе, которое состоитъ въ безконечномъ перечнѣ глагольныхъ *основъ*. Положимъ, что понятіе *основы* есть чисто филологическое; но оно съ трудомъ дается и русскимъ-то мальчикамъ; какъ же вы втолкуете его Татарамъ? Да и что пользы отъ этого въ практическомъ отношеніи, особенно, когда сложный самъ по себѣ предметъ запутывается мудреными измышленіями истолкователя. Что, наиримѣръ, могло бы значить хоть это замѣчаніе автора грамматики: „Хотя основы глаголовъ безъ окончаній не употребляются въ русскомъ (?) языкѣ, все-таки ихъ надо (?) знать для правильнаго образованія временъ“? Какъ будто въ одномъ только русскомъ языкѣ основы глаголовъ не употребляются безъ окончаній: даже въ татарскомъ языкѣ, въ которомъ, вслѣдствіе его снайной природы, основа большей части глагольныхъ формъ имѣетъ и самостоятельное значеніе, все-таки мы встрѣчаемся съ основами, которыя, отдѣльно взятыя, не употребляются въ смыслѣ знаменательныхъ словъ. Не будетъ ли поэтому слово *основа* для Татарина пустымъ звукомъ, если не дать предварительнаго объясненія значенія этого филологическаго термина? Объяснить же его, какъ мы сказали, чрезвычайно трудно, да и ни къ чему не ведетъ: отыскиваніе основы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ потребуетъ больше труда и времени, нежели механическое заучиванье уже готовыхъ глагольныхъ формъ, особенно по тому ухищренному способу, какой предлагается сочинителемъ грамматики. Вотъ наиримѣръ какое дается правило для отыскиванья основы въ § 113: „Если въ неопредѣленномъ наклоненіи передъ *тъ* находятся гласныя буквы *а, я, ъ, ы, о, у,* то основа глагола кончится на эти гласныя буквы“. Развѣ это правило безусловно вѣрно? Развѣ нѣтъ

примѣровъ, прямо ему противорѣчащихъ? Самъ авторъ наткнулся на это, и что же у него вышло? Оказалось, что вышеприведенный первый пунктъ параграфа 113-го только затѣмъ и поставленъ имъ въ качествѣ правила, чтобы дальше, въ § 127, создать совершенно произвольно массу исключеній, которыя онъ безъ дальнихъ объясненій назвалъ *неправильностями*. А все произошло оттого, что сочинитель грамматики не имѣетъ понятія о различіи гласныхъ такъ называемыхъ *постоянныхъ* и *непостоянныхъ* въ глаголѣ.

Есть еще болѣе курьезныя вещи. Такъ названное у г. автора „неправильное образованіе настоящего времени“ раздѣлено у него на изобрѣтенныя имъ самимъ *девять классовъ*, и вдругъ въ девятомъ классѣ подь цифрою 9 (страница 72) значится такая категория: „не подходящія подь классы (sic!)“. Это вѣдь не болѣе не менѣе какъ *исключеніе изъ исключенія*, только.

Пунктъ 2-й того же § 113 гласитъ: „Если неопредѣленное наклоненіе кончится на *ть* съ предыдущею *с* или *з*, или на *сти*, *эти* и *ч*, то основа глагола окончится на согласную букву“. Можно ли воспользоваться этимъ правиломъ, какъ оно тутъ изложено, безъ знанія фонетическаго измѣненія корневыхъ звуковъ, которые авторомъ, впрочемъ, приурочены къ окончанію? Сомнительно.

Изъ § 115 узнаемъ, что „глаголы, неокончательное наклоненіе которыхъ оканчивается на *ереть*, образуютъ прошедшее время какъ будто бы (?) основа ихъ оканчивается на согласную букву *р*, напримеръ, умереть — умеръ, умерла, ло, ли“. Спрашивается, къ чему тутъ оговорка *какъ будто бы*, когда она только извращаетъ истину? Далѣе, пунктъ 2-й: „*нѣкоторые* глаголы, основа которыхъ кончится на *ну* съ предыдущею гласною буквою, выбрасываютъ окончаніе (!) *ну* при образованіи прошедшаго времени, *заябнуть*—*заябъ*“. А *урануть*, *паянуть*, *кинуть* и т. п., развѣ выбрасываютъ *ну*? Очевидно, что самъ обработыватель русскаго глагола не знаетъ, какіе это *нѣкоторые* глаголы такъ поступаютъ съ слогомъ *ну*, иначе бы онъ не сочинилъ своего голословнаго правила, которое легко было замѣнить существующимъ другимъ, гораздо простѣйшимъ и во всякомъ случаѣ не голословнымъ.

Въ числѣ глаголовъ, будто бы „неправильно“ образующихъ настоящее время, въ пунктѣ 7-мъ § 127 (страница 72) значатся и глаголы *жечь*—*жму* и *жечь*—*жму*, въ которыхъ буквы *ж* и *м* признаны авторомъ *прибавочными* (sic!), наравнѣ съ буквою *л* въ глаголахъ *дремлю*, *каплю* и т. п. — очевидная нелѣпость. На страницѣ 75 говорится о

глаголахъ, „основы которыхъ оканчиваются (замѣтите: авторъ *всюду* говорить оканчиваются, а не оканчиваются) на *за* (!), *ха* (!), *да* (!) и *та* (!)“.

§ 128 содержитъ правило, курьезное по языку, которымъ оно выражено, а именно: „повелительное наклоненіе образуетъ двѣ формы; *второя мина* единственнаго и множественнаго чиселъ“. Любопытенъ слѣдующій параграфъ 129. Въ пунктѣ первомъ читаемъ: „Если передъ окончаніемъ (втораго лица настоящаго времени) ешь (ишь) находится гласная буква, тогда (а не *то*) оно переимѣняется на *й*, *йте*, напримѣръ, двигаешь, двигай, двигайте; строишь, строй, стройте“; а въ пунктѣ второмъ точно такъ же говорится: „если передъ ешь (ишь) находится гласная (опять гласная!) буква, то оно (что?) образуется двоякимъ образомъ: глаголы, гдѣ (?) удареніе въ неокончательномъ наклоненіи на послѣднемъ слогѣ и т. д.“ Вѣроятно, это опечатка, потому что въ примѣрахъ поставлены глаголы съ *согласною* буквою передъ окончаніемъ 2-го лица настоящаго времени; но поправки не находится; а черезъ это возникло двойное противорѣчіе—двухъ правиль одно съ другимъ и одного съ самимъ съ собою.

§ 130 учитъ насъ, что „пять (*sic!*) глаголовъ (бить, вить, лить, пить, шить) образуютъ повелительное наклоненіе *неправильно* (*sic!*)“. Ужь въ такомъ случаѣ надо было бы прибавить сюда еще глаголы: *рыть*, *мыть*, *ковать*, *клевать* и т. п., словомъ всѣ тѣ глаголы, въ которыхъ при образованіи повелительнаго наклоненія происходитъ просто-напросто поднятіе гласной, чего, кажется, никто доселѣ не думалъ относить къ неправильностямъ.

Трактую въ § 142 объ образованіи дѣепричастія настоящаго, сочинитель русской грамматики для Татаръ тонко различаетъ способъ *простона народа*, образующаго вышеозначенную форму на *чи* (читаючи, пишучи) и способъ *книжнаго языка*, въ которомъ эта форма образуется окончаніемъ *я* или *а* (читая, пиша, уча). Изъ этого правила выходитъ, что будто бы эта двойственность образованія дѣепричастія абсолютно примѣнима ко всѣмъ глаголамъ безъ различія, только съ условнымъ разграниченіемъ употребленія въ народномъ и книжномъ языкѣ. Неужели авторъ слышалъ когда-нибудь, чтобы простолюдинъ сказалъ, напримѣръ, *учачи*; а также развѣ ему не доводилось встрѣчать и въ книгахъ *пишучи* и т. п.? Зато ужъ никакъ не вѣрится, чтобы кто-нибудь отъ глагола *дать* произвелъ дѣепричастіе *давая*, а отъ *узнать* — *узнавая*, какъ въ этомъ увѣряетъ авторъ въ пунктѣ

второмъ того же 142 параграфа, давши этой рубрикѣ дѣлпричастій титуль „неправильные“ (sic!).

Опредѣленіе видовъ глагола еще неподобиѣе, и потому мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ его сполна безъ всякихъ комментаріевъ. Вотъ оно: „Въ русскомъ языкѣ глаголы производятъ (?) слѣдующіе виды: § 144. 1) Видъ *опредѣленный* и видъ *неопредѣленный*. Первый показываетъ, что дѣйствіе происходитъ въ извѣстное время съ извѣстнымъ предметомъ, а второй, что оно происходитъ вообще, напр. эти птицы *летѣли* вчера черезъ нашъ садъ, я радовался всякій разъ, когда птицы *лѣтали* черезъ нашъ садъ„. § 145. Видъ *однократный* и *многократный*. Первый показываетъ, *однажды* ли или мгновенно *случалось* дѣйствіе, второй часто ли и давно ли напр. ты меня *кольнулъ* иглою. Когда я былъ мальчикомъ я часто *камывалъ* себя (?) иглою въ палець (?). Правила хороши, а примѣры еще лучше.

Въ § 151 авторъ, вслѣдъ за опредѣленіемъ возвратныхъ глаголовъ, даетъ въ особомъ пунктѣ правила образованія этихъ глаголовъ, но только не въ русскомъ языкѣ, а въ татарскомъ (?). вѣроятно забывши, что онъ сочиняетъ русскую грамматику, а не татарскую. Это еще ничего; вотъ что онъ говоритъ въ пунктѣ 3-мъ того же параграфа: „Нѣкоторые глаголы употребляются только съ *прибавленіемъ* *ся* (сь). Эти глаголы называются *общими*, напр., *гордиться*, *надѣяться*“. Какъ прикажете понимать тутъ выраженіе „употребляются съ прибавленіемъ *ся*“? За этимъ надо обратиться къ параллельному татарскому тексту: тамъ сказано лучше, а именно, что такіе глаголы „не употребляются безъ *ся*“.

Любопытенъ также § 157, въ которомъ сказано, что „однократный видъ образуется изъ такихъ глаголовъ, значеніе которыхъ допускаетъ однократность и мгновенность дѣйствія, т. е. глаголовъ выражающихъ движеніе и звукъ (!)“. Это значитъ по-просту: однократный видъ имѣютъ глаголы однократные; а при чемъ тутъ *движеніе* и *звукъ*, это составляетъ секретъ автора, ибо онъ не пояснилъ своего тавтологическаго правила примѣрами.

Но не довольно ли? Думаемъ что довольно: перебирать всѣ странности, почему-то названныя въ совокупности своей „грамматикой русскаго языка“ значило бы просто эксплуатировать терпѣніе читателя. *Самостоятельная работа* автора въ его изложеніи русскаго глагола заключалась въ томъ, что онъ перепуталъ все—и фонетику, и логику, и выработанную уже другими грамматистами этимологию русскаго глагола. То, что въ обыкновенныхъ русскихъ грамматикахъ легко под-

водится подъ правила сочетанія и измѣненія звуковъ и основаннаго на нихъ раздѣленія глаголовъ на два спряженія, въ перетасовкѣ г. В. Р. нибудя не укладывается, и отсюда у него цѣлыя колонны всякихъ небывалыхъ неправильностей. Если къ тому, что уже было указано выше, мы прибавимъ еще такія любопытныя вещи, какъ напримѣръ, слова: *берегать, кормлять, возлюблять, возлюблявать* (страница 97); или: *ждить, лыгать, читать, кликать*, (стр. 116) и проч., которыя авторъ выдаетъ за формы многократнаго вида отъ глаголовъ *беречь, кормить, возлюбить, ждать, читать, клаять*, и проч., то мы утвердительно можемъ сказать, что русскій языкъ для г. В. Р., сочинившаго „русскую грамматику для Татаръ восточной Россіи“, столь чуждъ, какъ и для этихъ Татаръ, которыхъ онъ взялся учить русскому языку. Говоря откровенно, грамматика г. В. Р. вовсе и не заслуживала бы такого подробнаго разсмотрѣнія, еслибы не слѣдующее обстоятельство. Великодушно заявляя въ предисловіи о негодности своей грамматики, г. В. Р. присовокупляетъ, что онъ готовить другое, вспомогательное къ этому, руководство. Судя потому, какъ онъ „сочинилъ“ грамматику, можно вообразить, какое онъ изготвить другое руководство!

Мы уже высказали свой взглядъ на тѣ требованія, безусловное осуществленіе которыхъ должно составлять достоинство учебника, подобнаго грамматикѣ г. В. Р., то-есть, наилегчайшее ознакомленіе Татаръ съ русскою грамотой и стремленіе къ сближенію ихъ чрезъ это съ Русскими. Между тѣмъ оба эти требованія не только не выполнены авторомъ разсмотрѣнной грамматики, но даже какъ будто намѣренно игнорированы имъ. Если Татары, нѣсколько уже знакомые съ русскимъ языкомъ практически, захотѣли бы доучиваться по руководству г. В. Р., то они должны были бы утратить и свои послѣднія познанія въ немъ. Если г. В. Р., сочиняя свою русскую грамматику, имѣлъ въ виду внушить Татарамъ суевѣрный страхъ передъ русскою грамотою и на первыхъ же порахъ отбить въ нихъ всякую охоту учиться русскому языку, то его можно поздравить съ полнымъ успѣхомъ. Все, что есть сравнительно сноснаго въ грамматикѣ г. В. Р.— это татарская параллель его русскаго текста, что и неудивительно, ибо въ составленіи ея участвовала цѣлая коммисія изъ лицъ, знающихъ татарскій языкъ, и притомъ природныхъ Татаръ, имена которыхъ упомянуты въ предисловіи, какъ напримѣръ, гг. Махмудовъ, Насыровъ, Сайновъ, изъ коихъ первые два уже заявили себя раньше грамматическими печатными опытами. Но развѣ задачей составителя

русской грамматики было учить Татаръ татарскому же языку? Мы уже видѣли, что авторъ въ одномъ мѣстѣ на-ряду съ правилами о русскомъ глаголѣ даетъ правило объ образованіи возвратнаго залога въ языкѣ татарскомъ (страница 88, пунктъ 1-й, § 151). Прежде всего мы желали бы знать, какая цѣль, при обученіи русскому языку и письму, въ употребленіи *арабской* азбуки, когда Турки, эти архимусульманскіе старовѣры, сознаютъ и открыто высказываютъ неудобство арабскаго алфавита даже для своего турецкаго языка? Развѣ не цѣлесообразнѣе было бы ограничиться, какъ въ русскомъ текстѣ грамматики, такъ и въ татарскомъ комментарий правилъ, русскимъ алфавитомъ? Примѣненіе русской транскрипціи къ учебникамъ по разнымъ школьнымъ предметамъ, составленнымъ на татарскомъ языкѣ, служило бы переходнымъ средствомъ къ обученію Татаръ-и русскому языку. Въ этихъ видахъ мы рекомендовали бы примѣнить русскую азбуку цѣликомъ безъ всякихъ даже добавочныхъ диакритическихъ знаковъ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, могутъ вести эти знаки? Къ усложненію и безъ того довольно обширнаго русскаго алфавита, а между тѣмъ все таки нѣтъ физической возможности передать всѣхъ отдѣлковъ звуковъ языка. Да развѣ у насъ въ русскомъ языкѣ всѣ звуковыя отдѣлки выражаются нашими буквами? Ничуть не бывало: многія изъ буквъ имѣютъ чисто условный характеръ. Поэтому, если напримѣръ *и* въ однихъ словахъ въ началѣ выговаривается какъ *и*, въ другихъ къ *джи* и т. п., такъ что же вреднаго въ томъ, если вмѣсто зримой гласной *мы*, въ русской транскрипціи, поставимъ двѣ вышеприведенныя согласныя? Скажутъ, что Татаръ, привыкшихъ произносить, напримѣръ, русское *у* какъ французское *и*, потомъ, при обученіи русскому языку, придется *перевривать*. Тоже нѣтъ. Въ самомъ началѣ можно втолковать ученику, что эта буква имѣетъ двойственное звуковое значеніе только въ татарскомъ языкѣ, а въ русскомъ всегда произносится одинаково. А въ какихъ именно татарскихъ словахъ оно должно произноситься какъ *у* русское, и въ какихъ — какъ французское *и*, объ этомъ Татаринъ легко догадается по смыслу фразы, какъ онъ угадываетъ теперь произношеніе арабскихъ буквъ, которыя несравненно превосходятъ русскія своею звуковою неопредѣленностью. Далѣе, можетъ быть, сошлутся на то, что мусульмане-Татары питаютъ отвращеніе къ книжкамъ, напечатаннымъ русскимъ шрифтомъ, и что печатая полезныя для ихъ развитія вообще книги ихъ же арабскими буквами, можно, такъ сказать, незамѣтно пріохотить Татаръ въ чтенію сочиненій не одного

только мусульманско-религіознаго содержанія, и такимъ образомъ, втянуть ихъ въ общность образованія и культуры съ Русскими. Но вести такую пропаганду можно и помимо школы, путемъ распространенія вышеозначенныхъ книгъ среди взрослога татарскаго населенія: не зараженному мусульманскимъ фанатизмомъ юношеству, намъ кажется, все равно — учиться ли по книжкамъ, напечатаннымъ арабскимъ шрифтомъ, или русскимъ, тѣмъ болѣе, что употребленіе русской азбуки вовсе не лишаетъ Татаръ права и возможности учиться особо своей арабской грамотѣ, для чтенія корана и произведеній татарской литературы. А развѣ путаницею алфавитовъ ослабляется закоснѣлость тѣхъ упрямецъ-фанатиковъ, которые почему-либо не желали бы учиться русскому языку? Если сочинитель грамматики, избѣгая русской транскрипціи татарскихъ словъ, деликатничалъ съ религіознымъ чувствомъ Татаръ-мусульманъ, то, скажите на милость, чѣмъ онъ руководился, трактуя въ § 15 о *снопъ*, *мртъ* и *евамелги* (sic!), въ которыхъ будто бы *во всякъ* находится буква *ч*, касаясь именно предметовъ религіозно-церковныхъ христіанскихъ, до которыхъ Татарамъ менѣе всего дѣла?

Но алфавитомъ не ограничивается дѣло у сочинителя грамматики. Мы знаемъ, что въ теперешнемъ татарскомъ Казацкомъ нарѣчій есть въ обращеніи множество словъ, заимствованныхъ изъ русскаго. такъ что перѣдко во фразѣ находится одинъ только глаголъ татарскій, а прочія слова, выражающія понятія о разныхъ предметахъ обыденной жизни, все русскія, съ которыми Татары легко осваиваются. На этомъ основаніи, обучая Татарина русской грамматикѣ, развѣ не все равно — давать ли ему цѣликомъ русскіе грамматическіе термины, или переводить ихъ на грамматическіе термины какой-нибудь арабской *Кяфийѣ* (общеупотребительной арабской грамматики), какъ будто бы, въ самомъ дѣлѣ, татарскіе школьники (шакирды) такъ быстро и осмысленно осваиваются съ арабскою терминологіею, при господствующемъ въ медресѣ методѣ безтолковаго зубренія, что переводъ этотъ долженъ облегчать имъ трудъ изученія русской грамматики? Да еще добро бы, еслибы г. В. Р. ограничился простымъ переводомъ русскихъ грамматическихъ терминовъ на арабскіе, что абсолютно невозможно при различіи нѣкоторыхъ свойствъ русской и арабской рѣчи, а то мы видимъ въ его грамматикѣ какое-то прилаживанье одной терминологіи къ другой, которое доводитъ его иногда до явныхъ и смѣшныхъ несообразностей, въ родѣ слѣдующихъ. Въ арабскомъ глаголѣ, напримѣръ, нѣтъ *видовъ*; ну и назвать бы Татарину это свойство

русскаго глагола русскимъ же словомъ *видѣ*, растолковавъ ему, что оно значить. Такъ нѣтъ: это было бы уже черезчуръ просто для нашего автора: ему больше нравится арабское слово *несъ* — родъ, сортъ. У Татаръ не существуетъ никакихъ знаковъ препинанія, поэтому, напримѣръ, для знака *кавычекъ* авторомъ придумано названіе *отурдашларъ*, которое онъ образовалъ изъ слова *отуръ* — собственно „сидѣ“, а въ граматикѣ г. В. Р. „запятая“, съ суффиксомъ *дашъ*, сообщающимъ имени существительному значеніе сотоварищества, одностности, какъ напримѣръ, *ѣлъ* — дорога, *ѣдашъ* — спутникъ; *карынъ* — чрево, *карындашъ* — братъ и т. п. Есть вещи поистинѣ изумительныя! Положимъ, надо было дать понятіе о *страдательномъ залогѣ*. Тутъ ужъ и арабскій терминъ оставленъ въ пренебреженіи, не говоря о русскомъ: авторъ сочинилъ свой собственный: *'азабъ равшишъ*, склеенный изъ арабскаго слова *'азабъ* — „мука, мученіе, пытка“ (слово это съ такимъ значеніемъ приводится самимъ г. В. Р. на страницѣ 4, въ § 10) и персидскаго *равшишъ* — „походка, шествіе, манера“, такъ что вмѣстѣ эти два слова собственно значать „мучительная походка“ или „песносная манера“. Не правда ли, очень остроумно придумано?

Послѣ всего этого мы рѣшительно не понимаемъ заявленія автора, что изданная имъ часть грамматики „содержитъ въ себѣ въ сжатомъ видѣ довольно полныя матеріалы этимологіи русскаго языка“. Если понимать матеріалъ въ смыслѣ лексическомъ, то русскій языкъ не такой первобытный и невѣдомый міру, чтобы была потребность еще въ собираніи его матеріаловъ. Можетъ быть, авторъ имѣлъ въ виду изъ богатаго лексическаго запаса *выжать* самую эссенцію его, имѣющую значеніе первой, насущной потребности для Татаръ, начинающихъ учиться русскому языку? Но выборъ имъ для примѣровъ такихъ словъ, какъ *Вьши, Авдъй, Гордъй, Дньстръ, Печетьъ*, хотя и содержащихъ въ себѣ букву *ь*, или, указанныхъ уже нами по другому случаю, словъ: *сгнодъ, муро, сгамеліе* и т. п., совершенно опровергаетъ наше предположеніе. Если же г. В. Р. понимаетъ подъ *материаломъ* лишь формы и ихъ классификацію, которыя онъ хотѣлъ, такъ сказать, намѣтить въ своемъ руководствѣ для учащихся и учащихся, то попытка его убѣждаетъ насъ въ его полномъ незнаніи русскаго языка и грамматики, равно какъ и въ отсутствіи у него какихъ бы то ни было педагогическихъ приемовъ и такта.

А небрежность печати! Она выше всякихъ приличій: ни правописанія словъ, ни знаковъ препинанія, — и это въ руководствѣ, пред-

вазначенномъ для обученія Татаръ правильно читать и писать по-русски. Авторъ въ предисловіи благодарить г. Махмудова за внимательное (sic!) прочтеніе корректурныхъ листовъ этой грамматики“. Если это не шутка, то благодарность, можетъ быть, касается одного лишь татарскаго текста, потому что русскій текстъ—верхъ безобразія въ типографскомъ отношеніи.

Правда, въ книжкѣ г. Казаса также есть недостатки, но, въ сравненіи съ казанскою грамматикою, она можетъ быть названа совершенствомъ. Тамъ по крайней мѣрѣ видѣнъ нѣкоторый пріемъ практическій; тамъ и русская транскрипція, и не лишенное успѣха стараніе изложить не хитро, но удовлетворительно, главнѣйшія свойства русской рѣчи, а главное—нѣтъ измышлений и явныхъ искаженій. Мы не говоримъ уже о сравнительной пригодности того или другаго изъ этихъ двухъ руководствъ для употребленія въ татарскихъ народныхъ школахъ: даже и внѣ школы грамматика г. В. Р. можетъ быть признана совершенно бесполезною.

Мы не знаемъ, что думаетъ самъ авторъ „Грамматики русскаго языка для Татаръ восточной Россіи“ о своемъ произведеніи; но намъ во всякомъ случаѣ кажется страннымъ, что онъ скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ буквъ В. Р. Если это изъ скромности, то ей противорѣчатъ та самоувѣренность которою, проникнута вся книга. Остается предположить, что авторъ самъ смутно сознавалъ, что взялся не за свое дѣло, но не имѣлъ мужества воздержаться отъ попытки прослыть педагогомъ, пропаторомъ руссификаціи и культуры среди Татаръ, съ которыми у него, судя по его книгѣ, то общаго, что и русскій языкъ, и русская національность обоемъ имъ одинаково чужды.

В. Смирновъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Новороссійскаго университета въ 1875 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе наградъ за сочиненія на заданныя темы; ученые труды преподавателей; испытанія на ученые степени и званія; командировки съ ученою цѣлію; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій. — О состояніи и дѣйствіяхъ ветеринарныхъ институтовъ Харьковскаго, Дерптскаго и Казанскаго въ 1875 г.

Въ Новороссійскомъ университетѣ къ 1-му января 1875 года состояло на лицо штатныхъ преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ — 5, экстраординарный — 1, доцентовъ — 5, лекторовъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ — 3; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ — 13, экстраординарныхъ — 3, доцентовъ — 3, лаборантовъ — 4, астрономъ-наблюдатель — 1; по юридическому: ординарныхъ профессоровъ — 7, экстраординарный — 1, доцентъ — 1. Сверхъ того для всѣхъ факультетовъ состоялъ профессоръ православнаго богословія. Всего въ университетѣ, сверхъ профессора православнаго богословія, состояло штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ — 26, экстраординарныхъ — 5, доцентовъ — 9, лекторовъ — 3, лаборантовъ — 4, астрономъ-наблюдатель — 1. Сверхъ того были 1 приватъ-доцентъ, 1 сверхштатный лаборантъ и 1 сторонній преподаватель. Изъ положенныхъ по уставу кафедръ оставались незамѣщенными: въ историко-филологическомъ факультетѣ: сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, съ 12-го октября 1874 года, и исторіи всеобщей литературы: въ физико-математическомъ — физической географіи съ 1-го мая 1865 года; въ юридическомъ: энциклопедіи законовѣдѣнія съ 14-го

октября 1872 года, государственнаго права съ 19-го іюня 1875 г., церковнаго законовѣдѣнія съ 20-го іюня того же года, и междуна-роднаго права со времени открытія университета, то-есть, съ 1-го мая 1865 года. Общее число преподавательскихъ вакансій относительно временнаго штата университета было: 1 ординарный профессоръ, 5 экстраординарныхъ, 1 доцентъ и 1 лекторъ, всего—8; въ сравненіи же съ постояннымъ штатомъ вакантныхъ преподавательскихъ мѣстъ имѣлось: ординарныхъ профессоровъ—3, экстраординарныхъ—8, до-центовъ—7, лекторъ—1, всего—19. По нѣкоторымъ изъ вакантныхъ каедръ чтеніе лекцій поручено преподавателямъ университета, имен-но: исторіи всеобщей литературы—ординарному профессору русской словесности Некрасову, государственнаго права — ординарному про-фессору исторіи русскаго права Леонтовичу, междунаго права— экстраординарному профессору полицейскаго права Шпилевскому, энци-клопедіи права — ординарному профессору финансоваго права Пат-лаевскому и церковнаго законовѣдѣнія — исправляющему должность профессора православнаго богословія Кудрявцеву. Мѣры для замѣ-щенія вакантныхъ каедръ и вообще преподавательскихъ мѣстъ, какъ и прежде, состояли: въ объявленіи конкурсовъ, въ прямыхъ сноше-ніяхъ съ лицами, могущими занять ту или другую каедрю, и въ приготвленіи способныхъ молодыхъ людей при университетѣ и за границей къ профессорскому званію.

Въ 1875 году факультеты Новороссійскаго университета имѣли засѣданій: историко-филологическій—23, физико-математическій—28, юридическій—19. Въ распредѣленіи преподаванія предметовъ прои-зошли слѣдующія измѣненія: на историко-филологическомъ факуль-тетѣ по каедрѣ теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ измѣненъ порядокъ преподаванія въ томъ смыслѣ, что предметы чтеній по этой наукѣ раздѣлены на общіе и спеціальныя курсы: первые — для сту-дентовъ I, вторые—для студентовъ III и IV курсовъ какъ классиче-скаго, такъ и историческаго отдѣленій. Означенные курсы обязатель-ны, а самый предметъ на классическомъ отдѣленіи будетъ считаться главнымъ, и на историческомъ — второстепеннымъ. На физико-мате-матическомъ факультетѣ технико-агрономическое отдѣленіе, по не-достатку денежныхъ средствъ и незначительному числу слушателей, закрыто, и лишь въ видѣ переходной мѣры продолжалось въ первой половинѣ года чтеніе лекцій студентамъ IV курса, дабы дать имъ возможность окончить курсъ по этому отдѣленію. Для усиленія учеб-ной дѣятельности студентовъ и для пріученія ихъ къ самостоятель-

ному труду факультетами принимались общія и частныя мѣры. Имѣя въ виду, что письменная работа, сдѣланная студентомъ по указанію преподавателя, можетъ успѣшнѣе познакомить съ методомъ науки и скорѣе дать понятіе о способахъ отношенія къ научному матеріалу, чѣмъ заучиваніе прочитанныхъ лекцій и усная передача фактовъ, заимствованныхъ изъ этихъ лекцій, — историко-филологическій факультетъ, замѣнивъ устныя контрольныя испытанія для студентовъ-стипендіатовъ письменными, стремился постепенно возвысить требованія отъ письменныхъ работъ, и принятая имъ мѣра контроля надъ занятіями студентовъ даетъ утѣшительные результаты. Многія студентскія работы свидѣтельствуютъ о добросовѣстномъ трудѣ и внимательномъ знакомствѣ какъ съ литературою, такъ и съ источниками предмета, — результатъ, какого трудно достигнуть при устныхъ контрольныхъ испытаніяхъ. Факультетъ пришелъ къ убѣжденію, что такимъ путемъ ему удастся достигнуть значительнаго подъема учебной дѣятельности студентовъ. Какъ частная мѣра, практикуемая отдѣльными преподавателями, заслуживаютъ упоминанія практическія занятія и спеціальныя лекціи: профессоръ Григоровичъ — велъ практическія занятія по славянскимъ нарѣчіямъ, профессоръ Юргевичъ — упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій, профессора Григоровичъ и Некрасовъ и доцентъ Чепенскій — читали спеціальныя лекціи. Физико-математическій факультетъ, въ виду усиленія учебной дѣятельности студентовъ разряда естественныхъ наукъ, выработалъ проектъ спеціализаціи курсовъ этого разряда. Съ тою же цѣлію юридическій факультетъ задавалъ студентамъ письменныя домашнія работы. Кромѣ того, профессора Леонтовичъ, Цитовичъ и Шпилевскій, независимо отъ лекцій, вели практическія занятія со студентами: первый — знакомилъ студентовъ съ важнѣйшими памятниками древняго русскаго права, второй — съ казуистической стороной русскихъ гражданскихъ законовъ, и послѣдній продолжалъ занимать студентовъ разборомъ важнѣйшихъ источниковъ науки полицейскаго права.

На заданныя для соисканія наградъ темы студентами IV курса представлено 5 сочиненій: физико-математическаго факультета разряда математическихъ наукъ *Слетинскимъ* — „О развертываніи функціи по синусамъ и косинусамъ дугъ кратныхъ переменной“, разряда наукъ естественныхъ *Шельтингою* — „О вліяніи теплоты на растенія“, юридическаго факультета: *Павловичемъ* — „Основныя начала русскаго желѣзнодорожнаго права“, *Черновымъ* — „Заключеніе договоровъ по

телеграфу“ и *Шухальским*— „Имѣеть ли въ настоящее время практическое значеніе 2-я часть Коричной книги“. Авторы этихъ сочиненій удостоены: первые два золотой медали, два слѣдующіе—серебряной, а послѣдніе—почетнаго отзыва.

Въ 1875 году преподаватели Новороссійскаго университета и другіи служащіи въ немъ лица напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: *Юревичъ* — напечаталъ въ IX томѣ Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей „Донесеніе о поѣздкѣ въ Крымъ“ и „О новѣйшихъ археологическихъ открытіяхъ въ Крымъ“ и приготовилъ для X тома „Объясненіе греческихъ надписей“; *Брунъ*—напечаталъ „Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ периплазъ и компасовымъ картамъ“ и „Notice sur la Société Impériale Odessaise d'histoire“; *Шведовъ*—помѣстилъ въ журналѣ Петербургскаго физическаго общества статью „Диффракція электрическихъ лучей“; *Мечниковъ* — помѣстилъ въ Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie статью „Embryologisches über Geophilus“; *Ковалевскій*—напечаталъ: „Ueber die Knospung der Ascidien“ въ Archiv für mikroskopische Anatomie, „Ueber die Entwicklungsgeschichte der Pyrosoma“ (тамъ же) и „Weitere Studien über die Entwicklung des Amphioxus, nebst einem Beitrag zur Homologie der Nervensystems der Würme und Wirbelthiere“; *Валмъ*, вмѣстѣ съ садовникомъ ботаническаго сада Новороссійскаго университета г. Рудольфи, напечаталъ „Delectus seminum, quae hortus botanicus Universitatis Novae Rossiae mutuo commutando offert“ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета помѣстилъ статью „О вліяніи свѣта на нѣкоторые процессы растительной жизни“; *Леонтовичъ*—помѣстилъ во II томѣ Сборника государственныхъ знаний рецензію на сочиненіе Самокласова „Древніе города Россіи“; *Цитовичъ*—издалъ 2-й выпускъ лекцій по торговому праву; *Павловъ*—помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета „Замѣчанія на программу изданія въ русскомъ переводѣ церковныхъ правилъ съ толкованіями“; протоіерей *Войтковскій* — напечаталъ въ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ „Слово въ день восшествія на престолъ Государи Императора Александра Николаевича, сказанное въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ“ и „Рѣчь при выпускѣ воспитанницъ Одесскаго института благородныхъ дѣвицъ“; *Лининъ* — напечаталъ въ Nouvelles Annales de Mathématiques статью „Sur les systèmes de tiges articulées“; *Шнилевскій* — помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣ-

дѣнія“; *Волковъ*—помѣстилъ въ тѣхъ же Запискахъ статью „Къ вопросу объ ассимиляціи“; *Умовъ*—написалъ статью „Allgemeine Sätze über die Vertheilung electricischer Strömungen auf krummen leitenden Flächen“, включенную профессоромъ Кирхгофомъ въ его статью „Ueber die stationären electricischen Strömungen in einer gekrümmten leitenden Fläche“, помѣщенную въ Monatsberichte der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin; доценты: *Успенскій*—помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „Значеніе византийскихъ занятій въ изученіи средневѣковой исторіи“; *Воеводскій*—помѣстилъ въ *Журн. Минист. Народн. Просв.* статью „Эпическое значеніе мифовъ“; *Петровъ*—помѣстилъ въ Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft статью „Erwiderung auf Vant-Hof's Bemerkung über meine Arbeit über die Molonsäure und Diokelmolonsäuren“; приватъ-доцентъ *Спиро*—помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „О божно-мышечныхъ рефлексакъ“; астрономъ, наблюдатель *Блокъ*—написалъ „Hilfstafeln zur Berechnung des genauen Azimuts des Polaris“, изданное Петербургскою академіею наукъ; консерваторы: *Рамаши*—помѣстилъ въ Запискахъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи статью „О явленіяхъ движенія въ растительномъ царствѣ и о такъ-называемыхъ плотоядныхъ растеніяхъ“; *Сталевичъ*—произвелъ вычисленія метеорологическихъ наблюденій въ 1875 году, предназначенныя къ напечатанію въ Лѣтописяхъ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ; прикомандированный къ Новороссійскому университету князь *Камтакузинъ* графъ *Сперанскій*—помѣстилъ въ Запискахъ университета статью „Опытъ опредѣленія понятія военной контрабанды“.—Публичныя лекціи въ 1875 г. читали: профессора: *Абишевъ*—объ условіяхъ плодородія и истощенія почвы, *Головчинскій*—о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты, *Вальцъ*—о болѣзняхъ культурныхъ растеній и объ опшленіи растеній, *Мечниковъ*—по зоологіи, *Ярошенко*—по математикѣ, *Умовъ*—по физикѣ, доцентъ *Бернштейнъ*—по анатоміи человѣка и лекторъ *Вишевскій-де-Турнефоръ*—изъ исторіи новѣйшей французской литературы.

Совѣтъ Новороссійскаго университета имѣлъ въ теченіе 1875 г. 23 засѣданія. Удостоено ученыхъ степеней и званій: а) доктора ботаники—магистръ *Волковъ*; б) кандидата—41, въ томъ числѣ по историко-филологическому факультету—4, по физико-математическому—7, по юридическому—30; дѣйствительнаго студента—49, въ томъ числѣ по историко-филологическому факультету—4, по физико-

математическому — 8, по юридическому — 37. Для приготовленія къ профессорскому званію состояли стипендіатами при университетѣ кандидаты: *Долонцевъ* — по уголовному праву, *Воланцевичъ* — по астрономіи и *Слетинскій* — по чистой математикѣ.

Командированы были за границу съ ученою цѣлю: ординарные профессеры: *Синцовъ* — на 6 мѣсяцевъ, *Мечниковъ* — на 3 мѣсяца, экстраординарный профессоръ *Умовъ* — на 1 мѣсяць и доцентъ *Кондаковъ* — на 1 годъ и 5 мѣсяцевъ.

По финансовой смѣтѣ и дополнительнымъ, сверхштатнымъ кредитамъ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на содержаніе Новороссійскаго университета ассигновано было: на личный составъ — 134.381 руб., на учебныя пособія и другіе хозяйственные расходы — 51.400 руб., на стипендіи и пособія студентамъ — 17.913 руб. 88 коп., на пособіе обществу естествоиспытателей при университетѣ — 2.500 р., на приготовленіе профессоровъ и на ученія командировки — 1.894 р. 63 коп., всего — 208.089 руб. 51 коп. Изъ этой суммы израсходовано: на содержаніе личнаго состава — 127.789 руб. 13 коп., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы — 57.991 руб. 87 коп., на стипендіи и пособія студентамъ — 17.723 руб. 69 коп., на пособіе обществу естествоиспытателей — 2.500 руб., на приготовленіе къ профессорскому званію и на ученія командировки — 1.894 руб. 63 коп., всего 207.899 руб. 32 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1876 года состояло остатка — 190 руб. 19 коп., которые подлежатъ въ уплату за медикаменты для недостаточныхъ студентовъ. Специальныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) сбора платы со студентовъ за слушаніе лекцій отъ 1874 года оставалось — 957 р. 11 коп., въ теченіе 1875 года поступило — 5.180 руб., израсходовано — 5.281 руб. 27 коп., затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось — 855 руб. 84 коп.; б) сбора платы за матрикулы оставалось отъ 1874 года — 7 руб. 82 коп., поступило въ 1875 году — 528 руб., израсходовано — 515 руб., къ 1-му января 1876 года состояло — 20 р. 82 коп.; в) пожертвованныхъ капиталовъ отъ 1874 года оставалось наличными и въ процентныхъ бумагахъ — 102.423 руб. 11 коп., въ 1875 году поступило — 13.024 руб. 19 коп., израсходовано — 4.848 р. 75 коп., къ 1-му января 1876 года состояло — 110.598 руб. 55 коп., въ томъ числѣ наличными — 5.198 руб. 55 коп., въ процентныхъ бумагахъ — 105.400 руб. Изъ сбора за слушаніе лекцій произведены были слѣдующіе расходы: уплачено за напечатаніе „Записокъ университета“ — 682 руб. 20 коп., на выписку русскихъ и иностранныхъ

периодическихъ изданій — 1.034 руб. 26 коп., на добавочное жалованье одному ординарному профессору въ добавокъ къ содержанію изъ оклада экстраординарнаго профессора — 1.000 руб., вознагражденія редактору университетскихъ Записокъ — 300 руб., жалованье сверхштатному лаборанту — 800 руб., пособій преподавателямъ университета по разнымъ случаямъ — 870 руб., вознагражденія одному приватъ-доценту — 168 руб. 75 коп.

Студентовъ къ 1-му января 1875 года состояло на лицо — 273; въ теченіе года вновь поступило — 175 (изъ гимназій — 50, изъ духовныхъ семинарій — 89, изъ другихъ университетовъ — 20, изъ Демидовскаго юридическаго лица — 10, изъ медико-хирургической академіи — 3, изъ технологическаго института — 2, изъ Пражской (въ Австріи) гимназій — 1); въ теченіе года выбыло — 108, въ томъ числѣ: до окончанія курса — 29, по окончаніи курса — 79; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось — 340, которые распределены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ — 77, на юридическомъ — 150, на физико-математическомъ — 113 (по разряду наукъ математическихъ — 28, по разряду наукъ естественныхъ — 85). Постороннихъ слушателей было: къ началу 1875 года — 22, къ 1-му января 1876 года — 12. Изъ числа бывшихъ въ теченіе 1875 года 448 студентовъ освобождено было отъ платы — 232 (по прошеніямъ — 136 и стипендіатовъ университета — 96), что составляетъ 51% общаго числа студентовъ. Стипендій назначено было въ 1875 году всего 124, въ размѣрѣ отъ 165 до 340 включительно, на сумму 26.422 руб. 95 коп., въ томъ числѣ: на 18.495 руб. — изъ суммъ государственнаго казначейства, на 3.448 руб. — изъ процентовъ пожертвованныхъ капиталовъ и 4.479 р. 55 коп. — изъ суммъ, высылаемыхъ въ университетъ разными учрежденіями. Пособія выданы 9 студентамъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 30 руб., всего 189 руб. 81 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Новороссійскаго университета къ 1-му января 1876 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библиотекѣ: книгъ русскихъ и иностранныхъ — 34.932 сочиненія 59.828 томовъ, периодическихъ изданій — 697 названій 13.047 томовъ, рукописей 112 тетрадей, картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей — 592 листа, всего на сумму 149.180 руб. 94 коп. Въ студентской библиотекѣ: книгъ и периодическихъ изданій — 3.774 названія 7.416 томовъ, рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ — 31 листъ, всего на 3.756 руб. 20 коп. Въ астро-

номической обсерваторіи: разныхъ инструментовъ, книгъ, журналовъ, моделей, подвижной утвари и другихъ принадлежностей — 244 номера на 15.312 руб. 49 коп. Въ кабинетъ практической механики: моделей, подвижной утвари и другихъ принадлежностей — 217 номеровъ на 8.917 руб. 26 коп. Въ физическомъ кабинетъ съ лабораторією: инструментовъ, приборовъ и химическихъ препаратовъ—511 номеровъ 632 экземпляра на 14.461 руб. 99 коп. Въ химической лабораторіи и кабинетъ: химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей — 1.430 номеровъ 1.489 экземпляровъ на 21.755 руб. 32 коп. Въ минералогическомъ кабинетъ съ лабораторією: минераловъ—8.227 экземпляровъ, геологическихъ и географическихъ картъ—10 номеровъ. Въ кабинетъ физической географіи, книгъ, атласовъ, глобусовъ, картъ и инструментовъ — 91 номеръ 112 экземпляровъ на 2.901 руб. 96 коп. Въ метеорологической обсерваторіи: инструментовъ, снарядовъ, книгъ, атласовъ и моделей—46 номеровъ 60 экземпляровъ на 1.522 руб. 9 коп. Въ ботаническомъ кабинетъ: сухихъ растений, инструментовъ, приборовъ, коллекцій гипсовыхъ и восковыхъ моделей, препаратовъ, книгъ и проч. — 49.594 номера на 4.580 руб. 19 коп. Въ ботаническомъ саду: оранжерейныхъ растений, кустарниковъ, травъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—1.946 номеровъ. Въ зоологическомъ кабинетъ съ лабораторією: книгъ и другихъ изданій—138 названій, чучель, препаратовъ въ спиртѣ, инструментовъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—4.065 номеровъ, всего на 18.358 руб. 25 коп. Въ зоотомическомъ кабинетъ съ лабораторією: скелетовъ и препаратовъ въ спиртѣ—380 номеровъ, книгъ и другихъ изданій—72 названія, инструментовъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—284 номера, всего на 6.322 руб. Въ физиологическомъ кабинетъ: приборовъ и лабораторной мебели—144 номера на 2.334 руб. 72 коп. Въ техническомъ кабинетъ: разныхъ техническихъ издѣлій и принадлежностей, химическихъ препаратовъ, реактивовъ и посуды—274 номера 4.601 экземпляръ на 7.204 руб. 50 коп. Въ агрономическомъ кабинетъ съ лабораторією: книгъ и другихъ изданій—26 названій, точныхъ измѣрительныхъ приборовъ, различныхъ инструментовъ, посуды, подвижной утвари и другихъ принадлежностей — 562 номера 1.404 экземпляра на 10.031 руб. 44 коп. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: изданій съ эстампами, сочиненій съ рисунками и атласовъ—170 названій, гипсовыхъ слѣпковъ: статуѣй, бюстовъ, барельефовъ, алтаря, обелисковъ и утвари—110 номеровъ, коллекція слѣпковъ съ работъ

изъ словеной кости—1 нумеръ 125 экземпляровъ, иконъ, картинъ и фотографій—433 нумера, хромофотографій, литографій и гравюръ—90 листовъ, амфоръ древнихъ и ручекъ съ клеймами—169 нумеровъ, древнегреческихъ живописныхъ вазъ—10, оригинальныхъ скульптуръ—77 нумеровъ, дактилотекки Липперта—2.000 нумеровъ, мелкихъ древностей—31 нумеръ, всего на 8.361 руб. 25 коп. Въ музей-кабинетѣ: монетъ—2.637 нумеровъ, медалей—1.125 нумеровъ, на 1.556 руб. 50 коп.

ВЕТЕРИНАРНЫЕ ИНСТИТУТЫ.

а) Харьковскій.

Изъ числа опредѣленныхъ по дѣйствующему положенію о ветеринарныхъ институтахъ 10-ти преподавательскихъ должностей, въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ въ 1875 году состояло таковыхъ 7. Исполненіе обязанностей по тремъ вакантнымъ должностямъ совѣтомъ поручено было наличнымъ преподавателямъ, именно: директору института, ординарному профессору Мельниченко—чтеніе одного изъ существенныхъ отдѣловъ оперативной хирургіи, ученіе о traumaticкомъ процессѣ мягкихъ и плотныхъ частей, а также ветеринарной медицины и родовспомогательной науки; ординарному профессору Полютѣ—чтеніе діететики, доценту Журавскому—частной патологіи и ученіе о повальныхъ болѣзняхъ, исполняющему обязанности доцента сельскаго хозяйства Павловичу—ученіе о заводахъ, исполняющему обязанности прозектора Ладину—анатомія лошади и другихъ домашнихъ животныхъ.

Совѣтъ Харьковскаго ветеринарнаго института въ теченіе 1875 года имѣлъ 16 засѣданій. Въ видахъ устраненія издавна ощущаемаго недостатка въ штатныхъ преподавателяхъ, совѣтъ постановилъ на будущее время ежегодно избирать одного изъ окончивающихъ курсъ студентовъ для оставленія его при институтѣ въ качествѣ приватъ-доцента, и на первый разъ избранъ съ этою цѣлію окончившій курсъ съ званіемъ ветеринара стипендіатъ института *Ковалевскій*. Мѣрами для усиленія учебной дѣятельности и для поощренія студентовъ служили денежныя пособія и освобожденіе отъ платы. Совѣтомъ института удостоено: степени ветеринара—17, званія ветеринарнаго помощника—18 и ветеринарнаго фельдшера—9.

Преподаватели института издали и приготовили къ выпуску въ

свѣтъ слѣдующіе труды: директоръ, ординарный профессоръ *Мельниченко*—составилъ для студентовъ III и IV курсовъ „Теоретическую зоохирургію“ и „Частную патологию и терапію“; ординарный профессоръ *Полюта*—составилъ курсъ фармакологіи съ общею терапіею и рецентурою; доцентъ *Журавскій*—составилъ и отлитографировалъ для студентовъ лекціи свои по ученію о повальныхъ болѣзняхъ, по патологической анатоміи и частной; доцентъ *Ганнотъ*—отлитографировалъ половину курса фармаціи.

Съ ученою цѣлію командированъ былъ ординарный профессоръ *Полюта* въ Москву на всероссійскую выставку лошадей.

Къ 1-му января 1875 года учащихся въ институтѣ состояло—223, въ томъ числѣ: студентовъ—191, воспитанниковъ 2-го разряда—18 и фельдшерскихъ учениковъ—14; въ теченіе 1875 года вновь поступило: въ студенты—71 и въ фельдшерскіе ученики—6; выбыло: студентовъ—35, изъ нихъ по окончаніи курса—18 и не окончившихъ курса—17, воспитанниковъ 2-го разряда—18, фельдшерскихъ учениковъ—9; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось на лицо: студентовъ—227 и фельдшерскихъ учениковъ—11. Изъ числа студентовъ состояло: казенными стипендіатами—14, Кубанскаго казачьяго войска—1, земскихъ—2. Освобождено отъ платы—25 студентовъ, выдано пособіе—19-ти.

Денежныя средства Харьковскаго ветеринарнаго института въ 1875 году находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныхъ суммъ: отъ 1874 года оставалось—6.468 руб. 54 коп., въ 1875 году ассигновано было—43.643 руб.; израсходовано: на содержаніе служащихъ—19.281 руб. 4 коп., на стипендіи и пособія студентамъ—3.603 руб. 1 коп., на содержаніе и ремонтъ помѣщеній—7.412 руб. 16 коп., на учебно-вспомогательныя учрежденія—4.954 руб. 41 коп., на разныя другіе расходы—3.853 руб. 75 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1876 года состояло остатка—11.007 руб. 17 коп.; б) сбора за слушаніе лекцій: оставалось отъ 1874 года—953 руб. 61 коп., въ 1875 году поступило—1.997 руб. 34 коп.; израсходовано: на жалованье служащимъ—1.463 руб., на разныя расходы—443 руб. 46 коп., остатка къ 1-му января 1876 года—1.044 руб. 49 коп.; в) партикулярныхъ суммъ: оставалось отъ 1874 года—1.017 руб. 16 коп., въ теченіе 1875 года поступило—1.143 руб. 52 коп., употреблено на стипендіи и пособія студентамъ—1.750 руб. 65 коп., въ остаткѣ къ 1-му января 1876 года—410 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго ветеринарнаго

института къ 1-му января 1876 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ книгъ, періодическихъ изданій, плановъ, гравюръ и эстамповъ — 2.734 названія 3982 тома на сумму 11.683 руб. 75 коп.; въ физическомъ кабинетѣ — 246 номеровъ на 4.420 руб.; въ химическомъ — 692 номера на 362 руб. 47 коп.; въ фармакогностическомъ — 267 номеровъ на 203 руб. 68 коп.; въ минералогическомъ — 1.666 номеровъ на 430 руб.; въ гербаріѣ и ботаническомъ саду — 6.000 номеровъ на 151 руб.; въ музеѣ анатомическаго театра — 3.813 номеровъ на 5.617 руб. 44 коп.; въ кабинетѣ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ — 210 номеровъ на 2.250 руб.; въ кузницѣ — 174 номера на 606 руб.; въ сельско-технологическомъ кабинетѣ — 304 номера на 578 руб.; въ физиологическо-химическомъ кабинетѣ — 186 номеровъ на 2.454 руб. 31 коп.; въ аптекѣ — 1.802 номера на 3.280 руб. 21 коп.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ — 148 номеровъ на 543 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ — 40 номеровъ на 105 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ — 343 номера на 1.988 руб. 40 коп.; въ клиникѣ — 72 номера на 316 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ — 2.796 номеровъ на 3.728 руб. 75 коп. Число пользовавшихся домашнихъ животныхъ въ клиникахъ института представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) въ постоянной клиникѣ оставалось отъ 1874 года — 24, въ теченіе 1875 года поступило — 257, всего находилось — 281; изъ этого числа выздоровѣло — 200, получило облегченіе — 38, признано неизлечимымъ — 1, пало 34, убито — 1, къ 1-му января 1876 года оставалось — 7; б) въ клиникѣ амбулаторной пользовалось — 193; в) въ поликлиникѣ — 20.

б) Дерптскій.

Къ 1-му января 1876 года штатныхъ преподавателей въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ было — 8, такъ что одна должность оставалась вакантною.

Совѣтъ института имѣлъ въ 1875 году 29 засѣданій. Утверждено въ ветеринарныхъ степеняхъ и званіяхъ: магистра ветеринарныхъ наукъ — 2, ветеринарнаго врача — 6. Мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ заключались въ назначеніи лучшимъ изъ нихъ стипендій изъ штатной, на этотъ предметъ назначенной, суммы. За представленное на заданную въ 1875 году тему сочиненіе, удостоенъ серебряною медалью казенный стипендіатъ *Таль*. На соисканіе

награды медалью въ 1876 году, предложена задача: „Ueber die Entwicklung der Spermatozoen“.

Преподаватели Дерптскаго ветеринарнаго института и другія служащія при ономъ лица, издали въ свѣтъ слѣдующія сочиненія и статьи: профессоръ *Лесенъ* — „Отчетъ объ опытахъ чумопрививанія рогатому скоту, произведенныхъ въ Полтавской губерніи въ 1874 году“ (Архивъ ветеринарныхъ наукъ), „Besuch der Kaiserlich—Russischen Reichsgestüte. Mit Zusätzen, Erläuterungen und Berichtigungen von S-r hohen Excellenz dem Herrn Mitgliede des Reichsraths, General-Adjutanten und Ritter M. v. Grünewaldt“, „Beitrag zur Geschichte der Kinderpest“ (Baltische Wochenschrift); профессоръ и директоръ Ф. *Унтербергеръ* — „Grossrussische Pferdeausstellung im Moskau im Jahre 1875. Vorläufige Notiz“ (Baltische Wochenschrift), „Vorschläge zu einem Währschaftsgesetz für den Pferdehandel in Russland“, „Предложеніе относительно закона объ очисткѣ при торговлѣ лошадьми въ Россіи“ (Архивъ ветеринарныхъ наукъ), „По вопросу о пользѣ и вредѣ прививанія чумы рогатаго скота“ (тамъ же); доцентъ *Земмеръ* — „Ueber die pathologische Anatomie der Kinderpest“, „Ueber die Staupe der Hunde“ (Böllinger und Franck deutsche Zeitschrift für Thiermedizin und vergleichende Pathologie), „Ein Beitrag zur Tuberkelfrage“ (тамъ же), „Ueber die Ursache der Furunkel“ (тамъ же); исправляющій должность доцента *Бруннеръ* — „Actiengesellschaft oder Gegenseitigkeit im Versicherungswesen“ (Baltische Wochenschrift), „Untersuchungen über russische Schwarzerden“ (тамъ же), „Studien über den Aufrahmnungsprocess“ (тамъ-же), „Thierschau zu Dorpat“ (тамъ же), „Berichte über vergleichende Culturen mit nordischen Getreide“ (тамъ-же), „Gewerbeausstellung zu Dorpat für 1876 in Aussicht genommen“ (тамъ-же), „Verwendbarkeit des Wasserglases in der Bautechnik“ (тамъ-же); клиническій ассистентъ *Гутманъ* — „Notizen über die in dem Dorpater und Feliinschen Kreise im Jahre 1874 herrschende Wuthkrankheit“ (Archiv für wissenschaftliche und practische Thierheilkunde и на русскомъ языкѣ въ Архивѣ ветеринарныхъ наукъ); магистры *Шимминъ* и *Раухъ* — двѣ диссертациі: „Zur Frage über die Ansteckungsfähigkeit des Rotzblutes“ и „Die Resultate der letzten Rinderpestimpfungen in dem Impfinstitute Karlska“.

Командированы были съ учебною цѣлью: профессоръ Ф. Унтербергеръ — за границу, а профессоръ Н. Унтербергеръ съ двумя студен-

тами 3-го курса, Нейманомъ и Гольманомъ,—въ Москву, на ковскую выставку.

Число учащихся въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ къ 1-му января 1875 года состояло: студентовъ — 26, фельдшерскихъ учениковъ—5; въ теченіе 1875 года поступило: студентовъ—17 (изъ другаго ветеринарнаго института — 1, изъ гимназій — 8, изъ реального училища—1, изъ учительскихъ семинарій—2, изъ уѣздныхъ училищъ—5), посторонній слушатель—1 (изъ реального училища), фельдшерскихъ учениковъ—4 (изъ уѣздныхъ училищъ—3, изъ духовнаго училища—1); въ 1875 году выбыло—8, въ томъ числѣ: до окончанія курса—2 (1 студентъ и 1 фельдшерскій ученикъ), по окончаніи курса—6 (студентовъ); затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—45, а именно: студентовъ—36, посторонній слушатель—1, фельдшерскихъ учениковъ—8. Изъ бывшихъ въ 1875 году 43 студентовъ освобождено отъ платы—19, что составляетъ 44% общаго числа студентовъ. Слушавшихъ за половинную плату студентовъ не было. Изъ положенной по штату института суммы, производилось 17 стипендій, по 150 руб. каждая, всего на сумму 3.000 руб.; сверхъ того, по постановленію совѣта, 11-ти изъ этихъ стипендіатовъ выдано добавочныхъ по 84 руб. каждому.

Денежныя средства Дерптскаго ветеринарнаго института въ 1875 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) штатныхъ суммъ осталось отъ 1874 года—1.565 руб., въ 1875 году ассигновано по финансовой смѣтѣ—36.791 руб., въ томъ числѣ: на содержаніе личнаго состава—23.091 руб., на хозяйственные расходы и учебныя пособія—9.200 руб., на стипендіи студентамъ—3.000 руб., на преподавателей вспомогательныхъ предметовъ—1.500 руб.; въ 1875 году израсходовано—35.625 руб. 5 коп., затѣмъ къ 1-му января 1876 года состояло въ остаткѣ—2.730 руб. 92 коп.; б) специальныхъ средствъ, въ томъ числѣ (сборъ за слушаніе лекцій, доходъ отъ клиники и аптеки и пожертвованія): оставалось отъ 1874 года—8.416 руб. 54 к., въ 1875 году поступило—1.789 руб. 18 коп., израсходовано—2.207 руб. 17 коп., къ 1-му января 1876 года состояло—8.704 р. 55 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Дерптскаго ветеринарнаго института къ 1-му января 1876 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ: книгъ, періодическихъ журналовъ, плановъ, гравюръ и чертежей—4.628 названій 9.182 тома на сумму 25,549 р. 61 коп.; въ физическомъ кабинетѣ—502 нумера на 6.082 руб. 44 коп.; въ химическомъ—220 нумеровъ на 1.292 руб. 48 коп.; въ

фармакогностическомъ—686 номеровъ на 259 руб. 57 коп.; въ минералогическомъ—3.079 номеровъ на 1.272 руб.; въ зоологическомъ собраніи—430 номеровъ на 67 руб.; въ музей анатомическаго театра—2.813 номеровъ на 8.771 руб. 49 коп.; въ кабинетъ чертежей и рисунковъ—186 номеровъ на 179 руб. 32 коп.; въ кабинетъ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ—94 номера на 387 руб. 83 коп.; въ кузницѣ—82 номера на 560 руб. 98 коп.; въ сельско-технологическомъ кабинетѣ—19 номеровъ на 645 руб. 53 коп.; въ физиологическо-химическомъ кабинетѣ—50 номеровъ на 601 руб. 47 коп.; въ аптекѣ; медикаментовъ—281 номеръ на 347 руб. 35 коп., посуда—на 40 руб. 70 коп.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и копытъ—375 номеровъ на 304 руб. 97 коп.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ—142 номера на 78 руб. 90 коп.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ—236 номеровъ на 962 руб. 77 коп.; въ клиникѣ—330 номеровъ на 2.611 руб. 68 коп. Больныхъ животныхъ къ 1-му января 1875 года оставалось—19, въ теченіе года поступило—3.101; изъ нихъ выздоровѣло—2.836, пало 76, убито—48; къ 1-му января 1876 года состояло—22; труповъ вскрыто—169; операций произведено: менѣе важныхъ—310, болѣе значительныхъ—105.

в) Казанскій.

Казанскій ветеринарный институтъ, существующій съ начала 1874 года, имѣлъ въ 1875 году два курса студентовъ и два класса учениковъ состоящей при институтѣ фельдшерской школы, и потому изъ числа положенныхъ по уставу предметовъ преподавались: для студентовъ 1-го курса—зоотомія, гистологія, фармакогнозія и русскій языкъ; для студентовъ 2-го курса—практическая зоотомія, практическая гистологія, физиологія, фармакогнозія, фармація, экстерьеръ, теорія ковки лошадей и русскій языкъ. Сверхъ того студенты слушали въ мѣстномъ университетѣ: богословіе, ботанику, минералогію, зоологію съ сравнительною анатоміею, физику, химію и нѣмецкій языкъ.

Штатныхъ преподавателей состояло въ 1875 году: въ ветеринарномъ институтѣ: ординарныхъ профессоровъ—2, экстраординарныхъ—1, доцентъ—1, ученый кузнецъ—1; въ ветеринарно-фельдшерской школѣ) сверхъ состоявшихъ при институтѣ помощника прозектора, ученаго кузнеца, ассистента клиники и лаборанта фармаціи) законоучитель—1, учитель русскаго языка—1. Сверхштатныхъ

учителей въ институтѣ было 2: одинъ для преподаванія физиологій, а другой—русскаго языка съ теоріей и исторіей русскаго словесности. Общее число вакансій преподавателей, со включеніемъ и ассистента клиники, обязаннаго преподавать въ фельдшерской школѣ, къ концу 1875 года было 6.

Совѣтъ Казанскаго ветеринарнаго училища имѣлъ въ теченіе 1875 года 54 засѣданія. Для поощренія студентовъ въ научныхъ занятіяхъ, нѣкоторымъ изъ студентовъ II курса, оказавшимъ при отличномъ поведеніи такіе же успѣхи въ наукахъ, выданы были единовременныя пособія, тѣ же изъ недостаточныхъ студентовъ, которые при одобрительномъ поведеніи, подвергаясь въ установленные сроки испытаніямъ, оказали хорошіе успѣхи, освобождались отъ взноса платы за слушаніе лекцій. Контроль надъ исправнымъ исполненіемъ студентами лежащихъ на нихъ учебныхъ обязанностей порученъ былъ инспектору института, согласно утвержденной начальствомъ Казанскаго учебнаго округа инструкціи. Практическія занятія студентовъ заключались въ слѣдующемъ: по зоотоміи, подъ руководствомъ профессора Сопржединскаго и помощника прозектора Гришина, студенты обоихъ курсовъ занимались препарированіемъ различныхъ частей животнаго тѣла. Матеріаломъ для такихъ занятій служили, кромѣ животныхъ, павшихъ въ городѣ, животныя, приобретенныя поукною, всего на 105 рублей 72 коп. Изъ этого матеріала названными двумя лицами и нѣкоторыми изъ студентовъ II курса изготовлены были 109 препаратовъ, стоимостью на 800 руб. По гистологій, подъ руководствомъ профессора Ланге, студенты II курса занимались три раза въ недѣлю микроскопическими работами; двое изъ этихъ студентовъ занимались въ гистологической лабораторіи и внѣ назначенныхъ росписаніемъ часовъ; одинъ же изъ нихъ съ особеннымъ усердіемъ работалъ надъ изслѣдованіемъ строенія роговаго башмака копытъ домашнихъ животныхъ. По физиологій, кромѣ посѣщенія всеми студентами II курса экспериментальнаго курса по два раза въ недѣлю, двое изъ нихъ занимались и въ физиологической лабораторіи, въ свободные отъ лекцій часы, подъ руководствомъ профессора Ковалевскаго, повтореніемъ важнѣйшихъ опытовъ, показанныхъ въ теченіе курса. По изготовленію подковъ и соотвѣстственному подготовленію копытъ въ ковкѣ упражнялись, подъ руководствомъ ученаго кузнеца Кальнинга: фельдшерскіе ученики I-го класса — въ выдѣлкѣ подковъ изъ свинца, который, какъ мягкій матеріалъ, признанъ болѣе соотвѣстственнымъ для приобрѣтенія навыка въ работѣ, а фельдшер-

скіе ученики 2-го класса — въ выдѣлкѣ подковъ изъ желѣза и разчисткою мертвыхъ копытъ.

Изъ числа преподавателей Казанскаго ветеринарнаго института занимались учеными трудами двое: профессоръ *Кавалевскій* участвовалъ совместно съ нѣкоторыми другими русскими физиологами, въ переводѣ на русскій языкъ „Физиологін“ Брюкке, и ученый кузнецъ *Кальнинъ* — напечаталъ въ Архивѣ ветеринарныхъ наукъ статью „Ветеринарныя извѣстія изъ Алтая и Монголіи“.

Для приготовленія къ профессорскому званію по зоофизиологій и роднымъ съ нею наукамъ находился за границею докторъ медицины *Навалкинъ*. Командированъ былъ за границу съ ученою цѣлію экстраординарный профессоръ *Ламе*.

Къ 1-му января 1875 года въ Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ студентовъ состояло—85, въ теченіе года вновь поступило—69 (изъ гимназій—29, изъ духовныхъ семинарій—37, изъ другихъ заведеній — 3), выбыло въ теченіе года — 43; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось — 111; въ ветеринарно-фельдшерской школѣ учениковъ состояло къ 1-му января 1875 года — 9, въ 1875 году поступило—9 (всѣ домашняго воспитанія), выбыло—3, къ 1-му января 1876 года оставалось 15. Изъ общаго числа бывшихъ въ 1875 году 154 студентовъ освобождено было отъ платы—31, что составляетъ 20% общаго числа. Слушавшихъ за половинную плату не было. Изъ студентовъ института пользовались стипендіями: 5—на средства государственнаго казначейства на сумму 1.000 руб. и 5 — на средства земствъ на сумму 1.190 руб. Фельдшерскихъ учениковъ содержалось земствами 5 человекъ на сумму 932 руб.

Денежныя средства Казанскаго ветеринарнаго института за 1875 годъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) штатныхъ суммъ оставалось отъ 1874 года — 8.510 руб., ассигновано на 1875 годъ — 40.291 руб. (на личный составъ—23.091 руб., на содержаніе, отопленіе, освѣщеніе и другіе хозяйственные расходы — 2.450 руб., на бібліотеку и кабинеты—2.300 руб., на вознагражденіе бібліотекари изъ преподавателей — 150 руб., на клинику съ ветеринарной аптекой — 1.400 руб., на содержаніе служителей— 1.600 руб. на кухню — 100 руб., на канцелярскіе припасы — 150 руб., на печатаніе сочиненій отъ института—400 руб., на изготовленіе моделей—100 руб., на поѣздки съ ученою цѣлію — 550 руб., на стипендіи — 3.000 руб., на наемъ помѣщенія для института — 5.000 руб.); израсходовано — 41.578 руб. 21 коп., оставалось къ 1-му января 1876 года—7.225 руб.

45 коп.; б) специальныхъ средствъ (сбора за слушаніе лекцій): оставалось отъ 1874 года—660 руб., въ 1875 году поступило—3.040 руб., израсходовано—1.423 руб. 62 коп., къ 1-му января 1876 года состояло на лицо—2.276 руб. 38 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Казанскаго ветеринарнаго института находилось къ 1-му января 1876 года въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ книгъ русскихъ и иностранныхъ—740 сочиненій 1.135 томовъ на сумму 2.530 руб. 71 коп., періодическихъ изданій—41 названіе 126 томовъ на 380 руб. 59 коп. книгъ, портретовъ, рисунковъ и чертежей—95 названій на 126 руб. 31 коп.; въ офтальмологическомъ—22 номера 162 экземпляра на 513 руб. 60 коп.; въ музеѣ анатомическаго театра—115 номеровъ 343 экземпляра на 1.075 руб. 95 коп.; въ кабинетѣ моделей домашнихъ животныхъ—41 номеръ 127 экземпляровъ на 663 руб.; въ кузницѣ—51 номеръ 185 экземпляровъ на 496 руб. 65 коп.; въ сельско-технологическомъ кабинетѣ—31 номеръ на 572 руб. 92 коп.; въ физиологическо-химическомъ кабинетѣ—216 номеровъ 603 экземпляра на 3.433 руб. 77 коп.; въ аптекѣ—87 номеровъ 909 экземпляровъ на 2.625 руб. 16 коп.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ—81 номеръ 98 экземпляровъ на 314 руб. 88 коп.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ—3 номера 22 экземпляра на 63 руб. 6 коп.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ—172 номера 311 экземпляровъ на 684 руб. 68 коп.; въ клиникѣ—159 номеровъ 420 экземпляровъ на 1.561 руб. 77 коп.; въ зоотомическомъ кабинетѣ—190 номеровъ 426 экземпляровъ на 1.629 руб. 54 коп.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Изъ отчета инспектора народныхъ училищъ Олонецкой губерніи по осмотру имъ сельскихъ школъ въ уѣздахъ Витегорскомъ, Пудожскомъ и Каргопольскомъ означенной губерніи извлекаемъ слѣдующія свѣдѣнія.

Всѣхъ школъ осмотрено было 26, въ томъ числѣ городскихъ приходскихъ 2, двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія 2 и одноклассныхъ того же министерства 1, земскихъ 17, церковноприходскихъ 3 и одна частная для дѣтей обоего пола. Приводимъ здѣсь цифры, показывающія отношеніе учащихся въ осмотренныхъ школахъ къ народонаселенію тѣхъ мѣстностей, гдѣ эти школы нахо-

дятся: въ Вытегорскомъ уѣздѣ приходилось 11 школъ съ 324 учащимися (243 м. и 81 ж. пола) на 15.250 жителей, въ Пудожскомъ 9 школъ съ 157 учащимися (133 м. 24 ж. п.) на 4.710, а въ Каргопольскомъ уѣздѣ 6 школъ съ 177 учащимися (134 м. 43 ж. п.) на 8.028 жителей.

Въ школахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, было всего 23 законоучителя; въ двухъ законъ Божій преподавался наставниками изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, а въ одной не преподавался вовсе по болѣзни наставника. Жалованье законоучителямъ въ земскихъ школахъ Вытегорскаго и Пудожакаго уѣздовъ производилось по 50, а въ школахъ Каргопольскаго уѣзда по 30 р. Что касается учителей земскихъ школъ, то въ Каргопольскомъ и Вытегорскомъ уѣздахъ получаютъ они по 300, а въ Пудожскомъ уѣздѣ по 240 р.: учительницамъ земскихъ женскихъ школъ Вытегорскаго уѣзда назначено по 120 р. въ годъ; учителя и учительницы школъ церковно-приходскихъ получаютъ—по мѣрѣ возможности—незначительное вознагражденіе изъ церковныхъ суммъ или изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія. Вообще нужно замѣтить, что мѣстные училищные совѣты всячески заботятся, сообразуясь съ своими средствами, о поддержаніи этихъ училищъ.

Обстановку пяти изъ осматрѣнныхъ училищъ слѣдуетъ считать вполне удовлетворительною во всѣхъ отношеніяхъ; что касается до остальныхъ, то изъ нихъ 4 недостаточно снабжены учебными пособиями, а въ 4 почти вовсе не существуетъ библиотекъ. Ремесламъ обучаютъ въ 1 школѣ, пѣнію въ 10, гимнастикѣ въ двухъ.

Учебная часть идетъ лучше всего въ двухклассныхъ и одноклассныхъ школахъ министерства народнаго просвѣщенія. Особенно слѣдуетъ это замѣтить о Ковдушской школѣ: здѣсь учащіеся втораго класса довольно основательно знаютъ священную исторію ветхаго и новаго завѣта, катехизисъ, ознакомлены съ церковными обрядами и службою; читаютъ они бѣгло и отчетливо; толково дѣлаютъ граматическій и синтаксическій разборъ, могутъ излагать письменно содержаніе прочитанныхъ ими отрывковъ: кромѣ того заучили наизусть достаточное число стихотвореній; изъ ариметики могутъ рѣшать задачи на простыя и дробныя числа, правила тройное, товарищества, смѣшенія и процентовъ. Воспитанниковъ приучаютъ чертить съ оригиналовъ, а также чертить географическія карты съ измѣреніемъ ихъ площадей. Столь же осмысленно идутъ занятія и въ первомъ классѣ Ковдушской школы. Въ истек-

шестъ году 9 учениковъ этой школы, по окончаніи ими курса, были удостоены свидѣтельства съ правами на льготу по воинской повинности. Помѣщеніе просторно, чисто и свѣтло. Въ Девятинскомъ одноклассномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія явились на экзамены, происходившіе въ присутствіи г. инспектора, изъ старшаго отдѣленія 22, изъ средняго 17 и изъ младшаго 17 же учениковъ; признаны были достойными получить установленное свидѣтельство объ окончаніи курса 11. Занятія въ этой школѣ, благодаря опытнымъ и усерднымъ преподавателямъ, идутъ усильно. По закону Божію ученики успѣли пройти болѣе того, что требуется программю одноклассныхъ училищъ, а именно всю исторію ветхаго и новаго завѣта, краткое объясненіе символа вѣры, молитву Господню и заповѣди; кромѣ того объяснены имъ таинства и порядки божественной литургіи. По русскому языку они довольно осмысленно разбираютъ составъ предложеній, ознакомлены съ видоизмѣненіями частей рѣчи, пишутъ правильно, хотя и не всѣ; по ариметикѣ рѣшаютъ задачи на цѣлыя, а отчасти и дробныя числа и приучены пользоваться счетами; исторія и географія не входятъ въ программу одноклассныхъ школъ, но, не смотря на то, учитель изложилъ ученикамъ главнѣйшія событія изъ отечественной исторіи, а также краткое географическое обозрѣніе Россійской имперіи и болѣе подробное губерніи Олонецкой. Поютъ дѣти стройно и каждый праздникъ являются съ учителемъ на клиросѣ. Гимнастическіе приборы устроилъ на свой счетъ почетный блюститель Пименовъ; занятія портняжнымъ ремесломъ не прекращаются, по желанію родителей и учениковъ, даже лѣтомъ.

Архангельское одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія нѣсколько уступаетъ, относительно успѣховъ, двумъ поименованнымъ выше, что объясняется главнымъ образомъ неаккуратнымъ посѣщеніемъ дѣтьми классовъ: вліяютъ тутъ различныя причины — равнодушіе родителей, а еще гораздо болѣе расколъ. Тѣ мальчики, которые не уклоняются отъ занятій, достигли весьма удовлетворительныхъ успѣховъ. Учебныхъ пособій вполне достаточно. При школѣ, для обученія кузнечному ремеслу, построена кузница со всѣми необходимыми къ ней принадлежностями.

Въ сельскихъ школахъ, принадлежащихъ земству, ученье идетъ по большей части хорошо: объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ между прочимъ тотъ фактъ, что изъ явившихся въ прошломъ году на окончательныя испытанія 158 учениковъ 125 получили установленныя свидѣ-

тельства. Изъ числа лучшихъ изъ означенныхъ школъ принадлежать: Тихманская, Устьвельская, Каневская, Коледозерская, Нигижемская, Кулгальская и Пудожская женская. Учебными пособиями сельскія земскія школы снабжены въ достаточномъ количествѣ, а въ послѣднее время земствомъ сдѣланъ еще значительный запасъ ихъ; кромѣ того многимъ изъ нихъ розданы книги, присланныя Комитетомъ грамотности. Недостатокъ ощущается только въ предметахъ для нагляднаго обученія.

Изъ числа осматрѣнныхъ училищъ 5 имѣютъ собственные дома, 4 помѣщаются въ домахъ, отведенныхъ имъ обществами, 13 въ наемныхъ квартирахъ, а 4 въ квартирахъ, которыя имъ уступлены бесплатно. Строго говоря, помѣщенія эти—за исключеніемъ принадлежащихъ двухкласснымъ и однокласснымъ училищамъ министерства народнаго просвѣщенія—нельзя считать удовлетворительными, ибо они не приспособлены для потребностей школы. Въ Пудожскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ они лучше чѣмъ въ Вытегорскомъ по той причинѣ, что наемную плату приняло на себя земство,—въ Вытегорскомъ же пріисканіе квартиръ лежитъ на обязанности крестьянскихъ обществъ, которыя заботятся прежде всего о соблюденіи своихъ выгодъ.

Въ заключеніе упомянемъ о средствахъ содержанія осматрѣнныхъ училищъ. Училищамъ министерства народнаго просвѣщенія (Кондушскому, Девятинскому и Архангельскому) отпущено было въ истекшемъ году 3.130 р., въ томъ числѣ 2.021 р. изъ казны; на остальные 23 школы было израсходовано 7.020 р., а именно изъ казны 439 р., отъ земства 5.183 р., отъ сельскихъ обществъ 828 р., отъ частныхъ пожертвованій 450 р. и отъ церковныхъ попечительствъ 120 р. Средняя стоимость каждой изъ означенныхъ школъ простиралась до 331 р.

Лишь недавно получили мы довольно подробный отчетъ о состояніи народныхъ училищъ Полтавской губерніи въ 1875 году (изданный по распоряженію мѣстнаго училищнаго совѣта), изъ котораго заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія.

Всѣхъ народныхъ школъ въ Полтавской губерніи находилось 547, въ томъ числѣ двухклассныхъ и одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія — 12, въ городахъ — 55, въ мѣстечкахъ и селахъ — 478, сельскихъ воскресныхъ — 2. Изъ означеннаго числа школъ

было: мужскихъ — 129, женскихъ — 15, остальные для дѣтей обоого пола.

Преподавателей было: въ двухклассныхъ и одноклассныхъ школахъ министерства народнаго просвѣщенія, состоящихъ въ исключительномъ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ — 35, а именно: законоучителей — 13, учителей — 20 и учительницъ — 2. Въ остальныхъ народныхъ школахъ — 971, въ томъ числѣ законоучителей — 468, учителей — 436 и учительницъ — 67.

Число всѣхъ учащихся простиралось до 22.269, изъ коихъ 20.806 мальчиковъ и 1.463 дѣвочки.

Всего на содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи было израсходовано 115.412 руб. 84 коп. Сумма эта была получена изъ слѣдующихъ источниковъ: изъ государственнаго казначейства — 4.528 руб., отъ городскихъ обществъ — 10.351 руб. 67 коп., отъ земства — 60.811 руб. 67 коп., отъ сельскихъ обществъ — 29.962 р. 17 коп., отъ церковныхъ попечительствъ — 957 руб. 40 коп., отъ частныхъ лицъ — 7.266 руб. 42 коп., отъ платы за ученье — 1.535 руб. 50 коп.

Учебная часть въ означенныхъ училищахъ находилась вообще въ удовлетворительномъ состояніи. Не мало уже такихъ школъ, которыя, можно сказать, вполне соответствуютъ своему назначенію, въ которыхъ дѣтямъ низшаго городскаго и сельскаго населенія дается полная возможность приобретать полезныя для жизни первоначальныя знанія и утверждать религіозныя и нравственныя правильныя понятія, — школы, въ которыхъ учащіеся, и особенно окончивающіе курсъ, свободно, бѣгло и осмысленно читаютъ порусски и пославински, послѣдовательно и связно могутъ передать прочитанное, знаютъ главныя событія священнои исторіи ветхаго и новаго завѣта, свободно рѣшаютъ задачи, даже довольно сложныя, на первыя четыре дѣйствія съ отвлеченными и именованными числами; въ нѣкоторыхъ училищахъ имѣютъ они понятіе и о дробяхъ, въ состояніи письмененно изложить прочитанную ими статью и составить собственную письменную работу въ формѣ, на примѣръ, письма, описанія или разказа.

Что же касается такъ называемыхъ образцовыхъ или министерскихъ училищъ, двухклассныхъ и одноклассныхъ, то въ нихъ выборъ учителей былъ вообще удаченъ, учебная часть находилась и находится въ отличномъ состояніи.

Говоря о состояніи учебной и воспитательной части въ началь-

ныхъ народныхъ училищахъ Полтавской губерніи, нельзя не замѣтить, что состояніе это оказывается наиболѣе удовлетворительнымъ въ тѣхъ именно училищахъ, которыя лучше другихъ обезпечены въ матеріальномъ отношеніи и потому имѣютъ возможность удерживать у себя болѣе подготовленныхъ и опытныхъ преподавателей, по достоинству оплачивая труды послѣднихъ. Въ числѣ такихъ училищъ на первомъ мѣстѣ стоятъ двухъклассныя и одноклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія, а затѣмъ достаточное количество изъ содержимыхъ земствами, обществами и частными лицами, школъ.

Если дѣлать оцѣнку достоинствъ и заслугъ учителей начальныхъ народныхъ училищъ, то преимущество въ этомъ отношеніи едва ли не придется отдать лицамъ, окончившимъ курсъ въ гражданскихъ уѣздныхъ училищахъ, по той причинѣ, что почти всѣ они избираютъ учительскія должности совершенно сознательно и съ полною рѣшимостью посвятить себя надолго, или даже навсегда, учительскому званію, и, не имѣя въ виду перехода къ чему-нибудь другому, болѣе обезпечивающему ихъ, ведутъ дѣло добросовѣстно и аккуратно. Что касается окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, никто не усумнится, что и по познаніямъ и по развитію, и потому, что они спеціально изучали въ семинаріи педагогику и дидактику, занимаясь при томъ практикой обученія въ воскресной школѣ, они вполне могутъ быть полезными дѣятелями по части народнаго образованія; но извѣстно, что учительская служба составляетъ для нихъ не конечную цѣль, а только средство къ достиженію другой цѣли, и потому большинство изъ нихъ, къ сожалѣнію, смотритъ на учительство какъ на временное только переходное состояніе; бываютъ исключенія, но они относятся лишь къ немногимъ избраннымъ молодымъ людямъ изъ этой категоріи.

Полтавское шестиклассное женское епархіальное училище также доставляетъ теперь не мало хорошо подготовленныхъ, развитыхъ и вполне достойныхъ учительницъ для начальныхъ народныхъ какъ женскихъ, такъ и мужскихъ школъ. Изъ не окончившихъ курса въ гимназіяхъ хотя и очень немного учителей, но почти всѣ они вполне удовлетворяютъ своему назначенію и хорошо выполняютъ принятыя ими на себя учительскія обязанности. Затѣмъ слѣдуютъ обучавшіеся въ духовныхъ училищахъ, преимущественно причетники, разныхъ наименованій, и лица домашняго воспитанія. Это болѣею частію, добровольные а, въ нѣкоторыхъ училищахъ, за неизмѣнимъ лучшихъ, и обязательные труженики. И они приносятъ не малую долю пользы

народному образованію; на сколько могутъ, многихъ и весьма многихъ знакомить съ первоначальною грамотностію, учать читать, писать, считать... Услуга этихъ лицъ важна въ томъ отношеніи, что они, большею частію, съ разрѣшенія мѣстнаго епархіальнаго преосвященнаго, открываютъ церковно-приходскія школы и такимъ образомъ въ своихъ мѣстностяхъ полагаютъ начало дѣлу народнаго образованія.

Къ большему совершенствованію учебной и воспитательной части много способствуютъ такъ называемые краткосрочные педагогическіе курсы для начальныхъ учителей. Въ отчетномъ году ведена была переписка объ открытіи такихъ курсовъ въ четырехъ городахъ губерніи: Кобелякахъ, Ромнахъ, Миргородѣ и Лубнахъ; но, вслѣдствіе несвоевременнаго вступленія съ ходатайствами, состоялись курсы только въ двухъ первыхъ городахъ, Кобелякахъ и Ромнахъ. Такъ какъ открытіе учительской семинаріи въ Полтавской губерніи, о которомъ долго и настойчиво шла рѣчь, въ сессію губернскаго земскаго собранія 1875 года отложено на неопредѣленное время, то ежегодные педагогическіе курсы для начальныхъ учителей представлялись единственнымъ средствомъ къ практической разработкѣ педагогическихъ взглядовъ и вопросовъ, къ усовершенствованію какъ самихъ учителей въ приѣмахъ и методахъ преподаванія, такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и учебной и воспитательной части въ училищахъ.

Въ 1785 году на педагогическихъ курсахъ присутствовало въ г. *Кобелякахъ* 43 учителя и 2 учительницы, въ томъ числѣ Кременчугскаго уѣзда 17 учителей и 1 учительница, Кобелякскаго 19 учителей и 1 учительница, и Константиноградскаго 7 учителей; въ г. *Ромнахъ* 43 учителя и 3 учительницы, изъ нихъ Прилукскаго уѣзда 11 учителей, Гадячскаго уѣзда 14 учителей, и Роменскаго уѣзда 18 учителей и 3 учительницы. Всего же на педагогическихъ курсахъ въ 1875 году присутствовало 86 учителей и 5 учительницъ, получившихъ на проѣздъ и содержаніе пособіе отъ земства; кромѣ того, 3 учителя Полтавскаго уѣзда пріѣзжали въ г. Кобеляки на педагогическіе курсы на собственные средства.

Въ удовлетворительномъ состояніи находились бібліотеки сельскихъ двухклассныхъ и частію одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Изъ нихъ болѣе другихъ снабжены книгами и учебными пособіями двухклассныя образцовыя училища: Петровское, Ращевское, Бѣлоцерковское, Смѣлянское и Решетяловское; за ними слѣдуютъ одноклассныя министерскія училища: Чернухское, Студе-

викское, Груньское и Ковалевское. Кроме 75 руб., употребляемых ежегодно на увеличение библиотекъ и учебныхъ пособій каждаго изъ двухклассныхъ образцовыхъ училищъ, министерство присылаетъ еще каждый годъ достаточное количество книгъ, какъ въ руководство учащимъ, такъ и для учащихся. Въ отчетномъ году оно отпустило на устройство книжныхъ складовъ при своихъ училищахъ, для продажи книгъ достаточнымъ ученикамъ и для безмездной раздачи бѣднѣйшимъ, одновременно 3.600 руб., по 300 руб. на каждую изъ 12-ти школъ. Изъ отчетовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ и составленныхъ по нимъ статистическихъ таблицъ можно видѣть, что важнѣйшія приобрѣтенія книгъ и учебныхъ пособій, какъ для фундаментальныхъ, такъ и для ученическихъ библиотекъ начальныхъ народныхъ училищъ сдѣланы были по уѣздамъ: Прилукскому, Полтавскому, Роменскому, Лубенскому, Кременчугскому, Черняхевскому и Хорольскому. Приобрѣтались книги и учебныя пособия большею частію на земскія суммы (уѣзды Прилукскій, Миргородскій, Лубенскій и Зѣньковскій), а частію и на общественныя (уѣзды Полтавскій и Гадячскій).

Для снабженія училищъ необходимыми учебниками, въ уѣздахъ Золотоношскомъ и Пирятинскомъ имѣются при мѣстныхъ земскихъ управахъ склады книгъ, изъ которыхъ, по заявленіямъ преподавателей, выдаются необходимыя книги въ училища, а въ Константиноградскомъ уѣздѣ заведенъ на счетъ земства таковой же складъ книгъ при училищномъ совѣтѣ, изъ котораго продаются книги учащимся. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ для пополненія библиотекъ обыкновенно отчисляется изъ земскихъ суммъ, по мѣрѣ надобности, извѣстная сумма, на которую приобрѣтаются книги и рассылаются по школамъ.

Изъ частныхъ лицъ въ наиболѣе удовлетворительное состояніе поставилъ, какъ училище вообще, такъ и библиотеку и учебныя пособия училища въ особенности, относившійся всегда съ отличнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ къ дѣлу народнаго образованія землевладелецъ Лубенскаго уѣзда, с. Денисовки, В. В. Лесевичъ.

Уѣзды Лохвицкій, Лубенскій и Зѣньковскій бѣднѣ другихъ относительно книгъ въ начальныхъ училищахъ. Послѣднему изъ этихъ уѣздовъ назначено было изъ суммы министерства, въ единовременное пособіе 19-ти училищамъ, 555 руб.

Что же касается церковно-приходскихъ школъ, существующихъ въ большинствѣ случаевъ на собственныя скудныя средства преподающихъ въ нихъ, то, почти безъ исключеній, они ни откуда не по-

лучаютъ и нерѣдко не имѣютъ никакихъ, даже самыхъ необходимыхъ, учебниковъ. Такъ какъ школы эти очень важны въ томъ отношеніи, что большею частію именно ими начинается всякое общественное и земское училище, то губернский училищный совѣтъ, при распредѣленіи суммы, отпускаемой министерствомъ въ пособіе начальному народному образованію (5.000 руб. ежегодно), никогда не оставляетъ этихъ школъ и достойнѣйшихъ дѣятелей въ нихъ безъ вниманія и поощренія. Этими же училищамъ по преимуществу выдаются книги изъ склада.

Для руководства при выискѣ книгъ, по всемъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, земскимъ и городскимъ управамъ и всемъ начальнымъ народнымъ школамъ Полтавской губерніи, — кромѣ министерскихъ каталоговъ за прежніе годы — Полтавскимъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ разосланъ еще составленный по этимъ каталогамъ особый печатный списокъ книгъ наиболѣе полезныхъ и необходимыхъ.

Наконецъ, для свѣдѣнія и руководства училищныхъ совѣтовъ, земскихъ управъ, волостныхъ правленій, почтовыхъ блюстителей, попечителей и преподавателей народныхъ училищъ Полтавской губерніи, по распоряженію Полтавскаго губернскаго училищнаго совѣта, въ 1875 году были напечатаны и разосланы бесплатно слѣдующія брошюры: 1) Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, 25-го мая (6-го іюня) 1874 года Высочайше утвержденное; 2) Правила для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ при отбываніи воинской повинности воспользоваться льготою, опредѣленною и. 4 ст. 56 устава о воинской повинности; 3) Инструкція для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія; 4) Программы преподаванія закона Божія и другихъ учебныхъ предметовъ въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; 5) Правила о временныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ; 6) Отчетъ о начальныхъ народныхъ училищахъ Полтавской губерніи за 1874 гражданскій годъ.

Двухклассныя министерскія училища: Петровское, Рашевское, Бѣлоцерковское, Решетилловское и Смѣлянское пользуются совершенно удобными и вполнѣ приличными помѣщеніями въ назначенныхъ имъ для сей цѣли общественныхъ домахъ. Одноклассныя же министерскія училища, большею частью недавно открытыя, а именно: Остапьевское и Горошинское Хорольскаго уѣзда, Грунское и Ковалевское Зѣньков-

скаго уѣзда, Студенинское Переяславскаго уѣзда, Липово-Долиновское, Галячскаго, и Чернукское, Лохвицкаго уѣзда, хотя тоже помѣщаются въ общественныхъ домахъ, но большая часть этихъ помѣщеній не вполне соотвѣтствуетъ своему назначенію; нѣкоторыя изъ нихъ тѣсны и не вполне удобны, а другія не имѣютъ при себѣ квартиръ для учителей. Чтобы устранить этотъ недостатокъ, въ 1875 году отпущено было министерствомъ, въ пособіе обществамъ, одновременно 9.800 руб.

Городскія приходскія училища помѣщаются отчасти въ наемныхъ домахъ (Кременчугское, Зѣньковское, Галячское, Миргородское, Кобелякское, Золотоношское, Лубенское и Пиратинское), отчасти въ казенныхъ при уѣздныхъ училищахъ (Роменское, Переяславское, Константиноградское, Прилукское, Хорольское и Лохвицкое). Помѣщенія эти удобны.

Земскія, общественно-земскія и общественныя училища помѣщаются въ домахъ, устроенныхъ частію земствомъ и частными лицами, или же въ общественныхъ домахъ, которые ремонтируются и отапливаются на счетъ мѣстныхъ обществъ. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ тѣсны, ветхи и неудобны, но есть между ними и отлично устроенные. Особенно много ихъ въ Прилукскомъ уѣздѣ.

Церковно-приходскія школы помѣщаются большею частію въ домахъ и квартирахъ ихъ содержателей и учителей. Помѣщенія эти въ большинствѣ случаевъ тѣсны и неудобны; но этимъ школамъ, какъ скоро учебная часть хорошо въ нихъ поставлена, являются на помощь, не только устройствомъ помѣщеній, но и назначеніемъ постоянного содержанія, мѣстнаго общества, церковнаго попечительства, уѣзднымъ земства и частныя благотворительныя лица.

Вообще можно сказать, что большая часть начальныхъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи имѣютъ свои собственныя, вполне удобныя и приличныя помѣщенія; но есть и такія, которыя помѣщаются еще въ домахъ наемныхъ и не вполне удобныхъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что новыя училищныя дома строятся непрерывно, и большею частію бываетъ такъ, что тамъ, гдѣ въ прошломъ году стояло ветхое и тѣсное — въ настоящемъ году появляется уже отличное и образцовое помѣщеніе; въ отчетномъ году это случилось въ селѣ Озерянахъ Лохвицкаго и въ селѣ Черныховкѣ Полтавскаго уѣздовъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Первое изъ упомянутыхъ помѣщеній устроено обществомъ, при особенномъ участіи землевла-

дѣльца Г. П. Галагана, а второе на средства попечительницы Черныховскаго училища Н. К. Бабаиной.

— Во второй половинѣ истекшаго года было осмотрѣно: въ Лаишевскомъ уѣздѣ 35 училищъ, въ Чистопольскомъ — 20, въ Мамадышскомъ — 22, въ Тетюшскомъ — 12, въ Свияжскомъ — 3, всего 92 училища въ пяти означенныхъ уѣздахъ Казанской губерніи.

Во всѣхъ 92 школахъ только 5 преподавателей не имѣли свидѣтельствъ на учительское званіе. Жалованье получаютъ преподаватели отъ городскихъ обществъ, отъ земства или отъ братства св. Гурія; по большей части оно установлено въ количествѣ 120 руб., но иногда, хотя и рѣдко, достигаетъ 300 руб. Законоучителямъ вознагражденіе выдается: въ Лаишевскомъ уѣздѣ по 60 руб., въ Мамадышскомъ по 45, въ Чистопольскомъ отъ 35 до 50, въ Спасскомъ по 28 руб.; въ Свияжскомъ уѣздѣ вознагражденія законоучители не получаютъ. Тѣ изъ нихъ, которые исправляютъ учительскія обязанности въ земскихъ школахъ, получаютъ вознагражденіе наравнѣ съ учителями. Наименьшій окладъ жалованья приходится на долю инородческихъ школъ.

Учащихся во всѣхъ осмотрѣнныхъ школахъ оказалось 3.711, въ томъ числѣ 3.024 мальчика и 507 дѣвочекъ.

Осмотрѣнныя училища помѣщаются или въ собственныхъ домахъ, устроенныхъ земствомъ и мѣстными обществами, или на квартирахъ. Земство и городскія общества нанимаютъ помѣщенія на весь годъ, съ платою отъ 4 до 15 руб. въ мѣсяцъ; исключеніе составляетъ лишь Чистопольское приходское училище, наемная плата коего простирается до 600 руб. ежегодно. Что касается до сельскихъ обществъ и инородческихъ учителей, то они нанимаютъ квартиры обыкновенно лишь на учебное время, съ платою отъ 10 до 30 руб. Бѣольшая часть помѣщеній далеко не удовлетворяютъ гигиеническимъ и педагогическимъ требованіямъ, — они тѣсны, холодны и сыры, не имѣютъ вентиляціи и учителю приходится для очищенія воздуха зимой отворять сѣнныя двери, или, вынувъ зимнюю раму, открывать окна. Есть и такія помѣщенія, гдѣ зимнія рамы вовсе не вставляются. Кромѣ того, училищныя помѣщенія и содержатся не совсѣмъ опрятно, по большей части потому, что только при рѣдкихъ изъ нихъ есть особые служители, въ остальныхъ же заботы о соблюденіи чистоты лежатъ или на домохозяевахъ, или на церковныхъ сторожахъ, тамъ,

гдѣ училища имѣютъ собственные помѣщенія. Городскія школы въ этомъ отношеніи поставлены въ болѣе благопріятныя условія, а изъ сельскихъ слѣдуетъ то же сказать о школахъ инородческихъ, благодаря заботливости о нихъ самихъ учителей. Главною причиною неудовлетворительности училищныхъ помѣщеній служить съ одной стороны то, что по большей части построены они уже давно и при увеличивающемся числѣ учащихся становятся тѣсны, а съ другой—то, что лишь въ очень немногихъ селахъ есть возможность выбрать удобную квартиру для училища; земству по неволѣ приходится довольствоваться тѣмъ, чтобы квартира не представляла слишкомъ вопіющихъ недостатковъ. Нерѣдко вина падаетъ и на мѣстныя общества, не дающія себѣ отчета во вредѣ, который можетъ причинить дѣтямъ дурное помѣщеніе. Такъ, на примѣръ, въ с. Рождественѣ, Мансуровѣ и Державинѣ Лайшевскаго уѣзда можно было имѣть очень удобныя квартиры, но общество только послѣ неоднократныхъ настояній инспектора согласилось перевести въ нихъ дѣтей. Училищныя совѣты и земства Лайшевскаго, Спасскаго и Мамадышскаго уѣздовъ рѣшили открывать вновь училища только тамъ, гдѣ общества будутъ давать отъ себя помѣщенія, призванныя училищными совѣтами и земскими управами вполне удовлетворительными. Лучшія помѣщенія имѣютъ ннѣ школы Карноуховская, Рыбнослободская, Камыльская и Альвединская Лайшевскаго уѣзда; городская приходская, Богородская и Новотроицкая женская Чистопольскаго уѣзда; Абдинская, Никифоровская и Арияшская Мамадышскаго уѣзда; городская женская, Базяковская, Кузнечихинская Спасскаго уѣзда. Изъ числа названныхъ школъ особенно выдаются Карноуховская, которой помѣщеніе, съ отопленіемъ и квартирой для учителя, даетъ мѣстный землевладѣлецъ г. Мертваго, и Арияшская, устроенная Казанскимъ купцомъ П. С. Кривоусовымъ.

Ходъ учебнаго дѣла въ большинствѣ осматрѣнныхъ школъ, принимая во вниманіе вышнюю ихъ обстановку, можно вообще назвать удовлетворительнымъ. По большей части ученики оказываютъ очень хорошіе успѣхи въ законѣ Божіемъ: они произносятъ правильно молитвы и не затрудняются переводомъ ихъ на русскій языкъ; событія изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта разказываютъ бойко, а равно и хорошо объясняютъ главнѣйшіе праздники. Только въ двухъ изъ числа осматрѣнныхъ школъ успѣхи учениковъ по закону Божію оказались слабыми. Законъ Божій проходится въ объемѣ, установленномъ программами, приложенными къ правиламъ для вы-

дачи свидѣтельствъ желающимъ воспользоваться льготою по воинской повинности. Во многихъ школахъ имѣются картины изъ священной исторіи и во всѣхъ слѣдующія книги: Св. Евангеліе на русскомъ и славянскомъ языкахъ, Начальное наставленіе къ православной вѣрѣ, свещ. Соколова, Объясненіе молитвъ, заповѣдей и символа вѣры его же, Объясненіе молитвъ Чемыны. Обученіе чтенію ведется во всѣхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ по звуковому способу, кромѣ Мордово-Каратаевской и Ямбухтинской церковно-приходскихъ школъ Тетюшскаго уѣзда, гдѣ употребляется буквослагательный способъ. Въ примѣненіи звуковаго метода господствуетъ большое разнообразіе: одни изъ учителей придаютъ этому занятію большое значеніе и употребляютъ на него много времени; у нихъ на первомъ планѣ ознакомленіе съ предметомъ, выдѣленіе звуковъ, а потомъ знакомство съ изображеніемъ ихъ письменно и печатно; одновременно идетъ и обученіе письму. Такъ ведутъ дѣло учителя изъ окончившихъ курсъ въ учительской семинаріи, и учительницы, обучавшіяся въ Казанской земской учительской школѣ. Другіе же преподаватели не придаютъ большаго значенія первоначальнымъ упражненіямъ и заботятся только о томъ, чтобы поскорѣе пройти всѣ звуки и приступить собственно къ чтенію, отчего звуковой способъ совершенно теряетъ свое умственно—развивающее значеніе. Нѣкоторые изъ такихъ учителей ознакомленіе дѣтей со звуками поручаютъ даже ученикамъ старшихъ отдѣленій. Какъ разнообразно первоначальное обученіе въ осматрѣнныхъ школахъ, такъ разнообразны и приемы, употребляемые преподавателями при дальнѣйшемъ обученіи чтенію. Въ лучшихъ училищахъ механическое чтеніе отброшено, статьи выбираются доступныя пониманію дѣтей и содержаніе ихъ уясняется въ главныхъ частяхъ до чтенія, а въ подробностяхъ во время самого чтенія, причемъ объясняются всѣ непонятныя слова и выраженія. Въ городскихъ и земскихъ училищахъ Тетюшскаго уѣзда, въ Мамадышскомъ и Чистопольскомъ приходскихъ училищахъ и въ большей части инородческихъ школъ статью читаетъ сначала самъ учитель, а потомъ уже онъ заставляетъ читать ее и учениковъ или по частямъ, или всю, смотря по ея объему и содержанію. Въ другихъ же училищахъ, по прочтеніи статьи учениками, идетъ ватехизація и пересказъ прочитаннаго одинымъ, а иногда нѣсколькими учениками. Ошибки исправляются или другими учениками, или же учителемъ. Выразительности въ чтеніи требуютъ только очень немногіе изъ преподавателей. Нѣкоторые изъ нихъ сами почти

не занимаются чтениемъ съ учениками, а ограничиваются только спрашиваніемъ заданной для приготовленія статьи. Вполнѣ толковое и хорошее чтение довелось г. инспектору слышать въ Богородскомъ мужскомъ училищѣ Чистопольскаго уѣзда, Красногорскомъ, Арняшскомъ и Омарскомъ женскихъ училищахъ Мамадышкаго уѣзда и Казыльскомъ мужскомъ Лаишевскаго уѣзда. Здѣсь учащіеся отчетливо и разумно читали предлагаемыя имъ статьи русской и славянской печати и бойко разказывали прочитанное. Особенно выдается въ этомъ отношеніи Арняшское училище, гдѣ большинство учащихся—инородцы (бращенные Татары).

Обучаеъ письму въ большинствѣ училищъ начинаютъ одновременно съ изученіемъ звуковъ: дѣти пріучаются писать сначала простые элементы буквъ, затѣмъ переходятъ къ выписыванію буквъ и списыванію съ прописей и книгъ. При обученіи письму рѣдкіе изъ преподавателей держатся какого-либо руководства, а дѣйствуютъ большею частію по личному усмотрѣнію. Вообще же обученіе письму въ смыслѣ каллиграфическомъ поставлено не совсѣмъ удовлетворительно. Кромѣ отсутствія плана въ обученіи и недостатка хорошихъ письменныхъ принадлежностей, тѣснота училищныхъ зданій и неудобное устройство классныхъ столовъ вліяютъ на обученіе письму сильнѣе, чѣмъ на обученіе другимъ предметамъ. На правописаніе обращено серьезное вниманіе. Чтобы довести учениковъ до умѣнья соблюдать орфографію, преподаватели пользуются диктовкой, списываніемъ съ книгъ писаніемъ заученныхъ на память статей и стихотвореній и изложеніемъ содержанія прочитанныхъ и объясненныхъ басенъ. Диктовка и списываніе съ книгъ приняты во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ, а остальные письменныя упражненія только въ старшемъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ, при такомъ способѣ преподаванія, результаты оказываются весьма удовлетворительными.

Обученіе ариметикѣ происходитъ по методѣ Грубе. Городскія училища, а также земскія сельскія въ Чистопольскомъ, Мамадышскомъ и Спасскомъ уѣздахъ снабжены классными счетами, ариметическими ящичками, и другими пособіями, а потому и преподаваніе ведется здѣсь наглядно. Въ училищахъ Лаишевскаго и Свияжскаго уѣздовъ, по неимѣнію названныхъ пособій, а равно и по меньшей подготовкѣ учителей, преподаваніе ариметики не вполнѣ успѣшно. Вообще же учащіеся предложенныя имъ задачи рѣшаютъ быстро и сознательно; почти вездѣ озвакомлены они съ монетами, мѣрами длины и вѣса. Учебниковъ по ариметикѣ нѣтъ, а для преподавателей почти

во всѣхъ школахъ существуютъ слѣдующія руководства: Методика ариметики Евтушевскаго, сборникъ задачъ его же, Ариметика Паульсона, Ариметика Рубасова, Собраніе ариметическихъ задачъ Воленса и Томаса.

Въ инородческихъ школахъ обученіе церковному пѣнію занимаетъ видное мѣсто въ ряду учебныхъ предметовъ и, дѣйствительно, во всѣхъ изъ осмотрѣнныхъ школъ дѣти поютъ весьма хорошо на своемъ родномъ и на церковно-славянскомъ языкахъ молитвы и употребительнѣйшія церковныя пѣсни. Лучше другихъ пѣніе идетъ въ Армянскомъ инородческомъ училищѣ, Новотроицкомъ и Щербетскомъ. Затѣмъ почти во всѣхъ остальныхъ учащіеся поютъ молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія.

Въ женскихъ школахъ дѣвочки пріучаются вязать чулки, шить бѣлье, вышивать полотенцы и другія вещи, необходимыя въ домашнемъ быту. Матеріалы для работъ частію приносятъ онѣ сами изъ своихъ домовъ, а частію пріобрѣтаются они учительницами на счетъ земства. Въ Тетюшскомъ городскомъ женскомъ училищѣ желающія изъ дѣвочекъ обучаются въ послѣобѣденное время башмачному ремеслу, для чего земствомъ приглашена особая учительница съ платою 120 р. въ годъ и ассигновано на учебныя пособія 80 руб.

Въ библиотекахъ осмотрѣнныхъ школъ по большей части имѣются только книги для класнаго употребленія и очень не много книгъ руководительныхъ для учителей и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія для внѣ-класнаго чтенія. Лучше другихъ обставлены въ этомъ отношеніи школы Чистопольскаго уѣзда. Мамадыинскій и Спасскій училищные совѣты постановили устроить при нѣкоторыхъ школахъ библиотеки, откуда учителя и учащіеся могли бы пользоваться книгами. Замѣчено было, что, несмотря на требованія относительно аккуратнаго веденія каталоговъ, во многихъ школахъ книги и пособія записываются несвоевременно и неправильно, стоимость книгъ не означается; точно также не отмѣчаются книги утраченныя или пришедшія въ ветхость, а потому точныхъ данныхъ о количествѣ и стоимости книгъ собрать почти невозможно. При осмотрѣ библиотекъ, кромѣ запутанности въ записяхъ, встрѣчается обыкновенно большая разниця между книгами, внесенными въ каталоги и состоящими на лицѣ.

Помѣщаемъ здѣсь слѣдующія свѣдѣнія объ осмотрѣ начальныхъ

училищъ въ Курскомъ, Рыльскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ Курской губерніи:

1) Въ Курскомъ уѣздѣ осмотрѣно было 20 училищъ и въ самомъ городѣ Курскѣ 9. Учащихся въ городскихъ школахъ: 465 мальчиковъ и 220 дѣвочекъ, въ сельскихъ — 1.108 мальчиковъ и 174 дѣвочки. Училища помѣщаются большею частію удобно; изъ 20 школъ 11 имѣютъ собственные дома, въ томъ числѣ 6 безусловно удобныя, 3 нуждающіяся въ ремонтѣ или расширеніи, по причинѣ тѣсноты, а два училища (*Гремяченское* и отчасти *Муравлевское*) имѣютъ крайне неудобныя, тѣсныя, сырыя и холодныя помѣщенія. Остальныя 9 училищъ помѣщаются: 1 временно въ домѣ почетнаго попечителя, 2 при волостныхъ правленіяхъ, 2 въ церковныхъ караулахъ и 4 въ наемныхъ квартирахъ. Всѣ эти помѣщенія достаточно удобны и опрятны, но большею частію тѣсны. Сельскія школы содержатся частію на счетъ земства, частію на суммы сельскихъ обществъ. Нѣкоторыя изъ нихъ пользуются большимъ пособіемъ со стороны земства, другія получаютъ свое содержаніе главнымъ образомъ отъ мѣстныхъ обществъ. Такъ училища: *Ямское* женское и *Ямское* же мужское получаютъ на свое содержаніе отъ мѣстнаго общества: первое — 620 руб., а второе — 500 руб. Въ общей сложности земство ассигновало въ 1875 году на содержаніе школъ 6.250 р., Курское городское общество 10.150 р. и сельскія общества 3.510 р., всего 19.910 р. Въ настоящее время пособіе отъ земства обуславливается обязательствомъ со стороны мѣстныхъ обществъ выстроить помѣщенія для школы, приобрести классную мебель и ассигновать нѣкоторую сумму на содержаніе домовъ и наемъ сторожей. Къ этому надо присовокупить, что въ числѣ попечителей начальныхъ училищъ въ Курскомъ уѣздѣ есть лица, оказывающія съ своей стороны значительныя денежныя пособія на содержаніе школъ, вѣренныя ихъ попеченію. Вообще отъ почетныхъ блюстителей городскихъ и образцовыхъ училищъ поступило въ 1875 году 965 руб., отъ почетныхъ попечителей сельскихъ училищъ — 680 руб. Большинство преподавателей въ сельскихъ школахъ состоитъ изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ; многіе изъ нихъ преподаютъ и законъ Божій. Отдѣльные законоучители изъ священнослужителей получаютъ въ вознагражденіе за преподаваніе закона Божія 50 р. въ годъ, учителя отъ 240 до 300 руб. Всѣ училища весьма достаточно снабжены учебными пособиями, благодаря заботамъ училищнаго совѣта и уѣзднаго земства. Успѣхи учащихся, за весьма немногими исключеніями, удовлетворительны, а приемы обученія ра-

ціональны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣхамъ учащихся много препятствуетъ ихъ многочисленность. Въ устраненіе этого недостатка, по предложенію г. инспектора, въ нѣкоторыхъ школахъ введены послѣобѣденныя занятія. Инспекторъ надѣется, что такое раздѣленіе учащихся на двѣ смѣны будетъ значительно способствовать ихъ успѣхамъ. Довѣріе и сочувствіе мѣстныхъ обществъ къ школамъ постоянно возрастаетъ, и весьма важное вліяніе въ этомъ отношеніи произведено выдачею свидѣтельствъ объ окончаніи курса въ начальныхъ училищахъ. Съ цѣлію устраненія замѣченныхъ недостатковъ, училищный совѣтъ, по ходатайству инспектора, постановилъ между прочимъ: а) приобрести для школъ нѣкоторыя вновь вышедшія учебныя пособія и пополнить школьныя бібліотеки; б) увеличить жалованье лучшимъ учителямъ, преподающимъ и законъ Божій, до 350 руб., а законоучителямъ-священникамъ до 75 руб.; в) оказать денежные пособія изъ земскихъ суммъ тѣмъ сельскимъ обществамъ, которыя стѣсняются въ постройкѣ училищныхъ домовъ, и г) просить содѣйствія уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія къ исправленію училищныхъ зданій, когда такое исправленіе не произведено исключительно по перадѣлю мѣстныхъ волостныхъ начальствъ.

Рыльскій уѣздъ. Здѣсь осмотрено было 12 училищъ: 4 женскихъ, 5 для обоого пола и 3 мужскихъ. Учащихся въ осмотренныхъ школахъ 544 мальчика и 200 дѣвочекъ. Восемь школъ имѣютъ собственныя отдѣльныя помѣщенія; остальные помѣщаются или въ наемныхъ, или въ общественныхъ домахъ. Почти всѣ осмотренныя школьныя помѣщенія могутъ быть названы болѣе или менѣе удовлетворительными. Главный недостатокъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—тѣснота. Осмотренныя училища получаютъ содержаніе главнымъ образомъ отъ мѣстныхъ обществъ; земство отпускаетъ имъ сравнительно незначительное пособіе (отъ 40 до 50 руб.), не имѣющее строго опредѣленнаго назначенія. Исключеніе составляютъ женскія училища, на содержаніе коихъ земство ассигнуетъ отъ 150 до 200 руб. Законоучители получаютъ вознагражденіе отъ 30 до 40 руб. въ годъ, кромѣ городскихъ училищъ, гдѣ жалованье имъ доходитъ до 100 руб. Учителя получаютъ отъ 150 до 200 р. Всего въ Рыльскомъ уѣздѣ 30 школъ, изъ нихъ 7 открыты въ 1875 году. На содержаніе училищъ ассигновано: городомъ 900 руб., земствомъ 4.420 руб. и сельскими обществами 3.720 руб., всего 9.040 р. Кромѣ того, попечители училищъ вносятъ ежегодно 250 руб. Обстановка и помѣщеніе школъ значительно улучшились въ послѣдніе годы: изъ 30 школъ 22 имѣютъ собственныя

отдѣльныя помѣщенія; сельскія общества привыкли къ требованію обезпечивать вновь открываемыя, по ихъ ходатайствамъ, училища помѣщеніемъ, и затратъ на это не жалѣютъ. Успѣхи учащихся весьма удовлетворительны за исключеніемъ лишь двухъ училищъ: Кореневскаго и Михайловскаго. Вообще въ уѣздѣ плохихъ училищъ не болѣе 10, остальные или хороши, или удовлетворительны. По закону Божію учащимся своевременно было объявляемо значеніе праздниковъ, таинствъ, церковныхъ службъ, преподаватели читали съ ними евангеліе; чтеніе русскаго и церковно-славянскаго текста идетъ очень хорошо, пишутъ они чисто, правильно. Ариѳметическія задачи рѣшаются ими умственно и письменно съ достаточною отчетливостію и сопровождаются надлежащими объясненіями. Какъ на доказательство удовлетворительныхъ успѣховъ учащихся въ школахъ Рыльскаго уѣзда, можно указать на тотъ фактъ, что изъ 111 учениковъ, подвергавшихся въ 1875 году испытаніямъ для полученія свидѣтельства объ окончаніи курса начальнаго училища, 80—то-есть, около 73%—удостоено этихъ свидѣтельствъ. Рыльскій уѣздный училищный совѣтъ расходовалъ поручаемыя ему земскія суммы вполне цѣлесообразно, заботился о своевременномъ ремонтѣ училищныхъ зданій, снабжалъ школы книгами и учебными пособиями и стремился всѣми зависящими отъ него средствами достигнуть того, чтобы школы посѣщались учащимися, по возможности, правильно. Заслуживаетъ также упоминанія ревностная дѣятельность на пользу народныхъ школъ штатнаго смотрителя Мюнне и волостнаго старшины Григорія Фролова, который склонилъ крестьянъ своей волости къ открытію трехъ мужскихъ и одного женскаго училищъ и убѣдилъ крестьянъ постановить приговоръ относительно того, чтобы родители не отрывали дѣтей отъ школьныхъ занятій для домашнихъ услугъ. Съ цѣлію устраненія замѣченныхъ во время ревизіи недостатковъ, г. инспекторъ предложилъ между прочимъ училищному совѣту слѣдующія мѣры: а) обусловить выдачу земскаго пособія аккуратнымъ взносомъ и расходомъ по назначенію ассигнованныхъ сельскими обществами суммъ, для того, чтобы общественныя суммы не пропадали безслѣдно, какъ это случилось по небрежности нѣкоторыхъ волостныхъ начальствъ въ 1874 году; б) ассигновать отъ 500 до 600 руб. на выдачу наградъ тѣмъ учителямъ и законоучителямъ, ученики коихъ будутъ хорошо держать экзамены и получать свидѣтельства; в) увеличить жалованье лучшимъ законоучителямъ съ цѣлію привлеченія священниковъ къ преподаванію закона Божія; г) перемѣстить наставниковъ такъ, чтобы школы не

оставались безъ законоучителей въ тѣхъ селахъ, гдѣ священники не могутъ преподавать законъ Божій; д) посылать кандидатовъ, желающихъ занять учительскія мѣста, но не имѣющихъ надлежащей подготовки, въ Любимовское образцовое училище для ознакомленія съ методами и приемами начальнаго обученія, отнеся расходы по такимъ командировкамъ на средства земства, и е) предложить учителямъ не оставлять въ каникулярное время мѣста своего жительства безъ надлежащаго отпуска и передачи училищнаго имущества.

Путинскій уездъ. Здѣсь осмотрѣно было 20 училищъ: 2 городскихъ, изъ коихъ одно женское, и 18 сельскихъ. Учащихся въ нихъ 852 мальчика и 61 дѣвочка. Одиннадцать училищъ имѣютъ собственныя отдѣльныя помѣщенія; изъ нихъ 9 удобныхъ, одно весьма неудобное и одно тѣсное, хотя и опрятное. Остальныя помѣщаются при волостныхъ правленіяхъ и въ ваемныхъ домахъ. Изъ школъ, помѣщающихся при волостныхъ правленіяхъ, двѣ имѣютъ классныя комнаты рядомъ съ арестантскими камерами. На каждое сельское училище, считая по одному на волость, земство отпускаетъ 150 руб. Участіе сельскихъ обществъ ограничивается по большей части приобрѣтеніемъ учебныхъ пособій, а въ иныхъ случаяхъ, незначительнымъ денежнымъ взносомъ (отъ 25 до 60 руб.) Впрочемъ, есть училища, содержимыя сельскими обществами, напр., Бѣгощанское и Локотское, изъ коихъ на первое отпускается 225, а на второе 180 руб. въ годъ. Иногда общества ассигнуютъ по 100 и даже по 150 руб. на училище. Преподаватели получаютъ отъ 120 до 150 руб. въ годъ, законоучители отъ 30 до 50 руб. Изъ преподавателей осмотрѣнныхъ школъ, 8 не имѣютъ установленныхъ свидѣтельствъ на учительское званіе. Всѣхъ школъ въ уездѣ 29; изъ нихъ 10 съ отдѣльными законоучителями и преподавателями, имѣющими свидѣтельства на званіе учителей начальныхъ училищъ. На содержаніе школъ отпускается въ годъ: земствомъ 3.450 руб., городскимъ обществомъ 500 р. и сельскими обществами 760 руб., всего 4.600 р.; кромѣ того, въ теченіе 1875 года поступило отъ почетныхъ попечителей 600 руб. Успѣхи учащихся въ 13 училищахъ найдены удовлетворительными по всѣмъ предметамъ. Дѣти основательно усвоили свѣдѣнія изъ прочитанныхъ ими въ школъ книгъ; читаютъ книги гражданской и церковной печати достаточно бѣгло и выразительно; хорошо пересказываютъ прочитанное. По большей части они толково рѣшаютъ ариѳметическія задачи, какъ умственно, такъ и письменно. Въ четырехъ училищахъ: Локотскомъ, Неплюевскомъ, Грузчанскомъ и Гвинтовскомъ успѣхи неудовлетворительны. Осталь-

ныя 3 училища хотя также неудовлетворительны по успѣхамъ учащихся, но, какъ полагаетъ г. инспекторъ, должны измѣниться къ лучшему вслѣдствіе перемѣны учителей. Преподаваніе закона Божія идетъ успѣшнѣе въ тѣхъ училищахъ, гдѣ предметъ этотъ преподается учителями, окончившими курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ; тамъ же, гдѣ законоучителями состоятъ мѣстные приходскіе священники, обыкновенно пропускающіе значительное число уроковъ. Успѣхи по закону Божію гораздо слабѣе. Г. инспекторъ замѣчаетъ при этомъ, что въ уѣздахъ, гдѣ священники получаютъ большее, чѣмъ въ Путивльскомъ уѣздѣ, вознагражденіе за свои школьныя занятія, преподаваніе закона Божія идетъ гораздо удовлетворительнѣе. Въ 1875 году въ школахъ Путивльскаго уѣзда всѣхъ подвергавшихся испытанію, для полученія свидѣтельства объ окончаніи курса начальнаго училища, было 130; изъ нихъ удовлетворительно выдержали испытаніе и получили свидѣтельства 78. Дѣлать какія-либо заключенія изъ этого факта пока нельзя, потому что экзамены, по отзыву инспектора, были на первый разъ довольно снисходительны.

Кромѣ непосредственныхъ распоряженій и указаній относительно методовъ и приѣмовъ преподаванія, г. инспекторомъ было заявлено мѣстному училищному совѣту о слѣдующихъ недостаткахъ школъ Путивльскаго уѣзда и о необходимыхъ для устраненія ихъ общихъ мѣропріятіяхъ: а) о крайнемъ неудобствѣ помѣщеній Череповскаго и Неиліевскаго училищъ, въ которыхъ классныя комнаты находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ арестантскими камерами б) о небрежномъ отношеніи къ училищамъ нѣкоторыхъ волостныхъ начальствъ, вслѣдствіе чего школы своевременно не ремонтируются, не отапливаются и не получаютъ классныхъ принадлежностей; в) инспекторъ вошелъ въ земскую управу съ ходатайствомъ о разрѣшеніи расходовать остатки отъ земскихъ суммъ, назначаемыхъ на училища, по усмотрѣнію училищнаго совѣта; до сего времени суммы эти находились въ распоряженіи волостныхъ правленій, которыя обыкновенно отсылали остатки назадъ въ земскую управу; г) возбуждено, гдѣ слѣдуетъ, ходатайство объ увеличеніи жалованья законоучителямъ и учителямъ, безъ чего нѣтъ возможности поднять уровень преподаванія закона Божія, а также удержать на мѣстахъ добросовѣстныхъ и знающихъ учителей; д) всѣмъ сельскимъ обществамъ предложено принять на себя расходы по приобрѣтенію учебныхъ руководствъ для учащихся и учащихся, и е) вновь опредѣляемыхъ неопытныхъ учителей предположено посылать для ознакомленія на

практикѣ съ методами и приемами начальнаго обученія въ мужское городское Путивльское училище.

Сверхъ того, были осмотрѣны 9 образцовыхъ училищъ Курской губерніи: *Александровское*, *Семеновское* и *Маринское* женское въ г. Курскѣ, *Дьяконовское* въ с. Дьяконовѣ Курскаго уѣзда, *Рышковское* въ с. Рышковѣ Дмитріевского уѣзда, *Ивановское* въ с. Ивановскомъ Льговскаго уѣзда, *Ивановское* женское одноклассное тамъ же, и *Любимовское* въ с. Любимовѣ Рыльского уѣзда. По обстановкѣ, обилію учебныхъ пособій и успѣхамъ учащихся, школы эти дѣйствительно могутъ быть названы образцовыми. Лучшія изъ нихъ: Курскія, Ивановское мужское, Любимовское и Рышковское, открытое въ 1875 году. Свѣдѣнія, приобретаемыя учащимися по всѣмъ предметамъ преподаванія, усвоены ими вполне прочно и сознательно. Двое изъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ Ивановскомъ училищѣ, обучаются съ успѣхомъ въ Курской гимназіи, а пять поступили въ учительскую семинарію. Въ Александровскомъ образцовомъ училищѣ введено обученіе сапожному мастерству, въ Семеновскомъ — столярному и переплетному, въ Ивановскомъ и Любимовскомъ — столярному. Занятія ремеслами идутъ, по словамъ г. инспектора, также вполне удовлетворительно. При Ивановскомъ и Любимовскомъ училищахъ открыты параллельныя отдѣленія на средства земства и частныхъ лицъ: Рыльское земское собраніе ассигновало для этой цѣли 300 р., Льговское — 125, и князь А. В. Барятинскій, владѣлецъ Ивановскаго, — 200 р. Только что названныя училища пользуются полнымъ довѣріемъ мѣстныхъ обществъ, и учащіеся посѣщаютъ школу исправно. Къ сожалѣнію, пока еще нельзя сказать того же самаго о недавно открытыхъ училищахъ. Требования правильнаго посѣщенія школы учениками, отказы въ приемѣ лишнихъ учениковъ — подають поводъ къ неудовольствію со стороны родителей. Вслѣдствіе этого, наставникамъ этихъ училищъ приходится на первыхъ порахъ выдерживать непріятную борьбу, пока мѣстныя общества не привыкнутъ къ законнымъ требованіямъ учителей и не сознаютъ ихъ цѣлесообразности. Чтобы до нѣкоторой степени устранить подобныя явленія, г. инспекторъ полагаетъ не бесполезнымъ на будущее время, при ходатайствахъ объ открытіи двухъклассныхъ училищъ въ особенно многочисленныхъ мѣстностяхъ, давать ходъ этимъ ходатайствамъ только тогда, когда явится возможность отыскать средства для открытія при училищахъ параллельныхъ отдѣленій.

Изъ краткаго отчета, представленнаго г. директоромъ начальныхъ училищъ по осмотру имъ народныхъ училищъ Ярославской губерніи, въ теченіе 1875 года, видно, что дѣло народнаго образованія прочно поставлено и хорошо идетъ въ названной губерніи. Въ теченіе 1875 года было осмотрѣно 42 училища; по Ярославскому уѣзду 12: четыре городскихъ, въ томъ числѣ одно женское, и восемь сельскихъ; по Рыбинскому уѣзду 11: пять городскихъ, изъ коихъ одно—училище при Покровскомъ братствѣ—для мальчиковъ и дѣвочекъ, и шесть сельскихъ; по Ростовскому уѣзду 5: два городскихъ и три сельскихъ; по Угличскому уѣзду 6: три городскихъ, между которыми одно женское Маріинское училище и три сельскихъ, и по Попехонскому уѣзду 8: въ самомъ городѣ три земскія для мальчиковъ и дѣвочекъ училища и пять сельскихъ. Успѣхи учащихся во всѣхъ 42 школахъ дали результаты весьма удовлетворительные. Такое отрадное явленіе всецѣло слѣдуетъ приписать добросовѣстному и ревностному исполненію своихъ обязанностей законоучителями, преподавателями и преподавательницами: при строгомъ соблюденіи учащими указанной учебной программы дѣти въ нравственномъ отношеніи видятъ въ своихъ руководителяхъ примѣръ самаго безукоризненнаго поведенія. Лучшимъ доказательствомъ усѣбности веденія дѣла народнаго образованія въ Ярославской губерніи можетъ служить уваженіе къ трудамъ преподавателей и тотъ особенный интересъ, съ которымъ мѣстныя общества слѣдятъ за училищнымъ дѣломъ. Кромѣ того, весьма важное значеніе для мѣстнаго населенія имѣютъ годичныя испытанія, дающія право кончающимъ курсъ пользоваться льготою по отбыванію воинской повинности. Число учащихся въ нѣкоторыхъ училищахъ превышаетъ цифру 100, и нѣтъ ни одной школы, гдѣ обучалось бы менѣе 20 человекъ; такъ, на примѣръ по Ярославскому уѣзду въ I-мъ приходскомъ училищѣ учащихся 153 мальчика и школа раздѣлена на 4 отдѣленія, изъ коихъ два параллельныя, въ женскомъ начальномъ училищѣ—177 дѣвочекъ, въ Путятинскомъ сельскомъ—116, въ томъ числѣ 28 дѣвочекъ; по Рыбинскому уѣзду: въ III-мъ приходскомъ училищѣ—105 мальчиковъ въ Александровскомъ сельскомъ—109, въ томъ числѣ 30 дѣвочекъ; по Ростовскому: во II-мъ приходскомъ—105 мальчиковъ, въ Марковскомъ сельскомъ—125, изъ нихъ 35 дѣвочекъ; по Угличскому уѣзду: въ Маріинскомъ женскомъ—150 дѣвочекъ, въ сельскихъ Воскресенскомъ—115, въ томъ числѣ 19 дѣвочекъ, и въ Заозерскомъ—157, изъ которыхъ 68 дѣвочекъ. Всѣ 42 училища имѣютъ особыхъ законоучителей, и за исключеніемъ двухъ школъ—Губачевской сельской, Угличскаго

уѣзда, и Борисоглѣбской сельской, Пошехонскаго уѣзда, въ которыхъ на законоучителѣ лежитъ обязанность и учителя, въ остальныхъ 40 личный составъ состоитъ изъ законоучителя и учителя или учительницы, а въ нѣкоторыхъ изъ — двухъ и трехъ учительницъ; такихъ школъ 10: въ Ярославскомъ уѣздѣ—I-я приходская: законоучитель, учитель и три учительницы; женское начальное: законоучитель, надзирательница, особая учительница руководящая и учитель пѣнія; Путятинское: законоучитель и двѣ учительницы; Великосельское женское: законоучитель и двѣ учительницы; Шльинское: законоучитель, учитель и помощникъ учителя; въ Рыбинскомъ уѣздѣ Александровское: законоучитель, двѣ учительницы и учитель; Николо-Кормское: законоучитель, учитель и помощникъ учителя; въ Ростовскомъ уѣздѣ—Марковское: законоучитель и двѣ учительницы; въ Угличскомъ уѣздѣ—Маринское женское: законоучитель и три учительницы, и Заозерское: законоучитель и двѣ учительницы. Почти все школы, не исключая и городскихъ, содержатся на счетъ земства; такъ четыре приходскія Ярославскія училища содержатся хотя и городомъ, но при участіи земства, а три училища въ городѣ Пошехонѣ всецѣло принадлежатъ земству и называются I-мъ, II-мъ и III-мъ земскими училищами; изъ сельскихъ училищъ имѣютъ прибавку къ суммамъ, отпускаемымъ земствомъ на ихъ содержаніе, Путятинское Ярославскаго уѣзда отъ сельскаго общества, Марковское Ростовскаго уѣзда отъ фабриканта Блесса и мѣстнаго общества, и Воскресенское Угличскаго уѣзда также отъ общества; только два училища обходятся безъ участія земства: Веспяинское училище въ Ростовскомъ уѣздѣ содержитъ на свой счетъ Московскій купецъ Кокинъ, а училище при Покровскомъ братствѣ въ Рыбинскомъ уѣздѣ содержится на средства братства. Училища снабжены въ достаточномъ количествѣ всеми учебными пособиями, и нѣкоторыя изъ нихъ нуждаются только въ болѣе удобномъ помѣщеніи; забота о такомъ существенномъ недостаткѣ постоянно напоминаетъ какъ земству, такъ и обществамъ; но не смотря на то, что въ теченіе 1875 года благодаря земству почти во всѣхъ уѣздахъ губерніи много сдѣлано новыхъ построекъ для училищъ, много и остается школъ, которыя очень терпятъ отъ неудобнаго помѣщенія; главный недостатокъ заключается по большей части въ тѣснотѣ квартиръ, какъ на примѣръ, въ Ярославскомъ уѣздѣ въ школахъ: Спасъ-Спирлядинской, при собственномъ домѣ и ограниченномъ числѣ учащихся (всего 28 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ)—классная комната мала; въ Путятинской, имѣющей также собственный домъ, по

числу учениковъ (88 мальчиковъ и 28 дѣвочекъ)—помѣщеніе тѣсно; Новленскому училищу уступленъ домъ помѣщикомъ на 10 лѣтъ, но зданіе не вполне удобно для своего назначенія; Великосельское женское для 54 ученицъ тѣсно, также какъ и Ставатинское, въ которомъ обучается 29 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ; въ Рыбинскомъ уѣздѣ неудобно помѣщено въ наемномъ домѣ Еремейцевское училище. Но есть за то училища, прекрасно и весьма удобно помѣщенные: къ числу ихъ относятся Ярославское женское — въ собственномъ домѣ отлично устроенномъ, Ильинское — въ собственномъ домѣ, Николо-Кормское Рыбинскаго уѣзда въ отлично устроенномъ купцомъ Стриженевымъ домѣ, Городецкое того же уѣзда во вновь отстроенномъ вполне удобномъ домѣ, Марковское и Вескинское Ростовскаго уѣзда, всѣ три земскія училища въ г. Пошехонѣ и сельскія того же уѣзда, помѣщенные въ церковныхъ домахъ. Остальныя школьныя квартиры представляютъ скорѣе удобства, нежели недостатки.

Объ открытіи учительскаго института въ Вѣлгородѣ.

Помѣщеніе для вновь открытаго Института было прискано въ домъ потомственнаго почетнаго гражданина г. Мачурина, который обязался произвести въ напятныхъ у него зданіяхъ необходимыя исправленія и приспособленія для потребностей института, согласно составленнымъ въ управленіи округа плану и смѣтному исчисленію, всего на сумму 5,000 р. Къ опредѣленному контрактомъ сроку, а именно къ первой половинѣ августа истекшаго года, зданіе было уже вполне готово. Вступительныя испытанія въ первый классъ института и пріемъ дѣтей въ городское училище начались съ 1-го октября. Къ этому сроку былъ почти вполне сформированъ составъ служащихъ въ институтѣ и училищѣ лицъ. Законоучителемъ назначенъ О. Митрофанъ *Федоровъ*, кандидатъ богословія Кіевской духовной академіи; учителями: естественныхъ наукъ и физики г. *Комаровъ*, кандидатъ Харьковского университета; исторіи и географіи г. *Чеботаревъ*, окончившій курсъ наукъ въ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, математики — г. *Головачевъ*, кандидатъ физико-математическихъ наукъ Харьковского университета; чистописанія — г. *Талашко*, состоящій преподавателемъ русскаго языка въ мѣстной учительской семинаріи. Уроки русскаго языка съ церковно-славянскимъ, впродѣ до присканія особаго учителя, приняты директоромъ на себя, а от-

носителю учителя рисованія и черченія онъ вошелъ въ сношеніе съ правленіемъ Императорской академіи художествъ. Гимнастику преподаеть учитель исторіи и географіи г. Чеботаревъ, имѣющій свидѣтельство отъ С.-Петербургскаго врачебно-гимнастическаго общества на право обученія этому предмету, пѣніе—священникъ *Боголюбовъ*, преподающій этотъ предметъ въ мѣстной учительской семинаріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря стараніямъ директора, Институтъ былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ на первый разъ обзаведеніемъ, какъ по учебно-воспитательной, такъ и по хозяйственной части. Классная мебель приобрѣтена въ достаточномъ количествѣ и, по устройству своему, вполнѣ удобна. Библіотека снабжена необходимымъ количествомъ сочиненіями по всѣмъ предметамъ институтскаго курса; приобрѣтено также достаточное количество прочихъ учебныхъ пособій, какъ-то: картъ, таблицъ, чертежей, рисунковъ и проч. Изъ числа пособій заслуживаютъ особаго упоминанія приспособленія въ классному употребленію крупныя англійскія изданія Джонстона и Рейвольда и пѣмецкія: Богта, Фогеля и Делича.

Пріемныя испытанія производились въ первыхъ числахъ сентября, и затѣмъ педагогическій совѣтъ Бѣлгородскаго учительскаго Института, принимая въ соображеніе, что помѣщеніе и обстановка института и состоящаго при немъ городского училища вполнѣ приспособлены къ пріему воспитанниковъ, призналъ цѣлесообразнымъ открыть ученіе въ обоихъ заведеніяхъ. Вслѣдствіе этого, послѣ молитвы, регулярныя уроки начаты въ городскомъ училищѣ 4-го, а въ институтѣ 9-го сентября. За право обученія въ городскомъ училищѣ назначена плата по 8 руб. въ годъ съ каждаго ученика. Ко дню торжественнаго открытія Института, состоявшемуся 26-го сентября истекшаго года, въ младшій классъ городского училища было принято всего 22 ученика, большею частію 7—8 лѣтняго возраста, нигдѣ еще не обучавшіеся. Въ Институтѣ къ тому же времени было принято, изъ 26 подвергавшихся вступительнымъ испытаніямъ, 17 воспитанниковъ: 16 казеннокоштныхъ и 1 своекоштнымъ. По мѣсту рожденія, воспитанію, вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ распредѣляются они слѣдующимъ образомъ: 16 православныхъ и 1 лютеранинъ, сыновей дворянъ и чиновниковъ—9, духовнаго званія 4, городскихъ сословій 2 и крестьянъ 2; учившихся прежде: въ уѣздныхъ училищахъ 7, въ гимназіяхъ — 6, духовныхъ семинаріяхъ — 2, учительскихъ семинаріяхъ — 1 и военныхъ прогимназіяхъ 1; уроженцевъ губерній Куръ

ской 9, Харьковской 3, Тамбовской, Кіевской, Московской, Рязанской и Владимірской по одному.

Торжественный актъ открытія Института начался, въ присутствіи заранѣе приглашенныхъ почетнѣйшихъ лицъ изъ мѣстнаго общества, молебствіемъ, совершеннымъ о. ректоромъ Курской духовной семинаріи, протоіереемъ Невскимъ, въ сослуженіи съ законоучителями гимназій и Института, при чемъ молебенъ пѣли сами воспитанники, подъ управленіемъ своего учителя пѣнія, священника Боголюбова. По окончаніи молебствія, происходило окропленіе святою водою всего помѣщенія Института и городского училища; по возвращеніи въ залъ, г. попечителемъ Харьковского учебнаго округа была произнесена рѣчь, въ коей изложена сущность Высочайше утвержденныхъ 31-го мая 1872 г. положеній объ учительскихъ институтахъ и городскихъ училищахъ, и выяснены основанія, обусловившія настоятельную необходимость реформы учебнаго курса существующихъ уѣздныхъ училищъ. Въ заключеніе, обратясь къ воспитанникамъ Института, г. попечитель выразилъ надежду, что они, будучи обезпечены на средства правительства всѣмъ необходимымъ, всецѣло отдадутся своимъ учебнымъ занятіямъ и серьезно приготовятся къ той роли, какая ожидаетъ ихъ въ будущемъ. Директоръ института г. Рошинъ въ произнесенной имъ рѣчи остановился главнѣйшимъ образомъ на сравненіи учебнаго курса городскихъ училищъ съ курсомъ уѣздныхъ училищъ; указавъ на задачу учительскихъ институтовъ и на полезныя стороны института, которому у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, отдано предпочтеніе предъ экстернатомъ въ учебныхъ заведеніяхъ, приготовляющихъ наставниковъ, онъ сообщилъ слушателямъ существеннѣйшія свѣдѣнія относительно устройства учительскаго института и городского при немъ училища въ Бѣлгородѣ, о личномъ составѣ служащихъ въ нихъ, о результатѣ приѣмныхъ испытаній и о количествѣ принятыхъ въ оба учебныхъ заведенія воспитанниковъ. Актъ заключился пѣніемъ гимна: „Боже Царя храни“, который исполнили воспитанники.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

10-го (22-го) декабря 1876 года.

Предпринятая нынѣшнимъ министромъ народнаго просвѣщенія г. Вадингтономъ и одобренная палатою депутатовъ реформы на дѣлѣ пока еще не осуществлены. При нынѣ дѣйствующей конституціи реформы эти могутъ быть произведены лишь послѣ того, какъ сенатъ вотируетъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія на 1877 г. Въ ожиданіи этого, министерство приводитъ въ исполненіе другія, не столь важныя свои предначертанія. Не такъ давно я уже упоминалъ вамъ объ учрежденіи каѳедры кельтскихъ нарѣчій въ Школѣ высшихъ наукъ; въ настоящее время въ двухъ провинціальныхъ факультетахъ, Лионскомъ и Бордоскомъ, учреждены каѳедры классической археологіи; въ Монпелье, кромѣ того, каѳедра романской филологіи и въ нѣсколькихъ провинціальныхъ факультетахъ предполагается открыть каѳедры санскритскаго языка. Клерикальныя высшія учебныя заведенія имѣютъ у насъ ту хорошую сторону, что вызывая конкуренцію побуждаютъ правительство къ самымъ серьезнымъ усиліямъ, чтобы поддержать честь своихъ учебныхъ заведеній. Въ текущемъ мѣсяцѣ открытъ былъ католическій факультетъ въ Анжерѣ, программа коего, надо сознаться, гораздо обширнѣе государственныхъ провинціальныхъ факультетовъ: онъ имѣетъ двѣ каѳедры философіи (тогда какъ въ государственныхъ лишь по одной); кромѣ того, каѳедру исторіи, двѣ каѳедры латинской литературы (государственные факультеты имѣли прежде одну каѳедру древней литературы, а нынѣ только одну каѳедру греческаго языка), каѳедры иностранныхъ литературъ, восточной литературы, каѳедры сравнительной грамматики, эстетики и исторіи искусства. Послѣднихъ трехъ каѳедръ вовсе не имѣется въ государственныхъ факультетахъ. Каѳедру восточныхъ литературъ занялъ г. Пави, одинъ изъ прежнихъ редакторовъ „*Revue des deux mondes*“, читавшій въ 1853—1857 г. въ „*Collège de France*“

курсъ санскритскаго языка. Другіе профессора Анжерскаго факультета, правда, люди не слишкомъ извѣстныя, но, съ того дня, какъ катедры этого факультета будутъ замѣщены людьми, составившими себѣ имя въ наукѣ, соперничество съ нимъ для государственныхъ факультетовъ будетъ чрезвычайно затруднительно. Духовенство наше продолжаетъ дѣятельную пропаганду въ пользу клерикальныхъ факультетовъ. Въ настоящее время поднятъ вопросъ объ учрежденіи католическаго университета въ Лионѣ; епископы Авиньона, Алжира, Экса (Аix), Шамбери и Лиона обратились къ своей паствѣ съ заявленіемъ, что означенный университетъ учреждается подъ ихъ вѣдѣніемъ и приглашаютъ всѣхъ искреннихъ католиковъ оказать содѣйствіе этому предпріятію: „Мы разчитываемъ на ваше содѣйствіе, отцы въ христіанскихъ правилахъ воспитываемыхъ дѣтей“, говорятъ они въ своемъ воззваніи, „предпріятію чисто въ католическомъ духѣ, признанному нами необходимымъ, на которое глава церкви, папа, возлагаетъ самыя великія надежды; содѣйствовать ему по мѣрѣ своихъ средствъ и способностей обязанъ каждый истинно вѣрующій“. Въ настоящее время число учащихся въ католическихъ факультетахъ еще не велико; въ Парижѣ насчитываютъ до 125 слушателей юридическихъ наукъ, 30 слушателей наукъ словесныхъ и не болѣе 8 слушателей естественныхъ наукъ, тогда какъ въ государственномъ факультетѣ юристовъ 3.500 человекъ. Въ 1875 году факультетъ этотъ выдалъ 1.300 дипломовъ на степень кандидата; 419 студентовъ выдержали докторскій экзаменъ. Въ Парижѣ происходило недавно открытіе Антропологической Школы, учрежденной частными учеными обществами, которую ожидаетъ, кажется, блестящая будущность. Школа эта имѣетъ пять кафедръ: анатомической антропологии, которую занимаетъ г. Поль Брока; біологической антропологии — г. Равинаръ; этнологіи — Э. Далли; доисторической антропологии — Э. де-Мартинье (хранитель С. Жерменскаго музея) и лингвистической антропологии — г. Говелакъ. Школа, о которой идетъ рѣчь, а также частная школа политическихъ наукъ суть единственныя не-клерикальныя учебныя заведенія, возникшія за послѣднее время въ Парижѣ.

Но ни духовенству, ни частнымъ лицамъ не придетъ на умъ соперничать съ тѣми изъ школъ, которыя учреждены нашимъ правительствомъ за границею, а именно: съ археологическими школами, существующими въ Римѣ и въ Афинахъ. Г. Церро, членъ Академіи вадисей и изящной словесности, только что представилъ въ Академію

отчетъ объ этихъ двухъ учрежденіяхъ. Директоромъ аѳинской археологической школы состоитъ нынѣ г. А. Дюмонъ, въ Римѣ школу завѣдуетъ г. Жоффруа. Воспитанники ихъ представляли Академіи въ послѣднее время весьма серьезные труды. „Конечно, не всѣ эти труды одинаково замѣчательны“, говоритъ г. Перро въ своемъ отчетѣ, „но нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ несомнѣнныя достоинства“. Всѣхъ ихъ въ послѣднее время поступило въ Академію не менѣе 25 и если бы обнародовать ихъ, то они составили бы обширные томы. Къ лучшимъ принадлежатъ: труды г. Дюшена о *liber pontificalis*, Мюнца о римскихъ художникахъ и г. Блоха о римской арміи по эпиграфическимъ текстамъ. Въ Аѳинахъ г. Байэ составилъ сборникъ уцѣлѣвшихъ въ Греціи христіанскихъ надписей и вообще занимался христіанскою археологіею, доселѣ весьма мало разработанною; г. Колинъонъ собралъ матеріалы для изслѣдованія о памятникахъ, относящихся къ баснѣ о Психеѣ. Альберъ Дюмонъ учредилъ въ Аѳинахъ институтъ, который, безъ сомнѣнія, будетъ весьма полезенъ, какъ для Грековъ, такъ и вообще для европейскихъ ученыхъ. Институтъ этотъ имѣетъ своею цѣлью критическій разборъ трудовъ по исторіи и филологіи, издаваемыхъ въ Греціи, ознакомленіе съ надписями на памятникахъ, сообщаемыми ему корреспондентами, или обнародуемыми учеными и вообще со всѣмъ, что появляется новаго въ этой области. Съ января 1877 г. институтъ будетъ издавать журналъ; въ него войдутъ свѣдѣнія о всѣхъ открытіяхъ и ученыхъ изслѣдованіяхъ, которыя, безъ того, могли бы пройти незамѣченными. Кромѣ того, съ будущаго года должна выходить „Библиотека аѳинской и римской школъ“, благодаря которой многіе прекрасные труды, оставшіеся доселѣ неизвѣстными, перейдутъ во всеобщее свѣдѣніе. Подобное развитіе дѣятельности упомянутыхъ школъ можетъ только порадовать друзей археологіи.

Въ недавнее время возникло въ Парижѣ общество съ цѣлью возбуждать интересъ къ географическимъ наукамъ и путешествіямъ; я говорю объ „Обществѣ ученыхъ кругосвѣтныхъ экспедицій“ (*La société des voyages autour du monde*). Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ публицистовъ и банкировъ и имѣетъ своею задачею облегчать богатымъ молодымъ людямъ кругосвѣтныя плаванія, долженствующія способствовать ихъ образованію. Собравъ капиталъ въ 2.000,000 франковъ, Общество заказало пароходъ, на которомъ съ полнымъ удобствомъ могло бы помѣститься до 50 человекъ. Ежегодно, въ маѣ мѣсяцѣ, пароходъ этотъ будетъ выходить изъ Гавра и, посѣтивъ всѣ наиболѣе за-

мѣчательныя мѣста, въ теченіе 10 мѣсяцевъ совершить свое кругосвѣтное плаваніе; у него будутъ собственная географическая и метеорологическая бібліотека, карты, инструменты и необходимыя коллекціи. Три или четыре профессора будутъ во все время путешествія читать лекціи о странахъ, лежащихъ на пути. Маршрутъ перваго плаванія слѣдующій: Гавръ, Лиссабонъ, о. Мадера, Нью-Йоркъ, Антильскіе острова, Рио-Жанейро, Монтевидео, Буэносъ-Айресъ, Магелланскій проливъ, Австралія, Новая Каледонія, Японія, Китайскіе порты, Батавія, о. Цейлонъ, Бомбѣй, Адень, Суэзскій каналъ и Неаполь. Будутъ при этомъ предпринимаемы экскурсіи и во внутренность наиболѣе интересныхъ странъ. Слѣдуетъ желать полной удачи этому предпріятію, которымъ воспользуются, конечно, не одни Французы.

На этихъ дняхъ происходило годичное собраніе и раздача наградъ Французской академіи. Непременнымъ секретаремъ ея, обязанности коего въ послѣднее время исполняли, одинъ за другимъ, гг. Вильменъ и Патенъ, нынѣ состоитъ драматическій писатель Камилль Дусэ, представившій собранію отчетъ о сочиненіяхъ, удостоенныхъ наградъ. Премію краснорѣчія на тему „Геній Рабле“ получилъ г. Гебаръ (Gebhart), профессоръ словесности въ Нанси. Ему принадлежатъ нѣсколько замѣчательныхъ статей объ Италіи и эпохѣ Возрожденія, о которыхъ недавно сдѣланъ былъ лестный отзывъ въ вашемъ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Кромѣ того, преміи выданы г. Вальбезену за сочиненіе „Объ Англичапахъ и Индіи“, Дюпре-Лассалю за книгу „О канцлерѣ Мишелѣ Госпиталитѣ“, Гальярдену за „Исторію царствованія Людовика XIV“, Этьену за „Исторію италіанской литературы“: о всѣхъ этихъ книгахъ я уже сообщалъ вамъ прежде. Темою для соисканія преміи краснорѣчія на будущій годъ Академія избрала „Похвальное слово Бюффону“.

Академія надписей также раздала недавно свои преміи: нѣкоторыя изъ нихъ присуждены за сочиненія, посвященныя нашей провинціальной археологіи, а именно премія Гобера по исторіи Франціи г. Симеону Люсу за превосходную книгу „Бертранъ Дюгескленъ и его время“; премія Станислава Жюльена по китайской литературѣ—Герве де-С.-Дени за переводъ одной китайской „Исторіи иностранныхъ народовъ“; кромѣ того, премія выдана профессору Школы высшихъ наукъ г. Дорматету за изслѣдованія о міѳологіи Авесты.

Въ нынѣшнемъ году Академія потеряла двухъ своихъ членовъ-корреспондентовъ: гг. Ричля и Перца; мѣста ихъ заняли эллинистъ Голландецъ Кобетъ и латинистъ Датчанинъ Мадвигъ.

Съ самаго начала школьнаго семестра стало появляться не мало ученыхъ сочиненій, заслуживающихъ полнаго вниманія. Прежде всего скажу нѣсколько словъ объ „Исторической и административной географіи римской Галліи“ Эрнеста Дежардена и о самомъ авторѣ этого труда. Миѣ уже приходилось упомянуть объ этомъ ученомъ издателѣ карты Пейтипгера, профессорѣ Нормальной школы и Школы высшихъ наукъ и членѣ Академіи надписей. Занимаясь изданіемъ карты, онъ специально изучалъ также римскую Галлію; много лѣтъ своего труда посвятилъ онъ этой эпохѣ, которую стали разрабатывать у насъ особенно усердно послѣ появленія „Юлія Цезаря“ Наполеона III. Сочиненіе г. Дежардена должно состоять изъ четырехъ томовъ, роскошно изданныхъ, съ планами и картами. При окончательной редакціи его авторъ пользовался множествомъ эпиграфическихъ документовъ, до сихъ поръ никѣмъ изъ его предшественниковъ по этой части не затронутыхъ; пользовался онъ и археологическими трудами, изданными нашими провинціальными учеными обществами. Первый томъ его книги посвященъ исключительно физической географіи древней Галліи сравнительно съ физической географіею нынѣшней Франціи. Г. Дежарденъ описываетъ ея побережья, указывая на измѣненія, сдѣланныя напоромъ или отливомъ океана и морей; книга заканчивается климатологіею, флорою и фауною страны. Томъ этотъ, посвященный исключительно географіи, можетъ служить превосходнымъ дополненіемъ втораго тома Всеобщей географіи Э. Реклю, посвященнаго описанію современной Франціи; 40 картъ, изъ коихъ нѣкоторыя, наглядно изображающія разницу нынѣшнихъ и прежнихъ очертаній французскихъ береговъ, въ высшей степени любопытны. Уже одно введеніе составляетъ законченный трудъ, необходимый каждому, занимающемуся изученіемъ Галліи въ римскую эпоху; это полная библиографія всѣхъ донынѣ вышедшихъ сочиненій о Галліи. Въ слѣдующихъ томахъ авторъ займется разсмотрѣніемъ того, какъ слагались и образовались провинціи съ ихъ политическою, гражданскою, военною, финансовою и церковною администраціею, а также іерархіею общественныхъ должностей; затѣмъ, какъ возникло раздѣленіе на города и рагі, муниципальное управленіе, общественный бытъ; ояъ остановится на римскихъ дорогахъ, кастеллахъ, замѣчательнѣйшихъ историческихъ мѣстностяхъ, между прочимъ, на тѣхъ, которыя прославились почестями, воздаваемыми различнымъ божествамъ. Это будетъ въ полномъ смыслѣ слова энциклопедія древней Галліи и если бы авторъ уже не былъ академикомъ, то одного этого труда было

бы достаточно, чтобы открыть ему ея двери. Другое замѣчательное сочиненіе, вышедшее въ послѣднее время, также историческаго и географическаго содержанія, озаглавленное „Histoire de la formation territoriale des états de l'Europe centrale“, принадлежитъ перу г. Огюста Гимлея, профессора географіи въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ. Г. Гимлей считается однимъ изъ лучшихъ преподавателей этого факультета; на экзаменахъ, особенно же на диспутахъ, въ которыхъ онъ всегда принимаетъ дѣятельное участіе, эрудиція его сильно смущаетъ диспутантовъ, считающихъ его самымъ опаснымъ противникомъ; но ученость и критическій умъ заставляютъ г. Гимлея прежде всего относиться строго къ самому себѣ. Онъ печатаетъ не много и настоящій его трудъ, который, безъ сомнѣнія, будетъ принятъ публикою съ должнымъ вниманіемъ, есть плодъ усидчивыхъ и долготѣльныхъ занятій. Избравъ исходною точкою физическую географію главнѣйшихъ европейскихъ странъ, авторъ говоритъ объ ихъ происхожденіи и о постепенномъ собираніи различныхъ частей каждой страны въ одно цѣлое, о территоріальныхъ ихъ приобрѣтеніяхъ и утратахъ въ общемъ движеніи европейской политики, и, наконецъ, о теперешнемъ ихъ положеніи какъ географическомъ, такъ политическомъ и этнографическомъ. Въ предисловіи своемъ г. Гимлей слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ свою задачу: „Объяснить территоріальную организацію современной Европы, съ одной стороны, условиями ея почвы, а съ другой—историческими переворотами; выставить въ яркихъ очертаніяхъ важнѣйшіе географическіе, историческіе, этнографическіе и статистическіе фазисы, имѣвшіе своимъ послѣдствіемъ то, что мы видимъ теперь, словомъ, освѣтить всестороннимъ свѣтомъ карту континента,—вотъ какую задачу преслѣдовали мы, приступая къ нашему труду“. Такимъ образомъ, слѣдя за первоначальнымъ происхожденіемъ современныхъ государствъ и изслѣдуя по столѣтіямъ постепенные ихъ территоріальные перевороты авторъ преимущественно останавливается на событіяхъ позднѣйшаго времени или же на тѣхъ, которыя въ прошломъ сдѣлали Европу такою, какою она представляется намъ нынѣ. Первая часть этого труда (состоящаго изъ двухъ томовъ) посвящена Австріи, Пруссіи, Германіи, Швейцаріи, Голландіи и Бельгіи. Подробное описаніе центральной Европы—отъ Рейна до Вислы—служитъ какъ бы введеніемъ къ книгѣ, изобилующей блестящими и остроумными соображеніями.

Кстати будетъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ сочиненіи, тоже весьма интересномъ, а именно объ исторіи Венгріи (*Histoire générale*

des Hongrois) Сейу (Ed. Sayous). Въ теченіи уже десяти лѣтъ авторъ занимается мадьярскимъ языкомъ и литературою. Онъ и Англичанинъ Петерсонъ, книга котораго недавно переведена была на русскій языкъ, принадлежатъ къ числу весьма немногихъ ученыхъ, которымъ удалось усвоить себѣ этотъ языкъ. Г. Сейу неоднократно посѣщалъ Венгрію и еще весьма недавно, по порученію французскаго министерства народнаго просвѣщенія, былъ въ Пештѣ. Книга его написана по мадьярскимъ источникамъ и на основаніи тщательнаго изученія историковъ этой страны; авторъ пользовался и рукописями, находящимися въ Парижской національной бібліотекѣ. Здѣсь нашелъ онъ, между прочимъ, много документовъ, касающихся сношеній трансильванскихъ правителей съ французскимъ дворомъ. Первые главы сочиненія, о которомъ идетъ рѣчь, посвящены филологическимъ и мѣологическимъ вопросамъ, касающимся происхожденія венгерскаго народа. Одинъ изъ упрековъ, который можно сдѣлать автору, состоитъ въ томъ, что, занявшись исключительно мадьярскимъ племенемъ, онъ почти ничего не говоритъ о Славянахъ и Румынахъ, входившихъ въ составъ венгерскаго королевства. Чрезвычайно любопытная „Исторія венгерскихъ Сербовъ“ (Histoire des Serbes de la Hongrie), вышедшая два года тому назадъ и принадлежащая перу анонимнаго автора (который, какъ это стало нынѣ извѣстно, никто иной какъ бывший французскій вице-консулъ въ Темешварѣ г. Э. Пико) можетъ служить отличнымъ дополненіемъ къ вышеупомянутому сочиненію.

Къ самымъ замѣчательнымъ произведеніямъ въ области собственно литературы принадлежатъ неизданныя письма госпожи Севинье, найденыя г. Коммасомъ (Commas), профессоромъ Дижонскаго словеснаго факультета въ одной старой рукописи. Объ этой счастливой находкѣ, надѣлавшей много шума, я уже извѣщалъ васъ въ свое время; рукопись принадлежала одному обѣдѣвшему дворянскому семейству и года два тому назадъ куплена была у торговца старою мебелью въ Дижонѣ. Въ ней оказалось 320 писемъ г-жи Севиньи, изъ которыхъ 170 не были еще вовсе изданы или изданы только въ отрывкахъ. Поклонникамъ знаменитой маркизы открытіе это доставило величайшее наслажденіе, тѣмъ болѣе, что оно дало возможность разъяснить многія недоумѣнія, исправить неточности, вкравшіяся въ прежнія изданія. Новыя письма служатъ дополненіемъ къ изданію Гашета, нѣсколько лѣтъ тому назадъ считавшемуся окончательнымъ, а теперь нельзя уже рѣ-

ководствоваться имъ, не обращаясь къ труду г. Копмаса. Авторъ снабдилъ письма введеніемъ и подробнымъ комментариемъ.

Кончина ученаго и трудолюбиваго г. Ассеза нисколько не оставила дальнѣйшаго изданія полного собранія Дидерота; XVII и XVIII томы только что появились подъ редакцію молодаго и талантливаго писателя Мориса Турне. Въ XVII томъ вошли послѣднія статьи Энциклопедіи, письма съ дороги (а именно весьма любопытное описаніе Голландіи) и нѣсколько отрывковъ, въ которыхъ есть кое-что новое о Россіи (характеристика княгини Дашковой и замѣтка о Ломоносовѣ). Въ XVIII томѣ помѣщена переписка Дидерота съ извѣстнымъ скульпторомъ Фальконетомъ во время пребыванія того въ Петербургѣ и знаменитыя письма къ г-жѣ Волланъ. Скоро ожидаютъ также выхода въ свѣтъ литературно-философской и критической корреспонденціи, извѣстной подъ именемъ „Корреспонденціи Гримма“. Исторія этой корреспонденціи чрезвычайно любопытна. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, удовлетворяя желанію нѣсколькихъ царствующихъ лицъ имѣть свѣдѣнія о постоянно возраставшемъ философскомъ и литературномъ движеніи, аббатъ Рейналь предпринялъ нѣчто въ родѣ обзорѣнія, которое, смотря по обилію новостей, появлялось одинъ или два раза въ мѣсяць; въ экземплярахъ, не печатанныхъ, а писанныхъ, разсылалось оно къ иностраннымъ дворамъ и къ тѣмъ изъ частныхъ лицъ, которые вносили 300 франковъ за это изданіе. Но Рейналю вскорѣ наскучило подобное занятіе и онъ уступилъ его Гримму, который уже безостановочно продолжалъ его съ 1753 по 1790 годъ: Дидеротъ, госпожа Эпине, Вольтеръ и Галани замѣняли его, когда ему приходилось путешествовать. Донынѣ извѣстна была только корреспонденція Гримма, что же касается до переписки Рейнала, то она никогда еще не была обнародована. Копія ея хранится въ библиотекѣ герцогства С. Кобургъ-Готскаго и въ арсенальной библиотекѣ Парижа. Изданіе, о которомъ говорю я, будетъ большимъ приобрѣтеніемъ для всѣхъ, кто интересуется восемнадцатымъ вѣкомъ; оно выйдетъ подъ редакцію г. Турне.

На дняхъ появился второй томъ исторіи новѣйшей философіи столь преждевременно похищеннаго съ ученаго поприща Фердинанда Папильона; онъ посвященъ XVIII вѣку. Въ предисловіи разсматриваетъ авторъ общій характеръ тогдашняго философскаго движенія, раздѣляя его на три періода: школу эмпирическую съ Юмомъ во главѣ, школу аналитическую (Кондильякъ) и школу интуитивную (Бюффонъ и Дидеротъ). Нѣкоторыя части этого замѣчательнаго труда, который

можетъ быть рекомендованъ всѣмъ, кто не ставитъ слишкомъ рѣзкихъ границъ между философіею и естественными науками, остались неокоченными. Другой философскій трудъ „Цивилизація и ея законы“, принадлежащій г. Фувку Брентаво, касаясь преимущественно области социальной нравственности, затрогиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень близко и вопросы чисто политическаго свойства и потому выходитъ изъ программы моего письма. Мнѣніе, высказанное авторомъ въ заключеніи своей книги, слишкомъ курьезно для русскихъ читателей, чтобы не упомянуть здѣсь о немъ. Онъ твердо убѣжденъ, что „славянскими племенамъ, находящимся еще почти въ томъ же состояніи, въ какомъ покинули они горы Азіа“, суждено быть преемниками европейской цивилизаціи. По поводу славянскихъ нарѣчій, съ которыми г. Брентаво, между прочимъ, вовсе не знакомъ, замѣчаетъ онъ слѣдующее: „Не рѣдко удивляются способности Славянъ быстро примѣнять къ дѣлу сдѣланныя ими открытія и неспособности ихъ идти далѣе по этому пути; это потому, что доселѣ не обращали вниманія, что открытія являются результатомъ общихъ и абстрактныхъ понятій, которыя находятъ себѣ выраженіе въ языкахъ не менѣе общихъ и абстрактныхъ, между тѣмъ какъ славянскія племена, имѣя въ распоряженіи своемъ лишь нарѣчія сложныя и конкретныя, способны уразумѣть практическіе результаты нашего умственнаго движенія, но не въ состояніи овладѣть методами, посредствомъ которыхъ могли бы самостоятельно вести ихъ далѣе. Слѣдовательно, только подъ условіемъ измѣнить, упростить свои нарѣчія, сдѣлать ихъ болѣе абстрактными и въ грамматическихъ ихъ формахъ и относительно обычнаго смысла выраженій, можно было бы Славянамъ сдѣлать своимъ достояніемъ современную цивилизацію и внести въ нее что оригинальное... Можно предвидѣть, что славянская народность и славянскій языкъ займутъ относительно языковъ французскаго и англійскаго то же положеніе, какое эти языки занимали по отношенію къ языку латинскому. Латинскій языкъ былъ проще и абстрактнѣе древняго индійскаго языка; прогрессъ, такимъ образомъ, не прерывался и обнаруживается одинаково, какъ въ наукахъ, такъ и въ языкѣ. Тѣмъ, чѣмъ были для насъ Цицеронъ и Тацитъ, Боссюэтъ и Паскаль должны быть для грядущей славянской цивилизаціи“. „Будущее принадлежитъ франко-славянскому міру“, говоритъ въ заключеніи г. Франкъ Брентаво. Германское племя онъ цѣнитъ очень мало, хотя долженъ знать Германію хорошо, ибо самъ природный Нѣмецъ. Я привелъ его мнѣніе ради курьеза, чтобъ показать какъ все относящееся къ славянству воз-

буждаетъ у насъ живой интересъ. Онъ обнаруживается многочисленными сочиненіями, не всегда, впрочемъ, чисто ученаго характера; высшія наши учебныя заведенія выражаютъ явную наклонность къ знакомству съ славянскими языками: въ Школѣ восточныхъ языковъ профессоръ славянскихъ нарѣчій преподаетъ русскій и славянскій языки; у него теперь не менѣе 20 слушателей и въ томъ числѣ двѣ дамы.

Слѣдуетъ еще сказать о двухъ новыхъ обзорѣніяхъ: *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* будетъ выходить подъ редакцію гг. Эдуарда Турнье и Луи Гаве. Первый изъ нихъ извѣстенъ какъ авторъ весьма почтеннаго труда „Nemesis et la jalousie des Dieux“; ему же принадлежитъ изданіе Софоела. Онъ читаетъ греческую филологію въ Нормальной школѣ и въ Школѣ высшихъ наукъ. Г. Луи Гаве, профессоръ латинской филологіи въ Школѣ высшихъ наукъ, давно уже обратилъ на себя вниманіе своими переводами съ нѣмецкаго и различными статьями, напечатанными въ сборникѣ лингвистическаго общества. Имена издателей могутъ служить ручательствомъ, что журналъ ихъ будетъ отличаться вполне серьезнымъ характеромъ и восполнить значительный пробѣлъ въ нашей ученой литературѣ. На страницахъ его должны появляться только статьи оригинальныя, а на ряду съ этимъ подробный обзоръ всего, что появляется по классической филологіи и археологіи въ различныхъ французскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ. Будетъ выходить онъ четыре раза въ годъ. Въ первыхъ книжкахъ обѣщаны статьи о письмахъ Сенеки г. Шателена, бывшаго воспитанника Школы высшихъ наукъ, г. Дежардена о примѣненіи эпиграфики къ объясненію латинскихъ авторовъ, замѣтка г. Тюро о „De officiis“ Цицерона и статья г. Брейля о политическихъ рѣчахъ Демосоена. Въ числѣ главныхъ сотрудниковъ названы Гастонъ Буассье, Луи Кишера и Леонъ Ренье. „Со всѣхъ сторонъ“, говорятъ редакторы, „только и слышимъ мы о желаніи возвысить науку во Франціи и справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ направленіи уже сдѣлано достаточно много. Давно уже не переживали мы времени, въ которое, именно какъ теперь, столько молодыхъ ученыхъ посвящаютъ себя научнымъ занятіямъ, которыя доселѣ признавались къ сожалѣнію наименѣе плодотворными. И правительство, и общество прилагаютъ всѣ свои усилія, чтобы въ научной сферѣ обезпечить Франціи подобающее ей мѣсто“.

Извѣщаютъ еще о новомъ журналѣ *Revue de mythologie comparée*,

сборникъ матеріаловъ для исторіи религій. Наконецъ, г. Гедозъ, редакторъ *Revue celtique*, предполагаетъ издать сборникъ народной мифологіи подъ названіемъ „*Мелюзина*“. Въ этомъ предпріятіи содѣйствуетъ ему г. Роландъ, только что напечатавшій любопытный этюдъ „О французскихъ загадкахъ“.

Л. Л—ръ.

О NOMEN GENTILE АВТОРА ЭНЕИДЫ.

Какъ извѣстно, еще до послѣдняго времени продолжался споръ о томъ, было ли nomen gentile автора Энеиды — Vergilius или Virgilius. Нѣкоторые русскіе ученые утверждали, что хотя форма „Vergilius“ признана болѣе правильною, тѣмъ не менѣе было бы мелочно и педантично измѣнять популярное и всеми усвоенное правоисаніе. Поэтому мнѣ кажется не бесполезнымъ высказать вкратцѣ мое мнѣніе какъ о томъ, такъ и о другомъ изъ этихъ вопросовъ; въ интересахъ дѣла, попрошу не смѣшивать ихъ.

Что касается правильнаго правоисанія означеннаго имени, то относительно этого едва ли возможно сомнѣніе.

Не смотря на то, что еще въ послѣдніе годы Ричль въ Opusc. philol., II 779 сл., и Бенуа въ Notice sur Virgile, стр. 75, въ предисловіи ко второму изданію своихъ Bucolica и Georgica (Paris 1876), трактовали объ этомъ вопросѣ вполне научно, я считаю не излишнимъ коснуться его, частью потому, что замѣчанія обоихъ ученыхъ кое-чѣмъ можно пополнить, а отчасти потому, что вообще установившіяся заблужденія искореняются лишь медленно, сколь бы часто ихъ ни опровергали. Вѣдь даже въ новѣйшемъ нѣмецкомъ изданіи Энеиды г. Госсрау (см. стр. XIX—XX предисловія ко второму изданію) форма Virgilius нашла защитника!

Въ орографическихъ изслѣдованіяхъ нужно всегда строго разграничивать два совершенно различныхъ вопроса, не взирая на то, что по большей части, хотя и не всегда, они сводятся къ одному, что замѣчается и въ настоящемъ случаѣ, а именно: правоисаніе слова, требуемое этимологіей, и то, которое было въ общемъ употребленіи или всегда, или по крайней мѣрѣ въ періодъ процвѣтанія литературы. Во всѣхъ языкахъ часто замѣчаемъ мы, что слова (не

только иностранныя, но и отечественныя) получают иное правописание чѣмъ то, которое требуется законами этимологiи, или на основанiи невѣрной этимологiи, или на основанiи правилъ благозвучiя, или же наконецъ на основанiи простой случайности.

Обратимъ сперва вниманiе на лучшiя и достовѣрнѣйшiя преданiя объ имени упомянутаго поэта въ письменныхъ памятникахъ древности.

Извѣстно, что сохранилось столь значительное количество рукописей Виргилiя отъ V (быть можетъ даже IV) и VI столѣтiй, какъ ни какого другаго римскаго классика. Во всѣхъ этихъ рукописяхъ встрѣчается форма *Vergilius* и лишь въ рукописяхъ IX и X вѣковъ, напримѣръ, въ *Vernensis* b и c (какъ называетъ ихъ Риббекъ) встрѣчается правописание *Virgilius*.

Также и надписи (время происхожденiя коихъ можно опредѣлить съ точностью, а именно надписи отъ II столѣтiя до Р. X. по IV послѣ Р. X.) свидѣтельствуютъ за форму *Vergilius*; равнымъ образомъ встрѣчается въ нихъ правописание *Vergulei* (*Vergulcius*). То обстоятельство, что на нѣкоторыхъ надписяхъ отъ неизвѣстнаго времени встрѣчается *Virgilius*, не имѣетъ важности. И Греки также почти всегда писали Βεργίλιος или Οβεργίλιος (ср. Бенуа I. с.). Съ другой стороны въ концѣ существованiя Восточной Римской имперiи можно дѣйствительно указать форму *Virgilius*.

Въ 400 году императоры Аркадiй и Гонорiй по порученiю римскаго сената велѣли воздвигнуть на Траиновомъ форумѣ поэту Клавдiю Клавдиану стацию, надпись коей еще сохранилась. Надпись эта впрочемъ начертана на латинскомъ языкѣ и заканчивается слѣдующимъ греческимъ двустишиемъ:

εἰν ἐνὶ Βεργιλίῳ νόον καὶ Μοῦσαν Ὀμήρου
Κλαυδιανὸν Ῥώμῃ καὶ βασιλεῖς ἔθεσαν.

Въ этомъ заключается явное доказательство за *i* въ Βεργιλίῳ. Но судить по свидѣтельству этому о томъ, что поэтъ нашъ назывался *Virgilius*, было бы столь же неосновательно, какъ если-бы предположить, что во времена Августа можно было употреблять слогъ *anus* въ *Claudianus* съ краткою преднослѣдней,—вольность, дѣйствительно встрѣчающаяся у позднѣйшихъ и плохихъ римскихъ поэтовъ.

И въ VI вѣкѣ по Р. X. въ пользу формы *Virgilius* говорятъ свидѣтельство Присциана, который, lib. IV p. 634 ed. Putsch, производитъ названное имя отъ слова *virgula*.

Всѣмъ этимъ подтверждается лишь то, что уже извѣстно намъ, а именно, что въ тѣ времена на ряду съ *Vergilius* писалось также *Virgilius*.

Замѣтка Присциана наводитъ насъ на этимологию имени. Мы увидимъ, что — отъ какого бы слова мы ни производили означенное имя — оно требуетъ *e* вмѣсто *i*.

Нѣкоторые ученые, какъ напримѣръ, Глюкъ (въ сочиненіи „Die bei C. Julius Caesar vorkommenden keltischen Namen“ стр. 131), производятъ имя поэта отъ кельтскаго *vergo* = нѣмецкому *Werk*. Само по себѣ кельтское происхожденіе не представляется невозможнымъ; вѣдь Virgilii, подобно многимъ другимъ римскимъ авторамъ, происходилъ изъ Галліи togata. Въ этомъ случаѣ буква *e* была бы также необходима, какъ и въ *appellativum vergobretus*. (Caes. bell. gall. I, 16).

Но даже въ случаѣ производства этого имени отъ латинскаго, не можетъ возникать сомнѣній относительно правильности формы *Vergilius*. Ибо все равно, находится ли это имя въ связи съ *Vergiliae*, или съ *virga* или *virgo*, первоначально оно все же должно было гласить *Vergilius*.

Доклассическая латынь избѣгала не только столкновенія двухъ по звуку или по количеству одинаковыхъ гласныхъ, какъ напримѣръ *Tullii, deerro, deerrat* — и столкновенія буквъ *a* и *o* съ слѣдующею гласной, но также и такихъ звуковъ какъ *je, vi, vî* въ одномъ и томъ же словѣ, особенно въ коренныхъ слогахъ. Такъ напримѣръ, произносили, какъ извѣстно, съ самыхъ раннихъ временъ *abicio, obices* и т. д. слова, въ которыхъ сперва слышался смѣшанный звукъ изъ *j* и *i*, а впослѣдствіи простое *i*, далѣе, въ промежутокъ времени отъ древнѣйшей латыни и до позднихъ императоровъ употребляли *volt, volnus, volnus*; такимъ же образомъ говорили въ древнія времена *ver, verga, vergo*. Форма *verginis* употреблялась даже еще Луциемъ; см. XXX, стихъ 57 моего изданія. У того же сатирика, на основаніи лучшей рукописи Нонія VII, 18, я возстановилъ *verosus*, что также рекомендуется и аллитераціей (*vetulam atque verosam*). Когда же впослѣдствіи (нельзя съ точностью опредѣлить время) въ этихъ формахъ мѣсто буквы *e* заступила *i*, то прежнее произношеніе тѣмъ не менѣе продолжало существовать въ устахъ народа. Это явствуетъ изъ романскихъ языковъ (ср. Diez, Romanische Wortschöpfungen, стр. 15). Такимъ же образомъ старательно избѣгали всякой перемѣны звука въ собственныхъ именахъ. Какъ заботливо

охраняли Римляне первоначальный составъ такихъ словъ, доказывається мѣстомъ изъ Цицерона въ Orator 45, 153: quid vero licentius quam quod hominum etiam nomina contrahebant, quo essent artiora, приче́мъ, для примѣра, онъ приводитъ измѣненія имени Duellius въ Bellius и Axilla (вѣрнѣе было бы, если бы выразился онъ Ahala) въ Ala.

Это нерасположеніе измѣнять имена собственныя служить, какъ извѣстно, причиною того, что древніе поэты отъ Гомера и Гезиода до позднѣйшихъ временъ дозволяли себѣ метрическія вольности всякаго рода въ такихъ стихахъ, гдѣ наиболѣе встрѣчается именъ собственныхъ.

Итакъ, если Vergilius — древнелатинское имя (да и почему же оно должно быть моложе, чѣмъ очень древнія Verginius и Verguleius?), то имя автора Энеиды должно было звучать Vergilius, а не Virgilius. Форма Virgilius обязана своимъ происхожденіемъ не тому обстоятельству, что это имя производилось отъ слова *virgula*, но намеку на дѣвственный характеръ поэта, изъ-за котораго онъ уже при жизни получилъ въ любимомъ имъ городѣ Неаполѣ (древней Parthenope) прозвище Parthenias (Donat., vita Virg. стр. 57 Suetonii ed. Reifferscheid).

Вслѣдствіе того, если чисто латинская форма его имени несомнѣнно будетъ Vergilius, то я считаю вполне естественнымъ, чтобы во всѣхъ книгахъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, слѣдовательно назначенныхъ для ученыхъ, писалось Vergilius, а не Virgilius, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда авторы преднамѣренно не признають — что впрочемъ едва-ли можно допустить — результаты науки или правильную латынь.

Спрашивается теперь: слѣдуетъ ли также и по русски писать „Вергилій“, а не „Виргилій“, какъ это дѣлалось до сихъ поръ?

На это даетъ образцовый отвѣтъ покойный Ричль въ концѣ вышеназваннаго сочиненія объ имени этого поэта. Слѣдуетъ только вездѣ, гдѣ онъ употребляетъ слово „deutsch“, поставить слово „russisch“. Вотъ его слова: „Für heutiges Latein, *Vergilius*, nicht *Virgilius*. Aber darum auch sofort im Deutschen *Vergil* und nicht *Virgil*? Was würden wohl die Franzosen für ein Gesicht dazu machen, wenn ihnen zugemuthet würde auf einmal Aristotèle statt des gewohnten Aristote zu schreiben, oder Galène statt ihres (noch dazu so irrationellen) Galien? Und wir hätten nicht das Recht, das durchaus volksthümlich gewordene festzuhalten in *Virgil*? oder in Genitiv, in

Jupiter, in Scene u. s. w., und müssten uns, der wissenschaftlichen Erkenntniss zu Liebe, dass es allerdings im Latein genetivus, Juppiter, scaena hiess, auch im Deutschen die Schreibungen Genitiv, Juppiter, Scäne und scänisch aufzwingen? dürften am Ende nicht einmal mehr Homer und Horaz sagen statt Homeros und Horatius? sollten wohl gar auf Rom und Florenz und Neapel verzichten zu Gunsten der unzweifelhaft alten und ächten Formen Roma, Florentia, Neapolis? Möge doch nicht deutscher Pedantismus einen Schatten auf die deutsche Wissenschaft werfen, der gegen diese selbst den Spott des weiteren Kreises der Gebildeten herausfordern muss“!

Дѣйствительно, внезапное измѣненіе въ русскомъ языкѣ всѣмъ извѣстнаго Виргилія въ Вергилія показалось бы также странно, какъ если-бы кто вздумалъ, ради этимологическаго пуризма, популярныя имена Ивана и Егора измѣнить въ Іоанна и Георгія!

Л. Миллеръ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Doctrinae metricae summarium. In usum scholarum suarum conscripsit A. L. Doelen, Univ. Charcoviensis Prof. Emer.—Petropoli, typis Caesareae Academiae Scientiarum, MDCCCLXXVI ¹⁾.

Не смотря на то, что великое значеніе метрики признается всѣми филологами, на эту науку все-таки въ большей части университетовъ не обращаютъ подобающаго вниманія. Даже въ Германіи, хотя, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ университетахъ этой страны, репертуаръ филологическихъ лекцій достаточно обширенъ и разнообразенъ, наука метрики часто преподается очень неудовлетворительно: при объясненіи поэтовъ не обращаютъ на метрику должнаго вниманія, между тѣмъ какъ поводъ для этого встрѣчается на каждой страницѣ древнихъ авторовъ.

Ясно, что при такихъ условіяхъ и въ гимназіяхъ метрика проходитъ въ очень недостаточномъ объемѣ. Это потому, что научное образованіе гимназическаго учителя зависитъ — хотя и не исключительно, тѣмъ не менѣе главнымъ образомъ — отъ подготовки и направленія, полученнаго имъ въ университетѣ. Намъ извѣстенъ не одинъ дѣльный педагогъ, объясненія коего древнихъ поэтовъ въ общемъ не оставляютъ ничего желать относительно тщательности, но который путается и оказывается не твердымъ, какъ скоро приходится скандовать стихи, и по возможности совсѣмъ избѣгаетъ говорить ученикамъ о метрическихъ особенностяхъ, напримѣръ, объ *elision*, *hiatus*, *caesura*, *synizesis* и протяженіи короткихъ конечныхъ гласныхъ.

Наравнѣ съ пренебреженіемъ, въ какомъ находится метрика въ

¹⁾ Складъ этой книги находится у г. директора 2-й С. Петербургской гимназіи (на углу Демидовскаго переулка и Казанской улицы).

гимназіяхъ, почти совсѣмъ прекратились предвѣтавшія прежде въ этихъ заведеніяхъ сочиненія латинскихъ стиховъ. Конечно, въ бывшее время латинскою версификаціей злоупотребляли слишкомъ много, такъ что тратились и силы и время, которыя можно было бы употребить съ большею пользою. Само собою разумѣется, что заниматься ею слѣдовало бы не для того, чтобы образовывать изъ учениковъ поэтовъ (истинные поэтическіе таланты не нуждаются въ подобномъ побужденіи) или чтобы возбуждать ихъ самолюбіе, но съ цѣлью научить ихъ пониманію метрическаго искусства, также какъ и особенностей языка древнихъ поэтовъ. Эта цѣль достигается практическими упражненіями въ версификаціи гораздо легче чѣмъ посредствомъ преподаванія метрическихъ правилъ или внимательнаго изученія такъ называемаго *gradus ad Parnassum*. Вотъ почему приходится сожалѣть, что, за исключеніемъ романскихъ странъ и Англіи, въ гимназіяхъ почти совсѣмъ перестали заниматься латинскою версификаціей.

Чтобы не подумали, однако, что авторъ этой статьи преувеличиваетъ значеніе латинской версификаціи изъ любви къ наукѣ, которой въ теченіе многихъ лѣтъ онъ посвящалъ свои труды, можно было бы привести мнѣніе о пользѣ латинской версификаціи для гимназій, высказанное Ричлемъ во 2-мъ томѣ его *Opuscula*, стр. 677 и слѣдующія. Возвратимся однако къ нашей темѣ. Очень важно, чтобы въ русскихъ университетахъ обращали должное вниманіе на метрику съ тѣхъ поръ, какъ классическія занятія въ Россіи стали принимать все большіе и большіе размѣры. Вслѣдствіе этого мы и не можемъ не приветствовать всякій трудъ, способный оживить и возбудить у насъ занятія означеннымъ предметомъ; съ этой стороны заслуживаетъ полнаго вниманія книга, заглавіе коей выписано выше.

Извѣстно, что изслѣдователи древней метрики, которою стали ревностно заниматься, особенно въ Германіи, съ начала нынѣшняго вѣка, дѣлятся на два разряда: къ первому изъ нихъ принадлежатъ приверженцы направленія, ведущаго свое начало отъ Голфрида Германна и изложеннаго имъ въ его сочиненіяхъ, главнымъ образомъ въ „*Elementa doctrinae metricae*“ (Лейпцигъ, 1816) и въ „*Critico-tome doctrinae metricae*“ (появившейся сперва въ 1818 году, изданіе 4-е. Лейпцигъ, 1869), а ко второму—приверженцы совершенно противоположнаго направленія, выработаннаго Августомъ Бёкомъ въ его сочиненіи „*De metris Pindari*“ въ изданіи Пиндара (I, 2). Основываясь на сочиненіи Бёка, впрочемъ самостоятельно, была изложена новая теорія древней метрики Августомъ Россбахомъ и Рудольфомъ Вест-

фалемъ въ сочиненіи „Metrik der griechischen Dramatiker und Lyriker nebst den begleitenden musischen Künsten“ (Лейпцигъ, 1854—1865), сочиненіи, которое появилось нынѣ во второмъ изданіи подъ заглавіемъ „Metrik der Griechen im Verein mit den übrigen Künsten“ (1867—1868). Къ теоріи этихъ двухъ ученыхъ въ главныхъ чертахъ примкнулъ и Генрихъ Шмидтъ.

Между тѣмъ какъ Бёкъ теорію свою основывалъ на ученіяхъ древнихъ музыковъ, ритмиковъ и философовъ, а Россбахъ-Вестфаль и послѣдователи ихъ главнымъ образомъ на законахъ древней и новой музыки и ритма, предоставляя при этомъ обширное поле своимъ субъективнымъ воззрѣніямъ, Германнъ поступилъ совершенно иначе. Руководясь при составленіи своей системы метрики философскими соображеніями и по возможности мало соображаясь съ музыкой, онъ обратилъ особенное вниманіе, съ одной стороны, на всестороннее изученіе древнихъ грамматиковъ и метриковъ, а съ другой—на точное изслѣдованіе метрическихъ законовъ у различныхъ поэтовъ. На избранномъ имъ пути имѣлъ онъ уже многихъ предшественниковъ, особенно между английскими филологами. Въ числѣ ихъ особенно почетное мѣсто занимали Рихардъ Бентлей, Рихардъ Порсонъ и Эльмслей, изъ коихъ первый проложилъ путь правильному пониманію метрики древнихъ римскихъ поэтовъ, преимущественно древнихъ драматиковъ (достаточно упомянуть объ его изданіи Теренція), а два другіе оказали незабвенныя услуги метрикѣ греческихъ драматиковъ.

Не только систематическими своими изслѣдованіями, но и многочисленными изданіями древнихъ стихотвореній содѣйствовалъ Германнъ разъясненію метрическихъ законовъ классической поэзіи; авторитетъ его побудилъ многихъ ученыхъ къ спеціальнымъ изысканіямъ на основаніи его метода. До сихъ поръ не нашлось, однако, ни одного филолога, который *снова* предпринялъ бы составленіе системы метрики по методу Германна. Однако у него не было недостатка въ послѣдователяхъ по отношенію къ изученію римской метрики, которая въ изслѣдованіяхъ Германна была менѣе принимаема въ соображеніе. Въ духѣ Германна старался установить Ричль метрическіе законы древне-римскихъ драматиковъ, между тѣмъ какъ Лахманъ и (на сколько у него хватило силъ) авторъ предлагаемой статьи занимались метрикой римскихъ дактиликовъ. На римскихъ поэтовъ какъ Бёкъ, такъ и послѣдователи его, обратили въ своихъ трудахъ крайне недостаточное вниманіе.

Трудъ профессора Дёллена, оказавшаго немаловажныя услуги

классицизму въ Россіи. трудъ, предназначавшійся сперва для употребленія при собственныхъ лекціяхъ, извлеченъ преимущественно (о чемъ и упомянуто въ краткомъ предисловіи) изъ Германновской „Eritome doctrinae metricae“, откуда нѣкоторыя мѣста заимствованы почти цѣликомъ. Также и въ распредѣленіи матеріала профессоръ Дёлленъ въ главныхъ чертахъ руководствуется книгою Германна. На стр. 10—32 изложена „doctrinae metricae pars generalis“, затѣмъ слѣдуетъ (33—128) „doctrinae metricae pars specialis“; отдѣлъ этотъ заканчивается метрическимъ анализомъ двухъ гимновъ Пиндара (Оlymp. III и II) и двухъ хоровыхъ пѣсней Эсхила (Choëph., 319 сл.) и Софокла (Antig. 944 и сл.). Впрочемъ, хотя трудъ этотъ и почерпнуть большею частью изъ книги Германна, онъ все-таки заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя дополненія и исправленія. Послѣднія были необходимы уже потому, что со времени Германна тексты поэтовъ, и главнымъ образомъ греческихъ драматиковъ, существенно измѣнились.

Многими значительными дополненіями авторъ обязанъ академику г. Августу Нанку. Не маловажное прибавленіе составляетъ краткій обзоръ древнихъ и новыхъ руководствъ по метрикѣ и прочихъ вспомогательныхъ средствъ по этой наукѣ (стр. 1—10). Что касается латинской метрики, то здѣсь слѣдовало бы упомянуть о комментаріи Лахмана на Лукреція, ибо хотя это сочиненіе и не содержитъ никакой системы метрики, но за то отличается обиліемъ драгоценныхъ наблюденій и подробностей и вообще полезно при изученіи римскихъ поэтовъ. Въ остальной части книги не рѣдко дѣлаются ссылки на метрическія монографіи. Такимъ образомъ тѣмъ, которые, не ограничиваясь разбираемымъ сочиненіемъ, желали бы подробнѣе изучить метрику, облегчена возможность познакомиться и съ остальною литературой, касающеюся этого предмета.

Такъ какъ Eritome Германна мало распространена у насъ, то трудъ г. Дёллена, отличающійся краткостью и точностью, можетъ быть пригоденъ какъ руководство по метрикѣ не только для употребленія въ нашихъ университетахъ, но и при самообученіи. По крайней мѣрѣ я твердо держусь того мнѣнія, что для начальнаго филологическаго изученія метрики гораздо болѣе всякой другой методъ пригодна метода Германна, которая, будучи въ сущности индуктивною, главнымъ образомъ направлена на спеціальное изслѣдованіе отдѣльныхъ метровъ и вездѣ, при разборѣ стиховъ классическихъ поэтовъ, обращаетъ особенное вниманіе на языкъ. Различныя же гипотезы объ отношеніи метрики къ музыкѣ и ритму, какъ бы остро-

умно придуманы и защищаемы онѣ ни были, для практической потребности учителя приносятъ очень мало пользы; въ гимназіяхъ же онѣ ни къ чему не годны. О томъ на сколько сравненіе древней и новой музыки или ритмики способствуетъ пониманію метрической композиціи одъ Пиндара, хоровыхъ пѣсенъ въ греческой драмѣ, сапфоиди Плавта, авторъ этой статейки судить не можетъ, ибо не знаетъ музыки. Онъ можетъ только завѣрить, что для дактилическихъ, анапестическихъ, трохаическихъ, ямбическихъ и логоэдическихъ метровъ, то-есть, для тѣхъ, которые почти исключительно встрѣчаются въ гимназическомъ преподаваніи, изслѣдованіе метрики по принципамъ Германна даетъ вполне удовлетворительные результаты. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что вообще со времени Александрійцевъ музыка и метрика почти вездѣ расходились и каждая изъ этихъ наукъ шла своимъ путемъ. Если же почти всѣ поэты александрійскаго и римскаго времени (напримѣръ, Гораций) чрезвычайно часто говорятъ о пѣни и пѣняхъ, это обстоятельство ничего не измѣняетъ въ томъ фактѣ, что музыка на ихъ метрику не имѣла ни малѣйшаго вліянія.

Итакъ, если руководство для изученія метрики по принципамъ Германна можетъ быть преимущественно рекомендовано для пракческаго употребленія филологовъ, то и метода Германна одинаково побуждаетъ къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ всѣхъ тѣхъ, кто склоняетъ къ самостоятельному мышленію. Ибо именно подробности метрическаго искусства каждаго отдѣльнаго поэта древности служатъ далеко еще не исчерпаннымъ источникомъ для изслѣдованій.

Какъ въ трудѣ Германна, такъ и въ книгѣ г. Дёллена особенное вниманіе обращено на греческую метрику; римской же касаются они только мимоходомъ. Вслѣдствіе того нельзя удивляться, что касательно этой послѣдней изъ книги Германна заимствовано г. Дёлленомъ кое-что такое, что во всякомъ случаѣ представляется очень сомнительнымъ въ виду результатовъ современной науки. Такъ, напримѣръ, все сказанное на стр. 17-й о правилахъ, соблюдаемыхъ въ концѣ стиховъ, могло бы быть еще точнѣе опредѣлено по *cl. g. m. poet. lat.* стр. 181, 82. Замѣчу при этомъ, что въ указанномъ мѣстѣ цитируемый мною примѣръ *Hor. Sat. II, 3, 117, 18:*

*stramentis incubet unde
octoginta annos natus, cui stragula vestis*

слѣдовало бы пропустить, ибо конъектура Мейнеке „*stramentis*

incubet ulvae“ оказывается необходимою уже по самому смыслу. Иначе не понятно, почему Гораций для обозначенія здѣсь преклонныхъ лѣтъ старца упоминаетъ о возрастѣ 78-лѣтнемъ, вмѣсто — какъ это обыкновенно дѣлается—80-тилѣтняго возраста.

На стр. 26 говорится о совпаденіи или несовпаденіи грамматическаго ударенія съ поэтическимъ ритмомъ, а главнымъ образомъ съ ритмомъ *arsis*'а слѣдующее:

Apud Romanos poëtae antiquiores multum ex accentu pendebant, recentiores vero, etiamsi accentum negligebant, tamen eum respicere non prorsus omittebant, id saltem spectantes, ut in finibus versuum arses in iisdem essent syllabis, quae cum accentu proferrentur, quod quidem in initiis versuum et in mediis versibus minime observabant.

Это мнѣніе Бептлея и Германна дѣйствительно еще и теперь, сколько намъ извѣстно, было защищено величайшимъ авторитетомъ въ области латинской филологіи Ф. Ричлемъ; однако, относительно этого часто высказывались и сомнѣнія, главнымъ образомъ, Корсеномъ (*Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung der lateinischen Sprache* II, 498 сл. 2-го изданія) и авторомъ предлагаемой статьи, (d. r. m. стр. 205 сл.), придерживающимся того взгляда, что совпаденіе грамматическаго ударенія и поэтическаго ритма, встрѣчающееся часто въ стихахъ римскихъ поэтовъ, основано на совершенно иныхъ причинахъ, чѣмъ соображеніе съ прозаическимъ произвошеніемъ въ латинскомъ языкѣ,—причинахъ, распространяться о которыхъ здѣсь не мѣсто. Касательно метрики древнелатинскихъ комиковъ слѣдовало бы упомянуть о чрезвычайно важныхъ изслѣдованіяхъ Ричля и о тѣхъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, которыя по поводу работъ Ричля, въ подтвержденіе или опроверженіе его взглядовъ, трактовали о метрикѣ Плавта и Теренція.

Такъ какъ для практическаго употребленія преподавателей главнымъ образомъ принимается въ соображеніе метрика римскихъ поэтовъ, то авторъ этой статьи намѣренъ издать въ скоромъ времени краткую латинскую метрику, при чемъ будетъ принята въ соображеніе и метрика греческая; онъ надѣется, что книжка его встрѣтитъ радужный приемъ въ педагогическихъ кружкахъ.

Въ концѣ книги г. Деллена—книги, которую по вышеизложеннымъ причинамъ мы еще разъ рекомендуемъ наставникамъ — помѣщенъ *index*. Напечатана она вообще очень аккуратно; нѣкоторыя же опечатки не мѣшаютъ, по крайней мѣрѣ, пониманію текста.

Л. Миллеръ.

Полный русско-латинскій словарь съ приложеніемъ словаря собственныхъ географическихъ, историческихъ и мнѳологическихъ именъ, встрѣчающихся въ римской литературѣ. Составленъ *А. И. Орловымъ*. Изданіе книгопродавцевъ Салаевыхъ. Москва, 1876.

Для кого и для чего изданъ словарь, заглавіе коего выписано выше, и нуженъ ли онъ въ настоящее время? Вопросъ этотъ естественно предсталъ намъ, когда принялись мы разсматривать его, но къ сожалѣнію, мы не нашли на него отвѣта въ самой книгѣ. Авторъ не счелъ нужнымъ предпослать своему труду хотя небольшое введеніе, или, по крайней мѣрѣ, краткія замѣтки о цѣли, которую имѣлъ онъ въ виду. Словарь названъ полнымъ русско-латинскимъ словаремъ,— и только. Но слово „полный“ слишкомъ неопредѣленно и потому не ясно; оно общаетъ много, но не обозначаетъ, въ чемъ именно заключается это многое; оно не разъясняетъ даже, въ какомъ смыслѣ надобно понимать его: въ томъ ли, что словарь принялъ на свои страницы всѣ слова русскаго языка и переложилъ ихъ съ такою же полнотою на латинскій; или въ томъ, что латинскія слова и обороты, внесенныя въ словарь, исчерпываютъ всю латинь, всю ея фразеологию, начиная съ Андроника и кончая паденіемъ римской имперіи? Мы увидимъ, что Словарь далеко не удовлетворяетъ такому пониманію слова „полный“; что въ немъ напротивъ не только не исчерпано богатство латинскаго языка, но, по нѣкоторымъ отдѣламъ, оно едва затронуто; что очень многое упущено, ко многому едва прикоснулась рука составителя, многое понято не такъ, какъ слѣдуетъ.

Что касается до выставленныхъ нами вопросовъ: „для кого и для чего изданъ словарь“, то они не только не праздны, но существенно связаны съ установленіемъ правильнаго взгляда на книгу. Вѣдь всякая работа, всякое дѣло должно имѣть цѣль; слѣдовательно нужно и разсматривать ихъ сообразно съ тою цѣлію, для которой они предприняты. Это до такой степени ясно, что вполне справедливо можно упомянуть здѣсь о словахъ Горация (*Sat.* 1, 7, 3): *orinog omnibus et lippis notum et tonscribis esse*. То же самое правило вполне естественно примѣняется и къ составленію русско-латинскаго словаря. Принимаясь за него, нужно было предварительно уяснить себѣ, для чего и для кого онъ будетъ нуженъ, но составитель не сдѣлалъ этого; онъ не послушалъ совѣта Салустія: *priusquam incipias consulto, et ubi consulueris, mature facto opus est*, и тѣмъ лишилъ и себя руководящей идеи, и у насъ отнял средство вполне правильно судить объ его трудѣ.

По нашему личному убѣжденію, каждый составитель русско-латинскаго словаря, приступая къ исполненію своей задачи, можетъ имѣть въ виду только три цѣли, именно: онъ составляетъ словарь или для того, чтобы его трудъ послужилъ надежнымъ пособіемъ лицамъ, которые имѣютъ надобность на столько овладѣть латинскимъ языкомъ, чтобы говорить на немъ; или для того, чтобы онъ служилъ по возможности полнымъ и обстоятельнымъ руководствомъ для преподавателей латинскаго языка въ гимназіяхъ; или, наконецъ, чтобы онъ оказался полезнымъ гимназистамъ двухъ-трехъ высшихъ классовъ, для ихъ классныхъ и домашнихъ переводовъ съ русскаго на латинскій. Другихъ цѣлей мы не можемъ себѣ представить. Но такъ какъ и указанныя не одинаковы въ тѣхъ требованіяхъ, которыми обуславливается достиженіе каждой изъ нихъ, то, очевидно, и приемы для удовлетворенія имъ со стороны составителя словаря не могутъ быть одинаковы. Никто, я думаю, не будетъ оспаривать, что годное въ словарѣ для преподавателя можетъ быть не только не пригодно, но и бесполезно для ученика, и на оборотъ, что словарь, составленный съ цѣлю помочь писанію и говоренію по латинѣ, тоже имѣетъ свои особенныя требованія, которыя налагаютъ на составителя необходимость вносить въ него много такого, чего не слѣдуетъ допускать въ словаряхъ первой и второй категоріи.

Судя, впрочемъ, по нѣкоторымъ даннымъ, напримѣръ, по тому что въ Словарѣ помѣщены слова, относящіяся къ естественнымъ наукамъ вообще, можно придти къ заключенію, что г. Орловъ, принявшись за свой трудъ, имѣлъ въ виду не одну только гимназію; ему хотѣлось, мнѣ кажется, составить словарь, который былъ бы годенъ и для гимназій и для лицъ, имѣющихъ надобность говорить и писать по латинѣ. Этимъ, кажется, можно объяснить и названіе Словаря полнымъ, и помѣщеніе въ немъ словъ, относящихся къ естественнымъ наукамъ, или означающихъ такія должности, которыхъ у Римлянъ не было и съ которыми не придется имѣть дѣла ни гимназисту, въ своихъ занятіяхъ латинскимъ языкомъ, ни преподавателю латинскаго языка въ гимназіи на урокахъ, какъ напримѣръ, генераль, генераль-адъютантъ, генераль отъ инфантеріи, отъ кавалеріи, генераль-лейтенантъ-фельдцейхмейстеръ, полковникъ, капитанъ и пр. Но г. Орловъ забылъ благоразумную пословицу: „погонишься за двумя зайцами, ни одного не поймашь“. Онъ хотѣлъ достигнуть разомъ всѣхъ трехъ цѣлей, указанныхъ выше, и не достигъ ни одной.

Составлять словарь русско-латинскій исключительно для того,

чтобы онъ служилъ пособіемъ для желающихъ выучиться говорить и писать по латинѣ, значило бы, во моему, *oleum et organum perdere*. Кто у насъ въ настоящее время ощущаетъ надобность приобрѣсти знаніе латинскаго языка именно съ этою цѣлію? Кому предстоитъ нынѣ настоящая необходимость излагать науку на латинскомъ языкѣ?

Съ другой стороны, всякій признаетъ, конечно, вполне практичнымъ и современнымъ составленіе русско-латинскаго словаря для гимназій, но мы думаемъ, что изъ двухъ цѣлей, которымъ придется удовлетворить въ этомъ случаѣ, надо имѣть въ виду прежде всего и преимущественно учениковъ высшихъ классовъ гимназій. Почему же такъ? А потому, что при теперешней нашей бѣдности, или правильнѣе, полномъ нищенствѣ русско-латинскими словарями, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду тѣхъ, кто болѣе нуждается въ нихъ, а такими оказываются ученики гимназій. Преподаватели могутъ пользоваться пособіями на латинскомъ языкѣ, напримѣръ, комментаріями къ древнимъ авторамъ, словарями, какъ общими, такъ и специальными; большинство ихъ владѣетъ вѣроятно нѣмецкимъ языкомъ, при содѣйствіи коего для нихъ открыты всѣ сокровища нѣмецкой литературы по классической филологіи. Ученики находятся совсѣмъ въ другомъ положеніи; они являются на экзаменъ съ тѣми знаніями, какіи успѣли приобрѣсть въ школѣ; эти знанія должны быть не малы для полученія аттестата зрѣлости; они должны обладать довольно значительнымъ запасомъ словъ и фразъ, чтобы удачно составить латинское *extemporale* на окончателномъ экзаменѣ. Если бы имѣли мы русско-латинскій словарь, составленный именно для учениковъ, то успѣшное преподаваніе латинскаго языка въ гимназіяхъ много выиграло бы отъ того. Оно и понятно: то, что теперь, при недостаткѣ словарей, приходится преподавателю сообщать изустно, а ученикамъ записывать, они имѣли бы у себя въ словарѣ постоянно передъ глазами и могли бы пользоваться имъ.

Какой же было бы желательнo имѣть русско-латинскій словарь для гимназистовъ высшихъ классовъ? Произведенія какихъ латинскихъ авторовъ должны служить основой для него? Какими періодами римской литературы нужно при этомъ ограничиваться? Если бы дѣло шло только объ ученикахъ гимназій, и притомъ высшихъ классовъ, то было бы не трудно отвѣчать на упомянутые вопросы. Въ гимназіяхъ читаются лишь авторы, принадлежащіе къ извѣстному періоду римской литературы, а именно: писатели такъ называемаго

золотаго вѣка, или, что то же, Цицероновскаго и Августовскаго. Вотъ они-то исключительно и должны доставить матеріаль для словаря. Такъ какъ произведенія этихъ писателей касаются исторія, философіи, различныхъ нравственныхъ вопросовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ состоятъ въ частной перепискѣ и въ рѣчахъ судебныхъ и политическихъ, то и выборъ словъ для русско-латинскаго словаря, предназначеннаго для гимназій, долженъ ограничиться исторіею и географіею, древностями, филологіею, ораторскимъ искусствомъ. Составитель разбираемаго нами Словаря, ограничивъ себя этими предѣлами, выигралъ бы много мѣста въ немъ для того, чтобы подробнѣе изложить слова и обороты, которые касаются упомянутыхъ сторонъ древней римской жизни и которые постоянно встрѣчаются ученику въ его учебной практикѣ; онъ не внесъ бы такихъ словъ, которые ученику никогда не понадобятся при переводахъ съ русскаго на латинскій, какъ напримѣръ: аббать, аббатиса, аббатство, абоннементъ, абонировать, авдотъка (птица), аврамово дерево, авранъ (растеніе), агарь (куликъ, бекасъ, съ повтореніемъ три раза *scolorax* при всѣхъ словахъ), адамантъ, адамова голова (растеніе), аденологія (наука о желѣзахъ), адресъ-календарь, адресъ-контора, акцептація (тутъ же полученіе, квитанція, контрмарка, переведенныя на латинскій не одними и тѣми же словами, напримѣръ, акцептація *acceptatio*, квитанція *aroscna*, *acceptilatio*, *resantum*, *relatoria*, контрмарка *relatoria*, *acceptilatio*), аиствиль (растеніе), палытельный *glabratorius*, котораго мы не отыскали и въ словаряхъ латинскаго языка, палья (рыба), палтусъ (рыба), палочникъ (растеніе), картузь (арех! *Risum teneatis amici!*), карантинъ, и пр. Эти и подобныя имъ слова, которыхъ въ Словарѣ г. Орлова можно набрать многое множество, совершенно излишни; они составляютъ балластъ, который, умноживъ число печатныхъ листовъ, лишь возвысилъ цѣну Словаря, не прибавивъ ничего къ внутреннему его достоинству. Мы не желаемъ сказать, что русско-латинскому словарю должны быть чужды слова, относящіяся къ естественнымъ наукамъ; напротивъ, мы думаемъ, что и ихъ надобно помѣщать даже въ такомъ русско-латинскомъ словарѣ, который преслѣдуетъ пользу и потребности исключительно гимназистовъ; только мы полагаемъ, что въ него должны войти тѣ только слова изъ области естествовѣдѣнія, которыя встрѣчаются у читаемыхъ авторовъ; мы думаемъ, что и Старшаго Плинія нужно обходить, ибо если начнемъ черпать изъ него, то придется составлять особый словарь. Вотъ почему въ словѣ „жаба“ въ Словарѣ г. Орлова мы считаемъ лишнимъ *bufo*, которое встрѣчается едва ли

не въ одномъ только мѣстѣ у Виргиліа. именно Georg. I, 184; по крайней мѣрѣ Форбигеръ въ примѣчаніи къ этому мѣсту говоритъ: praeter hunc locum nusquam videtur commemorari. Къ чему помѣщены angina, squinantia, synanchicus? Къ чему слова: жабикъ (кам.) ichtuolithus bufonites, жабинецъ (раст.) ranunculus bulbosus, жабникъ (раст.) filago, quinquifolium, жабрей (раст.) antirrhinum genistipholium, thejium, жаглица (раст.) lenociera, жаръ-птица strathio casuarius, вѣроятно struthio, жгунъ (раст.) carpicum, жгучка (раст.) urena, желтобрюшка (п.) motacilla citreola, желтоцвѣтъ (рыба) exocoetus, желѣзнякъ (раст.) verbena officinalis, ferraria herba, желѣзнякъ (дер.) robinaria frutescens, живика sideritis (встрѣчается у Плинія, и притомъ въ различныхъ значеніяхъ), живокость (раст.) symphytum, животно-растеніе zoophytum, живучка (раст.) aluga, жигунецъ (раст.) anthemis pyretum и пр.?

Далѣе, чтобы русско-латинскій словарь, а тѣмъ болѣе „полный“, могъ удовлетворять самимъ насущнымъ потребностямъ не только учащихся, но и всѣхъ, которые станутъ обращаться въ нему, онъ долженъ содержать богатую фразеологію латинскаго языка. Если бы словарь назначался для гимназій, то мы желали бы чтобы и фразеологія въ немъ была заимствована изъ тѣхъ же писателей, которые читаются въ гимназіяхъ. Къ сожалѣнію, Словарь г. Орлова совершенно упустилъ изъ виду фразеологію; вошедшія въ него слова почти не сопровождаются подборомъ фразъ; а если и встрѣчается это, то какъ-то случайно, и притомъ далеко не съ надлежащею полнотою. Въ подтвержденіе этого приведемъ нѣсколько примѣровъ. Беремъ слово „война“, которое, замѣтимъ, наиболѣе обставлено въ словарѣ фразами; въ немъ не оказывается очень многихъ оборотовъ, связанныхъ съ bellum, и притомъ обще-употребительныхъ. Мы замѣтили слѣдующіе пропуски: морская война bellum maritimum, война съ Галлами bellum Gallicum, cum Gallis gestum, бурные споры съ трибунами bellum tribunicium, война за родину и вѣру bellum pro patria religionibus (pro sacris) susceptum, justum bellum дѣйствительная война Liv. III, 12, 9; какъ въ мирное, такъ и въ военное время et domi et militiae, et domi et belli; равно великъ и въ мирѣ и въ войнѣ—magnus bello, nec minor pace; помышлять о войнѣ—ad bellum animum intendere, de bello cogitare, ad belli cogitationem se recipere; пропущены: consilium de bello inire, bellum commovere, excitare, facere cui; bellum apparare, comparare, instituire, adornare; не упомянуто, какая разница между bellum iubere и discernere; пропущены bellum denuntiare, bellum inchoare и мно-

гое другое, чего мы не выписываемъ. Беремъ слово „войско“, и здѣсь встрѣчаемъ ту же неполноту самыхъ употребительныхъ въ латинскомъ языкѣ оборотовъ; г. Орловымъ пропущены: *coriae pedestres, equestres, pedestres equestresque, pedestres navalesque; milites educere in expeditionem; expeditionem suscipere; castra movere* сняться съ лагеря чтобы идти въ походъ; *exercitum ducere, exercitui praeesse; exercitum scribere, milites scribere, legere; delectum habere; exercitum colligere, conficere, parare, comparare; exercitum — milites lustrare, recensere; exercitui supplimentum scribere, exercitum reficere, supplere; aciem instruere, instituere; milites mittere; missos facere, militibus missionem dare, milites exauctorare*. Беремъ еще слово „должность“; напрасно стали бы мы искать: *petere honorem, ad rem publicam accedere, rempublicam capessere; munus cui deferre — mandare; munus — magistratum inire; munus suscipere; munus obire, sustinere, munere fungi, magistratum gerere* и многое другое. Этихъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы убѣдиться, что „полный“ русско-латинскій словарь г. Орлова не только не можетъ быть названъ полнымъ, но даже обстоятельнымъ и подробнымъ.

Русско-латинскій словарь, для кого бы онъ ни назначался, будетъ ли онъ краткій, или полный, долженъ къ данному русскому слову не только подобрать однозначущія латинскія слова, но и объяснить различіе между ними, то-есть, воспользоваться синонимикою латинскаго языка, во всей ея полнотѣ, на сколько она теперь разработана, на томъ основаніи, что только синонимика дастъ возможность правильно выбирать то или другое слово, ту или другую фразу. Русско-латинскій словарь безъ синонимики не только не окажетъ никакой услуги обращающемуся къ нему, но значительно его затруднитъ и, вмѣсто правильнаго руководства и указанія, введетъ въ грѣбъ ошибки. Словарь г. Орлова, съ этой стороны, крайне недостаточенъ; въ немъ не обращено ни малѣйшаго вниманія на синонимику; однозначалція латинскія слова набраны въ немъ какъ попало, безъ всякаго объясненія, не рѣдко безъ точнаго перевода по русски. Чѣмъ же слѣдуетъ руководиться въ томъ случаѣ, когда нужно выбрать именно подходящее слово изъ тѣхъ, какія найдутся въ словарѣ? Очевидно, нужно будетъ дѣйствовать на обумъ. Синонимика принесла бы ученику пользу и въ томъ отношеніи, что приучила бы его вдумываться въ значеніе словъ и сравнивать ихъ. Мы, преподаватели латинскаго языка, сильно ошибаемся, если думаемъ, что ученику достаточно имѣть воспримчивую память, чтобы

совладѣть съ латинскою фразою. Въ многолѣтней моей практикѣ мнѣ приходилось замѣчать совѣтъ иное. Память сама по себѣ, предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, не приводитъ къ желаннымъ результатамъ при изученіи латинскаго языка; но вспомошествоемая соображеніемъ и способностію сравненія, она приноситъ прочныя плоды, которые не легко утрачиваются, и даже, въ случаѣ утраты, не проходятъ безслѣдно для умственнаго развитія. Съ этой стороны словарь г. Орлова не можетъ привести пользы; онъ не дастъ никакого годнаго для употребленія матеріала ни ученику, ни преподавателю, а тѣмъ менѣе тому, кто захотѣлъ бы воспользоваться имъ съ практическими цѣлями. Въ словарь этомъ слова нагромождены безъ всякаго порядка, безъ сортировки; къ словарю г. Орлова нуженъ другой словарь въ лицѣ опытнаго и свѣдущаго преподавателя.

Въ доказательство, кромѣ уже приведенныхъ нами примѣровъ, укажемъ еще нѣсколько, заимствуя ихъ изъ разныхъ мѣстъ словаря:

Похороны, *funus*, *parentatio*, *funeratio*, *exsequiae*, *ferale tempus*, *sepultura*, *inhumatio*. Семь словъ, означающихъ, по словарю, одно и то же русское слово—похороны; почти тѣ же слова приведены и въ словѣ *погребеніе*, но прибавлены еще *funestatio*, *humatio*, *illatio*. Несостоятельность словаря оказывается изъ того, что слова, которыми г. Орловъ перевелъ „похороны“ набраны какъ попало, именно: послѣ *funus* поставлено *parentatio* и т. д.; въ томъ, что не объяснено различіе между ними; наконецъ въ томъ, что одни и тѣ же слова повторены два раза безъ всякой надобности. Латинскія слова, набранные для выраженія „похороны“, означаютъ не одно и то же, что и слѣдовало указать. Такъ: 1) *funus*, какъ греческое ἐκφορά, значитъ: выносъ тѣла покойника (въ словарѣ нѣтъ слова выносъ), похороны его; *exsequiae funeris*, или просто *exsequiae*, похоронное шествіе, — провожающіе покойника до могилы родные, друзья, знакомые, а если это сопровождалось торжественною пышностію, напримѣръ, ликторами, одѣтыми въ черныя одежды, музыкантами, несеніемъ за покойникомъ *imaginum maiorum*, что исполняли актеры, походившіе ростомъ и фигурою на покойника, надѣвавшіе себѣ на голову эти *imagines*, то это называлось *pompa*, или *pompa funeris*. Поэтому, *cadaver spoliatum imaginibus, exsequiis, pompa, laudatione*. Cic. Mil. XIII, 33. См. примѣч. Фелькеля. Ср. XXXII, 86, *sine imaginibus, sine cautu atque ludis, sine exsequiis, sine lamentis, sine laudationibus, sine funere*. У Овидія (*Fasti* VI, 663) *pompa funeris*. Nep. Att. 22, *sine pompa*

funeris; Tacit. Ann. III, 5, publici funeris pompa. См. Doederlein, Lateinische Synonyme und Etymologien, IV, 408.—2. *Погребеніе, зарытіе въ землю* называется по латинѣ *sepultura* и *humatio*, первое какъ обрядъ погребенія, второе какъ исполненіе его, и потому оба слова соединяются, какъ у Cic. Tusc. Quaest. 1, 43, 102, de humatione et sepultura dicendum. Какъ обрядъ погребенія, *sepultura* соединяется съ различными оборотами, напримѣръ: *corpus ad sepulturam (sepulturae) dare, honore sepulturae carere, sepulturae honorem tribuere, sepulturam perficere* и пр. См. Forcel. Плиніи Н. Н. VII, 55. *Sepultus intelligitur quoquo modo conditus, humatus vero humo tectus*. Слово же *inhumatio*, которое приводитъ г. Орловъ, мы не отыскали ни въ общихъ, ни въ частныхъ словаряхъ; есть *inhumare*, оно встрѣчается у Старшаго Плинія въ значеніи *infodere in terram, terra obruere*, Plin. Н. Н. XVII, 30, 3. *inhumare taleas*, но очевидно, не въ смыслѣ погребать покойника; есть *inhumatus*, въ значеніи не погребенный, оставленный безъ погребенія, *insepultus, non humatus*, см. Cic. Tusc. 1, 43, 104, *proici se jussit inhumatum*, то-есть, Diogenes Cynicus. Справ. Cic. Phil. 14, 13; у Virg. Aen. 1, 353; III, 67; VI, 316. 325. 373; но *inhumatio* нѣтъ.—*Parentatio* встрѣчается только у Тертуліана и значить: поминки, поминаніе, отъ *parentare*, которое значить *iusta parentibus cognatisque et affinibus vita defunctis ad eorum sepulcra persolvere*, совершать поминки по усопшемъ. Такимъ образомъ, *parentatio* не значить похороны умершаго, какъ читается въ русско-латинскомъ словарѣ г. Орлова и въ словарѣ Ананьева, Яснецкаго и Лебединскаго.—*Funeratio* дѣйствительно значить то же, что *humatio*, но встрѣчается только у Марціана Капеллы, то-есть, въ первой половинѣ V-го столѣтія по Р. X. Что *funeratio* то же что *humatio*, положительно можно утверждать на томъ основаніи, что *funerare* въ значеніи погребать, закапывать въ землю, встрѣчается у Светонія, Плинія Старшаго, Сенеки, Валерія Максима.—Наконецъ *ferale tempus* есть поэтическое выраженіе, встрѣчающееся у Овидія, Fast. V, 486, гдѣ, по нашему мнѣнію, оно вовсе не значить „похороны“ въ собственномъ смыслѣ, а все время поминокъ, поминальныхъ дней. Что касается словъ *funestatio* и *illatio*, приведенныхъ г. Орловымъ въ значеніи погребенія, то первое совсѣмъ не употребляется у латинскихъ писателей, за исключеніемъ Фирмиуса Матерна, жившаго при Константинѣ Великому, а второе т. е. *illatio* и не значить въ собственномъ смыслѣ погребеніе, а принесеніе умершаго въ то мѣсто, гдѣ его схоронять: *illatio mortui sepulturae causa*; слѣдовательно далеко

не то, что Римляне связывали съ *funus*. По моему мнѣнію, гораздо умѣстнѣе было бы, если бы составитель отнесся съ большею отчетливостію къ словамъ, собраннымъ у него подъ рубрикою похорони и погребеніе; онъ понималъ бы, что нѣкоторыя изъ нихъ попали совсѣмъ не на свое мѣсто, а другія безъ всякаго ущерба можно было бы и не помѣщать, напримѣръ, *funestatio*, *illatio*, *funeratio*, *ferale tempus*; вмѣсто ихъ лучше было бы помѣстить слѣдующіе обороты съ переводомъ на русскій языкъ: *celebritas supremi diei*, *funus amplum*, *apparatissimum*, *honestum*, *funus exsequiis celebrare*, *funus cui facere*, *ducere*, *funus exsequi*, *exsequias comitari* и пр.

Беззаконіе *scelus*, *nefas*, *profanum*, *sceleritas*; преступленіе *delictum*, *maleficium*, *facinus*, *scelus*, *crimen*, *noxia*, *noxitudo*, *peccantia*, *peccatum*, *commissum*, *violatio*; грѣхъ *peccatum*, *delictum*, *flagitium*, поводъ ко грѣху *scandalum*; проступокъ *delictum*, *crimen*, *culpa*, *noxa*, *vitium*, *admissum*, *error*, *peccatum*, *praevaricatio*; вина (проступокъ) *culpa*, *noxia*, *nocentia*, *noxitudo*, *crimen*, *vitium*, *delictum*, *reatus*, *admissum*; порокъ *vitium*, *crimen*, *dedecus*, *mendum*, *menda* (физическій). Мы видимъ, что одно и то же слово приводится здѣсь съ различными значеніями, напримѣръ, *crimen* значить и преступленіе, и проступокъ, и вина, и порокъ; *scelus* и беззаконіе и преступленіе; *noxia* преступленіе и вина; *culpa* проступокъ и вина; *delictum* преступленіе и вина. Чѣмъ же руководиться при выборѣ нужнаго слова? Не справедливо ли мы замѣтили выше, что къ русско-латинскому словарю г. Орлова нуженъ другой словарь въ лицѣ опытнаго преподавателя? Отчего же это произошло? Очевидно отъ того, что г. Орловъ не считалъ нужнымъ приложить объясненія къ однозначущимъ латинскимъ словамъ, не уяснилъ себѣ надлежащимъ образомъ значенія русскихъ словъ, чтобы сообразно съ этимъ подбирать и латинскія. Оттого у него подъ преступленіе подошли и *peccatum*, и *delictum*, и *commissum*; оттого *delictum* означаетъ у него и преступленіе, и грѣхъ, и вину, и проступокъ; оттого порокъ переводится словами: *vitium*, *crimen*, *dedecus*, *mendum*, *menda* съ прибавленіемъ „физическій“, какъ будто *vitium* не значить тоже порока, недостатка въ физическомъ отношеніи, какъ будто не говорятъ *vitium corporis*, *vitia per totum corpus orientis*, *vitia aedificiorum*, *vitium corporis aegri*, то-есть, *caecitas*, *claudicatio*, *pravitas membrorum*, *vitium in parietibus*. Если *vitium* и *menda* означаютъ тѣлесный недостатокъ, то г. Орлову слѣдовало указать, различаются ли они въ этомъ отношеніи, или нѣтъ?

Сверхъ того, г. Орловъ вноситъ въ словарь такія слова, кото-

рыхъ преподавателю, а тѣмъ менѣе ученику, никогда не придется употреблять. Табъ *sceleritas* встрѣчается въ Digest. XLVIII, 21. 3. и то не въ значеніи беззаконія, какъ у г. Орлова и у гг. Лебединскаго, Яснецкаго и Анапнина, а въ значеніи преступности: *non enim facti sceleritatem esse obnoxiam, sed conscientiae metum in reo velut in confesso teneri placuit. Noxistudo* приводится въ словаряхъ только разъ. Ср. Forcell., Georges. *Peccantia* находимъ у Тертуліана, и то не въ томъ значеніи, какое даетъ ему г. Орловъ, помѣщая его подъ преступленіе.

Иногда г. Орловъ даетъ словамъ такое значеніе, какое они рѣдко имѣютъ и въ какомъ употребляются лишь у немногихъ писателей. Табъ: *reatus* у г. Орлова значить вина, и только; па самомъ же дѣлѣ *reatus*, сообразно съ своимъ корнемъ, значить прежде всего: состояніе, положеніе, *status rei*, какъ у Apul. Metam. 1, 16, 55, *in meo reatu*—въ моемъ положеніи; такое же значеніе *reatus* удерживаетъ и въ III, 6, 184. Кромъ того, *reatus* у того же Апулея значить *speciem externam et habitum*, какъ Met. IX, 30, 650 *mulier reatu miraque tristitie deformis apparuit*; но у него же *reatus*=*culpa et crimen*, вина, проступокъ, какъ VII, 9, 462. При этомъ случаѣ Гильдебрандъ, издатель Апулея (tom. 1. pag. 550), говоритъ что упомянутое слово особенно часто употреблялось африканскими писателями, писавшими по латинѣ.

Наконецъ г. Орловъ иногда даетъ приводимымъ имъ словамъ такое значеніе, какого они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ. Табъ: *profanum* у него значить беззаконіе. Это не вѣрно. Правда у Старшаго Плинія (XVI, 3, 1) встрѣчается *profano civilium bellorum meritum*; но здѣсь надобно подразумѣвать *scelere*, какъ и дѣлаетъ лексиконъ Forcellini. *Profanum* употребляется и какъ существительное, но со всѣмъ не въ значеніи беззаконія. Словомъ *profanum* обозначали все то, что перестало принадлежать религіи, храму, а перешло въ употребленіе и въ собственность людей. *Profanum est, quod a religione in usum hominum transit. Serv. ad Vergil. Aen. XII, 119. По Festu: profanum est, quod fani religione non tenetur, quod a fano et religione secretum. Profanum id proprie dicitur, quod ex religioso vel sacro in hominum usum proprietatemque conversum est. См. Macrobb. edit. Iani, III, 3, 3. 4.—Сюда же можно отнести и *violatio*, которое г. Орловъ помѣщаетъ подъ словомъ преступленіе; но въ собственномъ смыслѣ оно значить оскверненіе, оскорбленіе, поруганіе, на примѣръ *templi Liv. XXXI, 12, 5, XXIX, 8, 11; fidei Vell. Patere. 11, 1, 5**

religionum Senec. epist. CIV, 27 (28). Слѣдовательно, *violatio* и надобно было помѣстить подь словомъ: оскорбленіе, куда оно и включено, только не на подобающемъ ему мѣстѣ и безъ надлежащаго и точнаго опредѣленія; правильно помѣщено оно и подь словомъ оскверненіе, но смѣшано со словами, означающими то же, да не то, напримѣръ *coinquinatio*, *confoedatio*, и проч.; оно же помѣщено и подь словомъ поруганіе. и вполнѣ правильно, только опять смѣшано со словами самыхъ разнообразныхъ значеній; тутъ, напримѣръ, встрѣчаемъ *prostare* отдавать себя на поруганіе, *prostitutio* отдача себя на поруганіе. Къ чему, спрашиваемъ, одно и то же слово растягивать на пять мѣстъ? Не лучше ли было бы помѣстить его въ одномъ надлежащемъ мѣстѣ и дать ему правильное объясненіе, а въ другихъ мѣстахъ только слѣловать ссылки?

А между тѣмъ, въ упомянутыя рубрики г. Орловъ не внесъ того, что дѣйствительно нужно и что часто встрѣчается у самыхъ употребительныхъ писателей. Такъ, зачѣмъ было пропускать слѣдующіе обороты: *peccatum*, *delictum*, *nefas admittere*, *delictum committere*; *multa improbe facere*, *multa in deos impie committere*; *maleficium*, *facinus admittere-committere*, *in culpa esse*, *culpa teneri*; *extra culpam esse*; *culpam a se amovere*—*demovere*; *culpam in quem conferre*—*transferre*, и проч. и проч. Развѣ словарь, опустившій подобныя обороты, имѣетъ право на названіе „полнаго“?

Башмакъ *calceus*, *pellis*, *calorodium*; сапогъ *calceus*, *caliga*, *calcearium*; валяные сапоги *impra*, *iun*;—простой рего; сапожокъ *caligula*, *ostea*; сандалій *sandalium*, *solea*, *serpida*. И въ этой статьѣ оказывается та же смѣсь разнороднаго матеріала безъ малѣйшаго указанія на различіе одного слова отъ другаго. Кромѣ того, г. Орловъ нашель, что нашъ сапогъ есть то же, что *calceus*, *caliga*, *calcearium*, хотя навѣрное знаетъ, что у Римлянъ не было того, что мы называемъ сапогами, и что новѣйшіе латинисты то, что мы называемъ сапогомъ, переводятъ цѣлою фразою, именно: *calceamentum quod pedes suris tenuis tegit, quod crura tegit*. Это нужно было бы оговорить въ словарѣ, а не ставить подь словомъ „сапоги“ нѣсколькихъ латинскихъ словъ, означающихъ совсѣмъ не то. Далѣе: *calcei gerandi* г. Орловъ переводитъ двоякимъ образомъ: въ одномъ мѣстѣ—это башмаки съ пряжками, въ другомъ же башмаки съ закорюченными носками, и притомъ въ одной и той же статьѣ. См. башмакъ и башмакъ жметъ, стр. 9, 10. Сверхъ того, подь означеннымъ словомъ находимъ у г. Орлова грубья ошибки. Такъ, *calorodium* совсѣмъ не значить баш-

макъ, а сапожная колодка, *forma lignea*, qua utuntur sutores in calciscis faciendis, а grasso хѣлов lignum et подош. подош. См Forcellini подь calor. *Diabathrum*, а не *diabatrum*, какъ пишетъ г. Орловъ, не вполнѣ точно опредѣлено въ его словарь; это слово не значить легкій башмакъ, а именно женскій башмакъ, и рѣдко употребляется. См. Forcell. и Georg. *Pellis*, въ значеніи собственно обуви, сапога, башмака, не употребляется; но въ переносномъ смыслѣ говорится вообще о всякомъ покровѣ, напримѣръ о палаткѣ: sub pellibus подь палатками Caes. в. г. III, 29; b. с. III, 13; Afr. 47; о шлемѣ: tempora tecti pelle lupi, Ov. Met. XII, 381; о шалкѣ: Verg. Aen. VIII, 688 fulvosque lupi de pelle galeros. Такъ точно говорится у Овидія pes in pelle natat. Не точно переведено calciscos mutare. Это не значить: надѣвать другіе башмаки, то-есть, calciscos, а снимать calciscos и надѣвать soleas. См. Becker Gall. III, 132. Оборотъ: soleas, или рѣже calciscos poscere не объяснено, а между тѣмъ это значить surgere de соена, вставать изъ за обѣда, изъ за пиршественнаго стола, по окончаніи его. См. Hor. Sat. II, 8, 77 и примѣчаніе Heindorf'a во второмъ изданіи, стр. 492. Къ приведеннымъ подь словомъ башмакъ фразамъ нужно было бы прибавить: calciscis uti, calciscos sibi induere, committere cui pedes calceandos, разумѣется, съ правильнымъ переводомъ ихъ на русскій языкъ.

Война bellum, duellum, агма. Къ этимъ словамъ не присоединены тѣ, которыми римскіе писатели выражали тоже войну, употребляя ихъ въ переносномъ смыслѣ, хотя агма, означающее войну метопически, помѣщено въ словарь въ значеніи войны. Общее латинское слово для войны есть bellum; duellum же, старинная форма вмѣсто bellum, употребляется преимущественно поэтами; означая, въ большинствѣ случаевъ, именно войну между двумя народами, duellum никогда не означаетъ нашего слова „поединокъ“, какъ утвѣряетъ г. Орловъ въ своемъ словарь, хотя, съ другой стороны, онъ правильно перевелъ дуэль словами: pugna singularis, certamen singulare. „Вызывать кого на“ — говорится: provocare ad certamen, Liv. XXIV, 8, 5. Кромѣ приведенныхъ г. Орловомъ, Римляне выражали войну еще и слѣдующими словами: они говорили tumultus, когда хотѣли обозначить внезапно возникшую войну, Caes. в. г. V, 36; с. I, 7; II, 25, III, 64, особенно по близости къ Риму. Cic. Phil. V, 19, 53; VIII. 1, 2; Liv. II, 26, 1 и часто.—*Militia* тоже означаетъ войну, но только въ родительномъ падежѣ и въ соединеніи съ domi.—Слово война въ словарь г. Орлова обставлено удовлетворительно, но все же далеко не

такъ какъ бы слѣдовало; многое, относящееся къ войнѣ, пропущено напримѣръ, *bellum tribunicium* раздоры—споры—борьба съ трибунами, *bellum pro patria et religionibus sacris susceptum*, равно великъ и въ мирѣ и въ войнѣ *magnus bello nec minor pace, non praestantior in armis quam in toga*; помышлять о войнѣ *ad bellum animum intendere, de bello cogitare, ad belli cogitationem se recipere, consilium de bello inire*; возбуждать войну *bellum commovere-excitare* и проч. и проч. Въ той же статьѣ *bellum agere* г. Орловъ перевелъ двоякимъ образомъ: вести войну и распоряжаться войною. Последнее значеніе неправильно, потому что распоряжаться войною по латинѣ не *bellum agere*, но *administrare*. Что касается до *bellum agere* въ значеніи вести войну, то и оно въ настоящее время признается неправильнымъ, и потому у Цезаря и Непота уже не встрѣчаемъ его, ибо во всѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ печатали прежде *bellum agere*, стоитъ теперь *bellum gerere*. *Bellum agere* читаемъ у Ливія (X, 31, 10), но только въ значеніи описывать, излагать войну; кромѣ того, встрѣчаемъ этотъ же оборотъ и теперь у Sall. Н. 2, 4, 11; Liv. epit. 4⁹; Curt. IV, 10 (42), 29; Mela, I. 16, 1, но во всѣхъ мѣстахъ надобно переводить его не „вести войну“, а начертать планъ войны, принимать мѣры къ приготовленію всего того, что необходимо для войны, и вообще это выраженіе указываетъ скорѣе на систему войны, на руководящій ея умъ, какъ напримѣръ у Корн. Неп. Hannib. 8 in agendo bello относительно мѣръ. плановъ войны; тутъ было бы не у мѣста *in gerendo bello*. См. Krebs, 5-е изданіе. Назначать войну г. Орловъ перевелъ словами *bellum decernere, iubere*; но между этими выраженіями есть разница, которую и слѣдовало бы указать, именно: *bellum iubet* только *populus*, какъ Liv. VII, 6, 7 *populus bellum frequens iussit*; IV, 30, 15, *populi iussu bellum iudictum*; XLI, 1, 1 *bellum decernitur a senatu; iubetur a populo*. Drakenb. подъ *bellum*; впрочемъ у Liv. XLII, 38, 4 *quod bellum senatus iussisset; decernitur* же *bellum*, то-есть опредѣляется, постановляется, рѣшается война въ принципѣ сенатомъ, императоромъ, царемъ, вообще лицомъ, имѣющимъ верховную власть. Ср. Liv. XXXVI, 28, 5. XXXIV, 24, 7; Iust. XIV, 1, 1; Curt. IV. 2, 12.—*Latrocinari* не значитъ: вести незаконную войну, но — разбойничать, производить грабежъ, производить набѣги съ цѣлью грабежа; въ такомъ смыслѣ употребляется и *latrocinium*, набѣгъ съ цѣлью грабежа.

Bumsi *bellum, pugna certamen, proelium, acies, dimicatio, concursus*; бой *pugna, certamen, proelium, dimicatio*;—кулачный pale, *palaestra, pugilatio, latus*; въ тактъ *celeusma*; сраженіе *pugna, certamen, proe-*

lium, acies, colluctatio, conflictatio, coitio, duellum; униженіе velitatio; —рѣшительное depugnatio, desertatio. Такимъ образомъ: бой, битва, сраженіе переведены почти одними и тѣми же словами, безъ всякаго объясненія и указанія на различіе между ними. Кромѣ того, переводъ и не точенъ. Такъ, напр., bellum г. Орловъ переводитъ словомъ битва и ставитъ его на первомъ мѣстѣ. Правда, bellum употребляется въ значенія pugnae, proelii, но только, какъ метонимія, въ переносномъ значеніи, и притомъ рѣдко, у писателей послѣ Августа, у Justin. II, 12, 23; II, 4, 29, IX. 4, 4; XVIII, 1, 11; XXII, 8, 8; XXIV, 8, 1; Curtius IX, 4 14; X, 7, 18. Но и въ приведенныхъ мѣстахъ. если вникнуть въ смыслъ, bellum не вполне совпадаетъ съ нашими: битва, сраженіе, бой, но выражаетъ или „борьбу“, какъ Curt. IX, 4, 14 cum anni bellum fuisse crederes; Just. II, 4, 29; или указываетъ на ожесточеніе въ битвѣ, на то, что предстоитъ битва отчаянная, битва очертя голову, какъ Just. XXIV, 3, 1; sine respectu periculum in bellum tuebant; или же, наконецъ, означаетъ враждебныя дѣйствія, рѣзю, какъ у Curt. X, 7, 18; Just. XXII, 8, 8. У Ливія употребленіе слова bellum, въ значеніи битва, сраженіе, ограничивается немногими мѣстами, какъ Liv. X, 28, 8; IV, 33, 3. Виргилій употребляетъ bellum, но только во множественномъ числѣ, и притомъ не для обозначенія отдѣльныхъ битвъ, но цѣлаго ихъ ряда, словомъ всю войну. Ср. Verg. Aen. I, 48; II, 439; IX, 182; XII, 633. При всемъ томъ, соглашаясь даже, что bellum употребляется латинскими писателями въ одномъ значеніи съ proelium, мы думаемъ, что г. Орловъ поступилъ неправильно, отвѣдая этому слову первое мѣсто въ словѣ „битва“. Онъ хотѣлъ, кажется, выразить, что bellum въ значеніи битва есть самое употребительное слово; если же онъ не думалъ этого, то слѣдовало пояснить свою мысль.

Для выраженія нашего „кулачный бой“, г. Орловъ приводитъ четыре слова, именно: pale, palaestra, pugilatus, pugilatio, между тѣмъ какъ эти слова означаютъ далеко не одно и то же и не одинаковое имѣютъ право на помѣщеніе въ общеупотребительномъ словарѣ. Pale —слово не латинское, встрѣчающееся только у Стація, Сидонія (см. Forcellini, Georges); но то, что допускается въ языкѣ поэтическомъ, и особенно у такихъ писателей, какъ Стацій, Сидоній, не можетъ и не должно быть принимаемо за образецъ и вносится въ русско-латинскій словарь, для всеобщаго употребленія. Palaestra собственно не значитъ кулачный бой. Palaestra это—школа гимнастики и я не нашель, чтобы употреблялось оно въ другомъ смыслѣ; въ извѣст-

ныхъ же мѣстахъ *palaestra* значить не „кулачный бой“, а вообще гимнастическія упражненія, *corporis exercitationes*. Ср. Нер. Ерам. 2, 4 *palaestrae dare operam*; Cic. de Orat. III, 22, 83 *discere palaestram*; I, 6, 73 *non utuntur artificio proprio palaestrae*; Cic. orat. V, 14 *palaestra histrionem*, то-есть, *juvat*; въ такомъ же значеніи у Виргилія Georg. II, 531 *corporeaque agresti nudant praedura palaestrae*; Аен. III, 281 *exercent patrias oleo labente palaestras nudati socii*.—Наконецъ, *celeusma* переводить г. Орловъ словами: кулачный бой въ тактъ. Откуда опъ заимствовалъ это? Упомянутое слово не имѣетъ никакого отношенія къ бою; это не больше какъ возгласъ и бой молоткомъ (*porticulus*) въ тактъ начальника гребцовъ (*hortator, rausarius*) для того, чтобы гребцы гребли дружно, разомъ поднимали и опускали весла.

„Относящійся къ бою“ г. Орловъ перевелъ словами *pugnatorius, pugilatorius*, и снова смѣшалъ два разныя понятія. *Pugnatorius* тоже что греческое μάχος, *ad pugnam idoneus*, и встрѣчается у Светонія Cal. 54, гдѣ *pugnatoria arma* противопоставлено *rudibus* и слѣдовательно, значить: дѣйствительное, настоящее боевое оружіе, противоположное деревянному оружію, рапирамъ (*rudis*); *pugilatorius* напротивъ не значить: относящійся къ бою, какъ сказано въ словарѣ, а относящійся къ кулачному бою, *ad pugnatorem—pugilem pertinens*, или какъ переводитъ Georges, относящійся къ кулаку, кулакомъ ударяемый; то и другое объясненіе слова *pugilatorius* вѣрно и зависитъ отъ того, какъ будемъ переводить слова Трахаліона у Плавта Rud. III, 4, 16 (721) *extemplo; herle, eglo te follem pugilatorium faciam, et pendentem incursabo pugnis*; слову *follis* даютъ два значенія: одни переводятъ его большой, но легкій мячъ, которымъ играли, ударяя кулакомъ или ладонью; другіе даютъ ему значеніе кожаного мѣха, наполненнаго воздухомъ, на которомъ упражнялись *pugiles*. См. Becker, Gallus, III, 25.

Въ словахъ, приведенныхъ г. Орловымъ для передачи нашего „сраженіе“, обнаруживается такая же путаница. *Colluctatio* не есть *proelium*, или *pugna*, или *acies*, но борьба, состязаніе, διαπάλη, *actus colluctandi, lucta, conatus adversus quem* (Forcell. s. v.), и притомъ между двумя. *Si in colluctatione, vel in pancratio alius alium occiderit*, Digest IX, 2, 7. Говорится о боѣ быковъ, объ издыхающемъ мулѣ и предсмертныхъ судорогахъ, о взаимныхъ объятіяхъ влюбленныхъ.—*Conflictatio* тоже не означаетъ, собственно говоря, правильной битвы, сраженія, а скорѣе толканіе другъ друга и происходящую отсюда

драку; особенно же давку, толкотню въ толпѣ, при выходѣ и входѣ. *deformis et incommoda turbae conflictatio*. Quint. Inst. III, 8, 29. Въ значеніи *rugnae, proelii* встрѣчаемъ его у Геллія XV, 18, 3. См. Forcellini и Georges. Если г. Орловъ подъ словомъ сраженіе помѣстилъ *conflictatio*, то зачѣмъ пропустилъ *conflictus, conflictio*? Вѣдь и они, въ позднѣйшей латыни, подобно *conflictatio*, употребляются въ значеніи *rugnae, proelii*. У Квинтилиана *conflictio* въ переносномъ смыслѣ о судебной борьбѣ III, 6, 4. 7. 11; VII, 1, 18; о столкновеніи двухъ тѣлъ: *duorum inter se corrogum conflictio* III, 6, 6. См. Lexicon Quintil. Eduardi Bonpelli. s. v. — *Conflictus* столкновение; у Цицерона только въ творительномъ *conflictu*: *lapidum conflictu atque tritu elici ignem videmus* Cic. N. D. II, 9. *si nubium conflictu ardor expressus se emiseric, id est fulmen*. Cic. Divin. II, 19, 44. Но у него же и въ именительномъ, какъ Саесин. 15 *conflictus corrogum*; въ позднѣйшей латыни, послѣ Гадриана, въ значеніи битва, враждебное столкновение. Krebs. Antibarb. s. v. — *Coitio* никогда не значило того, что мы называемъ битвою—боемъ; это слово не есть синонимъ *proelium, rugna*; скорѣе оно подходит къ слѣдующей группѣ словъ: *congressio, congressus, conventus, concursus*; это скорѣе наша встрѣча съ оттенкомъ раздраженія и словопренія, какъ у Теренція Phormio II, 2, 32. *Senex adest: vide, quid agas? prima coitio est asserruna*. Гораздо чаще встрѣчается въ значеніи: стачка, скопиче, сборище, какъ у Цицерона *Epist. Attic. IV, 15, 7. Coitio consulum et Pompeius obstant*. Здѣсь разумѣется *coitio candidatorum, Memmii et Domitii, quibus consules favebant*. Эта была та стачка, за которую Меммій, *de ambitu condemnatus*, отправился въ ссылку. По опредѣленію Цицерона: *est coitio, cum homines congregantur rei malae perficiendae, tanquam tribuum corrumpendarum causa*. Ernesti clavis Ciceroniana s. v.

Въ той же статьѣ (сраженіе) напечатано униженіе, которое, вѣроятно, относится къ *vilitatio*; но такого слова мы не нашли въ словаряхъ. Не напечатано ли вм. *velitatio*? Но и *velitatio* не значить униженіе, а—перестрѣлка, перепалка, схватка. Вѣроятно, это опечатка, потому что перестрѣлка—перепалка въ словарѣ переведены тѣмъ же словомъ; а къ слову перепалка прибавлено еще и другое *advelitatio*, которое не значить: перестрѣлка, перепалка, а перебранка, *iactatio quaedam verborum*. См. Forcellini. Въ смыслѣ же перебранки, словесной перестрѣлки употребляетъ Плавтъ *velitatio* Ср. As. II, 2. 41.

По нашему разумѣнію, было бы умѣстнѣе, если бы составитель словаря, вмѣсто словъ: *colluctatio, conflictatio, coitio, duellum, совер-*

шенно не относящихся къ разряду тѣхъ словъ, съ которыми они соединены, помѣстивъ разнообразныя обороты, которые развились въ латинскомъ языкѣ отъ pugna, proelium, acies и пр., а ихъ не мало; напримѣръ: pugna navalis, dimicatio navalis (Hirt. bell. Alex. 25), in proelium ire, in proelium-aciem prodire, in aciem-certamen descendere, in castra-bellum proficisci, exercitum in aciem educere, manum conserere, inter se concurrere, acie concurrere, proelium—pugnam facere, edere и пр.

Сопричитать (сопричислять?) inferre rationibus, къ богамъ dicare. Какъ первое такъ и второе переведено неправильно. *Inferre rationibus* не сопричитать, но вносить, ставить, вписывать въ счетъ, напримѣръ, издержку *sumptum*; вмѣсто этого говорили *in rationem inducere*, и просто *inducere*. *Dicare* сопричитать къ богамъ неправильно. *Dicare* въ этомъ значеніи не употребляется, за исключеніемъ двухъ мѣстъ, которыя мы приводимъ ниже. *Dicare* же, въ собственномъ смыслѣ, значить: а) посвящать богу тѣ предметы, которые относятся къ культу, служатъ религіознымъ цѣлямъ—храмы, алтари, картины, статуи, агарты, *templum*, *crateram*, *domum*, *urbem*; вмѣсто *dicare* въ такомъ же смыслѣ говорили *dedicare*, *consecrare*; б) *se in servitutum dicare nobilibus* закабалить себя въ рабство благороднымъ, *Caes. b. g. VI, 13, 2*; *se in clientelam dicare* отдаваться подъ чью защиту *ib. VI, 12, 7*; *dicare se civitati* посвящать себя *Cic.*; но *dicare se in civitatem* тоже что *ius civitatis petere et consequi*, см. *Ernesti clav. Ciceron. s. v.*; *adolescentes qui Crasso se dicarant*, т. е. *se ad eum adplicarant, eius partes sequebantur Cic. de Orat. III, 3, 11. Ordire igitur: nam hunc tibi totum dicamus diem*, посвящаемъ, отдаемъ. *Cic. Leg. II, 3, 7.* У *Виргилія Aen. 1, 73 connubio iungam stabili pro-priamque dicabo* и на вѣки отдамъ. *Квинтиліанъ* сталъ употреблять *dicare*, говоря о сочиненіи, которое посвящалось кому либо изъ уваженія. *Inst. proem. 1, 6: quod opus, Marcellae, Victori tibi dicamus*; *IV, proem. 1 perfectio operis tibi dedicata tertio libro.* Такъ употребляетъ и *Плиній Старшій* глаголь *dicare*. См. *Krebs Antih. s. v. dedicare.* в) Въ значеніи же сопричитать къ богамъ у *Тацита Ann. I, 59, 3 inter numina dicatus Augustus*; *Curt. VIII, 5, 11 Ne Herculem quidem et Patrem Liberum prius dicatos deos* и пр. Но это едва ли не единственные примѣры въ латинскомъ языкѣ, гдѣ *dicatus inter numina, dicatus deus* значить то же что *consecratus, inter deos relatus*; по крайней мѣрѣ другихъ примѣровъ мы не могли, или не умѣли отыскать.

Набивать итму *elicitari*. Такого глагола нѣтъ ни у *Forcellini*, ни

у Georges, ни въ специальныхъ словаряхъ. Набивать цѣну говорили по латини: *supra* — *plus adicere*, какъ у Cic. Verr. III, 77 *supra adiecit Aeschrio*; у Plin. *pretium augere*. См. Forcell. и Georges; набавлять цѣну—больше давать противъ кого, *quo licente contra liceri Caes. b. g. I, 18, 3; vincere quem*, какъ у Cic. Att. XIII, 29, 2. *Othonem vincas volo* (пожалуйста, давай больше Отона); купцы набавляютъ цѣну другъ предъ другомъ — *negotiatores certatim quid emunt Plin. epist. VIII, 12, 2.*—*Набивка perisseuma*, или *peritteuma*, слово не латинское, а греческое *περίσσειμα*, *περίττεσμα*, и не значить: набавка цѣны, а по словарю Форчеллини *abundantia, id est donatio ex abundantia facta*, слѣдовательно излишекъ и дареніе сдѣланное изъ него. Набавка цѣны по латини *adiectio*, какъ у Liv. XXXVIII, 14, 13 *illiberali adiectione*; въ юридическомъ языкѣ — на аукціонахъ и продажахъ. См. Forcell. и Georges.

Обманъ. Для обозначенія его приведено г. Орловымъ 23 латинскихъ слова. И чего между ними нѣтъ! Тутъ и *ludibrium*, и *praestigia*, и *ostentatio*, и *pellacia*, и *techna*; а между тѣмъ пропущены нѣкоторые слова, дѣйствительно означающія разные виды обмана, какъ-то: *fraudatio*, *fallacia*, *ergo* (обманъ себя самого), *simulatio*, *dissimulatio*. Если-бы г. Орловъ правильно понялъ значеніе словъ, которыми обставилъ „обманъ“, то не внесъ бы сюда ни *furtum*, ни *dolus*, которые, въ собственномъ смыслѣ и не означаютъ того, что мы называемъ обманомъ. *Furtum*, первоначально въ римскомъ юридическомъ языкѣ, означало всякое незаконное присвоеніе чужой собственности, такъ что подъ *furtum* разумѣли то, что мы называемъ грабежомъ, воровствомъ, обманомъ и надувательствомъ; въ позднѣйшія времена—присвоеніе чужой собственности черезъ кражу, кража въ тѣсномъ смыслѣ, воровство. См. *Rein, das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus*, стр. 293. *Mühlenbruch's Lehrbuch des Pandecten-Rechts*, IV Auflage, II, § 445. — Такимъ образомъ *furtum* далеко не то, что *fraus*, и *furtum facere* не можетъ значить: причинять обманъ, обманывать. Если слово *furtum* и позволительно соединять съ *fraus*, то развѣ на томъ только основаніи, что *furtum* постоянно сопровождается обманомъ, *fraude*. Настоящее мѣсто для *furtum* въ словарѣ—воровство, гдѣ оно и помѣщено, и притомъ на первомъ мѣстѣ. Кромѣ того вполне правильно поступилъ бы составитель, если-бы *furtum* помѣстилъ подъ словами: скрытное дѣйствіе, тайный замыселъ, засада, военная хитрость, чего онъ не сдѣлалъ; *furtum* въ этомъ смыслѣ встрѣчается и у прозаиковъ, и у поэтовъ, напримѣръ

Liv. IX, 13, 4 furto insidiarum, подъ покровомъ засады; XXVI, 51, 12 nec opinato adventu ac prope furto unius diei (тайно, украдкою, воровски въ одинъ день) urbem unam Hispaniae interceptam Tac. Agr. 34 furto noctis подъ покровомъ ночи, тайно ночью, clam et noctu, Vergil. IX, 150 inertia furta; XI, 515 furta paro belli, то-есть, insidias; X, 735 haud furto melior, sed fortibus armis. Въ такомъ жѣ значеніи у Квинта Курція IV, 13, 4. Parmenio furto non proelio opus esse censebat; intempesta nocte opprimi posse hortet.

Что касается *dolus*, то хотя это слово и ближе подходит къ категоріи *fraudis*, такъ что у римскихъ криминалистовъ оно помѣщается подъ одною рубрикою съ *fraus* (Rein 329); однако *fraus* и *dolus* не вполне однозначущи; римскіе криминалисты дѣлаютъ различіе между ними; они признаютъ *dolum* шире и большаго объема, нежели *fraus*; они говорятъ что *inest dolo et fraus*, и подъ *dolus* понимаютъ *calliditatem, fallaciam, machinationem ad circumveniendum, fallendum, decipiendum alterum adhibitam* (Rein *ibid.* 150 и прив. мм.). Дѣлаютъ различіе между этими словами и писатели вообще, а потому и соединяютъ ихъ (см. Forcell. подъ *dolus*) въ одномъ предложеніи.

Praestigia, чаще во множ. *praestigiae*, дѣйствительно означаетъ обманъ (*fraudem*), но произведенный посредствомъ обольщенія чувства, иллюзіи, *celeritate manuum per acetabula et alia eius generis*, какъ дѣлаютъ фокусники, которые и называются по латыни *praestigiatores, circulatores* гадатели и предсказатели будущаго, такъ называемые *astrolegi, mathematici, horoscopi*, гадатели по звѣздамъ. См. Apul. Iber de mundo въ началѣ: *nubium praestigiae* — фокусы, производившіе облака. Затѣмъ *praestigiae* въ переносномъ смыслѣ, какъ у Cic. Fin. IV, 27, in. Ex iisdem verborum praestigiis et regna nata vobis sunt et imperia et divitiae, гдѣ подъ *verborum praestigiae* разумѣетъ Цицеронъ то блестящее, но въ сущности ложное положеніе стоиковъ, что *sapientem solum regem, solum divitem esse*. Такимъ образомъ и это слово, получивъ мѣсто въ словарѣ подлѣ *fraus*, требуетъ надлежащихъ объясненій, чтобы не вводить въ обманъ неопытныхъ латинистовъ, прибѣгающихъ къ помощи словаря.

Simulamentum читается только у Геллія въ одномъ мѣстѣ, именно: въ заглавіи, заключающемъ въ себѣ содержаніе 22-й главы XV-й книги, гдѣ *commenticia simulamenta*, по содержанію главы, близко подходятъ къ *praestigiae*, ибо упоминаемый въ этой главѣ Серторій прибѣгалъ къ такимъ фокусамъ относительно своихъ солдатъ, какіе употребляютъ настоящіе фокусники передъ своими зрителями. По мо-

ему мнѣнію, это слово не имѣеть никакого права на помѣщеніе въ русско-латинскомъ словарѣ, ибо оно встрѣчается только разъ, и потому означаемое имъ понятіе удобно выражается и словомъ *praestigiæ*. Но если уже оно помѣщено, то и слѣдовало бы объяснить его надлежащимъ образомъ.

Suppressio слѣдовало отнести къ словамъ утайка, утаиваніе, куда и включилъ его г. Орловъ вполне правильно, потому что *suppressio* не значить *fraus* въ собственномъ смыслѣ, но — незаконное удержаніе у себя (присвоеніе себѣ) чужаго, *iniusta detentio*. У Цицерона (*Client.* 25) *suppressiones iudiciales sunt, cum quis pecuniam apud se depositam ut iudiciis solvat, sibi servat, avertit negatque se eam accepisse*. *Schützii lexicon ciceronianum, sub v.* Такимъ образомъ, и это слово неправильно отнесено къ *fraus*; въ противномъ случаѣ надобно было объяснить его и отличить отъ *fraus*.

Ostentatio. Это то, что мы называемъ „выставка“ въ переносномъ смыслѣ, видъ, показъ, стремленіе казаться; въ религіи — ханжество, подъ которымъ оно и поставлено у г. Орлова совершенно правильно. Въ основѣ этого слова лежитъ желаніе показать себя, блеснуть, щегольнуть, слѣдовательно, оно ближе подходитъ къ *iactantia, vana venditatio*, хвастовство, гдѣ оно дѣйствительно и помѣщено, и совершенно правильно. Ср. *Cic. Tusc. II, 4, 11 ostentatio scientiae*, стремленіе блеснуть знаніемъ, выставка знанія; *Cic. Off. II, 12, 9 vana ostentatio*, гдѣ оно сопоставляется съ *simulatio, fictus sermo, fictus vultus*; *Orat. II, 3, 31; II, 32, 333 vitanda ingeni ostentationis suspicio* (выставка на показъ, стремленіе блеснуть, погоня за); *iactationes* хвастливыя рѣчи, безплодныя слова, безплодныя усилія на словахъ, *pollicitationes* оставшіяся безъ всякаго результата, *Cic. Att. V, 13, 1. Ex quo te intellegere certo scio multorum annorum ostentationes meas nunc in discrimen esse adductos*. Такимъ образомъ и *ostentatio* неправильно помѣщено въ *fraus*. Правда, *ostentatio* тоже *fraus*, но только особеннаго свойства, что и слѣдовало г. Орлову объяснить.

Circumventio, особый видъ обмана, надувательства, умѣнье обойти кого, плутовская продѣлка, плутня. Но такъ какъ это слово встрѣчается только въ дигестахъ (*IV, 4, 17*) и у церковныхъ писателей, какъ *August. civit. dei XXII, 22*, то, по моему, и не для чего было помѣщать его въ русско-латинскомъ словарѣ, хотя бы даже и въ „полномъ“.

Circumscriptio, тоже особый видъ обмана, посредствомъ судебныхъ тонкостей, ложнаго толкованія юридическихъ формальностей, словенія

къ выдачѣ юридическихъ обязательствъ безъ права на то, посредствомъ поддѣлки юридическихъ актовъ, однимъ словомъ: *dolus per forenses insidias*. См. *Cicer. Off.* III, 15, 2 *circumscriptio adolescentium*, гдѣ разумѣется *dolus quo adolescentes, qui rui iuris non sunt, in fraudem illi- ciantur*; *Flacc.* 30 *emptiones falsas aperta circumscriptione facere* = нагло совершать покупки по ложнымъ документамъ. Отсюда *circum- scriptor* (*Cic. in Catil.* II, 4, 7) разумѣется тотъ, *qui fraudem com- mittit falsa interpretatione testamentorum*, составитель подложныхъ завѣщаній, или, по другому объясненію: *is qui aliquem, ut adolescen- tem incautum, decipit, ut ab eo aliquid avertat*. Такимъ образомъ и это слово нужно было г. Орлову обставить надлежащими объясненіями, чтобы не вводить въ ошибки.

Corruptela, собственно порча и все то, что служить къ порчѣ, что влечетъ за собою порчу; отсюда: *corruptela* подкупъ, подарки съ цѣлью подкуна; отсюда *voluptates* называются *illicebrae corruptela- rum*; отсюда *corruptela mulierum* тоже, что развращеніе — разслабленіе женщинъ; *corruptela iudicii* подкупъ судей. Этихъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы доказать г. Орлову, что онъ неправильно помѣ- стилъ это слово подъ „обманомъ“. Самое приличное ему мѣсто было бы при словахъ: порча, подкупъ, гдѣ оно вполнѣ правильно и помѣ- щено; но при словѣ развращеніе его нѣтъ, хотя бы и слѣдовало ему быть на этомъ мѣстѣ.

Deceptio вполнѣ было бы уместно подъ словомъ обманъ, если-бы употреблялось оно классическими писателями; но такъ какъ оно встрѣ- чается только въ позднѣйшей латыни, именно у Марціана Капеллы, принадлежавшаго къ первой половинѣ V-го столѣтія, то и не для чего было помѣщать его въ словарь, тѣмъ болѣе, что оно легко замѣняется другими словами.

Delusio совсѣмъ не значить обманъ, а насмѣшка, осмѣяніе, и во- шло въ употребленіе въ позднѣйшей латыни, см. *illusio, irrisio*. Слѣ- довательно, это слово ни въ какомъ случаѣ не должно стоять въ сло- варѣ подъ рубрикою „обманъ“; его слѣдовало отнести къ насмѣшкѣ, гдѣ однако не встрѣчаемъ его, или къ осмѣянію, гдѣ дѣйствительно и помѣстилъ его г. Орловъ. На какомъ основаніи составитель сло- вара даетъ *delusioni* значеніе обмана, не понятно. Не опечатка ли это?

Destitutio, неисполненіе данного слова, нарушеніе обѣщанія, гово- рится о деньгахъ, которыя обѣщано было дать, но не дано. По *Eg- nesti clavis Ciceroniana: in re pecuniaria est, cum aliquis pecuniam, quam pollicitus est se daturum, non dat*. Въ такомъ смыслѣ читаемъ

его у Цицерона, Cluent. 26, гдѣ разумѣются судьи (levissimi iudices), которымъ обѣщали взятку, но не дали; у него же Quint. 5 destitutione illa (Naevii qui promiserat se ei pecuniam mutuam daturum) percussus Roscius, гдѣ слѣдовательно разумѣется несостоявшийся обѣщанный заемъ денегъ. Если destitutio, по своему значенію, относится отчасти къ обману, то составителю нужно было бы точнѣе опредѣлить тотъ видъ обмана, къ какому принадлежитъ destitutio; въ противномъ случаѣ, прибѣгающій къ словарю, найдетъ въ немъ не то, чего искалъ. Собственно: destitutio значитъ покиданіе, оставленіе, какъ у Sueton. Domit. 14 quod post destitutionem Nero in adipiscenda morte manu eius adiutus existimabatur, то-есть quum ab omnibus Nero esset destitutus, quum omnes ab eo defecissent.

Falsimonia, или по другой формѣ falsimonium, правильно отнесено къ fraus; только это слово не классическое, а встрѣчается у Плавта, Bac. III, 6, 12, въ игрѣ словами: esse amicos reperiuntur falsi falsimoniis.

Falsum ложь, а не обманъ, тоже что mendacium; но въ словарѣ подъ „ложью“ не помѣщено falsum, хотя оно имѣло полное право стоять тутъ, ибо употребляется не только у поэтовъ Августова вѣка, но и у прозаиковъ, какъ то у Цицерона (de orat II, 45, 189), у Непота (Them. 7, 2. Dat. IX: 2).

Frustratio не столько обманъ, сколько неисполненіе ожиданія, какъ напримѣръ у Cic. Fam. X, 23, 13 tanto maiorem haec frustratio (не исполнившееся ожиданіе) dolorem attulit; Iust. IX, 6, 8, гдѣ variis frustrationibus не исполнившіяся ожиданія вслѣдствіе отсрочекъ—откладываній въ долгій ящикъ. Далѣе: предлогъ, увертка, отговорка, какъ у Liv. III, 24, 1, clamant fraude fieri, quod foris teneatur exercitus: frustrationem eam legis tollendae esse, это предлогъ, отговорка, чтобы и пр. Отсюда: промахъ, непопаданіе въ цѣль, какъ у Quintil. II, 20, 3 sine frustratione, безъ промаха. Этого достаточно, чтобы видѣть, что и frustratio, говоря строго, помѣщено г. Орловымъ не на мѣстѣ; правильнѣе было бы помѣстить его при словахъ: отговорка, увертка, и однако тамъ его нѣтъ.

Inductus совсѣмъ не означаетъ нашего слова „обманъ“, а увлеченіе, побужденіе, убѣжденіе, и употребляется вмѣстѣ съ persuasum, какъ Quint. V, 10, 69 persuasum et inductum, только въ творительномъ падежѣ. Cic. Herenn. III, 57 quod alieno inductu fecerit, гдѣ inductum, вм. impulsu, persuasum. Слѣдовательно и это слово стоитъ не на мѣстѣ.

Ludibrium. Трудно понять, какимъ образомъ попало оно подъ слово

„ложь“, або *ludibrium*, сколько намъ извѣстно, никогда не означало обманъ. Правда, у Квинта Курція сказано: *ludibrium oculorum* и противопоставлено ему *vera species*, соответствующее нашему обману зрѣнія или же призраку, призрачному явленію, IV, 15, 26; у него же: *si modo ars est, non vanissimi cuiusquam ludibrium*, гдѣ значить: бредъ, вздоръ, небылица, *commentum, inventum* VII, 4, 8; у него же— *ad superstitionem, humanarum mentium ludibria*, гдѣ *ludibrium* можетъ быть переводимо: униженіе, посмѣяніе, отуманеніе, омраченіе. Но и эти мѣста не даютъ намъ права переводить слово *ludibrium* „ложь“; если бы и допустили мы подобное значеніе, то развѣ только потому, что всякая ложь есть *ludibrium veri*, дѣйствительнаго, истиннаго, на самомъ дѣлѣ происходящаго.

Subreptio, или *subreptio*, тоже не обманъ, а воровство, похищеніе, у Апулея *Metam.* X, 15, 705 соединено съ *fraus*: *deierantur utriusque, nullam se prorsus fraudem, nullam denique subreptionem factitasse*. Слѣдовательно, отличается отъ *fraus*. По Форчеллини: *actus subripiendi, occultum furtum, ὑφαρπαγή*. Но *per subreptionem quippiam elicere, impetrare* значить: *obtinerе aliquid per falsam rei narrationem, приобретать что-либо выдумкою, ложнымъ разсказомъ*. Слѣдовательно, въ юридической практикѣ *subreptio* подходитъ подъ *fraus*. Но такъ какъ это слово въ значеніи *fraudis* встрѣчается только въ юридическомъ языкѣ, то и не для чего было помѣщать его въ словарь.

Pellacia, по переводу г. Орлова, обманъ посредствомъ ласки. Читается у *Lucret.* II, 560; V, 1002 въ связи съ *ponti*: *placidi pellacia ponti*, обманчивое (коварное) спокойствіе на морѣ. Это же слово находилось прежде и у *Виргилія*, *Georg.* IV, 443, гдѣ теперь читаютъ *fallacia*. По словарямъ *Forcellini* и *Georges*, оно встрѣчается еще у *Арнобія* (писателя времени Діоклетіана, но въ значеніи „обольщеніе“ находится оно и у христіанскаго поэта *Пруденція* (между 348—410 по Р. Х.) въ значеніи вѣроломства. См. *Thesaurus poeticus, Quicherat*.

Techna, слово греческое, а не латинское, встрѣчается у *Теренція* *Heaut.* III, 1, 62; у *Plaut. Mostell.* II, 1, 23; *Bacch.* III, 2, 8, и означаетъ не просто *fraudem*, но плутню, плутовскія продѣлки. *Кишеръ* приводитъ это слово еще изъ христіанскаго поэта V столѣтія, *Евнодія*. См. *Thesaurus poeticus*.

Officia, собственно румыны, бѣлила у *Plaut. Mostell.* I, 3, 107 въ переносномъ смѣслѣ тоже, что и *technae*, встрѣчается у *Plaut. Capt.* III, 4, 123. Что *officia* по значенію то же, что и *technae*, видно изъ приведеннаго мѣста *Плавта*, гдѣ въ стихѣ III, 4, 112 поставлено *technis*,

а ниже, стихъ 124, officiiis. Геллій соединяетъ это слово съ praestigiās: id praestigiārum et officiarum genus, XIV, 1, 2.

Изъ этого, довольно обстоятельнаго, какъ мнѣ кажется, разбора словъ, приуроченныхъ г. Орловымъ къ „обману“, ясно, какъ мало руководился онъ опредѣленною мыслью. Не полезнѣе ли было бы помѣстить подъ словомъ „обманъ“ лишь тѣ только слова, которыя вполне соответствуютъ нашему значенію этого слова, которыя приводитъ Ивашковскій въ своемъ словарѣ, изданномъ еще въ 1849 году? Не полезнѣе ли было бы также привести побольше фразъ въ родѣ слѣдующихъ: dolum cui struere — pectere — confingere, verba alicui dare, fraudem alicui inferre—moliri—parare? Но въ словарѣ г. Орлова изъ многихъ фразъ, образовавшихся отъ соединенія fraus и подобнозначащихъ ему съ другими словами, приведена только одна: hamum vorare, вѣроятно опечатка, вм. vorare, соответствующаго нашему обороту „понадаться на удочку“, и встрѣчающагося у Плавта Currel. III, 61 meus hic est hamum vorat онъ мой (рыбка моя) клюетъ удочку (ст. 431); см. Plaut. Trucul. I, 1, 21 (42). Не лучше ли было бы воспользоваться почтеннымъ трудомъ г. Попова, который представляетъ для составленія русско-латинскаго словаря очень хорошій и богатый матеріалъ, выбранный человѣкомъ, знавшимъ, что онъ дѣлалъ и хорошо воспользовавшимся нѣмецкими пособіями того времени?

Мы положительно думаемъ, что, еслибы г. Орловъ воспользовался съ умѣньемъ словаремъ Попова, то не прибѣгнулъ бы къ набору разнородныхъ словъ, въ родѣ напримѣръ, *frustra*, *sycophantiose*? Гдѣ вычиталъ онъ, что *frustra*, само по себѣ, значить „обманъ“? *Frustra esse* дѣйствительно значить обмануться въ своихъ ожиданіяхъ, предположеніяхъ, расчетахъ, ошибиться, не достигнуть цѣли, *in errore esse*, *falli*, *decepi*, и въ этомъ значеніи употребляется у классическихкихъ писателей, какъ у Саллустія, Ливія; но у Цицерона никогда. *Sall. Jug. VII, 6 neque eius consilium neque inceptum ullum frustra fuit* не оставались безъ успѣха, всегда удавались; *LXXI, 5 postquam id frustra fuit* не удалось, не достигло предположенной цѣли; *LXXIII, fin. ea res frustra fuit* это (то-есть, сенатское постановленіе) осталось безъ послѣдствій, не имѣло успѣха; *Cat. XX, начало рѣчи: spes magna, dominatio in manibus frustra fuissent* были бы бесполезны—не имѣли бы никакого значенія; *Liv. II, 25, 2, 2, ita frustra id inceptum Volscis fuit*, такимъ образомъ—не удалось; *Liv. II, 31, 9. neque ipse frustra dictator ero* и я не буду диктаторомъ только по имени,

я буду дѣйствовать. Ср. Tacit. Hist. I. 75. См. Handii Tursellinus, Volum. II стр. 747. 748. *Frustra cadere* тоже, что *destitui effectu*, *cadere secus*, неудаваться, слагаться не по желанію, какъ Tacit. Hist. II, 11 *prima conciliorum frustra ceciderunt*, не дались, совершили не такъ какъ думали. *Frustra habere* знач. *aliquem decipere*. *Eludere*, военный терминъ: ускользать — уклоняться отъ кого, избѣгать кого, то есть, непріятели, *decipere, frustrari hostem*; встрѣчается у Тацита, ср. Tac. Ann. XIII, 37, *Corbulo quaesito diu proelio frustra habitus*, то-есть, *clusus*; но у него же въ XIII, 51 *frustra habita*, то-есть, *neglecta sunt*, разумѣются *iura*; такое же значеніе и у Амміана Марцеллина, подражавшаго Тациту XVIII, 6, 6 *si Persae frustra habitu redissent ad sua*, на которыя не обратили вниманія, которыхъ оставили въ пренебреженіи. См. Hand. Tursell. II, 748. Всѣ эти мѣста нисколько не подтверждаютъ того, чтобы *frustra* само по себѣ значило обманъ; напротивъ, они подтверждаютъ коренное значеніе *frustra*—тщетно, напрасно, безплодно, по отношенію къ лицу, которое обманулось въ своихъ чаяніяхъ и разчетахъ. Ср. *Doederlein*, *Lateinische Synonyme*, tom. III, 101, 1. 2. Краткая латинская синонимика *Ильенкова*, стр. 95.

Чтобы еще болѣе убѣдиться, до какой степени небрежно поступалъ г. Орловъ, приведемъ слѣдующіе примѣры:

Ликторъ, рабъ служителя. Что это, опечатка, или грубое значеніе? Ничѣмъ также не можемъ объяснить, что ликторъ у г. Орлова переводится еще словомъ *паличникъ* (см. сл. s. v. стр. 296). Что же значить ликторъ? рабъ ли служителя, или паличникъ, или то и другое вмѣстѣ? Да и само слово паличникъ непонятно; и его цужно было объяснить другимъ словомъ.

Женщина. Въ этой статьѣ простая женщина переведена словомъ *toga*. Это грубая неправда. Дѣйствительно, Римляне называли словами *toga* и *togata* одинъ разрядъ женщинъ, по никакъ уже не женщинъ простыхъ, то-есть, плебеянокъ, которыя по латыни = *plebeiae*, въ противоположность *patriciae*, простая деревенская женщина по латыни = *rustica*, какъ противоположность горожанекъ, *urbanae*; какъ *plebeiae*. такъ и *rusticae*. Могли быть *mulieres probae honestae, innocentes*, и назвать ихъ *togas* или *togatas* было бы для нихъ тяжкимъ оскорбленіемъ. *Toga* и *togata* по римски называлась непотребная женщина, *meretrix*, не имѣвшая права носить ни *stolam*, ни *pallam*, составлявшихъ достояніе *honestarum mulierum*, которыя назывались *stolatae*, и Калигула называлъ Ливію *stolatam Ulyxem* (Suet. Cal. 23)

propter vafririam. Stolata противопоставляется togae, какъ женщина нравственная безнравственной и распутной. Тогами и тогатами назывались meretrices и вообще всѣ женщины quae cognore quaestum faciebant, потому что онѣ носили короткую тунику безъ instita (то-есть, безъ широкой фалбалы, пришитавшейся къ подолу туники), а сверху тогу, meretrices даже черную. Ср. Becker, Gallus, (III) 415. Но чтобы простая женщина называлась по латыни toga, въ первый разъ мы узнали отъ г. Орлова, которому, стоило только заглянуть въ латинско-русскій словарь, составленный Апаньевымъ, Яснецкимъ и пр., чтобы избѣжать этой ошибки.

Жертвоприношеніе. Въ этой статьѣ hereditas sine sacris значить жертвоприношеніе безъ издержекъ, а въ статьѣ *наслѣдіе* та же фраза значить наслѣдіе безъ издержекъ. Что же правильнѣе въ двухъ переводахъ, жертвоприношеніе безъ издержекъ, или наслѣдіе безъ издержекъ? Очевидно, что hereditas sine sacris въ значеніи „жертвоприношеніе безъ издержекъ“ есть явная бессмыслица, если только это не опечатка, потому что всякое жертвоприношеніе, даже самое бѣдное, влекло за собою издержки. Но и второй перевод оборота hereditas sine sacris „наслѣдіе безъ издержекъ“ далеко не точенъ и не понятенъ. Говоря точно, оборотъ „hereditas sine sacris“ есть пословичное выраженіе, которое употребляли, когда говорили о выгодѣ доставшейся безъ всякихъ трудовъ и усилій, о какомъ либо неожиданномъ счастливомъ случаѣ, счастливой находкѣ. См. Plaut. Capt. IV, 1, 8 (771) sine sacris hereditatem sum aptus ecfertissimum; Trinum. II, 4, 83 (484) Cena hac ammonast sine sacris hereditas, при вынѣшней дороговизнѣ сунцій кладъ (находка). См. Brix, Trinummus къ мѣсту. Смыслъ пословичнаго выраженія объясняется статьею римскаго законодательства относительно духовныхъ завѣщаній. Если гражданинъ въ своемъ завѣщаніи (testamentum) обязывалъ наслѣдника поддерживать sacra domestica, или sacra familiarum, то-есть, фамиліныя религіозныя установленія, что дѣлалось особою припискою, или статьею къ завѣщанію (legatum), то этимъ значительно уменьшалась доходность и прибыльность доставшагося наслѣдства, потому что исполненіе такихъ заботъ было сопряжено съ значительными расходами и издержками. Отсюда и пословичное выраженіе, которое, въ буквальномъ смыслѣ, совсѣмъ не значить „наслѣдіе безъ издержекъ“, какъ переводитъ г. Орловъ, но наслѣдство безъ исполненія фамиліныхъ религіозныхъ установленій. Если не ошибаемся, то переводъ этого выраженія подсказанъ былъ г. Орлову словаремъ

Лебединскаго и пр., гдѣ подъ sacer, 1 въ концѣ напечатано: hereditas sine sacris безъ издержекъ, безъ труда. Но то, что въ словарѣ правильно, г. Орловъ испортилъ своею прибавкою слова „наслѣдіе“.

Исвытрезвившійся halo, opis. Что собственно значить halo, можно видѣть въ любомъ словарѣ. Но у Forcellini прибавлено: halonem etiam dicunt hesterno vino languentem, quem эолов vocitant Gracci. Fest. in Elucum. Зачѣмъ это слово вносить въ словарь, когда оно, за исключеніемъ одного мѣста, совсѣмъ не употребляется? Вытрезвиться, проспаться послѣ похмѣлья, по латыни crapulam edormire, edormiscere, obdormire, exhalare, edormire и exhalare; отсюда легко составить наше слово не вытрезвившійся: да его и нечего составлять, когда оно можетъ быть взято у Цицерона, въ его Verr. III, 11. Veniendum erat ad eos (judices) contra Apronium, qui nondum etiam Aproniani convivii crapulam exhalasset. Слѣдовательно, невытрезвившійся qui nondum crapulam exhalavit; вытрезвись, проспись edormi crapulam et exhal. Cic. Phil. 2, 12. Plaut. Rud. III, 7, 28. Ut edormiscam hanc crapulam.

Во снѣ видѣть videri, pass. dormire. Вѣроятно г. Орловъ хотѣлъ написать somniare, потому что глагола dormire нѣтъ, а есть somnio, are. Что касается до videri, pass., въ значеніи „видѣть во снѣ“, то г. Орлову слѣдовало бы объяснить, употребляется ли videri въ этомъ случаѣ, какъ глаголъ переходный съ прямымъ дополненіемъ винительнаго падежа, какъ наше видѣть во снѣ, или удерживаетъ свое коренное значеніе? Иначе, употребляющій словарь, подумаетъ, что русскую фразу: „вижу отца во снѣ“, можно перевести по латынѣ video patrem. И онъ будетъ правъ, потому что по словарю videri значить: видѣть во снѣ. Примѣры же, встрѣчаемые у латинскихъ писателей, говорятъ иное. Изъ нихъ мы убѣждаемся, что videri само по себѣ, поставленное самостоятельно, никогда не значить видѣть во снѣ; что оно дѣйствительно употребляется, когда говорится о сновидѣніяхъ, призракахъ и явленіяхъ во снѣ, какъ и греческій глаг. δειχῆναι; но всегда въ perfectum и всегда сопровождается другимъ глаголомъ въ неопредѣленномъ накл. и словомъ in somnis, причемъ visum est вмѣстѣ съ дополненіемъ можно переводить: привидѣлось, приснилось, показалось во снѣ. См. Cic. de divinat. 1, 23. 46 visum esse (matrem Phalaridis) videre in somnis simulacra; 16. 24. 49. visum esse in somnis a Iove in deorum concilium vocari; ibid. 51. Vergil. Aen. II, 271. In somnis ecce ante oculos Hector visus adesse mihi; III, 150 penates visi ante oculos adstare iacentis in

somnis; Ovid. Met. XV, 653 deus in somnis opifer consistere visus. Plaut. Curcul. II, 2, 10; вмѣсто in somnis говорили per somnum, какъ у Verg. Aen. V, 636 mihi Cassandrae per somnum vatis imago ardentis dare visa faces; употребляли съ однимъ неопредѣленнымъ безъ in somnis, per somnum. Ср. Tibull. III, 4, 24. Sic iuvenis casta redimitus tempora lauro est visus nostra ponere sede pedem. Plaut. Merc. II, 1, 5; Apul. Met. XI, 3, 756 perlucidum simulacrum ante me constitisse visum est. De dogmate Platonis гл. 1, 182 vidisse sibi visus est cygni pullam. Отсюда visa сповѣдѣнія. Ср. Ovid. Met. VII, 643; IX, 495; 703. 768; XV, 27.

Насмѣшникъ съ восемью латинскими существительными, означающими, по г. Орлову, одно и то же. Подумаешь, какъ Римляне умѣли разнообразно насмѣхаться, когда, чтобы выразить эту черту ихъ характера, придумано восемь словъ! Но разсмотрѣвъ внимательнѣе эти слова, убѣждаешься, что г. Орловъ навязалъ Римлянамъ то, чего они не имѣли. 1) *Calophanta*, или *halophanta* ἀλοφάντης, лгунт, враль, omnia mentiens. Это слово придумано Плавтомъ, чтобы обозначить имъ вралю-моряка, а потому оно и встрѣчается у него только въ Curcul. IV, 1, 2 вмѣстѣ съ *ysophanta*. Такимъ образомъ оказывается, что *calophanta* совсѣмъ не означаетъ того, чѣмъ угодно было г. Орлову надѣлать его. Этому слову не слѣдовало попасть въ словарь, потому что его и не было въ латинскомъ языкѣ, а придумано оно Плавтомъ для игры словами.

2) *Cavillator* шутникъ, забавникъ, острякъ, но никакъ уже не насмѣшникъ, какъ положительно можно утверждать, основываясь на мѣстахъ у Плавта: Plaut. Mil. glor. III, 1, 46 vel cavillator facetus, vel conviva commodus; Trucul. III, 2, 25 dicax sum factus, iam sum cavillator probus. Привожу еще мѣсто изъ Цицерона: Att. I, 13, 9 cavillator genere illi moroso, quod etiam sine dicacitate ridetur; слѣд. тяжелый, лишенный легкости и игривости острякъ. Такъ понимаетъ это слово и издатель Цицероновыхъ писемъ къ Аттику Boot, который въ примѣчаніи къ этому мѣсту вполне основательно говоритъ: cavillatio est genus quoddam festivitatis, aequabiliter per totum sermonem fusum, diversum a dicacitate, quae cernitur in dictis brevibus et peracutis, in iaciendo mittendoque ridiculo. Въ этомъ мѣстѣ Цицеронъ говоритъ о М. Пизонѣ, о которомъ, въ другомъ своемъ сочиненіи Brutus (236), онъ отзывался такъ: habuit a natura genus quoddam acuminis, quod etiam arte limaverat, quod erat in reprehendis verbis versutum et sollers, sed saepe stomachosum, nonnunquam frigi-

dum, interdum etiam facetum. Этого достаточно, чтобы понять, что cavillator далеко не то, что насмѣшникъ.

Мы не будемъ пересматривать всѣхъ словъ, приуроченныхъ къ нашему слову „насмѣшникъ“, но укажемъ, что слова nasutor совсѣмъ нѣтъ въ латинскомъ. Вѣроятно, здѣсь описка, или опечатка. Нѣтъ также въ латинскомъ языкѣ и nasutor отъ nasus; а есть дѣйствительно nasutus, которое значитъ: ѣдкій, злой острякъ, злой насмѣшникъ, умѣющій пронюхать чужіе недостатки и пороки, acutus in reprehendendis aliorum vitis. См. Forcell. — *Cachinno*, не насмѣшникъ, какъ переводитъ г. Орловъ, а хохотунъ, какъ переводитъ его г. Благовѣщенскій. См. Сатиры Персія, стр. 79 въ концѣ. Такъ понимаетъ его и Forcellini, который переводитъ *χαχαστής*, qui cachinat; такъ понимаетъ и Georges, у котораго *der laute Lacher*—хохотунъ, зубоскаль, скалозубъ. Этого слова нигдѣ больше не встрѣчаемъ, кромѣ у Персія, въ его первой сатирѣ, ст. 12 *sum petulanti splene cachinno*; оно могло быть и создано Персіемъ, а можетъ быть употреблялось у древнихъ римскихъ комиковъ и сатириковъ, а потомъ осталось въ народномъ языкѣ. Если придумалъ его Персіи, то достоинъ за него не малой похвалы, потому что придуманное имъ слово мѣтко и знаменательно. См. *Persius, Satiren, berichtet und erklärt von Heinrich*, стр. 79. Хотя оно встрѣчается только однажды, и при томъ у Персія, тѣмъ не менѣе оно—желанное слово въ русско-латинскомъ словарѣ, только не въ значеніи „насмѣшникъ“, какъ перевелъ его г. Орловъ, а въ значеніи хохотунъ, съ которымъ и помѣстилъ его составитель словаря и вполне правильно, или въ значеніи зубоскаль, скалозубъ, при которыхъ не встрѣчаемъ его.

Сказаннаго нами, полагаемъ, достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о недостаткахъ словаря г. Орлова. Нельзя не пожалѣть, что столько труда и времени было употреблено на дѣло, въ основѣ коего не лежала ясно сознавая мысль, и которому не предшествовала солидная и долговременная подготовка. Русско-латинскій словарь г. Орлова, въ настоящемъ его видѣ, требуетъ коренной передѣлки: многое въ немъ нужно выбросить, многое дополнить и расположить содержащійся въ немъ матеріалъ по болѣе обдуманному плану.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на слабыя его стороны, мы, преподаватели латинскаго языка, не можемъ не быть благодарны составителю за сдѣланную имъ попытку. Словари создаются не сразу; они—работа многихъ поколѣній, изъ коихъ каждое вкладываетъ въ нихъ

свой трудъ, свои знанія, свою опытность и умъ, приобретенныя постепеннымъ развитіемъ науки, и этимъ только путемъ словари достигаютъ возможнаго совершенства. Отъ всей души желаемъ, чтобы и словарь г. Орлова дожилъ до того времени, когда явится съ дополненіями въ новомъ исправленномъ видѣ.

И. Тихановичъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ОТДѢЛА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Въ началѣ новаго года считаемъ не лишнимъ присоединить къ тому, что уже было сказано нами объ отдѣлѣ классической филологіи (см. *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1873 г., сентябрь, отдѣлъ клас. фил., стр. 6 — 9), когда этотъ отдѣлъ только что былъ основанъ, нѣсколько дополненій и объясненій, на основаніи трехгодичнаго опыта.

I. Въ виду встрѣчавшихся недоразумѣній замѣтимъ прежде всего, что для помѣщенія въ „Отдѣлъ классической филологіи“ принимаются только такіа статьи, которые относятся къ *древней классической филологіи*.

II. Отдѣлъ классической филологіи имѣетъ въ виду какъ научную, такъ въ особенности и практическую цѣль. Поэтому принимаются къ нему какъ статьи, заключающія въ себѣ новыя изслѣдованія въ наукѣ, такъ и статьи педагогическаго содержанія, относящіяся къ преподаванію (главнымъ образомъ въ гимназіяхъ) не только латинскаго и греческаго языковъ, но и древностей, исторіи литературъ, мифологій и т. п.

III. Размѣръ отдѣла классической филологіи весьма ограниченъ; поэтому редакція поневолѣ вынуждена оказывать предпочтеніе статьямъ, которыя, отличаясь одинабовыми, сравнительно съ другими, учеными достоинствами, менѣе обширны. Всякая, даже самая краткая замѣтка, лишь бы только она соотвѣтствовала программѣ отдѣла, будетъ принята съ величайшею признательностью. Редакція имѣетъ

въ виду такія замѣтки, какія въ большомъ количествѣ появляются въ заграничныхъ журналахъ, напримѣръ, въ *Rheinisches Museum, Philologus, Jahrbücher für Phil. und Paed. ed. Fleckeisen* и т. п.

IV. Ученые труды, которые гораздо удобнѣе могутъ появляться отдѣльными издачіями, напримѣръ, *грамматики, обширная историческія изслѣдованія, комментаріи* какъ къ отрывкамъ, такъ и къ цѣлымъ сочиненіямъ древнихъ авторовъ, не пригодны для періодическаго изданія, а потому и не могутъ быть помѣщаемы въ отдѣлѣ классической филологіи.

V. Въ виду того, что *переводы* древнихъ авторовъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ соответствуютъ научнымъ или педагогическимъ цѣлямъ означеннаго отдѣла, таковыя будутъ принимаемы только *въ видѣ исключенія* и притомъ лишь такіе изъ нихъ, которые отличаются близостью къ подлиннику и несомнѣнными литературными достоинствами.

VI. Желательно, чтобы сотрудники классическаго отдѣла имѣли особенно въ виду авторовъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ и университетахъ.

VII. Въ составъ отдѣла классической филологіи могутъ входить:

1) Статьи, посвященныя разработкѣ какихъ либо отдѣльныхъ вопросовъ грамматики греческой и латинской, по преимуществу примѣнительно къ русскому языку, или, на оборотъ, посвященныя разработкѣ особенностей русскаго языка сравнительно съ языками греческимъ и латинскимъ. Желательно, чтобы читатели, не согласные съ научными выводами статей, помѣщаемыхъ въ отдѣлѣ классической филологіи предъявляли въ редакцію свои возраженія.

2) Статьи, посвященныя критикѣ текста какъ полныхъ сочиненій древнихъ авторовъ, такъ и отдѣльныхъ въ нихъ мѣстъ.

3) Статьи, посвященныя толкованію отдѣльныхъ мѣстъ или отдѣльныхъ главъ различныхъ сочиненій, небольшихъ стихотвореній и т. д., при чемъ слѣдуетъ обращать главное вниманіе на то, что остается до сихъ поръ спорнымъ.

4) Очерки исторіи греческой и римской литературы, посвященные жизнеописанію и характеристикѣ различныхъ авторовъ на основаніи точнаго изученія ихъ твореній, или же отдѣльнымъ эпохамъ и періодамъ той и другой литературы.

5) Изслѣдованіе особенностей языка авторовъ какъ съ лексикальной, такъ и съ грамматической стороны, въ основѣ чего должно находиться самостоятельное изученіе источниковъ и знакомство съ лучшими по этой части произведеніями иностранныхъ литературъ.

6) Наблюденія надъ особенностями метрическими и просодическими древнихъ поэтовъ.

7) Статьи, относящіяся къ греческой и римской мифологiи сравнительно съ мифологiей и повѣрьями другихъ народовъ, въ особенности же славянскихъ.

8) Статьи по археологiи и исторiи древняго искусства.

9) Статьи по греческимъ и римскимъ древностямъ — государственнымъ, богослужебнымъ и частнымъ.

10) Статьи, сообщающія свѣдѣнiя о деньгахъ, мѣрахъ и вѣсахъ Грековъ и Римлянъ, при чемъ было бы желательно сопоставленiе ихъ съ русскими деньгами, вѣсами и мѣрами.

11) Статьи, относящіяся къ отдѣльнымъ событiямъ, эпохамъ и періодамъ греческой и римской исторiи.

12) Статьи, посвященныя исторiи изученiя древнихъ языковъ, ихъ литературы и вообще классической древности, а также биографiямъ знаменитѣйшихъ ученыхъ по этой части, — особенно же успѣхамъ этого изученiя у славянскихъ народовъ вообще и въ Россiи въ особенности. Исторiя этой отрасли знанiй въ нашемъ отечествѣ не богата фактами, но тѣмъ не менѣе желательно, чтобы факты были общаемы, разъясняемы и опѣниваемы по достоинству. Такъ, между прочимъ, еще въ XVIII вѣкѣ появлялось въ Россiи не мало самостоятельныхъ переводовъ древнихъ авторовъ, изъ коихъ нѣкоторые отличаются высокимъ достоинствомъ; всѣ они заслуживаютъ вниманiя со стороны современныхъ русскихъ филологовъ и должны быть спасены отъ забвенiя. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтiя нѣкоторые изъ первоклассныхъ нашихъ писателей воспроизвели поэтическiя произведешя древности въ художественныхъ переводахъ или въ близкомъ подражанiи подлинникамъ. На современныхъ русскихъ ученыхъ лежитъ, кажется, прямая обязанность собрать все, что было сдѣлано у насъ въ этомъ отношенiи въ прежнее время, а также узнать, не сохранилось ли древнихъ рукоисей, относящихся къ этому предмету въ нашихъ библиотекахъ, особенно въ Московской синодальной, и если онѣ сохранились, то ознакомить съ ними публику, и даже, если нужно, издать ихъ. Слѣдовало бы также указать, какiя изслѣдованiя появились у насъ въ разъясненiе древнихъ авторовъ, какiе изъ этихъ авторовъ и къмъ были переведены, при чемъ переводы и подражанiя полезно было бы сличать съ подлинниками, и т. д. Такимъ образомъ мало по малу былъ бы собранъ материалъ для исторiи изученiя въ Россiи древнихъ языковъ

и ихъ литературы, — исторіи не богатой, какъ выше замѣчено, фактами, но тѣмъ не менѣе дорогой для всякаго Русскаго, который твердо вѣритъ въ болѣе блестящую будущность этой отрасли знаній въ нашемъ отечествѣ.

13) Въ связи съ предидущимъ, въ отдѣлѣ классической филологіи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* могли бы найти себѣ мѣсто обзоры учебныхъ руководствъ и пособій по части классической филологіи, появлявшихся въ прежнее время, а также и нынѣ еще обращающихся въ Россіи: граматикъ, упражненій на грамматическія правила, словарей, изданій авторовъ, хрестоматій и проч., со всѣми библиографическими указаніями и біографическими свѣдѣніями объ ихъ составителяхъ и издателяхъ.

14) Рецензіи ученыхъ сочиненій, руководствъ и всякаго рода изданій по части классической филологіи, вновь появляющихся въ Россіи. Крайне желательно, чтобы обращено было особенное вниманіе на теперешнюю нашу литературу по классической филологіи. Авторы рецензій могутъ разчитывать, что въ случаѣ накопленія матеріала въ редакціи, ихъ труды будутъ помѣщаемы ранѣе другихъ.

Для ознакомленія публики съ текущей русской литературой по классической филологіи, редакція намѣрена отъ времени до времени печатать списки всѣхъ новыхъ книгъ по этой отрасли.

15) Обзоръ замѣчательнѣйшихъ явленій въ области иностранной ученой и учебной литературы по части классической филологіи. Хотя при незначительномъ объемѣ „Отдѣла“ нельзя удѣлить много мѣста подобному обзору, было бы, однако, желательно не обходить полнымъ молчаніемъ, по крайней мѣрѣ, самыя крупныя новости заграничной литературы, напримѣръ указанія на то, что сдѣлано въ теченіе извѣстнаго срока для объясненія или исправленія писателей, читаемыхъ въ гимназіяхъ. Образцомъ подобныхъ обзорѣній могли бы служить статьи (Jahresberichte), появляющіяся въ нѣмецкихъ филологическихъ журналахъ — *Philologus*, *Zeitschrift f. d. Gymnasialwesen* и др.

16) Обзоръ новѣйшихъ археологическихъ изысканій и открытій въ Россіи и за границей.

17) Наконецъ, въ отдѣлѣ классической филологіи редакція готова помѣщать статьи о методѣ и приѣмахъ преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, виѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ, необходимыхъ для преуспѣянія этого дѣла, объ учебныхъ планахъ и программахъ, замѣтки и наблюденія о достигаемыхъ преподавателями результатахъ въ различныхъ классахъ и т. п.

VIII. Статьи могутъ быть написаны или на русскомъ или на латинскомъ языкѣ.

IX. Статьи и замѣтки, подходящія подъ вышеозначенныя условія, подлежатъ высылать въ С.-Петербургъ, въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, съ надписаніемъ на самой статьѣ, предъ заглавіемъ оной: „Въ отдѣлъ классической филологіи“; если онѣ окажутся соответствующими современнымъ учено - литературнымъ требованіямъ, то будутъ помѣщаемы при первой возможности, съ высылкою автору гонорара (до 48 рублей за печатный листъ). На статьѣ должны быть обозначены фамиліи автора и мѣсто его жительства; по желанію его, фамилія можетъ быть и не печатаема подъ статью.

ИСТОРИЯ

СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

ВЪ РОССІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Е. К. ШМИДА,

ЗНАЧИТЕЛЬНО ИЗМѢНЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ АВТОРОМЪ
ВЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ НѢМЕЦКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Историческій каналъ между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами д. № 90—1.

1877.

Въ XVIII столѣтїи собственно въ Россїи было только три учебныхъ заведенїя, которыя назывались гимназіями; одно изъ нихъ, основанное въ 1726 г. и закрытое въ 1805 году ¹⁾, находилось при Академіи наукъ въ С.-Петербургѣ; другое, при Московскомъ университетѣ, возникло въ 1775 г., сгорѣло во время пожара 1812 года и уже не возстановлялось; третье, учрежденное въ 1758 г. въ Казани, по образцу Московской гимназіи, существуетъ и нынѣ. Только съ XIX столѣтїя стали открывать гимназіи во всемъ государствѣ, а потому лишь съ этого времени начинается исторія этихъ учебныхъ заведенїй. Исторія гимназій естественно дѣлится на три періода, совпадающіе съ царствованїями императоровъ Александра I, Николая I и Александра II.

Перїодъ первый. Царствованіе Императора Александра I (съ 12-го марта 1801 до 20-го ноября 1825). Уставъ учебныхъ заведенїй 1804 года.

Какъ въ другихъ отрасляхъ государственнаго устройства, такъ и въ устройствѣ школь, во главѣ преобразовательнаго движенїя, одушевляемаго самою благородною гуманностью, является привлекательная личность молодого императора. По природѣ своей склонный ко всему идеальному и воспитанный при непосредственномъ участїи и подѣ наблюденїемъ великой Екатерины, вдохновленный примѣрами, которые представляла исторія, императоръ Александръ стремился ко всему высокому и благородному; въ этомъ-то возвышенномъ направленїи и было предпринято имъ преобразованіе учебныхъ заведенїй

¹⁾ А не въ 1747 году, какъ сказано въ извлеченїи изъ представленїя въ Государственный Совѣтъ съ проектомъ устава гимназій и прогимназій (1864 г.), въ Сборн. Постановл. III, 1330. См. Списокъ учениковъ академической гимназїи съ 1726 по 1731 годъ, изд. А. Куникомъ въ Учен. зап. П. Акад. Н. III, 4, 519. Упразднена въ 1805 г. См. Сб. Пост. I, 584.

среди народа, который преобладающею массою своею былъ еще приверженъ къ доброму старому времени, хотя радостно привѣтствовало новое правительство. Конечно, отъ энергическаго содѣйствія средняго и высшаго слоевъ общества зависѣло очень многое въ этомъ отношеніи; къ сожалѣнію, долгое время были они или равнодушны или нерасположены къ самымъ лучшимъ намѣреніямъ государя. Но Александръ I не былъ только „Крезомъ добрыми намѣреніями“, какъ называетъ его одинъ изъ современниковъ (графъ Ѳ. В. Ростопчинъ). Съ развитымъ умомъ соединялась въ немъ спокойная разсудительность, рѣдкая въ людяхъ, которымъ въ юности вручена верховная власть. Не его вина что у него не доставало помощниковъ („нищимъ исполнителями“ называетъ его тотъ же Ростопчинъ). Неужели вслѣдствіе того нужно было отказаться отъ преобразованій? Онъ зналъ, что въ массѣ народа еще не была пробуждена потребность къ образованію, но сдѣлать все, что отъ него зависѣло, чтобы пробудить эту потребность. Бывшій впоследствии министромъ юстиціи Трошинскій говоритъ въ своей запискѣ о министерствахъ 1802 года: „Россійскій народъ есть народъ могущественный, народъ великодушный, народъ мужественный; но хотя въ вѣдрахъ Россіи находится много людей просвѣщенныхъ, однако же главная масса народа и не столько просвѣщена, и просвѣщеніе ея не такое, какъ просвѣщеніе главныхъ народныхъ массъ западныхъ европейскіхъ государствъ. Правленіе въ сихъ государствахъ всегда было и теперь еще есть только часть государства; въ Россіи же правленіе все... Въ Россіи правленіе дѣйствуетъ само собою, не имѣя нужды ни въ какомъ возбужденіи“¹⁾.

Немного было совѣтниковъ у юнаго императора, но они видѣли Европу и хотя не вполне понимали внутреннія потребности своего отечества, все-же на столько были знакомы съ ними, что, съ помощію природныхъ способностей и знанія государственнаго управленія, могли угадать, въ чемъ нуждалось общество, и этимъ самымъ рѣзко выдѣлялись изъ него. Если, съ одной стороны, духъ времени уже леталъ надъ этими молодыми и пылкими умами и коснулся ихъ своимъ крыломъ, если они вѣрили уже не въ прошедшее, а въ будущее, которое имъ казалось такъ легко создать по идеалу, составившемуся въ ихъ воспримчивыхъ душахъ и если „пламеннымъ ихъ желаніемъ было примѣнить къ Россіи новыя формы жизни, только что выработавшіяся въ Европѣ“ (слова М. Н. Лонгинова), — то съ другой стороны стремленія ихъ одушевлялись сознаніемъ, что они создаютъ и творятъ новос. Съ самыми приближенными друзьями юности обсуждалъ государь свои преобразовательныя планы: то были Н. Н. Ново-

¹⁾ Сборн. Р. Истор. Общ. Т. III, 49.

силъцевъ *), Князь А. Чарторыйскій **) и П. А. Строгановъ ***). Они составляли комитетъ, который въ публикѣ именовали триумвиратомъ, а государь въ шутку называлъ его Comité du salut publique,—

*) Николай Николаевичъ Новосильцевъ родился въ 1762 году; по способностямъ своимъ онъ считался выше другихъ названныхъ нами лицъ. Ж. де-Местръ говорилъ о немъ въ 1807 году: «Онъ головою выше своихъ двухъ товарищей; знаетъ Францію наизусть и сверхъ того хватилъ не малую дозу нѣмецкаго яду и вслѣдствіе этого, такъ какъ онъ вмѣшивается во все, я не сомнѣваюсь, что при намѣреніяхъ прекрасныхъ и при сильной привязанности къ особѣ своего государя, онъ надбавляетъ кучу зла». Воспитанный самымъ тщательнымъ образомъ въ домъ графа Александра Строганова, Новосильцевъ сначала вступилъ въ военную службу и отличился въ войнахъ противъ Швеціи и Польши, но въ 1796 году, по совѣту великаго князя Александра, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Англію, съ учрежденіями которой въ теченіе своего четырехгодичнаго тамъ пребыванія (1797 — 1801) такъ сроднился, что, по словамъ г. Богдановича, онъ какъ будто въ глубинѣ души призналъ Англію своимъ отечествомъ. Поэтому, его не любила французская партія. Вліяніе этого «узнаго, образованнаго и даже въ нѣкоторой степени ученаго» человека (Карамзинъ говоритъ, что онъ «еще орелъ въ сравненіи съ другими, благороденъ душою, не лажетъ»). См. письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Изд. Я. К. Грота и П. Пекарскаго. С.-Петербургъ 1866, стр. 215) на государя доказывается уже тѣмъ, что онъ четыре раза въ недѣлю имѣлъ у него докладъ и во всякое время свободный къ нему доступъ. Въ 1803 году былъ онъ назначенъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебного округа; кромѣ того, онъ былъ президентомъ Академіи наукъ, товарищемъ министра юстиціи, членомъ комисіи о составленіи законовъ, главнаго правленія училищъ; ему же поручались дипломатическія миссіи въ Турцію и Англію. Въ 1809 году онъ долженъ былъ уступить вліянію Наполеона и уѣхалъ за границу, а именно въ Вѣну. Возвратившись оттуда въ 1812 году, Новосильцевъ (нѣсколько позже) принималъ дѣятельное участіе въ организаціи Польши, и императоръ особенно благодарилъ его въ 1823 году за его старанія по устройству польскихъ училищъ. Въ 1824 году Новосильцевъ былъ назначенъ попечителемъ въ Вильну, въ 1834 году предсѣдателемъ государственнаго совѣта, въ 1835 году возведенъ въ графское достоинство; умеръ въ 1838 году въ званіи предсѣдателя государственнаго совѣта.

**) Князь Адамъ Адамовичъ Чарторыйскій (родившійся въ 1770 г., умершій въ 1861 г.) въ молодости своей былъ присланъ изъ Польши въ Петербургъ въ качествѣ заложника и назначенъ состоять при цесаревичѣ Александрѣ. Позднѣе былъ онъ отравленъ посланникомъ къ Сардинскому двору, который тогда находился въ Римѣ. Оттуда вызвалъ его императоръ Александръ письмомъ отъ 17-го марта 1801. Съ 1803 по 1822 годъ состоялъ онъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и кромѣ того нѣсколько лѣтъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ. По природѣ одаренный богатыми способностями, при многостороннемъ образованіи, которое было довершено въ Эдинбургѣ и Лондонѣ, князь Чарторыйскій пользовался расположеніемъ Петербургскаго общества. (Гр. Э. В. Радолицинъ говоритъ даже о немъ: «зная всѣхъ вельможъ, я скажу что, снѣтъ Чарторыйскаго, на мѣсто его ни единого человѣка нѣтъ» — XIX вѣкъ 2, 92). Явные польскія его тенденціи прекратили возможность его дальнѣйшей дѣятельности. Онъ былъ оставленъ въ 1824 году, принималъ дѣятельное участіе въ польской революціи, вслѣдствіе чего долженъ былъ удалиться за границу. Очень интересна книга: Alexandre I et le prince Czartoryski. Correspon-

комитетъ, одинъ или два раза въ недѣлю собиравшійся у него для совѣщаній (съ мая 1801 до конца 1803 года). Кроме ихъ принималъ участіе въ этихъ совѣщаніяхъ графъ (впослѣдствіи князь) В. П. Кочубей ¹⁾. Графъ Строгановъ писалъ протоколы всего, что происходило въ комитетѣ (содержаніе ихъ составляетъ весьма интересную часть книги ген. Богдановича о царствованіи Александра I; см. приложение къ I тому, стр. 38—91).

Графъ Строгановъ пишетъ, между прочимъ, о засѣданіи неофициальнаго комитета 23-го декабря 1801 года слѣдующее: „Его величество предложилъ заняться чтеніемъ полученной имъ отъ Лагарпа ²⁾

dance particulière et conversations, 1801—1823. Pub. par le prince L. Czartoryski. Paris. 1865.

***) Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, единственный сынъ извѣстнаго при Екатеринѣ магната, въ семействѣ котораго любовь къ искусству была наследственною, былъ воспитанъ якобинцемъ Роммомъ во время пребыванія вѣствъ съ отцомъ съжить во Франціи. Графъ Павелъ Строгановъ былъ извѣстенъ какъ вполне благородный человекъ съ самыми любезными приемами. Воспитанный исключительно подъ французскимъ вліяніемъ, онъ считался ревностнымъ поклонникомъ Мирабо, что впрочемъ не помѣшало ему сдѣлаться «самымъ усерднымъ и ревностнымъ русскимъ патриотомъ» (Гречъ). Онъ былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, но вскорѣ перешелъ въ военную службу и участвовалъ въ войнахъ съ Франціею; въ сраженіи при Краонѣ лишился единственнаго сына — это былъ сильный ударъ для его сердца; онъ умеръ въ 1817 году, путешествуя по Италиі.

¹⁾ Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей (родился въ 1768 году) первоначально воспитывался въ домѣ своего дяди канцлера князя Безбородко, потомъ продолжалъ свое образованіе въ Женевѣ; затѣмъ былъ порученъ наблюденію русскаго посланника въ Лондонѣ, гдѣ занимался политическими науками. Въ 1792 году получалъ постъ чрезвычайнаго посланника въ Константинополь, а императоръ Александръ назначилъ его министромъ внутреннихъ дѣлъ. И графа Кочубея упрекали въ томъ, что Англію знаетъ онъ лучше чѣмъ Россію, но даже порядкители признавали въ немъ рѣдкое и необходимое качество государственнаго человека, — искусство познавать людей, употреблять ихъ сообразно ихъ способностямъ. См. A la mémoire du Prince Kotschoubey, chancelier, par Gillet. 1834.

²⁾ Фридрихъ-Цесаръ Лагарпъ родился 6-го апрѣля 1754 году въ маленькомъ городѣ Роллѣ на Женевскомъ озерѣ. Прекрасная біографія Лагарпа составлена г. Сухомлиновымъ по бумагамъ этого писателя, хранящихся въ бібліотекѣ кантона Лозанны и у одного изъ его родственниковъ — г. Моно. (С.-Петербургъ, 1871). Школьное образованіе Лагарпъ получалъ въ семинаріи М. Шанты въ Галденштейнѣ (кантонъ Граубюнденъ); душою этой семинаріи былъ педагогъ Неземаннъ; тамъ преподавали исторію, географію, логику, естественное право, математику, естествознаніе, бухгалтерію, чистописаніе и правописаніе, а также языки латинскій, италіанскій, французскій и иѣмецкій. Неудовлетворительно былъ поставленъ греческій языкъ, который Лагарпъ хорошо изучилъ будучи уже шестидесяти лѣтъ. Позднѣе Лагарпъ занимался въ Женевѣ преимущественно изученіемъ философіи, въ Тюбингенѣ изучалъ право, причемъ усовершенствовался также въ своихъ любимыхъ предметахъ — математикѣ и древнихъ языкахъ. Въ Тюбингенѣ получилъ онъ степенъ доктора правъ (1773). Возвративъ въ свое

записки о народномъ образованіи“. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ, касавшихся этого предмета, императоръ обращался за совѣтомъ къ Лагарпу, которому принадлежало „преобладающее участіе въ умственномъ воспитаніи“ государя и который, при своемъ прямомъ независимомъ характерѣ, при своихъ твердыхъ убѣжденіяхъ и нравственномъ достоинствѣ, имѣлъ величайшее вліяніе на Александра, когда онъ былъ еще великимъ княземъ. Жозефъ де-Местръ говорилъ въ 1805 году: „Императоръ—философъ и, если смѣю такъ выразиться, слишкомъ философъ. Лагарпъ произвелъ на его юное сердце неизгладимое впечатлѣніе“.

„На основаніи этого проекта, продолжаетъ журналъ Строганова, надлежало учредить по сей части государственнаго управленія особый комитетъ, поставя во главѣ его министра. Такое центральное учрежденіе должно было имѣть свои вѣтви въ губерніяхъ и инспекторовъ назначаемыхъ отъ дворянства“. Далѣе Лагарпъ указывалъ на необходимость имѣть школы и учителей въ селахъ, „чего трудно вездѣ, а въ особенности у насъ, но si on ne commence rien, on n'arrive à rien“. Тѣ же мысли сообщаетъ намъ г. Сухомлиновъ изъ бумагъ Лагарпа (стр. 77): „У Французовъ есть свой институтъ, считающій

отечество, онъ первоначально посвящалъ себя юридической практикѣ. Въ 1782 г. въ качествѣ ментора совершилъ онъ путешествіе съ братомъ генерала А. Ланскаго въ Италію и чрезъ это сдѣлался извѣстенъ императрицѣ Екатерины. Въ началѣ 1783 года прибылъ онъ въ Россію. По случаю представленнаго имъ мемуара педагогическаго и дидактическаго содержанія отъ 10-го іюня 1784 года, Лагарпъ былъ назначенъ наставникомъ къ внукамъ императрицы, великимъ князьямъ Александру и Константину. Въ упомянутомъ мемуарѣ онъ говоритъ, что учебными предметами должны быть слѣдующіе: географія (начиная преподаваніе ея съ Россіи), астрономія, хронологія, математика, исторія, нравоученіе, правила законовъ гражданскихъ, философія, греческій языкъ (латинскій былъ исключенъ). Всюду при преподаваніи руководствами должны служить лучшія сочиненія, а при изученіи исторіи — древніе писатели. Изъ бумагъ Лагарпа видно, что лекціи его составляли 12 томовъ, изъ коихъ 9 преимущественно относились къ Римской исторіи. Каждая страница читаннаго Лагарпомъ курса была просматриваема Екатериною, которая много разъ выражала свое полное одобреніе. Съ женитбою Александра (1793 г.) прекратилось преподаваніе. Въ 1795 году Лагарпъ возвратился въ Швейцарію, гдѣ онъ занялъ должность президента Швейцарской директоріи, вслѣдствіе чего въ 1799 г. былъ лишенъ русскаго ордена и пожалованной ему Екатериною пенсіи. По воцареніи императора Александра Лагарпъ возвратился въ Россію (1801) и въ теченіе хотя непродолжительнаго времени (до мая 1802 года) не отлучался отъ особы своего царственнаго воспитанника, а затѣмъ отношенія ихъ поддерживались перепиской. «Искренно желаю», писалъ Лагарпъ, «чтобы челоѵколюбивый Александръ занялъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ міра, между благодѣтелями рода челоѵческаго и защитниками началъ истины и добра». Онъ жилъ нѣкоторое время въ Пасси-Пике близъ Парижа, въ 1816 году перѣхалъ въ Лозанну, гдѣ занимался естественными науками, отечественною исторіею и социальными вопросами; умеръ 30-го марта 1838 года.

въ числѣ своихъ членовъ знаменитыхъ ученыхъ; есть политехническая школа, пританен, коллегіумы, академіи, словомъ все, что блеститъ и пускаетъ пыль въ глаза. Но во Франціи ничего не сдѣлано для образованія жителей сель и деревень. Пусть въ большихъ городахъ учреждаются университеты, гимназіи и другія училища, но вмѣстѣ съ ними пусть откроются и сельскія школы, въ которыхъ будутъ учить, по крайней мѣрѣ, читать, писать и считать. Существованіе народныхъ школъ составляетъ огромное преимущество и нравственную силу Англіи, Голландіи, Америки и протестантской Германіи. Необходимо собрать точныя свѣдѣнія о распространеніи грамотности въ Россіи и т. д., и позаботиться о приготовленіи для народныхъ школъ учителей и о составленіи руководствъ "... Лагарпъ ожидаетъ отъ народныхъ школъ величайшей пользы, особенно при врожденныхъ свойствахъ русскаго народа: немногіе, говоритъ онъ, народы въ такой степени, какъ Русскій, достойны благъ образованія. Русскій народъ отличается силой характера, отвагою, добродушіемъ и веселостію. Обращаясь къ государю Лагарпъ продолжаетъ: „Не допустите повториться тому, что произошло въ царствованіе вашей августѣйшей бабки. Запретите щеголять вѣшнимъ блескомъ!.. Народное просвѣщеніе, распространенное повсюду, полезное, а не блестящее — вотъ краеугольный камень всего зданія“. Далѣе въ своемъ журналѣ графъ Строгановъ сообщаетъ слѣдующее: „Въ письмѣ, приложенномъ къ проспекту, Лагарпъ просилъ сообщить ему свѣдѣнія о настоящемъ положеніи народнаго образованія въ Россіи. Государь приказалъ комиссіи училищъ доставить требуемыя свѣдѣнія, но она ограничилась историческимъ изложеніемъ учрежденія самой комиссіи и указаніемъ цѣли своихъ занятій“. И въ этомъ отношеніи изъ бумагъ Лагарпа можно почерпнуть интересныя свѣдѣнія. Такъ о послѣднемъ отчетѣ, представленномъ комиссіею императору Павлу, Лагарпъ отзывался такимъ образомъ: въ немъ много невѣрностей, пропусковъ, неточностей. Число учителей 914 показано невѣрно, ибо многіе изъ нихъ занимаютъ учительскія мѣста въ нѣсколькихъ заведеніяхъ. Съ 1781 по 1800 годъ было открыто 221, а вмѣстѣ съ школами въ столицахъ 250 школъ. Въ первыя 12 лѣтъ было открыто 216 школъ, слѣдовательно, по 18 ежегодно; въ первыя пять лѣтъ было открыто 169 школъ, слѣдовательно по 34 ежегодно. „О такомъ невозможномъ успѣхѣ много говорили въ свое время, награды посыпались тому, кто приписывалъ себѣ это чудо, а также и кліентамъ чудотворца. Награды розданы и чудеса прекратились. Въ два послѣдніе года царствованія Екатерины основано только три училища; съ восшествіемъ на престолъ императора Павла комиссія словно проснулась, основала вдругъ 13 школъ, и затѣмъ погрузилась въ свою обычную летаргію“.

„Сотрудники государя, гласить далѣе журналъ, обратили его вниманіе на то, что у насъ дѣло народнаго образованія представляетъ необычайную смѣсь и пестроту, что еще недавно были учреждены въ разныхъ губерніяхъ военныя школы, имѣвшія разнообразное устройство, и что за нѣсколько дней передъ симъ преобразована школа сенатскихъ юнкеровъ на весьма неопредѣленныхъ основаніяхъ“. По мнѣнію графа Строганова, общественное образованіе должно заключать въ себѣ всѣ общія свѣдѣнія, которыя надлежало распространять въ народѣ, въ различной степени; затѣмъ слѣдовало образованіе специальное для лицъ, которыя, уже получивъ общее образованіе, готовятъ себя къ извѣстному поприщу общественной дѣятельности: морской службѣ, артиллеріи, инженерному дѣлу, а также правовѣдѣнію. „Подобнымъ образомъ, — говоритъ онъ, — устроены учебныя заведенія во Франціи“. (Справедливо замѣчаетъ г. Панинъ¹⁾), что это именно та система, которая начинаетъ вводиться только въ наше время: прежнія спеціальныя училища начинаютъ распадаться на предварительные курсы общаго образованія и высшіе курсы—спеціального. Таковы, говоритъ онъ, мѣры какъ, напримѣръ, преобразование кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, за которыми слѣдуютъ спеціальныя военныя училища или какъ сближеніе семинарскаго курса съ гимназическимъ). „Но государь возразилъ, что не вѣсто удобно вводить у насъ, что хорошо за границей, что надлежало измѣнить для насъ многое изъ существующаго во Франціи, сообразно обстоятельствамъ, и что у насъ есть старинныя учрежденія, къ коимъ слѣдовало примѣнить новыя“. Положено было составить на сей предметъ особую комиссію. „Новосильцевъ замѣтилъ къ тому, что мы вообще нуждаемся въ систематическомъ устройствѣ“.

Вопросы, относящіеся къ народному образованію, разсматривались затѣмъ въ засѣданіи комитета 11-го апрѣля 1802 г. ²⁾ „За нѣсколько дней до сего совѣщанія его величество сообщилъ членамъ комитета проектъ Лагарпа объ устройствѣ министерства народнаго просвѣщенія и проектъ директора кадетскаго корпуса, генерала Клингера ³⁾, объ устройствѣ народныхъ училищъ. Какъ

¹⁾ Обществ. движеніе при Алекс. I, стр. 92.

²⁾ Богдан., стр. 77.

³⁾ Фридрихъ Клигеръ, извѣстный сочинитель романовъ, прибылъ въ Россію съ рекомендательнымъ письмомъ герцога Виртембергскаго, вступилъ въ 1780 г. въ русскую службу и былъ назначенъ въ 1799 г. директоромъ кадетскаго корпуса императоромъ Павломъ, у котораго онъ прежде состоялъ въ должности чтеца и сопровождалъ государя въ его пугешествіяхъ. «Vir priscus, ingenio magnus, virtute major», такъ гласитъ надпись на памятникѣ Клингера, умершаго въ 1837 году. Роммель говоритъ (въ автобіографіи своей въ Fr. Bülow's Geheime Geschichten u. räthselhafte Menschen, V, 583): «знакомство съ этимъ человекомъ составляетъ самое лучшее воспоминаніе моего пребыванія въ

оба проекта имѣли связь съ проектомъ учрежденія министерствъ, то Новосильцевъ доложилъ государю, что слѣдовало бы принять во вниманіе въ общемъ постановленіи довольно основательныя идеи Лагарпа. Его величество отвѣчалъ, что Лагарпъ желалъ, чтобы это было сдѣлано неотлагательно и что онъ самъ раздѣлялъ это мнѣніе, *puisque cela serait déjà autant de fait*. Но члены комитета замѣтили ему, что отъ такого отдѣльнаго исполненія одной изъ частей проекта могла произойти несвязность (*incohérence*) прочихъ, весьма вредная для успѣха дѣла, и что лучше было подождать двѣ или три недѣли, нежели торопиться съ несвоевременнымъ учрежденіемъ одного вѣдомства. Государь, казалось, созналъ справедливость этого мнѣнія. Касательно же проекта, составленнаго генераломъ Клингеромъ, Новосильцевъ доложилъ его величеству, что онъ оказался неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, Клингеръ предлагалъ имѣть учителей въ каждомъ изъ селеній, по числу коихъ въ Имперіи потребовалось бы несмѣтное множество учителей, и къ тому же въ иныхъ мѣстахъ у насъ населеніе такъ разсыпано, что нерѣдко пришлось бы имѣть учителя на два или три крестьянскихъ дома; если же предполагалось ограничиться учрежденіемъ приходскихъ школъ, то всего лучше ввѣрить обученіе дѣтей прихожанъ священникамъ, какъ ближайшимъ наставникамъ своей духовной паствы. Генералъ Клингеръ предлагалъ брать школьныхъ учителей изъ семинаристовъ, либо унтеръ-офицеровъ. Что касается до первыхъ, сказалъ Новосильцевъ, если мы устранимъ ихъ отъ вступленія въ духовное званіе, то и безъ того уже значительное число несвѣдущихъ священниковъ еще болѣе умножится и, напротивъ того, ежели они будутъ идти по тому пути, который для нихъ былъ назначенъ отъ самой колыбели, это послужитъ въ пользу, доставя, мало по малу, духовенству надле-

Петербургу... Клингеръ занималъ въ Россіи самыя почетныя должности, не смотря на ревностное противодѣйствіе многихъ магнатовъ, а по своей правдивости, безкорыстію и силѣ характера приобрѣлъ привилегію крайне рѣдкою въ Россіи независимости и откровенности. Занимая должность начальника кадетскаго корпуса и попечителя Дерптскаго университета, онъ проводилъ лучшіе часы своей жизни у своей повровительницы, императрицы Маріи Федоровны. И напелъ его только что потерявшимъ единственнаго сына въ войнѣ съ Наполеономъ (1812, при Бородинѣ), въ черствомъ, почти мизантропическомъ настроеніи духа, которое очень согласовалось съ его суровою, почти колоссальною фигурой и которое такъ сильно противорѣчило любезному и мягкому характеру его секретаря Музеуса; онъ былъ очень оживленъ, когда касался любимой своей темы, честолюбиваго безумія Наполеона и рабства нѣмецкихъ князей. Въ 1804 году предложилъ онъ самъ запретить свои сочиненія, считая ихъ вредными для юношества. Въ 1817 получилъ отставку. Карамзинъ (Письма, стр. 204) говоритъ: «Клингеръ уволенъ; мыъ сказывали, что онъ считается вольномыслителемъ» (Ср. также «Воспоминанія» Ф. Будгарина, относительно Клингера, кажется, достоверныя).

жащее уваженіе. На замѣчаніе государя, что „это будетъ не скоро“, Новосильцевъ отвѣчалъ: „лучше подвигаться медленно, но вѣрно, нежели торопиться, жертвуя достоинствомъ предполагаемыхъ учреждений“. Когда же государь сказалъ, что немногіе лишь семинаристы захотятъ быть священниками, Новосильцевъ замѣтилъ, что это было весьма естественно. Съ вѣкотораго времени многіе изъ нихъ поступили въ гражданскую службу и быстро возвысились, что побудило ихъ товарищей оставлять духовное званіе; но если бы имъ былъ закрытъ выходъ оттуда, то они по необходимости держались бы своего первоначальнаго назначенія. Затѣмъ, рѣшеніе всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ было отложено до учрежденія министерствъ“.

Кромѣ того, еще разъ комитетъ въ своемъ 14 засѣданіи (12-го мая того же года) обсуждалъ вопросы объ организаціи общественнаго образованія. Въ этомъ засѣданіи были прочитаны шесть записокъ, представленныхъ графомъ Александромъ Воронцовымъ. Въ первой изъ нихъ, касавшейся министерствъ вообще, графъ Воронцовъ высказывалъ мнѣніе, что „слѣдовало исключить изъ министерства народнаго просвѣщенія всѣ кадетскіе корпусы, долженствующіе находиться въ вѣденіи военнаго и морскаго министровъ. Егѳ величество изъявилъ мнѣніе, что нѣтъ причины исключать ихъ изъ вѣдомства учебныхъ заведеній. Князь Чарторыйскій возразилъ, что кадетскіе корпусы имѣли специальное назначеніе и потому не слѣдовало ихъ подчинять министерству, имѣющему цѣлью общее образованіе. По мнѣнію графа Строганова, надлежало на первый разъ оставить ихъ въ вѣденіи министра народнаго просвѣщенія, сообразно съ общемою системою управленія. Онъ замѣтилъ, что во Франціи specialныя школы были подчинены различнымъ министерствамъ, потому что воспитанники этихъ школъ, получивъ приготовительное (общее) образованіе въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ и вступивъ въ specialныя училища, считались на службѣ и только довершали тамъ курсъ наукъ пріобрѣтеніемъ знаній, необходимыхъ по ихъ части. И потому, если у насъ будетъ принята эта система, то слѣдовало—по его мнѣнію—предоставить окончательное образованіе молодыхъ людей въ specialныхъ заведеніяхъ тѣмъ министерствамъ, въ вѣденіи которыхъ они будутъ состоять на службѣ; въ противномъ же случаѣ specialныя учебныя заведенія должны быть поручены министерству народнаго просвѣщенія. По видимому, государь одобрилъ эту идею. Кромѣ того, обсуждали вопросъ: какъ назвать это вѣдомство? Министерствомъ общественнаго образованія либо воспитаній? Графъ Кочубей полагалъ, что слѣдовало предпочесть слово: „воспитаніе“ потому, что оно менѣе громко, и, напротивъ того, слово: „образованіе“ поведетъ къ ложнымъ толкамъ, по господствующему у насъ предрасудку, будто бы просвѣщеніе опасно“, (ср. напримѣръ, *Съверный Вѣстникъ* за 1804 г. I, 39: „знаменитые

писатели... нерѣдко порицають науки, будто бы онѣ причинили много въ мірѣ зла и нѣкоторые, слышу, того-жъ ожидаютъ въ любезномъ отечествѣ нашемъ отъ просвѣщенія“). „Но прочіе члены думали, что слово: образованіе болѣе точно, что воспитаніе совершенно иное дѣло, о которомъ нельзя и помышлять, и что не слѣдовало смѣшивать этихъ понятій; къ тому же терминъ: образованіе—не могъ повести ни къ чему дурному, потому что просвѣщеніе, распространяемое правительствомъ, не возбудитъ ни чьихъ сомнѣній. Графъ Строгановъ сказалъ, что не было никакого неудобства не только употребить терминъ: воспитаніе, но даже въ послѣдствіи, давать общественное воспитаніе. По его мнѣнію, слово: воспитаніе—имѣло болѣе обширный смыслъ и заключало въ себѣ также и обученіе; онъ полагалъ ошибочнымъ возставать противъ общественнаго воспитанія, замѣтивъ, что его не слѣдовало смѣшивать съ народнымъ воспитаніемъ, которое, по его мнѣнію, въ дѣйствительности было невозможно. Общественное воспитаніе есть то, коимъ могутъ пользоваться всѣ граждане, а народное то, которое давалось бы всѣмъ гражданамъ безъ различія и проч. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго обсужденія, утвердили названіе: министерства народнаго просвѣщенія ¹⁾“.

До конца 1803 года продолжались совѣщанія комитета, но записки графа Строганова, который въ это время былъ занятъ дѣлами по министерству внутреннихъ дѣлъ, уже не отличаются прежнею подробностію. Изъ подлежащихъ разсмотрѣнію комитета вопросовъ нѣкоторые относятся къ военно-учебнымъ заведеніямъ, о которыхъ въ бумагахъ гр. Строганова мы находимъ слѣдующее (стр. 89): „Убѣдились, что, если не будетъ устроено обученіе военныхъ наравнѣ съ прочими, то армія останется въ невѣжествѣ, что могло имѣть весьма невыгодныя послѣдствія. Чтобы пособить тому, первоначально предполагали присоединить военныя школы, для научнаго образованія, къ губернскимъ гимназіямъ; въ отношеніи же къ воспитанію — совершенно подчинить эти школы военной дисциплинѣ, заставляя молодыхъ людей исполнять обязанности солдатъ. По окончаніи гимназическаго курса они выходили бы офицерами въ армію; тѣ же изъ нихъ, которые по призванію и успѣхамъ своимъ оказались бы способны служить въ специальныхъ родахъ войскъ, должны были пріѣзжать въ Петербургъ, для поступленія въ высшія военныя училища. Въ одномъ изъ засѣданій комитета (dans un des petits comités) говорили императору о необходимости обратить вниманіе на сей

¹⁾ Изъ этого слѣдуетъ, что установленіе этого названія не принадлежитъ инициативѣ Мартынова, назначеннаго директоромъ департамента въ 1803 году, какъ утверждаетъ г. Колбасинъ (Литературные дѣятели прежняго времени. С.-Петербург. 1859), на основаніи повидимому словъ самого Мартынова.

предметъ, и какъ у него былъ проектъ князя Зубова, предлагавшаго учредить военныя школы въ нѣсколькихъ губернскихъ городахъ, то онъ поручилъ Новосильцеву рассмотреть всѣ эти бумаги и приложить къ нимъ собственное мнѣніе. Въ запискѣ, имъ поданной государю, онъ высказалъ мелочность видовъ князя Зубова, ограничивавшаго научное образованіе воспитанниковъ въ корпусахъ чтеніемъ, письмомъ, ариметикою и нѣкоторыми изъ иностранныхъ языкомъ. Существенное различіе обоихъ плановъ заключалось въ томъ, что Зубовъ предлагалъ присылать въ Петербургъ всѣхъ воспитанниковъ, до производства ихъ въ офицеры, а Новосильцевъ — выпускать ихъ въ офицеры прямо изъ гимназій. Императоръ вполне видѣлъ неудобства плана Зубова и предпочелъ тотъ, который былъ составленъ Новосильцевымъ, но и въ послѣднемъ многое ему не нравилось: во первыхъ, онъ находилъ страннымъ общее обученіе въ гимназіяхъ. „Какимъ образомъ“, — говорилъ онъ, — „ходить туда такъ часто изъ корпуса? Это будетъ напрасная трата времени, разстроитъ военныя упражненія“ и т. п. Его старались успокоить на сей счетъ, убѣждая, что отдѣливъ воспитаніе отъ научнаго образованія и сдѣлавъ первое, на основаніи положенія о корпусахъ, совершенно военнымъ, можно было бы расположить учебныя часы такъ, чтобы оставалось достаточно времени для занятій по фронтальной части. Государь, сознавъ истину этихъ доводовъ, остался однако же непоколебимъ. Онъ не хотѣлъ о томъ и слышать, основываясь на томъ, что въ войскахъ необходимо единообразіе, которое могли усвоить воспитанники лишь въ Петербургѣ, въ присутствіи императора... Наконецъ ему предложили учредить комитетъ военныхъ училищъ и онъ на то согласился⁴.

Изъ рассмотрѣнія этихъ относительно подробныхъ совѣщаній невольно выносятся впечатлѣнія, что совѣщавшіеся не только были знакомы съ общими вопросами образованія, но и о положеніи этого дѣла въ Россіи имѣли далеко не столь смутныя понятія, какъ обыкновенно думали, правда, большею частью до напечатанія бумагъ, касающихся комитета.

Между тѣмъ, еще передъ послѣднимъ совѣщаніемъ былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ: 8-го сентября 1802 года былъ обнародованъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ и въ главѣ VII этого манифеста поименовано „министерство народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ¹⁾“.

Тотъ же манифестъ гласилъ, что министерство это имѣетъ въ непосредственномъ вѣденіи своемъ Главное училищное правленіе, обя-

¹⁾ Два послѣднія названія впоследствии въ официальныхъ бумагахъ не употреблялись.

занности коего были обозначены указомъ отъ того же числа, въ которомъ оно еще впрочемъ называется „Коммисією объ училищахъ“.

Члены этого Главнаго Правленія должны были „раздѣлить между собою вѣденіе всѣхъ состоящихъ въ Имперіи училищъ по полосамъ или провинціямъ, объемлющимъ нѣсколько губерній, и, получая вѣдомости о состояніи и представленія по дѣламъ училищъ, обязаны были особенно пещись о успѣхахъ всѣхъ заведеній, для распространенія образованія учрежденныхъ, по соображенію нуждъ и удобностей каждаго отдѣленія. Всякое новое распоряженіе, признанное членомъ сей коммисіи нужнымъ для дальнѣйшихъ успѣховъ и пользы ввѣренной ему части, предлагается полному собранію на усмотрѣніе и утверждается министромъ, а то, что превосходитъ власть его, то подносится Намъ на конфирмацію. Главною цѣлью, которую должны имѣть члены тѣхъ отдѣленій, гдѣ еще нѣтъ университетовъ, есть учрежденіе оныхъ. Университеты, расширяя кругъ познаній въ своихъ отдѣленіяхъ, могутъ удобно принять на себя надзираніе надъ всѣми прочими училищами и вспомоцествовать членамъ въ управленіи ихъ отдѣленій. Такимъ образомъ, не токмо облегчится и скорѣе совершенства достигать можетъ важнѣйшая сія часть государственной попечительности, образуя повсемѣстно просвѣщенныхъ и благоправныхъ гражданъ для всѣхъ родовъ службы и должностей общественныхъ, но особенно труды каждаго члена сей коммисіи, къ пользѣ и славѣ отечества подъемлемыя, по мѣрѣ успѣховъ каждаго, явны учинятся и обратятъ на себя признательность Наму“. Коммисіи, какъ сказано въ заключеніи, „не оставитъ сочинить и представить Намъ полный планъ, по которому поступать будетъ согласно съ симъ указомъ;... въ ономъ объяснятся и тѣ правила, на которыхъ должны быть основаны сношенія и зависимость окружныхъ училищъ отъ центральныхъ университетовъ, а сихъ послѣднихъ отъ членовъ Коммисіи“. Въ то же время были назначены: министромъ народнаго просвѣщенія графъ Петръ Завадовскій, товарищемъ министра бывший наставникъ государя Михайлъ Муравьевъ, членами Главнаго Правленія Училищъ: тайные совѣтники князь А. Чарторыйскій и графъ Северинъ Потоцкій, генералъ-маіоры Клингеръ и Хитровъ, академики статскіе совѣтники Озерецковскій и Фустъ; директоромъ канцеляріи (правителемъ дѣлъ) коллежскій совѣтникъ Каразинъ. Кромѣ того, причислились къ Главному Правленію сенаторъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Петръ Свистуновъ и бывшіе члены прежней коммисіи тайные совѣтники Федоръ Янковичъ де-Мириѣво и Петръ Пастуховъ.

Графъ Петръ Завадовскій ¹⁾, „умная украинская голова“, какъ

¹⁾ Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій родился въ 1738 (по другимъ, въ 1739) году въ Черниговской губерніи и былъ сыномъ казацкаго маіора; перво-

называютъ его современники, въ два предшествовавшія царствованія занималъ различныя должности; какъ бывшій президентъ учрежденной при Екатеринѣ II въ 1782 году Коммиссiи училищъ, онъ имѣлъ большую опытность при назначенiи его въ новую должность. Но главныя его заслуги по устройству учебной части не относятся ко времени новаго царствованiя и если было сказано, что въ управленiе его министерствомъ „было сдѣлано по этой части болѣе въ восемь лѣтъ, нежели во все предшествовавшее столѣтiе“, что „время управленiя министерствомъ Завадовскаго останется навсегда блестящею эпохою въ исторiи народнаго просвѣщенiя въ Россiи“, то гораздо основательнѣе утверждаетъ г. Пыпинъ, что заслуга невиданнаго до той поры движенiя въ обществѣ принадлежитъ всего больше самому Александру, который своимъ примѣромъ одушевлялъ всѣхъ. Нужно прибавить, что главными двигателями энергической дѣятельности Коммиссiи были молодые люди, прежде всего Новосильцевъ, потомъ Чарторыйскiй и Муравьевъ. О Завадовскомъ слышались не только острыя замѣчанiя графа Раstopчина, который въ 1803 г. говорилъ, что онъ „играетъ лишь при свѣчахъ въ бостонъ и выпрашиваетъ хохламъ чины, производи имъ въ ученые“ (XIX Вѣкъ, 2, 17, 112), но и болѣе вѣскiя сужденiя вроткаго Строгалова (назначеннаго указомъ 26-го сентября членомъ Главнаго Правленiя училищъ и исправляющимъ должность попечителя въ Петербургѣ); въ

начальное образованiе получалъ въ домѣ своего дяди, малороссiйскаго подкоморiя, который позже помѣстилъ его въ иезуитскую школу въ Оршѣ. Тамъ между прочимъ изучилъ онъ и польскiй языкъ, знанiе коего содѣйствовало сближенiю его съ влiятельными польскими магнатами. Поступивъ въ Кiевскую духовную академiю, гдѣ господствовала латынь, изучилъ римскихъ писателей, чтенiе которыхъ осталось на всю жизнь любимымъ его занятiемъ въ часы досуга; онъ любилъ украшать рѣчь свою латинскими цитатами и даже на его русскомъ слогѣ отражалось влiянiе латинскаго языка. Когда ельдмаршалъ Румянцевъ-Задунайскiй вступилъ въ управленiе Малороссiей, онъ ввѣрилъ Завадовскому свою тайную канцелярiю. Труды Завадовскаго обратили на него вниманiе Екатерины II, которая назначила его сенаторомъ и главнымъ директоромъ банковъ, вслѣдствiе чего у него, какъ и слѣдовало ожидать, появились завистники. При императорѣ Павлѣ въ 1797 году былъ онъ возведенъ въ графское достоинство, но въ 1799 году, за безпорядки въ банкѣ, уволенъ отъ службы. Въ день вступленiя своего на престолъ императоръ Александръ призвалъ его опять на государственную службу, первоначально въ коммисiю о составленiи законовъ. Когда Завадовскiй вышелъ изъ министерства народнаго просвѣщенiя (11 апрѣля 1810 года), то былъ назначенъ председателемъ департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ; умеръ 10-го января 1812 года. Изъ того немногаго, что напечатано о Завадовскомъ, заслуживаетъ вниманiя помѣщенный въ «Дневникѣ чиновника» (Ж. М. Н. II. LXXXVIII, 6, 128) разговоръ Завадовскаго — 1807 года — о влiянiи возрастающаго образованiя на политическое положенiе Россiи. Речь отзывается о бывшемъ министрѣ, какъ о человѣкѣ «большаго ума, обогащеннаго познанiями тогдашняго времени», но «лѣнливомъ и чувственномъ».

письмѣ отъ 28-го октября 1804 года онъ писалъ Новосильцеву: „Notre instruction publique va un peu lentement. Dieu, après avoir fait le monde en six jours, se reposa le septième, mais notre ministre fait mieux: il ne fait rien les six jours et néanmoins se repose le septième. Depuis un mois nous n'avons pas eu de séance du правленіе“ ¹⁾. Если письмо это относится дѣйствительно къ тому числу, которымъ оно помѣчено, то нельзя не считать высказаннаго въ немъ сужденія преувеличеннымъ: оно свидѣтельствуетъ только о нетерпѣливомъ рвеніи писавшаго. Правда, между краткимъ засѣданіемъ 30-го сентября и засѣданіемъ 10-го ноября 1804 года, какъ видно изъ журнала Главнаго Правленія училищъ, происходило одно только засѣданіе (6-го октября), за то въ декабрѣ и февралѣ было по 4 засѣданія, въ мартѣ, юнѣ и августѣ по 3, такъ что въ 1804 году было не менѣе 27 засѣданій. Но самымъ вѣрнымъ доказательствомъ того, что главныя заслуги министра принадлежали прошлому времени, служитъ письмо императора (въ Сборникѣ Русск. Истор. Общества, т. V, стр. 39), въ которомъ онъ отвѣчаетъ Лагарпу на сомнѣнія сего послѣдняго относительно Заводовскаго: „Vos regrets sur la nomination de Zavadovski à la place de ministre de l'instruction publique seroient diminués, si vous étiez au fait de l'organisation de son ministère. Il est nul. C'est un Conseil composé de Mouravief, Klinguer, Chartoryski, Novosiltzef etc., qui regit tout, il n'y a pas un papier, qui ne soit travaillé par eux, pas un homme, qui ne soit placé par eux. La fréquence de mes rapports avec les deux derniers surtout empêche le ministre d'opposer le moindre obstacle au bien que nous tachons de faire. Au reste, nous l'avons rendu content au possible, un vray mouton, enfin il est nul et n'est dans le ministère, que pour ne pas crier, s'il en fût exclu“ ²⁾.

Тайный совѣтникъ и сенаторъ Михайлъ Муравьевъ ³⁾, назначенный

¹⁾ Наше общественное образованіе двигается тихо. Господь Богъ, сотворивъ міръ въ 6 дней, почилъ въ седьмой день; министръ нашъ поступаетъ лучше: онъ шесть дней ничего не дѣлаетъ, и, не смотря на то, въ седьмой отдыхаетъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца мы не имѣли ни одного засѣданія въ главномъ правленіи.

²⁾ Ваше сожалѣніе о назначеніи Заводовскаго уменьшится, когда вы получите вѣрныя свѣдѣнія относительно организаціи ввѣреннаго ему министерства. Онъ самъ нуль. Совѣтъ, составленный изъ Муравьева, Клингера, Чарторыйскаго, Новосильцева и т. д., управляетъ всею; нѣтъ бумаги, которая была бы не ими обработана, нѣтъ человека, который бы не ими былъ назначенъ. Кроме того, мои частыя сношенія съ двумя послѣдними удерживаютъ министра препятствовать намъ въ нашихъ добрыхъ намѣреніяхъ. Впрочемъ, мы сдѣлали его снисходительнымъ до нельзя; настоящая овца; словомъ, онъ ничтоженъ и посаженъ въ министерство только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ.

³⁾ Михайлъ Никитичъ Муравьевъ родился въ 1757, слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, который былъ основанъ за два года до его рожденія.

товарищем министра народного просвѣщенія, былъ ученымъ по профессіи, представлялъ „рѣдкое явленіе въ исторіи нашей образованности по своей любви къ древней филологіи“, которая, впрочемъ, не

Изъ людей того времени, сдѣлавшихъ за ходомъ учебнаго дѣла, онъ былъ наиболѣе извѣстенъ въ Германіи, находясь въ сношеніяхъ съ замѣчательнѣйшими учеными этой страны. Въ исторіи русской литературы занимаетъ онъ также почетное мѣсто. Онъ умеръ 29-го іюля 1837 года. Слѣдующія мѣста изъ его сочиненій характеризуютъ его взгляды. Въ разсужденіи своемъ о нравоученіи онъ говоритъ слѣдующее: «Возвращаясь къ самому началу гражданскихъ обществъ, оно покушается представить себѣ человека въ первобытной простотѣ его и изъ этого вывести неотъемлемыя и священныя права человека, его простыя и начальныя чувствованія и склонности. Сие отдѣленіе нравоученія, извѣстное подъ именемъ Естественнаго Права, начертываетъ должности наши и сношенія въ разсужденіи Высшаго Существа саамого себя, ближняго общества. Оно предписываетъ наставленія всякому полу и состоянію, отцу, сыну, супругу, гражданину; оно учитъ соединять полезное съ честнымъ. Отъ домашней жизни семейства нравоученіе восходитъ къ изъясненію обязанностей политическаго общества, разлагаетъ дружныя правленія, начертываетъ дѣйствіе государственной власти до самаго ея источника... и такимъ образомъ даетъ рожденіе другой подчиненной наукѣ — извѣстной подъ именемъ Политики». (Соч. изд. Смирдинъ. 1856, II, 13*). Объ извѣстной литературѣ Муравьевъ говоритъ: «Словесныя науки первыя приобщаютъ и воспитываютъ человѣческій разумъ, едва исходящій изъ младенчества, сдѣлывая нечувствительнымъ образомъ грубыя игры перваго возраста вѣжливѣйшими и возвышеннѣйшими забавами разумныя, чувствованія, воображенія. Чтеніе открываетъ ему сокровища природы, разверзаетъ передъ нимъ завѣсу прошедшаго... Чувствительный молодой человекъ приучаетъ слухъ свой къ плавному согласію гармоніи стихотворства, къ важному теченію періодовъ ораторіи; онъ видитъ въ различныхъ языкахъ одни общія правила, потому что они пронесаются отъ свойствъ разума, который хотя и различенъ образованіями, но одинаковъ всюду существомъ своимъ; онъ отваживается начертать себѣ различныя дѣянія разума, чтобы выучиться уметовать и различать истину между заблужденіемъ. Природный языкъ становится ему тѣмъ дороже, что каждое онаго слово напоминаетъ связь его съ отечествомъ. Пренебрежетъ ли онъ чтонибудь, до онаго касающагося? Исторія, земисописание, ученіе законовъ, обзоріе торговли, его силы, населенія, суть предметы столькожъ пріятныя, сколько и необходимы». (Стр. 208). Какъ ясно выражается въ этихъ словахъ идеалъ образованія того времени! Счастливымъ считаетъ Муравьевъ того, «кто съ душевнымъ удовольствіемъ пробѣгаетъ поле наукъ, въ какомъ бы состояніи, въ какомъ бы возрастѣ онъ ни былъ». «Вы мнѣ хвалите невѣжество первыхъ времятъ, вы меня приглашаете предаться наслажденію жизни и нуждамъ моимъ безъ размысленія. Однако разумъ мой чувствуетъ живо, что такъ же, какъ тѣло, и имѣетъ онъ свои потребности... Движеніе свѣтилъ небесныхъ, строеніе тѣла, зрѣлище внутренности земли, разсмотрѣніе человѣческихъ пороковъ и добродѣтелей, картины умершихъ поколѣній, картины чувствій сердечныхъ, размысленіе о законахъ, искусствахъ, вся система наукъ... есть спокойное убѣжище отъ пороковъ, страстей и праздноствій». (Стр. 309). «Сынъ перваго вельможи имѣетъ преодолѣть столько же и можетъ быть и болѣе препятствій для освобожденія себя отъ невѣжества какъ и сынъ послѣдняго земледѣльца. Сія самая причина должна служить побужденіемъ высшимъ состояніямъ общества — утвердить ихъ преимущественно случайной породы и предпочтенія спмъ преимуществомъ, болѣе

ослѣпляла его относительно значенія другихъ предметовъ преподаванія. Основныя начала, высказанныя имъ государю при преподаваніи ему русскаго языка и русскоіи литературы, а равно и нравоученія, напечатанныя въ собраніи его сочиненій, заслуживаютъ полнаго вниманія. „Свобода и образованіе составляютъ главный фундаментъ, на которомъ созидается благосостояніе народа. Свобода изслѣдованія составляетъ необходимое условіе не только для развитія просвѣщенія, но и для поднятія народной нравственности“. Эту свободу объясняетъ онъ умственное превосходство протестантской Германіи въ сравненіи съ католическою, не смотря на единство народности. „Въ различныхъ областяхъ одного народа примѣчаютъ великое противоположеніе въ общежитіи и поведеніи людей, по мѣрѣ, какъ просвѣщеніе покровительствуется или утѣсняется.... Протестантскія земли, гдѣ царствуетъ разумная свобода въ разбирательствѣ мнѣній, отличаются общимъ распространеніемъ просвѣщенія и благоправія. Въ нихъ родились великіе писатели, которые возвысили нѣмецкій языкъ до соперничества съ французскимъ и англійскимъ. Австрія и Баварія не могутъ ничего противоположить славнымъ именамъ Лессинга, Виланда и Клопштока...“. Заслуживаетъ также вниманія и воззрѣніе его на исторію: „не должно останавливаться надъ происшествіями бесплодными и уединенными, паде сею угомяющею картиною брани и сраженій... Тѣ только происшествія заслуживаютъ все наше вниманіе, которыя были степенями или препятствіями народнаго восхожденія отъ дикости и невѣжества къ просвѣщенію и знаменитости. Особенно достойны вниманія нравы, владычествующій образъ мыслей, усѣхи общества, правила, заблужденія, обряды, которыми отличается каждое столѣтіе“. Какъ практично приступилъ онъ къ разрѣшенію подлежащей ему задачи, доказываетъ та часть перваго его отчета за 1803 годъ, гдѣ онъ говоритъ, что прежде всего вступилъ въ подробное сношеніе съ предшественникомъ своимъ тайнымъ совѣтникомъ Ковалевскимъ, который препроводилъ къ нему всѣ нужныя свѣдѣнія „какъ до успѣховъ, такъ и до хозяйственнаго управленія касающіяся“¹⁾.

24-го января 1803 года государь утвердилъ *предварительныя пра-*

основательнымъ, просвѣщеннаго и украшеннаго разума» (Стр. 303). Наконецъ: «Мудрое воспитаніе долженствуетъ паче всего цѣлѣу готовить отечеству безпрестанно поколѣнія юношей чувствительныхъ, не развращенныхъ худымъ примѣромъ, въ которыхъ бы возрастали вмѣстѣ съ лѣтами и просвѣщеніемъ ненависть къ пороку и любовь къ добродѣтели и къ отечественнымъ законамъ». (Стр. 189). Вездѣ у Муравьева высказывается мысль, что образованіе и ученіе возвышаютъ нравственность. Карамзинъ говоритъ о немъ, что страсть къ наукамъ равнялась у него только страсти къ добродѣтели.

¹⁾ См. *Шевыревъ*, Ист. Имп. Моск. Univ., 1855, стр. 328.

вила народного просвѣщенія ¹⁾, выработанныя Главнымъ Правленіемъ училищъ, причѣмъ была выражена увѣренность, „что и всѣ Напи вѣрноподданные примуть дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ споспѣшествовать Нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу Нашему любезномъ“. Правила раздѣлены на три главы въ 48 статьяхъ; въ нихъ говорится объ учрежденіи училищъ, устройствѣ ихъ учебной части и о распоряженіяхъ по части хозяйственной. Главная идея учебной организаціи высказывается въ слѣдующихъ постановленіяхъ: *Для нравственнаго образованія гражданъ соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія опредѣляются четыре рода училищъ: 1) училища приходскія, 2) уѣздныя, 3) губернскія или гимназіи и 4) университеты.* (Ст. 2-я). Всякій церковной приходъ, или два прихода вмѣстѣ, судя по числу прихожанъ и отдаленію ихъ жительствъ, должны имѣть по крайней мѣрѣ одно приходское училище (Ст. 3-я). Приходскія училища въ казенныхъ селеніяхъ ввѣряются приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей; въ помѣщичьихъ селеніяхъ они предоставляются просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ. (Ст. 4-я). За порядкомъ ученія наблюдаетъ смотритель училища того уѣзда, къ которому приходское училище принадлежитъ (Ст. 5-я).

Въ каждомъ уѣздномъ городѣ должно быть по крайней мѣрѣ одно *уѣздное училище*. Смотрители этихъ училищъ опредѣляются университетомъ непосредственно, или по представленію губернскаго директора училищъ, которому они подчинены во всѣхъ отношеніяхъ по училищамъ, въ ихъ вѣдѣніи находящихся (Ст. 6—8).

Въ каждомъ губернскомъ городѣ сверхъ нижнихъ училищъ первыхъ двухъ классовъ имѣеть быть *гимназія*, которая состоять будетъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и управленіемъ губернскаго директора училищъ. Директоръ по представленію университета своего округа опредѣляется Главнымъ училищъ правленіемъ. (Ст. 8—9).

Училища нѣсколькихъ сосѣдственныхъ губерній составятъ особый *округъ*, который будетъ подвѣдомъ одному изъ членовъ Главнаго училищъ правленія. (Ст. 13).

¹⁾ Это, по видимому, «Предначертаніе устава о общественномъ образованіи» (Сухомлиновъ, Мат. I, 60), которое было читано въ V засѣданіи (11-го октября 1802 г.). Но такъ какъ это Предначертаніе правителемъ дѣлъ В. Карзиннымъ было сизготовлено въ слѣдствіе и по содержанію приказаній ей (то-есть, комисіи илѣ главнаго правленія училищъ), то ему принадлежитъ только редакція, а не основныя идеи, какъ полагаетъ Н. Лавровскій (*Ж. М. Н. Пр.* CLIX, 59, и CLXV, 2, 298. См. *Русск. Арх.* 1873, 963). Самое значительное вліяніе имѣли при этомъ два проекта, одинъ внесенный уже въ 3-е засѣданіе Фусомъ, другой, позднее, Чарторыйскимъ.

Попечитель отвѣтствуетъ за благоустройство учебныхъ заведеній ввѣреннаго ему округа и обязанъ пещись о распространеніи и успѣхахъ народнаго просвѣщенія. О всякомъ новомъ распоряженіи по учебной или хозяйственной части онъ предлагаетъ на общее разсужденіе всѣхъ членовъ. Онъ обязанъ обзрѣвать училища своего вѣдомства по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ два года (ст. 20 и 21). Въ каждомъ округѣ учреждается университетъ. Кромѣ трехъ существующихъ уже университетовъ (въ Москвѣ съ 1755, и вновь основанныхъ въ Дерптѣ 12 декабря 1802 и въ Вильнѣ 4 апрѣля 1803 г.), таковыя должны быть учреждены въ С.-Петербургѣ, Казани и Харьковѣ; затѣмъ предназначаются для университетовъ города: Кіевъ, Тобольскъ и Устюгъ-Великій (ст. 14). Наконецъ, каждый университетъ долженъ имѣть учительскій или педагогическій институтъ (ст. 39).

Объ учебномъ планѣ мы скажемъ подробнѣе при изложеніи статей устава 1804 г.; пока же слѣдуетъ обратить вниманіе на тѣ постановленія, которыми правительство желало вызвать въ учительскомъ сословіи, правительственныхъ учрежденіяхъ и обществѣ усердіе къ новымъ школамъ. Постановленія относительно учителей заключаются въ слѣдующемъ: ежегодно будутъ назначаемы награды опредѣленному для каждаго отдѣленія числу учителей, коихъ ученики окажутъ отличные успѣхи (ст. 22); посвятившіе себя учительскому званію въ общественныхъ училищахъ, за постоянное и рачительное исправленіе должностей, имѣютъ получать пенсіи, соотвѣтственныя числу лѣтъ ихъ службы (ст. 23). Что же касается правительственныхъ учрежденій и лицъ, а равнымъ образомъ и общества, то статья 48 гласила слѣдующее: мѣстные начальники, споспѣшествуя исполненію намѣренной правительства относительно народнаго просвѣщенія, не понудительными средствами, но благоразуміемъ и дѣятельностію обратятъ на себя отличное его вниманіе. Равнымъ образомъ и всѣ благонамѣренные граждане, при устроеніи училищъ вспомошествовая правительству патриотическими приношеніями и пожертвованіями частныхъ выгодъ общей пользѣ, приобретутъ особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей и на торжественную признательность учреждаемыхъ нынѣ заведеній, имѣющихъ возвыситься въ нынѣшнее, и утвердить на предбудущее время, благосостояніе и славу ихъ отечества.

Доказательствомъ того, какъ серіозно правительство отнеслось къ преобразованію учебнаго дѣла на новыхъ началахъ, служитъ статья 24 ¹⁾:

¹⁾ Это постановленіе является уже въ Актѣ постановленія для университета въ Дерптѣ (ст. 17) и вошло въ уставъ того же университета 12 сентября 1803 г., въ общемъ же уставѣ Уч. Зав. 5 ноября 1804 г. оно не повторяется: «Предв. прав.» согласилъ въ своей силѣ и на нихъ часто ссылаются уже по утверженіи устава.

„ни въ какой губернии, спустя пять летъ по устройеніи въ округъ, къ которому она принадлежитъ, на основаніи силъ правилъ, училищной части, никто не будетъ опредѣленъ къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученія въ общественномъ или частномъ училищѣ.“

Учебныя заведенія различныхъ наименованій находятся между собою во внутренней, органической связи въ томъ отношеніи, что, какъ всякое низшее заведеніе подчиняется высшему, такъ же точно для поступленія въ каждое высшаго поименованія заведеніе предполагаются познанія по заведенію низшаго разряда. Этотъ органическій порядокъ постепенности, проведенный чрезъ учебный планъ, сливается принципомъ различныхъ степеней образованія съ принципомъ послѣдовательной организациі училищъ всѣхъ разрядовъ. Онъ-то главнымъ образомъ вызвалъ *восторженные отзывы современниковъ*. Такъ, напримеръ, Шторхъ (VI. 208) говоритъ: „вѣроятно съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ современная цивилизованная Европа, никогда еще не было задумано и приведено въ исполненіе столь исполинскаго проекта“. Тотчасъ по утвержденіи „предварительныхъ правилъ“ Карамзинъ безспорно одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, въ своей статьѣ: О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи ¹⁾, говоритъ слѣдующее: „Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи праведнаго образованія Россіи.... Александръ избираетъ вѣрнѣйшее, *единственное* средство для совершеннаго успѣха въ своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ. Онъ желаетъ просвѣтить Россіянъ, чтобы они могли пользоваться его челоуколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія“. Указавъ затѣмъ на сельскія школы, какъ на самыя важныя, Карамзинъ обращается къ дворянству съ тѣмъ, чтобы привлечь его къ содѣйствію успѣхамъ столь добраго дѣла. „*Дворянство никогда не упало тамъ, гдѣ оно любило жертвы для общаго блага....* Усердіемъ своимъ къ народному просвѣщенію докажемъ, что мы не боимся его слѣдствій и желаемъ пользоваться единственно такими правами, которыя согласны съ общимъ благомъ государства и съ челоуколюбіемъ. Главнымъ благодѣяніемъ сего новаго устава останется заведеніе сельскихъ школъ; но онъ представляетъ еще другія, великія пользы. Городскія (т. е. уѣздныя) школы, гимназіи, университеты, теперь умноженные числомъ, оживленные лучшимъ внутреннимъ образованіемъ, будутъ сильнѣе прежняго дѣйствовать на воспитаніе умовъ въ Россіи. Мысль отдѣлить ученіе отъ другихъ частей государственныхъ, какъ систему особенную и цѣлую, есть мудрая и благодѣтельная мысль; ученія мѣста должны зависѣть только отъ уче-

¹⁾ Соч. изд. Смирдина, III, 348—358.

ныхъ, и ректоръ, глава ихъ въ каждомъ округѣ, будучи самъ питомцемъ наукъ, тѣмъ ревностнѣе и дѣйствительнѣе можетъ стараться объ ихъ успѣхѣхъ. Довѣренность, изъясняемая Монархомъ къ собранію профессоровъ, которые правятъ не только университетами, но и школами, еще болѣе возвышаетъ сей истинно благородный санъ“. Карамзинъ указываетъ еще на два важныя преимущества устава: извѣстно, что учителя времени царствованія Екатерины II не долго оставались на своихъ мѣстахъ, находя болѣе выгоднымъ посвящать себя другимъ отраслямъ занятій. Въ ст. 22 и 23 устава заключаются постановленія для предупрежденія этого зла. Другая великая мысль выражена въ ст. 24: „Нужно ли описывать всѣ хорошія слѣдствія такого закона? Правосудіе есть душа государственнаго порядка: не говоря о томъ, что науки вообще благодѣтельны для морали, скажемъ, что не столько злое намѣреніе, сколько грубое невѣжество бываетъ причиною неправосудія. Вообще сей великій планъ народнаго просвѣщенія славенъ не только для Россіи и государя ея, но и для самаго вѣка; не только Россія, но и Европа и цѣлый свѣтъ должны гордиться монархомъ, который употребляетъ власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство чловѣка въ неизмѣримои державѣ своей..... Великія государственныя творенія бывають медленны — такъ угодно Небу—и если Россія въ одномъ смыслѣ удивляетъ насъ своими быстрыми счастливыми успѣхами, то, съ другой стороны, она же доказываетъ, сколь трудны, не ровны и не споры шаги государства къ цѣли гражданскаго просвѣщенія. Историкъ означаетъ эпохи *рожденія новыхъ силъ*: надобны вѣки для полнаго образованія..... Довольно, что сей безсмертный уставъ для совершеннаго просвѣщенія Имперіи нашей требуетъ только вѣрнаго исполненія; а можно ли сомнѣваться въ исполненіи того, что Монархъ Россіи повелѣваетъ Россіянамъ?“

Такимъ восторженнымъ чувствомъ воодушевилъ законъ перваго запатока исторіи своего народа. Шесть лѣтъ спустя, въ то время, когда правительство строго проводило постановленіе, заслужившее столько похвалъ,—какой переворотъ произошелъ въ воззрѣніяхъ даже Карамзина!

На другую сторону дѣла обратилъ Карамзинъ вниманіе въ статьѣ своей: „О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей“, написанной также въ 1803 г. ¹⁾. Высказываемыя имъ здѣсь воззрѣнія отчасти проливаютъ яркій свѣтъ на тѣ идеи, которыя раздѣляли тогда образованные люди. „Флегматическій скептикъ, напримѣръ, скажетъ: гдѣ Россія будетъ находить столько учителей, сколько ихъ нужно для уѣздныхъ и губернскихъ школъ, по новому образованію? Кѣмъ наполнятся педагогическіе институты? Отвѣчаемъ ему: учи-

¹⁾ Тамъ же, III, 340—347.

тельскому институту при Московскомъ университетѣ обязаны мы тѣмъ, что ученое состояніе не погасло въ Россіи. Число желающихъ пользоваться симъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ было всегда такъ велико, что университетъ не могъ принимать изъ нихъ ни третьей части. Нынѣ, при новыхъ выгодахъ ученаго званія, сколько бѣдныхъ молодыхъ людей захотятъ идти симъ путемъ, сколько небогатыхъ родителей благословятъ Небо и Монарха, отдавая дѣтей въ такое мѣсто, гдѣ они будутъ хорошо содержаны, нравственно образованы, просвѣщены и чрезъ нѣсколько лѣтъ найдутъ средство служить отечеству въ званіи столь полезномъ. Жалованье учителя городской (уѣздной) школы есть уже избытокъ для человѣка, воспитаннаго въ познаніи прихотей. Онъ же можетъ имѣть и посторонніе, честные доходы: благодарные родители учениковъ его, купцы, дворяне, безъ сомнѣнія, будутъ на дѣлѣ изъявлять ему свою признательность (!) Сверхъ того онъ имѣетъ въ виду временныя награжденія... и пенсію. Какое счастье для человѣка, который родился въ бѣдности и могъ быть тягостью для отца, если бы благодѣтельное правительство не взяло на себя его воспитаніе! Бѣдность есть, съ одной стороны, несчастье гражданскихъ обществъ, а съ другой—причина добра... Россія на первый случай можетъ единственно отъ нижнихъ классовъ гражданства ожидать ученыхъ, особливо педагоговъ. Дворяне хотятъ чиновъ, кунецъ богатства черезъ торговлю... Если въ каждомъ учебномъ округѣ будетъ отъ трехъ до пяти сотъ воспитанниковъ на вазенномъ или общественномъ содержаніи, то чрезъ 10 или 15 лѣтъ университетскимъ правленіямъ останется только выбирать достойнѣйшихъ изъ нихъ для званія учителей“.

Но этому „если“ не суждено было осуществиться ¹⁾. Напротивъ, сдѣлалось горькою истиною, что нигдѣ не можетъ быть рѣчи о стремленіи къ образованію ради самого образованія. „Большая часть дворянства коснѣла еще въ невѣжествѣ и бѣгала отъ одного имени просвѣщенія“, говоритъ другой свидѣтель ²⁾. Въ заключеніе Карамзинъ взываетъ къ патріотическому рвенію дворянства и купечества, приглашая ихъ придти на помощь правительству содержаніемъ на свой счетъ воспитанниковъ, и воззваніе свое кончаетъ слѣдующимъ весьма картиннымъ образомъ:

¹⁾ Подобныя пылкія надежды возникали неоднократно. Харьковскій пров. Каменскій въ 1816, въ одной изъ своихъ рѣчей, говоритъ, что въ 1805 г. въѣхъ учившихся въ гимназіяхъ и училищахъ состояло 3967, но въ 1814 г. находилось ихъ 7190; такъ что въ 14 лѣтъ число кончившихъ курсъ должно бы было простираться до 14,000; слѣд. для образованія 10 милліоновъ жителей Южной Россіи потребно около 80-ти лѣтъ. «Вѣски наши будутъ имѣть счастье зрѣть событіе сего предугаданія». (*Данилевскій, Украинская старина, Харьковъ, 1866 г., стр. 310.*)

²⁾ Ж. М. Н. II. CLIX, 59.

„и тогда ректоръ университетской, вводя какого нибудь знаменитаго иностранца въ огромныя залы училища, скажетъ ему: „вотъ питомцы щедраго Московскаго дворянства“, и далѣе: „содержаніе ученика стѣить въ годъ около 150 рублей: какое же другое удовольствіе можно купить столь дешево?“

Указомъ 24-го января 1803 г. было обнародовано раздѣленіе Россіи на *шесть учебныхъ округовъ* и назначены попечители сихъ округовъ. Попечителемъ Московскаго учебнаго округа (10 губерній) назначенъ былъ Муравьевъ, Виленскаго (8 губерній) Чарторыйскій, Дерптскаго (4 губ.) Клиггеръ, С.-Петербургскаго (5 губ.) Новосильцевъ, Харьковскаго (11 губ.) графъ Северинъ Потоцкій, Казанскаго (13 губ.) графъ Мантейфель, которому наследовалъ въ томъ же году дѣйств. ст. сов. Степанъ Румовскій.

О жизни графа Северина Осиповича *Потоцкаго*¹⁾, польскаго вельможи, мало извѣстно: восхваляютъ ревность его при устройствѣ ввѣреннаго ему университета, равно стараніе привлечь къ нему лучшія учебныя силы, какъ русскія, такъ и иностранныя. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что относительно устройства университета Карзинъ оказалъ ему весьма существенныя услуги, а потому сему послѣднему Харьковскій университетъ и обязанъ собственно своимъ существованіемъ, ибо онъ склонилъ Харьковское дворянство къ необходимымъ для сего денежнымъ пожертвованіямъ²⁾. Мнѣніе о Потоцкомъ окончательно еще не установилось. Г. Сухомлиновъ говоритъ (I, 23): „Если бы идеалы были возможны въ дѣйствительной жизни, Потоцкаго слѣдовало бы назвать идеаломъ попечителя, какъ понималось это званіе первымъ уставомъ русскихъ университетовъ; ... распространеніе наукъ и образованности было его истиннымъ призваніемъ, дѣломъ его души и убѣжденія“. Г. Лавровскій же (стр. 206) обращаетъ вниманіе на то, что Потоцкій постоянно, и еще въ 1810 г., отдавалъ предпочтеніе нѣмецкимъ ученымъ и польскимъ учителямъ передъ русскими и

¹⁾ Потоцкій род. въ 1762 г., былъ попечителемъ до 25-го марта 1817, умеръ въ 1829 г., былъ также сенаторомъ.

²⁾ Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. При избраніи Карзинна въ 1811 г. почетнымъ членомъ университета, заслуга его была признана. Въ протоколѣ засѣданія 30-го августа сказано: *Ad hunc virum eligendum senatus praeter eximias cogitationes, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est; quia ejus singulari industriae et labori in acceptis referendum est, quod Universitas Chareoviae sit constituta.* Его служебное положеніе, достигнутое весьма оригинальнымъ образомъ (въ 1801 г. онъ бросилъ въ окно молодого Государя разсужденіе свое о внутреннемъ положеніи современной Россіи) было, впрочемъ, кратковременно (до 11-го апрѣля 1804 г.); его усердію не доставало весьма важнаго качества: онъ былъ въ высшей степени непрактичный, безпокойный человекъ (Письма Карзинна къ Дмитріеву, съ примѣчаніями, изданныя Я. Гротомъ и Певаревичъ, стр. 103); патриотизмъ его, равно какъ основательное и разностороннее образованіе, не могли замѣнить эти недостатки при занимаемомъ имъ мѣств. † 1842.

венгерскими Славянами. Благоприятный отзывъ о Потоцкомъ очевидно касается лишь первыхъ годовъ его дѣятельности; съ 1801 до марта 1816 г. Потоцкій проживалъ въ Польшѣ и управление оттуда Харьковскимъ округомъ должно было, конечно, представлять большія затрудненія ¹⁾; въ Харьковѣ нѣкоторое время положительно не знали, гдѣ его отыскать; такъ, напримѣръ, Роммель (стр. 502) разказываетъ, что онъ не могъ воспользоваться по прибытіи своемъ въ Харьковъ (въ январѣ 1811 г.) даннымъ ему отъ Палласа рекомендательнымъ письмомъ къ безъ вѣсти исчезнувшему попечителю. Нѣмецкій профессоръ Шадъ приписываетъ свою отставку исключительно тому обстоятельству, что попечитель зналъ его „за заглаго врага тирана“ (Наполеона). Впрочемъ, доказательствомъ образованія Потоцкаго можетъ служить сказанная имъ при открытіи университета латинская рѣчь. Въ одномъ мѣстѣ этой рѣчи, замѣчательной уже потому, что она должна быть разсматриваема какъ истинное истолкованіе намѣреній правительства, говорилось слѣдующее: *Qui igitur potuisset oblivisci (Alexander I) publicae institutionis, quae forte et utilitate et gravitate reliqua omnia antecellit: utpote qua vere homines formantur atque ad obeunda reipublicae munera effinguntur... Ille minimis et ut dici amat, Parochialibus scholis animos addit, quantum potest maximos; Ille circulatorum oppidis scholas; urbibus, ubi sedes Gubernii est, Gymnasia dedit, in quibus juvenus primis litterarum atque optimarum artium elementis imbuatur, linguis celebriorum nationum instruat, atque ad probitatem morum ita formetur, ut omne bonum, omne appetat honestum. Ut vero etiam illi, qui se ad graviora reipublicae munera destinarunt, omnesque, qui gloriae stimulis excitati altiora petunt, quantum libet operae in bonis litteris collocare possint, toto Imperio in circulos dispertito, in unoquoque eorum Universitatem litterarum esse jussit, haud absimilem eis, quae Oxoniae, Cantabrigiae florent, in quibus procerum Britanniae filii erudiantur, ad salutem patriae in sacratio libertatis, cui nomen Parlamenti, fortissime defendendam; aut instar Gottingensis, Ienensis, Hallensis aliarumque, ad quas neque Electores, neque alii Imperii Germanici Principes filios suos mittere unquam dubitarunt. Erit sane, ut in tam vasto Imperio a Lithuania ad Siberiam, ab urbe Archangel ultra Caucasi montes usque protenso, nusquam invenias civem, cui omnino deesset occasio minimis expensis, negotio minimo animum expoliendi suum, uti et eam, qua in Imperio gaudet, dignitatem decet, et per fortunam ejus ingeniumque licet... Fastum fugiens, omnesque inutiles sumptus, mire e converso munificus, ut primum de bono agitur publico, beneficentissimus noster Imperator hanc in rem ingentem illam semialterum millionem rubelliant exce-*

¹⁾ Р. Арх. 1869, стр. 155.

dentem summam annue vocit; summam utique enormem atque cujus exemplum uspiam terrarum nequaquam quaesieris.... Ad finem propero meque ad vos converto, qui vocati estis, ut prima hujus Universitatis semina jaciatis, e qua, veluti e centro, effluat lux institutionis publicae per terram tam late diffusam tantoque hominum numero repletam, ut non uni formando Regno sufficeret etc ¹⁾.

Между тѣмъ явилось для прохождения университетскаго курса на собственный счетъ всего 41 человекъ, изъ коихъ были признаны достойными принятія по экзамену, длившемуся отъ 20-го мая до 10-го декабря (1804), лишь 21. Къ нимъ присоединилось 30 воспитанниковъ духовныхъ семинарій, которые должны были содержаться на казенный счетъ и быть распределены по разнымъ факультетамъ. „Вамъ извѣстно“, пишетъ въ 1805 г. попечитель ректору, „съ какими затрудненіями соединено исходатайствованіе дозволенія на то (Св. Синода)“. Теперь становится понятнымъ, почему въ рѣчи попечителя упоминаются англійскіе лорды и нѣмецкіе курфирсты.

Д. ст. сов. Степанъ Яковлевичъ *Румовскій* ²⁾ (состоявшій съ 20-го іюня 1803 попечителемъ Казанскаго округа) родился въ 1732 г. и получилъ образованіе въ С.-Петербургской академической гимназій, при коей въ 1753 г. назначенъ былъ адъюнктомъ, послѣ того какъ учитель его Рихманъ сдѣлался жертвою своихъ опытовъ; въ 1754 г. посланъ въ Берлинъ къ Леонарду Эйлеру, а по возвращеніи отсюда преподавалъ въ академической гимназій математику, написавъ для сего первую на русскомъ языкѣ геометрію. Въ 1760 г. получилъ мѣсто профессора астрономіи при Академіи и сдѣлался впоследствии вице-президентомъ ея (1800—1803 г.). Онъ извѣстенъ своимъ ученымъ путешествіемъ въ Перчинскъ (1761) и Колу (1769) съ цѣлю астрономическихъ наблюденій (прохожденія Венеры), астрономическими и математическими работами, достоинства коихъ были признаны и за границую, равно какъ трудами въ области русской литературы. Тридцать лѣтъ издавалъ онъ С.-Петербургскій академическій календарь и почти столько же времени имѣлъ главное наблюденіе надъ географическимъ департаментомъ академіи. Румовскій перевелъ на русскій языкъ французскія письма Эйлера, и, кромѣ того, сочиненія Тацита; его упрекаютъ однако въ томъ, что онъ болѣе справлялся съ французскимъ переводомъ Тацита, чѣмъ съ оригиналомъ. Умеръ въ 1812 году.

Весьма дѣятельными членами учебнаго округа были два другіе академика. Одинъ изъ нихъ, Николай Яковлевичъ *Озерниковскій* ³⁾

¹⁾ Период. Соч. XII, 552.

²⁾ Пер. Соч. XXXIV, 154.

³⁾ *Сухомлиновъ*, Мат. I, 24.

(род. 1750 г.), тоже получившій первоначальное образованіе въ академической гимназіи, слушалъ въ послѣдствіи курсъ наукъ въ Страсбургѣ и Лейденѣ и въ этомъ городѣ былъ возведенъ въ степень доктора математики. Онъ также совершалъ путешествія по Россіи для физическихъ наблюденій; вообще признается однимъ изъ достойнѣйшихъ русскихъ ученыхъ. Другой академикъ, Николай Фусъ, родившійся въ 1755 въ Базелѣ, гдѣ и получилъ школьное и университетское образованіе, занимался математикой подъ руководствомъ Бернулли, который рекомендовалъ 17-лѣтняго юношу въ помощники Эйлеру. Еще не достигнувъ 20-лѣтняго возраста, Фусъ сдѣланъ былъ членомъ С.-Петербургской академіи (повышей математикѣ) и въ послѣдствіи состоялъ непремѣннымъ ея секретаремъ. Его дѣятельность по учебному вѣдомству можно по справедливости считать выходящею изъ ряду; съ большимъ тактомъ держался онъ въ теченіе всего времени, когда учебная наша часть переходила чрезъ различные фазисы. Врядъ ли кто либо изъ членовъ академіи такъ долго выносилъ происходившіе въ министерствѣ частыя перемены взглядовъ, вслѣдствіе чего тотъ возвышенный духъ, въ которомъ было учреждено министерство, нерѣдко подвергался опасностямъ. Умеръ Фусъ 23-го декабря 1825 года.

Изъ членовъ бывшей комиссіи училищъ слѣдуетъ упомянуть о *Янковичъ де-Миріево*, заслуги коего Россіи обстоятельно изложилъ и оцѣнилъ г. Вороновъ въ прекрасной монографіи.¹⁾ Дѣятельность его важна между прочимъ и потому, что по ней можемъ мы прослѣдить связь между новою организаціей учебнаго дѣла и тою, которая существовала прежде. Янковичъ происходилъ изъ сербскаго семейства, которое, переселившись въ 1459 году въ Венгрію, приобрѣло въ Темешварскомъ Банатѣ мѣстечко, населенное Илирійцами, исповѣдывавшими православную вѣру. Родился онъ въ 1741 г.; слушалъ въ Вѣнскомъ университетѣ юриспруденцію, камеральныя науки, а также науки, касающіяся внутренняго государственнаго благоустройства и народнаго хозяйства. Сперва поступилъ онъ на службу секретаремъ къ Темешварскому православному епископу Викентію Иоанновичу Видаку; въ 1773 г. былъ опредѣленъ первымъ учителемъ и директоромъ народныхъ училищъ въ Темешварскомъ Банатѣ, гдѣ устроилъ школы по началамъ Фельбигера и ввелъ тотъ методъ обученія, который Фельбигеръ пересадила въ Австрію изъ Пруссіи. Подобно тому какъ Марія Терезія выпросила себѣ у Фридриха II Фельбигера, Янковичъ, которому въ 1774 г. было пожаловано австрійское дворянское достоинство, по рекомендаціи Іосифа II былъ вызванъ

¹⁾ Краткія свѣдѣнія въ книгѣ: Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собранныя *Н. Келленомъ*. С.-Петербург. 1827. III, 94, 95.

Екатериною II въ Россію „какъ человекъ, трудившійся уже по устройенію народныхъ школъ, и знающій языкъ російскій, и нашъ православный законъ исповѣдующій“. Занимая должности директора народныхъ училищъ и ученаго чиновника при комиссіи училищъ, а впоследствии члена этой комиссіи, онъ ввелъ въ Россію Фельдбигерову организацію школъ и методъ обученія Гэна (Hahn) ¹⁾. По плану Яковича слѣдовало учредить три разряда народныхъ элементарныхъ школъ: малыя школы (двухклассныя), среднія (трехклассныя) и главныя (четыреклассныя) на подобіе австрійскихъ образцовыхъ (scholae nationales) ²⁾. Въ двухклассныхъ школахъ учебный планъ долженъ былъ заключать въ себѣ: чтеніе и письмо, знаніе цифиря, церковныхъ и римскихъ чиселъ, сокращенный катехизисъ, священную исторію и первоначальныя правила русской грамматики (I кл.); пространный катехизисъ безъ доказательствъ изъ священнаго писанія, чтеніе книги о должностяхъ человекъ и гражданина, ариметику I и 2 части, чистописаніе и рисованіе (II кл.). Въ третьемъ классѣ среднихъ школъ присоединялись къ этимъ предметамъ пространный катехизисъ съ доказательствами изъ священнаго писанія, чтеніе и изъясненіе Евангелія, русская грамматика съ упражненіями въ правописаніи, русская исторія и всеобщая, русская географія въ сокращенномъ видѣ и чистописаніе. Въ главныхъ же народныхъ школахъ, имѣвшихъ въ первыхъ трехъ классахъ одинаковый курсъ съ трехклассными училищами, преподаваемы были въ IV классѣ: всеобщая и русская географія, всеобщая исторія болѣе подробно, русская исторія, математическая географія съ задачами на глобусѣ, русская грамматика съ упражненіями въ письменныхъ сочиненіяхъ, употребительныхъ въ обществѣ, какъ то: въ письмахъ, счетахъ, роспискахъ и т. п., основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектурѣ (для упражненія въ послѣдней требовалось черченіе плановъ) и рисованіе. Императрица повелѣла кромѣ того ввести въ главныхъ народныхъ училищахъ преподаваніе латинскаго языка и одного изъ соседнихъ иностранныхъ языковъ, какъ напримѣръ, нѣмецкаго въ губерніяхъ смежныхъ съ Остзейскимъ краемъ, греческаго въ губерніяхъ Киевской, Новороссійской и Азовской, арабскаго въ восточныхъ губерніяхъ и китайскаго въ Иркутской губерніи и Кольванской области. Впрочемъ, это повелѣніе относительно трехъ послѣднихъ языковъ никогда не приводилось въ исполненіе. Французскій языкъ, по волѣ императрицы, былъ предоставленъ домашнему изученію ³⁾. На основаніи этого плана былъ составленъ

¹⁾ См. *К. А. Schmid*, Encyclopädie des gesammten Erziehungs- und Unterrichtsvesens. Gotha. Besser. II, 345.

²⁾ Тамъ же, т. V, 523.

³⁾ См. *Воронова Яков.*, стр. 91. *Журн. для восп.* IV, 103 183.

высочайше утвержденный уставъ народныхъ училищъ Россійской имперіи 5-го августа 1786 года. Въ 1783 г. была учреждена учительская семинарія при главномъ народномъ училищѣ, открытомъ въ С.-Петербургѣ 13-го декабря того же года; на подобіе Вѣнской Normal-school, учрежденной въ 1771 г., учебная и воспитательная часть этого заведенія устроены были по мысли Янковича, который вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ и начальство надъ нимъ (по 1785 году). Курсъ наукъ въ семинаріи былъ одинаковъ съ курсомъ главнаго народнаго училища, но всѣ науки проходились въ ней подробнѣе. Семинарія приготвила до конца 1801 года, времени ея закрытія, 425 учителей. Болѣе половины руководствъ, необходимыхъ для новыхъ школъ, составлены были или самимъ Янковичемъ, или по его плану и подъ его руководствомъ, или же, наконецъ, передѣланы имъ: къ первой категоріи, по соображенію г. Воронова, принадлежать девять книгъ, ко второй три; къ третьей всѣ географическія карты, глобусы и атласы ¹⁾. Относительно методы, введенной Янковичемъ, г. Вороновъ говоритъ, что онъ „пересадилъ на нашу почву лучшіе плоды европейской дидактики“; по его собственнымъ словамъ, общіе пріемы ученія подъ названіемъ „учебнаго способа“ заключали въ себѣ: 1) совокупное наставленіе, 2) совокупное чтеніе, 3) изображеніе чрезъ начальныя буквы, 4) таблицы и 5) вопрошеніе. Сочиненія Янковича не остались безъ вліянія и на новую организацію учебнаго дѣла; но самъ онъ уже не могъ, кажется, повліять на нее, ибо съ 1804 года (въ журналѣ Гл. Пр. Уч. отъ 14-го января 1804 г. говорится о „болѣзни его, не обѣщающей скорого выздоровленія“) и до самой смерти своей, послѣдовавшей 22-го мая 1814 г., страдалъ совершеннымъ истощеніемъ умственныхъ и физическихъ силъ, естественнымъ слѣдствіемъ чрезвычайныхъ его трудовъ.

Возобновленіе учительской гимназіи было одною изъ первыхъ мѣръ Главнаго Правленія училищъ (20 мая 1803 г.), въработавшаго въ дополненіе къ „предварительнымъ правиламъ“ примѣрный штатъ для учебныхъ заведеній съ бюджетомъ въ 1,319,450 рублей (17 марта). Объ этомъ будетъ рѣчь впоследствии.

Оживленная дѣятельность, кипѣвшая въ министерствѣ, обнаружилась между прочимъ въ томъ, что совѣщанія объ уставахъ, въ коихъ

¹⁾ Такъ какъ Янковичъ уже въ Австріи составилъ руководство для учителей (см. 1-е примѣч. въ *Schmid's Encyclop.* V, 524), то можно предполагать, что «Руководство для учителей 1-го и 2-го классовъ народныхъ училищъ», которое по его указанію перевелъ помощникъ его Ковалевъ, была именно эта книга. Н. Веселье (Руководство къ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ I, 180) прямо говоритъ, что она составляетъ переводъ книги Фельдигера: *Eigenschaften, Wissenschaften und Bezeigen rechtschaffener Schulleute 1772*, сдѣланный Ковалевымъ.

принимали участіе чрезвычайныя уполномоченныя со стороны университетовъ, уже въ 1804 году привели къ окончательному результату. Въ 1803 году были высочайше утверждены: 18 мая—уставъ Виленскаго университета и училищъ его округа, 12 сентября—уставъ Дерптскаго университета; въ 1804 г. 21 марта постановлены для Дерптскаго университета; 5 ноября удостоились высочайшаго утверждения грамоты и уставы Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго университетовъ и уставы учебныхъ заведеній подвѣдомыхъ университетамъ, равно какъ училища С.-Петербуркскаго учебнаго округа (о коихъ, впрочемъ, нигдѣ нѣтъ отдѣльнаго законоположенія). На эти послѣдніе четыре округа слѣдуетъ преимущественно обратить вниманіе.

Уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ, 5 ноября 1804 г. (170 статей ¹).

1. *Управленіе училищами* изложено въ XV главѣ университетскихъ уставовъ (§§ 163—177).

Университетъ, имѣя надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ, прилагаетъ особенное и неутомимое попеченіе, дабы училища вездѣ, гдѣ онымъ быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благоправными учителями и учебными пособіями (§ 163); избирая губернскаго директора училищъ, представляетъ оного на утвержденіе министру; учителей (во всѣ училища) и смотрителей для уѣздныхъ или окружныхъ училищъ опредѣляетъ непосредственно, или по представленію губернскихъ директоровъ училищъ (§ 164). Ежегодно учреждается училищный комитетъ, по опредѣленію совѣта составленный, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ шести ординарныхъ профессоровъ (§ 165). Училищный комитетъ получаетъ черезъ ректора (ср. § 17) всѣ донесенія директоровъ гимназій, снабжаетъ ихъ просимыми разрѣшеніями и наставленіями, отбираетъ отъ нихъ, въ случаѣ какого либо безпорядка, нужныя объясненія, и ежели не въ состояніи будетъ принять рѣшительныхъ мѣръ, вноситъ мнѣніе свое въ общее собраніе профессоровъ. Комитетъ имѣетъ попеченіе о сохраненіи полуго-

¹) Переведенъ также на латинскій языкъ: Augustissimi et Potentissimi Imperatoris et Autocratoris Rossorum omnium etc. etc. Constitutiones et confirmationes trium Rossicarum Universitatum, Mosquensis, Casanensis et Charcoviensis. Et mandato viri illustrissimi atque excellentissimi Alexidis Cyrillidis Comitissae de Rasumofsky Universitatis Mosquensis Curatoris etc. etc., lingua latina redditae et editae a Chr. Fr. de Matthaei Cons. Aul. et Professore. Litteris et impensis Universitatis. Mosquae 1808. Въ Харьковѣ уставъ былъ переведенъ проф. Стойковичемъ—и переводъ исправленъ проф. Шадою «въ отношеніи чистоты латинскаго слога»,—«съ тою цѣлью, чтобы познакомить съ содержаніемъ его тѣхъ изъ преподавателей, которые не знали русскаго языка». (См. *Рославскій-Петровскій* въ Ж. М. Н. Пр. LXXXVII, 5, 31).

личныхъ вѣдомостей о состояніи училищъ, о достоинствахъ и трудахъ учителей и о успѣхахъ учащихся (§ 166). Онъ не преминетъ обратить вниманіе свое на способность, прилежность и благонравіе учителей; ходатайствуетъ за достойныхъ учителей и исправляетъ напоминаніями своими небрегающихъ (§ 170); удаляетъ учителей и чиновниковъ отъ должности на время или навсегда если окажутся недостойными сего званія, но о всякомъ такомъ случаѣ комитетъ представляетъ мнѣніе свое совѣту, съ приложеніемъ всѣхъ доводовъ, а о директорѣ совѣтъ представляетъ попечителю (§ 167). Онъ представляетъ ежегодно совѣту подробное изображеніе состоянія, въ какомъ ученіе находится, приращенія способовъ народнаго просвѣщенія и недостатковъ, оставивающихъ оное. Университетскій совѣтъ донесеніе сіе препровождаетъ къ попечителю, для такового-же представленія министру (§ 168). Изъ чиновъ комитета ежегодно посылаются визитаторы, съ порученіемъ каждому одной или двухъ губерній для осмотра; общее систематическое извлеченіе изъ описанія осмотра доводится до свѣдѣнія начальства (§ 169). Визитаторы во время исполненія должности своей препоручаются особенному вниманію и содѣйствію мѣстныхъ начальствъ (§ 174). Училищный комитетъ разсматриваетъ также хозяйственныя отчеты директоровъ училищъ (§ 171) и начертанія пансіоновъ и училищъ, посторонними особами учреждаемыхъ, равно какъ онъ заведеніе оныхъ удостоиваетъ или отвергаетъ, и учителей утверждаетъ (§ 173). Для исправленія текущихъ дѣлъ, ректоръ и два члена, на сей конецъ перемѣняющіеся ежемѣсячно, собираются два раза въ недѣлю и болѣе (§ 176).

Постановленія относительно *ревизіи* школъ училищными комитетами, о коихъ слѣдуетъ упомянуть здѣсь, были такого свойства, что трудно было разчитывать на точное ихъ исполненіе; повидимому въ самой подробности и обстоятельности этихъ постановленій заключалась надежда, что хотя нѣкоторыя изъ нихъ будутъ выполнены. Вотъ изложеніе того, въ чемъ состояли они: смотритель посѣщаетъ всякій день уѣздное училище и приходскія по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю, если оныя въ дальнемъ разстояніи отъ уѣзднаго; приходскія же училища въ уѣздѣ обзрѣваетъ по крайней мѣрѣ три раза въ годъ. Директоръ гимназій посѣщаетъ оную всякій день, прочія же училища и пансіоны въ столичныхъ городахъ по крайней мѣрѣ въ два мѣсяца, а въ губернскихъ городахъ въ двѣ недѣли одинъ разъ. Сверхъ того, онъ обязанъ хотя одинъ разъ въ годъ объѣхать подвѣдомыя ему училища во всей губерніи (Уст. Уч. Зав., ст. 78 и 114). Попечитель обязанъ обзрѣвать училища своего вѣдомства, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ два года; въ случаѣ же какого-либо препятствія, министръ испрашиваетъ Высочайшее повелѣніе объ отпра-

леніи въ тотъ округъ другаго члена Главнаго Правленія училищъ (Предв. Прав., ст. 21).

По всему вѣроятію, мысль объ управленіи училищъ университетами, — управленіи, имѣющемъ сходство съ французскою системою, была заимствована изъ польскаго устройства учебныхъ заведеній, начертаннаго Эдукаціонною Коммиссіею въ 1783 г. Но крайней мѣрѣ, въ частности, нѣкоторыя постановленія тождественны (§§ 163, 166), или сходны (§ 169), или же лишь видоизмѣнены (§ 167), такъ какъ и по польскому уставу власть надъ личнымъ составомъ учителей принадлежала ректору. Какъ бы то ни было, ясно какое важное значеніе приобрѣтали университеты при подобномъ устройствѣ, предоставившемъ имъ заботу объ ихъ организаціи и о привлеченіи въ школы учебныхъ силъ. Поэтому мы находимъ невѣрнымъ слѣдующее мнѣніе Гервиуса¹⁾: „однимъ лишь призракомъ были также его (Александра I) планы относительно школы и просвѣщенія. Ослѣпительная вершина университетовъ и академій была отстроена; необходимая же основа — народныя и элементарныя школы, — едва начата: она значилась лишь на бумагѣ“. Напротивъ, совершенно справедливо говорить гораздо болѣе провицательный Шторхъ (VI, 201): „что сначала были учреждены высшія учебныя заведенія, можетъ удивлять лишь людей, незнакомыхъ съ положеніемъ дѣла. Для цѣлесообразнаго устройства низшихъ учебныхъ заведеній сперва *должны были существовать университеты*; ибо какимъ инымъ путемъ Главное Правленіе училищъ могло бы ознакомиться съ мѣстными обстоятельствами разнородныхъ частей Имперіи, на которыя, при устройствѣ школъ, слѣдовало обратить вниманіе, и кому другому оно могло бы поручить исполненіе своихъ начертаній?“²⁾.

Постановленія о порядкѣ устройства школъ 1786 г. указываютъ на достигнутые успѣхи. Въ то время Главная Дирекція училищъ непосредственно подчинялась верховной власти. Главный надзоръ надъ школами въ губерніяхъ принадлежалъ генераль-губернаторамъ и подчиненнымъ имъ губернаторамъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и попечителями всѣхъ школъ; имъ подчинены были директоры губернскихъ училищъ. Хозяйственное управленіе возлагалось на приказъ общественнаго призрѣнія, въ коемъ предсѣдательствовалъ губернаторъ (Шторхъ, I, 191).

2) Образовательныя цѣли, которыя имѣлось въ виду достигнуть уставомъ учебныхъ заведеній, тотъ идеаль образованія, на который избраннй кругъ лицъ, желавшихъ умственно подвинуть общество, указывалъ своимъ современникамъ — все это можетъ быть можно

¹⁾ Geschichte des XIX Jahrhunderts. II, 704.

²⁾ Ср. также же мнѣніе Харьковскаго професс. Якобса. *Кеппенг*, Мат. III, 9.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

0 poem gentile автора Энеиды. Л. Миллера.

Библиографія:

Doctrinae metricae summarium. In usum scholarum suarum conscripsit A. L. Doellen. Univ. Charcoviensis Prof. Emer.—Petropoli, typis Caesareae Academiae Scientiarum, MDCCCLXXVI . . . Л. Миллера.

Полный русско-латинскій словарь съ приложеніемъ словаря собственныхъ географическихъ, историческихъ и мнѳологическихъ именъ, встрѣчающихся въ римской литературѣ. Составленъ А. И. Орловымъ. Изданіе книгопродавцевъ Салаевыхъ П. Тихоновича.

Объ изданіи отдѣла классической филологіи.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Исторія среднихъ учебныхъ заведеній, въ Россіи. Е. Шмида.

РЕДАКТОРЪ **Е. Феоктистовъ.**

(Въшла 1-го января)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Ересь жидовствующих И. ПАНОВА.
Русско-Византійскіе отрывки В. ВАСИЛЬЕВСКАГО.
Балканскіе Славяне, въ эпоху покоренія
ихъ Турками В. КАЧАНОВСКАГО.

Критическія и библиографическія замѣтки:

- Сочиненія Аполона Григорьева. Томъ первый. Изда-
ніе Н. Н. Страхова А. ГАЛАХОВА.
Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и уче-
ныхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ,
и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 годъ.
Составилъ Григорій Гемоди. Томъ первый . . В. САИТОВА.
Старославянская грамматика. Учебникъ для гимназій.
Составилъ М. Колосоѳъ. Изд. 4-е, измѣненное
и дополненное А. СМЕРНОВА.
Историческая хрестоматія по новой и повѣйшей исто-
рии. Пособіе для учащихся и преподавателей. Со-
ставилъ Я. Гуревичъ. Томъ I Н. И.
Mélusine, revue de mythologie, littérature populaire,
traditions et usages, dirigée par MM. H. Gai-
dog et E. Rolland (Мелюзина, журналъ по ми-
еологіи, народной словесности, преданіямъ и
обычаямъ, издаваемый подъ редакціей Т. Ге-
доза и Э. Роллана). А. ВЕСЕЛОВСКАГО.
Обученіе рѣдью въ народной школѣ . . . С. МИРОПОЛЬСКАГО.
О практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ
учительской семинаріи въ начальномъ
училищѣ М. ИВАНОВСКАГО.
Нѣсколько словъ объ учебникахъ русскаго
языка для татарскихъ народныхъ
школъ В. СМЕРНОВА.
Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты, б) ветеринарные институты,
в) низшія училища

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ И ПРИЛОЖЕНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. *12-го октября 1876 года.* О наименованіи реального училища, содержащагося на средства церковнаго совѣта евангелическо-лютеранскаго общества въ г. Саратовѣ „Александро-Маріинскимъ“ 1
2. *12-го октября 1876 года.* Объ учрежденіи стипендіи при Вольскомъ реальномъ училищѣ —
3. *19-го ноября 1876 года.* О предоставленіи содержимой въ Москвѣ г-жею Фишеръ частной женской классической гимназіи правъ и преимуществъ, предоставленныхъ женскимъ гимназіямъ министерства народнаго просвѣщенія 17
4. *19-го ноября 1876 года.* О наименованіи одного изъ воспитанниковъ существующей при лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ Ломоносовской семинаріи стипендіатомъ Варвары Петровны Писемской —
5. *19-го ноября 1876 года.* Объ учрежденіи стипендіи при Рижской Александровской гимназіи 18
6. *19-го ноября 1876 года.* Объ учрежденіи стипендіи при Тамбовской мужской гимназіи —

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

19-го ноября 1876 года. (№ 12) 19

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 30-го октября 1876 года. Положеніе о стипендіи имени генераль-адъютанта А. П. Хрущева при Омской женской гимназій почетныхъ гражданъ Поповыхъ 4
2. 25-го ноября 1876 года. Положеніе о Константино-Варваринской стипендіи, учрежденной при Московскомъ учительскомъ институтѣ 5
3. 25-го ноября 1876 года. Положеніе о стипендіи имени Вѣры Григорьевны Еллинской, при Рижской женской Ломоносовской гимназій. —
4. 23-го ноября 1876 года. Положеніе о стипендіи надворнаго совѣтника Оумы Ивановича Петонди, учрежденной при Казанской Маріинской женской гимназій 20
5. 23-го ноября 1876 года. Положеніе о стипендіи при Черниговской Маріинской женской гимназій, имени Маріи Владиміровны Панчулидзевоі 21
6. 24-го ноября 1876 года. Положеніе о стипендіи дѣйстви-тельнаго статскаго совѣтника Николая Даниловича Можневскаго, учрежденной при Рижской Александровской гимназій. 22
7. 27-го ноября 1876 года. Правила для испытательныхъ комитетовъ и учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія о порядкѣ испытанія на первый классный чинъ —
8. 4-го декабря 1876 года. Правила о стипендіи имени Антона Ивановича Малиновскаго, учреждаемой въ г. Харьковѣ при Москалевской школѣ общества распространенія въ народѣ грамотности 26
9. 11-го декабря 1876 года. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о введеніи въ гимназійхъ уроковъ гимнастики. 27
10. 16-го декабря 1876 года. Положеніе о стипендіи имени доктора медицины Михаила Бирунтова при учебныхъ заведе-ніяхъ Варшавскаго учебнаго округа 28
11. 17-го декабря 1876 года. Положеніе о стипендіи имени

тайнаго совѣтника Эдуарда Васильевича Лерхе при Николаевской Новгородской женской гимназіи	—
12. 17-го декабря 1876 года. Правила о стипендіи при Казанскомъ университетѣ для сыновей лицъ почтоваго вѣдомства.	29
13. 21-го декабря 1876 года. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о производствѣ испытаній лицамъ, поступающимъ въ военную службу вольноопредѣляющимися 3-го разряда	30

ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

30-го октября 1876 года (№ 20)	6
--	---

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Cours gradué de langue française à l'usage des classes moyennes et supérieures des gymnases et des écoles“. Par <i>Aimé Guill Kercoff</i>	9
О изданіи: „Систематическій атласъ растений“, составленный <i>И. Г. Гюбнеромъ</i>	—
О книгѣ: „Этимологія церковно-славянскаго языка для среднихъ классовъ гимназій“. Составилъ <i>Ө. Гуляровъ</i>	—
О книгѣ: „Руководство алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ для гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ“. Составили <i>А. Маминъ</i> и <i>К. Буренинъ</i>	—
О книгѣ: „Французская хрестоматія, со статьями для переводовъ съ русскаго и словаремъ, съ приложеніемъ полного спряженія глаголовъ, объясненіемъ приставокъ и окончаній, а также галлицизмовъ, поговорокъ и пословицъ, для среднихъ учебныхъ заведеній“. Составилъ <i>Н. Фену</i>	—
О книгѣ: „Учебникъ нѣмецкаго языка для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“. Составилъ <i>Ө. Брандтъ</i>	—
О книгѣ: „Исторія русской словесности“. Составилъ <i>И. Порфирьевъ</i>	10
О книгахъ: 1) „Элементарная грамматика русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій и другихъ училищъ“ и 2) „Статьи для диктанта, расположенныя въ систематическомъ порядкѣ“. Составилъ <i>Н. Баталинъ</i>	—
О книгѣ: „Нравственная педагогика или общепонятное из-	

положеніе основныхъ началъ нравственнаго воспитанія". Составилъ <i>К. Гюнибургъ</i>	31
О книгахъ: 1) „Курсъ зоологій“, 2) „Курсъ ботаники“ и 3) „Курсъ минералогій“. Составилъ <i>А. Поплавскій</i>	—
О книгахъ: 1) „Сборникъ матеріаловъ для письменнаго и устнаго перевода съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій“. Составили <i>Э. Черный</i> и <i>Н. Баталинъ</i> , 2) „Méthode Robertson. Cours pratique le langue française à l'usage des écoles“ par <i>Aimé Constantin</i> , 3) „Пособіе при изученіи русской словесности, курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій“ и 4) „Учебникъ русской словесности для учениковъ и ученицъ V-го класса гимназій“. Составилъ <i>П. Смирновскій</i>	—
О изданіи: „Ботаническій атласъ“. Составилъ <i>Н. Животовскій</i>	32
О книгѣ: „Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора“. Составилъ <i>Ө. Буславъ</i>	—
О книгѣ: „Руководство къ повторенію (Repertorium) латинской грамматики и стилистики для высшихъ классовъ гимназій, преимущественно для домашнихъ занятій“. Составилъ <i>докторъ Менс</i>	—
О книгѣ: „Начальная физика въ объемѣ гимназическаго преподаванія“ Составилъ <i>Н. Любимовъ</i>	—
О книгѣ: „Учебный курсъ всеобщей исторіи“. Составилъ <i>А. Цветковъ</i>	—
О книгѣ: „Сборникъ русскихъ статей для перевода на латинскій языкъ“. Составилъ <i>К. Я. Блжикій</i>	—
О книгѣ: „Руководство начальной геометріи“. Составилъ <i>А. Леев</i>	33

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Записки по методикѣ русскаго языка“. Отдѣлъ I-й и II-й. Состав. <i>П. Н. Солониною</i>	10
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Подосиновики“. Сост. <i>А. Поюсскимъ</i>	—
О изданіяхъ подъ заглавіемъ: 1) „Книжки для чтенія“. Сост. <i>С. Павловичъ</i> , 2) „День и ночь въ Севастополѣ. Сцены изъ бое-	

вой жизни" (изъ записокъ артиллериста). 3) „Чай и его польза" и 4) Что такое соль и гдѣ ее берутъ". Сост. <i>Е. Рейнботъ</i>	11
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Русская хрестоматія для городскихъ и уѣздныхъ училищъ". Сост. <i>Кузьминъ</i>	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Отдыхъ. Два разказа для дѣтей". Сост. <i>Е. Васильевскою</i>	—
О „портретѣ Государя Императора", исполненномъ масляными красками по способу, изобрѣтенному художникомъ <i>К. Добровольскимъ</i>	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Современная Черногорія Фриллея и Влохити".	33
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Арифметика". Сост. <i>Н. Т. Щеловиль</i>	—
О изданіи подъ заглавіемъ: „Воскресные разказы".	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Краткое обозрѣніе предметовъ, относящихся къ богослуженію нашей православной церкви и римско-католической". Сост. <i>Самойло</i>	—
Официальныя извѣщенія	11 и 34

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Ересь жидовствующихъ. <i>И. Панова</i>	1 и 253
Русско-византійскіе отрывки. <i>В. Васильевского</i>	41 и 157
Балканскіе Славяне, въ эпоху покоренія ихъ Турками. <i>Владимира Качановскаго</i>	41
Опыты по исторіи развитія христіанской легенды. <i>А. Веселовскаго</i>	186
Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ на спряженія. <i>Н. П. Некрасова</i>	296
О торговлѣ Русскихъ съ Ригю въ XIII и XIV вѣкахъ. <i>М. Бережкова</i>	330

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сочиненія Аполона Григорьева. <i>А. Галахова</i>	115
Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 годъ. Составилъ <i>Григорій Геннади. Владиміра Саитова</i>	127

Старославянская грамматика. Учебникъ для гимназій. Сост. <i>М. Колосовъ. А. Смирнова</i>	140
Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Состав. <i>Я. Гуревичъ.</i>	149
Méluşine, revue de mythologie, littérature populaire, traditions et usages, dirigée par <i>M. N. Gaidoz et E. Rolland</i> (<i>Мелюзина</i> , журналъ по мифологіи, народной словесности, преданіямъ и обычаямъ, издаваемый подъ редакціей <i>T. Гедоза</i> и <i>Э. Роллана</i>). <i>А. Вессловскаго</i>	151
Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. (Донесенія австрійскаго посланника при С.-Петербургскомъ дворѣ графа Мерси-Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и канцлеру графу Кауницу. Съ 5-го января по 24-е іюля 1762 года). <i>Н. И.</i>	358

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Обученіе пѣнію въ народной школѣ. <i>С. Мирнопольскаго</i>	1
О практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ учительской семинаріи въ начальномъ училищѣ. Протоіерея <i>М. Ивановскаго</i>	28
Острожское женское училище графа Д. Н. Влудова	45

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Нѣсколько словъ объ учебникахъ русскаго языка для татарскихъ народныхъ школъ. <i>В. Смирнова</i>	1
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) ветеринарные институты, в) низшія училища, г) объ открытіи учительскаго института въ Бѣлгородѣ	26 и 90
Письмо изъ Парижа. <i>Л. Л—ра</i>	68
Некрологъ.	115

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

О помен gentile автора Энеиды. <i>Л. Миллеръ.</i>	1
Библиографія. <i>П. Тихановича</i>	6

Объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ вре-	
менамъ. Э. Чернаго	43
Два русскихъ изданія Софокловой трагедіи Филоктеть. В.	
Гриммута.	59
Грамматическія замѣтки. А. Фохта.	81
